

Леонид АНДРЕЕВ

S.O.S.

S.O.S.

Леонид АНДРЕЕВ

S.O.S.

Дневник (1914-1919)
Письма (1917-1919)
Статьи и интервью (1919)
Воспоминания современников (1918-1919)

Под редакцией и со вступительной статьей
Ричарда Дэвиса и Бена Хеллмана

ATHENEUM-ФЕНИКС
Москва-С.-Петербург
1994

ББК 84 P7
А-65

А-65 Леонид Андреев. S.O.S.: Дневник (1914-1919); Письма (1917-1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918-1919) / Вступ. статья, составление и примечания Р.Дэвиса и Б.Хеллмана. — М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. — 598 с., илл.

ISBN 5-85042-042-8

В книге собраны материалы, связанные с последними годами Л.Н.Андреева вплоть до его смерти в Финляндии. Отклики на политические события, острые характеристики современников, размышления о противостоянии хаоса жизни и энергии творчества — таково содержание этих материалов, детально откомментированных составителями. Материалы извлечены из Русского архива в Лидсе (Великобритания), Бахметьевского архива при Колумбийском университете (США), российских архивов и частных коллекций.

А $\frac{4702010201-009}{Д 20 (03) - 94}$ 94 без объявл.

ББК 84 P7

ISBN 5-85042-042-8

© 1992 Наследники Вадима и Валентина Андреевых
(дневник, письма, статьи и фотографии Леонида Андреева)
Ричард Дэвис, Бен Хеллман (сост. и редакция,
вступительная статья, комментарии и научный
аппарат, оформление)
Наталья Резникова, Адина Черкина
(письмо Алексея Ремизова)
С.Н.Рерих, Nicholas Roerich Museum
(воспоминания, письмо, рисунок Н.К. Рериха)

I

Дневники занимают особое место в творческой биографии Леонида Андреева. Это первое и последнее, что он писал, начало и конец его своеобразно симметричного писательского пути, который вел его от дневника (с 1888) через публицистику (с 1897) к литературе (с 1898), а потом, спустя полтора десятилетия, обратно: от литературы через публицистику (с 1914) к публикующемуся в настоящем томе позднему дневнику. Таким образом, дневники обрамляли центральную, собственно творческую часть жизни Леонида Андреева. Если юношеский дневник, как нередко бывает, служил некоторой «пробой пера», подготовкой к основной литературной деятельности, то поздний дневник во многих отношениях заменял и публицистику, и литературу в пору острейшего и, как потом оказалось, смертельного кризиса не только для самого Андреева, но и для глубоко любимой им России.

Дневник 1918-1919 годов и включаемые также в настоящее издание письма тех же лет тем более ценны, что об этом периоде в жизни Леонида Андреева имелись до сих пор лишь скудные и часто недостоверные сведения. Андреев пережил большевистский переворот на неполные два года, и за это время его единственным существенным публичным выступлением была статья «S.O.S.». В политической жизни еще не определившейся как таковой эмиграции он в силу разных обстоятельств, в том числе повторяющихся и длительных приступов болезни, сколько-нибудь значительной роли не играл, а писать ему мешала не только болезнь, общая хаотичная обстановка и оторванность от издателя и читателя, но и чувство «ненужности» литературы в пору небывалых исторических событий. (Этим, возможно, отчасти объясняется апокалипсический характер неоконченного романа «Дневник Сатаны», единственного крупного художественного произведения, над которым Андреев работал в 1918-1919 годах).

Бытовавшие до сих пор в литературе об Андрееве представления о последних годах его жизни основаны главным образом на воспоминаниях его современников, не все из которых отличались добросовестностью. В этом можно легко убедиться не только путем сопоставления публикуемых в настоящем томе воспоминаний с дневником и письмами самого Андреева, но в некоторых случаях и сравнивая варианты воспоминаний одних и тех же авторов (Л.М.Василевский, Ф.Н.Фальковский). Речь идет не столько о встречаемых во всех воспоминаниях естественных неточностях и ошибках, сколько об умышленных искажениях, про-

диктованных «сменой вех» данных авторов. Фальковский, например, утверждает с подобающей патетикой: «За все время его [Андреева. — Публ.] пребывания в Финляндии — мне это доподлинно известно — рука его не коснулась ни одной копейки из того обогрленного братской кровью золота, которое сыпалось в карманы всех тех, кто примазывался к белому движению»¹. Однако на самом деле Андреев, как явствует из публикуемых здесь документов, отказался по принципиальным соображениям от предложенных З.И.Гржебиным «большевистских» денег, но был как раз готов принять деньги от антибольшевистского движения в Финляндии. Только сумма, требуемая Андреевым, оказалась слишком высокой! Поэтому Фальковский прав только в буквальном смысле слов «рука его не коснулась ни одной копейки», но не в подразумеваемом им и его читателями толковании этого утверждения.

Такие искажения укоренились и повторялись, несмотря на старания детей Андреева Вадима и Веры, написавших замечательные воспоминания об отце², которые служат обязательным фоном для всего настоящего издания, но в которых, из-за вполне понятной осторожности мемуаристов по отношению к посмертной репутации Андреева в СССР, слишком сглаживаются все самые острые места и остаются открытыми все самые важные вопросы. Показательна характеристика позднего дневника отца у Вадима Андреева: «В эти дни он писал только личный дневник, не предназначенный для печати, где слова, мучительные, несправедливые и жестокие, перемежались лирическими отступлениями, говорившими о глубоком его одиночестве»³. Это позволило некоторым советским исследователям жизни и творчества Андреева, пользуясь взятыми вне контекста цитатами из публикуемых здесь писем, «защитить» Андреева от обвинений в антибольшевизме и других политических «грехах» и таким образом низвести его, в сущности, до положения рядового интеллигента, который «не понял революцию и поэтому ее не принял»⁴.

Теперь слово предоставляется самому Андрееву. После своей ранней смерти он стал мишенью в общем-то доброжелательных воспоминаний друзей и почитателей, после чтения многих из которых, однако, приходит на ум ироническое американское выражение: «С такими друзьями кому нужны враги?» Сам Андреев в свои 48 лет еще не думал писать воспоминания и поэтому был лишен возможности печатно «защититься» от друзей и свести счеты с врагами. Но поскольку в дневнике

¹ См. воспоминания Ф.Н.Фальковского на с.410 наст. изд.

² Андреев В.Л. Детство: Повесть. М., 1963; Андреева В.Л. Дом на Черной Речке: Повесть. М., 1974.

³ Андреев В.Л. Указ. изд. С.223.

⁴ Краткий обзор, безусловно, значительных достижений советских литературоведов в разных областях (издание произведений и писем Андреева, исследование его творчества и т.д.) за первую четверть века послесталинского андреевского «возрождения» дается в статье: Davies R. Leonid Andreev in Soviet Criticism, 1956-1982 // Les Littératures de langues européennes au tournant du siècle: Lectures d'aujourd'hui. Série D. Cahier I / Edited by P.Varnai. Ottawa, 1984. P.33-43.

и письмах 1918-1919 Андреев очень часто размышляет о собственной жизни и писательском пути и об отношениях с современниками, можно считать, что это и есть своего рода автобиография и воспоминания, в которых Андреев как будто предваряет и отвечает на еще не написанные воспоминания современников.

Этим, собственно, личным моментом, который включает и более интимную, домашнюю и семейную сторону жизни и переживаний Андреева, далеко не исчерпываются содержание и значение дневника, писем и статей 1918-1919. В них Андреев уделяет очень много внимания вопросам исторического, общественно-политического и философского характера, и особенно часто возвращается к глубоко волнующим, а порой и терзающим его темам о судьбе России, о войне и революции, о социалистах и большевиках, об интеллигенции и народе.

Андреев был открытым и непримиримым врагом большевиков еще задолго до октябрьского переворота, о чем свидетельствуют многие его статьи в редактируемой им после Февральской революции газете «Русская Воля»⁵, и все, что он видел, читал и слышал о событиях в России после большевистского захвата власти, только подтвердило его мнение о большевизме как о циничной, в сути своей человеконенавистнической идеологии, во имя которой топили Россию и ее вековую культуру в кровавом море жестокости, насилия и террора. В стране торжествуют невежество, глупость, подлость и хамство. Все это означает для Андреева гибель России, и главным виновником катастрофы он считает Ленина, которому он «без колебаний /.../ подписал бы смертный приговор»⁶. На страницах дневника и писем Андреев подвергает критике и теоретические основы марксизма, решительно отвергает философский материализм, исторический детерминизм и учение о классовой борьбе, дающие упрощенную и искаженную картину мира и чреватые именно теми последствиями, жертвой которых является Россия под большевистским игом.

Для Андреева ключ, которым замыкается свод мироздания, — это человеческая личность, и лейтмотивными в анализе прошлых, настоящих и, как они ему представлялись с мучительной ясностью, будущих бед России являются горестные размышления об отсутствии у русских достаточно развитого уважения к личности, о пагубном влиянии «стадного» начала.

Правда, сам Андреев довольно часто позволяет себе либо совсем необоснованные, либо в той или иной степени преувеличенные нападки то на членов собственной семьи, включая тогда еще малолетних детей⁷, то на родных Анны Ильиничны⁸, то на некоторых из оставшихся в России друзей и коллег (особенно достается Горькому, Гржебину⁹ и, неспра-

⁵ Статьи переизданы в сб.: Андреев Л.Н. Перед задачами времени: Политические статьи 1917-1919 годов / Сост. и подг. текста Р.Дэвиса. Benson (USA), 1985.

⁶ Запись от 31 мая 1918.

⁷ См. записи от 3 июня и 19 августа 1918.

⁸ См. записи от 4 марта, 8 апреля и 9 сентября 1919 и письмо №76.

⁹ См. записи от 12 и 22 сентября 1918.

ведливее всего, Короленко¹⁰). Но эти вспышки негодования и раздражения (что касается Горького, дело обстоит гораздо серьезнее) следует, наверное, отнести главным образом на счет того отчаяния и чувства беспомощности, которые так регулярно находили на Андреева в эти годы и которые были так естественны в его положении. И эта слабость нисколько не умаляет ценности и авторитета андреевских дневника, писем и статей, предстающих как документ, с одной стороны, гражданский и исторический, а с другой — личный и художественный, в котором Андреев доказывает, что он большевистскую революцию как раз понял и именно поэтому ее не принял.

II

Каков биографический и исторический фон публикуемых материалов?

С весны 1908, когда он женился на своей второй жене, Анне Ильичне, местом постоянного жительства Андреева и его семейства стала финская деревня Ваммельсуу на Карельском перешейке. Здесь стоял знаменитый андреевский дом, в котором и вокруг которого происходило большинство из описываемых в дневнике и письмах событий. Однако в связи с работой в газете «Русская Воля» с осени 1916 Андреев снимал квартиру в Петрограде и находился как раз в этой квартире, недалеко от Зимнего дворца, во время большевистского переворота 25-26 октября 1917¹¹. 26-го же октября Андреев уехал из Петрограда в Ваммельсуу¹², куда зимой 1917-1918 еще могли приезжать и гостить родные из Петрограда¹³. Когда мать Андреева, Анастасия Николаевна, в конце января 1918 поехала в Петроград провожать младшего сына, Андрея, и, заболев, застряла в городе, Андреев съездил туда инкогнито, чтобы побыть рядом с матерью, и провел в Петрограде несколько недель в январе— феврале 1918¹⁴. Это оказалось его последним прямым контактом не только с Петроградом, но и вообще с Россией.

Андрееву не суждено было играть роль оторванного от событий наблюдателя и отвлеченного созерцателя, ибо тем временем в Финляндии вспыхнула гражданская война, которая в апреле 1918 охватила и Карельский перешеек, так что писатель оказался в центре драматических событий.

Война как таковая началась в конце января 1918, но ей предшествовали революционные события 1917. Внутренние социальные конфликты в Финляндии привели ко всеобщей забастовке в ноябре 1917, когда и формировалась финская красная гвардия по образцу первой финской красной гвардии 1905-1906. С целью сохранения общественного порядка еще раньше, в 1917, сформировалась финская белая гвардия. Красная и белая гвардии составляли ядро войск воюющих сторон в 1918.

¹⁰ См. запись от 3 августа 1918.

¹¹ См. запись от 25 [т.е. 26] октября 1917.

¹² См. письмо №1.

¹³ См. письмо №9.

¹⁴ См. письма №6-10 и сл. и первую часть воспоминаний М.К.Иорданской.

23 ноября/6 декабря 1917 финский сейм, в котором буржуазные партии были в большинстве, принял декларацию об объявлении Финляндии независимым государством. Совнарком РСФСР признал независимость Финляндии 18/31 декабря 1917. Однако ввиду того, что большевики продолжали призывать финских рабочих к революции, положение в Финляндии осталось нестабильным.

Финская гражданская война разразилась 15/28 января 1918. Белая гвардия, объявленная правительственной финской армией и переведенная в город Васа на западном побережье страны, начала по приказу главнокомандующего генерала Маннергейма обезоруживать оставшиеся на территории Финляндии русские войска. В то же самое время красная гвардия захватила власть на юге страны и образовала революционное правительство в Гельсингфорсе. Красные смотрели на войну как на революционную борьбу, тогда как белые сражались за освобождение страны, в частности путем выдворения из Финляндии около 40 000 русских солдат и подавления красного мятежа.

Законное правительство, которое вместе с армией переехало в Васу, обратилось за военной поддержкой к Германии. Красная гвардия полагалась на своих большевистских командиров и советников и на несколько тысяч русских добровольцев. Немецкая Балтийская дивизия из 9 500 солдат высадилась в тылу красногвардейцев в городе Ганге, в то время как войска Маннергейма заняли стратегически важный город Тампере. Спустя несколько дней, 12-14 апреля 1918, немцы заняли Гельсингфорс.

Революционное правительство эвакуировалось в Выборг, вокруг которого было сосредоточено около 25 тысяч красных солдат. В дневнике Андреева отражаются последовавшие в конце апреля 1918 в районе Выборга военные действия. Белым удалось прервать железнодорожную связь Выборга с Петроградом и занять Райволу 23 апреля¹⁵. Вскоре и Куоккала, Териоки и Уусикиркко оказались в руках белых, а красные либо отступили к Ино и Выборгу, либо бежали в Россию. Правительство заняло Выборг 28-29 апреля¹⁶.

Победа антирусски настроенных белых и их немецких союзников в этой кровавой и жестокой братоубийственной войне была совсем не по вкусу Андрееву, который в самом начале Первой мировой войны занял «оборонческую» позицию и выступал на всем протяжении войны с антигерманскими статьями и художественными произведениями. Но это было лишь одной из многочисленных горьких пилюль, которые ему пришлось проглотить в последние годы жизни.

Непосредственным следствием победы белых было закрытие пролежавшей к востоку от Ваммельсуу вдоль Сестры-реки границы между Финляндией и большевистской Россией. Прервалась почтовая связь с родными и друзьями, которой Андреев так усиленно пользовался в феврале—марте 1918, когда Ваммельсуу еще находилась под властью красных¹⁷. Прекратилась также регулярная доставка петроградских газет,

¹⁵ См. записи от 21-24 апреля 1918.

¹⁶ См. запись от 29 апреля 1918.

¹⁷ См. письма №8-29.

и Андреев начинает следить за новостями главным образом по русским газетам, выходящим в Гельсингфорсе. Вступили в свои права, как водится в такое лихолетье, кажущиеся порой фантастическими слухи.

Андреевское семейство разделяло со всеми жителями Финляндии «нормальные» материальные лишения периода гражданской войны, и к ним прибавлялись еще разного рода невзгоды, связанные, с одной стороны, с потерей прав (в качестве граждан бывшей Российской империи) и переходом на неопределенный статус беженцев (никуда не бежав!), а с другой — с финансовым разорением вследствие потери хранившихся в петроградских банках денег. Продолжать жить в огромном доме в Ваммельсуу, особенно осенью и зимой, стало невозможно, и с конца августа 1918 Андреевы жили на разных дачах в соседней деревне Тюрисеве, возвращаясь в Ваммельсуу всего недель на семь в мае—июне 1919.

Летом 1918 начинается непривычное для Андреева общение с поселившимися в тех краях представителями бывшей петроградской финансово-промышленной и светской элиты, часть из которых имела контакты с формирующимися в Финляндии русскими политическими организациями. Андреев также начинает писать свое последнее крупное художественное произведение — оставшийся неоконченным роман «Дневник Сатаны»¹⁸. Большой радостью и стимулом для Андреева был приезд в Финляндию в сентябре 1918 Н.К.Рериха¹⁹, с которым он дружил уже несколько лет (данью этой дружбе была последняя статья Андреева «Держава Рериха») и который особенно активно поощрял желание Андреева вернуться к творческой и публицистической деятельности и, в частности, возобновить начатую им еще в 1917 статьями в «Русской Воле» пропагандистскую борьбу с большевиками.

Плодом этих стремлений была опубликованная во многих странах Запада в 1919 статья «S.O.S.», содержащая страстный призыв к бывшим союзникам спасти Россию от большевиков. Однако вызванная у Андреева первоначальным успехом «S.O.S.» надежда, что он сможет играть значительную роль в антибольшевистском движении, так и не сбылась. Этому было много причин, в том числе сугубо личные, как, например, преследовавшее Андреева на протяжении всего пореволюционного периода нездоровье. Но этого недостаточно, чтобы объяснить, почему не состоялось сближение и сотрудничество Андреева с русскими политическими деятелями в Финляндии и почему на страницах его дневника и писем их деятельность упоминается так редко, и то лишь вскользь.

III

Здесь уместно коснуться истории русских антибольшевистских политических организаций в Финляндии.

Первой такой организацией был основанный в Гельсингфорсе (с отделением в Выборге) осенью 1918 Особый комитет по делам русских в

¹⁸ См. запись от 23 августа 1918.

¹⁹ См. письмо №35.

Финляндии, который был легализован правительством Финляндии в декабре 1918. Основателями Особого комитета были русские промышленники и банкиры (их было около 30) во главе с приехавшим в Финляндию в сентябре 1918 бывшим царским министром А.Ф.Треповым, и их объединяли консервативные взгляды и монархизм. Особый комитет должен был, с одной стороны, сплотить и мобилизовать русских в Финляндии и защищать их интересы перед финскими властями, а с другой — принять меры к свержению большевиков.

С этой целью Особый комитет еще осенью 1918 обратился к правительству Финляндии за разрешением сформировать на финской территории русскую воинскую часть из нескольких тысяч человек и за финансовой и материальной помощью, которую комитет обещал возместить после восстановления законной власти в России. Финляндское правительство относилось положительно к стремлениям Особого комитета, но в силу собственных стесненных обстоятельств смогло лишь частично удовлетворить его просьбу. Особый комитет обратился за помощью также к правительству Германии, и Трепов вел переговоры сначала с главнокомандующим немецких войск в Гельсингфорсе, а потом с представителями правительства в самом Берлине. Речь шла об освобождении России немецкими войсками с поддержкой лояльных русских и о назначении вел.кн. Павла Александровича царем, а Юденича, Колчака или Деникина военным диктатором. Назревающее и вскоре совершившееся военное поражение Германии положило конец этим переговорам, и уже в декабре 1918 Трепов и Юденич едут в Стокгольм и встречаются там с представителями союзных держав-победительниц Великобритании и Франции. И эти переговоры не увенчались успехом: отвергается план военной интервенции через Финляндию в бывшие прибалтийские губернии и любые решения откладываются до открытия Парижской мирной конференции в середине января 1919. Трепов и Юденич возвращаются в Финляндию.

Тем временем крайний консерватизм Трепова начал вызывать сомнения и подозрения у членов финляндского правительства и сената, а вскоре и представители более либеральных русских кругов в Финляндии пришли к заключению, что его надо сменить. Состав Особого комитета был обновлен на состоявшемся 3 января 1919 в Выборге совещании, и на последовавшем там же 16 января съезде с 200 делегатами председателем был избран (по предложению П.Б.Струве) незадолго перед этим приехавший в Финляндию бывший обер-прокурор Святейшего Синода при Временном правительстве А.В.Карташев. Теперь видные русские промышленники и финансисты согласились участвовать в работе Особого комитета и субсидировать его. Был создан официоз: газета «Русская Жизнь».

Еще в начале января 1919 Юденич обратился к финляндскому правительству с просьбой содействовать ему в организации военного похода на Петроград. В частности, было необходимо получить разрешение формировать и обучать русские войска на финской территории. В этом Юденичу было отказано, но так как финляндское правительство хотело про-

известить благоприятное впечатление на союзные державы и президент Маннергейм лично одобрял планы Юденича, было решено (после намеренно затянутой задержки с ответом) не мешать русским войнам собираться и организовываться в пределах Финляндии, чтобы потом переезжать в Эстонию и там бороться против большевиков²⁰. Когда делегаты вышеупомянутого Выборгского съезда Особого комитета объявили Юденича вождем антибольшевистского движения на северо-западе с диктаторскими полномочиями и признали Колчака Верховным Правителем Российского Государства, это дало Юденичу еще одну возможность попытаться воздействовать на союзные державы через Колчака и Русское политическое совещание при Парижской мирной конференции. Но союзники предпочитали полагаться на собственный план встречи воюющих сторон на острове Принкипо²¹ (что и вызвало протест Андреева в статье «S.O.S.»), и Юденичу еще раз было отказано в поддержке.

Когда принципиальное признание независимости Финляндии было объявлено на Парижской мирной конференции в конце января 1919 (через год с лишним после того, как большевистский Совет Народных Комиссаров признал государственную независимость Финляндии), этот вопрос заменил вопрос о походе на Петроград в повестке дня переговоров Особого комитета и Юденича с финляндским правительством. Ибо отношение антибольшевистского движения к этому вопросу было в лучшем случае весьма сдержанное, так как считалось, что только будущее Всероссийское национальное собрание имеет право решить столь важные политические и территориальные вопросы. Поэтому Колчак и парижское Русское политическое совещание во главе с С.Д.Сазоновым не признали декларации независимости Финляндии. Попытки отдельных политических деятелей, таких как, например, К.Д.Набоков и П.Б.Струве, внести в обсуждение этого вопроса более прагматические соображения не повлияли на «официальный» взгляд белого движения, что помешало дальнейшему сотрудничеству финнов с Особым комитетом и Юденичем²².

Особый комитет теперь все больше и больше подчиняется Юденичу и 24 мая 1919 преобразовывается в Политическое совещание при ген. Н.Н.Юдениче. Председателем назначается сам Юденич, бывший председатель Особого комитета А.В.Карташев становится заместителем председателя и министром иностранных дел, а также заведует комиссией по контролю информации. Гельсингфорское Политическое совещание было задумано как финское отделение Русского политического совещания в Париже, и его создание позволило Юденичу еще раз завести переговоры с правительством Финляндии о совместном походе на Петроград. Как и раньше, вопрос о признании независимости Финляндии оказался камнем преткновения, так как отрицательное отношение к нему Колчака и Русского политического совещания не изменилось.

²⁰ О последствиях этого решения см. прим.2 к статье «[Финляндия должна быть независима...]

²¹ Подробнее об этом см. прим.1 к записи от 4 марта 1919.

²² Подробнее об этом см.: Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi, 1917-1920. Osa II. Porvoo-Helsinki, 1971. S.134-140.

Однако вопрос о признании финляндской независимости скоро перестал быть актуальным, так как на финляндских президентских выборах в конце июля 1919 Маннергейм, который всегда относился благосклонно к военным планам Юденича, не был переизбран и уехал из Финляндии. Юденич последовал его примеру и переехал со своей штаб-квартирой в Эстонию, откуда уже несколько месяцев велась военная кампания против большевиков²³, и в начале августа 1919 в Ревеле на основании Политического совещания создалоcь Северо-Западное правительство²⁴. Дальнейшие события (наступление Северо-Западной армии, провал наступления на подступах к Петрограду, отступление в Эстонию, разоружение и интернирование²⁵) происходили уже после смерти Андреева.

IV

Беглый обзор истории русских антибольшевистских организаций в Финляндии дает только поверхностное представление о воистину бурной политической, общественной, дипломатической, военной, административной, публицистической, снабженческой и финансовой деятельности, развернутой Особым комитетом и Политическим совещанием в 1918-1919. Более полное представление можно получить из дневника-хроники участника сложных и часто запутанных событий тех лет М.С.Маргулиеса²⁶, подробный рассказ которого лишь подтверждает впечатление, что, в сущности, Андреев был бы лишним в среде опытных общественных и политических деятелей, администраторов, промышленников, финансистов и пр., даже если бы личная антипатия не отталкивала его от этого непривычного для русского писателя и интеллигента общества. И деятельность такого рода, и люди, занимающиеся этой деятельностью, были Андрееву чужды (так же, как он был им чужд), и ему нечего было бы делать на бесконечных заседаниях Особого комитета и его бесчисленных комиссий и отделов. Показательно, что Андреев решил не ехать в Выборг на совещание и съезд Особого комитета в январе 1919²⁷ и что он не сблизился, например, с активнейшим участником работы Особого комитета В.Н.Троцким-Сенютовичем, который вошел в круг его новых тюрисевских знакомых, но зато затеял своего рода роман с его женой, Верой Петровной!

Показательно также, что единственное выступление Андреева на финско-русскую «злобу дня», статья [«Финляндия должна быть независима...»], насколько известно, не была закончена и публикуется впервые в настоящем томе. Несмотря на попытки уважаемых им А.В.Карташева и приехавшего из Петрограда в январе 1919 бывшего редактора кадетской газеты «Речь» И.В.Гессена привлечь его к участию в публи-

²³ См. записи от 22 мая 1919 и сл. и примечания к ним.

²⁴ Подробнее об этом см. прим.1 к письму №86.

²⁵ См.: [Кузьмин-Караваев Д.Д.]. Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода: Записки белого офицера. Гельсингфорс, 1920.

²⁶ Год интервенции: В 3-х кн. Берлин, 1923.

²⁷ См. письмо №43.

цистической деятельности Особого комитета и Политического совещания, Андреев даже в той области, где у него был настоящий большой опыт, а именно в журналистике, существенной роли на финляндской сцене так и не сыграл. Эта сцена, судя по всему, была для него слишком мала. Он не скрывал своего презрения к местным русским журналистам и не представлял себе, как можно было бы сотрудничать с ними. В этом сказывалось самоомнение, на которое Андреев имел полное право (если учесть его многочисленные творческие и иные достижения в прошлом), но которое было, думается, неуместным в данных обстоятельствах.

Очередной приступ нездоровья в любом случае заставил бы (как и случилось в действительности) Андреева отказаться от публицистической работы, предложенной ему А.В.Карташевым весной 1919²⁸. Вместо этого в период сравнительно хорошего самочувствия летом 1919 Андреев вырабатывает совершенно грандиозный план возглавляемой им самим антибольшевистской пропагандистской деятельности во все-русском масштабе²⁹. Если русские политические и общественные деятели, от которых зависело претворение в жизнь его планов, может быть, недооценили его способности и зря сомневались в возможности, да и целесообразности такой деятельности, то Андреев определенно переоценил свои силы и преувеличивал исключительную важность собственной роли в задуманном им деле. (В этом можно, думается, отчасти усмотреть естественную попытку достаточно тяжело больного человека, обреченного временами на полуинвалидное существование, найти некоторую компенсацию беспомощности и болезненно переживаемого «отстранения от дел»). Непомерные требования, выдвинутые Андреевым, настроили местных деятелей против него и обрекли любые переговоры на неудачу. 31 июля 1919 Маргулиес записал в своем дневнике следующий обмен мнениями ведущих членов Политического совещания: «За завтраком Сеньотович-Троцкий [т.е. Троцкий-Сеньотович] предложил Шуберскому и Волову [т.е. Валову] Леонида Андреева в редакторы "Русской Жизни", вместо Кузьмина-Караваева. Андреев согласен, если ему предложат в Политическом Совещании пост министра Народного Просвещения, да и жалования 10 000 марок; иначе он едет в Америку. Шуберский деловито заметил: никакой Андреев не подымет тиража газеты, а выплачивать ему 10 000 марок не за что»³⁰.

Кажущийся на первый взгляд более трезвым альтернативный план для турне по США с антибольшевистскими лекциями³¹ на самом деле вряд ли сулил больше успеха, не только из-за общего плохого состояния здоровья Андреева, но потому, что не было никаких гарантий, что американская публика отнесется к бьющему в набат Андрееву более снисходительно, чем его соотечественники. Андреев носился с обоими планами еще во время трехнедельной «попытке отдыха» на Ладогe у своего друга и покровителя лесопромышленника С.Л.Гуревича в августе 1919.

²⁸ См. письма №60-61.

²⁹ См. письма №68, 70, 74.

³⁰ Год интервенции. Кн.2. С.147.

³¹ См. письмо №71.

Но когда он в конце августа поехал в Гельсингфорс специально для того, чтобы вести переговоры с местными русскими политическими деятелями, и после десятидневного пребывания окончательно убедился в бесполезности дальнейших переговоров и в несбыточности своей мечты о министерском портфеле, он предпринял кое-какие шаги к осуществлению своего «американского» плана³². 10 сентября была получена обнадеживающая ответная телеграмма из США от Германа Бернштейна³³. К этому времени Андреевы уже переехали из приморского Тюрисева (ставшего опасным после того как с большевистских самолетов начали туда сбрасывать бомбы³⁴) на дачу писателя Ф.Н.Фальковского в Нейволе. И здесь Андреев, весь в приготовлениях к предстоящей поездке в Америку, умер 12 сентября 1919.

V

В настоящем томе впервые собраны все доступные составителям материалы, как неопубликованные, так и опубликованные, относящиеся к последним, пореволюционным годам жизни Андреева. На первом месте стоит дневник, который Андреев начал писать в 1914, но центр тяжести которого гадает на 1918-1919. В качестве дополнения к дневнику, который Андреев вел со значительными перерывами, здесь также печатаются его письма к родным, друзьям, знакомым и коллегам за период с конца октября 1917 по сентябрь 1919 и некоторые сохранившиеся письма к нему. Третий отдел книги состоит из статей, написанных Андреевым в 1919, и интервью, взятых у него финскими журналистами в его, как оказалось, предсмертную поездку в Гельсингфорс в конце августа 1919. В четвертую, последнюю часть тома вошли те воспоминания современников об Андрееве, в которых речь идет о 1918-1919 годах.

В томе не перепечатываются неоконченный роман Андреева «Дневник Сатаны» и соответствующие части воспоминаний Вадима и Веры Андреевых. В отличие от других публикуемых здесь материалов, эти книги легкодоступны. Не включены также кое-какие дневниковые записи вдовы Андреева, Анны Ильиничны, и их старшего сына, Саввы, в которых лишний раз повторяются известные из других источников подробности об обстоятельствах смерти Андреева.

В работе над томом участвовали, в той или иной мере, ученые и учреждения многих стран (их перечень приводится ниже), и публикаторы преподносят читателям том как плод коллективного труда.

• • •

Ранее не публиковавшиеся материалы указанных в скобках авторов печатаются с любезного разрешения владельцев соответствующих авторских прав:

³² См. письмо №82 и сл.

³³ См. письмо №89.

³⁴ См. запись от 10 сентября 1919.

E.Andréieff, M.Andréieff, A.Andreyev, O.Carlisle (Леонид Андреев); A.Charkin, N.Reznikoff (А.М.Ремизов); S.Roerich, Nicholas Roerich Museum (Н.К.Перих).

Следующие учреждения содействовали публикации хранящихся в их фондах материалов:

Bakhtmeteff Archive (Archive of Russian and East European History and Culture), Columbia University (New York); Museum of Russian Culture (San Francisco); YIVO Institute for Jewish Research (New York).

Приносим благодарность следующим лицам и учреждениям за оказанную при подготовке публикаций помощь:

H.Aplin, A.Ascher, J.-Y.Bazin, R.Brangwin, F.Bridgham, P.& C.Butcher, J.Carter, J.de Choubersky, D.Collins, J.Curtis, G.Dawidoff, D.Deletant, G.Donchin, B.Dove, M.Engman, D.Entin, V.Feldmann, J.Ferrand, P.Foot, N.Frenkley, M.Frijdman, G.Gosling, M.Gourevitch, J.Graffy, A.Heywood, M.Holman, C.Johnson, B.Jones, L.Karancsy, R.Keys, D.Kirby, G.Kjetsaa, G.Kratz, C.Lodder, G.Low, N.Macdonald, E.Mawdsley, P.Miles, E. de Modzalewska, E.Morgan, I.Moxon, J.Naughton, O. von Nostitz, J.Jurczynska de Prieto, H.Pitcher, H.Ravaisse, D.Roumanoff, R.Russell, B.Scherr, J.Screen, W. & W.Sevier, D.Shaw, H.Soini, J.Sutton, R.Taylor, C.Thomas, N. & S.Tumarkin, E.P.Tyrrrell, T.Vihavainen, O.Villiers, J.Walton, M.Welch, K.Williams, A. & T.Wolff.

Г.Г.Алексинский, Н.Е.Андреев, А.А.Андреева, В.И.Беззубов, А.С.Вагин, Т.Л.Гладкова, Е.З.Гржебина, Л.А.Иезуитова, С.Г.Исаков, О.А.Казнина, М.Н.Козырева, Б.М.Липин, Е.К.Лубяникова, Д.Д.Оболенский, Г.А.Оль, А.Д.Пакраван, В.Н.Сошонко, Р.Д.Тименчик, Н.А.Тихонова, В.Н.Турбин, мать Феодосия, Ш.Черток, В.Н.Чуваков, Л.Е.Шнитникова.

Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (Nanterre); Bibliothèque Russe Tourguénev (Paris); British Academy; Brotherton Library, University of Leeds; Bureau des Cimetières/Service Municipal des Pompes Funèbres (Paris); Bureau des Mairies (Paris); British Academy (London); Department of Russian Studies, University of Leeds; Frick Art Reference Library, New York; Hôtel George V (Paris); Iowa State Historical Department (Iowa City); New York Public Library; Service des Archives du Ministère des Affaires Etrangères (Bruxelles); Service Etat Civil, Mairies des 8e, 13e, 15e, 16e Arrondissements (Paris), Mairie de Cambo-les-Bains, Mairie de Cormeilles-en-Parisis; Service Etat Civil, Lausanne; Sir Ernest Cassell Educational Trust; Slaavilainen kirjasto & Yliopiston kirjasto, Helsingin yliopisto (Helsinki); Thomas Cook Archives & Library (London); University of Illinois Slavic and East European Library Slavic Reference Service; Zivilstandsamt Davos.

Государственный музей Л.Н.Толстого (Москва); Институт русской литературы (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург).

Дневник
(1914—1919)

Заметки личного характера, для себя

15 августа 1914 г.¹

Сегодня, 15-го августа, я может быть в последний раз виделся с Андреем. Был уже вечер, такой, как всегда у нас в доме: дети спят, мать что-то свое делает в своей комнате, везде лампы, тишина и пустота. Только в кухне своя жизнь. Я с болью в руке и мигренью сумрачно бродил по кабинету, тихо по ковру, среди трех ламп — и вдруг вошла, задыхаясь от лестницы и от волнения, мама, присела на ступеньках и говорит:

- Андрей приехал!
- Какой Андрей?
- Да наш! Наш Андрей.

Он стоял с полком где-то близко в Финляндии, и была маленькая надежда, что так и останется до конца кампании. Но тут я сразу понял, что их гонят. А уже в передней народ, все наши выскочили, и посередине серый солдат. Андрей, Андрюша, наш Андрей. Что-то развязывает, что-то снимает; свету мало, и все точно недорисовано.

Андрюша похудел, серая куртка в вороте и груди широка, вообще не нарядный, а трудовой солдатский вид. Оказывается, что только на час — к двенадцати будет в Райволе его поезд, с которым дальше. Его скорее кормить и поить чаем, собирать носки и рубашки. Мама растерянно забегала вверх и вниз; она еще прихрамывает, сегодня ушибла ногу, когда с детьми ходила за грибами. А мы в Анином кабинете, где так /уютно/ тихо, красиво, удобно; и на все я смотрел его глазами, как он должен смотреть. Потихоньку в самом начале, пока он мыл руки, я спросил его, куда. Конечно он улыбается той особенной улыбкой, какая в этих случаях: конечно, туда, за Варшаву, в самое пекло.

Так.

Их поздравляли с походом, кричали ура. И он здесь, а там по дороге уже тянется их полк, обоз и прочее, и через час он присоединится к этому серому, военному, идущему за Варшаву. И пока он ел и пил в Анином кабинете, я говорил ему все только хорошее о войне, а сам смотрел вторыми настоящими глазами, запоминал движения и лицо. Все та же бороденка, вообще Андрей, Андрюша, наш Андрей. И когда он попросил ветчины ему на дорогу, то я запомнил ветчину; на белой тарелочке полукруглые, с жиром, действительно приятные ломти. Было очень радостно,

что он попросил этой ветчины, точно в чем-то и мы помогли, и тут же горько и стыдно, что так мало, — какой пустяк: ветчины! А в кабинете две красных лампы, и я все время видел Андрея и вещи; и видел весь дом, мой мирный кабинет и тишину. Говорили о многом, а самого главного — боится ли он идти и думает ли, что может быть убит и что это свидание может быть последним и что отсюда для нас он может быть идет в бесконечную смерть — этого нельзя было ни спросить, ни сказать. В действительности хотелось не говорить, а водить его по дому, по саду, по всем людям нашим, чтобы со всеми он простился, на все посмотрел. И не утешать, а говорить: Андрюша, а ведь очень возможно, что тебя убьют, смотри, как там бьют.

Потом очень в скором времени опять стояли в полутемной передней и прощались. Он одевался, подвязывал пояс с патронами, показывал, сколько еще патронов. В углу его ружье. Я посмотрел и взял на руку: очень красивое, стройное, стройный, как барышня, штык. С этим ружьем он пойдет, с ним расстанется, только упав — там, где-то в Пруссии, где падают уже. Его ружье. И тут я вторыми глазами запоминал наши вещи и Андрея среди них. Слова уже сейчас почти забылись и они не имели никакого значения.

Когда мы целовались, я чувствовал и помню навсегда твердое прикосновение его губ; в то же время от него пахло особенно, трудовым солдатом, похоже на запах трудового мужика. Потом при выходе второй раз поцеловал его, и оба раза с большим трудом удержал слезы, чтобы не вытекли из глаз; говорить-болтать не мог. Мама, давно одетая и почему-то низенькая, поехала провожать его на станцию.

Когда вышли, я повернулся в столовой и стал искать шапку, не нашел, и они уехали. Видел через окно во дворе какой-то фонарь, слышал, как заскрипели колеса.

Что будет? Мне кажется, что он не вернется; и эти мои мысли, уже не новые, кажутся мне страшными и недопустимыми: как будто этими мыслями я сам его убиваю. Что будет, что будет!

Еще недавно будущее разгоралось издалека, а теперь к нему подходишь вплотную и перед самыми глазами этот непроницаемо-черный занавес, поднимающийся каждое утро.

11 октября 1915 г.

Любопытно, что почти все лучшие мои вещи я писал в пору наибольшей личной неурядицы, в периоды самых тяжелых душевных переживаний.

Так, «Иуда Искарriot» написан на Капри, через три-четыре месяца после смерти Шуры¹, когда моя мысль вся была поработана образом ее болезни и смерти. Трудно передать всю степень насилия, которое я употребил над собою. Уже сидя за работою, я не мог на минуту отлучиться от стола, встать за папиросой; отойдя, я немедленно забывал, что я занят и пишу, долго ходил и думал о Шуре, пока случайно с удивлением не натыкался на стол. Написав фразу, я забывал о ней, и после каждой точки мне надо было перечитывать предыдущее, чтобы опять тотчас же забыть. Так, почти бессмысленно, я исписал около сорока страниц, которые и уничтожил; но за это время все же создалась некоторая привычка, которая позволила дальнейшую работу вести более нормально — но опять-таки при полном отсутствии мысли.

Больной, ошалелый после пьянства, не думая, писал я «Семь повешенных»². Вдобавок, самая тема была так тяжела, что я во все время, что не за столом, старался даже не вспоминать о рассказе; больше того, в наиболее тяжелых местах я даже во время процесса писания — как это ни странно — старался развлекать себя посторонними мыслями. Один вечер я почти сплошь проплакал и написал всего три или четыре строки.

Но самое удивительное — это осень 1908 года, когда я переживал ту страшную историю с А[нной]. Несомненно, что в отношении личных переживаний я в те месяцы был в состоянии психоза, тяжелого полусумасшествия; и все мои мысли были отданы Анне, новым неожиданным фактам и открытиям, болезненному сыску. Желание узнать всю правду было моей идеей фикс³; орудием была исключительно логика — иными словами, напряженнейшая работа мысли в одном этом направлении⁴.

И в это самое время с необыкновенной легкостью и быстротою (у меня еще болели руки и я диктовал) были написаны: «Мои записки», причем несколько раз работа прерывалась открытиями-неожиданностями правды и состояниями, близкими к убийству и сумасшествию; потом — «Дни нашей жизни», «Черные Маски», «Сын Человеческий» и «Анатэма».

И все это было сплошной импровизацией, причем некоторые темы, как например «Черных Масок», были совершенно новы, другие же только раньше слегка продуманы, без деталей и даже без плана.

Помимо этого, много и других случаев, когда нездоровье, мешающее думать, или домашние неприятности и страдания, болезни детей, столкновения с людьми — повышали качество работы. И наоборот: выспавшись, уравновешенный, при хорошем здоровье и домашнем благополучии я писал хуже.

Вывод отсюда: моя *мысль* — враг моей работе. Надобно, чтобы я мыслил о чем-то другом, и тогда *интуиция* освобождается и смело творит свое, не опираясь на рацию и не преследуемая им. Надобно еще, чтобы я совсем не мыслил во время работы о себе как о писателе — и внутренне, и внешне, и в смысле моих качеств и желаний, и в смысле успеха, внешних последствий.

Иными словами: я пишу хорошо, когда моя личная жизнь так мучительна, что мне страшно о себе думать и страшно думать вообще.

Как художника я определяю себя так: где-то посередине между гением и талантом; и талант губит мой гений, а гений не дает таланту выкристаллизоваться в свою тесную, но строгую форму. И когда я пишу не думая, оживает гений; когда же думаю, получается средняя талантливость. И чем я осторожнее, трусливее, чем я «вдумчивее», тем хуже.

В обычной разговорной жизни я талантлив. Но видевшие часто меня пьяным уверяют, что иногда пьяный я бывал гениален. Я допускаю это. И если бы я мог пить, не теряя сознания и не превращаясь большею частью в скота, и если бы алкоголь не действовал так непосредственно губительно на физику, на сердце, — мне конечно следовало бы пить для работы.

Да, это и есть «частичная» гениальность: отсутствие равновесия между гениальной интуицией и просто талантливой и неглубокой мыслью.

Какова ценность частичной гениальности? Трудно сказать, но, вероятно, невысока. Могут быть одинаково бессмертными как гений, так и строго выдержанный талант, оба чистые представители каждый своей породы. Но помеси не живучи, их не любят, от них сторонятся, они всем чужие.

И уже сейчас это заметно. Средний читатель, любя мое талантливое, еще сильнее отталкивается от меня моим гениальным, которое для него непонятно и звучит оскорбительной надменностью. Большой читатель поражается моим гениальным, но, тут же, наталкиваясь на простой талант, вспыхивает презрением и гневом, гонит меня прочь из души. Договорившись с извозчиком за полтинник, я даю ему четвертак и прошу сдачи с миллиона; отдавая в банк миллион, я недодаю трешницы, и меня считают жуликом и извозчик, и банк.

На меня дурно действует брань, я пишу от нее хуже. От брани моя *мысль* настораживается, робеет, давит интуицию, задает ей ненужные вопросы, сбивает с дороги пустыми и ненужными соображениями. При похвале, наоборот, моя мысль успокаивается, уходит, забывает мешать.

Та травля, которой в течение 7—8 лет подвергают меня в России, чрезвычайно понизила качества моего труда, некоторые мои обратила в чересполосицу гениального и талантливого с сильным преобладанием последнего. То же сделал и театр, который быстро роднится со всяким талантом и принимает к себе только изжитого, узнанного давно, привычного гения; своими требованиями, директорами, публикой, актерами театр принизил мое творчество и продолжает принижать, требуя от меня все больше талантливое и ненавидя мое гениальное.

Кто знает меня из критиков? Кажется, никто. Любит? Тоже никто. Но некоторые читатели любят — если и не знают. Кто они? Либо больные, либо самоубийцы, либо близкие к смерти, либо помешанные. Люди, в которых перемешалось гениальное и бездарное, жизнь и смерть, здоровье и болезнь, — такая же смесь, как и я. В каком бы то ни было смысле цельный человек ненавидит меня-писателя или боится. Может быть, и потому, что знает мою ненависть и страх перед его цельностью, хотя бы это была цельность Гете или Пушкина... или Брешко-Брешковского.

Может быть, оттого мне и античные мраморы в Риме понравились больше иного, что у них отбита голова или полтуловища. Как мой дедушка из гениальных «Записок», я готов прибавить: это шутка¹!

Ноябрь 1915 г., ночь.

Когда я слышу мотив из «Жизни Человека»¹, мною всегда и сразу овладевает особое чувство, очень острое, радостно волнующее, как возможность, печальное и даже страшное, как вечный отказ что-то важное возвратить. Я сразу стал другой и что-то как будто вспомнил — самое важное, что есть жизнь, любовь, сладкий и томящий зов: похоже физически на слабое, с горы, замирение сердца, на первый сон после воздуха, хорошей усталости и широких морских картин. Но, вспомнив, я знаю, что *этого* я не сохраняю, ибо это есть особое, тогдашнее, невозвратимое ощущение жизни: так я ее ощущал тогда — и это кончено.

И пока я слушаю, мне кажется, что я вот-вот вернусь, почти вернулся, что от этой минуты я снова стану тот и все станет *то*; и я буду плакать от нежных волнений, звать, искать, к кому-то протяну руки; и все я вижу в свете, в нежном танце, все в том же замирании сердца. Кто-то, кого люблю, совсем близко-близко-близко.

Кончилась музыка — и наступает ничего. Просто ничего, как было до, как будет завтра. Вместо чувств и зовов невидимого — мысли, размышления, перетирание старого, власть окружа-

юшего; душа молчит, как мертвая. Никого не жду. Никуда не протягиваю рук. И это страшное молчание внутри. Кажется порой, будто тонкий слой чего-то еще живого, говорящего и изображающего обволакивает холодного мертвеца, тяжелого и молчаливого вечно, с трудом таскаемого. Его сейчас я понесу спать; завтра его подниму с постели и вместе мы пойдем в кабинет: я снаружи, он внутри меня, холодный, тяжелый, немой.

Я туда кричу, я туда зову, но молчание каменное, мертвое, неживое. Никакого ответа, даже странно, что сам себя я не слышу и так себе не отвечаю.

И только при музыке «Жизни Человека» мертвец внутри открывает глаза, шевелится, смутно зовет кого-то смутного. Но тогда понятно и то, что он — не мертвец, но хуже мертвеца: живо погребенный в темнице и тесноте гроба. И выход ему один: в настоящую смерть с ее настоящим и вечным молчанием.

Мне некому сказать: приди! — и не хочется, нет воли и желания. Никого не жду. Никто не придет. Если бы полюбить! Не полюбив, я погибну.

28 февраля 1916 г.

Вот я и вернулся — через 20 лет — к прерванному дневнику¹. Тогда это был студент, красивый, мечтательный малый, мрачный от неудовлетворяемой жажды жизни, пьяница; теперь — знаменитый писатель «на упадке» Леонид Андреев, известный в Америке и даже Новой Зеландии². Не знаю только, хватит ли охоты вести дневник: не люблю я себя и своей жизни, нет интереса к своим переживаниям, даже к своим мыслям. Думать еще можно, но писать, тратить труд и напряжение, искать слова для себя — это так же скучно, как самому накапывать себе ежедневно 20 капель лекарства. Меня всегда удивляло, как мог Толстой до конца жизни так любить себя, чтобы вести дневник и отмечать мелочи души.

Попробую.

Сейчас я в больнице³, вот уже четвертую неделю, и дела мои плохи. По-видимому, возврата к здоровью уже нет, уже не одни «нервы», а сдала и физика, крепко сдала. Жизнь мучительна от постоянных головных болей, похожа на длительную пытку; когда ночью не в силах спать от боли, сидишь на постели или помутившимися глазами смотришь за занавеску на вечно молодой восход, на серый рассвет, на рождение нового дня, на мимо бегущую жизнь, то уже отчетливо ощущаешь себя в полумертвых, отошедших, обреченных.

1 марта [1916].

Мне следовало быть величеством, а я вел себя с нею¹, как застенчивый студент. Но вероятно, все догадались, и она; я был нелеп. На минуту я чувствовал в ней движение к себе, зародыш каких-то мыслей; потом внезапно и почему, не знаю — резкий отход. Может, она и любит кого, не знаю. Но форма тяжела, много оскорбительного невнимания, тупой холодности; и для меня все это: как будто из трех каких-то судей моей жизни *один* голос уже высказался за смерть. А что в ней? Младость тела и души, и в глазу желтое пятнышко, тонкая шея, худые руки.

12 марта [1916], ночь.
Ваммельсуу.

Когда у меня все болит и ноют на мозгах старые закаменевшие мозоли, и мне нечем дышать, и незачем жить, и мертво и холодно кругом, и жизнь прожита —¹

— я думаю иногда о двух прекраснейших, о ком-то, кто он и она.

Они где-то есть сейчас, всегда были и всегда будут, и им все равно, что я тут в Финляндии заживо мру от холода и ненужности. Я вижу, как они сидят под южной луною; сад, парк, берег, тени черны, свет светел. Я чувствую тот воздух, каким дышат они, — нечего его описывать! — я чувствую их любовь; если у нее обнажится грудь, то под луною она вечно бела. Мне кажется, что я вижу даже гравий под ногами, скрипит тихо. И это — есть, существует; они есть; и луна есть и белая грудь под луною. Честное слово!

Небо за моими окнами зеленеет: там восток, и оттуда скоро будут приходить белые ночи. Сейчас мороз и снег выше заборов, а днем таяло и вечер был закатно красивый. Снег покрылся корочкой, и пахло от него дыней, на вид он казался сладким, жирным и кисленьким немного.

И это хорошо, все хорошо, только во мне плохо.

*[Вторая половина марта 1916. Ваммельсуу]*¹

Такая печальная, такая мрачная, такая тоскливая моя жизнь. Сколько ни оглядываюсь назад — все позади мрачно, страдание, темнота. Только детство счастливо и радостно — пора очищения, пора догадок, а не мыслей. А как только начал думать, как только начал жить, то начались страдания и продолжаются до сих пор. Я уже сейчас не молод, все *погибло*, здоровье безнадежно

плохо, доживать приходится последние года, и ничего, что могло бы украсить, *смягчить*, сделать радостною эту последнюю тропу жизни. Клевета, преследования, нелады дома, неустойчивости в личной жизни, все тяжелое, все смутное. Тоскливая жизнь.

Все вспоминаются ночи, одна за другою, ночи последних годов, которые приходилось проводить в этих бесконечных, тяжелых, бесцельных разговорах, и кажется, что этим ночам нет конца. Тысяча и одна ночь! Тысяча и одна ночь! Печально и страшно.

Только начну верить — обманут. Только начну любить — обольют холодом непонимания. Доброта их пустяками². Задыхаются во мне невысказанные слова, задыхаются неразделенные] чувства, любовь огромная, огромная, которую до сих пор не мог я проявить. Не мог. Увенчанный сомнительною славой, живу я в темном одиночестве. Проходят дни, проходят ночи. Лежу и думаю, лежу и думаю, один, всегда один. Бесконечно возмущается во мне благородное мое. Его было много, оно есть и сейчас. Но не знаю: оттого ли, что оно не нужно, или нет ему ответа, но и оно тоскует страшно одиноко, заброшенное какое-то, какое-то ненужное. Зачем, зачем?

Смотрю на дом свой, ведь это только тяжесть, его нужно держать, это ведь пустяки, в сущности говоря, так мало денег, ведь это награда за всю жизнь? И эту награду каждую минуту могут вынуть из рук, за нее нужно держаться крепко. А руки слабеют, становится труднее и труднее. И кругом нет ответа. Дружья ничтожны — ничтожны друзья. Ни одного сильного, крепкого человека, который мог бы протянуть руку, ни одной смелой и свободной широкой души, к которой можно бы было прильнуть хоть на минуту. Никого. Никого.

Приехал сюда на ночь; походил по нищенскому саду, который так напоминает мою жизнь, посмотрел на эти деревья, которые не хотят расти, которые приходится сажать все снова и снова. И вот сегодня опять возвращаюсь назад, в больницу. Там будут приходиться надоедать, требовать очень много, давать очень мало, очень мало. Если дают хоть что-нибудь, то сейчас же требуют сторицею. Не считаются ни с усталостью моею, ни с нездоровьем, ни с этою огромною тоскою души.

Идет война. Переживаю я ее огромно и сильно. Быть может, никто или очень немногие так глубоко чувствуют и знают ее смысл. Но один я и здесь. Все маленькие кругом. Большие люди либо на войне, либо где-то далеко, а моя среда — писателей, журналистов и интеллигентов — среда ничтожная, людей мел-

ких, обремененных личными корыстными расчетами, мелкими мыслишками, заботами, чтобы не уронить как-нибудь себя, сказать что-то свое.

И буду я там снова волноваться этим особенным, страшным волнением, которое начинается с утра, которое заставляет пульсировать странным образом все тело, душу, глаза, слова и щеки. Волнение, которое близко к страху, к слезам, к огромной печали — и даже к огромной радости — я не знаю, что это! Но и здесь очень одиноко. Самый близкий человек сейчас — это Андрюша, который, может быть, уже убит теперь, Андрюша, который вдруг приблизился к самой смерти, к самой жизни, и, вероятно, теперь понял то особенное, чего нельзя сказать словами, чего не знают другие, не знают здесь. И страшно мне мечтать (или писать) о жизни, и радостно, и так близко стоит смерть. Смерть. Но я-то сам не боюсь ее. Пускай приходит. Пускай приходит поскорей и берет. Надоело. Надоело!

2 Ноября 1916 г.

Бог Вседержитель на престоле с грозно поднятою рукой:
— *Noli tangere circulos meos!*

Внизу мириады звезд, миров, движущихся по сферам. И Прометей, напрягающий мышцы, чтобы разорвать круг человеческого бытия. И кто-то, сорвавшийся с круга и бешено упдающий в хаос.

И грозный, предостерегающий Перст Вседержителя:
— *Noli tangere circulos meos!*

31 декабря 1916 г.

Петроград. Двадцать минут до нового 1917 года. В квартире светло. Колокол на близкой церкви¹. Нас только двое с Анной. Мне нравится. После 12 поеду в типографию с Амфитеатровым.

Чувство большой бодрости, силы и жизни. Не обман ли? Уверен, что [19]17 г. несет мир и революцию.

14 января 1917 г.

Кажется, есть способ опьянять себя без водки. Это усталость и самовнушение. Все эти дни я положительно истинно пьян. Мне нравится.

Странное в душе, как от молодости и от хмеля. Любовь — та, о которой говорит Тот¹. Недаром, подлеца потянуло к дневному, небось о деле не стал бы писать.

По моим расчетам в 1917 г. я должен умереть.

27 [т.е.28] Февраля 1917 г.,
4 часа ночи.

Нынче — 27 Февраля 1917 г. один из величайших и радостнейших дней для России. Какой день!!

2 Марта [1917], утро.

Праздник души кончился. Положение очень трудное и тревожное.

Конечно, эта ничтожная Дума оказалась ничтожной и в великий момент. Куда им! После долгих колебаний приняв власть, они и тут, даже в названии, обнаружили трусость и нерешительность: «Комитет... для снабжения Петрограда правительством». Торжественный, кровавый, жертвенный и небывалый в истории порыв увенчался двумя ничтожными головами: Родзянки и Чхеидзе. Точно два дурака высрались на вершине пирамиды.

Противоречие непримиримое. Палата господ, а точнее «бар» и совсем уж нижняя палата, даже подпольная.

Родзянки во весь бабий голос тоскуют о царе. Нас паки бьют и паки, мы ж без царя как раки, горюем на мели¹. И их мечта, неосуществимая, как все мечты идиотов: подчистив, вернуть Николая и сделать простенькое министерство из родзянок и милюковых. Для этого было землетрясение! И даже чтобы Николай прошел с красным флагом, они согласны. Ходят же жандармы с красными флагами.

А у нижних, анонимных (говорят, что в Совете заседает Горький, пораженец, что я между прочим видел во сне за день до начала переворота и проснулся в ужасе), также мечта, неосуществимая, как мечты идиотов: чтобы к понедельнику, часам к десяти, была готова социальная республика и чтобы немедленно конец войне.

Третье действующее лицо: пулемет. Если бритва опасна в руках сумасшедшего, то чего можно надеть пулеметом!

В Думе, где заседают два этих правительства, хаос и бестолковщина. Не то митинг, не то казармы, не то придворный бал с танцующим Родзянкой. Сверхумных много, а просто умных не видно и не слышно. Все с теориями. А с крыш по Думе стреляют городовые, и ничего с ними не сделать.

С ужасом думаю, что нас ждут дни Коммуны, вся ее история: короткое торжество и массовый расстрел². Несомненно, что в этой борьбе, где за буржуазией правильный лозунг «война», разделяемый армией и народом, — победит буржуазия.

Их несчастье и проклятье: это Маркс, Горький, большевики, Циммервальд³. Полные невежества и самоомнения, они отрицают народ и весь мир во имя одной фразы, «найденной в письме Маркса к Энгельсу». Это — ихние «верхи». А низы и так все знают.

В минуты, когда город воет от неимения газет и сведений, союз печатников постановляет «не выпускать буржуазных газет, пока не укрепится рабочая пресса»⁴. А рабочая пресса — это перепечатка старых манифестов и прокламаций, бездарные статьи и наивные перепевы Маркса. Вчера Герман Лопатин, в нашем разговоре (был еще Бурцев) в Думе, называл их убийцами и сумасшедшими.

А у булочных хвосты в 500 человек. И фронт. И германцы. Жестокие будут дни. Недаром, по слухам, министром внутренних дел Комитет назначил Гучкова: этот жалеть патронов не станет. Что ж! Такова логика.

Меня лично радует, что все это я *знал* на второй день войны, два года назад⁵.

25 [т.е. 26] Октября 1917 г.,
2 часа ночи¹.

Печальный, холодный и жуткий вечер. С девяти идет стрельба у Зимнего Дворца: пулеметы, орудия, отдельные выстрелы. Это совсем близко от нас, видны вспышки огня, ближние пулеметы стрекочут точно над ухом, дальние тикают, залпы из орудий (по три сразу) громки и тяжелы. Другие вспышки в мгlistом небе красноваты — это стреляют дальние орудия. Чьи?

Стрельба возобновлялась раз пять, последний одинокий и гулкий выстрел орудия, от которого мать /всплеснула/ взмахнула руками, был часов в 11 ¹/₄. Сейчас тихо, но ухо ждет: оно уже не верит тишине.

И темная неизвестность. Большевики захватили город и власть, но насколько? В течение дня и вечера их победа казалась полною; и страшно было смотреть на арестованных офицеров, которых куда-то вели и все вели солдаты под нашими окнами. Потом эта загадочная канонада. Где Керенский? Где правительство? Кто нападает и кто защищается? А отрывочные сведения по телефону, что все главнейшее: Государственный банк, вокзал, телеграф, телефон уже во власти Ленина.

Сидел в темной комнате и, закрыв глаза, слушал стрельбу, зачем-то запоминал. Был совсем жуткий момент, когда вошла кухарка и сказала, что уже *во дворе* что-то делается. Оказалось ошибкой, но готовность надо было пережить.

К ночи пришли другие несколько, не неточные сведения — больше желания, а не сведения. Будто у тех раскол, и что Керенский идет с войсками, и что в Зимнем три министра, юнкера и еще кое-кто решили умереть, но не сдаваться.

Что будет? Жутко и холодно. У меня болит голова, сердце плохо и такое здоровье, что думаешь: а пожалуй, неплохо, если убьют, хороший конец. Слишком много мучений будет и для тела и для души, если победят большевики. И почти невозможно вообразить, что это значит: победа этих людей, их власть, их правление.

Что будет завтра? — через час?

Сейчас тихо, и слышны обычные паровозные гудки. Только. Из окон видна темная Мойка, канал, мокрая мостовая. Пустынно. Три дуговых фонаря...

...Госка. Говорят, что сдались.

1 Ноября [1917].
Ваммельсуу!

Как трудно в эти дни сохранять ясность мысли! Про себя чувствую определенно, как временами я теряю самостоятельность мышления и поддаюсь иногда совсем чуждым, иногда по виду родственным, но по существу далеким схемам. И каждый раз стоит известное труда высвободиться и обрести свой собственный путь. Счастье мое, что я до сих пор не терял еще надолго чувства самокритики.

В первые дни восстания я был несколько обманут низкими лбами, зверюгами, лгунами Троцкими, кощунственной стрельбой по Зимнему Дворцу — я *так* чувствовал каждый выстрел — отвратительными убийствами, грязью. Не могу подходить к явлениям без моральной мерки, без признания и отрицания личности, и это часто сбивает меня с толку.

Теперь, по слухам, матросы и часть красной гвардии и солдат дерется с Керенским мужественно — под Каменкой дело доходило до ураганного огня со стороны правительственных войск². Это меняет дело. Раз мужественно, стало быть они искренни, верят и умирают революционно по-настоящему, в экстазе. И я уже могу вылезть из болота и с горы взглянуть на это восстание рабов.

Можно ли от раба требовать морали или разума? На то он и раб. Конечно, он ничего не знает и не понимает, но цепи чувствует и ненавидит. И ему напрасно доказывать. Не зная закономерности явления, он все допускает и во все верит, для него все

возможно. И я с своей таблицей умножения — его враг, и это несомненно: он ненавидит таблицу и логику, как всякий мечтатель. Троцкий ему обещает: ты был последним, станешь первым³, вот тебе дворец. Я обещаю, что вместо двух рублей он будет получать два с полтиной, я его враг.

27—14 февраля 1918 г.¹

Это я пишу не для печати. Мне надо разобраться самому и в том, что происходит, и в своих мыслях по этому поводу. Слишком много противоречий и противоположных течений, невольно увлекающих: надо вооружиться особенной твердостью мысли, чтобы бороться с внешней и внутренней смутой. Слишком многие вертятся по течениям, это дает им цельность и необходимо для борьбы, но убивает разум. До 1914-[191]7 г., воспевая революцию и революционеров, я был подобен человеку, который восторгается бурей, сидя на берегу, — теперь я в самом море, среди волн и гибели, и хочу сохранить если не жизнь, то голову и свое свободное отношение к урагану.

То, что я не молод, болен, обремен[ен] детьми и старыми твердыми навыками жизни, делает мою теперешнюю жизнь очень тяжелой. То, что я чту разум, подвиг, героическую личность и верховую [sic] культуру, — теперь, в дни господства четвероногих и низких лбов, делает мои переживания нестерпимо мучительными. Глупость, Жестокость и Хамство, эти три некоронованных царя современной России, мучают меня нестерпимо и внушают порою непреодолимую жажду смерти. Вообще, человек понизился в моих глазах: он оказался глупее, жесточе и в нем больше скотины, чем я предполагал.

И особенно меня мучает глупость. Жестокость страшна, но в ней есть сила и обещания: глупость бездонно мрачна. Конечно, я говорю о «глупости умных».

И при всем том, что моя жизнь кажется мне уже погибшей и безнадежно конченной, я не хотел бы вернуться ко времени до катастрофы. И будь сейчас 1914 г. и завись от меня решение: быть или не быть войне со всем последующим, я с дрожью и тоской сказал бы: да будет! Ибо я не был обманутым позолотой тех дней, и тупая духота старого до-катастрофического мира была не менее мучительна и *убийственна*, нежели острое безумие и отчаяние самой катастрофы. Дурак, мерзавец и мозгляк мучал меня и тогда, и та пышность, в которую он облачался, делала его еще более отвратительным, нежели теперешнее четвероногое со всей его откровенностью низкого лба и скотской натуры.

Меня удивляет и конфузит, почему я так изумленно и с таким ужасом и отвращением разинул рот при первом появлении четвероногого. Ведь я еще в первые дни *предсказал* революцию, и не только русскую, но и всеевропейскую, и ждал ее². Что же меня так огорошило? Все время на вопрос о конце запутавшейся войны я отвечал, что мир заключат *народы*, а разве я не знал, сколько в *народях* четвероногих и что в общем может значить *их* власть? По-видимому, здесь сказалось мое общее со всей интеллигенцией прекраснотушие и неглубокая романтика, нашедшая себе столь глупое выражение в восторгах перед «бескровной» революцией и в отмене смертной казни Керенским³.

«Мы» думали, что, открывая все двери зверинцев, все хлева и конюшни, ломая все загороди и выпуская истомленных неволей зверей и скотину, мы немедленно введем их в кабинет и в дружески серьезной беседе обсудим и постановим, как жить нам дальше. «Мы» думали, что освобожденный голодный тигр станет немедленно вегетарианцем, а в крайнем случае будет жрать только монархистов, а взыгравшая корова будет бодать только Пуришкевича. И «мы» крайне обиделись, когда веселая корова прежде всего боднула благородно благоразумного Милюкова, а вторым делом широко высралась на его «Историю русской культуры». И «мы» их уговаривали. И ослу, ждавшему палки, мы читали лекции. И осел выгнал нас из нашего дома революции и сидит в нем и ревом своим будит всех ослов Европы.

Все это не так просто. И настоящая причина в том, что «мы», все эти эс-эры, Черновы, Плехановы, даже Сухановы и Мартовы — себя я выделяю — не были революционерами. Ни непреклонного духа, ни жестокости, ни революционной ярости и силы в них не было. Революция может ставить себе различные цели: ближе и дальше. Масса, народ, этих целей не имеет и не знает: увлекаемая только революционной инерцией и своей тяжестью, она будет катиться до самого последнего края, до пропасти. Цели ставит разум, и осуществлять их в дни революции может только *революционер*, — будет ли такую осознанную целью лишь наивное Учредительное Собрание⁴ и демократическая республика, как у Керенского, или социальный строй, как у Ленина.

Надо было живыми глазами взглянуть на мир, осознать его и решить, *чего* может достигнуть и что может получить народ при всех данных объективных и субъективных условиях — ибо и прекраснейшая девушка не может дать больше того, что у нее есть. Социальный строй? — добывай его, как добывает Ленин, этот самый подлинный и чуть ли не единственный революционер в России. Только простенькую республику? — делай, но делай,

как тот же Ленин: бей направо и налево, лей кровь ведрами, а иначе дождешься, что другие придут за ней с бочонками.

И вот тут-то сказались слабоумие, ограниченность и бесполовая книжность нашей «революционной» интеллигенции, как домашней, так и заграничного разлива. Забывая, что «гражданина» так же трудно создать, как Богу первого человека, они по первому благовесту все четвероногое население России превратили в граждан и сразу же потеряли остатки разума и сознания в этой массе равноправно блеющих и мычащих. Не осознав объективных границ, до которых может и должна дойти революция, не перейдя в саморазрушение, они бодро поплыли по ветру в прекрасную даль. Они забыли, что кто плывет на парусах, тот раб ветра, — они думали, что они самый ветер и есть. Вместо того, чтобы взяться за руль железною рукою революционного деспотизма, как Ленин, они в начавшуюся бурю, при грозовом небе, перестали совсем управлять, самодовольно думая, что в этом и есть настоящая свобода и истинный революционный смысл. Свобода печати! Свобода собраний и демонстраций! — Боже мой, какое идиотство, какое глубокое непонимание революции... и сколько мошенничества: ведь все-таки свободы-то не было ни для собрания городских, ни для печати Маркова. Но исчерпать всю бессмыслицу этих «левых» — нет возможности.

Не стоит говорить об исторических условиях. Конечно, они подготовили *такую* интеллигенцию, как и *такой* народ. В сущности говоря, дряблость и ничтожность интеллигенции уже полностью сказалась с начала войны — именно в отсутствии воли к войне и победе и дрянных гуманистических слезах и охах — и тогда уже можно было видеть, какую жалкую роль сыграет эта интеллигенция и в революции. Но они оказались еще хуже! При всем моем признании важности исторических объективных условий, я не могу отказаться от признания еще большей важности Разума и его свободы, и я убежден, что они *могли* быть иными, и все могло быть иным, и что они виновны в разрушении России и подлежат *наказанию*. Разве есть на свете хоть один дурак, который виноват в том, что он дурак? Но недаром его и в церкви бьют.

О Ленине.

Для меня несомненно, что Ленин и другие первоначальные большевики пользовались германскими деньгами и услугами, что в их среде были и германские агенты и шпионы и русские шпики. Но это вовсе не значит, что сам Л[енин] был германским агентом, — нет, здесь была *двойная* игра, чрезвычайно сложная и крайне интересная. Бесспорно, что отчаявшийся в исходе войны и голод-

ный германец пустился на крайнее средство и решил внести в Россию революционное разложение — как дурак мужик, который из мести поджигает избу у соседа и сгорает сам. Это и в ограниченно-самодовольной психологии германца, уверенно полагавшего, что у нас дерево, а у него дом каменный и не сгорит, разве только нагреется. С своей стороны революционер Ленин брал у немца деньги в уверенности, что на эти марки он подожжет не только Россию, но и Германию. Вероятно, улыбался. Вообще, я думаю, Л[енин] относится к человеку с величайшим презрением и видит в нем только материал, как видели все революционеры, тот же Петр В[еликий]. И разница между Петром В[еликим] и Лениным не в революционном духе и страсти, одинаковых у обоих, а в уме. Будь Л[енин] умнее, он стал бы Преобразователем России, сейчас — он ее Губитель.

И некоторое время Ленин, германские агенты и шпики действовали согласно — при разных целях; и обманутыми были агенты и шпики.

*11 Марта (нового стиля) 1918 г.
Ваммельсуу.*

Одна из старых ошибок жизни: обонянию дается мало значения. Даже нет особого слова для обозначения человека, лишенного обоняния, как есть для слепоты и глухоты. Вместе с тем лишенный обоняния, может быть, даже опаснее, нежели глухой или слепой. И опасность усиливается тем, что нет внешних признаков недостатка.

Стоят солнечные дни с легким морозом в тени и капелью на солнце. Глубокий, еще твердый, почти не опустившийся двухаршинный снег. Было безветрено, но сегодня ночью загудели и забились о дом ветряные волны, повеяло холодом и чистотою. Думал, что будет морозный и неуютный день, но днем показалось солнце, все стало розовым, и горизонт в светлой дымке. Ветер с востока, а мороз небольшой, и опять легкие капли. Удивительны запахи: при морозе — морским туманом с легкой вкусной гарью. Вообще эти дни почти нет местных запахов, и приносит их из глубокой дали.

|| Я ненавижу северный ветер. В нем нет человека и жизни. В мае или июне он усиливает блеск красок и совершенно убивает запахи: так странно, что сирень, трава, березы, еще только вчера густо дышавшие своим ароматом, вдруг совсем перестают пахнуть, становятся театральными. Самый лучший ветер — с юго-запада. Хватает за самое сердце и наполняет волнением жизни.

Приносит миллиарды зародышей и запахов. Он пролетает над морями, и я слышу в нем волны, корабли, голоса людей. Слышу города, горы, виноградники. Это не выдумка: все в нем есть, только надо слышать. || λ

*13 апреля [1918]*¹

λ Революция столь же малоудовлетворительный способ разрешать человеческие споры, как и война. Только низкое состояние Двуногого допускает и частью оправдывает эти способы. Раз нельзя победить враждебную мысль, не разбив заключающего ее черепа, раз невозможно смирить злое сердце, не проткнув его ножом, то и понятно: деритесь! }

15 апреля [1918]

Не люблю ни больных людей, ни больных домов. Мой дом уже несколько лет болен и вызывает тягостное чувство. Кривые линии, кое-где гниль, облупилось, выцвело, грязно, башня с наклоном. Не люблю. Чтобы держать в порядке, надо очень много денег, постоянный ремонт и постоянная внимательная любовь. Нужна еще культурность, чтобы не царапать дорогой мебели, не ставить горячего на политуру, не ломать и не портить, походя, вещей. У Анны есть любовь к дому и культуре, но нет характера, выдержки и постоянства; и абсолютное отсутствие чувства порядка. Изменив положение вещи, она никогда не приводит ее в прежнее, ей свойственное положение. И дети некультурны, плохо обращаются с вещами и книгами, про остальных же можно говорить только с тоской и безнадежностью.

У нас в клозете встречаются книги — с вырванными для подтирки страницами. Никакие усовещивания не помогают, или только на короткое время, потом опять.

Прислуга у нас всегда скверная, некультурная и расточительная, оттого ужасно плохи все службы, заборы и до сих пор никакого деревенского хозяйства. Ни коровы, ни кур, ни хорошего огорода. Наши чердаки — печальнейшее зрелище поломанных, заброшенных ценных вещей, растрчиваемого богатства.

16 апреля [1918]

|| Сейчас под угрозой сердца. Вообще жду околеванца.

Подвел меня Петр. Прорубил окно, сел я у окошечка полюбоваться пейзажами, а теперь приходится отчаливать. Финляндия!.. Почему я в Финляндии? Конечно, первое тут — тяга к мо-

рю. Потом близость к Петербургу, издательствам, театрам, литераторам и прочее практическое.

146 Но была и смутная мысль: сесть на какой-то границе, в нейтральной, интернациональной и безбытной зоне. Москва, которую я только и знал в дни моего писательства (не говорю о короткой загранице), слишком густа по запаху и тянет на быт. Там нельзя написать ни «Жизни Человека», ни «Черных Масок», ни другого, в чем есть. Московский символизм притворный и проходит, как корь. И близость Петербурга (люблю, уважаю, порою влюблен до мечты и страсти) была хороша, как близость целого символического арсенала: бери и возобновляйся. Москву я стал признавать (немного) только после Рима, когда вдруг почувствовал их родство. Тогда же и мысль пришла: а что если я ошибаюсь и истинный символизм живет на Арбате, а в Петербурге только худосочие? Когда даже дураку ясно, что Петербург «нарочит» и прочее, то не подозрительно ли это?

70 7 Но это соображения позднейшие. А тогда верил и исповедовал Петроград — нет, не по Мережковскому¹, а по собственным смутным, еще студенческим переживаниям, сну прекрасному, таинственному и неконченному. И море, повторяю. И была идея в постройке этого огромного {дома} в пустыне, как бы на краю, в преддверии земли Ханаанской: хотел 1) сделать *красивую* жизнь, 2) сурово замкнуться для трагедии. Сесть не только вне классов, вне быта, но и вне *жизни*, чтобы отсюда, как мальчишке через чужой забор, бросать в нее камнями. Помню, что я так себе и представлялся: сижу на высокой горе и оттуда спускаю тяжелейшие камни в долину, и у меня борода, хламида, а не поддевка и стройность талии. Суровость и никаких послаблений. Будто не дом, а туча и оттуда гроготы [т.е. грохоты?].

Ничего не вышло. Анна в свежий еще дом внесла *драму*, и моя трагедия охромела; но об этом в другой раз, подробно. И красивой жизни не вышло: денег не хватило, людей не нашлось, и в кухне такая же ругань, и женщины живут так же собачьи, как и везде. При некрасивых отношениях — как может быть красивый дом? Вместо поступи — топот, вместо глаголов — междометия, грызня, воркотня. Воистину вселился нечистый дух. И крыша стала протекать, а в клозете появилась книжка с вырванными листами, и я ослабел. Боролся долго и все взывал, а вот уже года четыре — не взываю. Теперь мечтаю дом продать и начать новую жизнь: инвалидо-маститскую [т.е. маститую?], в тихой заводи с лягушками.

Нынешний год — юбилейный. 20 лет Леониду Андрееву, этой удивительной фигуре (8 апреля по старому стилю²), 10 лет

браку с Анной (21 апреля) и 10 лет дому: вселились в него 26 мая 1908 г.

«Страданий моих не выразить слезами» — как говорится в «Реквиеме»³.

18 апреля [1918], утро.

⌈ Мы живем при необыкновенных условиях, еще понятных для биолога, изучающего жизнь плесени и грибка, но недопустимых для психо-социолога. ЗАКОНА нет, власти нет, весь общественный строй без охраны. Здесь, в Ваммельсуу, мы в пределах красно-белой финской войны¹. Кто нас охраняет? Почему мы еще живы, не ограблены, не выгнаны из дому? Старой власти нет; кучка неведомых красногвардейцев сидит на окрестных станциях, учится стрелять (у нас недурное эхо), делает продовольственные и за оружием обыски и дает «разрешения» на поездки в город. Ни телефона, ни телеграфа. Кто нас охраняет? Остатки разума; случайность, что не заметили и никто не захотел; наконец, некоторые общечеловеческие культурные навыки, порою простые бессознательные привычки: ходить по правой стороне, говорить «здравствуйте», встречаясь, снимать свою шапку, а не чужую. Музыка давно умолкла, а мы, как танцоры, все еще ритмично движем ногами и кланяемся под неслышную мелодию закона. Но когда один из этих *задумается* — он идет грабить или убивать. ⌋

Красно-белая война вместе с германцами надвигается на нас. Красные частью окружены, частью притиснуты к Выборгу, и немцы уже на всем побережье, кончая Биерке, 60 верст отсюда. Главная магистраль Гельсингфорс—Петербург от нас в стороне, хотя всего только 7 верст, т.е. на орудийный выстрел, но в версте бежит дорога на Биерке, виден из окна мост через речку; если будет сражение, то по берегам реки, у моста, и мы в центре. Ближайшие к городу, чем мы, Териоки и Куоккала уже в «беженцах», мы — сидим. Я болен и совершенно лишен актуальности, не могу действовать, не могу даже сообразить, лучше ли оставаться или бежать. Конечно, речь о детях, сам же я остался бы здесь с наслаждением, с восторгом любопытства; все равно ведь подыхаю. Но, по-видимому, останемся все, включая мать, ныне совершенную старуху после пережитого воспаления легких². Будем ждать. Каждую минуту могут загрохотать выстрелы — но могут и не загрохотать. Каждый час могут взорвать мост (боюсь за стекла) — но могут и не взорвать. Через несколько дней здесь может быть огне-кровавая каша — но может и не быть. А пока Анна

метет и чистит, поденщицы моют стекла, и вчера я вселился в свой кабинет, где все шесть месяцев зимы было 10—18 градусов морозу (мы жили на задворках, в «гимнастике», да и там мерзли). И посмотришь в окно, у которого я пишу и за которым все эти мосты и подозрительные дали, — тишина! Апрельская, пятнистая от снега земля, те же домишки, та же бугристая синяя линия Нейволы — и тишина!

Мой деревянный колосс на глиняных ногах торчит над низкими домишками и дачами одиноким соблазнительным верзилой — в него, вероятно, приятно пострелять. А гореть он может замечательно, огромным факелом. Жалко? Да, денег и труда жалко, но как[-то] отвлеченно. И только кое-какие вещи: бинокль или последний мой рисунок «Цари иудейские» будят настоящую жалость, хочется прибрать. Но куда? («Цари» — это Иисус и Иуда на одном кресте, оба в тернах, мертвые и живые, почти обнявшиеся враги; кажется, это первая из моих картин, которая достойна сего наименования; сам ставлю ее весьма высоко и горжусь³).

Так вот и живем. Где тут психология? А по ночам, среди бессонницы, болей сердца и головы, под непрерывною пыткой удушья — грежу газетными заметками о «шести расстрелянных»⁴. Можно ли видеть во сне не образы, а слова? Можно. И бывают ночи, когда меня непрерывно тошнит съеденными за день газетами, словами, строчками, столбцами. Тошнота в мозгу.

20 апреля [1918], вечер.

Эти 20 лет литературы наделили меня многими рабскими навыками. Мучительное: я раб слова, фразы, выражения. Мне нужен полный парад, иначе я не могу писать. Кроме шуток: когда писал векселя, то и тут ломал голову над готовым священным текстом: нельзя ли сказать *это* лучше и красивее. Не люблю адреса надписывать из-за этого и стараюсь хоть в размещении и шрифте и подчеркиваниях дать новое и лучшее. По этой же причине труден для меня и дневник, и это глупо, убивает искренность, а с нею и смысл. И если с одной стороны само слово обязывает меня к точности, и это неплохо, то есть настоящее плохое: образ *читателя*, который стоит над моими мыслями и душой и нуждается в парфорсной езде.

Как публичная девка или старый актер, я начинаю играть, как только берусь за письмо, и все время одним ухом прислушиваюсь, хорошо ли меня принимают. Душа моя полна — теперь — скрытого, одинокого, печального, ночного, но писать о нем почти не-

возможно: так давит читатель. Все во мне стонет от рабства и цепей, я ненавижу читателя, я хочу вернуться к дням моей прежней свободы — и, как заклятый, снова и снова ввергаюсь в публичность. Чего уж больше: ежечасно поджидаю смерти, живу воистину как смертник, а все чего-то гарцую.

Нынче слишком болит и голова и сердце, чтобы писать. Даже и такие пустяки становятся трудны.

Вот и прошла жизнь. Ибо на дворе апрель и теплая ночь, и я не могу этого не знать.

8—21 апреля [1918], полночь.

Ничего толком не узнаешь. В газетах о Финляндии известий никаких. По местным сведениям, уже занята немцами деревня Райвола, приближаются к станции. Мимо нас тянутся беженцы. Териоки и прочее усиленно бежит. Поездов, кажется, уже нет. Мы — сидим и соображаем, откуда ждать оружейной стрельбы. Нелепо, но есть ли леее?

Страшно за детей. Если будут стрелять, то первый попавший снаряд зажжет дом, как солому. Да и вообще — как поступают в этих случаях? Бегут? Прячутся? Куда?

Посмотрим.

Нынче 20 лет¹. Торжество семейного характера. Мамаша и прочая домашняя живность заменила обычную рвань «нарядами» и дети целовали. Тинчик поздравил «с Ангелом». Мамаша прочла по бумажке, волнуясь, трогательное чувствоизлияние². Я ел в это время шпроты и пил чай, и это помешало проникнуться; но можно было не на шутку взволноваться. Для мамаша я — солнце. И ведь в сущности она должна была в январе умереть от воспаления, надежды уже не было, и так странно и хорошо, что она — живет, видит этот день, волнуется и поздравляет. В газетах обо мне ни звука³. Кому помнить и зачем? Однако же — почему меня так не любят?

Нынче денек хороший, а вчера был совсем чудесный. Тепло, мягко, и солнце горячо и ласково. Когда я, проснувшись, взглянул в окно, мне сразу показалось и светло, и темно. Влажная земля — луга и пахоть и леса — не отражают лучей, поглощают их, и это делало все тона матовыми и глубокими. Небо все в свету, а низ влажно-темный и будто дышит. Хорошо! И подумал я днем, гуляя: ведь такие дни и есть то, для чего живешь, иного нет ничего. В молодости такие дни — апрельские, майские, чудесные — считаешь лишь средством для какой-то цели, естественным условием всякого существования, но не больше. И только теперь

понимаешь, что они с их воздухом, запахом и светом — и есть цель, и другой цели, и другого смысла нет.

...Как тихо! И тихая луна над апрельской черной землею, с веранды слышные дальние шумы: шумит вода на порогах, слышно и реку внизу. Выстрелов нет. Все вечера бывал слышен шум дальних поездов, нынче что-то не слышать.

Слегка отравлен нынешними газетами. Как недостойно и жульнически мелко ведут себя писатели и компания. Не говорю о Горьком, который внушает отвращение и служит образцом того, до чего может доходить глупость, лицемерие и несправедливость. Но Шаляпин, который выступает на вечере «памяти К.Маркса»⁴! Но Куприн, который участвует на совещании с Луначарским⁵! Блок, печатающий гадости «под редакцией Б.Камкова»⁶! Сологуб, допустивший себя до разговоров с тем же Луначарским⁷.

22 апреля [1918], утро.

Жестоко болит голова. В природе парадный апрель: лучистое солнце, прохладный восточный ветер, полная желто-бурая река, ослепительные пятна снежных островков и мелей. Иногда вместе с очаровательным запахом оттаявшей земли ветер приносит гул стрельбы: где-то, верстах в 15—20, жарят из пушек по двуногому. А ночью — я прозевал — была стрельба в Териоках, ни причины, ни последствия коей неизвестны; и вообще путь к Петрограду, видимо, отрезан. Это благополучно решает и вопрос о том, становится ли нам беженцами или на авось. Будем на авось.

Если зимой война еще может показаться интересным развлечением, то весной она становится абсолютным идиотством.

Опять о писателях. Вечер «памяти Маркса» — и ни Потресо́ва, ни Плеханова, ни одного видного и настоящего марксиста; да и как им? — живут в подполье. Плеханов, единственный из них вполне благородный, честный и смелый человек, умирает в одиночестве, больной, нищий. Зато на вечере этот [т.е. этом?] Шаляпин, Горький, Вольф-Израэль... как им не стыдно? Это не риторический вопрос, а я сам себя спрашиваю: испытывают ли они хоть чувство неловкости, или нет, совсем ничего?

Большевики не только опоганили революцию, они сделали больше: быть может, навсегда убили *религию* революции. Сто с лишком лет революция была религией Европы, революционер — святым в глазах друзей и *врагов*. Даже у врагов больше, чем у друзей. Первый частичный удар нанес Азеф, совместив в сво-

ем лице — пока еще только к изумлению мира — революционера и мошенника, простого мерзавца. Но это было лишь местное заражение крови, и только русские жандармы уже переставали чтить революционеров, как святых: слишком много этих святых было в списках агентов. И с[оциалисты]-р[еволюционеры] были навсегда убиты: не Чернову же было поднять их утерянный авторитет?

И то, что сделал Азеф в маленьком домашнем масштабе, то на мировой арене, в «планетарном» размере повторил Ленин и большевики. Вдруг оказалась невероятная вещь: пришел Николай Угодник к болящему (сам, с сиянием!), болящему не помог, а золотые часы унес. Сам, с сиянием! Ясно, что там, где святые воруют, там Бог не живет; и ушел Бог из революции, и перестала она быть религией для мира, и превратилась она — в занятие. В дурное занятие, судя опять-таки по большевикам и их кощунственно-ужасным Совдепам. Синонимом дурака или мерзавца (по откровенному слову Троцкого) стал революционер¹.

Конечно, это обман и вздор. Если Николай Угодник спер часы, то ясно, что это — не Николай Угодник, и терять тут веру нечего. И так же ясно, что большевики — не революционеры, и даже Чернов с компанией, и даже Горький со всей своей похабной «Новой Жизнью» также не революционеры, а просто так, маски. Разве мало людей проживают по чужому паспорту и в краденном сиянии? Но кто захочет и кто сможет это понять! Раз сияет, а в то же время часы ворует, то... религии конец.

Да, ей конец, и в этом новое торжество счастливой Германии. Когда палачу рукоплещут, то дело справедливости стоит плохо. Не будь большевиков и Ленина — разве так отнесся бы мир к финской революции и ее честнейшим борцам! Они ограниченные, но честные люди, честно умирающие за свою мечту (как это почиталось когда-то!), а их провожают в могилу свистом. «Говорила мене мать — не водись с ворами...»².

Счастливая Германия! Если сомнителен ее союз со старым Богом, то соглашение с Дьяволом — бесспорно и очевидно. И что такое «большевизм» в ее глазах? Вероятно, что-то вроде крысиного яда или буры для тараканов. «Для людей безвредно», как говорится в объявлениях, а дохлых тараканов можно забирать лопатой. Отчего они не потребуют от Ленина, чтобы была разрешена продажа питей? Это был бы последний, очаровательный эскимосский штрих.]

Полночь.

|| Был сейчас на башне. Холодно, луна, морской горизонт в серебре, свистит и бормочет ветер — и какая пустыня! Только

24
с этой башни видно, как мы торчим. Ходил слушать стрельбу — когда ужинали, несколько раз тупо и коротко стукнуло, не бум, а туп. Наскоро доел, но уже ничего не слышно. Слушал бормотанье ветра, чувствовал особое, башенное одиночество и вспоминал, как все это строилось. Какими тогда казались эти дали, каким вдыхался воздух, как было почти все впереди. Нет, все, не могу писать дальше, пока еще раз не скажу об этом особом башенном одиночестве, когда точно повиснешь между землей, людьми и луною. Уйдешь в комнаты, а душа еще долго живет этими свистами, тьмой и светом, призраками угрожающими. Так осенью, в октябре, ходил я на башню, и тогда было совсем темно, смутно, совсем угрожающе, и ветер выл, как целый совдеп.

Но как странно жить — в этом ожидании. И то странно, что керосину нет, и около моей единственной лампы вечерами все собираются, как прусаки; или бродят с свечами и какими-то маленькими коптящими вонючками. Это тяжело, жить без свету. Сейчас я пишу, а возле, почти уткнувшись в машину носом, тихо посапывает Анна, задумчиво шьет юбку. Но горит камин, и это приятно. Завтра есть завтра, а сегодня горит камин. И все же в кабинете красиво. Хороши Христос и Иуда³.

|| За последний месяц очень много думаю о своей писательской судьбе, ищу разгадки одному странному обстоятельству. Их много в моей судьбе, этих странных обстоятельств (хотя бы мое писательское одиночество и ненависть ко мне литературской жизни), но одно существенно важно. А именно: почему я *остановился*?

Первые мои десять лет — это линия почти непрерывного восхождения. *Ступени* столь очевидны, что и читатель, и критик, после короткого взгляда на настоящее, устремляли взоры вперед, на ожидаемую следующую ступень. Я тоже. И не шел, а отмахивал ступени. Продолжай я и следующие года, после «Жизни Человека», так же отмахивать, сейчас я был бы первым в Европе истинным и бесспорным властителем ее дум. Этого не вышло, я остановился, уперся в потолок и не падаю и не поднимаюсь — почему?

Вкус мой стал строже. Средний уровень моих вещей значительно выше, и есть вещи замечательные, как хотя бы «Реквием» или «Собачий Вальс», — но великих нет. Или я вообще к ним не способен? Нет, способен, я это чувствую и знаю. И почему же тогда — если я не способен — мой путь был к величию? Не к литературе вообще, а именно к величию? Ведь это не был еще один хо-

роший писатель, медленно созревающий на солнце, как баклажан, как все эти Бунины, Куприны, Брюсовы и даже Блоки, а явно и очевидно (и даже страшно) пришел Некто. Я не «начал» писать, а пришел, и приходом своим не только взволновал до крайности, но и испугал, насторожил. Над ржаво-зеленым болотом, где вся жизнь в тине, бурчанье и лопающихся пузырьков, — *вдруг* высоко поднялась на тонкой змеиной шее чья-то очень странная голова, очень бледная, очень странная, с очень нехорошими глазами. И все ахнули: «Вот он, пришел!» — и многие перекрестились от страха. Это потом они говорили следом за Толстым: «Он пугает, а нам не страшно!»⁴ — потом, когда я изменил себе.

Да, в этом все дело — я изменил себе, изменнически изменил. Рожденный проклинать, я занялся раздачей индульгенций — немножко проклятий и тут же целая бочка меду и патоки. Ведь только уксус и желчь у меня настоящие, а вместо сахара — патока. Сладко, но противно. И что такое: желчь с патокой? ||

23 апреля [1918], 13 часов.

В нескольких верстах, приближаясь, идет жестокое сражение. По-видимому, бой идет уже возле самой станции Райвола. Изредка, но более отдаленно, приносит стрельба из Териок. Пулеметы также.

Страшно за детей. День солнечный, жаркий, и они играют в песке.

14 часов.

Черт, как здесь разгульно звукам. Пулемет шьет и тачает будто рядом. Тяжелые орудия, с широким эхом, напоминают весеннюю грозу. Я копал, сажал деревца, работает Мика в саду — и так все это нелепо! Но мыслей нет никаких, даже о нелепости сказано по привычке. Просто видишь, смотришь, слушаешь. Например, сейчас у меня руки пахнут листьями, дерном и землей, но в каком смысле это понимать — не знаю. Не думаю и не знаю, а просто приятно пахнет.

Чудесный человечек Саввка. Он сказал, когда мы таскались по саду с лопатами: «Вот, всем жить, а снегу умирать!» И добавил: «А может быть, снег не любит себя, не любит своей жизни и зимы не любит?» Я продолжил: «А любит весну, от которой умирает».

20 часов.

До сих пор непрерывная стрельба. Близо так, что кажется, можно схватить рукой эту белошвейку. Строчит и тачает, шьет

и тачает. Появились первые пожары, один в направлении Тюрисева, другой, только что начавшийся, в стороне Райвола. Я сейчас вижу его из-за машины; небольшой и несильный. Около Райвола работают исключительно пулеметы, орудия почти замолкли, зато в стороне Териок появилось чудовище с прекрасным голосом: звонкий и тяжко-гулкий удар по огромному медному щиту.

А вечер чудеснейший, опять-таки парадно апрельский. И холодок вечерний, и красное чистое солнце, и отражения светлого неба в зеркалах луж, в переплете сучьев и ветвей. Я опять глядел с башни. Безлюдно, вся деревня притихла. Кое-где у домишек кучки финнов, мужчин и женщин, прислушиваются к небу. У нас на задворках тоже собрание бирюзовых глазок и скрытно серых лиц. Пошел к ним, так, серый разговор, а потом быстро по-своему и посмеиваются. Это мирные финны, которым ненавистна эта война; и при всей своей мирности, они полны скрытой ярости, жестокой злобы.

На железной дороге (нашей) — безлюдие и неподвижность. Даже на мосту не видно патруля, что — стратегически — было бы необходимо. Да, мы все теперь стратеги. Ах, эта мамаша с ее неиссякаемой юмористичностью: она также заседала на задворках среди финнов и делала легкие стратегические обзоры.

23 часа.

Часу в десятом стихла стрельба, и наши финны, какие-то женщины с коверканной речью, принесли известие, что Райвола взята и станция горит, что взяты и Териоки, и даже «без выстрела», и что наконец в нашем Ваммельоки, штабе местной гвардии, выкинут белый флаг. О взятии Териок слышали от красногвардейцев, которые оттуда бегут большими толпами. Одним словом, красногвардеец «бегиль».

По этому поводу нескрываемое ликование. И наши успокоились, что кончилось, особенно Анна, на которую вся эта история действует чрезвычайно. А полчаса тому назад, когда мы играли в шашки, вдруг недалекий пушечный выстрел... Анна покраснела, мать растерянно пустилась в стратегию. Но других выстрелов не было, и что все это значит, неизвестно, и как на самом деле положение — также неизвестно. Но от стрельбы все устали — ведь ровно 12 часов, от десяти до десяти; и тишина казалась такою благодатной.

В этот час наше Ваммельсуу обычно спит. Но сейчас, при холодной и светлой луне, слышны женские и мужские голоса, разговор, где-то кто[-то] идет.

Боже мой, как все мы устали! И что может быть страшнее и безумнее гражданской войны, когда перепутались наши и ваши, тишина и пушки, жизнь и смерть. Эти несчастные финны, так яростно истребляющие друг друга, этот маленький народ, пустивший себе кровь, как богач... Горе вам, если соблазните одного из малых сих!¹ — и горе всем этим честным и бесчестным вождям, ввалившим в яму столько народу.

...Опять пушечный выстрел, от которого мы вздрогнули.

24 апреля [1918], утро.

Это был последний выстрел (или взрыв). Потом, уже в третьем часу ночи, шатаясь по саду, я слышал стрельбу, но далеко, где-то за Териоками. И — сегодня необыкновенная, благовестная тишина, пасхальное благочиние при его величестве светлейшем апрельском солнце, ручьях, пенье птиц. А вчера и птицы примолкли, и только уж совсем глупые тиликали в низинах. И Маркиз¹ вчера все прятался в доме под столами и в углах: этому трусливейшему дураку представлялось, очевидно, что это гроза и гром.

Ведь весь день, 14—15 часов подряд непрерывнейшей над ухом трескотни, канонады, ожиданий слуха, буханий в самую печенку. Подтверждается, что Териоки и Райвола взяты, Ваммельоки, выкинув белый флаг, все бежало. Рассказывают, что с вечера всю ночь шли, спасаясь, красногвардейцы, прятались и просили ночлега, дрожащие, перепуганные. Жаловались, что 2 дня не ели, что в Райволе не было ни лазарета, ни сестер для раненых — и все-таки дрались! Один беглец, бросая ружье, хотел пешком по льду идти в Кронштадт — это по теперешнему льду! — но финн оставил его ночевать у себя. Все-таки молодцы: еще недавно ненавидели этих красногвардейцев, как сатану, а теперь кормят и дают приют.

Удивительно, как этим финнам удалось сохранить невинность при сожительстве с нашими большевиками. Условия всей России и большевизма таковы, что личность почти неизбежно разлагается и внутренний непрочный закон падает — а эти, за редкими исключениями, совсем как институтки. Очень любопытно, заслуживает размышления. И как жаль красную гвардию: дрались они также честно и мужественно за «народное дело» (как его понимали) и погибли подобно всей России, только от предательства и измены.

Звонили в Териоки, чтобы что-нибудь разведать. Но барышня ответила: «Говорить нельзя, десь тоит белая гвардия». А пре-

жде отвечала: «Говорить нельзя, здесь тоит расная гвардия». Уже два или три месяца мы без телефона, почти без почты и телеграфа. Две или три недели мы не имеем никаких сведений о своих и те в свою очередь могут думать, что мы уже погибли. За полгода, как мы здесь, сюда из посторонних приезжала только Фальковская, да на час заглянули два журналиста, искавших сотрудничества². Из своих же были: Андрюша, гостивший два месяца, Павел на Рождество и Илья — на три дня. Все!

А голова все болит. И вчера болела вечером. Терпелив ли я очень, или танатос³, наряду с болезнями, вырабатывает и соответствующую покорность? Каждый мой день, почти каждый час — непрерывное преодоление боли... а во имя чего?

Наш «бедный Вилли» (в отличие от другого, богатого, его портрет есть у меня, постель⁴) воистину бедный: одного и чуть ли не другого сына у него убили в красной гвардии, а сам над своей хибарой вывесил белый флаг и одел широчайший, как жабо, белый шарф: значит, сдается! О, Господи! Надо только посмотреть на эту трехсотлетнюю, сморщенную, промерзшую физиономию с подмокшим красным носом и фиолетовыми губами...

Сегодня ждут сюда белую гвардию. А в лесу наткнулся на спящего на сырой земле финна: должно быть усталый красногвардеец.

Тихо.

Полночь.

Тихо.

Наш Мика, надев праздничное платье, ходил с другими финнами в Райволу смотреть «поле сражения». Вернулся к вечеру серый, усталый, но довольный. Станция сожжена, возле обгорелые трупы лошадей: видел и людские трупы — «девять», остальных успели зарыть, много увезли с собою красногвардейцы в Выборг. Лес и канавы полны брошенных патронов — целые ящики — и ружей, их разбирают финские ребята; взял и Мика два ружья, потом бросил. Белогвардейцы веселы и не придиричивы, намереваются разыскивать в лесах красных — для расстрела, говорит Мика. Такова логика гражданской войны.

Отряд белой кавалерии уже прошел через нашу деревню к Ино⁵. Женщины надели белые платочки, и белых флагов над крышами прибавилось; бедный Вилли вывесил целых два. Видел я, как под горою, по разлившейся реке, против течения пробирался на своей рыбацкой лодке рыжий Матвей, и что-то лениво-равнодуш-

ное было в его движениях, когда он, словно нехотя, отталкивался шестом. Этот рыжий, а уже старый Матвей — здешняя красная красная [sic] гвардия: пошел, потому что обещали дать хлеба. Хлеба не дали, а сына его, также пошедшего в гвардию, убили в каком-то из боев; и еще только на днях Матвей с женой ходил в Териоки, куда был привезен труп его сына с другими убитыми, — смотреть. Теперь и сам Матвей под угрозой расстрела; и не то жалуется, не то равнодушно спрашивает встречных, что с ним теперь будет. А пока — ловит рыбу, нехотя, как сонный, отталкиваясь шестом. Что он думает, когда вот так плывет по *своей* реке? Сын у него был один.

Среди убитых Мика видел двух «русских», грязных, оборванных, без сапог, уже снятых. Впрочем, сапоги, кажется, стояли тут же — почему-то. Грязные, оборванные трупы. Возможно, что это были простые хулиганы, проходимцы из кучки анархистов — но они убиты. Дрались с финнами вместе и убиты, лишились жизни, стали трупы, какие-то грязные оборванные русские. Может быть, герои, а может, мерзавцы или, что вернее всего, — глупцы, не знаю, и никто не узнает.

Но мне захотелось поцеловать сальную обойму с патронами, которую принес Мика и которую я взял у него — на память⁶. И еще ни разу, с начала революции, мне не хотелось так плакать, как сейчас, — и так не плакала душа.

25 апреля [1918], вечер.

Все та же совершеннейшая погода. Оляха, осина и даже береза выпустили сережки и стали похожи на японскую живопись. Почки разворачиваются и вот-вот листочки. Всё до-обедра работали с Саввкой в саду.

Тихо, но не столь. Вдруг слышались в деревне живые голоса, точно и они оттаяли; а при красной гвардии царило мертвое полное страха молчание. И вообще появились люди, а раньше — пустыня. Да разве *это* революция? Но наряду с живыми звуками появляется и другое: вдруг выстрел — залпом. Прежде весь день звучали выстрелы, в одиночку и залпами: это значило, что красногвардеец наслаждается ружьем и палит в небо либо обучается прицельной стрельбе в Ваммельоках. Теперь...

Говорят о многих расстрелах. Уже много и здешнего народу схвачено и отведено в Териоки; милости ждать трудно. Здешние деревни образовали комитет порядка, одна из целей которого — ловить и доставлять, куда надо, красногвардейцев. Да, милости ждать трудно. Я хотел написать слезницу в белогвардейский

штаб, но... Помимо уверенности, что ничего не выйдет, вдруг стало стыдно вылезать со своей гуманностью, что-то на Горького похоже. «Как писатель, посвятивший свою жизнь...» Вздор! Мое дело: только смотреть и мучиться. Вот это мое дело. Смотрю на глупость, смотрю на безумие и жестокость, смотрю на Виллин белый флаг: «Меня не надо трогать!»¹ — и мучаюсь себе. Это мое дело.

И еще: если бы я не был русский. Поначалу, составляя в уме слезницу, я об этом позабыл, но потом вспомнил и стало нехорошо. «Хоть ты и писатель — но куда лезешь, русский? Притаись и молчи, если имеешь совесть и стыд». И все мое самое искреннее намерение помочь этим беднякам стало жестом, и даже нехорошим жестом, похожим на пилатово умывание рук; будто вся Россия грязная стоит в говне и навозе, а я один бело личико мыльцем тру. Нет!

И еще: жестокое и непреходящее чувство слабости, связанное с болезнью, слабости волевой и психической.

Сколько я помню себя, я всегда почти бывал чем-нибудь болен, хотя за всю жизнь *ни одних* суток не провел в постели. И серьезных болезней собственно не было, но было очень частое, а последние годы почти непрерывное ощущение боли. Каждую малейшую неисправность в механизме (от чего не избавлены, вероятно, и самые здоровые люди) я ощущаю, как сильную и порой жестокую боль. После моей в [18]94-ом г. попытки на самоубийство² я лет 8—10 страдал жесточайшим «неврозом сердца», одной из самых мучительных пыток на свете: ежечасное ожидание смерти и страх ее, томительный и непрерывный, стоящий вне воли и сознания. Стало проходить по мере того, как я все меньше дорожил жизнью; теперь снова вернулось, но уже, видимо, на более серьезной основе, чем психика и нервы. Потом — головные боли. Трехдневные мигрени, которыми я болел в юности, шли правильно до самой смерти Шуры; после ее смерти — вдруг странный перерыв месяцев на пять: совсем не болит голова. И вообще ничего тогда не болело, вещь любопытная. Потом головные боли пришли снова, но уже без прежней правильности, зато частые; и с каждым годом все чаще. Уже нередки стали случаи, когда голова болит — *месяц*, т.е. буквально месяц, каждый день и каждую ночь. А теперь — мне уже *трудно* вспомнить тот день, когда голова совсем не болела, более или менее.

Сердце и голова — это лейтмотивы. А вокруг них тьма легких мотивчиков и бесконечных вариаций: печень, желудок, неврал-

гия руки (два месяца лечился в больнице), непрерывная боль шейных мускулов, как при «простреле», молниеносные, умопомрачительные вспышки головной боли при кашле, даже смехе, поясница, спина, геморрой.

До войны я еще спасался «Далеким»³ и шхерами. Тут, летом, бывали дни полного физического блаженства: обожженный солнцем, обвеянный ветром, большую часть дня голый с великолепной к концу лета бронзовой кожей, не читающий, не думающий, искренне и глубоко переживающий «морского волка», я переставал ощущать боль. Но и то — не всегда, ибо одно я сохранял неизменно и всюду — бессонницу, и от нее, конечно, бывало несладко. На море бессонница являлась у меня от крайнего интереса к окружающему: весь мой экипаж после трудного дня спит, как мертвый, а я все выглядываю наружу, что там, тороплюсь спать, тороплю самую ночь и вскакиваю-таки, не дав никому толком отоспаться. Но, во всяком случае, к осени я возвращался окрепшим и способным к большой работе. Война все это мое морское бытие прекратила, и за четыре года я был без малейшего толку четыре раза в больнице, по месяцу и по два, лечил руку, печень и еще, и еще⁴.

Потом огромную усталость дала мне «Русская Воля»; вот где я действительно устал и что-то потерял из золотого запаса. Но еще мог жить и мог работать, когда — большевистский Октябрь. Тут, можно сказать, здоровье сразу и совсем покинуло меня, баста. Остались одни бесконечные боли. Вероятно, уже есть что-нибудь органическое, т.е. настоящее, от чего наконец действительно умирают. Но одно знаю: начинается все в душе. От ее отравы так отравлен я весь, что каждое утро встаешь в недоумении: вставать ли?

└ Начало душевной отравы положила война. Самое приятие ее мною, т.е. переводение ее из плана общечеловеческого в область «отечества» и политики, было вызвано, *вероятно*, простым инстинктом самосохранения: иначе война оставалась бы для меня только «красным смехом», и я неизбежно должен был бы в скором времени лишиться рассудка. Эта опасность: лишиться рассудка — существовала для меня во все время войны и временами ощущалась довольно-таки страшно; и боролся я с нею публицистикой. И эти две слабые вещи: «Король, [Закон и Свобода]» и «Иго войны» — слабы именно потому (особенно последняя), что по существу представляют собою плохенькую публицистику. Надо было жить и не спать!

Любопытно, как я, полусознательно, удерживал мое воображение, чтобы оно не представляло существа войны. Труд огромный, ибо воображение мое — неудержимо: таким оно было всю мою жизнь. Почти независимое, оно подчиняло себе и мысли, и волю, и желания, и особенно сильно оно бывало в представлениях картин ужаса, боли, страданий, внезапного и рокового. Не знаю, как это удалось, но мне действительно удалось наложить на него узду и сделать его в отношении войны чисто *формальным*, почти официальным, не идущим далее правительственных сообщений и газетной бездари.

Но это лишь наполовину спасало меня, не давая сразу погрузиться в тьму безначалия. Ибо наряду с верхним, правительственным воображением, введенным в рамки строгой официальности, работало *тайное* (есть и такое!), подпольное воображение; и в то время, как в бельэтаже благолепно и чинно разыгрывались союзные гимны, в подвале творилось темное и ужасное. Туда были загнаны «безумие и ужас»⁵, и там они живут и поднесь. И оттуда шлют они по всему телу эти смертоносные яды, эти дурманы головы, эти сверлящие боли сердца, эту желтую тягучую отраву, которою так тяжело и больно налито все мое тело. Я поймал Дьявола, проглотив его, но он жив — и во мне.

Но если война была страшна, то что можно сказать об этом всероссийском истинном «безумии и ужасе»! Тут уже не надо и воображения, чтобы почувствовать себя в сумасшедшем доме. И опять-таки, чтобы не сойти с ума, я должен был «прियाсть» и это, т.е. опять-таки истинно человеческий смысл революции подменить его социальным и политическим покровом, и воображать не далее правительственных сообщений и декретов, да агентских телеграмм. «Расстреляно шестеро»⁶. Шестеро? Хорошо. «Киев разрушен». Киев? Вот как! Убито... убито... убито...

А *тайное* воображение? И если при Керенском в бельэтаже еще можно было поигрывать марсельезу, то при Ленине и бельэтаж смолк и опустел. Зато в подвале! Зато в подполье! И уже точно не одного Дьявола проглотил я, а тысячу Дьяволов со всем их дьяволовым отродьем; день и ночь жрут они внутренности, копаются, роют, сделали себе постоянное жилище со всеми удобствами. Этакая обсерватория для созерцания звезд на верхушке пятиэтажного дома, во всех этажах битком набитого блядьми, убийцами, лжецами, предателями, низколобыми, звереобразными и снова убийцами, убийцами. Их как будто и не слышно... или слышно?

И уже не ручейки отрав, а целые реки расплываются по всему телу. Все отравлено. Сквозь тяжкий и удушливый дурман еле

пробирается полуослепшая мысль, под наплывом болей еле чувствуется придушенная жизнь... Куда тут творить! Куда тут и жить! ↓

Сейчас послышалось несколько далеких пушечных выстрелов. Вышел в сад — луна и больше ничего; шумят ручьи, река под горою плещется и бурлит на завороте, и в отдалении хозяйственно тонкими голосами лают псы. Возможно, что показалось... но не сумасшедший ли это дом, о Господи!

С 11-го не имеем газет и долго иметь не будем. И неужели когда наконец получим — будет все тот же Троцкий и совдепы, тот же Амьен и гигантская пушка?!

Здесь болтают, что еще могут быть бои у Ино и что на Териоки будто идет русская красная гвардия. Что ж: во все готов верить и поверю.

26 апреля [1918], вечер.

▲ День еще большего великолепия. Смотрю и умилительно мучаюсь: с трагической неизменностью встает красота апреля, его запахов, его блестящей воды в реке и лужах, его гобеленовых тонов леса и пашни. Но как свеж этот ковер! Взобрался днем на башню и долго смотрел в большой бинокль: на отдельные домики в чаще голых, порозовевших березовых ветвей, на полянку Старой Пильни¹, на матовый лед залива. Потом лег спиной на горячий свинец и оголил живот — погреть на солнце. А внизу играли дети, кричали, смеялись. Так было и другие весны: башня, бинокль, лед на заливе и играющие дети. И так будет другие весны, только не будет башни, живота и детей. Но эти праздные мысли пришли потом, как неизбежность, а пока лицо горело под желтыми солнечными лучами и теплел стыдливо живот, было только это: свет и тепло.

Потом думал о законе приспособления (в борьбе за жизнь) и о подсолнухе. Все эти господа, рыбы, звери, растения — приспособляя свою окраску к окружающему, преследуют низменные, узко-практические цели: спрятаться, ловчее поймать, нажраться и выспаться. Политика и социализм. Но подсолнух, который своим образцом избрал — солнце! Жалкий подражатель, который тоже делает какие-то протуберанцы из желтых лепестков, самонадеянный влюбленный, глаз не сводящий с предмета: утром подставляет свою круглую рожу востоку и затем, в течение всего дня, медленно и настойчиво ведет ее вслед за солнцем и засыпает со взглядом, устремленным на запад, туда, где исчезло его возлюб-

ленное солнце. Ничтожное растение, предмет торговли для мелочных лавок, нечто, совсем неизвестное в высшем кругу ананасов, — и вдруг подражание Солнцу, Его Светлейшей Светлости!

27 апреля [1918], вечер.

Еще третьего дня взят белогвардейцами форт Ино, взят без боя. Как это могло произойти, не знаю... Да и что знать? Вчера же здесь распространились слухи, что в Питере беспорядки и образовалась своя русская белая гвардия, идущая против советской власти; и в то же время, будто финские белогвардейцы также идут на Петроград с целью водворения в нем «порядка». Уверяют, что слухи «достоверны».

Не знаю, все возможно, и особенно невозможное. Если в нашей жизни была еще хоть какая-нибудь логика до Ленина, то теперь она заменена абсурдом, и все возможно. Одно знаю твердо: мою глубочайшую ненависть и презрение к людям, сделавшим невозможное возможным.

Когда-нибудь, если не на суде человеческом, на который надежда слаба, то на суде Гиббонов¹ будет поставлено сенсационное «Дело об убийстве России». Обширная потребует скамья для подсудимых! Оставив в стороне физических виновников, которые не столько убийцы, сколько самоубийцы, суд ограничит скамью только интеллектуальными виновниками, среди коих будут и прямые убийцы, и укрыватели, и пособники. Все пораженцы и почти все социалисты, за немногими исключениями. Конечно, персонально, если только суд сумеет стать выше исторического детерминизма и вернется к истинному пониманию личности.

Теперь, когда Россия уже почти вся разрублена на котлеты и филе и поделена между трапезующими, можно сказать с уверенностью, что убийство не было ни случайным, ни аффективным. По самому трупу России можно видеть, что тут орудовал не разъяренный и слепой убийца, который лупит топором без толку и смысла, а работал внимательный и знающий свое дело мясник, у которого каждый удар топором анатомически правильно разделяет тушу. Не труп, а туша, не убийца Ленин, а мясник Ленин. Черновы и Горькие — те просто глупцы или бесчестные и узкокорыстные люди: кому деньги, кому почет и слава, кому гусиным салцем смазать вечно скрипящее самолюбие, вечно мерзнувшие ослиные уши. Человек бывает такую непокрытой скотиною, что для самого обыкновенного самолюбия, того, которому цена грош, может спокойно и даже с удовольствием осудить мир на гибель. Нет, только Ленин (и еще кто-то, но, конечно, не ка-

кой-нибудь болван Луначарский) знал твердо и ясно, что он делает, и каждый удар наносил наверняка, с гениальным провидением гениального мерзавца, или холодным бесстрашием равнодушного мясника.

Здесь не место проследживать шаг за шагом деятельность большевиков, т.е. Ленина (конечно, при поддержке и пособничестве интернационалистов). Но каждое действие точно и верно разделяет «тушу», причем средство одно и верное: подкуп. Подкупают все и всех, начиная с невинно-виновного Керенского, который патетически призывает войска: «Вперед за землю и волю»²; но удачнее всего торговля идет у большевиков, которые безмерно щедры и тароваты. И когда Керенский обрезает руки Корнилову, и уничтожается армия, и создается покорно-голодная красная гвардия, — тут и Брестский мир, и Украины с Финляндиями, и Кавказ³, и все другие порционны и обеды. Туша с мясной площадки перевезена в мелочную лавку, чавканье и урчанье — и стоны, ибо многое естся еще заживо, не только недожаренным, но и недобитым. Совершенно канибальский пейзаж.

Гибель великодержавной России так грандиозна и неожиданна, что никто в нее по-настоящему еще не верит: ни немцы, ни даже сама Россия; будто дурной сон, который вот-вот кончится пробуждением. Колосс, у которого так трудно было оттягать какой-нибудь Порт-Артуришко⁴, валяется на земле и без сопротивления (какое сопротивление у трупа!) отдает всякому желающему кошелек, одежду, наперсный крест, какие-то ладанки, зашитые на шее. Что-то берег при жизни, что-то копил и прятал в голенище или под рубаху — теперь все открыто, бери каждый. Флот, крепости, целые земли и города, Киевы и Одессы. И все в крови, за что ни хватись, липнут красные руки.

Уничтожение суда⁵... Одной этой «меры» достаточно, чтобы разрушить самое стойкое общежитие, самое крепкое государство. Законы те же, а суд упразднен, и глупцы Горькие смотрят, мечтательно разинув рот: вот это решительно⁶! И не понимают, что это — уничтожение аптек и медицины при сохранении всех болезней! Но что им, когда так ненасытно скрипит самолюбие и требует смальца, когда в руках «масс» не только лавры, но и розги. Вот и Шалапин запел в честь Маркса — малодушный и трусливый человек!

Думал я о том — в бессонницы — какого наказания заслуживает Ленин. И нашел: нет такого наказания, которое могло бы искупить меру его вины. Для мелкого «героя» или преступника есть Георгий⁷ или каторга, расстрел, есть двугривенный и арестантские роты — но для такого? Для Иуды человечество при-

думало угрызения совести и самоубийство — ну а если у Иуды нет совести? Что вообще делать с Иудой, у которого нет совести?

Есть совесть умная и есть совесть глупая. И люди глупой совести, подобно Горькому, не усмотрели в своем пораженчестве одного обстоятельства.

Когда русские солдаты и офицеры отправлялись на войну, они были связаны с остальной Россией как бы некоей смертной клятвой: мы, идущие, умрем, но вы, оставшиеся, будете продолжать наше дело. И когда они, борясь до последнего, умирали, они в смерть уносили уверенность, что оставшиеся будут *продолжать*; и только эта уверенность давала им силу защищаться, бороться и умирать. И передумывать оставшиеся не имеют уже права, ибо клятва дана мертвому. Только он мог бы освободить от клятвы, но он — *мертв*.

Семь молодых людей, идеалистов, дали друг другу клятву покончить с собою, если известное обстоятельство наступит... ну, например, будет заключен позорный мир, а они патриоты. И вот пришло известие, что такой мир заключен; и последний раз побеседовав, они разошлись по домам и трое уже успело пустить в себя пулю. И тогда новое известие: мир не заключен, это была ошибка; наоборот — война продолжается с новой силой. Могут ли четверо оставшихся продолжать жить? Нет. Они, конечно, могут пойти на войну, но если война их пощадит, должны покончить с собою. Эта — клятва мертвому, от которой никакие силы разрешить не могут.

Я нарочно взял грубый случай, где такая явственная и простая ошибка; но даже и при ошибке *менять* нельзя. При войне же, где уже легли не десятки, а сотни тысяч, моральная невозможность передумывать очевидна; и не только отдельные лица, хотя бы из высшего Циммервальда, но и весь народ уже не имеет права прекращать войну. Он может быть побежден, это вопрос силы, но *прекращать* войну — грех непростимый. Можно изменить клятве, данной живому, когда он жив, тут можно спорить; но клятва мертвому, во имя которой он и умер, не нарушима без нарушения основ народной совести. И мнимая польза, которая может быть принесена нарушением, ничтожна перед тем вредом, какой на долгие годы или даже навсегда будет приносить народу его оскверненная душа.

Этого никогда не понимали и не поймут Горькие, хотя и пишут: «Совесть издохла»⁸. И здесь они ошибаются: совесть не «издохла», а убита так же, как убита и Россия, и убийцы ее — те же.

Вероятно, когда-нибудь воскреснут обе: и совесть, и Россия — но как смердеть будет обвитый пеленами Лазарь, как он смердит сейчас!

Опять отличный погожий день. Первый раз за долгое время выбрался за пределы сада и гулял с Саввкой. Ведь не было со стороны красных настоящего террора, а как ожили людишки, во всем чувствуется. Говорят, а то все шептались.

28 апреля [1918], утро.

Не задаваясь на макароны, я сделал дневник свалочным местом. Это превосходный выход из положения. Теперь могу писать. ^ Теплый дождь. Это чудесно. В кожаной куртке и морской кожаной шапке ходил под дождем. Чудесно. Второй день почти не болит голова, это тоже чего-нибудь стоит. Похудел я сильно и на днях, после десятилетней невозможности, смог надеть поддевку. Какая стройность! И на лице моем была идиотская улыбка.

Да, чудесно. Но вот, как вчера, как вчера, душа внезапно пронзится острой печалью, бурным волнением, почти криком: подай! Это я вспомнил шхеры и Далекого. ^ У этой публичной девки Леонида Андреева, исповедывающегося на площади в присутствии протоколита и околоточного, есть целая терра инкогнита, огромная область глубочайших и ценнейших переживаний. Море и моя любовь к нему. Не то, что «вы любите ли сыр», а самая настоящая, доподлинная, нежнейшая любовь, многолетний роман с возлюбленной, стремления и томления, печаль и отчаяния, мгновения высокой радости и почти чувственного восторга. Все то, что я испытывал в юности, в периоды жестокого влюбления в женщину, я теперь чувствую по отношению к морю. Помню, как позапрошлой весной, когда море было закрыто войной, я переживал здесь странные дни: плавал по морским *картам*, и это призрачное плавание, этот длительный сон был истинной реальностью; окружающее виделось смутно и почти не воспринималось.

Море!

Еще мальчишкой, в отчаянно безводном и пыльном Орле, где одна из его речек насмешливо называлась самими орловцами «Пересранкой», я почувствовал великую тягу к морю. И, как для верующего слово «Бог», вероятно, чертится какими-нибудь особенными знаками, так для меня особенно писалось и особенно звучало слово «МОРЕ». Одно это слово, даже случайно, наполняло целую страницу и так возвышалось над остальным текстом, как Кельнский собор над остальными домами.

И тут заковыка. Почему я не пишу и не могу писать о море? Хочу — и не могу. Кажется, уже «мастер слова»; и порою я сам полно и сильно ощущаю свою власть. Но для моря — нет у меня ни слов, ни красок, ни способности работать, т.е. кропотливо и настойчиво вытакивать [т.е. вытачивать?] слова-бирюльки и осторожно строить из них воздушные палаццо. Море я должен охватить *одним* словом, одним вздохом и звуком. Как легко описать чужую возлюбленную и как невозможно свою!

И эта невозможность писать о море — одно из моих постоянных страданий. Всех целует публичная девка, а для возлюбленного — каменные уста и немой язык. Конечно, пробовал, но выходит дешевка и гнусная риторика, от восторга риторика, оттого, что все слова малы и ничтожны, их и нагораживаешь. Чувствую, что надо найти какую-то особую форму... особую форму...

Море лишь часть того, о чем я *не могу писать*. Я не могу писать о *природе* и о *моей любви*. По тому, как мало в моих вещах пейзажа и как он служебен, можно неправильно заключить, что в моем мироощущении «природа» занимает обычное полуслужебное место, такое, как и у всех вообще нормальных людей. Кто не любит «природы»? — всякий дурак в белых туфлях ее любит, всякий розовый зонтик утверждает то же.

Сумерки.

Сейчас Анна внезапно заиграла «Боже царя храни» — и меня схватили за горло слезы. Дело не в царе, а в России. В звуках гимна — несравненного, что об этом и говорить — открылось так понятно и широко и величие прежней великодержавной России, и ее теперешняя гибель. И к звукам фортепиано быстро присосли другие звуки и картины: будто встречает народ «царя»-победителя и орет громоносно и молитвенно, и плачет-плачет. Будто жаркий майский день, пыль и народ, народ. И будто несут впереди хоругви и... это странно, но так именно представилось — один из несущих — Гессен, да этот самый Гессен, Иосиф, «Речь». Лицо красно, в поту и пыли, глаза напряженно, жадно и повелительно таращатся прямо перед собой — ничего не видят — в слезах!

И я почувствовал, что и я мог орать во всю глотку это самое, неприличное, орать и плакать. Погибла Россия!

Потом играла Анна некий капельмейстерский, трогательный и печальный марш; по преданию, этот марш играли наши войска при отступлении от Лодзи¹, и так он некоторыми называется: «марш отступления». На обложке же почему-то название: «Дни нашей жизни» — очевидно, мода и сбыв².

Наташа заплакала, слушая, да и у меня от горла не отходили слезы. И широко увиделось все прежнее, когда еще были русские войска, эти солдаты с чудесными голосами и песнями, сила и державность. И как они идут, и как им печально, и как за этой печалью встает сила. Андрюша и Пруссия, его ночные проводы «под Варшаву», когда все было так необыкновенно, страшно и величественно³. Галиция и все. И опять — погибла Россия!

Что это будет в Берлине, когда туда будет вступать Вильгельм Победитель?

За четыре года войны было много чудовищного, необыкновенного, разительного (Верден, Галиция, сражение в Немецком море, наше отступление и т. д.), но по силе впечатления, по глубине и необыкновенности ощущения *мировой* войны ничто не может сравниться для меня с первыми днями, двумя-тремя неделями. Дальнейшее не только не прибавило, но в чем-то умалило первоначальное ощущение рокового и грандиозного. Светопреставление стало «бытовым явлением», катастрофа стала повторяться, и постепенно выяснилось, что и для рокового есть какой-то предел.

То же и со стрельбой «по гражданам». За этот год наслушался я ее свыше меры: июльские дни, Октябрь, обычная стрельба в Питере, наконец это 10—23 апреля, когда в пяти верстах полсуток разыгрывалось кровопролитное сражение⁴. Но ничто, даже взятие Зимнего, не дало мне такой силы необыкновенности ощущения, как первые выстрелы под нашими окнами 26 февраля [1917]. Правда, это вообще был первый раз, когда я *сам* услышал стрельбу по восставшим: раньше я только читал и знал о такой стрельбе. И *рокового* ни разу не повторялось с такою силою, как в тот сумеречный, предвечерний час, когда шумный галдеж возбужденных павловцев⁵, медленно подвигавшихся к Невскому, вдруг сменился ружейной трескотней (по неопытности я принял за пулемет). До этого мгновения были привычные человеческие крики, но этот звук стрельбы! Первая быстрая мысль: неужели *это* возможно? И тотчас же ответная: да, *это* уже случилось!

Переход через грань — вот где роковое. Дальше уже не важно, а вот самый переход — из стихии мира в стихию войны, из стихии жизни и человеческого в стихию смерти и нечеловеческого. Помню и то *молчание*, которое наступило за выстрелами, молчаливый бег испуганной толпы; многие на бегу спотыкались и падали, либо сами ложились, а я все думал, что это убитые. Потом оказался один только раненый.

Я еще не летал на аэро (а думаю!), но знаю заранее: самое сильное впечатление и чувство полета будет то, когда аэроплан *отделится* от земли. На полеты я смотрел довольно много, но даже мертвые петли Пегу не родили во мне того глубочайшего вздоха, каким вздохнул я, когда машина — вдруг — перестала — быть на земле. Этот первый вершок, аршин, эта грань перейденная⁶.

Так и первый поцелуй. Была нелюбовь, чужое, и вдруг стала — любовь. Что это?

Живешь в обмане личного, реального, временного. И только при этих переходах «через грань», когда механик словно меняет ленту, на мгновение сбрасываешь с себя обман, подглядываешь всю механику. И тогда становишься не личным, ирреальным и вечно сущим. Каков и есмь!

29 (шестнадцатое) апреля [1918], день.

Именины. Опять белые платья и торжество в том же составе: Анна, мать, Наташа и дети. Пришлые элементы отсутствовали, да откуда им и взяться? Сидим, как Робинзоны. Погода сказилась. Ночью лил дождь, а с утра дует северяк, холодные тучи и неуютность. И птицы замолчали, не слышно тетеревов, которые все эти теплые дни бунчали со всех сторон. Лед на заливе еще не трогался.

Мико рассказывает, что белые разыскивают по лесам красных. Трудно теперь в лесу, и летом, по словам Мики, много будет находиться мертвых. Много наших финнов, бежавших от набора в Кронштадт, застряли там и не могут вернуться, лед плох; брат Мики с несколькими человеками пробрался, но три раза проваливался, спасла веревка, которою все были обвязаны. Боятся, что в Кронштадте подвергнутся преследованиям и русской красной гвардии и беглецов.

Ни о Выборге, ни о России ничего не знаем. Скучные местные известия, и все тут. Робинзоны! Наша дорога еще пустынна, не понимаю, что это значит.

Если у нас с приходом белых наступило такое для всех душевное облегчение, то что же должен был чувствовать Киев, Одесса и другие? Ведь здесь была хоть и относительная, но законность, не грабили, не убивали, только порой грозили, а там? Мы лично только теперь за шесть месяцев впервые ощутили чувство безопасности, той простецкой наивной безопасности, с какою давно свыкся весь цивилизованный мир и считает нормальным условием существования. Нас не трогали, но могли тронуть любую мину-

ту. Ночью мы спали, но в любую ночь могли придти «они» (даже не финны, а те, что приходят или приезжают на сером автомобиле и убивают) и заселить дом ужасом. И когда ночь проходила спокойно, то это значило лишь одно: что *эта* ночь прошла спокойно, а с новой ночью может быть и новое. Когда к нам приходили с обыском красногвардейцы, то вели они себя очень пристойно, особенно в первый раз; и, стоя по разным комнатам с ружьями, имели вид крайне мирный. И разговор простой, полушутливый. Но если бы одно из этих ружей выстрелило в одного из нас, то — и выстрелило бы, больше ничего. Не хотелось ему, оно и не стреляло, а захоти, могло стрелять невозбранно. В России они и стреляют, по гимназистам и кому попало.

Дура лекс, сед лекс¹ — но жить совсем без закона европейцу (хотя бы и русскому) — психологически невозможно. Вероятно, низы, лишённые этого чувства законности, не европейцы, чувствовали себя иначе. На питерских сумеречных улицах, темным вечером, когда извозчик пробирался с опаской, я встречал пары и кучки чрезвычайно веселых молодых людей, искренне веселившихся. То, что пугает европейца, — темнота, заброшенность, свободные выстрелы, — им, вероятно, очень нравилось. Они же и господа положения, это у них ружья и свобода убивать, и каждый темный угол принадлежит им. «В зубах цыгарка — примят картуз — на спину надо б — бубновый туз» (Блок). И еще лучше: «Бери винтовку — иди, не трусь — пальнем-ка пулей — в святую Русь!»².

У Блока нет детей. Это очень важно (конечно, не в обывательском смысле). Иметь детей — это быть Миланским собором в мраморных кружевах; без детей — бетонированный форт или гладкая кирпично-крепостная стена. Это между прочим.

И понятно, что Киевы и Одессы так обрадовались врагу своему немцу. Пришел хоть и дурной, но закон, можно жить. А с этими? Вот мы довольно спокойно внимали грохоту сражения за какой-нибудь пяток верст, и никуда не бежали, и не гадали мучительно об *исходе* сражения. Победят ли белые или красные, жизнь может остаться (главное, дети), и никакой *особенный* Ужас не придет. А если бы вместо красных были русские «советские» войска? Их победа была бы тем Ужасом, от которого надо бежать — с воем бежать, не глядя, не думая. Выть тихонько, трястись бледным телом и бежать.

Даже в аду есть какой-то закон, иерархия, порядок. Раз мне смола горячая, то и смола, а иначе Самому жаловаться буду! Большевики сделали жизнь худшую, нежели в аду. И если я буду когда-нибудь писать истинный ад, то откажусь от благодущных

предрассудков и за образец возьму Ленинское царство. Как это ни странно, но до сих пор в голову никому не приходило, что черти могут быть *взяточники* и освобождать или смягчать за взятку или пытаться за грош. В сущности черти были образцом честности, хотя и жестокой; посмотреть на ихние договоры с людьми — ни один нотариус не напишет крепче! Ни одному сказочнику не взбрело на ум, что черт может «аннулировать» договор, хотя бы и самый невыгодный. «Твоя взяла!» — говорит со вздохом и благородно удаляется. И разве когда-нибудь черти крали друг у друга сапоги?

Вечер.

По новым сведениям — форт Ино не только не взят, но готовится к защите, получая помощь морем из Кронштадта; в свою очередь белая гвардия поджидает немцев, а пока расставляет орудия у станции Ино. Если будет бой, то Ваммельсуу и в первую голову наш верзила может попасть в «сферу огня». То-то и поезда не ходят. Что ж, возможно, все возможно.

Значит, ходи снова и прислушивайся. И обдумывай снова, куда прятать это непрочное сокровище, детей. Сюда бы собственно надо не меня, а любителя сильных ощущений. Еще рассказали сегодня, что около кузницы валяются трое убитых (расстрелянных), в числе их один русский. Почему валяются? Во всяком разе это придает дополнительный смысл мирному нашему пейзажу...

В моем старом дневнике, подлежащем уничтожению, от 1 августа 1891 г. записано следующее.

«...Итак, я хочу быть известным, хочу приобрести славу, хочу, чтобы мне удивлялись, чтобы преклонялись пред моим умом и талантом. Всего этого очень трудно добиться, но данные у меня есть. Я говорю про ум и про известные убеждения, благодаря которым я могу почитаться истинным сыном своего века. Я хочу написать такую вещь, которая собрала бы воедино и оформила те неясные стремления, те полусознательные мысли и чувства, которые составляют удел настоящего поколения. Я хочу, чтобы в моем сочинении отразилась вся многовековая культура человечества, вся современная социальная, моральная и интеллектуальная его жизнь. Я хочу на основании тысячелетнего опыта человечества, на основании самосознания, на основании науки показать человеку, что ни он сам, ни жизнь его — ничего не стоят. Я хочу показать, что на свете нет истины, нет счастья, основан-

ного на истине, нет свободы, нет равенства, — нет и не будет. Я хочу показать, что вся жизнь человека (ого!) с начала до конца есть один сплошной бессмысленный самообман, нечто чудовищное, понять которое — значит убить себя. Я хочу показать, как несчастен человек, как до смешного глупо его устройство, как смешны и жалки его стремления к истине, к идеалу, к счастью. Я хочу показать всю несостоятельность тех фикций, которыми человечество до сих пор поддерживало себя: Бога [*sic*], нравственность, загробная жизнь, бессмертие души, общечеловеческое счастье и т.д. Я хочу показать, что одна только смерть дает и счастье, и равенство, и свободу, что только в смерти истина и справедливость, что вечно одно только "не быть" и все в мире сводится к одному, и это одно, вечное, неизбежное есть смерть. Я хочу быть апостолом самоуничтожения. Я хочу в своей книге подействовать на разум, на чувство, на нервы человека, на всю его животную природу. Я хотел бы, чтобы человек бледнел от ужаса, читая мою книгу, чтобы она действовала на него как дурман, как страшный сон, чтобы она сводила людей с ума, чтобы они ненавидели, проклинали меня, но все-таки читали... и убивали себя. Мне хочется потешиться над человечеством, хочется вволю посмеяться над его глупостью, эгоизмом, над его легковерием. И когда хоть один человек, прочитавший мою книгу, убьет себя — я сочту себя удовлетворенным и могу тогда сам умереть спокойно. Я буду знать тогда, что не умрет семя, брошенное мною, потому что почвой его служит то, что никогда не умирает, — человеческая глупость»³.

Мне тогда не было полных 20 лет, я не писал еще никаких сочинений, кроме гимназических, и все это было бы простой бравадой со стороны провинциального юнца, начитавшегося Гартмана⁴, если бы... не дальнейшее. Как мог мальчишка так крепко сложиться, так ясно, хоть и наивно, начертать свой путь? Страшно некогда имя Леонида Андреева было осуществлением этой ребяческой мечты.

Помню один любопытный вечер. Это было после «В Тумане», на одной из «сред»⁵, у Голоушева. Был наш обычно милый, слегка шуточный, полный добродушия разговор; слегка и пощипывали друг друга, но безо всякой злобы и серьезности. И вдруг — я и тогда не мог понять, как это случилось, — разговор странно и тяжело обострился. Речь шла о «Тумане», о котором тогда говорили все, и после первых невинных шуток появилось что-то до крайности серьезное, угрюмое, почти угрожающее. Я еще шутил, но вижу: сердитые, в сторону смотрящие глаза, будто побледневшие лица, поджатые губы — значит, серьезно? Поджал-

ся сам и почувствовал тот холод, ту внутреннюю бледность, что вызывает слова решительные и злые. Кто-то передал слух о гимназисте, покончившем с собою после «Тумана».

— Это только слух, — сказал другой, но сердито. И прямо обратился ко мне: — А если кто-нибудь действительно покончит с собою из-за твоих вещей? Что ты тогда скажешь? — И зло я ответил: — Скажу: я доволен.

Разговор тут же оборвался — пожатием плеч — и разошлись мы скучно и тяжело. И тогда же какое-то смутное воспоминание мелькнуло у меня: что я такое уже говорил когда на эту тему? И, покопавшись в забытом дневнике, нашел эту самую характерную запись. Так!

Хорошо, что критики не знают, а то сказали бы, что уж совсем нарочно пугает: еще в детстве решил напугать читателя — и пугает. А им — не страшно⁶! Смельчаки.

А Был снег, но растаял. Сейчас ниже нуля. Смотрел тот берег залива. Воздух ясен, и гористый берег виден отчетливо, можно в мой бинокль различить дома. И все скаты в снегу свежем, напоминающем позднюю осень. Местами, из-за тяжелых туч видимо просвечивает солнце; там все кажется розовым. Наша сторона залива очистилась от льда, но у того берега ослепительно белая, местами желтая полоса. Холодно и красиво. [↓] ^

Еще сведения. Выборг и Бьерке заняты белыми, остановка за одним Ино. Путь поправляют. Как передают, красные в Райволе еще в Понедельник 22-го знали, что положение их безнадежно, и все «начальники» еще накануне боя удрали в Ино и оттуда в Кронштадт. Так что у Райволы дралось только брошенное несчастное стадо — и гибло. Так и у нас, я думаю, в нужную минуту удерут все Ленины, Троцкие и Зиновьевы, предоставив погибать всей своей «красе и гордости революции»⁷.

Наказание для Ленина! Вздор.

30 апреля [1918], утро.

Ночью начался сильный мигрень и продолжается. Наружи — сумрачно-серое небо с холодными и скучными облаками, порхают изредка снежинки. Холодно, я не выходил.

Говорят, что расстрелян рыбак Иван, из слободки. Я его хорошо знал, он ставил мне вехи на фарватер, делал весла; раза два ходил со мною в море, раз помогал снять с мели яхту. Был обык-

новенный финн, бедняк, слегка пьяница, старался, где можно, сорвать лишний рубль, но без жадности. Последние годы он таскал в лодке какого-то толстого русского ловить рыбу удочкой. Всегда улыбался. Душа же его, как душа всех финнов, мне неизвестна.

Проглядывал сегодня собранные Зелинским статьи о Толстом. Поразителен общий низкий уровень, грубость, самохвальство и хамство; и такая жиденькая мысль даже у лучших. И понятно, что ничем иным, как большевизмом, не могла проявить себя «свободная» Россия. Любопытно, откуда у этого молодого и совсем неплохого народа могло появиться такое чувство *непочтения*, такое хамски надменное, даже презрительное отношение к избранным? С одной стороны, Бог и совесть и всегда общественность, а с другой — чисто арестантское неглиже с отвагой и вечное стремление заехать в зубы. Так презирать человека, как Скабичевский презирает Толстого за «Анну Каренину» и вообще, может только дурак¹. А ведь он не дурак, он видный критик и его книги идут пособиями в гимназиях.

Это ужасная вещь в России: отсутствие внутреннего чувства иерархии — наряду с хамским низкопоклонством. Нет ни старших, ни лучших, ни уважаемых; кланяюсь только потому, что в его руках физическая сила. Меня всегда трогало и еще больше удивляло, когда кто-нибудь незнакомый на улице кланялся мне. Не уважается ни труд, ни знания, ни честность, и в то же время нигде в мире всякий сукин сын не требует такого «уважения к человеку», как у нас. Отсюда такая легкая и самодовольная расправа с офицерством, интеллигенцией, всеми «лучшими»: я и сам хорош! И тут же пропадает от глупости и невежества, потому что сам и высморкаться не умеет, считает только до десяти.

Я не знаю глубины народа и не могу сказать с уверенностью, что он весь таков. Но интеллигенция — такова, и это она всей своей «писаревщиной» положила начало Великому Российскому Хамству. Ведь не из народа, который только *ждал* и был готов как на хорошее, так и на плохое, а из всех этих «Правд», «Новых жизней» и «Дел народа» раздался призыв: бей ученого!²

Неужели Горькому даже во сне не снится, что кровь Шингарева², юнкерочков³ и прочих, имена коих ты, Господи, веси, — и на его руках? Нет, должно быть, не снится. Счастливый глупец, красавец только потому, что никогда в руки не берет зеркала.

Болит голова и трудно писать, стучит в ушах. А кругом машины и лампы собрались, как тараканы, и шьют мамаша и Анна. Тут же, в кабинетной печке, готовится ужин, воняя. Присела с правого боку Наташа, и я заперт, как шашка.

Погода наладилась.

Сегодня брали у нас белогвардейцы сено. Посмотрел на их финские лица, приятно. Один похож на Гоголя в молодости. Да, я тогда только /понимаю/ тогда [sic] что-нибудь понимаю в событиях и людях, когда вижу лица. Иначе суждения плоски и непременно на какой-нибудь шаблон. Видел я как-то на Невском (это было еще в начале) маршировавших анархистов со знаменем «смерть буржуйам», они готовились тогда к глупейшим и совершенно головоугодным похоронам Ас[н]ина, того самого разбойника и низкого тупицы, у которого на спине коротко нататуировано: х... Я потом видел его фотографию и испытал человеческую жуть от этого безбожно тупого и низкого затылка. И вот — из кабинета эти марширующие анархисты с своим тупым знаменем и тупым Ас[н]иным — просто низкая чернь, глупцы, жалкое двуногое, а посмотрел я на их лица, и встало предо мною *извечное*. Да, рабы с их впалыми щеками и глазами, вечная обида, вечный гнев и восстание. Конечно, они ничего не понимают ни в анархизме, ни в Ас[н]ине, но они знают другое, важнейшее, вечное, о чем не помышляла рассерженная приличная публика на панели; и они были выше самих себя и своего грубо нацарапанного знамени. И все это — и многое другое, о чем долго было бы писать, — увидел я по их лицам¹.

И как они несли *свои* винтовки! Целая поэма. То, что всегда было обращено против них и грозило им смертью, теперь в их руках: это надо почувствовать! Оружие делало их людьми, они всеми лицами своими выражали это; и, по-видимому, они считали себя с этими винтовками — непобедимыми, сильными и свободными до ужаса. Я велел кучеру ехать шагом, и долго всматривался, растроганный; и были смутные поползновения души — взять и присоединиться к ним.

А на другой день из газет опять видно было, что это простые дураки.]

Но есть и какой-то обман в лицах, которого я не могу понять. Уже в теперешнем январе², ходя по смутным улицам и ловя слухом какие-то выстрелы (где-то кого-то), я вглядывался в лица тех, кто предположительно и наверное стреляет, убивает и производит те самые зверства. И странно: встречались лица неприятные, но такого, чтобы зверства, не видел ни одного; и даже представить нельзя было, что именно из этих солдат, матросов, красногвардейцев и просто черных набираются те самые. Люди, как люди, как всегда.

Где же таится *это*?

Газеты постоянно сообщают: «С приходом немцев прекратились грабежи и убийства...» Убийства прекратились, но убийцы? Убийцы (будущие) остались и где-то тут же, с своими мирными лицами и мирными занятиями, и ни за что не узнать, что они убийцы, пока снова не отпустит их кто-то.

Сегодня в Питере торжества «по Луначарскому»: первомайский праздник с участием Бенуа и Гржебина³. Интересно, что было — если вообще что-нибудь было. Совести у этих мерзавцев нет, и то, что под боком гибнут провоцированные финны, соблазненные и обманутые, не помешает им соответственно украсить. Этот ничтожный и нечестный Луначарский — давний приятель и соратник Горького; много раз они, вероятно, целовались, и много раз Горький смотрел на него теми влюбленными глазами, которые он так хорошо умеет делать.

Сведений о мире никаких. Подтверждается, что Выборг взят и, по-видимому, с красногвардейцами вообще покончено. По нашей дороге возобновилось движение, служебное. Сегодня почему-то довольно много разрозненных ружейных выстрелов; наши слышали вдали даже три пушечных.

Что думают о нас? Ведь они (Павел, Илья и другие) также ничего не знают, как и мы; а газетные известия, вероятно, уже сообщившие о бое на Райволе, должны повергнуть их в полное и тревожное недоумение.

Меня беспокоит Андреич. Очень боюсь, что с ним не благополучно. И что Сергеич? Милая душа, с каким восторгом я обнял бы его, и как бы говорил! Время приучило сдерживать беспокойство, быть готовым к смерти самому и того же ожидать для всех любимых. Но *одной* смерти я, вероятно, не мог бы выдержать...

Голова нынче не болит, но определенно побаливает печень. Это плохо. Но... откуда-то все же явилась слабая надежда на поправку, маленькую поправочку. Или обман?

3 мая [1918], утро.

Дыхнул север. Вчера при солнце полуштормовой норд-ост, совсем холодно, вьются снежинки, ноют старые ревматизмы и невралгии. Сама по себе погода не плоха, но мы так устали от холода и снега, что малейший возврат к зиме приводит к тоске и отчаянию. Посвечивает и солнце, но холодно — разве так это делается в Италии и Индии! На заливе (с башни) порядочное волнение, пенистые гребни и глубокая, но холодная синева. Красиво.

Для нас еще тем важна погода и солнце, что только они могут хоть на несколько шагов отогнать Дьявола всероссийской тоски и смуты. Похолоднее, насупись небо, и готово: Ленин наяву, Ленин во сне, деваться некуда от тягостных мыслей и представлений. Вчера я засыпал ночью с таким стесненным сердцем, с такой мрачно-безрадостной душою, словно постигло меня глубочайшее несчастье, постигло или караулит. Темные предчувствия, дыханье коротко и тревожно. И уже две ночи подряд вижу в бестолковых и мучительных снах всероссийский кавардак и Ленина с угодниками.

Когда это разрешится? И здесь смутно и как-то нерешительно. Сейчас в большой дали прогудели два пушечных выстрела: кто, в кого? При всей защите моего имени, мы, как русские, на положении особенном; телефон наш выключен и вообще кисловато. И тянется эта галиматъя, и тянется, и хочется под конец взвыть от ее глупого однообразия. Да, нервы не выдерживают. И все в доме раздражены, трудно удерживать от маленьких ссор и ключих разговоров. Тут еще помогает голодовка. Хорошо наевшись (бывают такие случаи), становятся веселы и любезны.

И все это расстреливаются русские снаряды из русских орудий. Думал ли Рябушинский, «мобилизуя промышленность», что чем больше наделают патронов и ружей, тем будет хуже? И сколько их оказалось! Для войны все не хватало, а теперь и финны, и всякие красные и белые, и Корниловы, и гайдамаки¹ никак не могут расстрелять. Мобилизовали! Никаких сил не хватит у России снова создать армию, все растрачено и разворовано в лоск. До основания, до последней солдатской пуговицы. И в деревнях вместо плугов — превосходные пулеметы, а где побогаче, там и пушки. Ободраны догола и корабли; теперь этих железных нищих хотят спрятать в Ладожское озеро². Россия!

Рассказывают, что несколько здешних финнов, застрявших в Кронштадте, наняли там за большие деньги лодку и в шторм приплыли сюда. Вообще интересных приключений много и «драматических эпизодов» сколько угодно. Взять скитания какого-нибудь красного в лесах и бегство в Кронштадт (они тоже добывают лодки и бегут). Нет у нас литературных специалистов на это дело, жалко.

¹ Страстная неделя, пятница. Как некстати тут норд! И звучит глупо. Другое встает: Орел, тепло, пахучая ракета, разлив рек, веселая гимназическая религия, шатанье по Болховской. Помню: вот в гимназическом зале, в ожидании очереди идти к старому батьке

на исповедь, сижу на подоконнике открытого окна и смотрю на солнечную, теплую, весенне тарахтящую улицу. Или: пальто в напашку, в шитой рубашке, иду по Очному мосту и смотрю на мелькающие носки блестящих, собственноручно начищенных сапог. Вечерок, внизу разлившаяся полноводная река. И сапоги красивы, и сам я красив — а навстречу плывут тоже молодые и красивые, и где-то церковный звон. И в каждую я влюблен, и каждая смотрит на меня, но глаза у меня вниз или прямо перед собою и вид строг. От застенчивости и самолюбия, от полного чувства, что я красив и на меня смотрят, — я всегда так ходил: глаза перед собою и выше. Вероятно, я был очень красив, об этом сочинялись местные легенды. Потом, так и один прохажив вечерние весенние часы, несую свою красоту на домашнюю Пушкарную³ — и чувствую с каждым шагом, как все более ненужною становится эта красота. И вот я совсем один, а в душе любви и печали на тысячу поэтов, на целую женскую гимназию! Это начинается мое странное одиночество.

Или: шатаюсь один по весенним полям, под жаворонками. Вдали сады, немного крыш и церковные главы, то синие, то горящие золотом на солнце, и оттуда идет мягкий колокольный гул: это Орел и пасхальный звон. Войдешь с безлюдного поля на одну из окраинных улиц — что за веселье! Красные рубахи, говор, ребячий крик, перепуганные, но счастливые куры. Играют в лодыжки (бабки), где-то гармоника и совсем близко беспорядочный, но залихватски веселый трезвон. Сапоги у меня пыльные и в ногах усталость, но так приятно быть путником среди разного, то одному быть в зеленеющем поле, то быстро проходить сквозь весенне-праздничное человечество. ^

И Пасху слопали социал-идиоты. Одни совдепы, кровь и шалыпинская кантата в честь К.Маркса. Ликуй ныне, Маркс, зря российское головоутиение! Штатский и военный портной «Кобелев из Берлина» перекроил по-своему твоё немецкое платье, и защеголяла вся Растеряева улица⁴.

В тарнопольские дни⁵, когда пришли еще только первые вести о нашем постыдном и жестоком разгроме, но я ничего не знал (это было воскресенье), я позвонил нашему Розенфельду о новостях. Он говорил странно медленным и вялым голосом: «Да, устал»; потом спросил его про фронт. И тут в трубку, в самое ухо мое вдруг ворвался какой-то странный и посторонний звук, не то женский высокий плач, не то клоунски визгливый, нарочитый смех, каким смеются для мистификации. Догадка, что кто-то соединился и подшучивает.

— Кто это? Что такое?!

И громко и горько плачущий голос Розенфельда:

— Друг в друга стреляют!

— Кто?!

— Наши. Друг в друга стреляют!

Это, оказывается, он так заплакал. Черный еврей, хроника, что ему Гекуба. И еще раз я видел *слезы* о России. Анна читала вслух Гредескулу мою «Гибель», только что написанную, — и он плакал. Было и больно и страшно мне смотреть на его старое, вдруг откровенно, как у детей, исказившееся лицо и на эти крупные слезы, одна за другою капавшие на сукно стола. И я сам ходил по комнате и, отвернувшись, плакал.

Эти два случая единственные за все время нашего несчастья, когда люди плакали. Когда я сказал Илье о Тарнополе, он ответил чем-то из «Дела Народа», и хотелось дать ему пощечину.

21 апреля (4 мая) [1918], день.

Солнце, но гнуснейший северный ветер; ночью доходил почти до шторма, выл, стучал черепицей и наводил уныние. Холод в самых костях. Теперь налетает шквалами; талантливая ворона под ястреба планирует против порыва, и ее сносит. В затишье, на солнечной стороне 15 градусов, а со стороны ветра — градус-два морозу: это холод исключительно ветра. Работал часа два в саду, возил в тачке тяжелую глину, и было тепло, лишь кончил — опять нудная стужа.

Утром приходили два белогвардейских солдата, просили есть, а вчера за тем же приходила полуодетая женщина с грудным. Но что им дать? У самих нет. Женщине дали денег, но это «и кто-то камень положил в ее протянутую руку». Голод. Солдаты из дальних мест и удивляются, до чего у нас бедно: ни молока, ни картошки, ни сена.

Непонятно постреливают ружья. Забавляться некому и на расстрелы не похоже. Неприятно и наводит сомнения в преимуществах порядка перед беспорядком. Все же сегодня в нашей церкви предполагается заутреня, будут стараться воскресить Христа. Едва ли воскреснет.

Вот весьма поучительный документ:

Териоки, 29 апреля 1918 г.

Перевод объявления жителям Териокского Района.

1) Объявляю, что временным Полициеймейстером Териокского Района назначаю писателя Микко УОТИ-НЕН.

2) Объявляю, все жители Териокского Района обязаны иметь при себе надлежащее удостоверение для проживания в вышеозначенном районе. Удостоверения выдаются в Териокском Полицейском Управлении, и объявляю, что все, которые после 7 мая окажутся без вышеуказанного удостоверения, будут расстреляны.

3) В дополнение объявления от 27-го сего месяца объявляю, что все те Русско-подданные, которые желают уехать из страны, должны явиться в Териокское Полицейское Управление, где можно узнать подробности отъезда. Отъезд назначен на 5 мая¹.

4) В виду того, что прошлой ночью какие-то темные лица произвели несколько выстрелов по нашим патрулям, объявляю, что сегодня за каждый выстрел расстреляю 25 человек из числа арестованных.

Командир 1-го полка Карельской Армии
и Комендант Териокского Района
Майор: Ельвенгрэн.

Да, это ужас. Но еще больший ужас в том, что результаты оправдывают меры; и там, где людей расстреливают, как собак, воцаряются мир, благоволение и весьма чуткое чувство законности.

В глупейшем романе Борна «Тайны Мадридского Двора», дорогое мне по воспоминаниям детства, приводится прокламация одного революционного генерала, где говорится: «...И не забывайте, испанцы, что в случаях, когда народы управляются сами собою, история запечатлевает неизгладимыми буквами их страсти и черты их характера. Будьте, как всегда, храбры и великодушны!»²

А какими буквами запечатлеет история «страсти и черты» русского характера? Его великодушные, например?

Вечером.

Сегодня десятилетие нашего супружества с Анной.

Новость: будто Финляндия объявила войну России. А Мика сообщил, что через две недели здесь назначен общий набор — всех от 20 до 40 лет. Газет нет и точных сведений по-прежнему не имеем, приходится гадать.

Что ж, и это безумие возможно. Если не сами, то под давлением Германии. Для Финляндии (и для нас в частности) это почти верная гибель. Только немедленный мир и интенсивнейшая работа могут спасти от катастрофы. Но сумасшествие еще сильно в

мире. Мания руссика и мания германика. И особенно опасно заражение для маленьких стран, а они почти сплошь заражены. В каждой зреют свой Робеспьер³ и свой Бисмарк⁴. А Россия в ее теперешнем трупно-придорожном состоянии вызывает неудержимый аппетит. Все возможно, раз стало возможно ленинское царство и заключение евреями Караханом и Троцким мира от имени России — мира!..

Трудно догадаться, что сейчас великая суббота, тот вечер, когда колокола и прочее. Женщины стараются что-то соорудить, Анна достала заветный фунт ветчины, и каждому будет даже по крашеному яйцу (2 рубля яйцо). Сейчас собираются в холодной столовой и наводят что-то предпраздничное, стелют скатерть и будут пить чай с *молоком*. Христа по военным обстоятельствам будут воскрешать только завтра утром: выход на улицу ночью, даже воскресшим, воспрещен. По виду ты Христос — а вдруг ты красная или белая гвардия?

Интересны настроения русской Пасхи. Вместо быта и спокойной официальности — несомненный религиозный надрыв, слезы и жалобы... и стрельба. Неуместное и крайне несвоевременное воскресение!

5 мая (22 апреля) [1918], Пасха. Утром.

А Не Пасха, а ирония. Ночью было семь градусов морозу — Боже мой, семь градусов морозу! Сейчас холодно-сумрачное небо, стужа, и флюгер вертится, но как Николай II — только в сторону мерзости. Свистит точно сквозь зубы и вот-вот начнет плевать. Весь дом прохолодал и люди ежатся, дров-то мало. Утром, при большом малолюдии, один поп, даже без диакона, неудачно воскрешал несчастного Христа. Вадим вернулся с красным носом, и весь его праздничный костюм был ни к чему.

А вчера при торжественной обстановке (горела лампа над столом и с непривычки к керосину еле зерила [sic]) было роздано разговление, именно: полфунта кулича, красное яйцо, кусочек ветчины и слипок творожной пасхи. Все говорили: какая роскошь! И мать даже растерялась перед изобилием. Было жутко и мучительно смотреть на эту роскошь, и как ни взбодрилось настроение, больше походило на похороны.

Почти всю ночь не спал от тягостных мыслей. Все Россия. Читаешь какое-нибудь отвлечение, пока начнут слипаться глаза, заснешь, а через час просыпаешься, и начинается. Была Россия, нет России, умерла Россия. Лазарь испустил дух и в гробу. Потом будет длинная история воскресения (если только будет), будут

новые люди, но для нас и для этой России — только тлен и смерденье. Смердим на весь мир. Но другие могут зажать нос, а каково самому покойнику, не потерявшему способности обонять?

Воняю, брат, воняю!

Все хочу написать рассказ про ученого негра, окончившего Кембридж. Вернулся на родину в белых перчатках и воротничках, с желтым чемоданом, называл родню «туземцами и черномазыми» и гнушался жареным крокодиллом. А вскоре, съев желтый чемодан, готовил соус из миссионера, припоминая уроки ресторанной гастрономии, и презрительно говорил:

— Разве вы, туземцы, что-нибудь понимаете!¹

Томительное состояние душевного гнета и безделья. Ходишь по холодным комнатам и не знаешь, куда себя приткнуть, — ничего не хочется. Где-то под ложечкой застыл скулящий вой, но и выть... За окнами подлая мразь. Фотографии поглядеть? Рим? Венецию? Шхеры?² Нет. Скорее бы обедать, да под теплое одеяло... Но и там мерзнут ноги и в ухо, сквозь подушку, приносится свист ветра.

Детишки на лестнице играют в мяч. Живой шум приятен — но не то. Развинченная, как и я, Анна долбит рояль. Нет, какая тут музыка! Стремительно бегут за окном сухие порошинки снега. О, проклятый Север! Он всегда стоит около и наготове, как огромная ледяная раскрытая могила. Я его боюсь, его образ пугает меня, как что-то живое и нарочное.

Была ужасна нынешняя зима. До Рождества стояли беспощадные морозы. Мы ютились в нескольких комнатах, а в пустом кабинете и столовой жил мороз. Тусклый свет безбожно короткого дня, и все никак не согреешься, непрерывное чувство озноба: даже и в жилых комнатах шел пар от дыхания. Потом бешеные метели. В одну ночь даже страшно стало, так гудел и рвал крышу ледяной ветер.

Будто со всех сторон идут убийцы, и сам ветер убийца, и вся жизнь подходит к концу. Дрожали стены, взглянул на лампу на ночном столике — она дрожит на своей подставке. Нет, что-нибудь *происходит!* Не может быть, чтобы это была просто — погода.

Тогда у нас жил Андрей. Вышли мы с ним наружу — сам Север пришел! Против ветра нельзя двигаться и дышать. Темный дом точно в клубах дыма, будто шевелится, будто призрак. Царство безнадежности и смерти. Было 23 градуса при ураганном норде, вещь редкая даже для нашей мерлоты.

...Порошинки превратились в настоящий хороший снежок. Кружится и сыплет. И свистит, отвратительный звук. Да, веселая комбинация!

Вечером.

Завтра посылаем Мику (Микко) в Нейвола к Фальковским за новостями. В этой Нейволе собралась целая колония, которую я назвал «колонией на кратере» ввиду постоянных ссор и сплетен. Там жил Горький, там дачи Чирикова, Иорданских, мерзавца Демьяна Бедного, такого же Бонч-Бруевича, Оль-Дора и других. Там скрывался в свое время и Ленин, и туда приезжали с неудачным обыском после июльских дней юнкера. Сейчас там Бонча нет, как и Горького, но прибавились Щеголев, Давыдов и еще кой-кто.

Любопытно, что эта тяга в Финляндию началась после моего поселения в Ваммельсуу и под несомненным влиянием, но почему-то все избранное общество предпочло не наше красивейшее место, а Нейволу, хоть и гористую, и тоже красивую, но далекую от моря. Видимо, и здесь судьба желает продлить мое почтенное одиночество. Прежде я не жалел: пьянство, дразги, всякая мелочь — лучше одному, но (теперь) было бы лучше даже в этой компании.

Собственно, они милые люди, но смешно и горько, что я без направленства считаюсь как бы безнравственным и плохим человеком, а они, направленские, держат знамя и вообще образец. Тот же Щеголев, столь неосторожный с деньгами, или Иорданский, умеющий и продать и купить, и прикопить и позаимствовать, постоянный пьяница, заставаемый в коитусе с литераторскими женами... так, по пьяному делу. Грязь большая. И те же Щеголевы и Иорданские держат знамя, когда я иду в «Русскую Волю», и блюдут высокие заветы.

Впрочем, я несколько лгу на себя. Мой моральный вес, как это показала несчастная «Русская Воля», стоит крепко; в конце концов я *один* перевесил всю клевету, Протопопова, Амфитеатрова с Гореловым и всю нечисть. Любопытно, что в самое жестокое время травли я как бы выделялся из среды остальных (Милюков сделал это печатно)³, и в революционные дни, когда малейший грех «Русской Воли» вызывал восторг клеветы, мое имя умалчивалось. Конечно, шипели по поводу статей, но тихо и приземисто, почти с уважением. А это было как раз в те дни, когда создавались по малейшему поводу одиозные имена (хотя [бы] того же безобидного Авксентьева) и держались прочно в атмосфере ненависти, под

постоянной угрозой самого дикого самосуда. И мое избрание в члены Совета Республики⁴ было по истечении года «Русской Воли» как бы полным признанием моей безукоризненно честной позиции.

Сегодня случайно (в клозете) прочел на обрывке старого номера «Знамени труда», что мой «Савва» шел в рабочем василеостровском театре и имел «огромный успех»⁵. О самом успехе не стоит говорить, но любопытен факт, любопытна и уважительная рецензия в этой абсолютно враждебной газете. По-видимому, и здесь мое старое имя в связи с определенностью поведения превысило клевету и все несчастья «Русской Воли»: ведь я в это время был уже редактором газеты и всеми силами боролся с большевиками. Показательна была моя поездка 1 марта в Государственную Думу⁶, когда еще стреляли, но уже весь город был черен от революционной, возбужденной толпы. Какой-то случайный автомобиль с солдатами взял нас с Ильей и, натываясь на массы марширующих к Думе солдат, колесил по городу; и на невольных остановках толпа (простонародная) кричала мне «ура». С «ура» прошел я в Думу, куда было не протолпиться и не пройти без пропуска; и только в Думе облили меня холодом Кадеты и журналисты — они же знали, что такое два месяца возникшая «Русская Воля»!

Дешевый народишко. На обратном пути из Думы, также в случайном автомобиле, крытом, но с выбитыми пулей стеклами, пришлось из-за тесноты остановиться на несколько минут на Невском, и заглянувшие в разбитое окно восторженные незнакомцы также прокричали мне «ура!».

А как легко было сделать меня контром, корниловцем и еще как там! Да, здесь моя большая победа, ибо *мне* не простили бы ничего, ни одного неверного шага или неудачного слова. Горькому прощают все, мне — ничего. Одинок, высок и нет партийных «друзей» и пособников. Все живут кучками, все держатся друг за друга: Мережковские-Философ[ов]ы, Кадеты, Иорданские и Горькие, один я безо всякой подпоры, открыт всем ветрам, как мой глиноногий финляндский верзила.

Любопытно складывались мои отношения с «левыми», каковых я в большом количестве и избранного качества (кроме большевиков) встречал у безответственно-бестолкового, но лево-пламенеющего Ильи («Я не читаю "Русской Воли"!»). Громан, Чернов с черновцами, Череванин, Лебедев, Авксентьев и мелочь. В начале бывали несколько официозны и слишком красноречивы, и я думал, что они всегда такие, а оказывалось, что это я на них действую так: как классная дама на институток или архиерей на эк-

замене. Выпивши, слегка откровенничали. Один Чернов держался по-черновски, пил, обнимался с привезенными дамами, и раз устроил нечто похожее на приличный бардак. Пел, тряся головою, собственные куплеты, весьма остроумные, — и никакого участия в политических разговорах не принимал. (Да, забыл: еще чудесный доктор Фейт, член с.г.Ц.К.⁷, и тоже фанатичный интернационалист Сухомлин-сын, жестоко сражавшийся с оборонцем-отцом). Был один странный вечер: был Лебедев, Фейт, Авксентьев и другие, приехали Чернов с черновками и черновцами, Громан и Череванин, все с каких-то заседаний. Череванин сказал интимно: «Плохи дела, очень!» — с выражением. Да и так видно было, что плохи, это было в начале Октября. А вскоре, знатно выпив, запели студенческие песни: «Не осенний мелкий дождичек», «Проведемте, друзья» и прочее.

Пели истово, с захватом и чувством, Чернов запевала; и я, хоть и трезвый, пел и думал: «Где же тут идиотские партии и вся эта безумная галиматья? Разве все это не один и тот же давний и всегдашний русский интеллигент?» Потом пошли плясать русского, Фейт играл в азарте, а Чернов и его противник и враг Лебедев щелкали каблуками и вздергивали ноги.

Было странно, непонятно и жутко. И многозначительно: ведь Россия гибнет.

Потом Фейт сыграл (как оказалось, для меня) польку из «Жизни Человека» — значит, и Некто в сером с догорающей свечой стоял в углу и смотрел. Еще Он... и чья свеча так дымно и страшно горела, кончаясь?⁸

6 мая [1918], ночь.

Мрачный день.

В Нейволе живут, но сами толком ничего не знают; Фальковский от крайней осторожности написал совершенно бестолковое и ничего не говорящее письмо. Мика рассказывал, что 23-го они уже укладывали вещи, чтобы бежать, сейчас успокоились. А я 23-го с Саввкой деревья сажал!

И по-прежнему царство догадок и гаданий на кофейной гуще. Вдруг за каким-то чертом против самых наших окон готовятся рыть окопы — тут Саввка парник делает, а они окопы! Стреляют зря. А вечером с башни слышал где-то около Ино пулемет — учатся, что ли? Но противно. Утром опять заходил голодный белогвардеец, просил хлеба, и опять нечего дать. Есть неприятное в этих посещениях. Но о какой войне с Россией тол-

куют эти несчастные голодные люди? Даже для желтого дома неприлично.

Голова болит, сна нет, из души отравла прет, как водка из именинника. Всю ночь тошнило большевиками. Имел честь в мрачном сновидении лицезреть самого Троцкого. Мои сны уже давно построены на мании преследования — следствие критической травли; теперь это приняло новую форму — назойливой и бесконечной чепухи.

Но страшнее всего Голод. Север и Голод — вот два призрака, которые стоят над душою. Смотрю сегодня на стены и думаю: их, что ли, есть будем?

Образец человеческой логики. Дом, если не сгорит и не расстреляют, думаю продать, дело решенное. И мне 46 лет, прожить рассчитываю недолго. А сажаю нынче деревца в саду и все беспокоюсь, чтобы через 25 лет, когда поднимутся, они не загородили вида из окон. И сажаю с тщательным и обдуманым расчетом. А жаль все-таки, что не увижу, как это будет тогда. Ведь здесь было чистое поле и мною посажено много сот дерев; вероятно, будет красиво.

Микко наш никуда не годный работник, в саду работаю я, Вадим и маленькие. Нет людей. И вообще дом опустел. Перед войной у нас служили:

Николай, монтер, столяр, на все руки

Андрей, лакей, жил с женой и ребенком

Микко с женой и детьми

Гувернантка

Нянька

Студент для Вадима

Кухарка

Судомойка

Прачка

Горничная

Портниха

Наташа, жена покойного Всеволода, вроде экономки.

Сейчас:

Микко со своими

Эльвира, девица на все

Наташа

Немка для детей¹.

Теперь все это странно и трудно представить. И всегда еще гостил кто-нибудь.

Вадим за этот год вытянулся: 15 лет, а ростом с меня. Посмотрел я сегодня на его /вытянутую спину/ прямую спину и по-

думал: влюбится и умрет от чахотки. Савва вчера съел с блюда кусочек моей творожной пасхи и оставил на клочке записочку: «Я взял маленький кусочек». Дурень, дурень, за такую записку и всего мало! Да, дети. И все-таки я даю им мало нежности, и иногда ночью свербит совесть, хочется утра поскорее, чтобы искупить, а наступит утро — пошли Троцкие с Луначарскими, педагогика и головная боль. А меня они любят, даже до трогательности.

7 мая [1918], вечером.

Утром дождичек, порошил снег; днем на солнце 13 [градусов], со стороны сильнейшего норд-оста — всего полтора [градуса]. Север! Небо к полудню безоблачно и превосходный по краскам закат при двухградусном морозе. И сейчас сильно морозит, но чувствуется поворот. Утром, из-под подушки спрашиваю встающую Анну: что это — поезд, стрельба или ветер? Ответ: ветер. В саду, на закате видел, как на деревьях играли три белки, свершали цирковые полеты. Река вошла в берега и приняла нормальную окраску: густую коричнево-зеленую. Утро, от 11 до 3 [часов] непрерывно работал в саду, гнул спину. Ночью видел во сне большевиков, немцев и два пожара. Это, когда спал, а когда не спал, то сидел на постели и с закрытыми глазами делал гимнастику шей, которая болит. Ужасные у меня ночи!

Еще слух: Англия объявила войну Финляндии. И это хорошо. У Ино стоит русский крейсер, а здесь по берегу гуляют шведско-немецкие офицеры и смотрят в бинокль. И без толку пуляют в воздух любители огнестрельного оружия. И хлеба нет совсем, жутко смотреть на подтянутые лица. Даже дети сегодня жаловались, что хотят есть.

8 мая [1918], ночь.

Подлый обман: день еще более холодный и противный, нежели вчера. Тот же северяк и тучи, руки стынут при работе; сейчас мороз и холодно писать. Все утро плотничал по дому, подпирал заборы и боролся с гнилью. Вечером сам топил камин (теперь каждый вечер делаю это) и грел глаза на огне. Руки шершавы и ломит спину, но в такой работе и воздухе есть утешающее.

К несчастью, сегодня добыли несколько номеров «Речи» от последних чисел апреля и «Биржевку» от 3 мая¹. Конечно, никакой «войны» с Россией нет, но то, что есть в России, неопределимо никакими словами. Глупость, подлость и тупая безнравственность настолько велики, что уже переходят границы естественного, бы-

вавшего, допустимого воображением; и весь остальной мир, наше собственное прошлое, все прошлое Земли вплоть до Библии и Содома видится в особом освещении, будто смотришь сквозь решетку из окна сумасшедшего дома. Желтый дом несомненный. И одни сумасшедшие едят стекло, собственные экскременты, говенной мазкой пишут картины, а другие будто-нормальные пишут статьи, где доказывают, что стекло вредно для желудка, а экскременты не вкусны, говенным же помелом нельзя написать красивой картины: не эстетично-де! Ручейки глупости и навозной жижи, скромно журчавшие где-то по задним дворам, разлились в реки и целые моря, и по ним величественно плывут социалистические корабли, кто носом, кто боком, а кто жопой вперед. Зрелище непостижимое!

В истории «великая русская революция» займет исключительное место как небывалый дотоле момент, когда частью мира правил, как самодержец, коллективный Дурак. Всякая глупость есть маленькое сумасшествие — это важно, и это надо всегда помнить, когда имеешь дело с человеком; и всякая безнравственность, при высоких условиях современной культуры, есть также нечто близкое к сумасшествию. Понятно, что, став господами в России, глупость и безнравственность дали во множестве своих проявлений типичную картину сумасшедшего дома, колоссального собрания умалишенных. Умалишенные правят, пишут, стреляют и несут на своих собраниях такую ахинею, от которой просто парализуется живой ум. Умные мошенники и честолюбцы, Ленин, Троцкие и другие, жмут из этой массы свое масло. Но умен ли Ленин? Я думаю, что это просто нередкий вид «рассуждающего дурака», умоподобного, как есть человекоподобные обезьяны. Кроме того он циник, где-то в исподе своей души грязное животное.

Для умалишенных характерна, как известно, некоторая хитрость и в то же время чрезвычайная и даже преувеличенная боязнь надсмотрщика [sic]. То и другое есть. И если не допустить предположения, что в течение года Россия изо [дня] в день систематически, весьма остроумно и последовательно, часть за частью своей продается германцам, то только чрезмерным страхом перед хлыстом и смирительной рубахой можно объяснить тот панический и угодливый язык, каким Ленин и братья говорят с немцами. Какой тут позор! — это уже ниже всякого мыслимого позора. Но не только «власть», но и все остальные миллионы умалишенных также сумасшедше боятся немцев и все в восторге воют, когда «власти» удается отвести хлыст, отдав Германии еще какую-нибудь часть России: умалишенные думают, что им удалась их хитрость, и торжествующе подмигивают. И сейчас

же, с характерной легкостью в переходах, становятся в поприщинскую² позу и шлют грозную «ноту» бывшим союзникам³, которых они не боятся, — и опять подмигивают. Где-то они знают, как всякий сумасшедший, что это — *нарочно*, но просто не могут удержаться.

9 мая [1918], днем.

Крайне занятно отношение этих умалишенных к «техникам и специалистам», как они [называют] всех образованных, умных и необходимых им людей. Они их боятся, но без них сами ничего сделать не умеют, даже своего наивного социализма. И вот они берут этих «техников» за деньги (Ленин пишет, что тут ничего не поделаешь, можно отдать за «техников» и сотни миллионов¹) и к каждому генералу приставляют двух своих с ружьями: чуть что, пуля в ухо. Так же нанимают они финансистов, инженеров и вообще умных и знающих людей; хуже всего у них с художниками, хотя и тут деньги кое-кого дают.

Но положение все-таки отчаянное. Человекоподобные берут слугами, точнее, рабами людей, которые выше их и в силу того всегда грозят им опасностью; умалишенные нанимают здоровых, которые всегда могут, несмотря на хитрость, жестокость и лукавство умалишенных, обмануть их и в один скверный день обрядить в смирительную рубашку. И оттого так мрачно, так полно подозрений и страха их царство, непрочности которого не ощущают только самые глупые; в сущности, они совсем лишены смеха и серьезны, как настоящие обезьяны. Только отдельные, совсем молодые и совсем уже ничего не понимающие блаженствуют в своих «танцующих» и на темных улицах, где робкими тенями прокрадываются обессиленные люди.

Я ждал, что газеты принесут какие-нибудь перемены, но перемен нет, умалишенные царствуют, и немцы подбирают все, что выбрасывают они из окон, еще больше просто отнимают у них: отдай! И те отдают. Отдан Севастополь, Карс, вся южная Россия почти до Орла, кажется, уже нечего отдавать. И все так же жестоко и со страхом расстреливают (Богаевского), судят в своих пародиях-трибуналах. Высоко комичен суд над юношей Шереметьевым, который «не хочет» признавать советской власти.

— Вы оскорбляете суд: в вашем голосе слышится ирония, — мрачно говорит обезьяна-председатель. Ирония!.. Как это действительно должно быть страшно для обезьян!

И дикий приговор: 17 лет работ. Перепуганный «обвинитель», у которого что-то мелькнуло в мозгу, печатно кается и за-

являет, что он теперь «всю жизнь» никого обвинять не будет, а будет только защищать. Несчастный!²

Первое мая все-таки праздновали, и художники (бесстыжая сволочь) делали им декорации. Хорошо было в Москве, стиль желтого дома выдержан удивительно. Эти решили повесить красными полотнищами все иконы в Кремле, а те пришли в ужас и душевное смятение. И вдруг чудо: над образом чудотворного Николая ветер разорвал материю и лик появился! Конечно, собрались тысячи смотреть на чудо, вопить и плакать — но появилось новое «чудо техники», броневик, пострелял и разогнал³.

Ничтожны, гнусны и безбожно малоумны украинцы, их «Рада», кажется, уже упраздненная, впрочем, немцами за ненужность⁴. Немцы приказывают нашим и этим умалишенным мириться, и наши готовы и уже два раза ездили к украинцам, но «не заставляли дома». Потом наши жаловались немцу: «Вот мы все ездим, а их нету, скажите им!» Теперь в Москву прибыл украинский посол и из-под задницы Мирбаха с воробьиной надменностью заявил: «Это вам нужен мир, у вас нет хлеба, а у нас все есть. Мы только из гуманности миримся с вами. Хотите — пожалуйста!» Какое-то умалишенное ничтожество, по фамилии, кажется, Вишневский⁵. А простые хохлы упрямо бунтуют против немца, и их оптом и в розницу расстреливают.

Царствует Ленин все с тою же необычайной простотой и легкостью: печатает деньги и платит красногвардейцам, чтобы те расстреливали «непризнающих». Вот и все основание государственного строя. И вид все имеет такой, что пока не истребит всей бумаги для денег и не расстреляют всех патронов, царство умалишенных будет продолжаться. Новой бумаги и новых патронов они сделать не сумеют, и тогда конец, смирительная рубашка. А если «техники» наделают им новой бумаги, то и еще поцарствуют, пока не обратится Россия в воющую от голода и смерти пустыню.

Еще более противный и холодный день без солнца. Поработал утром в саду, искровянил руки занозами и царапинами. Ночью было плохо от сердца, колотилось как при угаре, задыхался. Конечно, побаливает голова. Физически все делаю для здоровья, но психическая отравка уничтожает всю работу.

Вечером.

Мучительный холод, просто убивающий душу. В начале надеешься и ловишь признаки, потом перестаешь ждать перемен,

как в России. Первые дни холодов Савва все время стучал по барометру, теперь перестал, видимо, потерял веру и в науку.

В Пензе поставлен «первый в Европе» памятник Марксу. Комиссия по сволоакиванию, или как там: по упразднению памятников приступила к работам по сношению памятника Скобелеву. Готовится то же Петру (на набережной) и другим. А в Москве предполагается памятник «вольному казаку» Стеньке Разину⁶.

Петербургский «совет искусств»⁷ (кажется, и я там) под председательством Горького выработал протест и рассылает по именитым писателям и художникам. Для умалишенных вполне правильный акт, но даже наличием желтого дома нельзя оправдать того, что Горький — председатель. Моральное тупоумие этой «избранной интеллигенции» заставляет со страхом и тоскою ожидать и завтрашнего дня. Ленин что! Ленин кончится, и дурак кончится, а как быть вот с этими умоподобными?

Пока цензовая интеллигенция практически работала в земствах и думских комиссиях, кое-чему научаясь, лишенная живой работы *эта* за границей, в подполье и всякой крайней оппозиции выдумывала целебнейшие мази. Каждый имел свою мазь и патент: одна у Чернова и Плеханова, другая у Ленина, Горького и прочих. Одно несчастье: не было случая испробовать мазь, но разве это так необходимо? И когда Россия распростерлась на своем ложе, они и стали лечить — каждый своею. Если всмотреться, то все эти русские социализмы и коммунизмы до смешного похожи на патентованные средства в бутылочках; порою искреннее, порою явно шарлатанское политико-социальное знахарство. Естественно, что больной, столь смело лечимый, потерял остатки разума и здоровья, и самая большая его вина — доверчивость. Если дураку сказать, что он перл и царь природы, то какой дурак этому не поверит? А у нас знахарей (и в медицине, и в искусстве) всегда больше любили, нежели докторов.

Если всякая глупость, если детское незнание есть маленькое сумасшествие, то невежество по объективным своим проявлениям — большое сумасшествие. Ведь допрашивали ведьм («Сознайтесь, вы не ведьма?») и потом сжигали людей вполне «нормальные», но если взглянуть на это со стороны? послушать такой допрос? И когда ведьма искренне сознавалась, то что это? И не типичными ли умалишенными являются невежды, простые невежды, на костре решающие вопросы о вращении земли?

Оттого так велик и страшен теперешний сумасшедший дом России. Глупость, невежество, моральная тупость соорудили

единственный в мире Дворец Великому Дураку, под сумасшедшей властью коего мы и существуем. Там, за окнами и решетками, там жизнь, борьба, добро и зло, ум и глупость — здесь единый буйный Абсурд, от которого цепенеют и останавливаются мозги.

И какое несравнимое одиночество! Всем чужие, всем враги, отовсюду презираемые — и только для дальних дураков недостижимая Мечта! О, дураки всех стран! — что это будет, если вам удастся хоть на короткое время овладеть миром, как Ленины овладели Россией! Что марсиане, что все уэллсовские катастрофы⁸ рядом с этими именинами Пария!]

Я был глуп, когда желал для России революции, глуп и также обманут. России нужны великие реформы. Не надо пария, существование пария позор, но Парий-царь, Парий-повелитель и управитель — это гибель. Порядочному человеку следует быть членом «Общества покровительства животным»; но дать в этом обществе право голоса самим животным, значит остаться и без людей — и без животных.

10 мая [1918], вечером.

Ясно-солнечный, при высоком барометре, но безбожно холодный день. Холод преследует всюду, забирается в душу, наводит безнадежную тоску. В комнатах холодина, и это совсем мучительно. При моем дурном кровообращении у меня всегда стынут ноги, а теперь уж никак не согреешь; и ночью, под двумя одеялами, ноги лежат мертвые и холодные, как расстрелянные в пустом сарае. И сны. У меня нынче пулеметный сон, у Анны — кроваво-цветочный, с отрубленными кровоточащими головами на клумбах. Дикая жизнь!

Купили шесть кур с петухом и маленькую, беременную, низколобую, скучливо мжающую овцу. Перед продажей финн ее остриг, и она зябнет, как и я. Саввка с ней уже целовался. Да, приятно и такое общество. Сегодня я раскричался на нашу бестолковость домашнюю, жаловался, что болит голова, а мне минуты не дадут покою — и Саввка смотрел на меня с крайне внимательным и серьезным видом, и бровки у него сострадательно были сдвинуты. Потом, когда утихло, подошел и поцеловал.

Действительно, если говорить строго, то царство умалишенных начинается от самого моего носа. Как они *не умеют*. И как они любят эту маленькую войну друг с другом, ненужную, пустяковую, колючую! Разговоры длинные, без движения и нарочито умалишенные. Один, примерно, говорит: я не люблю капусты.

Другая отвечает: а говорил, что любишь. «Нет, я не говорил». Вмешиваются третьи, и минут пять стоит: «говорил, не говорил, говорил...» Потом переход: «Ты и пальто свое разорвал!» — «Оно было разорвано». Третья: «Ты и про куртку скажешь, что она была разорвана». Мамаша длинно: «Как же так: новую куртку и... как же так...» — «Да она не разорвана, ты раньше посмотри (грубо)!» — «А как же Наташа говорит, что разорвана». — «Нет, я про пальто говорила». И т.д., сколько угодно, хоть час.

Еще подробность из жизни того, великого Царства умалишенных: намереваются дать АМНИСТИЮ. Это они, мерзавцы и воры, предатели и душегубы, убийцы и трусы, презреннейшая сволочь — хотят ДАРОВАТЬ АМНИСТИЮ политическим, Керенскому и другим¹. Сколь ни плох Керенский, сколь ни велико зло, принесенное им России, — он был человеком; и эти человекоподобные — милуют его. Вероятно, только хвастают и опять-таки подражают, но даже слышать это омерзительно.

Очень важная нота-бене. Когда я пишу «сумасшедший дом», «умалишенные» — или говорю это — умные слушатели думают, что это лишь *обычное* и даже шаблонное сравнение. Ведь даже Илья говорил про свою городскую думу: бедлам! И когда я говорил про психопатологический характер большевизма, про его острую заразительность, то думали, что и это только сравнение, уподобление и метафоры. И когда я сердито отвечал, что это «именно сумасшедшие, именно умалишенные!» — то конфузились и все-таки про себя думали, что я шучу.

Извращенные механическим марксизмом, все европейцы сейчас стали круглыми невеждами в психологии; именно это невежество создало массу крупнейших ошибок и нелепостей. Если же европейцы только невежды, то русские тогда — убежденные невежды и уже просто смеются над психологией, как над домовым: да кто его видал? Полноте! Вот К.Маркс... Поэтому, много раз собираясь, я ничего не стал писать в своей газете на революционно-психологические темы: бесплодно, ничего не поймут и все перевернут.

Так вот: умалишенные настоящие. Настоящие! Эхте!

Утром прямо над нами пролетал аэроплан, метрах на семистах. Боже, до чего красиво и каждый раз восторженно волнует меня. Идиоты, а летают — поди ты тут! А вчера с тайными следами прочел, как англичане торжественно, с военными почестями хоронили убитого немецкого летчика Ратсгофена, сбившего что-то около 80 машин. Идиоты — а какое благородство! Нет, это я понимаю и люблю².

12 мая [1918], ночь.

Слава Богу: безоблачный, ясный и теплый день. Флюгер, у которого нос посинел от холода, повернул на юг. На закате бледный, точно выцветший серпок молодого месяца. Воскресенье, работал в саду мало, и не знаю, от тепла ли, к обеду растомился, еле сапоги таскал от приятной усталости. А спал днем плохо: хорошая погода сейчас же вызывает святое, но глупое беспокойство и стремление к каким-то немедленным действиям. Вечером учил Саввку на Анином велосипеде, и он уже проезжает целую аллею — красный от жары и восторга.

Утром, когда я был еще в постели, наш сад посетили два офицера, один, кажется, немецкий. Один пешком, другой верхом, так и въехали на дорожку. Сидели над обрывом и глядели. Рядом с нами роют (для учения) окопы. Потом Микин брат, белогвардеец, торжественно вкатил на автомобиле, приведя в восторг детей. Оживление! Финляндская почта уже ходит, только с Россией никаких сношений. Вчера видел «День»¹ от 4-го — все тот же сумасшедший дом. Так пахнет глупостью, что даже умные люди ею провоняли, как кухонным чадом; безнадежно — и просто скучно.

Здесь существование, видимо, налаживается, хотя ждут еще каких-то осложнений от Ино. И голод, хлеба нет, картошки нет, и каждый день хуже предыдущего. Я свой дух и тело окургузил данными пределами, и жить можно бы, но — деньги! Вот слабое и вечно страшное для меня место моей жизни. Сейчас, если наскрести отовсюду, то можно набрать тысяч 35; по прежнему времени это полтора бы года, а сейчас, когда десяток яиц 25 рублей, когда сама курица 38 рублей, когда... Все деньги тратим исключительно на еду и отопление, все остальные потребности упразднены.

△ Живем мы совершенными Робинзонами, и это было бы невыносимо, если бы не дети. Вот кто придает смысл даже этой жизни, и только теперь, за этот каторжный год, я оценил их значение. Останься мы только взрослые: мать, Анна, Наташа и я, было бы глупо до ненависти друг к другу, до невозможности смотреть в глаза от стыда и бессмыслицы. С детьми мы составляем, сколько нас ни мало, *целое* человеческое общество, человечество, во всеми возможностями, в него заложены: бессмертием, преемственностью, и жизнью идей, совершенствованием, любовью, ревностью, страданием и гениальностью. Перенеси нас в таком составе, как дерн на лопате, на какой-нибудь истинно обитаемый остров, мы будем жить и положим начало новой Америке или Австралии. △

И хотя сознания о такой важности детей нет у других в такой ясности, — бессознательно это чувствуют все. Женщины с трудом, но выдерживают кухню — только потому, что в ней готовится для детей. И какое счастье, что за два года у нас не было в доме детского врача, никто из них не хворал, только у Тинчика бывало расстройство желудка, пустяковое. И когда я, начав хныкать, вспоминаю про эту необыкновенную милость судьбы, мне становится неловко — и страшно.

А Мне интересно бывает думать о том, каким дети представляют себе наш дом, сад и все окружающее. Я помню мои детские впечатления огромности от орловского дома и сада, хотя и дом и сад были очень небольшие: шесть комнат из десяти свободно уместились в одном моем кабинете. Помню, что в течение многих лет я все еще не мог исследовать, как следует, все таинственные углы, чердаки, подвалы и сараи, привыкнуть ко всем заворотам, каждый раз открывающим новый пейзаж, пересмотреть *все* вещи (сломаннные лопаты, брошенные бутылки, обломки чего-то), составляющие *наше*. Взрослые называли это одним словом «мусор», а для меня каждый ржавый гвоздь имел свое лицо и подразумеваемое имя. И, конечно, отец сам не знал, какой красивый и необыкновенный вид имеет его кабинет, если смотреть на него из-под стола. Маленькие размеры тела (и, к счастью, отсутствие надзора) позволяли мне проникать в такие закоулки, куда, действительно, ни один взрослый попасть не мог. То же с садом.

Мой дом и сад в десяток раз объективно превосходят орловский, и отсюда можно догадаться, какое впечатление огромности должен он производить на детишек с их ростом. И больших комнат 15, и огромные чердаки, мансарды и, действительно, тьма темных и тайных уголков, куда даже я заглядываю с любопытством. А мусору! А река, а башня с ее огромным видом, леса до горизонта, море, овраги! Если даже для меня наш обрыв над рекою высок, то Тинчику он должен представляться пропастью. По сравнению с финскими домишками и теми квартирами в городе, где приходилось бывать детям, наш дом — дворец; и в какие квадраты великолепия возводится он в их увеличительном мозгу! Жаль только, что надзору слишком много и нет той божественной свободы, какую знал я.

Вот сегодня я наорал на Тинчика за то, что он забрался на соседний участок, влез на дерево, сидел там и пел — в блаженном одиночестве. В сущности, я всей душой сочувствовал ему, но — нельзя! Следующий раз удерет к реке, а река глубокая от берегов и опасная, ну и... пошел в детскую! Ведь это мое счастье, что я утопал — и не утонул, разбивался — и не разбился, падал с крыш,

заборов, висел на гвоздях, ходил по канату — и уцелел. Кто может поручиться, что для них это сойдет так же?

Как-никак, а и у меня правая рука увечная. Сколько это ни выгодно, а трудно играть ва-банк, когда ставкою являются эти бесконечно прочные и безгранично хрупкие господа. Когда я бываю с ними, я даю им большую свободу — но как замирает сердце!

...Все-таки 2 градуса мороза. А небо уже всю ночь светлеет пол-летнему — и, Боже мой, как отчаянно хотел бы я быть на «Далеком», держать штурвал, вглядываться, идти к синей, далекой, очаровательной полоске, где неведомый берег! Смотреть на винтовую борозду за кормой. Пойти в его маленький клозетик — тоже, клозет! Сесть за стаканом чаю на палубе и глядеть не спеша, самодовольно, как открываются завороты Барезунда. Заночевать в Экенесе. Просыпаться — и каждое /новое/ утро видеть новый вид из окна. Дышать, и смотреть, смотреть! Каждую весну у меня бывали испорченные, плохо видящие глаза, даже приходилось надевать пенснэ, а к осени — все видели ясно, как в молодости. А эти ночевки у каких-то пустынных островов, осенью, в шторм; в бухте тихо, а сверху свистит и рядом, за скалой, грохот прибора. Или дождь, ветер, черт знает что, а мы дуем чай и сражаемся в шашки. Выйдешь перед сном на палубу — темень, темной массой едва видится незнакомый остров, со стороны открытого [моря] — шум и ночная морская тревога, барабаны и трубы. Жутко, хорошо и так приятно ложиться на мягкий и теплый диван и, засыпая, чувствовать близко, под боком, на толщине одной доски, глубо[ку]ю, отраженно волнующуюся воду, слышать замирающим слухом погромыхивание и лязг якорной цепи.

Жив ли мой «Далекий»? Недоволен я был, совсем собрался на место его строить новый большой мотор («Заратустру», уже чертеж был готов)², а тут война, а теперь... Четыре года! Для кого это и не большая потеря, а ведь у меня пропали одни из последних «дееспособных» годов; я не уверен даже, выдержали бы теперь нервы и здоровье такое плаванье, как осенний переход в 1911 г. из Гельсингфорса в Териоки, или такой день, как 9-ое августа того же года.

13 мая [1918], ночь.

В березовой рощице, в затишье, где сильно пригревает солнце, я прокапываю заплывшую канавку, снимаю траву и перегной. И что это за очаровательный запах! Теплой водой, болотцем, лесной нагретой гнилью: будто не в рощице возле дома, а в самой глубине леса, где нет людей. Именно: отсутствие всякого чело-

вечьего запаха. Волнует как детство, как тихий сон в солнечной комнате, когда прозрачные занавески поднимаются от ветерка.

Сейчас захотелось молиться. Но как? Но кому? Какими словами? А

14 мая [1918], ночь.

Около 9 часов вчера я из сада заметил дымок в направлении не то станции Ваммельоки, не то форта Ино, трудно определить при ломаном рельефе нашей местности. Если Ваммельоки, то это может быть сильный дым от паровоза (так мне приходилось уже обманываться), но если Ино, то не пожар ли? Сегодня же как раз говорили, что на Ино что-то ожидается. Вечер был погожий, безветренный, и дым поднимался прямо, расширяющимся прозрачным столбом. Вскоре ясно стало, что это пожар, и с башни, в наступающей темноте, стало просвечивать за деревьями высокого горизонта красно-дымное основание. А к половине одиннадцатого возник на недалеком расстоянии от первого и второй пожар, точь-в-точь такой же, с красным основанием и прозрачно-дымчатым, соединившимся верхом. В тишине дым тянулся через весь зенит, и вообще было тихо до непонятности. Мико уверял, что это горит форт, я несколько сомневался. После ужина все смотрели с башни в бинокль. Потом стало стихать.

Ровно в двенадцать, когда мы с Анной разыгрывали партию в шашки, а мать тут же читала, Анна, сидевшая лицом к окну, крикнула: смотри, вспышка, вероятно, взрыв!

Подбежали к окну, и я еще успел увидеть какую-то огненно-блестящую точку, сверкнувшую над лесом. Я подтвердил, что это взрыв, и предупредил, что сейчас будет удар — и еще секунды через две весь дом тряхануло рядом тупых и сильных ударов. Стекла уцелели, но кое-где открылись окна и двери, что-то упало со стены, испуганно залаял Маркиз, и выбежала из детской раздетая Наташа. Да, это был взрыв форта Ино ровно в 12 часов пополуночи.

Сейчас от пожара не осталось видимого следа, но глухие несильные взрывы продолжаются. Из сада слышны и редкие пушечные выстрелы. Сейчас взрывы или выстрелы стали чаще, и за время, как я написал последнюю фразу, гухнуло раза три-четыре. Пойду в сад опять слушать. Волнует.

Еще не зная, что будет вечером, днем я собирался писать, что сегодня я первый раз слышал кукушку.

Ничего не поймешь. Очень частые то ли взрывы, то ли выстрелы, то глухие, то очень громкие и не то близко, не то гораздо

дальше Ино. А тут еще шумят ручьи и уже начали посвистывать птицы (2 часа, светает) и окончательно мешают что-нибудь понять в этом деликатном человеческом искусстве. Около Небе¹ белогвардейские солдаты развели костер, в бинокль видны фигуры.

Надо идти спать, а как тут заснешь? Страх нет — раз дом не развалился — но любопытство все будет тянуть к окну и настораживать ухо. Хотел было предаться высокому стилю: «Вот погиб форт Ино! Так гибнет достояние России и сама Россия...» — но не выходит. Нет никакого чувства в душе. И что можно прибавить к тому, что уже случилось? К Ленину, Горькому и Бресту? К российскому дому умалишенных? В моем саду, на моих интимных дорожках я вижу «следы копыт вражеского коня»; по утрам, когда пью чай в Анином кабинете, люблюсь, как солдаты под руководством немецких офицеров роют окопы «для практики» — что тут прибавить.

Мои окна — истинное богатство. В одно видишь, как горит станция Райвола, в другое — как горит станция Тюрисево, в третье — как горит и взрывается Ино. Какой огромный клуб черного дыма поднялся над взрывом! Давно еще, когда меня звали на войну «посмотреть»², — я шутил, что сам не поеду, подожду, пока война подойдет ко мне, — вот и подошла.

Продолжает бухать. Завтра что-нибудь узнаем, а сейчас попробуем спать. Но как спят дети: не проснулись от взрыва!

Бухают.

16 мая [1918], вечер.

Опять ничего толком неизвестно. Да, Ино очищен и взорван русскими, покинувшими его, будто бы, за несколько часов до пожара. Да, стреляли, но кто и в кого — неизвестно; уверяют, что в стрельбе принимали участие какие-то суда и даже одна немецкая субмарина. Со вчерашнего утра полная тишина, белогвардейцы прекратили учебное рытье окопов перед нашими окнами и все, видимо, собрались в Ино. Человеческих жертв, как говорят, не было. Поезда аккуратно бегают мимо нас, но сношений с Петроградом еще нет. Есть совсем нечего. У меня от тяжелой работы (нынче ворочал бревна) и еще от чего-то, и еще от чего-то, болит живот, печень, дурацкий геморрой. Сейчас сижу за машиной скрючившись.

День хороший, и первая вчерашняя ночь без мороза. Тихий и прекрасный вечер. Днем ездили с Саввкой на велосипедах почти до Лиственницы, он пробирается среди колес, как опытный спортс-

мен. Гляжу сзади на его маленькую, прямую и стройную фигурку, сторожу его движения и всей душой сочувствую ему. Глупый только у нас жизненный устав для детей: ни полной свободы, ни хорошей дисциплины, а так, чепуха, на одной возже, от которой только кривится рот. И всякий без толку дергает за эту возжу.

По вечерам медленно бродим с «Центровралем» (новое наименование мамаша)¹ и обзираем владения. Стара она совсем, головная работа идет только на нескольких колесиках, но страсть ее к природе — неугасима. Закат, молодая трава, почки и листики волнуют и радуют ее, переполняют ее своим особенным содержанием. Я не видал людей в ее возрасте (кроме Толстого²), которые бы так сохранно через всю жизнь пронесли частицу свежей молодости. Какое бревно в отношении к природе Илья и как он стар при всех своих петушиных наклонностях!

17 мая [1918], днем.

Вчера таки слег, не мог сидеть от сильных болей. Клади мешки с горячей водой, но боль продолжалась, и ночь была тягостная. Сегодня весь отравлен, тяжелая головная боль, слабость и онемение левой руки. А день хороший, работать бы.

Трудно, не могу писать.

19 мая [1918], вечер.

По-видимому, это был сильный припадок коалиционных болей: печени, желудка, сердца и прочего; было очень скверно, и только вчера пришел в себя. Основательно поубавилось у меня тела: вешу всего 4 пуда 21 фунт, на 1 пуд и 3 фунта меньше, нежели в 1910 г., и на полпуда менее прошлогоднего. Как-то, переодеваясь, увидел в зеркало свой живот и был приятно тронут его человеческой формой — раньше это был бесформенный пузырь. Приятно, точно вернулась частица молодости... и до чего ненавижу я седые волосы! Когда я думаю, что есть мое самое истинное, самое глубокое и единственное желание, то ответ тот же, что и у Фауста: хочу молодости¹.

По поводу живота. Давно еще как-то маленький Саввка сидел у меня на постели и, тыча пальчиком в надутый мой живот, спросил Анну с видом убийственного равнодушия и снисходительной любознательности:

— Когда этот иопнет, то кого возьмешь?

Т.е. когда я лопну, то кого она возьмет? А сегодня — это другое, что хочется запомнить, — когда я прощался с Саввкой на его ночь, он вдруг попросил: «Дай руку» — и долго, с нежностью це-

ловал ее. Никогда ни у меня, ни у Анны не целовал руки, это первый раз. Раз только с ним случился грех, когда ему было года два с половиной: к нам приехали гости, и Саввка, здороваясь, наклонился и поцеловал руку Копельману. Тогда смеялись, что это из Достоевского, «надрыв», но Копельман был несколько смущен.

Два чудесных дня. Тепло, вчера даже жарко, и тучки, и солнце, воздух весенне густ, пахуч и пьянит. Ночью и утром пролил хороший и необходимый дождь, а потом опять засияло солнце сквозь легкую дымку, сквозь нежнейший туман, который красит день, как пудра некоторые женские лица, делает его матовым, мягким и глубоким. В один день зазеленела трава, деревья дали листочки. К вечеру сильный западный ветер, прогнавший дымку, но все равно — и это хорошо! В глубине посиневшего залива видел в бинокль на закате маленький парусок, быстро несло его и покачивало.

Утром пришла в дом ртоотверстая Христина (жена Мики) и сказала:

— На Ино пуски реляют.

И хотя это были не пушки, а далекий гром, все слышали пушки; и когда совсем уж близко блеснула молния и протарахтел самый честный громок, наши спорили, что это? Ушки на макушке. А рассказывают береговые, что ночью, действительно, была канонада где-то далеко за Ино. Кто и что — неизвестно. Но вот факт: на Ино большая часть проводов оказалась испорченной, и взорвана была только часть предполагаемого и приготовленного; взорвись все, нас совсем бы скверно ссадило с коня. В Лаудеранде и так полопались все стекла и повалилась гниль. Ну что ж — прошло!

Белые от нас ушли (остался какой-нибудь десяток-два), и охрану несут здешние Микки. Для меня это упрощает положение и кладет конец моему «Ватикану» — как папа после взятия Рима гарибальдийцами², я не покидал все это время пределов моего сада, раз только в безлюдном месте катался с Саввкой. Положение обязывает и заставляет избегать неловкостей и неловких встреч.

└ Вчера вечером нахлынула на меня тоска, та самая жестокая и страшная тоска, с которой я борюсь, как с самой смертью. Повод — газета, причина — гибель России и Революции, а с нею и гибель всей жизни. Всеми силами настраиваешь себя на жизнь, в хорошей работе над землею ищешь ее свежих источников, на детях строишь продолжение жизни — и как будто на минуту отляжет от души, задышишь свободнее и легче. Но непрочно это, как сон. Мучительно взволновали меня (если «Речь» пишет правду)

расстрелы в Выборге³. Мне так жаль офицеров наших, это самые несчастные и невинные люди, на которых, как ни на ком другом, проявилась вся жестокость наша, хамство и несправедливость. Им надо дать покой, отдых и радость, за ними после этой войны всю жизнь надо бы ухаживать, кланяться им, всюду уступать первое место — а их и наши и ваши бьют походя, с легкостью и как-ким-то даже удовольствием. И этот мрачный Выборг, уже развидевший сцену безумного и злого самосуда умалишенных над офицерами⁴, и теперь повторивший ее при посредстве пулемета. Пулемет! — верно понял я будущую роль его еще в первый пасхальный день революции. Пулемет!⁵

21 мая [1918], вечер.

Приступы тоски продолжают. Но об этой слишком серьезной материи — потом.

Сейчас ходил — как всегда вечерами — по саду и с невыносимой горечью смотрел на десятки, а пожалуй и сотни погибших деревьев. Прошлогодня жестокая засуха убила не только совсем недавние посадки, но и окрепшие, казалось, деревца, уже вошедшие в общую картину и план. Много спилил и вырубил, но еще до большого не решаюсь касаться: станет похоже на рот с выбитыми зубами. Да и дождь весь день покрапывает, авось-авось! — что-нибудь и оживет. Было одно такое дождливое лето, когда мой сад воспрянул и опушился.

Но какое мученье — сад в этом климате, на этой глинистой, то промерзающей, то каменеющей земле! Сушая бочка данаид¹. Когда я строил дом, вокруг был сплошной луг, зеленеющая пустынька с двумя-тремя разбросанными деревцами, да береговой заросшей ольхою полосой. С тех пор каждую осень я сажал с упорством маньяка деревца, совсем простенькие: березку, елки, рябину, все мелочь. Зимой в заготовленные ямы возили и более крупные березы, сложная церемония. Потом, еще не искушенный опытом, допустил и роскошь: насажал целые аллеи кленов, дубков, даже всунул несколько яблонь. Кусты: жасмин, сирень, жимолость. И все это красовалось зимою («зимний сад» по собственному ироническому выражению), а с весны начинало дохнуть. Одни гибли сразу, другие хирели, обрезались и укорачивались — и все-таки гибли на третий и даже на четвертый год.

С упорством маньяка я выкорчевывал пеньки и снова сажал на то же место те же березки, клен и рябину. Иногда разнообразил: на месте кленовой аллеи (крупные дорогие экземпляры) вырастала аллея липовая; одну зиму перед окном спальни красова-

лась красивейшая большая рябина, а уже на следующий год в том же окне я видел хорошую березу. И т.д. — это называлось: неустановившийся пейзаж. Сколько тысяч корней было посажено, не знаю наверное, но что-то очень много. Принялась из этого не больше, как одна десятая часть, да и то едва ли.

Особливою мечтою моею были дубки, любимое дерево; они и есть сейчас, небольшая аллея, которую сам же называю «протезами» — так они искалечены, голы, обрезаны, торчат костяками к небу. Особенно обидно, когда гибнут вполне, казалось, принявшиеся деревца, а их так много сейчас стоит сухих и жалких. Противно, и опять хочется поскорее продать этот неудачный дом, так обманувший меня. Ведь каждый вечер буду я ходить среди этих мертвецов и, как околдованный, смотреть на пеньки и призраки, считать, что-то глупо соображать о возможности новых — еще новых! — посадок, злиться и одиноко скульпить. Остальные в доме (за исключением матери) весьма спокойно относятся к этим моим неудачам и только «соболезнуют» моему «душевному прискорбию».

Кроме воистину ужасного климата и земли причина и некультурность. Садовника у меня нет, а все эти Вилли и Микки глубоко, почти до презрения, равнодушны, бездеятельны и тупы от нежелания думать. Сажают так же, как дети, устраивая сад: втыкают ветки в песок, только бы стояло. Сам за всем уследить не мог, да и понимаю не много, только теперь из опыта кое-чему научился.

Теперешний Микко — предмет моей ожесточенной, но улыбающейся и бесплодной ненависти. Что с ним сделаешь, когда людей нет и живет он чуть ли не из милости к нам? Хочет — живет, а явятся более выгодные по его мнению комбинации — немедленно уйдет, сразу и спокойно бросит, даже не оглянется на прощанье. Он живет у меня шесть или семь лет, женился, наплодил детей, построил на своей земле недурной домик, вообще оброс. За шесть лет я ни разу на него не крикнул, даже не обругал — только нежные упреки; когда Микку хотела забрать красная гвардия, я брал всю его семью на попечение и т.д. И умри я, случись что со мною или семейными — скорее черепица прослезится, нежели этот серый, застывший, вечно таящий какое-то предательство, загадочный Микко. Как он небрежен, не экономен, каменно равнодушен и бессердечен к вещам. И что бы я ни делал в саду, никогда ни слова участия или внимания, ни даже любопытного взгляда. Скажешь — сделает, хоть и плохо, не сказать — ничего не сделает. А к своему маленькому хозяйству, которое он развел у меня под боком, — рачителен. Таковы же и все остальные финны и финки, которые служили и служат у нас.

Русские были лучше. Николай и Андрей, лакеи, также обросли и воспитались у нас. Из маленького столяра (1[р.] 75 копеек) Николай превратился в превосходного монтера и сейчас где-то получает 15 рублей поденно. Талантливый работник. Из кухонного и дворового замахаи превратился по виду в джентельмена: обедал он с нами и постепенно набрался манер. Да и лекций не мало я прочел ему. И хотя ушел он нехорошо, без предупреждения (было начало войны, и его естественно потянуло на народ), но потом каялся и до сих пор пишет любовные трогательные письма. Так же нехорошо ушел Андрей (от неловкости не предупредил и удрал потихоньку) и так же каялся и писал цыдулки. За четыре года службы у нас он из типичного, истового, убежденнейшего лакея стал — художником, да художником! Заразился от меня, к его несчастью, ибо глуп, дико невежественен и в корне Смердяков. А талантлик есть, и в целом это несчастье. Он и романы писал. Был лакейски корректен, т.е. по виду глух ко всякому господскому разговору, любил гостей и хорошо сервированный стол, воротнички и белые перчатки; вначале поражал фракком, но потом, за отсутствием надлежащего эффекта, фрак бросил. При живописном трансе торжественно, в белых перчатках, подавал на стол пустой суповник. Теперь в какой-то школе учителем (!) рисования.

И оба этих чудака питали ко мне несомненную привязанность, Николай сохранил ее и до сих пор. Но финны!..

Вообще же мы совсем не умеем воспитывать прислугу, и самая лучшая портится у нас. Это также недостаток *дома*. Я слишком мягок и распариваю их теплично-гуманным воздухом (Абрам запарился до полусумасшествия²), а Анна бессистемна, груба и сама полна такого органического беспорядка, что даже часы возле нее начинают врать. Что у нас делается около детей, эти бонны и гувернантки, всегда сбитые с толку, злые и равнодушные!

Вечером приходил грубый солдат, присланный «офицерами», — посмотреть «гномик» (прицепной бензиновый двигатель к лодке). Посмотрел — и завтра, должно быть, «реквизируют». Это значит, что море для меня окончательно прощай. Грозятся забрать и лошадь, нашего чудесного доморощенного Хобиасика³, действительно вызывающего зависть своей статью и рысью. Без лошади мы совсем пропадем. Я уже мысленно сочинял глупую жалобу самому Маннергейму: и это-де законность? Глупо. Кому и на кого жаловаться? Молчи, побежденный.

Заезжал вчера на час Василевский, живущий в Гельсингфорсе. Там теперь отделение желтого дома по части «мания герман-

ника»⁴ и к русским отношение умалишенное. Зовут нас «клопами» и возмущаются, что на улице русские шавкают на своем языке: надо выгнать морозом и голодом. Кто будет стесняться с нами, если сами с собой не стесняемся? Народ, допустивший Ленина, достоин только пощечин.

Но какое скверное будущее готовят себе безумные финны!

22 мая [1918], днем.

Дождь, прохладно, серо-зелено — для дачников, если они существуют, скверная погода, но для моего несчастного сада блаженство. Сим утешаюсь. Ибо скверно с печенью и желудком, болит голова, и Ленин существует. Реквизировать еще не приходили, но наши дамы по этому случаю развели маленький бедламчик.

Повседневность — так было бы правильное назвать этот дневник, в котором столь мало дневника. Больших чувств и длинных мыслей избегаю. О многом не решаюсь писать, зная, что в любую минуту может прийти некто красный, белый или зеленый и спокойно заглянуть: а где тут его душа? Ведь нет ни своего дома, ни комнаты, ни постели.

Да и возможен ли вообще *дневник* на общем языке? Если это истинное личное, и действительно для себя и с самим собою, то должны быть не обычные слова и буквы, а какие-то свои значки, тот естественный шифр, каким выражает себя душа, когда она сама с собою. Мое, так пусть она и будет мое, а не общее.

В лучшем случае покажешь только парадные комнаты, да разве уж спальню, но прибранную и с вынесенными горшками. Те темные и глубокие подвалы и потаенные каморки, куда немедленно удаляешься, как только ушли гости (собеседники), в хороший литературский дневник не попадают. Если не гороховые современники, то благородные потомки всему произведут подсчет, и что за охота пускать их — хотя бы и «благороднейших» — в свои потемки, где и сам блуждаешь с осторожностью и опаской?

В написанном мною доселе *дневника* еще нет и в помине. Будет ли — не знаю.

А взглянешь в окно — все-таки хорошо. Под серой мглой дождя нежнейшая и даже по виду пахучая желто-зелень берез, ольхи и рябины. Возникает зеленый мир.

Нынешний год положительно знаменателен по датам: вспомнил, что 19 мая тридцать лет со смерти отца. И как любопытно

расположилось по десятилетиям: 30 лет отцу, 20 лет литературы, 10 лет дому и Анне. Да еще маленький юбилейчик: вчера 30 лет, как лежал под поездом¹.

Всей же моей жизни (подсчитал Вадим) 17 044 дня.

24 мая [1918], вечер.

Если бы я был честным итальянцем, французом, англичанином или даже немцем (но непременно честным), я подошел бы в общественном собрании, где-нибудь в опере, на выставке, в парламентском коридоре, к какому-нибудь известному русскому, хотя бы Леониду Андрееву (неприкосновенность Андреевых — вздор) и дал ему пощечину со словами:

— В твоём лице, Андреев, я даю пощечину всему твоему народу.

Есть несчастные народы, достойные уважения и сострадания, как бельгийский. Есть народы, вызывающие снисходительную жалостливость, как греки, или даже сердитые слезы, как сербы¹. Есть и такие, к которым можно чувствовать ненависть и злобу... впрочем, это счастливые народы. Русский народ для гнева и ненависти слишком несчастен. Для снисходительной жалостливости — велик и здоров. Сострадания не стоит. И единственное, чего он достоин и заслуживает, чего ему не миновать, — это пощечины. Хлесткой, оскорбительной и страшной пощечины во всей силе ее исторического размаха.

25 мая [1918], ночь.

Эту ночь, как и прошлую, бессонница. Перед утром заснул на час и в печально волнующем сновидении видел М[илочку], ту самую девочку с желтым пятнышком в глазу, веснушками и тонкой шейкой. Я теперь плохо помню ее лицо, знаю, что милое, и что я, кажется, любил его. Как и наяву, я был робок, почти труслив, и моя старость, семья, положение давали мне вид и обращение виноватой собаки с поджатым под живот хвостом. Это было у них в доме, во враждебной мне обстановке, среди мнительных, в чем-то подозревающих меня людей; даже стулья и открытое окно как-то косо смотрели на меня и не любили. Мы сидели на диване, вдвоем, близко; и как-то случилось, что я взял осторожно ее пальчики, не всю руку, а только пальчики, и она — не оттолкнула меня! Не оттолкнула и сказала что-то слегка ласковое. И я стал счастлив, и было страшно, что отнимет, и хотелось благодарить — униженно, слегка подловато, но искренне, как виноватой собаке, которую не ударили. Показать ей, что я ценю и по-

нимаю, высоко ценю, а не то, что так как-нибудь, без надлежащего восторга и внимания. Но тут вошли папа и мама, и я пронулся.

Днем много раз задумывался — все о том же: о ней, о других, о любви. О той огромной моей любви, которая лежит, как миллион в запечатанном конверте, и адрес не надписан. О той любви, о которой знаю я один, на всем свете один, и так печально и страшно знаю! О той любви, которая есть единая моя надежда на возврат к жизни, хотя бы кратчайшее воскресение. Я мало думаю о любви и ничего для нее не делаю, да и что для нее может делать Робинзон? — но без этой молчаливой и глубоко затаенной надежды, я не знаю, как бы стал и как бы смог жить.

И странно, что любовь — море — литература связаны. Весь талант мой со мною, но мной как-то утрачена настоящая активность, и оттого я не пишу по-настоящему (избегаю трудного) и оттого я не могу поехать в долгое плавание по океану. Любовь даст мне активность, даст и творчество и океан. Этот океан в его синей бесконечности, с его теплом, волной и грозами я *вижу* с мучительной ясностью. Порой мне кажется, что и самая любовь, которой я жду, есть этот самый океан, и что вовсе не надо даже любить, а только сесть на пароход и поехать — но это обман. Без любви я не сяду и не поеду, и умру на Мойке или среди своей финской мерзлоты.

Любить!..

Мне скоро 47, но на вид я моложе и еще красив. По-видимому, я еще могу вызвать любовь: Д., А. искали моей любви¹. Д. я не верю, несмотря на самые сильные доказательства, но эта странная А., эти наши свидания в год раз, и разговор с того же места, где остановились год назад, нисколько не остывшие поцелуи... Я ее не знаю, и все это так странно. Но есть во мне нечто, что убивает любовь ко мне, — это мое *чувство* моей старости, подлое убеждение, что я опоздал и уже не имею права на любовь. Это глупо и фактически неверно, но избавиться не могу, чувствую так. И от этого глупого чувства все теряю, говорю фальцетом, благодарю и извиняюсь. Надо, чтобы женщина сама и резко пошла навстречу, просто потребовала от меня любви — а как пойти, когда перед ней фальцет?

Как печален был для меня тот вечер, у художников². Я первый раз пошел к ним, и мне было неловко, казалось, что все замечают и понимают мое чувство к М[илочке]. И будто все понимают, что пошел я только ради нее, — да должно быть так и было. В начале мне безумно повезло: полчаса я один шел с М[илочкой] и, конечно, говорил пустяки. Но она как будто — что «как будто»?

Не знаю — как будто. У художников пели и, как полагается, меня почетно водили, а за ужином даже не дали есть речами. «Это хорошо» — думал я — «пусть она видит меня в такой славе». Да, но с ней говорить не приходилось, только смотрел на нее собачьи жалостными глазами. Раз плечом коснулся ее плеча: никто не заметил — и она не заметила. И становилось все хуже: будто холод какой-то появился. Откуда? — ведь я ни в чем не виноват!

Потом, долго спустя, пришла мысль, что не была ли причиной и виной Д., которая также оказалась на вечере и делала мне глаза, — ах, если бы так! если бы это хоть маленькая ревность!

Ушли поздно, и художники все чествовали меня в передней, а я боялся упустить М[илочку]. И хотя это было совершенно некстати, глупо и заметно, и их было народу достаточно, кроме папы и мамы³, я пошел их провожать. Был мрачен, а душа так громко ныла, что можно было слышать снаружи. Глупейше всю коротенькую дорогу до парохода шел с мамой. Это было поздней осенью, Нева ходила темными волнами, последний ночной пароходик качался и сыпал искры. Мне хотелось и дальше поехать с ними — как же я останусь один, что буду делать один? — но выходило слишком глупо, и они же сами прощались, жаловались, что поздно, и меня же в гостинице ожидала Анна. И они спустились на пароходик, и М[илочка] на меня не смотрела, и вообще они ехали домой. Мне бы тоже надо уйти, а я, — о, Господи! — стал у парапета и все смотрел, и последнему идиоту было понятно, на кого я смотрю. Но она — не смотрела.

Пошел пароходик, и все сыпал искры, скоро пропал в речной темноте. А я все смотрел. Потом медленно, очень медленно пошел во «Францию»⁴, так медленно, как будто что-то еще можно было вернуть.

До сих пор не знаю, догадывалась ли она, и что ей говорили на этот счет другие (папа и мама) и было ли в ее отношении ко мне хоть что-нибудь — что-нибудь — хоть что-нибудь!

27 мая [1918], вечер.

1 Нет, терпения не хватает⁷. Надо терпеть людей, терпеть гол-
лод, — и природу. Каторжный климат. После дождей и недолгого
и несильного тепла ветер опять задул с проклятого севера, и по-
следние три-четыре дня твердо установился резкий норд-ост. Но-
чью морозит, днем пронизывает и захватывает дыхание, сегодня
весело поплясывали снежинки. Небо глубоко и сине, краски яркие
и мертвы, исчезли запахи, умолкли птицы, остановились цветы,
почки не разворачиваются, листик крохотный и не подвигается. 140

Снова остыл дом, опять печи и камин, и все-таки трясешься. Первые дни я перемогал холод работой в саду, порой, разогревшись от топора или лопаты, даже с удовольствием дышал свежим и чистым холодом. Но нынче, продрогши еще в постели, увидев наспившееся, совсем мерзлое небо, — торжественно кис. И здоровье сразу ухудшается.

В домик я перетащил верстак, работаю над всякими пустяками. Делаю Тинчику тачку, и отвратительно делаю. Если я удержусь, то только таким манером — постоянной тяжелой физической работой. При основном нездоровье, многое налетное исчезло и чувствую я себя процентов на 50 лучше.

Мрачен сад-кладбище. Уйма погибла! Ломом и лопатой выкорчевываю и засыпаю ямы — чтобы и следа не оставалось! К хорошо идущим свеженьким березкам чувствую тоже «благодарность» и желал бы сказать, что я это понимаю и ценю.

От людей изоляция полная. Известий никаких, кроме фантастического слуха, что Москва взята немцами.

Начались белые ночи. Небо в окнах ясно и холодно, на горизонте залегли плоские синие тучи. Два градуса ниже нуля.

Читаю разное, много Гофмана и изредка вижу гофмановские сны с примесью большевиков.

Жив ли Андреич? Мне тяжело смотреть на его карточку. Если он убит, что будет делать Римма с детьми? Или еще моего возу прибавится? И вообще — что делают люди на свете, есть ли они? Курьезная жизнь!

А вчера вечером вез из домика мать на тачке, и оба мы хотели: это была репетиция беженства, как мы будем удирать отсюда, когда отберут лошадь. Чуть не вывалил ее от смеха. Время от времени появляются в саду белогвардейцы. Вчера вечером целых шесть довольно юных экземпляров сидели на лавочке против парадного и внимательно глядели на дверь. Я был за работой в домике, и так они, поглядевши, и ушли.

Непрерывно толкаюсь с Анной и читаю Вадиму лекции о необходимости и святости труда. В нем избыток отвлечения и не хватает чувства жизни, ее простых прелестей. Пишет наивные стихи и вкривь и вкось разъезжает по литературе. И все строит на самолюбии, отсюда война со всеми и против всех. Есть в нем непрочное от Шуры, она так же жила без корней, как сосенка на граните.

29 мая [1918], вечером.

Вчера солнце, холод, норд; ночью мороз и иней на траве и деревьях. Печальное зрелище при бледном свете белой ночи! Нын-

че потеплело, но настоящего поворота еще нет. Вечер тихий и приятный. Далеко разносятся голоса и звуки. Должно быть, в народном [доме] слышна гармоника, пение и топот, кажется, танцуют. Где-то и смех слышен. А в свой час быстро прошел пассажирский, оставляя красивый дым. И так странно: поезда ходят, а *нам* ехать нельзя¹; люди смеются и поют, а нам пригоже только выть. Но пусть хоть эти смеются, /и поют/ хоть какие угодно, но будут веселы!

Вчера и сегодня на полях появились люди, пашут, скородят — получили немного семян. Наш Мика ездил под Гельсингфорс и тоже привез немного овса и ячменя, тоже сеется. И то хорошо.

Вчера же днем, когда я спал, наш дом посетили пять германских офицеров с полковником во главе. Лазили на башню, смотрели место для окопов. Были очень любезны, жалели, что я сплю, и передавали приветы. А в первый год войны, когда я тоже спал, я уже видел во сне эту историю: и сражение на Черной Речке нашей, и германский штаб, поселившийся в нашем доме. Тогда, во сне, они были также очень любезны, и я помню наши смешные разговоры и споры на моем ломаном немецком языке: точно в Мюнхене или Берлине за ихним общим столом².

Это был интересный сон, вообще же я вижу дрянь и чепуху. Люблю сны, а либо их совсем нет, либо ужасающая бездарность, плоскость, нудная галиматья с резко реалистическими и правдивыми деталями. Про некоторые сны свои думаю, что именно такие должны видеть глупые люди, именно такие. Оттого, между прочим, и спать не люблю: совершенно потерянное время. Если мне пригрезилось что-нибудь мало-мальски приличное (уж не говорю про море и чужие страны), то весь день чувствую себя так, будто мне подарили полтинник. А Анна и спит чудовищно крепко и видит превосходные композиции.

Тяжел общий колорит моих снов. Несомненно, что травля, которой я подвергаюсь в течение стольких лет, поразила болезнью душу в ее темной глубине. Дух вражды, непонимания, грубости и часто прямой и загадочной ненависти, которым обвеян я был со всех сторон, насторожил душу на темные и страшные ожидания. Мания преследования со всем ее сложным и мучительным переплетением правды с неправдой, с томительным однообразием положений — оскорбляемого, подвергаемого насмешкам, гонимого. Наяву я мог противопоставить болезни сильное сознание и волю, хотя и наяву приходилось тяжело! — но сон уже полновластно водворял меня в желтый дом.

Только злых людей я видел во сне, и это длилось много лет. Кому ночь и сон, а мне заушение. Конечно, отражалось это и на

дневном самочувствии, повышало чувствительность ко всему злему и увеличивало значение пустяка. Лишь в последний год, когда на голову хлынуло целое море страстей, мое черное болото исчезло под его поверхностью, как исчезли все болота, помойки и лужи при потопе. Теперь объектом преследования в моих снах (все же преследования!) является сам мир.

Нездоровится, хотя по-прежнему все делаю для здоровья, много работаю, мало ем, двигаюсь. Еще какой-то вздорный нарывчик в носу, от которого и голова побаливает и немного потягивает ноги.

А как я оформился и лицом немного вернулся к молодости — если бы еще не сединка, да не дряблеющая кожа. Минутами смотрю на себя в зеркало с удовольствием... и печалью: эх, брат Павел Иванович, даром наша с тобою красота пропадает!

31 мая [1918], ночь.

Душа и тело настолько во власти погоды, что приходится вести нечто вроде морского журнала. Итак: вчера — теплый и приятный день; нынче, при низком барометре, перепадает дождь, небо в дождевых красивых тучах и голубых полях, гремел гром, минутами пригревало солнце. Отдельными тяжелыми сгустками бродят сизые тучи, и от каждой тянется вниз дождевая, рваная паутина. Сильный и свежий ветер с запада. К вечеру заохлодало, и сейчас всего два градуса. Работал больше в столярной, кончал Тинчику тачку, вечером чинил «Хамоидола» (эту старую лодку я отдал Левке с Люсиком с условием сохранить название «Хамоидол»; и когда они, едва возвышаясь стриженными головами над бортом, первый разплыли по реке, какая-то барышня спросила: кто же Хам и кто Идол? Остальной флот наш именовался так: Хамоидол, Шурум-бурум, Дыр-дыр и Сопля).

Сейчас Анна шьет и говорит о пустяках с мамашей. Женщины (Анна и Наташа) замучены кухней и «продовольствием» и будто не живут. Сегодня все от неудач и недостат в раздраженном состоянии. С ними тяжело, и разговор их порою невыносим. И пишу только потому, что — нечего делать.

Ходят здесь слухи (частью из финских газет), что в Питере «избивают» большевиков, Ленин и компания куда-то бежали, корниловские войска приближаются к Москве, вообще наступает будто ликвидация. Не верится, но уже от одних слов — приятно. Боже мой, я не злой и не кровожадный человек, но *без колебания* я подписал бы смертный приговор Ленину.

Вот еще Горький. Мучает меня мысль о нем и несправедливости. На днях попал в руки номер «Новой Жизни» — все та же

гнузность, и тут же сообщается, что общество «Культура» устраивает митинг для сбора книг, и участвуют Зелинский и другие истинно почтенные, а председатель Горький и товарищ председателя В[ера] Фигнер¹. Мучает меня то, что моя ненависть и презрение к Горькому (в теперешней его фазе) останутся бездоказательными. Если Фигнер, Зелинский и другие могут совместно с Горьким выступать и работать, следовательно, они не видят и не понимают, что так ясно; и нужно составить целый обвинительный акт, чтобы *доказать* им преступность Горького и степень его участия в разрушении и гибели России.

Такой обвинительный акт, убийственный, неопровержимый, можно составить, проследив с первого номера «Новую Жизнь», — но разве я могу взяться за такой труд? И кто возьмется? А так забывают, не помнят, не знают, пропустили — а там новые времена и новые песни, когда тут раскапывать старье.

Но неужели Горький так и уйдет ненаказанным, не узнанным, не разоблаченным, «уважаемым»? Конечно, я говорю не о физическом возмездии, это вздор, а просто о том, чтобы действительно уважаемые люди осудили его сурово и решительно. Если этого не случится (а возможно, что и не случится, и Г[орький] сух вылезет из воды) — можно будет плюнуть в харю жизни. ↓

Опасная и ужасная вещь — справедливость. Захотеть ее, сосредоточить на ней свои мысли, сделать ее целью исканий — это либо сойти с ума, либо дойти до крайнего отчаяния, до ненависти к земле и небу. Самые тяжкие муки я испытывал в те несчастные дни, когда почему-либо хотел и искал справедливости. Это страшнее всего.

Горький и его «Новая Жизнь» невыносимы и отвратительны именно тем, что полны несправедливости, дышат ею, как пьяный спиртом. Лицемеры, обвиняющие всех в лицемерии, лжецы, обвиняющие во лжи, убийцы и погубители, всех обвиняющие в том, в чем сами они повинны. Убийцы.

Трудно писать, мозги не ворочаются. Да что!

1 июня [1918], вечер.

Голубых полей меньше, синие сгустки туч, полосы и паутина дождя, грозовые сизо-дымные завесы, погромохивание грома; вдруг косой дождь с мягким градом. На минуту солнце, и опять дождь. Холодно, ветер то стихает, то усиливается до полустормового. Сейчас всего три градуса, пожалуй, будет мороз. Неприятно все это. Деревья еле зеленеют, как в конце апреля. Осина, липа, дубок и даже ольха безлиственны. Только березка монетится и благоухает.

Я нездоров. У меня давно плох (и подозрительно плох) желудок. Надо диету, а где тут выбирать и из чего? При всей осторожности в еде становится все хуже, ничего не принимает. Боли. И сегодня совсем нехорошо, ослабел, с трудом двигаюсь. Причины непонятны, и не знаю, что можно делать. Даже молоко вызывает спазмы. Никогда, даже при острых заболеваниях, я не терял аппетита — и так странно, что сейчас ничего не хочу и не могу. Самого вкусного, о чем у нас мечтательно говорят все по целым дням: «Я бы съела...»

Топится камин. Фуфайка. Когда же отдохну от холода? Еще мне тяжело с Анной.

Час ночи (по нашим три — мы живем на два часа вперед)¹ — стрелка на север, ртуть на нуле, барометр от дождя слабо ползет вверх. Значит и завтра холод.

Весь мой кабинет освещается «Царями иудейскими» (Иисус и Иуда)². Когда откроешь синюю занавеску, за которой картина, то всякий раз чувство и впечатление такое, что открылось нечто драгоценное, светящееся, себе самому вечно равное. Так, если в темной комнате отдернуть занавес с цветного строгого окна. Ошибаюсь я или нет? Картины не видал никто из понимающих (даже просто из посторонних), и ничьего суждения я не слышал.

Фантазер я. Минутами смотрю и думаю: а вдруг эта картина есть действительно нечто замечательное? И люди забудут про «Жизнь Человека» и прочее, а будут знать меня только по этой картине? И это я серьезно могу думать, не улыбаясь. Плохо то, что я уже и раньше думал так же — почти при всякой мало-мальски удавшейся картинке, на которую сам потом смотрел с брезгливой иронией.

Надо добавить, что, как ночью я встаю, чтобы взглянуть еще раз на только что сделанный рисунок, так теперь я делаю крюку, чтобы мимоходом взглянуть на тачку, сделанную мной для Тинчика, — вещь убожества и кривизны поразительной. И как мог я ночью ворочаться от возбуждения и не спать, обдумывая план или подробности трагедии, так теперь я впадаю в бессонное возбуждение, соображая, как и из какого дерева я буду строить новую большую тачку или лавочку для лодки. Сколько отрезать, как изогнуть, какими гвоздями притянуть... А не винтом ли лучше?

Так с фотографией. Так с любовью. Так с мотором³, огородам, газетой⁴, всяким большим или малым делом, которым я занялся. Это хорошо. Лежу, ворочаюсь и, как дурак, путаясь и изнемогая под непосильным бременем, продумываю, как бы

и из чего бы сделать неподвижную подставку для большого бинокля.

2 июня [1918], ночь.

Продолжение вчерашнего. Тучи, порывы ветра и дождя, изредка горячее солнце, а вообще собачий холод. Осточертело воистину! И здоровье хуже вчерашнего, сильная головная боль, слабость, ноги, как из жженой проволоки. К сожалению, работа в столярной, при моем обычном увлечении, оказывается вредной и вызывает боли. Приходится на время сократить.

А совсем без работы — сдохнешь. Со всеми этими обстоятельствами: томительным и растущим голодом, политическим кверхуножием, почтовой и человеческой немотой — живешь, как во сне. Будто действительно тянется какой-то длинный и странный сон; и подлинные сновидения порою больше похожи на явь, нежели это необыкновенное существование. Точно мы стали предметами не трех, а двух измерений.

От голодовки все в доме раздражены и ведут (без меня) беспричинно злые разговоры. Тема одна: еда и голод, и как прежде было. Обидчивы, мнительны. Дети пока кормятся, но не до полной сытости. Жалко смотреть на их радость от полученного сухарика, кусочка сахара или подаренной молодой редиски; «вкуснее всего на свете», говорит Саввка.

Сегодня Анна возила их на лодке к морю. Говорит, что было красиво, свежо и мористо; на песке хорошо грело солнце. Красивые у нас места, и река красива, и только привычка застилает глаза своими тусклыми бельмами. Впрочем, я почти все время ощущаю и вижу эту красоту. Хотя бы это небо белой ночи, которое сейчас я вижу из-за машины: светящийся глубокий фон с редкими грудками густо-синих, почти черных туч, напоминающих рисунок каких-то допотопных чудовищ. Зеркальные прозрачные стекла неощутимы, как воздух, и большое окно, как триптих с меняющимися картинами.

И сколько уже было таких ночей! И сколько раз за эти года смотрел я на такие же синие тучи и светящееся небо — и жизнь шла в ее мыслях, проходила, неслышно уплывала.

Видел во сне Сергеича, будто приехал, и свой дом в преображенном и прекрасном виде. Любимый мой сон, радостный и волнующий: будто я забыл про целую часть дома и вот вспомнил и иду смотреть, и там такая красота. И так странно, что это тоже мое и что я мог про него забыть. Нынче к радостному волнению примешивалось тяжелое чувство от Сергеича: он был мил, но странен и нехорош лицом — бритый, с вылезшими наполовину

волосами, худой. И все я не мог услышать его голоса, будто и говорит, а голоса не слышу.

Наплыли тяжелые синие громады, от неба осталась неширокая, желто-зеленоватая полоска. Уже светится рассветно.

Убей Бог Ленина.

3 июня [1918], днем.

Невыносимая погода. Холод. Пронизывающий северо-восток. Из каких скучных, эскимосски-тундровых мест дует он, и сколько в нем этой самой тупой и злобной скуки! Небо потеряло всю свою красоту и стало простым дрянным непогожим небом, с которого сбежали все ангелы. И ни в одной лавке ничего не достала Анна.

Тяжелый дух в доме. Непогода и дурное питание, на котором сосредоточены все мысли, поднимают с души все некультурные слои тины и ила, где живут пучеглазые лягушки. Никто не понимает общего и все стремятся к частному, и получается жестокое хамство. Следят за каждым куском, отправляемым в рот, подозревают, сплетничают, шипят, грубят и демонстративно едят за общим столом яйцо, купленное «на собственные деньги». И все как-то очень быстро и легко становятся на положение кухонной прислуги, зло судачащей о господах. Нет господина, так они его выдумывают, только бы искать виновника и сваливать вину.

Теперь я сижу за завтраком и обедом, чтобы своим присутствием сдерживать кухонные разговоры, — при мне стесняются. И еще моя задача: пытаюсь их веселить и давать им темы для болтовни. Но противно это. Всю жизнь меня отравляет и преследует хамство (я пытался дать это мельком в «[Профессоре] Сторицыне») и ужасно, что в своем доме, среди своих и единственных, я вижу все его же жестокую, глупую и подлую харю.

Мучает меня Вадим своим характером. В нем есть чистое золото, но золото это в грязи, в говне, в вонючих наслоениях ила. Грубость и дикое самомнение, баронский тон и жесты, твердая память даже о мнимых правах и частое забывание долга. Откуда это? Много читает, много и я с ним говорю, и как будто нет иных влияний, а вот поди — дует в какую-то щель, просачивается из какой-то всероссийской глубины.

И когда я смотрю на них, я понимаю все: и поражение наше, и большевиков, и гибель России. Ведь это у меня, в моей семье, в самой, так сказать, солонке — а что же у рядовых?

И как бесплодно говорить с ними! Они и понимают, они и соглашаются, бывают даже растроганы, но это никакого значения не имеет: их дела и их мысли находятся в разных плоскостях, только скользящих друг по другу. Поэт «телеграфист Надькин»¹

ведь читал Пушкина и путем простого сравнения мог бы видеть, насколько его собственные вирши негодны, но он этого никогда не видит. Пушкин сам по себе, а он, Надькин, сам по себе; и выслушав со слезами повесть о герое, такой Надькин немедленно совершает свинство, и никак не может понять, почему это свинство?

На Анну при ее бессистемности и бестактности, при величайшем желании сделать лучшее, выпала непосильная задача.

Того же, ночью.

Шторм с северо-востока. Небо сплошной свинец с отдельными быстронесущимися пятнами олова. Деревья гнет и сгибает в три погибели. С труб летит штукатурка. Свист, трубы и свирепое дыхание широкой глотки. Вечером один я работал в домике, сгушался сумрак и было даже жутко от талантливых имитаций штормового ветра: настойчивый стук в окна, дерганье двери, голоса, шаги. Выглянешь — никого, серо-зеленая пустыня с наклонной линией дерев и наклоненной травой; вдали большой черный дом, кажущийся необитаемым.

Несомненно, что в этих разбойничьи грабительских покриках и посвистах ветра есть провокация. Заманивает и зовет. И соответствующие натуры должны испытывать огромное возбуждение и позыв — как канарейки отзываться и вторить свисту. Я не разбойник, но и меня такая погода возбуждает и зовет наружу, к движению и действию. Хорошо подкарауливать, сидеть в засаде, высматривать, прятаться, окликать тихим свистом — вдруг появляться. Прежде в такие ночи, выходя в сад, я брал зачем-то револьвер, и было приятно его тяжело холодное прикосновение.

Гул ветра настолько силен, что слышен под одеялом и подушкой, — это дает тревожный полусон.

Барометр падает. Стало быть, зарядило надолго.

Дождь сечет в стекла. Где-то капает, протекла крыша. Все уже спят, и я один сижу и слушаю — такая моя доля. Но хорошо, что белая ночь. Когда позапрошлым летом я был у Добровых, в Бутове, ихние темные ночи показались мне страшными.

Кстати: почти все русские дачи кругом разграблены, скорей разгромлены. Вещей почти не берут, кажется, ищут еды, многое зря и хулигански портят. У меня в купалке сломали замок, но ничего не тронули. И каждый день заходят голодные белогвардейцы, просят, и им приходится отказывать. Едва ли они верят, что ничего нет. Вчера мать отдала голодному старому финну свои щи.

Мне жаль Россию, но не жаль русских. Я думал: почему нельзя отказаться от своего народа, как нельзя менять «веру отцов»?

Он несчастен, побит, унижен, и я не могу от него отказаться. Это глупо — и непреодолимо. И хотя я душою отошел от него, и чужд он мне, и презренен, и ненавистны мне до гадливости его болячки и смрадные язвы, — я должен до конца дней своих лежать вместе с ним на гноище. Должен ли?

«Оставь отца твоего и мать твою и иди за Мною»². Отчего же нельзя оставить и эту мать, что зовется родиной, раз стала она шлюхой и тварью продажной? «Ежели ты в бараньем сословии родился, в ем ты и живи» — говорит Щедрин в сказке³. А ежели я не желаю оставаться в бараньем сословии, хоть и родился в нем? Нет, обязан.

Будь я воистину свободен и смел духом, будь я способен к истинному подвигу и решительному разрыву с принятой и освещенной⁴ ложью, я отрекся бы от русского народа. Поднял бы крест и пошел в пустыню, без родины, без своего народа, без пристанища. Горе мое, что только русским языком я владею, и нельзя мне безвестно затеряться, утонуть в океане человечества.

Много лет, как реальность, предо мною всегда стоял один образ: вот ночью тихонько встаю я, беру «посох» и навсегда ухажу от семьи и дома — пропадаю. Но головные боли! Но все эти боли, которые делают меня бессильным, неспособным к лишениям и труду, кладут наземь — куда пойдешь с ними?

Два часа. При том же штормовом ветре посыпал снег огромными белыми стремительными хлопьями. Ниже нуля. Что это будет, если хватит мороз и гололедица? Жутко смотреть в окно, в которое ударяют эти бешеные хлопья, мягкие и бесшумные, но, кажется, готовые его разбить и ворваться внутрь. Стрелка почти на север, и барометр еще упал.

16 июля [1918], днем.

Скучно, а надо рассказать, что было за месяц.

Числа с десятого началось лето, много дождей, солнца, тепла, погода щедрая. Была неделя сильной жары, душных ночей. И растет все шибко, на сено урожай, хорош овес и ячмень, поправились деревья, какие еще могли поправиться. Плохи последние дни: слишком дождит, воды в излишке, может испортить сено. И сейчас дождь.

Плохо здоровье. Были острые и тяжелые припадки соединенных печени, геморроя, желудка и еще какого-то дьявола, мучает бессонница и сердце. Много поначалу работал в саду тяжелой и приятной земляной работы, сделал большую дорожку к

реке¹. Прервалась работа невралгией (или подагрой?) *левой* руки, на десяток дней обрекшей меня на неподвижность и боль. К счастью, почти прошло. И купаться не пришлось в жаркие дни, только купал детей, стал ихней гувернанткой. Теперь *стараюсь* больше быть голым у реки, да слегка ополаскиваюсь — действует на нервы холодная вода.

В наших местах поселились «банкиры». Познакомился с Шайкевичем, директором Международного [банка] и одним из главных и хитрых патронов «Русской Воли». По соображениям политики ждал от него первого визита и лишь потом пошел к нему. Любопытная фигура, умен. Бывает у нас (и я впервые вчера посетил) Троцкая-Сенютович, молоденькая жена какого-то тоже крупного финансиста, ныне отсутствующего — не пускают финны. Богатая дача (Подменер)², цветы и костюмы, трое кукольных детишек при англичанке, молодость, одиночество и пустота существования при тяжелом и вечно занятом муже. В окрашенности движений (она точно не идет, а падает вперед и поддерживает себя крыльями), тонких руках, некоторых проявлениях души — есть в ней нечто от «Екатерины Ивановны»³, только без чистоты последней. Ко мне она протянула тысячу тонких шупальцев, я ее очень чувствую и думаю о ней. Ведем странно интимные разговоры вокруг души и любви. Вчера, когда я увидел ее одну в большом доме и этом смутно печальном и тревожном саду, она вдруг оказалась мне такой маленькой, беленькой, и мне стало жаль ее. И ей не хотелось остаться одной, и, хотя это было не совсем ловко, она пошла провожать меня. Но она не беззащитна и не слаба: есть ум, выдержка, себе на уме. (Подменеровский сад и дача изображены мною весьма фантастически, но с сохранением *настроения*, в рассказе «Он». В этом же саду, в другом доме, живет и Шайкевич, но к нему никакие настроения не пристают).

22 июля [1918], утро.

Сегодня дети наказаны за то, что учили петуха летать. И кур также учили¹.

23 июля [1918], утро.

Конечно, жить здесь летом в наши дни — счастье. И это ощущается всеми, даже наиболее вообще недовольными и склонными к кухонному критицизму. В России — «последние дни», и редкие голоса оттуда звучат, как из ада. Большевизм, убийства, голод и холера, как в средние века, а здесь — умеренное хамство, кое-какая еда, тишина и вечно прекрасная природа. Для меня все отравлено

болезнью, я чувствую себя *обреченным* и смотрю особыми глазами, но и со мной бывало, что, ложась спать, я благодарил судьбу еще за один день спокойного и почти радостного бытия.

Конечно, это благополучие голого эгоизма. И не надо ничего думать, и не надо читать газет, и не надо иметь известий. Газеты кое-когда попадают, но известий о наших до сих пор нет, и кто знает? — может, уже перемерли наполовину от холеры, может быть, уже нет на свете того или иного. От этой мысли все страшнее день, когда получатся известия, и темная неизвестность становится благом, за которое сердечно благодаришь. Будет час, все узнаем, а пока... смотри на закат, прекрасный до бессмертия, ощущай эти бессмертные благоухания трав и цветов, лови тепло, ветер и солнце — и живи, тварь дрожащая!

Так вчера, в темных сумерках, смотрел я долго в бесконечность и красоту закатного неба, слушал его близкий зов — и такая тоненькая ниточка соединяла меня с этой жизнью, с этим моим несчастным бытием.

Долго не писал в дневнике по той причине, что до сих пор так и не могу найти смысла в дневнике. И пока хочется болтать, болтаешь, отчего же, но потом становится скучно. Ибо о настоящем, о чем *думаешь*, — не пишешь. Зачем писать? Только мне это и нужно, и дорого, и важно, а я и так знаю, без дурацких записей с числами, знаками и буквами. Так или иначе, рано или поздно, а кто-то будет читать эти строки, и я вовсе не хочу отдавать ему своей души — кто бы он ни был, друг, сын, жена. Не верю в его ум и благость — кто бы он ни был, друг, сын или жена. Если для некоторых переживаний достаточно сочувствия, то душа требует большего: будь *мною* и не оскорбляй сочувствием. А кто это может дать? Это и есть: одному жить, одному и умирать.

Большевики так же бессильны и изъедены внутри, как Николай перед войной, — и так же прочны. Достаточно толчка, чтобы их повалить, как повалили монархию, — и толчка этого нет, ибо революция *кончилась*. Они брошены на престол последней революционной волною, и нет новых волн, и уже нечем их смыть оттуда. Дух революции, дух активного, буйного, хотя бы даже слепого протеста, гнавший на улицу, к оружию, к борьбе, — погас уже несколько месяцев тому назад. Делай, что хочешь, Ленин, твое зверство и предательство будут также терпеть, как терпели тупость Николая. И не революционный порыв уберет Ленина, а какая-то внешняя, почти чужая и почти равнодушная сила: возьмет и выбросит. Все обрадуются.

14—27 июля [1918], *ночь*.

С мучительной быстротою убегает лето. Лето! — это так хорошо.

Третьего дня впервые получились известия о наших. Живы и кое-как живут. Об Андрееиче известий нет, вероятно, погиб. Мне его жаль, и я думаю о нем. Неизвестно относительно Сергееича и Добровых, но ничего страшного, видимо, нет, живы. Илья Н[иколаевич] стонет, квохчет и петушится в своем курятнике.

Я усиленно нездоров. Утомительно это и становится вопросом, зачем еще живешь. Но как голодные куры наши, все же выискиваешь в мусоре и грязи крупинки радости и живешь, живешь. Вот сейчас небо красивое в окнах, а там запахи, что-то где-то шевельнется. Живешь.

Ночи темнеют, и скоро предамся раздумью. Надо размыслить и привести себя к знаменателю. Вдуматься и понять.

Есть у меня одна незаживающая рана: мысли и чувства о «Русской Воле». Вспоминаю, перебираю лица и события, возмущаюсь и жестоко ощущаю несправедливость — и тоскую о ней, как о зимнем море. То время, когда я — больной, усталый, скрежещущий зубами от амфитеатровского перфельетонита или последующего гредескулеза — ехал в редакцию или поздней ночью оттуда, — вспоминается как блаженство. Особенно время моего редакторства, когда я видимо рос и уже чувствовал свою силу, значительность, влияние на людей. И это предательство со стороны хозяев, которые за спиною продавали «Русскую Волю» Савинкову с Путиловым, почти продали, когда наступило 25-е октября [1917]. И эта моя неудачливость: совершился переворот на неделю позже, я имел бы 140 тысяч неустойки¹ и не мучился бы до бессонниц и душевной отравы мыслью о деньгах: как жить, где достать, как работать.

Мы доедаем последние крохи. Надо работать — а я не могу, я *не хочу* работать. Хоть бы год свободы и независимости от рынка, популярности и тиража!

29 июля [1918], *утро*.

Чудесный жаркий день, а я болен.

Мне не жаль Николая 2-го, я когда-то слишком ненавидел его, чтобы перейти к иному чувству. Бездарный и бессильный, очень мало преступный, злой неудачник — он заслужил свою судьбу. Но расстрел его — безобразен, невыносим для ума и человеческого сознания, как воплощение глупости, безобразия и жалкой низости. Все в мире подчиняется закону формы, и невозмож-

но, чтобы последний «из Комнинов», или Бурбонов, Стюартов, Романовых¹ кончил свои дни тем, что его забодала корова или за углом «расстрелял» пьяный хулиган, сам достойный виселицы и презрения. Голова Крестителя на золотом блюде — это трагедия, но та же голова на разбитой тарелке, рядом с огрызком огурца и хвостом селедки — сущий вздор. Или... это начало *новой* трагедии? Трагедия руссика, как холера азиатика? Или и бодливая корова должна занять свое место в судьбах русского народа?

Я видел Николая много раз, иногда близко. Помню похороны Александра [III]², коронацию³; помню чудесные шхеры в Питкопасае и тщательно охраняемый, возбуждающий зависть «Штандарт»⁴, мимо которого бочком пробирался я на «Далеком». Последний раз я внимательно и долго рассматривал Николая в Г[осударственной] Думе, в это знаменитое посещение⁵: он стоял неподвижно и тупо и тыльной стороной руки расправлял усы, пока депутаты истово орали «Боже, царя храни». (Кстати: я всего два раза был в Думе: тогда и 1-го марта, в день революции⁶).

И вот этот Николай, Император, «Боже, царя храни» и прочее — расстрелян «по постановлению»⁷. *Как* это произошло? С огромным интересом я все эти дни стараюсь представить себе обстановку, лицо, душу, подробности. И все выходит селедочный хвост. Вероятно, где-нибудь на заднем дворе, около нужника, и расстреливали какие-то рожи, и было пусто, темно и скучно такой адской скукой, какую скучают в аду. Были ли хоть зрители? Это облегчает актеру его скверную роль, есть хоть дурацкая надежда на сочувствие и дурацкое утешение. Или привели одного и одного пристрелили? Так в 1906 г. в пожарных сараях, при свете одного фонаря, поспешно и глухо вешали революционеров.

Но там все-таки был палач, а палач — форма: пока его отыщут, напоят, купят; нельзя же просто послать дворника с ножом — прирежь! А тут сам себе подошва. Необразованные люди, неучи, не понимают, что для казни (а казни императора особенно) нужна же хоть какая-нибудь обстановка!

Вероятно, он был очень бледен и оттого казался совсем рыжим; и до последней минуты разглаживал усы. Его проборчик, его портретно-медально-монетное лицо. Куда попали пули? Как он лежал потом? Кто взял себе его сапоги? — хорошие сапожки.

Получил я случайно два немецких «Кригс-альбум'а» — и снова подумал, что немцы не особенные люди с особыми способностями, а муравьи, одаренные человеческими свойствами, но в существе *лишенные сознания*. Их коллективное представление этой войны нищенски плоско и умаляет мировую трагедию до размеров плац-парада. Во всех двух альбомах, на сотнях фотографий

ни одного трупа, ни одного разорванного рукава или залатанной штанины. Развалины городов чистенькие и новенькие, сейчас из лавки. Группировка, свето-тьень — бездарны до последней степени. И весь смысл: «Наши храбрецы на отдыхе», «наши храбрецы маршируют в Антверпене, Брюсселе, Лодзи» и т.д. Даже могилы ни одной нет — война без убитых. Даже с точки поддержания «духа войны» это глупо и ничтожно, как мармелад. Много фотографируют пленных, но и те, видимо, раньше были отведены к парикмахеру. В этой страсти к чистоте, порядочку и наведению лака есть что-то от упорства и тупости насекомых.

Но заговорил я об этих альбомах потому, что там есть фотографии русских пленных. Мне все пленные не нравятся, но когда я увидел *эти* родные лица, я испытал чувство отвращения и ненависти. Обычные русские лица, да — но я их ненавижу. И это моя родня? Ни за что! В морде орангутанга я найду больше родственных черт и с почтением назову его «дедушка», нежели в этих лицах, пошедших *не по той дороге*⁸.

31 июля [1918], ночь.

Сколько в «Русской Воле» вытерпел я из-за П.Пильского (который, между прочим, находился у меня в ежовых рукавицах)! Его презирал сам Амфитеатров и снисходительно удивлялся моему «выбору» (будто это был выбор). Ашешов грубо отказывался работать из-за него в отделе и т.д. — и отовсюду со стороны [ш]пыняли меня этим несчастным Пильским. А вскоре — Пильский *заведывающий* отделом в газете Амфитеатрова¹, а сейчас, в «Вечернем Часе», за фельетонами Пильского скромно печатает свои статейки Горнфельд²! тот самый русско-богатенский Горнфельд, что вместе со всеми своими моралитетами страдальчески презирал меня за «Русскую Волю» и того же П.Пильского! А Добронравов от Иорданского шагнул к Гессену³, коего Иорданский вызывал даже на дуэль⁴, а Чуковский редактирует большевистское издание классиков⁵, а Горький председатель Красного Креста, помогающего «голодающей интеллигенции»⁶ (и интеллигенция берет из этих рук!).

И когда я проглядываю газеты и журналы, и на каждом шагу, в большом и малом, вижу эту ложь и несправедливость, мною овладевает острая тоска и чувство особого мучительного бессилия: как преодолеть это море лицемерия, фальши и легонькой гнусности, зовущей себя святостью?

Мне страшно подумать, что я снова принужден буду вступить с ними в отношения, войти в это стадо, где каждый в глу-

бине души ненавидит меня именно за мою честность и непримиримость. Я слишком горд, слишком резок, я иду прямо — и оттого был я один, и останусь один, хотя бы целая толпа юлила возле меня. Нечестный, грязный Куприн⁷ — тот свой брат и с ними [т.е. с ним?] всегда будут дружить, по-ихнему лживый Горький тоже, а я!

Не умею по-ихнему. Ведь Горький прямо преступен, его руки в крови — а ничего, живет и будет жить! И с каким восторгом вся эта стая, включая и самого Горького, принялась за травлю старика Ясинского, когда он бескорыстно, наивно и неосторожно похвалил большевиков⁸, — и с какой трогательною скромностью они упрекают А.Блока за его действительно отвратительные статьи в «Знамени Труда»⁹. А все эти эс-эры, которые смотрели на меня с «Русской Волей» прямо с колокольни — и ненавидели, зная, что колокольня все-таки я, а они только мусор сегодняшнего дня. Мстиславские, Разумники, еще какие-то, имени которых не вспомнишь.

Гнусно жить в России. Или это и везде так? Наивный вопрос для писателя в 47 лет, но это мое несчастье — я наивен, как мальчишка.

2 августа [1918], день.

Хмурое небо, темные ночи, совсем осень. И словно вместе с наружным светом, гаснет свет внутри — такая тьма в душе, такой мрак, пустынный и необъятный! Силы и здоровье падают, а злые силы мира становятся все чернее и беспощаднее. А газеты считаешь, как эти вечера мусолил их я, — и будто в печной трубе побывал, в чернейшей саже или до отвалу беседовал с сотнею дураков и легионом мерзавцев. Отдельные люди честны, умны и даже благородны, а в целом гнусность и глупость беспредельная.

Я как-то писал, со всею моею русской скромностью и совестью, что каждый порядочный англичанин или итальянец имеет право дать мне, русскому, по роже¹. К этому надо внести поправку: и я, как порядочный русский, имею такое же право дать по роже любому Уэллсу или Франсу. Ибо предательство — обоюдные [sic].

Если при Керенском союзники могли ворчать (что они и делали) и могли *предлагать* свои услуги к поднятию боеспособности России, то после Октября и уже во всяком случае после Брестского мира они *обязаны* были ввести в Россию японские свежие и свои войска и создать правительство национальной обороны. Они не только имели на это право, но они должны были сделать

это. Перед ними не была единая и враждебная им Россия, наоборот: все эти корниловские, калединские и прочие попытки ценою жизни свергнуть ужасную для народа и преступную власть большевиков свидетельствовали о другом. И во все эти 8 месяцев продолжающаяся гражданская война — все эти чехо-словаки², Ярославли³, тогдашние Киевы и грузины, все это звало союзников на помощь. И без помощи ихней победить Корнилов не мог: у него только офицера, студенты и немногие лучшие из народа, а с той стороны вся громада дурака, вооруженного до зубов.

Но союзники, как всегда, медлили, торговались друг с другом, боялись друг друга, нерешительно таскали своих послов из Питера в Москву, из Москвы в Вологду, из Вологды в Архангельск, двуличничали с советской властью (преступная телеграмма Вильсона⁴) и за руки держали Японию, как бы не обокрала. И так постепенно они просрали Кавказ, Крым, Украину, Финляндию, черноморский и балтийский флоты, дали немцу нажраться и укрепиться, дали Каледину и тысячам честнейших людей погибнуть, лишили Россию уже всякой веры в себя — и у себя самих, в жестоких боях с окрепшим немцем, потеряли сотни тысяч лучших своих и покорных людей.

Больше того: война может кончиться только поражением Германцев или — общей гибелью. И не сделав того, что сразу (при вмешательстве Японии) могло привести Германию к поражению, они сделали войну *бесконечной*, т.е. совершили преступление уже по отношению ко всему миру. И сейчас — сейчас! — они еще продолжают закулисно спорить, вмешиваться или нет, вмешиваются нерешительно и слабо, только раздражая всех, друзей и врагов, — и вновь предают Молоху несчастных «плохо вооруженных» чехо-словаков. Конечно, погубят и этих.

И гнусно, и глупо, и действительно, некому руку подать.

Болит голова, скверно сердце, не могу писать, к сожалению.

3 августа [1918], день.

Торжественный праздник приспособления. Старый шеф приспособившихся, В.Г.Короленко, чувствуетя и получает от обширного общества приспособившихся, приспособляющихся и имеющих приспособиться нежную и почтительную телеграмму (65-тилетие)¹. Во главе чествующих М.Горький, тот самый М.Горький, который говорил мне когда-то про этого самого Короленку, что в 1905 году Короленко вел себя, как трус и лицемер².

Теперь эти породистые лжецы поняли друг друга. Во все время войны Короленко молчал³ — и Горький молчал: не то, чтобы

они совсем не принимали войны, но и не то, чтобы принимали, хотя всем, всем видно, что они против чего-то плохого во имя чего-то весьма благородного. Потом, в дни революции, Короленко слабо о чем-то разок простонал и опять смолк⁴, а М. Горький упорно и настойчиво писал о культуре, все о культуре, каждый день о культуре, и только нечаянно по дороге впадал в хамство. А тем временем его «Новая Жизнь» усердно приспособлялась к всемогущему пролетариату, травила союзников, целовала Троцкого и Ленина, неосторожно маралась в крови юнкеров⁵ и, наконец, «почтительно и скорбно склоняла голову» перед гробом временно погибшего негодяя В[о]лодарского⁶.

Украина отделилась⁷, Украина отдалась немцу, Украина переживала колебания, сомнения, выла от большевиков и гайдамаков⁸ — что писал в это время Короленко? За отделение он или против? Мы понимаем, что против отделения, мы догадываемся, что и немцы его не радуют, мы чувствуем, что он «страдает», — но где его слова? Он и тут молчал и только в «письмах к друзьям» намекал на свое неудовольствие и неудобства жизни⁹.

И оттого все гибнут, кто на правой, кто на левой стороне, и лишь Короленко вечно живет и чувствуется, он — «совесть и честь русского народа», он, величайший лжец и истинный гений приспособляемости. И любопытно, что именно его, хитрого и молчаливо-намекающего, русская «честная» интеллигенция избрала своим угодником и пророком. Действительно, надо иметь хоть одного честного человека, и пусть будет им Короленко — чудесный русско-богатенский чурбан, имеющий такт молчать и никого не задевать.

Главное достоинство и свойство Короленки то, что честность его имеет, так сказать, оборонческий характер. Он никогда не нападает, его честность не меч, который обоюдоостр и опасен, — его честность щит и раковая броня. Если он вступает в борьбу, то лишь против зла *общепризнанного*, там, где его воинственная ярость никак и никого задеть не может. Кредо его пылкой ненависти не пошло дальше становой пристава, ибо исправник — уже спорное явление. Конечно, он и исправника не одобряет, он даже и до царя добирался — но в частной беседе, но в частной беседе.

Он никогда не ошибался (действительно, становой — зло), ему не в чем раскаиваться, у него нет грехов, он беспорочен. Рядом с ним Горький с его глупостью и жадным славолубием действительно щенок и мальчишка — Короленко никогда так не прорвется и уж ни в какую лужу не сядет. Не знаю, каков он был в младости, когда пылкость и неосторожность довели его даже до ссылки, но с вступлением в зрелые года Короленко поставил

себе и осуществил единую задачу: отсутствовать при всяком шуме и скандале, хотя бы этим скандалом была сама Голгофа. И наверное можно сказать, что живи он в ту пору, он просидел бы этот день дома — «по болезни моего друга, Анненского» — и злая история, заклеившая даже неосторожного Пилата, ни с какой бы стороны не могла бы подкопаться к честному Короленке. Меня там не было — вот его непрерывно возобновляемый подвиг и право на вход в царство небесное.

Гнусно и ничтожно, и противно жить. Теперь «пломбированные»¹⁰ среди памятников, коими они намерены украсить стогны, наметили и памятник Плеханову¹¹; и тот же Горький прилично рыдал на его похоронах (заглазно и письменно). Что же, мертвый противиться не может: живой Плеханов заявлял, что ни одному plombированному руки не подаст¹², но что он может сделать мертвый? И поставят памятник, и высерутся возле — ничего не поделаешь.

Да и живой — что он может сделать с этой упругостью лжи и еще хуже — с этим роковым непониманием правды и ее существования? Ведь Короленку приветствует не один Горький, ведь с Горьким доселе все общаются, ведь из его рук согласна кормиться «голодающая интеллигенция», трижды им преданная, — ведь Короленку чествуют *все!*

5 августа [1918], день.

Уже совершенно глупый декрет об обязательности для периодических нового правописания¹, и чтобы даже рукописи присылались на новом. Скреплено Луначарским, а затеяно товарищами печатниками, вреднейшими людьми в своей поверхностной «образованности». Главное, что все ссылаются на авторитет академии, признавшей необходимым новое правописание, и многие молодые учителя уже давно проводят в школах это безобразие. И вчера здешняя учительница, миленькая, но по-старому ответственная девица, горячо доказывала мне необходимость упрощенной орфографии и спокойно, как дикарь, утверждала, что у меня к [букве] ять просто привычка. На мои слова, что мы, писатели, единственные творцы живого языка, для которого орфография является неотдираемой кожей, и что только мы имеем право решить этот вопрос, она с тем же спокойствием глубочайшей некультурности заявила: «Сколько вы ни спорьте и ни боритесь, большинство решит против вас».

Большинство! Вот оно либеральное скудоумие наше. Я сказал: — Пусть тогда большинство и книги пишет. Вы согласны?

Конечно, нет — но разве логика обязательна? Скучный народ, как долго еще идти ему до первоначал культуры и разума.

Полулетняя-полуосенняя погода. Теплые, но хмурые дни, перепадает дождь и уже желтеет листва. Уже! И ночи темны. Противно.

Нота-бене. Толстой горько мне жаловался, что приезжают к нему студенты... и *учат* его жить. «Эти молодые люди!..»

6 августа [1918], вечером.

Вчера после 4 лет был впервые пьян!. Выпил немного, а напился, и вот еще новость: ноги стали плохо держать. Я уже давно начал чувствовать их слабость, а теперь ясно сказалось. Говорил много глупостей (пил с Т[роцким]-Сенютовичем), нынче болен и на душе мрак сугубый.

Темно. Смотрел сейчас в мрачный закат и искал в нем отражения судеб. Мрачно и душно, как в петле. Надо будет снова взяться за себя, а то опасно. Немцы делают клей из бактерий, надо и жизнь делать химически, из этого говна жизнь!

Пьяный я хвостун, лжец, то льшу, то угрожаю и дерусь, быстро перехожу от трусости к отчаянной смелости. Очень редко красив, и было лишь раза два-три, когда становился гениален. Трезвый не был гениальным никогда. Основой самочувствия является что-нибудь сочиненное /или/ и вообразенное.

7 августа [1918], днем.

Томительная, безобразная скука. Я всегда испытывал ее в эти летне-осенние дни, когда все в природе уже остановилось, стоит, чтобы начать падать к зиме. Птенцы выведены, любовь прекратилась, лист на дереве отливает металлом, скрючивается, покрывается гнилыми пятнами болезни и старости. Сено свежено, луга лысы и еле просвечивают зеленой светлой немочью. Погода по-дачному «великолепная», но смысл потерян. В такие дни надо сидеть на скамеечке и, томясь беспредметно и тошно, что-то чертить палкою на песке.

Я еще весною боялся этих дней и хотел спасти себя работой. Но работы нет; конечно, ее можно бы придумать, как я придумывал ее — но не хочется. И работать не хочется. И гулять — единственное, что остается дачнику, — не могу. Куда пойти? Каждая пядь земли исхожена, каждое дерево и заворот реки известны до тошноты, это мучительно. И опять-таки — для меня гулять, это значит думать, а что думать? В сущности, вся тоска и весь ужас именно в мыслях, в этом сознании роковой безысходности.

В шхерах и на «Далеком» было иначе. Там нет разницы между маем и июнем, и там, в движении волн и ветра, нет чувства потерянного смысла жизни.

Скучно невыносимо. Беда, что писать не могу. *Не знаю, что писать*. Никогда еще этого не было: так разрушена и опустошена душа.

9 августа [1918], день.

Делаю попытки работать. Начал рассказ о солдате «Пятаков» и бросил. Буду либо для начала [писать] «Глухого композитора», либо прямо приступлю к некоей трагедии с царями и чертями¹.

Прошел чудовищный слух, будто большевики, усадив на пароходы несколько тысяч офицеров, предательски потопили их возле Кронштадта². Нечто слишком чудовищное и маловероятное, но самое возникновение слуха (из разных источников) показательно.

Газет давно нет, и не знаю, какова реакция на убийство Эйхгорна. Само по себе факт примечательный: так или иначе, но народ борется за себя. Это самое «иначе», окрашенное исторически, зовется «борьбою Нидерландов за свободу»³ или Мореи⁴ — в этом роде. Тут исторически все учтется: и Ярославль⁵, и эти 200 эс-эровских голов, поднесенных Германии, и Корнилов, и словаки⁶. Трогательными словами будет сказано о студентах, юнаках и гимназистах.

Польза Ленина для России сомнительна. Но его польза для Германии несомненна. Когда левые эсеры расходились по существу с коммунистами в своей программе, коммунисты охотно уступили и сделали мороженое из сирени⁷. Но когда те же эсеры отвергли Брестский мир, а потом и активно выступили против немца, с них немедленно стали снимать головы. По немецким газетам, расстрелян весь их пандемониум: Спиридонова, Камков, Калегаев и усмиритель Москвы в октябрьские дни — Саблин. И еще другие⁸.

Для штатского человека Ленин довольно свободно обращается с кровью. Вот тебе и чеховские человечки! Вообще, от Чехова мы сразу ввалились в Майн-Рида: какие ныне замечательные приключения переживаются и какие появились «охотники за черепами»⁹. А контрабандисты!

Жалко, что не умеют наши писать на темы. «Буржуи», которых насильно заставляют собирать и хоронить холерных и которые умирают от страха перед грудой этих зеленых трупов, — это почти Э.Поз¹⁰. И есть тут все же великая справедливость! Но от этого дела Пятакова не лучше.

Бедный Пятаков! Я и люблю тебя, мне и жаль тебя до слез, я понимаю и твой слепой гнев и ненависть — ты из племени рабов, ты из рода ограбленных, униженных и проклятых. Что из того, что у тебя широкая красная морда, все-таки «кровушки» твоей попили, это правда; и в чувстве духовной ограниченности своей несешь ты право на гнев и месть. Но Пятаков — все же только в Царстве Небесном ты будешь первым, а на земле — нет! Сколько ни лей крови, своей и чужой, Путилова и Рябушинского не победишь. У них есть зонтик от кровавого дождя, и они останутся сухи и живы, а ты умрешь. Не бывать тебе первым в царстве земном! Для неба вполне достаточно, что ты «нищ духом», а на земле надо быть инженером, голубчик.

30 июля [12 августа 1918], утро.

Еще не доставало: простудился. Этакая скука!

Две недели нет газет, почти нет слухов, и жажда знания становится сильна, как в настоящем раю. И даже не знать, а — «почитать бы газетку!», какую ни на есть, повертеть в руках, пошуршать, позлиться, отравиться этим привычным и дорогим ядом, как табаком, до горечи на языке, до сердцебиения и шума в ушах.

По-видимому все та же гнусность, и большевик существует. Большевик существует — это главное. Сидит в Кремле под защитой латышей и финнов¹ (курьез!), навел на город тяжелые орудия и управляет. Иногда мне представляется, как Ленин и жид Троцкий, ночью и выпивши (а может днем и трезвые), ходят по Грановитой [палате] и с шутливым кокетством примеряют бармы, собольи шапки с жемчугами, царские наперсные кресты. Сколько там украдено этих жемчугов и алмазов! — ведь хозяева, как я у себя в кладовой. И ответственности никакой. Перед кем? Они «по ту сторону».

Все так же далек мир на Западе. А что значит еще год войны, голода, ужасной темной зимы? Гляжу на русскую сцену, затянутую дымом и скользкую от крови, на агонию актеров, на тяжелую усталость зрителей и думаю: какой это акт — последний или еще только *первый*? Все убеждены, что последний, а вдруг только *первый*? Да, для России большевик кончается, это несомненно, но... не начнется ли он на Западе? Тогда дети пусть живут, насколько сумеют, а самим надо лезть в могилу.

Все азиатские болезни бурны и коротки, европейские степенны и длительны. У нас — холера, там — вырождение. Если Европа заболит большевизмом, то надолго, до полного извода. Тамошний дурак опаснее нашего, так как похож на умного. Они не по-

ползут откровенно на четвереньках, как наши, и свое людоедство будут совершать за сервированным столом. Странное существо вещей и людей скроется за формой, и чудовищный обман примет всю видимость правды. Будет долгое и повальное сумасшествие.

Поступки и действия отдельного человека могут быть рациональны или безумны. Выступления масс *всегда* психозепидемичны. По-видимому, это закон человеческого общежития. Государство, власть, революция — психозы.

Какой ужасный вред принесли Дарвин, Маркс, вытеснившие науку о Духе наукой о Материи. Уродливый, но популярный, ничтожный, но влиятельный Фриче, объясняющий Гамлета борьбою классов в датском королевстве², вот для меня истинный ужас. Это так соблазнительно: все объяснить, и притом объяснить так, чтобы всем было понятно! И так как Дух наиболее трудно объясним, то его и заменили пищеварением. «Человек есть то, что он ест»³. Мило, благородно и всем понятно. А сколько таких общедоступных формул, «пролетария», «класса», «исторических и климатических условий», «добавочной стоимости». Поборолись немного наши Михайловские за «роль личности в истории» и незаметно продали ее за «добавочную стоимость».

Это время передо мною, в моем пестром чтении и мышлении, промелькнули Петр и Торквемада⁴, стрелецкие бунты⁵ и баррикады, 2 Декабря⁶, люди и люди. Везде кровь и убийство, но сейчас для меня даже не это главное. *Вижу*, как один человек поворачивает колесо. *Вижу*, как один заражает массы и ведет их к Дьяволу и Богу.

31 июля [13 августа 1918], вечер.

...Но могут быть дни, когда настоящее существование наше будет казаться блаженством, потерянными раем. Керосину нет, но день достаточно длинен и светел; есть картошка, не стреляют и не грабят, тепло — живем. И эти картошечные дни, хуже которых мы, кажется, не испытывали, с их неизвестностью и тоской, бездельем пленных рук и пленной мысли, — да, эти самые дни вдруг станут казаться даже счастьем. Так прошлое лето бродили мы по дорожке, Павел, Анна, кто-то еще и жаловались, что плохо (а о голоде еще и помину не было, белый хлеб до отвала) — и я сказал:

— А думаете ли вы, что наступит такое время, когда вот эти дни нам покажутся раем?

Настойчивые слухи из финских, и, будто, немецких газет, что Ленин и Троцкий бежали из Москвы в Кронштадт (находятся на крейсере «Аврора»). А сегодня в Териоках болтают, что и Москва уже взята чехо-словаками. Мыслей по этому поводу много, но все они, эти мысли, упираются в тупик. Вся Европа превратилась в сеть Гордиевых узлов, которых не развязать, а когда начинают рубить — на место одного разрушенного затягивается десять новых.

Неудачно и с неприятностями ищем дачу зимнюю в Тюрисеве или поблизости. Надо электричество, темнота уже мучает. Мать хворает и слабеет. О своих известий нет, а там, в России, — ужасы террора и холеры. Дети здоровы, но дичают без присмотра, Айна ничего с ними не умеет. На днях Тинчик («Мелкий бес»¹) чуть не лишился глаза, наткнувшись на колючую проволоку. Дороговизна доходит до абсурда: катушка ниток десять рублей. Стремительно лечу к банкротству, но даже не думаю об этом: только бы день прожить.

Погода — осенняя. Оглянуться не успели, как зима катит в глаза. И солнце осенне[е], и ненастье такое же. Точно и не было лета. Что мы будем делать в эту длинную, черную и страшную зиму?

Если Москва действительно взята и там начало налаживаться правительство национальной обороны, надо бы ехать в Москву работать. А как проехать туда сквозь финнов, немцев, коммунаров и холеру — да еще с детьми?

Слух о потоплении офицеров одними финскими газетами утверждается, другими опровергается. Но факт, что тысяча их арестована — почему-то — и отправлена в Кронштадт — зачем-то². В Выборге финны стащили с постамента памятник Петру³, и он теперь продан Германии — на слом. Да разве не лом и вся Россия?

К работе не приступал. Колеблюсь в выборе темы. Все нет такой, что захватила бы душу. Знаю, что важно начать, а дальше втянусь, но не могу начать. Сильно мешает нездоровье и недостаток света, надо беречь оставшиеся фунты керосина и жечь в крайней необходимости. А в темноте и раскаться трудно.

14 августа [1918], утро.

Был сейчас Шайкевич и подтвердил вести о бегстве Ленина и Троцкого в Кронштадт. Говорил, что мне надо ехать в Москву и работать над возрождением и воссоединением России. «Ваше слово, которым Вы так умеете зажечь сердца...»

Ах, мне теперь все будут говорить: надо ехать — и больше всего буду говорить я сам. И буду стыдиться, что не еду, и буду виновато смотреть в глаза, и буду дурак дураком. Это все моя проклятая, глупая, вредная торопливость, временами переходящая в простую и ничтожную егозливість совести и мыслей. Я умаляю себя вечно!

Ехать надо, но не сейчас — даже не скоро.

Дело объединения уже началось, народ уже становится и передними колесами уже стал на правильный путь. Но впереди еще полоса партийной борьбы. Из своих подполий, куда их загнали большевики, вылезут Черновы, Мартовы и интернационалисты¹ и будут первым тормозом к созданию национального правительства. Убеждать их — бесполезно. И те генералы, что взяли (возьмут) Москву, убеждать не станут. Что же *мне* делать в этом первом акте? Поддерживать неизбежную диктатуру и расстрелы? Не могу, а если бы и стал, то лишь уничтожил бы себя и свою силу, необходимую для *третьего* акта. Бороться с генералами — безнадежно и глупо... гуманность! Сейчас гуманистом остался только Пилат.

Моя задача — прийти тогда, когда дело будет наполовину сьорганизовано, когда полоса крови, крика и всей этой неизбежной грязи останется позади. Я архитектор, поэт и художник, а не каменщ[ик] и не плотник, таскающий бревна. Я могу, бросившись торопливо, таскать и бревна, ворочать и камни, но я только даром растрочу силы и помощь окажу ничтожную. Мой голос в этом крике будет звучать слабо и невнятно, а когда наступит истинный час для появления на эстраде, я окажусь охрипшим — и скверно петь будут другие.

Сейчас мы вступили в фазу генерального боя, начатого народом. Я лишь частица этого войска, бессильная сама по себе, сильная, когда употреблена во время и разумно. Не стратег, а безумец введет конницу, когда еще идет артиллерийская подготовка и тяжело движутся массы пехоты. Знать момент, когда *пора* ударить, в этом весь разум и талант войны.

Что я делал весь этот год? Широко расставив руки и надсаживая грудь, я с кучкой бессильных людей удерживал миллионы бегущих людей с поля сражения. Не-бегущие плакали, слушая меня, бегущие — не слышали! Я с кучкой людей, надрываясь, толкал тяжелый воз вверх, когда миллионы сверху легко толкали его вниз².

Теперь воз медленно пополз в гору. Теперь я могу быть слышим, теперь и моя сила окажется действенной — но нужно точно взять момент, когда эту силу, *с ее особенностями*, следует применить.

Не надо торопиться! не надо торопиться! Я болен, сил у меня немного. Заливать пожар своею кровью, когда рядом уже начала пыхтеть паровая машина, — глупо и преступно. Один совестливый студент, пришедший ко мне прошлое лето с тайными укорами, звал меня на войну *погибать*: если в первых рядах погибнет Л. Андреев, то это воодушевит остальных и двинет. Я сказал, что если в первых рядах погибну не только я, но и вся литература, то это не остановит (в ту пору) ни одного дезертира.

Но я вовсе и не хочу погибать. Если мне станет тяжело жить, я предпочту покончить с собою, нежели отдавать свою жизнь на баррикадах или войне. Я видел в истории легионы этих погибавших, и результаты так ничтожны, так глупо и позорно ничтожны, что нельзя отдавать за них ценную жизнь. Если для маленькой жизни сама гибель является ценностью, оправдывающей и украшающей эту жизнь, то моя жизнь слишком для этого велика.

Я хочу возрождения Великой России — потому что я люблю разумное, большое и красивое, ненавижу мелкое и дрянное. Но я знаю, что даже Великая Россия — только момент на этом бесконечном пути, а моя жизнь — вечность, и не отдам я вечности за момент. Одно могло толкнуть меня не только на работу (работы я хочу), но и на гибель, это любовь. Но я не люблю людей.

Работать я буду, потому что хочу, и поскольку хочу. Но не надо торопиться! Надо быть свободным и, действительно, смелым! В моей торопливости много рабьего страха перед мнимым долгом, людьми и их осуждением. Не надо!

16 августа [1918], день.

Совсем плохо здоровье. Без видимых причин непрерывно, день и ночь, головная боль и, что еще хуже — ужасная деятельность сердца. Бьется часто и сильно, как в угаре, одышка, слабость, доходящая почти до обморочного состояния. Какой-то непрерывный припадок, при котором, кажется, несколько минут нельзя прожить, а так проходят часы и дни. Разбитая мысль совершенно бессильна. Пробую, от логики, всякие лекарства, и все бесплодно.

Барометр низко. Тепло, сильный вест, сейчас солнце, а ночью гудел проливной дождь, и все собираются тучи. Не успевает взреть прибитый ячмень и овес. Брожу бессильно и бесцельно по саду, да и то немного, устаю, а то так же бессильно сижу в кабинете, перелистываю книги, безуспешно пытаюсь мозговать и думаю: доколе?

Вчера Вальтеры привезли свежие от 13-го газеты, «Комунну»¹ и «Красную»², ибо все буржуазные закрыты³. Трудно найти правду в этих гнусных листках, но между строк и в некоторых глупых оговорках чувствуется, что дела их серьезны. Дикий террор.

До самого Октября у нас никто не верил в возможность террора. Над угрозами большевиков, в частности Троцкого, смеялись, как над бравадой. Да и сейчас, несмотря на истребление целых городов, как Ярославля, на бесчисленные казни, зверства и убийства, все же кажется, что это не террор, а лишь огромный и длительный «холерный бунт». Слишком шутовское, курносое, пьяное и глупое лицо у этого «террора». Террор-Самозванец, как был Дмитрий Самозванец. И в короне, а не царь. Хоть ведрами лакай они кровь, эти Ленин и Троцкий, а Робеспьером и Дантоном⁴ не быть этим ничтожным и злым шутам, сколь об этом ни мечтают.

17 августа [1918], день.

Надобно отметить, что начало жестокостям положил не народ и что народ, пока не пришли Ленины, был не жесток. Петербургская февральская революция взяла изумительно малое количество жертв: меньше половины того количества, которое было только *расстреляно* в маленьком Ярославле. Нельзя объяснить это отсутствием раздражающего сопротивления: сопротивление было и стреляющие из засад городские чувствовались народом не меньшими врагами, нежели символические «буржуи». Апрельский переворот (смена Милюкова) дает только трех убитых, о которых кричат, как ныне не кричат о тысячах.

И в деревнях почти не было ни крови, ни зверств; исключений так мало, что они ускользают из памяти. Кровь начинает литься параллельно с укреплением большевистских «Правд» и ростом их ненавистнической агитации, рождающей страх, тревогу, подозрительность и злобу. Но и тут крови еще мало. Первое серьезное и угрожающее кровопролитие — это июльское восстание: третье июля можно назвать тем решающим моментом, когда долго и нарочито раздражаемый зверь был спущен с цепи¹. Но и здесь зверств еще нет; и вплоть до 25 Октября (включая смертные казни на фронте², Корниловское выступление и прочее) жертвы считаются только единицами и по всей России — десятками. (Кровавые события в Ташкенте и окраинах целиком связаны с выступлениями и деятельностью большевиков³).

Октябрь кладет резкую грань и одевает всю Россию мраком, дымом и кровью. Начав зверским истреблением юнкеров, большевистские правители — Ленин, Троцкий, Бонч-Бруевич, Зиновьев,

Муравьев, Крыленко, Дыбенко и прочие — настойчиво ведут кровавую агитацию, требуют, приказывают, всеми способами вызывают ненависть и создают повсеместную «Варфоломееву ночь»⁴ для офицеров и буржуев.

Везде и всегда, где большевистская газета, или агитатор, или вождь, или декрет, — кровь и зверства. Еще до-Октябрьские выборгские зверства⁵ непосредственно связаны с большевиками и их растущей властью. И потому нельзя сказать, в оправдание социалистов, что это сам народ, как было в дни французской революции, зверствами *мстил* за прошлое: он был только орудием в бесчестных интеллигентских руках, как зверствующие стрелцы были лишь орудием Милославских и других бояр. Подкупом, угрозами и вечным припевом декретов «расстреливать на месте» его толкали на зверства.

Убийцы Шингарева, юнкеров, Духонина, студентов — Ленин и его сподручные. Максимы Горькие — пособники и укрыватели. Если зайца можно довести до того, что он начнет кусаться, то народ, да еще такой темный и варварский, всегда можно довести до повального озверения «Пьян был» — говорит с недоумением убийца, вырезавший семью. «Пьян был», — скажет народ, ужасаясь и не понимая.

Готовили питье интернационалисты. Наливал Ленин. Разносили шкалики социалисты. Потчевал Горький. Плакала Россия и ее бабы.

19 августа [1918], день.

Живем в тумане. Ничего достоверного, слухов много и мучительное чувство, что где-то вблизи что-то совершается, а что — только гадаем.

Третьего дня из вполне достоверного источника передали, что в ночь с 13-го на 14-ое в Питере шла жестокая стрельба, орудийная и пулеметная. Испуганные обыватели не раздевались и не ложились спать. Но кто в кого, по какому случаю и чем кончилось — абсолютно неизвестно. И догадаться трудно!

Теперь еще новость. Наши финки были, как всегда, в народном доме на воскресных танцах и ныне рассказывают, что весь народ в жестокой тревоге и даже не танцевали. Говорят, что Россия объявила войну Финляндии, что над Ино были два аэроплана, сбросившие прокламации с извещением, что 20-го (завтра) начнется обстрел крепости с кронштадтских фортов. Русских, т.е. нас, будут немедленно высылать, и нашу Альму спрашивали уже, где она думает после нас устроиться. На Ино навезли финских войск, но войска эти ничтожны, мало и плохо обучены и в страхе, что

с ними будет. И все говорят о поражении друзей-немцев на Западном фронте¹.

Подтверждение этим слухам есть в случайных газетных сведениях, что русско-финские переговоры идут дурно вследствие слишком большой требовательности русской делегации и ее великодержавного тона. Но любопытно: большевики — и этот тон, Розенкранцы и Розенштерны (вся почти делегация из евреев) — и требовательность²! Дальше: по нашей пустынной дороге третьего дня было оживление, и я видел воинский поезд, с народом и орудиями, шедший в Ино. Кроме этого поезда, говорят, пришли и другие. А в той же газетке прочел, будто есть слух о намерении большевиков объявить войну Германии.

Вот тут и работай! Это сплошное неведение и тревожные слухи составляют один из элементов, из коих складывается мое упорное нежелание работать, неохота и почти неспособность сосредоточить мысль и фантазию на вымысле. Когда такое происходит вокруг, фантазия чувствует себя глупо и неловко.

Да, возможно, что попадем в переделку. По правде мы слишком «счастливы» все это время: за исключением райволовских боев, задевших нас своим угрожающим крылом³, мы живем вне войны и ее ужасов. Почему этому дому не быть разрушенным? Кому-нибудь из нас убитым? Почему нам с детьми не бежать по дорогам, как прочие беженцы?

Да, мы слишком счастливы. Только плохо быть беженцем с кучею детей при таком здоровье.

Вечером.

Все местечко говорит о войне. Видимо, завтра истекает срок какого-то ультиматума (мифические аэропланы). Войска действительно собираются в Ино. Одни говорят об оккупации Питера немцами, другие уверяют, что Питер уже занят англичанами. Новые слухи о серьезном поражении германцев на Западе. Глупо все это.

Бестолково волнуемся вокруг вопроса о зимней даче. Единственную удобную уже прозевали, захвачена Троцкими[-Сенютовичами]. Анна совсем не справляется с такими вещами, и приходится со страхом смотреть в будущее. Противно узнавать, что люди накупили дров по 30 рублей сажень, тогда как мы платим 50, а недавно платили 75. Транжирим больше капиталистов при минимуме удобств. И с дачей выйдет чепуха: окажется что-нибудь и дорогое свыше сил и скверное. Только в Питере тогда Анна счастливо наняла квартиру.

А так мы, действительно, счастливы. Посмотреть, что я ел эти дни: лососина, вчера баранина с великолепной картошкой,

нынче чудесный раковый суп, завтра — жареная тетерка. И молоко, творог, сметана. Одно скверно — не естся мне. И весь дом сейчас хорошо кормится, почти прекратились разговоры о еде и нитье.

Дети /сейчас/ совсем дичают без надзора, здесь Анна совсем плоха. Я умею только орать и ставить в угол, к чему, естественно, привыкли. Конечно, глупо. Тинчика за постоянный угол я зову теперь «угловым жильцом». Я сочинил ему басню, что его настоящие родители — Шимпанзе в Зоологическом, у которых мы его взяли на воспитание. Он не верит, но что-то есть сомнительное. Сегодня, когда говорили об обезьяньем языке, я спрашиваю:

— А ты по-обезьяньи знаешь?

И он виновато ответил:

— Забыл.

Любопытная головенка. Озорник зловредный, но не противный, и мне нравится эта мошенническая фигура. Неприятна Вера, о которой сейчас не хочется говорить.

Хочу рассказать о моей неудачной любви. Ведь это же дневник, о Господи! В мыслях переживаю много, что совсем здесь не отражается. Хотя бы мои сны об этой самой М[илочке].

Семью Ч[ириковых] я всегда любил, хотя, по обычаю моему, соприкасался с нею мало. Видел, что детей много и дети славные. И когда мне говорили о недостатках Ч[ирикова] и глупости Валентины, его жены, и когда я сам видел многое по этой части, я вспоминал его детей и думал: тут что-нибудь не так, мои наблюдения неверны. У таких людей не может быть такая милая, дружная семья. Шли года, и я не заметил, как дети выросли. Были гимназистки, стали юнцы, были девчонки, а уже одна замужем (потом овдовела)⁴, другая на курсах, третья также. Помнится что-то о миленьких и скромных мордочках, и только.

Милочку (Людмила, так зовут ее дома) я первый раз увидел глазами в первый год войны, летом, когда я вдруг отклеился от своего стула и поехал на дачи в Нейвола, где жили Фальковские, Чириковы, Иорданские, Бонч[-Бруевич] и прочие (жил и Горький). Попал я и к Ч[ириковым], сидел на терраске и вел политическую беседу с Ч[ириковым] и Бонч-Бруевичем, этим самым Бончем. Был хороший вечер, красиво под горою темнели леса, и возле дачи слышались веселые, молодые голоса, смех: «Молодежь» — сказали Ч[ириковы]. Изредка, по одному, молодежь эта входила, молча слушала и выходила. Так вошла и Милочка: что-то молодое, очень чистое и миловидное, чужое в своем русском девичьем

наряде и раскрасневшихся щеках. Там только что смеялась, здесь сидела молча и внимательно — не знаю, почтительно ли. И тогда в меня вошло *это*, странное, чудесное, что называется зарождением любви. Я продолжал что-то говорить в бороду Бонча, а тело и душа уже стали иными, музыкальными, певучими.

Да, это странная вещь: зарождение любви, ее первое появление в душе. То ли новый звук зародился, то ли краска. Любопытно, что весь становишься другой, обширный, глубокий, глубоко и нежно волнуемый смутными, но широкими и нежными настроениями. Печаль и жалость к чему-то потерянному, даже острая, но радостная боль, томительно нежные воспоминания о всех солнечных лучах, осенних ночах, скорбных радостях одиночества, когда-либо пережитых и виденных. Другая терраска, другие сразу лица, глубокое ощущение ночи, леса, его вольных запахов. Говорю будто то же, а сам радостно чувствую, что эти мои слова вздор и ненужное, а есть главнейшее, важное, что во мне. Пусть тело говорит, а сам я в полете по бесконечности и временам.

И все это приключилось со мною в тот июльский вечер, когда была маленькая терраска и самовар, борода и зловредный нос Бонча, в который я что-то говорил, а сбоку, невидимая, сидела и тихо дышала Милочка. Потом она вышла — видно, к «молодежи», а во мне мгновенно вскипели слезы отчаяния, сознания старости и безнадежной зависти к этим. И тут я оробел. Прощаясь, звал Ч[ириковых] *всех* к себе и, дурачки ненаходчивый, не знал, какое бы особенное слово сказать мне Милочке. Так никакого и не сказал.

Вскоре они были у нас *все*. Был еще какой-то народ и было в доме хорошо, крупно и весело, но важно — магнат от литературы. Но с нею я был опять-таки робок и, что еще хуже, дурак. Мое несчастье в том, что я раб — не долга, а всегда каких-нибудь «обязательных постановлений». Я должен, «как хозяин», быть со всеми и занимать, я не могу свободно сесть около Милочки и вступить в долгий разговор: «Что подумают Ч[ириковы] и все остальные?», я не смею, «как муж и отец», сказать ей ничего ответственного и прямого («ведь я не могу жениться и что скажут опять-таки родители?»). Как вор, я бегал наверх, где она сидела с сестрой, и, бросив две незначительные фразы, опрометью бежал вниз, пока «не поймали».

Помню, что было красиво в кабинете и библиотеке, где они вдвоем тихо сидели за каким-то альбомом; и еще меня удивило, что портьера в кабинете наполовину задернута. Я удивился последнему обстоятельству, и сестра ее, Валентина, сказала что-то вроде того, что они хотят еще полнее почувствовать тишину и уют

библиотеки. Вижу сейчас и эту красную лампу, и красивые тени, и эти две девичьи головки, переживающие «дом писателя». Тут я с облегчением подумал: «Можно уйти даже ничего не сказав: сейчас за меня предстательствует и говорит мой дом».

Да, это было еще ничего, но потом было кислое утро (они ночевали), и девушек я почти не видал («как хозяин»). Будто нарочно уходили они, так мне в отчаянии казалось. И опять искал слова и опять не нашел. Уехали.

Дальше уже в городе. До этого лета отношения у меня с Ч[ириковым] были натянутые из-за «еврейской» истории, где я, по мнению Ч[ирикова], недостаточно горячо выступил в его защиту⁵. Года два я уже не бывал у него, и мне было неловко к ним идти. Но пошел, горячо ухаживал за самим и женою, а с Милочкой — все то же. Все она где-то в стороне, все не нахожу слов. Видела ли она, что во мне? Все видят, мне казалось; так громко, что все слышат — а она? Не знаю, до сих пор не знаю. Мелькни в ней хоть тень кокетства, какой-нибудь взгляд, шутовское слово — я нашел бы слова, и хорошие слова! Но она сдержанна, серьезна, очаровательна в чистоте своей и радости моему сердцу — и ничего не могу понять, робею все больше.

Был и второй раз, все стараясь чем-нибудь «мотивировать» свои посещения. Видел ее комнатку и рисунки — она учится живописи. Да, действительно талантливо и я хвалил, но и тут робко и ненаходчиво. С раздражением думаю: «Вот даже и почва общая, живопись, а ничего не умею сделать!» И она говорила: волнуясь, как дебютантка, весело, искренне, просто — но я-то причем, я-то?!

Продолжаю, умирая от неловкости, липнуть к Ч[ириковым]. Тут за меня, к моей радости, поработала моя слава. Шла опера «Дни нашей жизни» Глуховцева, и я устроил Ч[ириковым] ложу, рядом с своей. И опять несколько незначительных фраз, неловкие и, как мне казалось, порывания к ней — и ничего! Они там, я — здесь. Но публика тут же, в зале, устроила мне овацию. Не сконфуженному автору Глуховцеву (опера слабенькая), но мне. Встали, орут со всех сторон, а я кланяюсь и думаю: «Пусть она видит». Потом меня качали в коридоре и я, взлетая к самому электрическому рожку, думал: пусть видит.

Любопытно вышло и в кружке Куинджи. Началось, собственно, с неловкости. Звоню: хочу сегодня вечером к вам. Отвечают: сегодня пятница, идем к художникам в кружок. «И я с вами». (Меня куинджисты и раньше звали, к счастью). Чириковы заехали за мной во «Францию», и вот тут мне как-будто повезло. Когда мы уже вышли, на Морской, Милочка вспомнила, что позабыла у меня папку. Как я ухитрился, не знаю, но вышло так, что все пошли

вперед, а мы с нею вернулись за папкой и вдвоем шли до самого кружка. И что вышло из этого? Ничего! Даже намек не сумел я сделать, окованный каким-то страхом. Это даже не был страх «обязательных постановлений», а что-то большее. Хоть бы намек на кокетство, хоть бы тень «перекрестных намеков и взглядов игры»⁶, где я достаточно силен. Одну минуту казалось, что есть и у нее *это*, но — что скажу?

Можно было только одно сказать, прямо и резко: я вас люблю. Но «жениться»? но родители? Но все — все это, что составляет немолодого и столь славного писателя Леонида Андреева: жена, дети, дом, весь его сложившийся строй? Как она взглянет? А дорога короткая — и вот пришли.

Так кощунственно и глупо пролетели эти минуты, единственные, когда я был с нею вдвоем и мог говорить⁷.

В кружке меня встретили с почетом. Уже началось концертное отделение, и я сидел рядом с Милочкой, чувствуя всю ее, и хоть это было радостью. Но из первых рядов закивала мне своей шевелюрой и подведенными глазами Давыдова, а потом меня водили по залам и показывали художники, а потом — остался ужинать. И за ужином неприлично сел рядом с ней, хотя — вот это странно — ясно чувствовал в ней холодность и отчуждение. Откуда? Почему? Уже впоследствии явилась радостная догадка, что Милочка немного приревновала меня к Давыдовой, о которой болтали, что она в связи со мной. Но верно ли это, доселе не знаю. Ничего не знаю!

И вот за ужином, когда я еще надеялся что-то сказать ей, вдруг поднялся один оратор и заявил:

— Сегодня среди нас присутствует наш дорогой и любимый — и прочее.

Поднялся другой:

— Сегодня среди нас...

И пошло. Я кланялся, улыбался фальшиво и глупо, потом сам говорил что-то несурзное (в горле у меня застрял кусок жесткого бифштекса, который я так и проглотил неразжеванным). Так я и не поел ничего, в номерах уже съел сухой колбасы — и ее не видал. Но все-таки — слава! Пусть видит!

Конечно, увязался их провожать до пароходика. И шел — с мамашей и папашей. И был, несоответственно случаю, меланхоличен и уныл. А она шла где-то сзади с противным А.⁸, партийным, впоследствии сотрудником «Новой Жизни», молодым и молчаливо надменным малым, к которому я ее неосновательно ревновал. Было глупо и как-то унижительно — тошно и печально было. Все время чувствовал, что она сторонится меня.

Помню набережную, сумрачную и темную Неву, качающийся и бросающий искры пароходик, сходни. Вот они сейчас сойдут, а я куда? Ведь мне некуда идти. Одну минуту я чуть не решил ехать с ними — совсем глупо и унизительно, ибо уже поздно было, все устали, и домой рядом.

Все же стоял и смотрел, пока не отчалил пароходик. Глупо! Помню, как он уходил. Помню, как скрылся за Дворцовым мостом.

Медленно шел во «Францию». Там не спала и ожидала меня Анна. Ел колбасу и оживленно, как пустая молотилка, болтал что-то.

Да, почти три года прошло. Может быть, она уже замужем — а я на три года старше. Чего я так боялся? — человек без жизни, которому ведь нечего терять. Вдруг я прошел мимо?

20 августа [1918], день

Опять с ночи разболелась голова. Теперь светлые промежутки меряются часами. Это мучительно. День прохладный, но солнечный, минутами на солнце жарко. Красивы лесные нейволовские дали, по которым ходят черные тени от облаков. Море сине и пустынно. Пока предсказания о нынешнем дне не сбываются.

Среди разных других голодов, временами остро ощущается голод газеты, настоящей, большой, хорошо информированной газеты, где люди сообщают и рассуждают. Уже недели три, как в Москве и Петербурге закрыты все буржуазные газеты и журналы. Остались одни «Коммуны» и «Красные»¹ с их ложью и глупостью, с их нечеловеческим языком и звериным ликом. По-видимому, «принципиально», они не дают никаких сведений о европейской войне, даже лживых — будто войны совсем не существует. Для утоления голода это хуже коры вместо хлеба.

С жалостью и беспокойством думаю о Сологубе, Муйжеле и всей литературно-газетной братии, буквально обрекаемой на голод закрытием газет. Чем они живут? Вся интеллигенция голодает, за исключением приспособившихся, кои сыты и нос в табаке. Конечно, пусть бы поголодала эта «буржуазия», если бы хоть кто-нибудь был сыт и счастлив взамен: переворот жертв искупительных просит. Но рабочие еще более голодны и несчастны: самый несчастный именинник без пирога.

Прочел для сличения «Историю Крестьянина»², когда-то высоко почитаемую и юношески любимую книгу. Конечно, все же хорошо, хотя и нарумянено. И разница с нашим головотяпским бунтом существенная. Но есть момент, когда никакие румяна не

могут закрыть зверской хари, это последний период террора, когда пьяная жестокость, сыск, доносы, власть и гоготанье черни, воровство и разврат дико расцветают под сенью «добродетельного» Максимилиана³. Казни гебристов⁴ за непризнание ими «Высшего существа», которое так нравилось «добродетельному», сблизжают этот период с лучшими моментами нашей Совдепии.

И до конца остается необъяснимым и необъясненным то, чего и никто объяснить не мог: как столь великолепно начавшаяся революция превратилась в голый поток грязи, крови и безумия? Или в этом сказывается самое *существо* человека, животного, в массе своей злого и ограниченного, склонного к безумию, легко заражаемого всеми болезнями и всякую, самую широкую дорогу кончающего неизбежным тупиком?

Все, что делает человек, прекрасно в наброске и отвратительно в картине. Эскиз христианства чудесен, но его картина с папами и Торквемадой — безобразна. Начинает гений, а продолжает и кончает идиот и скотина. Чистая и свежая волна морского прибоя ударяет в грязный берег — и, грязная, возвращается назад, неся пробки и скорлупу.

Начало любви, начало жизни, начало Римской Империи и русской революции — все начала хороши? Но конец их? И если отдельному человеку удавалось умереть так же хорошо, как родился, то массы всякую литургию кончают погромом, всякую церковь обращают постепенно в бардак.

Оттого искусство человека так высоко стоит над его жизнью. В искусстве Гений начинает и Гений кончает. Болван, подражатель или критик, бессилён что-нибудь изменить и испортить в картинах Веласкеца⁵, скульптуре Анджело⁶, в стихах Гомера и т.д. — если только совсем не уничтожит вещи, что часто бывает. Поэтому болван и ненавидит искусство: ему там нечего делать, скучно и противно. Везде же, где искусство соприкасается с массами и даёт им право на участие и деятельность (театр), болван губит и заканчивает своим дурацким аллилуйя.

Но и в творчестве личности дурак гадит, особенно таланту, который уязвим. Не имея возможности непосредственно, собственной лапой кончать и портить, он забирается внутрь таланта, чтобы оттуда водить чужой кистью и пером. Устраивается в желудке, как солитер, кладет свои яички под кожей, как вша, и размножается. Истощает, поганит, убивает, доводит до сумасшествия или маразма. Потом сам называет это «падением таланта», «старостью», «болезнью». И это не только с талантом. Если гению не посчастливилось умереть молодым, то к концу он боль-

шею частью тускнеет. Эта тусклость металла, эта ржавчинка и пятна — яички дурака. (Я лично давно болен дураком, и это и есть причина «остановки»).

Неправда, что массы не любят нового. Они любопытны, как обезьяны, они искренне любят новое, но, взяв его в свои цепкие руки, тотчас переделывают в старое. С какой жадностью ринулись они на христианство и с каким упорством трудились над ним, пока не превратили в старое язычество, исковерканное поправками! Получилось не христианство, не язычество, а какая-то дрянь, которую только и остается, что выбросить за дверь.

Самое, однако, странное в этой истории не то, что дурак — дурак, а то, что Гений неуклонно обожает дурака под названием «ближнего». Самым странным образом Гений не понимает, что его ближний — такой же гений, как и он, и вечно раскрывает свои объятия человекоподобному, который туда и лезет охотно, чтобы положить свои яички или скромно вытащить часы из жилетного кармана.

Да — все сказка о моем великодушном, доверчивом и благородном Лоренцо, который назвал гостей в свой светлый замок. Пожалуй, ни одна вещь так точно не дает существа Революции, как «Черные Маски»: всех зовет Революция на свой светлый пир — и гибнет и гаснет в объятиях неведомых «масок», этих холодных сгустков человеческой тьмы, не имеющих имени, не знающих ни Бога, ни Сатаны. «Лоренцо — вассал Сатаны!»⁸... Какая страшная участь для того, кто никогда не имел в сердце змея!

Ночью.

Видел вчера вечером над Ино аэроплан, еле заметную в бинокль черную птичку. Быстро пронесся и исчез в груде красивых, темных, разметанных облаков. В кружке бинокля эти сивые облака, похожие на бороду безумного короля Лира, и плывущий среди них аэроплан казались явлением иного мира. Под облаками оранжевым огнем горела полоса заката, а с юга вставала бледная и тихая луна.

Продолжение о моей несчастной любви. — Кажется, вскоре после вечера у художников я уехал в Москву на постановку «Тота»⁹. Это были чудесные дни работы, театра, народа, огней и музыки, усталости, похожей на опьянение и любовь. Были и овации, восторг и крики этой самой молодежи. За время постановки и репетиций я влюбился в своего «Тота», в каком-то состоянии пребываю и поднесь. Но о «Тоте» когда-нибудь особо.

В Питер я явился возбужденным, певучим и сильным и немедленно принялся за постановку того же «Тота» в Александринке. И тут было хорошо, хотя после Москвы резко чувствовался холод и недоброжелательство Петербурга. Конечно, я постарался устроить Чирикова на генеральной репетиции и премьере¹⁰: пусть за меня работает «Тот» и моя слава. Но поняла ли она «Тота»? Дошел ли до нее сквозь всю мишуру мой печальный и зовущий голос? Не знаю.

На премьере их ложа была рядом и даже так, что Милочка сидела локоть об локоть со мною. Иногда я чувствовал прикосновение ее платья, смотрел на ее лицо, обращенное к сцене. При репликах, где я особенно чувствовал свою душу, свою любовь и печаль, я думал, смотря на ее профиль: а ты, понимаешь? Ты чувствуешь меня истинного, о ком не знают другие? Или и для тебя это только театр? В твою душу хочу внести эту печаль и любовь.

Но в их ложе была «молодежь» — какие-то офицерики с конфетами, любезные и беззаботные относительно пощечин и Тота молодые люди, во время действия протягивавшие коробку. Не заметил, жевала ли она эти конфеты, но для меня это было оскорбительно: другие в ложе жевали. А в антракте, когда я давал аудиенции, они гурьбой уходили в фойе и возвращались, сдерживая смех, когда уже понимался занавес. Приходил ко мне Репин, как всегда любящий меня, добрый и восторженный, жал мои руки и на весь коридор кричал: «Гениально!» Приходили литераторы, мелькали улыбающиеся лица, слышались приветствия и поздравления, на которые я не успевал ответить, но Милочкиной улыбки я не видал, слов приветливых не слышал. Выходя на вызовы, я отдельно кланялся их рукоплещущей ложе, но слов Милочкиных я не слышал, улыбки не видел.

Так и кончилось все. Больше Милочки я не видал. После Рождества я два месяца лежал в больнице Абрамова, просил, кажется, по телефону Милочку навестить меня, но она не пришла. Так и кончилось все. И моя настойчивость исчезла в чувстве оскорбления, испытанного на «Тоте», — зрители не знали про эту сто первую пощечину, полученную им при криках браво и аплодисментах. Исчезла ли любовь? Не знаю. Вероятно. Я ее не чувствую, и это — лишь мои воспоминания. Во сне иногда люблю ее, но сон проходит... и все проходит...

Уже в русско-воленские времена Милочка однажды заходила к нам за «Гибелью»¹¹. Меня, конечно, не было дома. Так все и кончилось. Возможно, что не уйдя я так с головою в «Русскую Волю», я возобновил бы свои искания, но здесь меня захватили иные мысли, страдания и заботы. Мои попытки привлечь Чири-

кова в газету, говоря по правде, были бы менее настойчивы, если бы с ним я не рассчитывал привлечь и Милочку — получить простую возможность видеть ее. Но Ч[ириков] отнесся к газете недоверчиво, глупо и враждебно, как и все Шмелевы¹², и это уничтожило и прежние внешне дружелюбные отношения. В этом смысле приход за «Гибелью» был реваншем, но слишком запоздалым. Отвлекли меня и другие женщины, вдруг появившиеся на горизонте: загадочная А., А.Н.А.¹³ и Давыдова с ее страстью. Но о них как-нибудь потом, если захочется, — ибо вздор.

Теперь у меня только одна скромная мечта: как-нибудь встретившись с Милочкой, и если она не замужем, спросить ее, как о «деле прошлом» (именно так скажу): видела ли она мое чувство к ней?

(Запись в дневнике от 1 марта 1916 г. относится к Милочке).

Кстати о «Русской Воле», некий курьез. Шведско-финский профессор Тиандер, ныне из Гельсингфорса приветствующий германцев по поводу их близкого вступления в «невскую столицу»¹⁴, первоначально отказался от участия в газете, основанной будто бы на «немецкие деньги». И сколько таких гусей играло в благородство со мною и спокойно задирало подол на улице, чтобы показать свою невинность! Тот же глупец, А.Толстой¹⁵, приславший мне после речи Пуришкевича¹⁶ испуганное письмо о тех же немецких деньгах — а потом, нисколько не топорщась, красовавшийся в объявлениях грубо германфильской «Новой Жизни». Впрочем, все они не столько глупы, сколько нечестны и малодушны. «Боюсь — сам не знаю чего, а боюсь!!» — трагически восклицал Шмелев. Смотрят с берега, как я барахтаюсь: утону — поплачут, выплыву — радостно присоединятся ко мне, а пока — глаза вкось и малодушные увертки. Один действительно глупый Серафимович внушил мне некоторое уважение прямою¹⁷.

Рассказал я конец моей неудачной любви, и стало мне пусто. Луна светит, а мне пусто. Ночь, а мне пусто. Через один день мне исполнится 47 лет — «около пятидесяти». Даже в романах о таких стариках говорят с неодобрением и их любовной тоски не поощряют.

И кому какое дело, что я сам этого не чувствую, что будто вчера только с головы моей слетела студенческая фуражка?

Вот и Сорок семь. «Комментарии излишни».

Обстановка исключительная по своей мерзости. Бессонница всю ночь, геморрой, головная боль, сердце — еле-еле встал. Могут сегодня приехать Вальтеры, заранее трясусь. Ибо, вдобавок, нездорова Наташа, раскисла и нездорова Анна, у Саввки испортился желудок. Денек! А бессонница оттого, что вчера-таки сняли в Тюрисеве небольшую дачу с электричеством и весь вечер мучались над вопросами: как туда втиснуть письменный стол? Как оставленный дом предохранить от воровства и разгрома? Потом говорили о предстоящем жестоком голоде, трудности достать хлеб и прочее, всяких способах что-нибудь устроить и сварганить — и это окончательно и на всю ночь развинтило мозги не только у меня, но и у Анны: даже она не спала!

Подпочвой же для этого разговора были скверные новости и слухи, вчера дошедшие. Именно: немцы начинают оккупацию Петербурга. Пассажирское движение чуть ли не совсем прекращено. К СПб. прошло 52 поезда с германскими солдатами (финских солдат отсылают в глубину, к Рихимьякам). В Ино стоят германские тралеры, в Койвисто — их флот. Видели много немецких моряков в Териоках, по дорогам, на берегу. Форт Алексеевский (Красная Горка) взорван большевиками под предлогом «невозможности» его защищать. Вчера, когда мы были в Тюрисеве у Вальтеров, поблизости от дома кружился аэроплан. Опять!

И когда стал я с Анной обсуждать все эти загадочные вести и слухи, гадать на гуще и каждое мгновение становиться в тупик, когда встала перед глазами эта картина систематического предательства и разрушения России, когда представилась ясно вся чернота и безнадежность близкого будущего, бесконечность войны, олод, тоска безделья, когда к самим глазам приблизилась харя сеевропейского и русского Дурака-Разрушителя, — овладела мною бурная тоска, которой я так боюсь. Тоска, когда хочется выть, резать себе живот ножом, пить яд, стрелять в свою или чужую голову, бросаться с башни — и выть до потери голоса и разума.

Вот так денек!

Было только одно девятое [августа] (в 1915 г.), когда мое самочувствие, при других внешних обстоятельствах, было пожалуй не лучше настоящего.

Все лето было плохо здоровье, ухудшаясь с каждым днем. Особенно плохо было сердце, настолько, что я не видел никакого просвета и почти решил, что на этот год я обречен на инвалид-

ность, работать не могу. Соответственно этому мы искали квартиру в Орле¹, чтобы просто скрыться там от людей, хворать и прозябать. На мое рождение съехалось много народу: были Чириковы (без М[илочки]), кажется, Репин, Фальковские, еще кто-то; конечно, все свои. Погода была хорошая, дом убрали зеленью, было, как будто, весело. (Сегодня — дождь и тоскливый, холодный день).

Но я так плохо чувствовал себя, что из-за середины торжественного «обеда», при начавшемся сердечном припадке, ушел в спальню и лег. Чтобы при моем почтении к гостям и умении подтянуться на людях, встать и уйти из-за обеда — действительно нужно серьезное нездоровье.

Это было 9-го августа. А 4-го сентября, радостно возбужденный и как будто совсем здоровый, я кончал «Того, кто получает пощечины» и потом долго еще и даже бодро кружился на людях, писал («Иго войны»), ставил, предавался любви. Как это произошло?

Не знаю. В половине августа решил «попробовать» писать: напишу страницу, не выйдет и брошу. Голова болит. В какое-то утро, шагая по кабинету, стал думать о пьесе и вдруг открыл чудесное для нее заглавие (и идею!): «Тот, кто получает пощечины». Несколько раз напечатал на клочке это название — нравится все больше! В тот же вечер или на другой, все еще нерешительно, все еще с головной болью и общей слабостью, сел писать — что-то выходит! На следующий вечер голова болит меньше, слабости нет, и работа идет еще лучше. Дальше — головной боли и слабости никакой, работаю легко, весело, счастливо и быстро. И до того сам отдаюсь чарам своей выдумки, что на машине, сочиняя, одновременно и бессознательно выстукиваю «танго»², как на клавишах рояля. Когда я нечаянно поймал себя на этом занятии — покачиваюсь и вместе со словами выстукиваю танго, — меня самого это поразило. Так певуче было все во мне, так пели слова и мысли, так чудесно звучала душа!

Но в общем, с переходом от такого нездоровья к такой веселой и бодрой работе, это казалось чудом. Можно ли и теперь рассчитывать на такое же чудо? Нет, едва ли. Тогда физически я не был так плох, и в подполье души все время звучала неслышная музыка, надо было только поймать ее. Теперь же там плач и скрежет зубовный. ||

«Тот» — вещь гениальная. Говорю это не только по глубокому убеждению, но и по сравнению с моими и другими вещами. Еще ни один критический лот не измерил его глубины (писали: «гениальный сумбур»³), и он полон не меркнувшего очарования.

Он сразу и всегда начинает петь, как только берешь его в руки. Он гениально изобразителен: целые годы переживаний в нем выражены одним словом, сложнейшие идеи и понятия — одним жестом. Он — сумма вещей и тем, он сумма идей, он царство, а не департамент. И он весь расшит жемчугом. Если бы я всегда помнил, что я тот, кто... написал «Тота», я был бы здоровее и выше носил бы свою большую голову.

|| Да. А у меня есть еще «Собачий вальс», известный только десятку людей, вещь будущего. И если глубины «Тота» светлы и прозрачны, то как темны, страшны и неисследимы эти! Тут никакой лот уже не достанет дна — его нет. Есть такие провалы в пустынях океана. «Собачий вальс» не имеет дна, ибо его основанием служит *тот* мир, *непознаваемый*. Оттого он кажется висящим в странной и страшной пустоте. Но разве эта мнимая пустота не есть основание и основание всего мира? Пусть критики впоследствии подводят под него трех китов, на которых он будет держаться, — я знаю, что основание его то же, что и у звезд: пустота.

Пусть сейчас написанное будет маленьким утешением за мои 47 лет и головную боль. ||

23 августа [1918], вечер.

Всю ночь и день штормовый северо-западный ветер, холод, косой дождь, согнутые треплющиеся деревья и кусты, серое небо, окрашенное желтизной только в закат. Хлеба пропадают в холоде и сырости. Несмотря на фуфайку, в кабинете холодно, хоть опять зажигай камин и суй холодный нос в огонь.

В доме раздражение от темноты, заменившей голод. Керосину хватит на несколько дней лишь на мою лампу, свечей нет в продаже и, говорят, не будет. Финны сидят в полном мраке, и то же было бы с нами, останься мы дома. А с дачей в Тюрисеве задержка, надо чинить водопровод, да ставить двери, да еще того гляди захватят ее для солдат: говорят, что дачи уже переписывают для этой цели. И перевозка трудна и долга, много надо везти, а еще больше прятать здесь от грабежа, которым все грозят. Тошно от этой канители и страшно совсем остаться без света. Просто пропадать тогда.

И не могу работать. Вчера начал рассказ «Вочеловечившийся Дьявол»¹, написал семь страниц с некоторым увлечением, а нынче уже не могу продолжать. Не нравится мне мой язык, выходит слишком легко и поверхностно, а настроить лиру на более высокий тон не хватает желаний. Тема, в сущности, очень богатая, но не захватывает души, нет в ней музыки и живых слез, нет пе-

чали и любви. Будто хочется реального. А начнешь реальное, еще хуже. Все равно ведь выдумка, слова и слова, и все в том же порядке, и с той же заботой и хитростью в их расстановке. Проклятая действительность так остра, что все после нее, как после лимона, кажется пресным. Но не писать же о расстреле и утоплении офицеров в Выборге?²

Весь день тошнит, не то от желудка, не то от мыслей, погоды и настроений. Этот вой ветра, охватывающий нашего верзилу со всех четырех сторон, ночные постукивания и похлопывания, кислый и мокрый рассвет, изнанка листьев и травы, опрокинутой ветром, весь этот вид преждевременной осени, когда еще не было лета, наводит беспросветную тоску и скуку. Одна лампа в моем кабинете дает меньше свету, чем фонарь на улице, и почти невозможно ходить, все точно яма перед ногами. Да и этот свет бережешь, не пускаешь фитиля полностью. А тут еще разные мои боли — это уже становится смешно. Да, прихлопнуло.

Надо точку ставить, а на чем ее поставишь?

Сейчас всю эту гнусную мокроту осветила зеленая и гнусная луна. Совсем не похоже на Аранжуэц и Севилью.

Забыл сказать, что сегодня ввели в употребление сахарин, от которого все время потом так сладко во рту, будто с ног до головы облизал профессора Рейснера. Но туземцы и сахарину рады. А в заднице от геморроя такое ощущение, будто уже месяц сижу на колу. Да, это не Аранжуэц и не Альгамбра³.

15-28 августа [1918], день.

Все та же фантазмагория. Ни вестей, ни даже слухов. Чистый Эдем! Только в пустейшей и жалчайшей гельсингфорсской газетке «Русский вестник», редактируемой насмерть перепуганным Арабажиным, достоверное известие, что «Русское правительство объявило войну бывшим союзникам, Англии и Франции»¹.

Так. Стало быть, я теперь воюю с Англией и Францией и друг Германии. Не ожидал, но приятно.

Круг замкнут. Начало: Россия в союзе с демократиями при монархе Николае. Конец: Россия при архи-социалисте Ленине в союзе с императорской Германией против демократий. Да здравствует Ленин, Горький, Суханов и Германия!

Путь начерчен точно — «Здесь нужен циркуль, мадам Лейзер!»²

1. Циммервальд. Подпольное пораженчество «Летописи», благородное гонение на шовинизм. Дураки поддерживают.
2. Да здравствуют Советы и приказ номер первый³! Дураки несколько смущены, но приветствуют.
3. Пломбированные вагоны⁴. Дураки встречают марсельской.
4. Мир без аннексий и контрибуций⁵. Дураки в восторге.
5. Мир на фронте, война внутри — предложение Ленина. Дураки ошеломлены, но приветствуют.
6. «Правда» в окопах. Энергичное разложение армии. Дураки с наслаждением содействуют. Иорданский пробует расстрелять Деникина⁶.
7. Третье июля⁷. Дураки в расстройстве.
8. Армия разлагается и дезертирует.
9. Государственный идиот Керенский при посредстве plombированных побеждает Корнилова. Большевики — спасители свободы и революции. Дураки ликуют.
10. Пломбированные продолжают спасать дальше и вооружают красную гвардию. Обучают. Керенский смотрит с огорчением. Дураки зевают от скуки.
11. Армия разлагается. Флот разлагается.
12. Совет республики⁸. «Оборонятся или нет?» Не решено. Мартов, Суханов, Камков против союзников. Социалисты хотят немедленного мира. Большевики «покидают» Совет и требуют немедленного созыва Учредительного. Дураки на все согласны: и на мир, и на войну, и на Керенского, и на Троцкого, и на Учредительное Собрание.
13. Армии нет, сброд и сволочь, флота нет, но Вердеревский и (как его? имена выскакивают) утверждает, что еще кое-что есть⁹. Дураки внимательно почесываются.
14. Переворот 25 октября. Керенский бежит, и plombированные становятся *правительством* России.
15. Разгон Учредительного. Советская республика.
16. Разгон Мартовых и Сухановых. Пломбированные во всей «полноте власти».
17. Брестские переговоры, перемирие и формальный роспуск Армии. Фронт пуст.
18. Брестский мир.
19. Отделение Украины, казаков, Кавказа, Крыма, Финляндии, Сибири. Немцы на Украине, Кавказе и Крыму. Русского Государства не существует.
20. Пломбированные организуют «красную армию».
21. Дальнейшее разрушение государства.

22. Пломбированные в союзе с Германией объявляют войну Англии и Франции.

Последний штрих даже лишний в художественном и в деловом отношении. Это plombированные уже перехватили! Русского государства не существует, что и требовалось доказать — чего же еще? Германия получила все, что только можно получить, — чего же еще?

Но и дурак же русский народ!

29 августа [1918].

Погода холод и скука. Для осени недурно, но для лета отвратительно. Знобит, нездоровится, скверно всю ночь сердце. Все вечера работаю над «Дьяволом», с некоторым увлечением, но не с большой серьезностью, нежели делал тачку или рыл дорожку.

В доме точно после землетрясения. Завтра перебираемся на Тюрисевскую дачу, уйма вещей, забот и хлопот. Там свет и море. Здесь, кроме сада, некуда пойти. Каждая линия изучена, и глаз испытывает чувство рвоты, отдает назад. Еще через десять лет я могу начать любить это, как родное, как лицо матери или дяди, в котором не ищешь ни красоты, ни новизны. Но это пора старости и бесполох чувств, родственного отношения с природой. А пока еще хочешь любить — это красивое лицо немолодой дамы, которую когда-то любил, но ныне готов променять на любую молоденькую белошвейку.

Пишу о Дьяволе, читаю «Фрегат Палладу» — и в этой экзотике совсем порой забывается текущее. Вспомнишь про Ленина — и странно. И это вправду? И вправду, что России нет? А сердце, которое ничего не забывает и болит, отвечает: правда!

На службе у Совета остались, по газетам, одни латыши, финны, и 4000 китайцев¹. Китайцы! Это, значит, они убивают офицеров и вообще усмиряют интеллигенцию, насаждают социализм и прочее. Ну чем не гримаса Сатаны? И понятно, что перед этой пышной действительностью всякий вымысел нищенски бледен. Настоящее искусство обидчиво и не любит катастроф и извержений: его ли деликатному голосу пересилить рев здорового и бодрого осла? Только фокусники запасаются материалом, чудотворцы и факиры творят из ничего. Есть несчастные страдальцы по искусству, которые любят раскрашивать фотографию, — художнику нужно белое, белое полотно!

Колоссальный обман, эта тропическая действительность с китайцами и пулеметами. Богатство ощущений и бедность чувств. Трескотня мыслишек — и немота идей. Бешеная пестрота красок — и отсутствие тона, дающего красоту и жизнь. В сущности,

китаец сущий пустяк, а воображение поражено и лакействует. Конечно, Мессина² — как бы это сказать — громче Достоевского, и все же Мессина банальность. И всемирный потоп банальность, и все то, то носит название «мирового», а Моисей и Достоевский нечто.

3 сентября [1918], день¹.

Злое ничтожество Урицкий и товарищ Ленин — убиты. Официальный бюллетень гласит о действительно тяжелом поранении Ленина, а по дальнейшим достоверным известиям он уже умер².

Сегодня на пляже, *на песке*, я написал: «Ленин убит». Это мой венок и моя месть товарищу Ленину.

Того же числа, вечер.

Мы уже четвертый день на новой даче, переехали того же 30-го [августа], когда был ранен Ленин. Что это, счастливое предзнаменование или дурное? Здесь тесно — после моего дворца маленькая обывательская квартирка — но есть два великих удовольствия: яркое и обильное электричество и море. Все наши умиляются светом и радостно щелкают выключателями: точно прозрели после долгой слепоты — а ведь нас темнота только коснулась одним своим крылом!

А меня тронуло море. Здесь хороший пляж с большими камнями, когда я обращен к открытому морю, и есть его чудесный запах. Когда я в первый день, оставляя следы по влажному и твердому песку, услышал этот запах водорослей и воды, напомнивший мне Венецию, Лидо и все другие моря и чудесные места; нашу мертвую тишину, нарушаемую только шальными выстрелами, да свистом ветра вокруг дома заменил плеском, мягким шумком и шелестом волны, — в моей душе открылось какое-то окошечко. Болела голова, было скверно физически, но и это показалось терпимо, если есть такой запах и живой шумок. Тут же порешил сделать море властителем своих дум и ежедневно хожу на берег.

И любопытная вещь: при большой голове и бездеятельных мозгах вдруг свершил важное открытие: как надо писать моего Сатану. Уже 50 страниц я написал, приходя все в большее недовольство, тщетно ворочал мозгами и вдруг, даже не думая собственноручно, а так как-то, точно со стороны, получил откровение. Любопытно!

Недостаток старой композиции заключался в несерьезности, хотя мысль серьезна, в дешевой сатиричности, хотя тема выше сатиры. Какой-то плохенький Щедрин вместе с плохеньким Андреевым. Теперь я пишу «Дневник Сатаны», от его первого вель-

мощного лица. Это дает мне тьму возможностей и из них главную: широко и ново поставить старый вопрос о маленьком, злом и несчастном человеке и его жизни. Как «Сатана» я могу сплести и всю мою теперешнюю злость и мрачность.

Третьего дня я написал начало — получилось восемь великолепных страниц, приведших меня в волнение: я ведь уже думал, что никогда в моих руках не окажется такой темы и такой работы. Но вчера продолжать помешали люди, а сегодня... тоже что-то мешает, и я напрасно и долго бился над парой страниц: выходит не то. Какая-то тяжелая тупость головы, мысли ускользают и внутри молчание — по-видимому, я просто слишком волнуюсь от темы и от непривычки. Нервная импотенция. Кажется, мне еще не хватает кабинета, где бы я мог длинно ходить и *играть*. Надеюсь выскочить из этого состояния, я настойчив.

А людей много, помимо Вальтеров, которые живут рядом. Т.е. именно Вальтеры, у которых всегда толчея. И эти дни как раз у них были Гуревич и его семья, о которых расскажу при случае. Хорошие люди, от которых приятно.

Да, и к свету надо привыкнуть. Развлекает и все хочется просто глазеть, хотя бы на стены. Нынче Анна привезла моих «Царей» (Иуду и Иисуса), и я снова смотрю и думаю, что это произведение замечательное. Любопытно, что оно и на невежд в искусстве (других пока еще не было) производит сильное впечатление. Неужели это правда, и я написал хорошую картину? А кажется, что так.

О Ленине не хочется говорить и даже думать. На море немецкие тралеры и какие-то суда побольше, идет стрельба, взрывы и пулемет. Должно быть, расстреливают мины, а впрочем — кто их знает?

6 сентября [1918], утро.

Ноябрьская погода. Редко-редко проглянет солнце. Не помню ни одного такого лета. С июля началась осень, а там еще законная осень, а там зима... о, Господи! Анна и все дети простужены, ангина, ночью будили к Саввке, которому стало плохо с горлом. Градусник, постели. Сырость. Дачка неутешительная.

Мне совсем худо. Сердце не работает, голова болит и еле та-скаю ноги. Работа, которая в другое время подымала тонус, не идет и мучает. Бессонница, когда припоминаются все неудачи, ошибки и обиды. Вот жизнь!

Вчера свалил с плеч некоторую обузу. Добрый еврей С.Л.Гуревич, богач, тогда еще не знакомый со мною, — по предстатель-

ству также еще незнакомых Вальтеров — прислал мне аккредитив на 10 тысяч марок. Потом я познакомился и с Вальтерами, и с Гуревичами — Гуревичи все хороши, напоминают моего милого портного Слонимского, скромны и хорошо воспитаны, Вальтериха — одна из отвратительнейших балованных и невоспитанных бабенок, крикливая и самовлюбленная мешанка. Все потому, что Вальтер старик, а ей 22 года. Невыносимая особа, и мрачно, что нам предстоит постоянно иметь с ними дело.

Так вот, вчера я отослал аккредитив обратно — конечно, с любезным письмом¹. Тяготит меня всякая зависимость, а денежная наипаче. Самолюбив я, должно быть, не выношу, когда кто-нибудь может хоть в мыслях считать себя моим благодетелем. И еще с Гуревичем я примирился бы, но посредничество Вальтерихи — неприемлемо.

А в конце концов, все это глупо и скучно. От низких ли потолков, от того ли, что дети шумят над головою, от того ли, что голова болит, — тяжелая придавленность мыслей. Именно придавленность: будто чья-то толстая жопа села на мозги и мягко давит.

Под окнами дико ревет Вальтеровская привязанная корова: у них нет травы, и они пасут ее на нашем участке. Не дает спать, и вообще на что проще — а прислуга та и наша уже начинает войну, а там вступится мешанка... Вот в этакое говне и сидишь по горло.

Еще ни разу я так не ощущал обывательщины всего окружающего, начиная с своей семьи. Полное противоречие моих мыслей и работы со всем ихним. Что это за разговоры! На просторе моего дома я мог хоть в кабинете находить пустыню, а здесь пропитываюсь, как вишня в спирту.

Каждый раз, когда люди смотрят мои рисунки, я жду приговора. И каждый раз, посмотрев мои вещи, судьи обращают взоры на фотографию «Сотворения Человека» М[икел] Анджело² и спрашивают: «А это?..» Я бормочу: Микеле, Микеле... Теперь буду отвечать: да, и это мое. И когда они с тем же видом посмотрят на меня-Микеле и гмыкнут, я буду знать, что просто в комнаты приходил баран. Пришел, постучал копытцами и ушел.

7 сентября [1918], день.

Весь вчерашний вечер и часть ночи гудел потопный дождь. Здоровье и душа так плохи, что не мог работать и играл у Вальтеров в винт. Было глупо.

Нынче холодноватый вечер, но солнце, и у моря хорошо — конечно, без головной боли и такого сердца, как у меня. Что это? Или я дохну? А море хорошо.

Чтобы чувствовать себя счастливым, надо не забыть о том, как живут в России. Тогда здесь все кажется изумительным и прекрасным. Как же: они там сидят на колу, а я на стуле. Но если сообразить, что кол вместо стула не есть нормальное, а сиденье на стуле не последняя и окончательная цель бытия, то становится — глупо. Наша религия: верим в овсяный кисель и молимся картошке.

Вальтер, старый интеллигент, богатый адвокат, имеет дачу и обстановку, совсем не глуп, несмотря на жену, даже умен — не знает разницы между *простым* стеклом и *зеркальным*. Иными словами: всю жизнь видит сквозь обычное волнистое стекло *искаженные* предметы и не понимает, что они искажены. Владелец дрянного магазинишки знает разницу и ставит на витрину зеркальное, а старый интеллигент — не знает. Вот и представь мир, в котором они живут!

Вчера увидел у Вальтерихи мою книгу, и мне стало обидно, захотелось отнять. Почему всякий болван имеет право читать меня и я — даже радуюсь тиражу и читателю? Подумать: сколько беспросветных глаз засматривало в мои глаза, сколько тупейших мозгов терлось около моего мозга. Нет, обычай тереться носами — лучше и гуманнее.

10 сентября [1918], утро.

Сегодня опять дождь и дрянь. А было два солнечных дня, и у моря можно было наслаждаться. Был свежий ветер с юго-запада, море дышало свежестью и силой, как самое порядочное море. И запах водорослей густой и сильный, закрывай глаза и думай, что ты у самого океана. Здесь берег красиво изгибается, заканчиваясь на западе мысом Ино и его морскими знаками. Три мыса уходят последовательными планами, начиная зеленым и кончая мглистой синевой, и песчаный берег под лучом солнца горит, как золотой ободок.

Налево, к востоку, также ряд мысов с красивой зарослью сосен, крупными камнями пляжа и дамбами богатых дач кое-где. Есть одна такая дачка над морем, на высокой дамбе, у самого прибоя, где я до слез хотел бы жить. Когда я сидел на высоких камнях, пригреваясь горячим солнцем, палившим (!) кожу, вдыхал запах моря, водорослей и ветра, смотрел, прищурясь, на синюю четкую полосу дальнего Ино, — мне казалось, что я на берегу Крыма. Этот чудесный плеск волны!

И не пустынно море. Десятки немецких тралеров крейсируют совсем близко (однажды я насчитал 30 вымпелов), изредка

за Ино показываются силуэты судов покрупнее, и горизонт дымитя. Летают немецкие гидропланы. Два дня подряд, в один и тот же час, гидроплан пролетает над самой дачей, очень низко. Я спал после обеда и был разбужен мощным гудением, успел в подштанниках выскочить на террасу и видел его стремительный полет прямо на голову. При беглом взгляде он ужасно был похож, в своей серо-желтоватой окраске, на огромного жадного астреба.

Запах морских водорослей Золя, к восторгу идиотов, называется «прекрасным зловонием» моря¹. Это нравится, а меня возмущает. Парижский нос Золя, воспитанный «букетами императрицы»² и «жокей-клубами»³, спорил с природой и, как в борьбе Иакова с Богом, никто не победил: для парижского носа — зловоние, для природы — прекрасное. А это просто — благовоние, духи, очарование, как и смоляной канат, который я вешал у себя над кроватью для морских иллюзий.

Здоровье убийственно, не хочется говорить. Еще убавил 3 фунта и вешу 4 [пуда]-10 [фунтов]. До большевиков весил 4 [пуда]-39 [фунтов], а в 1913 г. 5 пудов и 24 фунта. Здорово!

Пишу «Сатану». Кажется, идет. Я заинтересован. Злая и мрачная вещь.

Вышел к морю: пахнет чудесно, но такой промокновенный или проникновенный дождь, что пришлось сбежать. Зашел к Вальтерам — простуда и скука и холод. Ихний контрабандист приплыл из Питера без писем, еле уцелел сам. Известия смутные и темные. Будто Ленин жив (это говорят и финские газеты, и все Териоки), в Питере чудовищные аресты, казни; об англичанах, словаках и новом не слышать.

Стоит над Россией, если поглядеть отсюда, черная неподвижная туча чудовищных очертаний, дымно колеблется, и ее безмолвие хуже грома. Будто изредка скользнет луч, да и то на мгновение, и снова застывшая черная туча. Так отсюда, а каково оттуда, для тех, кто под самой тучей, — не уявился [sic], Господи.

Из неясного письма Левки, каким-то чудом проскочившего к нам, можно догадаться, что А[ндрей] сбежал на Урал. Куда же ему было деваться, как офицеру? Письмо сообщает, что он за Казанью, но путь еще велик, и сколько опасностей на этом пути! Об Андрее ни слова, так и неизвестно, жив он или нет.

В одной случайной и довольно старой большевистской газетке наткнулся на мимолетную заметку, что сын Чирикова (какой? у него двое, и один чудесный мальчик) пошел к белым, был тя-

жело ранен и потерял ногу. А в начале войны у Ч[ирикова] был убит зять, молоденький офицер⁴, и все были в горе. Да — мы еще счастливы!

Но неужели Ленин остался жив? Что же, значит так надо: и Россия еще не до конца претерпела, и этому сверхмерзавцу судьба готовит иную, более жестокую участь. А может быть, и лавры. Убил одного — на каторгу; избил тысячи — ты Самсон, а удалось истребить Россию — совсем уже великий человек. Таков закон!

Дождь льет неистощимо. Как Саввка пишет в письме Левке: «дапатоппные дажди».

12 сентября [1918], день.

Когда будет можно, надо написать статью:

«Мое первое свободное слово я посвящаю вам, русские юноши, студенты, юнкера, гимназисты...» И закончить: «Спите спокойно, дети. Но отцы ваши...»

Два дня не был у моря и мало работал. Дождь, а тут приехал опять Гуревич, у Вальтеров народ, так и проводил время в пустяках. О море скучал, а за перерыв в работе злился. Нынче солнце, тепло, сделал большой променад по пляжу, устал.

С.А.Ефрон, хороший, добросовестный человек с твердыми правилами, разновидность *хорошего* еврея, хотя во многом противоположность хорошему Гуревичу, много любопытного рассказал мне о Гржебине, коего он является одной из жертв. Помимо долгов и всякой деловой нечестности, З.Гржебин украл у него «со взломом» деньги, был пойман на месте. Крал Гржебин у многих, у меня занимал, не платя, потом сделал подложные векселя. Они были протестованы и — я был тверд — выкуплены им самим, но оригиналы остались у Андреича, на всякий случай. Признаться, я всегда щадил Гржебина, он «приятный грешник» и вызывал во мне чувство больше юмора, чем настоящего осуждения... в конце концов, ведь дело шло только о рубле¹.

С начала революции Гржебин примазался к Горькому, любителю лести, и возлег у него на лоне «Новой Жизни». Потом воссоединение с большевиками. Теперь Гржебин — «Председатель правления Общества социалистической печати» (факт, я видел карточку!) и богач — у молодого Шайкевича² он купил, не торгуясь, стильную старую спальню за 18 тысяч, кои тут же вынул из кармана. Семью давно отправил в безопасное место³. В «Новой Жизни» он занимает какое-то большое хозяйственное место и уплатил Ефрону долг чеком на *Американский* банк, где деньги

и «Новой Жизни». Это было еще до Октября и, значит, «еще тогда» (говорит Ефрон) «эти сукины дети, включая и Горького, приняли все меры к сохранению своих денег, предвидели разрушение русских банков» и т. д.

При всем моем мягкосердечии больше я не буду шадить Гржебина (да и Горького). В теперешнем его богатстве, нажитом с большевиками, каждая копейка *в крови*, каждый рубль — разрушение России.

16 сентября [1918], день.

Таки хватила меня простуда и сильная. Старая история: сидеть в комнате, когда за окнами солнце, задышаться от сердца и бессильно перебирать листы рукописи. Будто и хочешь писать, а мозги как вата в ухе.

Не касался эти дни дневника из-за России. Из Питера бегут все, кто может, морем с контрабандистами, вплавь через Сестру-реку и когда переваливают границу, то пожилые люди плачут, трясутся и плачут. От России веет таким холодом и безнадежным ужасом, что сердце не вмещает. Ленин поправляется, газеты печатают списки заложников, которые будут расстреляны в случае покушения¹, упраздняют религию, расстреливают стариков-попов², расстреляны бывшие министры: Хвостов, Щегловитов, Белецкий, Протопопов, Маклаков и еще. Все бьют и стреляют, орудут главным образом через китайцев. Конечно, Щегловитову туда и дорога, но не в нем дело. Голод ужасный, страх и страдания бесконечные, люди ночами уходят из своих квартир и прячутся в Александровском саду, а там их хватает облава. И тьма неизвестности: где англичане и словаки? где японцы? Люди живут в Питере и ничего не знают о самих себе.

Одно радостно: французы будто уже вступают в Бельгию, немцы разбиты, и Берлин «накануне» революции: объявлено осадное положение. Радостно, что французы в Бельгии, но революция в Берлине, после нашего опыта — это страшно, это обрекает Европу еще на долгие /годы/ страдания и кровь. Конец все равно будет *тот же*, а разрушение примет истинно катастрофические размеры, уже сейчас почти вся Европа дохнет от голода и *нечего* одевать. Здесь обычный костюм стоит 2—3000 марок, а в Дрездене дамы шьют чулки из юбок.

А вместе поражение немцев неизбежно повлечет революцию и свержение Вильгельма; и, конечно, революция тотчас перейдет в социальную, в другой немцы собственно не нуждаются. Я и го-

ворю: еще можно терпеть, когда настоящее считаешь пятым или хоть четвертым актом трагедии, но если это только *первый*?

«Сатана» подвигается, теперь, конечно, с нездоровьем будет задержка. Кажется, выходит недурно, а может и дурно: с этими большими полотнами всегда трудно сообразить. А когда подумаешь о России, то совсем опускаются руки.

22 сентября [1918], днем.

Неделя как я простудился. Плохо. Над «Сатаной» работаю в редкие светлые промежутки, их мало. В России — то же. Немцев союзники бьют; возникли слухи о мире.

Вчера нелепым путем: через выборгского губернатора¹ с бесодержательной записочкой от Риммы «Зиновий Исаевич» (Гржебин) прислал 8000 рублей. Давно ли о нем я писал, а вот и он! Видимо, он возвращает мне свои долги (сумма приблизительно должна быть такова) и делает это «в надежде славы и добра»². Странно, что на свои деньги приходится смотреть отчасти как на взятку. Он труслив, способен падать в обморок при расстройстве и легкомыслен. Возможно, что уже теперь он мечтает на награбленные деньги открыть новый «Шиповник»³. Нетерпеливо ждет, когда повесят Ленина, Троцкого и всех друзей, но что его самого могут повесить, не допускает мысли по своему легкомыслию. Помню, как в «[Рассказе о] семи повешенных» он выделил фразу: «Меня не надо вешать!»⁴ — этот категорический императив проник ему в самую душу.

Глупые вопросы приходят в голову: зная, как добыты деньги Гржебиным, имею ли я право брать 8 тысяч? Это глупо и это не совесть, это лишь чесотка совести, моральные лишения. Есть у меня сейчас и другие расчесы: «стыдно», что я живу так относительно хорошо, спокойно, безопасно, когда близкие, товарищи, Добровы и Сологубы несут всю тамошнюю тяготу. Тоже глупо. И особенно понятна глупость, когда, как сейчас, болит голова. Так болит голова. Но будь я здоров, все равно «стыд» остается глупым и вредным: моралин, как говорит правильный Ницше⁵.

27 сентября [1918], день.

Мучительное здоровье, мучительные душевные состояния. Тяжко. Снова думаю о самоубийстве. Я думаю или оно обо мне думает? А море прекрасно.

28 сентября [1918], день.

О душе говорить не хочу, так тяжело. Ночью пролил слезу, что бывает со мной в 2—3 года раз, и сейчас полон ее следов.

Последние дни прекрасное море. Крепкий зюйд-вест, порою доходящий до шторма. Небо чередует смену солнца, луны, ясности, темных больших штормовых быстро бегущих облаков и порывов дождя. Если смотреть сверху, из парка, весь залив в пятнах теней от облаков, беляках и сверканиях. Внизу — выглаженный волною пляж и полоска белого с голубым прибоем. Цвет воды от густо-коричневого до светло-зеленого. Горизонт то сверкает, то черен как сажа. Каждое колено мыса, вплоть до дальнего Ино, меняет быстро окраску, дает чувство дали и широкого взволнованного простора. Ходил к морю и поздней ночью — настоящая романтическая радклифовская¹ ночь. Ущербленная бегущая луна вспыхивает и закрывается, как потайной фонарь, земля темнеет до гущины, то вдруг озаряется бледно, как мертвец. Песчаный с камнями берег шумен от ветра и прибоем, смутен, призрачен в чередовании мрака и мертвого света. Маркиз испытывал жуть и прижимался ко мне, да и мне было беспокойно. Кстати, я не люблю и до сих пор, с детства, боюсь покойников, а тут зарыты расстрелянные красные, мне одна умная голова показала место.

В другой раз мы были с Анной, когда стояла еще полная луна и море не так шумело. Поразило меня чрезвычайно яркое отражение луны в гребне прибоем, на его согнутой блестящей шее: среди темного мгновенно вспыхивала и погасала тысяча сверкающих лампочек. Их мгновенный и блестящий свет отражался на чешуйчато-граненом подножии гребня и получалось многократное взаимотражение. Хорошо.

Колония растет. В парке, на горе, поселилась Вера Петровна [Троцкая-Сенютович], рядом в богатой и нелепой даче будут жить Шайкевичи, сейчас отделявают дом. К Вальтерам приезжают постоянно новые лица. Сейчас приехала сестра Вальтерши, молоденькая и пустая кривосыха. Вообще Вальтерша с ее присными явление курьезное и частью противное, частью смешное. Легкомыслие, наивная самовлюбленность, дурное воспитание, наряды, крикливость, в то же время некоторый природный ум и доброта. Вальтерша недурна собою, но сама мыслит себя несравненной и в этом поддерживает ее муж. Немного повторяется история Ильи с его Верочкой². Комичен ее папаша, темпераментный польско-русский еврей с его невероятным языком. Когда он недавно кри-

чал: нужен «мыр» — я не сразу понял. Про себя говорит с потешным восторгом: «я ужасный мастер!» (он немного рисует), «мои сыновья страшные фотографии!», «я так дернул лошадь, что она стала у меня дыбом»³.

Приехал (бежал из Питера) к Вальтерам профессор Попов, известный хирург, спокойный и приятный человек. Ожидается сенатор Иванов, милейшая личность. Здесь же обитают известный по своим концертам и оркестру граф Шереметьев и крайне разносторонняя графиня Ностиц с мужем. У последней живет бывший градоначальник князь Оболенский, приезжал Сухомлинов (он в Финляндии, не расстрелян), и даже был командующий здешней немецкой армией генерал Вольф. Прошрое лето графиня Ностиц была у меня с каким-то бельгийским графом⁴ и говорила о патриотизме, тогда у нее «еще не было» немецкой ориентации. Надо бы и мне отдать ей визит, но ее разносторонность несколько отпугивает. Разве пойти для наблюдений? Ведь такой публики, как теперь, я век бы не увидел.

Особое место занимает Вера Петровна. К ней приезжал и долго жил муж, субъект неприятный и чуждый, и наши отношения почти прекратились. Теперь возобновляются. Чем-то она входит в мою душу. Вероятно, еще придется говорить о ней.

12 октября [1918], вечер.

Душа и тело так плохи, что не могу о них говорить. Оттого так давно не писал. Дохожу до какого-то предела.

Разгром Германии, Болгарии, Австрии и прочих, вести и возможность близкого мира радуют ум, но чувства и здесь безмолвствуют. Эти четыре года так разрушили душу, что непосредственная радость почти невозможна. Еще и от этого я не хотел писать в дневнике: события огромны, а душа на самых жалких низах и может только слабо попискивать. Даже есть какая-то обида от поздней и трудной победы: будто пять лет в кровавом поту доказывал, что дважды два четыре, доказал — и сам рот разинул: осталось-то ведь не больше, чем дважды два четыре. Нервы измочалены. Пусть радуются молодые: ведь все это для них.

Таскаюсь к морю. Хорошо еще, что оно существует и его не надо доказывать. Вчера был божественно прекрасный день. Люди плохи. Одиночество полное и всемерное, притом дурного тона: за болтовней, винтом и многолюдием. Иногда с грустью вспоминаю зиму в нашем огромном и чудесном доме, где одиночество было серьезно, строго и осмысленно. Давят меня маленькие размеры дачки, людишек, мыслишек. «Сатана» подвигается медлен-

но и плохо: не верю ни одному своему слову, не верю, что это нужно, не верю в существование какого-то Леонида Андреева. Кажется мифом или предрассудком.

Если жизнь решать с карандашиком, как задачу, то решение одно — самоубийство. Многие так и решают, но это не верно. Как решать, когда *данные* непрерывно меняют свое цифровое значение?

21 октября [1918], ночь.

Давно не писал, а любопытного много. Теперь придется топиться и сокращать.

Главнейшее в том, что я снова воздвиг свою волю над телом и душою. Действительно дошел до предела, впереди оставалась только яма. И подумал я: жить при поражении, а когда приходит победа, то умирать? Глупо. Насквозь продумал это и решил жить, чтобы почувствовать победу. Было это с неделю назад, и какова власть духа и воли над телом! — в одну ночь поднял свое здоровье процентов на 25. Хочу быть весел — и стал весел. О, конечно, еще болит сердце и голова, но уже можно жить. Даже спать стал! Каждый день завожу себя, как часы, *на жизнь*.

А дела такие.

Сквозь туман слухов и отрывочных сведений видно одно: что победы союзников растут и с ними близится мир. Большевики еще держатся и свирепствуют, но царство их явно близится к концу. Явно и неизбежно, как оно и следует быть. Беспросветность кончилась, равенство пройдено, каждый новый день будет светлее предыдущего. Уже *можно* подумывать о будущем. 17-го [октября] был интересный и красивый день. Красиво было море и солнце, до того милое и теплое, воздух до того свежий и ясный, что описать нельзя. А интересно было то, что с раннего утра понеслась с моря гулкая орудийная стрельба, а минутами ухо улавливало и трескотню пулемета. Направление — Кронштадт и форты¹. Легкий туман крыл горизонт, и бинокль был бессилен. Днем был перерыв в стрельбе, а вечером снова забухало. Как раз в этот день ко мне приехал Рерих (о котором надо будет особо), с которым мы и утром слушали стрельбу и вечером побежали на Корниш² смотреть. Вечер был лунный, теплый и ясный, море штилевое, в голубой дымке, как бесконечность, и оттуда приносились величественно гулкие удары с круглыми катящимися раскатами. Время от времени в вышине над морем вспыхивали голубые огни ракет и медленно опускались в воду, отражаясь и роняя красные искры. На горе собрался кое-какой народишко из бестолковых дачников и судил, откуда и кто в кого? Но так ничего и

не поняли и до сих пор толком не знаем. Говорят, что в Кронштадте был бунт против большевиков, но точно и в подробностях ничего неизвестно, хотя есть приезжие из Петрограда. А красиво было и от общего строя души — радостно.

С «Дневником Сатаны», кажется, покончил. Почему — расскажу потом, как и про Рериха. Сейчас есть более волнующее душу. Это — Вера Петровна. Но и о ней надо так много рассказывать, что — отложу, поздний час. Скажу только: стоит перед глазами ее стройная, торопливая, взволнованно-ищущая фигура, когда она искала меня и нагоняла на пляже. И лицо ее под вуалью, и голос, тихий от напряжения, и нынешнее светлое солнце и тихий плеск голубеющих волн. Ее стройная нога в желтом ботинке, не понимающая, что под нею песок. Бедная женщина! Она говорила:

— Смотреть на близкого человека и думать: маленькая дырочка на виске все разрешила бы. Страшно так думать про близкого!

Близкий — это муж, который на днях внезапно приехал. Он любит, она почти ненавидит. Что-то тяжелое, смутное и страшное зреет у них. Она сдержанна, корректна, не повышает голоса и не говорит страшных слов, но волнение ее ужасно. Похоже на то, что она любит меня. Если бы не это, я сегодня долго бы целовал ее, как сестру — так мне жаль ее. Что слова! Ей нужен был поцелуй. Да и во мне нет брата. Я не люблю ее, но моя жалость и нежность к ней доплескивают почти до любви. Мысль сейчас неотступно с нею.

Живу я сплошь на людях. Мне это нравится. Есть интересные. Нынче вечер был у банкира Блоха, о котором надо бы поговорить особо: фигура значительная. Но когда? Времени нет. И женщины. Вчера были Целикоферы, мать³ и дочь ее от первого мужа, болгарочка. Всего два года окончила гимназию, еще делает книксен, хорошенькая, миленькая и зовут Милица — чуть-чуть не Милочка! Мое сердце глупо дрогнуло. Ибо полюбить я могу только юное, вот такое.

Но В[ера] П[етровна]!.. Бедная моя женщина. Она высокого роста, стройная, породистая, умная, тонкая и... надо бы у старой туфли Тургенева позаимствовать умения описывать женщин, с английским и французским, с детишками-бебе и англичанкой, с изяществом в обстановке и жестах, цветами и духами. Родом дворянка, помещица, на мужа армянина, с его деловым талантом, узостью, ревностью, револьвером и грубостью смотрит, как на парвеню. Не убил бы он ее!

3 ноября [1918], день.

«Сатану» бросил, почти не бываю дома, все время хожу по людям, бывают и у меня. Образ жизни странный и непривычный, очень легкомысленный с примесью большой и скрытой задумчивости. Задумчивость для себя, а для прочих, особенно дам, проповедник, исповедник, утешитель и покровитель. Вчера смешно стало, когда подумал про себя, что я вроде здешнего Гришки Распутина. Чаше всего бываю у Вальтеров, где постоянные сборища здешних и приезжих. До влюбленности много выдаюсь с Г.А.Блохом. Шайкевичи переехали на дачу по соседству, часто бываю у них. К ним приехал из Питера Анатолий («Аш»), эстет, с ним постоянные разговоры и споры. Вера Петровна с мужем уезжала на это время в Гельсингфорс. Кажется, мне удалось смягчить и немного наладить их отношения. Смешно, что это сделал я. Давно ее не видал. К Целикоферам не пошел, ибо новая моя Милочка тью-тью! — у нее, по слухам и видимости, роман с молодым Блохом. Показалось мне оскорбительно, ибо этот Блох — зеленый юнец с огромным носом и малым умом. Должно быть, деньги, ибо трудно представить любовь с такой птицей.

Анатолий Шайкевич в городе «приспособлялся» и приехал с обожанием Горького и смущенным благоволением к большевикам, в которых есть «что-то хорошее». Привез мне любопытное предложение от Гржебина: чтобы я ехал в Петербург, причем мне будут даны все гарантии неприкосновенности, и там сговорился о продаже моих сочинений издательству «Мировая Культура»¹, коего он, Гржебин, вместе с Горьким являются главами. «Дело идет о сотнях тысяч». (Фонд им дан большевиками). Я ответил, что Горькому и Гржебину не продам и за миллионы, а при ихнем новом правописании — и за миллиарды.

Здоровье плохо, но настроение держу твердо, чему помогает разгром Германии и близкий мир. Оттого окружающим кажусь здоровым, да и охотно обманываюсь. Сегодня болит голова и сердце очень скверно, но я «смеюсь и даже улыбаюсь», делаю перед самим собою мину, будто все это смешной анекдот. Гуляю меньше, некогда, и большею частью уже не один. О прежнем одиночестве не жалею. Многолюдие и многоболтание дают чувство своеобразного хмеля: будто я немного пьян.

Блох — любопытная фигура. Один из воротил Международного банка и вообще финансового мира, из компании Вышнеградских, Путиловых, Шайкевичей, самый из них умный и волевой и, кажется, самый влиятельный. Один из тех пайщиков, «хозяев» «Русской Воли», которые решили ее продажу и к кому постоянно

с заднего крыльца забегал Горелов. Любопытно, что с ним, как и с Шайкевичем, я познакомился только после закрытия газеты. А он, между прочим, сказал вот что: «Если бы тогда вы пришли к нам и сказали, что берете "Русскую Волю", вы немедленно получили бы 2 миллиона в полное распоряжение с одним условием: выгнать всех прежних, уплатив неустойку, и дальше делать газету за вашей единоличной ответственностью». Он всегда был врагом комбинации с Протопоповым и Гореловым, ненавидел Амфитеатрова и сулил газете гибель. Об истинном моем отношении к газете не знал. По его словам, Горелов и все прочие старались не допустить моего знакомства с ним и Шайкевичем, «не подпускать меня к кассе», зная, что это даст мне силу и «погубит их всех».

Он сам пишет стихи, в молодости работал в газете, превосходно знает литературу, в частности меня, разбирается умно и тонко, хотя с избытком самоуверенности. Один из самых умных людей, кого я встречал. Я давал ему читать «Собачий вальс», «Самсона»² и еще кое-что, и суждения его совпадали с моими. Ко мне относится, как к писателю, даже слишком хорошо — так что внушает даже некоторое недоверие. Одно только думаешь: зачем ему врать? Главное: действительно знает и понимает. Но меня всегда пугает чрезмерная хвала, а он так хвалит^{3!}.. Говорим с ним обо всем, и обо всем интересно говорить.

5 ноября [1918], день.

Временами все мои болезни, соединяясь, дают нечто вроде длительного припадка. Вот уже третий или четвертый день болят голова и сердце, и весь я полон своеобразным чувством тяжелой отравы. Отравлена и голова. Все же пытаюсь держать твердое настроение, смеюсь и шумно радуюсь, и это очень похоже на веселенький домик с окнами на кладбище.

6 ноября [1918], утро.

Над всеми настроениями и мыслями моими стоит одна: о моей старости, о болезнях, о вероятной близости смерти. Когда я вижу в зеркале на моем лбу эти вздутые, пульсирующие вены, я ясно чувствую могильную прохладцу. Но что могила! Могилы я не боюсь и, думая о ней, расставляю руки, словно объятия... Страшно именно то, что я жду ее и *так* жду, страшно это постоянное чувство пролетающих секунд, сознание неизбежности и близости, чувство старости, точнее — упорное настойчивое сознание ее. Порою и духом и телом чувствую себя молодо, и

окружающее твердит мне о моей еще не погасшей молодости — но и тут сознание старости остается и укорачивает все замыслы и желания, холодит страсти. Анна упорно одобряет мое лицо, да и действительно красиво и нравилось бы мне самому, не *думай* я о годах. А теперь зеркало для меня мучение. Я не вижу общего, то, что сейчас и составляет красоту и значительность лица, а как старая и глупая кокетка обращаю внимание только на морщины, дряблеющую кожу и сединки.

Правильнее сказать: я не столько мучаюсь старостью своею, сколько всем телом и душою хочу молодости. Хочу ее неистово, до страсти детского каприза, когда требуют луну, до зависти ко всем молодым и краснощеким, до меланхолии. И нужна она не для пустяков. Конечно, хочу и Маргариты и «привет тебе, приют невинный»¹, но не это центр моих желаний. Творчество — вот что. Случилось так с моей жизнью, что нет в ней параллелизма между ростом сил творческих и сил психо-физических, т.е. возрастом. Вроде той розы, что на днях, в финском ноябре, расцвела в саду у Блоха. В то время, как по сознанию и чувству моему я переживаю в творчестве всего только апрель, жизнь моя уже вступает в ноябрь. Когда по физической и психонервной силе я был лошадей, я писал какого-нибудь «Ангелочка», а теперь для моих огромных и только еще созревающих замыслов у меня остались силы... жеребенка, что ли. Мое творчество представляется иногда каменистой пустыней, где камни, начиная размером с голыша, непременно увеличиваются и к горизонту кажутся почти горами; вошел я в нее молодым и сильным и долго тратил силу на то, чтобы разбрасывать голыши. А дальше камни все крупнее, а силы все меньше, так с каждым шагом в глубину. И теперь я уже только смотрю на те громады, что надо бы поднять, — нет силы!

Есть еще одно обстоятельство, которое в эти дни усиливает мою тоску о молодости. Общение с людьми убеждает меня, что мое влияние на них и сила моя велики.

...Просто не успеваешь обо всем сказать. Помимо личной жизни так много событий. Мир закружился.

8 ноября (26 октября) [1918], ночь.

Черт знает, что за жизнь!

Расселись здесь все, как в Ницце. Полное спокойствие, чудесное настроение, избытие, освещенные палатки — еще бы, когда живут сплошь миллионеры или около того, Шайкевичи, Шереметьевы и Блохи. С западного фронта самые прекрасные вести, мир близится, большевики дышат на ладан. Тут же поче-

му-то на пляже появились белогвардейские патрули, на которые никто не обратил внимания, — нужно почему-то. А дня четыре назад зажглись в заливе потухшие было прожектора и стали бегать по берегу и тучам — тоже не стоит внимания, хотя красиво, пожалуй. Первым намеком на тревогу были сведения, привезенные Вальтершей: некий финн¹ с видным военным положением сообщил ей по секрету, что положение «серьезно», но что он «предупредит, если надо будет уехать». Уехать? Куда? Какие глупости!

И вдруг вчера — гром. Один из здешних возвращается из Териок взволнованный: готов уже и завтра будет расклеен аншлаг, предлагающий жителям быть готовыми к отъезду в 24 часа, когда к тому дан будет знак. Причина: красные идут из Питера на Финляндию, огромные силы, положение опасное. В Териоках военные обозы, блиндированные поезда. Немцев почти нет, белые мало надежны. И т.д. Вздорные слухи о «дессанте» переплетаются с более или менее достоверным, а в результате — жестокая паника. Шайкевич тихонько удирает в Выборг, тоже Блох — сегодня с утра их дачи пусты и прислуга в страхе. Переполох жестокий и трудно узнать что-нибудь вполне достоверное.

Сегодня за день я перевидал много народу, и итог таков. Никакого объявления не появилось. Войска действительно стягиваются, и положение, кажется, серьезно, но непосредственно угрожающего как будто нет. В Териоках спокойно. Осадное положение действительно введено, и телефон прекращен. К ночи приехала из Выборга жена Шайкевича²: там сегодня настроение спокойное и даже хорошее, а вчера было мрачно. Вернулась жена Блоха³ и кое-кто еще, но все думают снова удирать. Троцкие[-Сенютовичи] чуть сегодня не уехали с детьми, отложили на завтра. Все говорят о необходимости бегства, и никто не знает, надо бежать или нет. Жалеют запасы, имущество.

Я также ничего не знаю. С одной стороны глубоко убежден, что ничего здесь не будет, а с другой — дети! Мать! Вдобавок детишки еще простужены. И куда? Конечно, к Гуревичу в Тервус (на Ладожское озеро), но как это трудно. И ведь все может пропасть: дом, картины, книги, письма и фотографии — воистину, останусь гол. А вдруг действительно ничего не будет? И мое еще тут здоровье с такими головными болями, как нынче ночью. А добраться до Тервуса? И вдруг, пока будем колебаться, остановится дорога?

Жду завтрашнего дня. Может быть, принесет что-нибудь определенное. Главное и единственное: дети, дети! Погибни Савва — разве я смогу жить? Да что жить — мучений страшно.

А ум радуется, ибо все это — начало конца дичайшего из кошмаров. И как необыкновенна сейчас карта Европы. На востоке, весь центр России — один большевистский дымно-кровавый пожар. На западе, за тоненькой прослойкой из белых, — полыхающая Австрия и начинающая разгораться Германия. На западном фронте продолжающиеся бои «с тяжелыми потерями» и непрерывное отступление германцев, а здесь союзники уже соединяются с теми же германцами для войны с большевиками. Близкий мир — бесконечно далек.

Фу ты!

«Тут поноздряешь в ковырях» — как сказал один задумавшийся господин.

11 ноября (29 октября) [1918], день.

Все оказалось вздором. Был ли умысел в создании этой паники, охватившей всю местность до Выборга, или финны, эти внезапные воины и стратеги, бестолковые, беспомощные, почти карикатурные, сами чего-то трусили — неизвестно, но факт тот, что никаких фактов новых и угрожающих непосредственной опасностью не существует. Это признал сам магистр филологии, журналист, директор банка, капитан и комендант Терюокского пограничного района Рантакари, которого я переиначил за его заслуги в Рантараки, Тарараки, Тарантаки и даже в Таркани. А в штаны напустили многие. Была противна Вальтерша, эта непостижимая смесь маленьких добра и зла. С ними можно жить и даже не без приятности проводить время, пока шутишь, — всякая попытка к серьезности доводит до неистовства и отчаяния.

Погода октябрьская, но ничего, жить можно. Море шумит, холода еще не начинались. Наша маленькая и сырая дача вредна для здоровья, дети часто простуживаются и, при наличии серьезных случаев в округе и даже смертей от «испанской» болезни¹, это тревожит. Сейчас нездоров Савва. Мать нынче именинница, здоровье ее также неважно и внушает опасения: плохое сердце, бессонницы, как и у меня.

За это время прочел с удовольствием и злостью почти всего Тургенева, сейчас читаю Гончарова. Ни одного вечера не сидел дома вот уже недели две. Девушка Цоликафер, эта «Милочка», при расследовании оказалась пустяком. Бываю у Троцких[-Сенютовичей]. Муж еще не уезжал, и Вера Петровна в непрерывном надрыве. Один вечер у них был мрачен, как перед убийством. Мне жалко мужа не меньше, чем ее.

20 ноября [1918], сумерки.

Серые и темные ноябрьские дни перебиваются изредка яркими вспышками солнца. Таковы чудесные вчерашний и нынешний дни. И полная луна, в парке великолепие. Морозит, ночью доходило до четырех, пляж тверд, как асфальт. Море в голубом штиле.

Здесь выжидательно тихо. Иногда вдали бухают пушки, причины смутны. Колония процветает, как бурьян, есть благовоние, есть и просто вонь. Образовалось нечто вроде театральной студии, девицы, дамы и молодежь, под наивным руководством обмейерхольденного юнца Кроля. Пантомимы, мимодрамы, статуарность и условность. Я — как древо, под которым собираются. Узнал новую интересную женщину — Эдуардову-Давыдову. Живу в странной и теплой атмосфере дружелюбия, почтения и даже любви.

А в мире события так велики, что при всей моей смелости еле дерзаю о них думать. И себя и свой высокомерный ум чувствую маленьким перед огромностью происходящего и имеющего произойти. Но весь проникнут Западом, сплю под сенью революций, грежу народами, дышу воздухом светопредставления. Грохот и треск разрушающейся старой Европы стоят над всем /миром/. Радуюсь и почтительно взираю.

21 ноября [1918], день.

Море медленно замерзает. Я люблю этот момент, когда на смену теплу и жизни приходит холод, тьма и суровая полярная уютность. По-своему это так же хорошо, как переход к весне: на всех этих переходах и гранях, когда на минуту открываются какие-то огромные ворота, видишь в узкую щель самое бесконечность.

Небо облачно и серо, но весь южный горизонт опоясан узкой оранжево-красной полосой, и море под нею синее, и дальний берег синими мглистыми сгустками висит над водою. Ручейки и лужи замерзли и пузырятся, песок окаменел, на траве, досках, крышах и вмерзших в песок обломках лодок густой иней. Море шумит ровно, тяжело и густо, весь край воды покрыт небольшими льдинками, которые медленно колышутся на прибойной волне, снимают ее острые и пенистые отблески. Когда остановишься и начнешь прислушиваться, ясно слышен стеклянный звон сталкивающихся льдинок: как будто слегка бьются друг о друга толстые стаканы, тоненькие рюмки, и звон этот идет по всему берегу, далеко. В бинокль видна рыбацья лодка под косым парусом и темные фигуры в меховых шапках.

Вчера вечером был у Блоха. Кажется, мне предстоит вступить с ним в более тесные отношения: уже второй раз он вскользь говорит о газете (он был противником «Русской Воли» с Протоповым и Гореловым, он же, по-видимому, настаивал и на ее продаже). Он самоуверен, но в нем есть большая сила и ясный ум, он широк в замыслах, любит литературу, сильно чувствует большое и красивое, сам пишет совсем не плохие стихи, вчера читал.

На события — почтительно взираю. Много надо бы сказать о своем отношении, но... слишком большая работа. Останавливает не лень, а бесцельность: кому это надо в дневнике?

25 ноября [1918], ночь.

В ней¹ есть от искусства, от танцев, от сцены и кулис с их красивым и горячим туманом, от той жизни, что дают огромные деньги и успех, — она богата и поклоняема. Я много слышал о ней, очень много о необыкновенных глазах ее и не меньше о каких-то влюбленных, каких-то. Когда много говорят о городе или женщине, я вхожу в них неохотно, и к этой Венеции моей я не стремился на встречу. Произошло случайно, как случайны здесь все знакомства и встречи. Раз видел ее в экипаже: мелькнуло и скрылось красивое женское лицо; потом знакомство у Вальтеров. Правда, глаза прекрасны и необыкновенны, но и только — показалось мне в тот первый раз даже с разочарованием. Но дальше все определеннее вставало другое чувство: она здесь коронованная среди некоронованных. Чем царствует, не знаю, но царствует. И эти глаза. Вдруг вошло через них волнение, кто-то вошел в меня, волнует. Любовь? Не знаю. Ее послы во всяком случае. Мир изменился, и над жизнью поплыли образы томления. Как всегда (кроме Милочки), когда ко мне стучится любовь, я быстро открыл дверь. Когда незначительные речи перешли в прямое почти слово? Не знаю, совсем не помню.

Всего нашему знакомству недели три. Но тут эта студия, принятая мною из-за нее, и встречи стали чаще. И почти ничего не было сказано, а выходило так, как будто уже прозвучало где-то: любовь. И вот эта суббота, 23-го, утром студия, вечером именины у Вальтеров, непрерывное движение игры, разговора, музыки, танцев, арлекинады. За ужином я много пил, но еще до того я был по-своему хмелен от движения и людей: меня всегда пьянит это непрерывное, немного хаотичное сближение со многими душами, глазами, голосами, когда все так быстро меняется и проходит, напоминая сон. Как ни мала студия, но в ней есть от искусственности, захвата и чар театра, а вечером музыка и танцы и опять

игра. Тут, когда все кружились в вальсе и при каждом повороте ее глаза смотрели в мои — смотрели настойчиво — нет, это музыка, — в меня вступили молодость и любовь. Уже любовь. И музыка звучала, и они все кружились, а мне стало хорошо, печально и больно, и на лицо легла мрачность — мрачность молодости, музыки и любви. Глаза в глаза, танцуя, она бросила вопрос: кружится голова? Я не ответил, а потом нашел ее, ждал, пока отойдут другие, и сказал: не голова, а сердце мое кружилось, кружилось за вами. А потом среди этой толпы и шума, смеха, представлений и танцев, я оставался с нею один — и говорили о любви — почти прямо. И в ее глазах, и в голосе, и в движении руки, когда она вдруг коснулась моих волос, была любовь; она была и в словах ее; в этих странных волнующих речах, когда как будто все уже сказано, когда они, еще чужие, рассказывают о своих мыслях, как ждали встречи, и как встретились, когда они, еще вчера чужие, легкими прикосновениями к платью, к руке соединяют свои жизни, свое обособленное я. Как странно и неловко было мне после каждого из таких разговоров выносить свое лицо на свет, к людям, где продолжался смех и музыка: казалось, все узнают, что во мне.

После ужина, когда к музыке прибавилось вино и все огни стали вдвое ярче, у нас продолжалось то же, но еще прямее, еще решительнее и ближе. Мне хотелось говорить: Боже мой! Но вот она уходит к себе. Я прощаюсь внизу, у лестницы, но она говорит: пойдите ко мне, я отдам книгу. И весь шум остается внизу, а я вверх, в комнатах, которых я не знаю, в ее комнате. И здесь я говорил ей ты и что-то нежное, очень нежное, о любви говорил, поцеловал ее волосы, поцеловал глаза. Она слегка отклонялась, принимая, а потом, как говорят в романах, губы наши сблизилась. О, проклятые романы! Как это сказать иначе, как раскрыть тот божественный смысл, то волнение бесконечности, что есть в этом сближении, в этом первом прямом и крепком поцелуе! И сразу я ушел.

Когда шли домой, Анна попрекала меня за слишком явное ухаживание, и будто все заметили, что я был в ее комнате. А я весело болтал. Потом была ночь почти без сна. Ее духи — они почти не слышны вблизи, но я весь пропитался ими, я еще сегодня слышу их, будто они внутри меня. А вчера уже ночью я уткнул лицо в свою черную, пахнущую ею рубашку, вдохнул и... проклял кого-то. Вчера...

На другой день, т.е. вчера, должна была утром собраться студия у Шайкевичей. Мне нездоровилось от бессонницы, я боялся, что не сумею владеть собою в этом чувстве напряженности и сла-

бости, — и я не пошел, послав ей маленькую записку: не хочу, чтобы Ваши глаза видели меня таким. Но и днем я не заснул, а сердце все же билось ровно и широко, и вечером, когда все уже поразьехались, пошел к Вальтерам с А[нной] и Фальковскими, чтобы там подышать ею. Я не сказал, что у нее есть муж², однажды он был в студии, композитор и в то же время директор банка, седой, приятный, умный, любезный с дамами, изящный господин небольшого роста. Как говорили, она давно с ним не живет. И я не сказал, что Фальковский как раз вчера приезжал из Нейволы, где они живут, — я еще не знал, что его приезд что-нибудь значит для меня.

И я был весел у Вальтеров: дышал ею, и весело шел оттуда, когда Анна сказала: сейчас я нанесу тебе рану в самое сердце. И тут Фальковская (они нанимают дачу у Ф[альковских]) рассказала, что уже давно Е[вгения] П[латоновна] любит одного англичанина, Джолли Б.³, и год тому назад он уехал на фронт, попал в плен, а теперь освобожден и возвращается в Англию. И как раз «передал я» от него телеграмма к ней, и эту телеграмму привез и передал ей в студии Фальковский, и как она вся «преобразилась» от радости. Да? Я слушал и — смеялся, конечно. Что же мне было делать? Смеялся и болтал. Что же мне делать?

28 ноября [1918], день.

Очень странная вещь. Несомненно, что это не та любовь, которой я ждал и хотел, как избавления от смерти. Даже не знаю, любовь ли это хоть какая, или сущий вздор? Когда объективно рассматриваю ее, себя, всю обстановку, все возможности будущего, — я не вижу ни единого признака любви. Все типичное, что есть в этой женщине: среда, воспитание, воздух жизни — все чуждо мне и частью враждебно. И просто как женщина в узком смысле слова она не зажигает меня — эротика нет ни на грош. Какая-нибудь безголовая Н. своим телом влечет меня неизмеримо больше. И еще одно: последнее время и даже самые последние дни у меня хорошие отношения с Анной, большая близость и тесная душевная связь.

А в то же время — непрерывное и тяжелое волнение, темное и непонятное. Когда я узнал об англичанине, я пережил минуты и часы острой тоски, глубокой печали и распада духа. Мне стало трудно двигаться, говорить и улыбаться, будто я заболел. Вдруг ослабела та воля, которою я держу себя, свое здоровье и дух, — единственно ею. Мне даже страшно стало. Ведь этот поцелуй — он почти случаен, как и вся эта «любовь», а выходит так, что и

жить теперь незачем, если англичанин. И волнение, волнение. Ночью не могу заснуть, считаю чуть не минуты до завтра, когда она придет. Придет — и что? А вдруг совсем не придет? И еще боюсь, что я уже потерял то, чем так быстро взял ее: силу, спокойствие, великолепную способность внушения, когда подвластны мне слова, взгляд и жесты. То, что я считал игрою в шутку, вдруг сделалось игрою на большую ставку, и я боюсь своей боязни. Как скверный стрелок, я хорошо брал цель, стреляя холостыми, — и чувствую дрожь в руке, поднимая заряженный. Нет!

Но завтрашний день идет, и я полон ожидания. Как взгляну, чем будет первый взгляд? Волнение, волнение...

7 декабря [1918], день.

Анна, до сих пор не касавшаяся дневника (он не запирается), поддалась Евиному греху и прочла последние страницы. Это было еще 29 ноября. Тогда я решил было совсем бросить дневник, но нынче Анна дала слово, что касаться не будет, и я продолжаю.

Случилось то, чего я так боялся. Этот день (29-го) был мучителен и постыден. Мое волнение перешло границы, Е[вгения] была холодна и чужда, и я превратился, на виду у всех, в дрожашую, влюбленную тварь. Я не владел ни голосом, ни лицом, ни словами. Е[вгения] почти избегала меня, и были жалки мои неприкрытые попытки приблизиться к ней, найти минуты для разговора. Возле нее пребывают два влюбленных юноши (лет по 27, здоровенные, неглупые и сами по себе приятные верзилы; участвуют в студии и ездят вместе по ж[елезной] дороге; один, Левитан, захвачен ею серьезно), и она охотно, с полной и видимой готовностью, принимала все, что дает эта глуповатая, молодая и свежая влюбленность. И мне — мне — приходилось с ними состязаться: ждать, пока освободится место возле, выслеживать, когда она кончит танец, чтобы оказаться возле нее первому, вести скрытую борьбу за то, кому провожать и прочее известное. И я — делал все это, неуклюже и мрачно, позорно, как впервые танцующий медведь. Юноши были почтительны, но неуступчивы, глупо настойчивы, как щенки; в настойчивости Левитана было что-то посернее.

Так с лицом растерянным, мрачным и жалким, чувствуя себя голым под взглядами, я то глядел на танцы и тщетно ловил ее взгляд — тот взгляд! — то выжидал ее в полутемной комнатке, куда она и другие уходили после танцев, и мои намерения были

ясны для всех. Улучив минуту, в очень неудачной форме спросил ее об англичанине — в ответ удивленный взгляд, надменный вопрос: как я могу спрашивать? что это значит? Потом танцы и юноши. Потом полминуты нового разговора: приеду ли я к Фальковским (т.е. к ней)? Я говорю: это зависит... мэ... мэ... Она не понимает — «не понимает!» Потом вдруг (уже третий полминутный разговор) брошенная милостыня, легким шепотом: приезжайте! *Знаю*, что милостыня, но расцветает жалким цветом и чуть не соглашаюсь. Но юноши отрезвляют. Она уезжает на станцию. Глупая и ненужная надежда: вдруг она едет одна, и я могу проводить ее до станции. Зачем? Глупо! Но суетливо одеваюсь, торопливо сую руку на прощанье кому попало, отвечаю на просьбы остаться жалчайшим: нет, мне надо — и выскакиваю, когда она села в экипаж и... возле усаживается юноша. Говорю сухо и деловито: передайте Фальковской, что приезд зависит от обстоятельств. И она бросает еще милостыню: хорошо, в понедельник поговорим! Даже взгляд в темноте блеснул!

Так и уехала. И чувствами моими была тоска, стыд и прежняя тупая скука жизни. Я не знал, как и не знаю, любил ли я ее, но мне было горько и пусто. Некуда идти, нечего делать. А вечером пошел к Вальтерам, чтобы хоть побыть на том месте; и было у них пустынно, холодно и мрачно; пустынно дребезжал граммофон и мрачная Анна сказала: пойдем сейчас домой, мне необходимо говорить с тобою. До тоски и попрошайничества хотелось коньяку, но только одну рюмку достал — достал и выпил. А дома — до утра разговор: А[нна] прочла дневник.

8 декабря [1918], ночь.

Мои отношения с Анной — тема такой огромной важности и серьезности, что я с трудом решаюсь к ней подходить. Это почти то же, как если бы я захотел определить все мое отношение и отношения с жизнью или — как просила меня одна читательница — в коротких словах разъяснить смысл моих произведений. И вообще пишу я о них мало. 1) потому, что вообще здесь не пишу о самом главном и 2) слишком много говорю о них с самой А[нной], и говорю все, без необходимости что-либо переносить в тайные документы. Отдельные короткие заметки — лишь термометр данного дня — погода при наличии природы.

Сейчас, когда во мне такая смута, постараюсь точно и по всей совести ответить по существу. Люблю ли я Анну? Да. Люблю очень сильно, глубоко и крепко; потеря ее мне кажется невыносимой и страшной, разойтись с ней мог бы лишь при одном условии: исчезновении любви с ее стороны. Как человек *была* она вы-

зывает во мне отрицательное отношение, порою доходящее до особенной бытовой же ненависти. Но быт — только одна ее сторона, и притом наименьшая: другой стороной своей она входит в мою душу и составляет ее неотъемлемо существенную часть. Здесь она мой лучший и единственный друг, с которым мне всегда интересно и важно говорить о жизни ли, о моих ли произведениях и планах. Что бы я ни видел, мое первое желание — говорить об этом с А[нной]; только пройдя через Анну, виденное, испытанное и подуманное становится фактом души. Без этого — только сон и быстрое забвение.

Но нет влюбленности, да и не может быть — как не бывает на одной ветви и плод и цветок. В то же время одна только мысль об измене А[нны] или ее нелюбви *мгновенно* может вытолкнуть из меня все остальные чувства, привести меня в состояние безумия. Единственный человек, которого я могу убивать и убивал в мыслях, — это она. Единственный!

23 декабря [1918], день.

В первых числах декабря я сломал при еде передний зуб, что затруднило произношение и навело тоску невозможностью говорить. Три раза ездил в Выборг, где оставался дня по три (со всякими мытарствами), пока 20[-го декабря] зуб не был вставлен.

15-го был сильный, ночью, сердечный припадок; такого еще не было во всю жизнь. Чуть не умер.

Все это совпало с переходом на новую дачу¹. Старая оказалась невыносимо и безнадежно холодной; наполовину она сбита из досок. Вообще, эта дача Левстрем — нечто ужасное по малости, грязи, сырости, холоду и архитектурной несуразности, и надо удивляться, как могли мы прожить там 3 с половиной месяца. Она душила, отнимала сон и создавала невыносимое настроение; отчасти она причина моей болезни. В одно утро, после ледяной и бессонной ночи, я в отчаянии — ибо декабрь и морозы — решил уезжать хоть в Выборг. По счастью, удалось взять дачу здесь, рядом, просторную, светлую, теплую, удобную. Но были в ней выбиты стекла, испорчен водопровод и прочее, и Анна обнаружила чудеса энергии, в одну неделю приведя все это в порядок и перебравшись со всей нашей мебелью и харбарами [т.е. хабарами?]. 20-го, приехав из Выборга, я уже ночевал на новом месте и блаженствовал. И все эти дни хожу и наслаждаюсь простором, высокими потолками, теплом и простым, разумным расположением больших комнат. На дворе мороз и метель (три дня сыплет снег, занесло все дороги), а здесь тихо и тепло, и утром я голый разгу-

ливаю по большой и веселой спальне. И впервые, с Августа, снял проклятую фуфайку. Весь год преследует меня холод — сколько на него жалоб в этом дневнике! — и нормально живущие люди не оценят моей теперешней радости освобождения. Вида из окон нет никакого: сосны, да снег — но и это кажется красивым.

Море замерзло и огромным белым мертвецом лежит до мглистого горизонта. Оттуда ждут красных, и даль тревожна. Изредка непонятные выстрелы. В политике неподвижность; что-то готовится. За всякими личными переживаниями отошел от мира и его событий и жду разрешения сравнительно спокойно. Люди вокруг все те же. Только от Вальтеров (Вальтерша нестерпима!) переместился к Шайкевичам и Троцким[-Сенютовичам] и Блохам; дружу с Анатолием Ш[айкевичем] и чудесным профессором Поповым, напоминающим Сереженьку.

24 декабря [1918], день.

Ночью опять тяжелое удушье, свернулось сердце. Плохо.

Того, что происходит в России с народом, не могло бы выдержать ни одно правительство в мире. Большевики выдерживают потому, что они — не правительство, а шайка. Вчера я слушал рассказы о Питере и Москве одного приезжего спокойного человека, и это истинный ужас. Безумие и ужас¹. Кучка сытых, ничтожных, безнравственных, но вооруженных большевиков — и народ голодных, истощенных, шатающихся от слабости теней. Они так запуганы и так покорны от слабости, что не способны даже огрызнуться; сонные и вялые движения, сплошь от голода опухшие руки и лица. Молча и покорно, как во сне, стоят длинными очередями за ржавой селедкой, которая стоит 15 рублей. Один толстомордый красногвардеец может хворостиной гнать полгорода на расстрел.

А западные социалисты протестуют против вмешательства в русские дела². Этим они безнадежно осуждают себя, как однородную безнравственную сволочь, у которой не хватает силы пока, чтобы повторить русское преступление. Германия уже старается повторить³. И смешно и страшно смотреть, как эти люди высшей все-таки культуры дословно повторяют нашего дурака, и Либкнехт очарованно твердит Ленинские зады. Любопытное родство, почти тождество германского дурака с русским. В крови и грязи намечается образ единого мирового дурака, фигуры почти апокалиптической.

Меня душевно вяжет и раздваивает привычное поклонение народу, культ революции. Я привык почитать рабочего только потому, что он рабочий, и мужика только потому, что он мужик.

Это глупо, но почти непреодолимо, и я веду с собою постоянную борьбу. Мне ясно: чем больше хочешь, чтобы чернь поднялась и стала людьми, тем беспощаднее надо быть к данной исторической черни, а привычка тянет к вреднейшей социальной сентиментальности и прекраснодушию.

8 января 1919 г., день.

В Териоках находятся Гржебин и Тихоновы, приехали с решения финнов по торговым делам¹. Вчера через Анатолия Шайкевича мне сделано «официально» следующее предложение.

Сейчас все издательское дело в России объединено в руках Горького и Гржебина («Мировая литература»²) и в «союзе» или «фонде» писателей, куда вошли почти все: Брюсов, Куприн, Мережковский, Муйжель, Амфитеатров, Ремизов и т.д.³ Я чуть ли не единственный, еще не вошедший. Деньги в оба издательства даны комиссариатом народного просвещения, правописание новое. Мне предлагают: дать по моему выбору листов 50 старых произведений для переиздания, за что могу получить тысяч сто, половину коих немедленно. То, что две трети моих вещей продано мною и принадлежит «Просвещению»⁴, не должно меня смущать: они сами ликвидируют эти отношения.

— Как?

— Может быть, декретом, который упраздняет все частные издательства. Кажется, это уже вообще сделано.

— Значит, мне предлагают продать вещи, принадлежащие «Просвещению», и получить деньги?

Анатолий неопределенно пожимает плечами. Он ничего не понимает в «политике», очень мало в этике, Тихоновы его друзья и *любя* меня, он очень хотел бы, чтобы я получил 100 тысяч. Мое упорство кажется ему не то рисовкой, не то простой глупостью.

— Хорошо, — говорю я: — раз все русские писатели там и издательство носит вполне литературный и пристойный характер, то и я могу продать свои вещи. Но ставлю два условия. Первое — чтобы Цетлин («Просвещение») получил денежное удовлетворение, иными словами, чтобы вещи мои были у них выкуплены, а не отняты.

— Хотя я не вполне понимаю, о чем вы беспокоитесь, но думаю, что это может быть сделано. Второе условие?

— Второе: я не хочу по новому правописанию, которого я лично не признаю и которое введено не законным государственным путем, а декретом⁵. Если правомочное русское правительство введет или утвердит это правописание, я, конечно, должен буду

принять его, но пока это идет от шайки мошенников, оно является для меня антихристовой печатью.

— Это неисполнимо. И это уже каприз: чего моя нога хочет. Если в случае с Цетлиным я еще вижу некоторые моральные основания, то здесь нет никакого принципа.

— Здесь есть принцип и даже голый — поэтому вы его не узнали. Вы привыкли к принципам в костюмчиках известного покроя.

— Вы хотите быть больше роялистом, чем сам король.

— А кто же король?

Напрасное словопрение: Ш[айкевич] ничего не понимает. Одним словом, наша чудесная сделка не состоялась, и Ш[айкевич] жалел, что я не получу ста тысяч. Я еще больше жалел об этом. Сто тысяч, когда у меня нет ничего и живу в долг! И только протянуть руку!

Не скажу, чтобы самый *соблазн* был велик. Но жаль денег было ужасно, и весь вечер я был в раздраженном состоянии.

Здоровье плохо. Да... а получив деньги, я мог бы заняться им. Эти соображения и раздражают.

16 января 1919 г. Ночь.

Сегодня с утра слышалась сильная канонада со стороны Кронштадта.

22 января [1919], ночь.

Все то же странное существование. Здоровье немного лучше, острый сердечный период как будто миновал. Квартира теплая и приятная, каждое утро, согласно предписанию, с удовольствием брожу голый по ванной комнате и полоскаюсь. У всех холодина, только у нас тепло. Зима мягкая, недавно было дня три сильной оттепели, море за Ино почти свободно ото льда, снегу меньше четверти.

В Петербурге — ужас и смерть. Союзники, видимо, отказались от вооруженного вмешательства. Везде подлец и дурак, особенно дурак со своей плоской рожой. Думать о мире почти то же, что думать о самоубийстве, не веселее и не легче. Пробовал три вечера писать статью для Европы «Спасите наши души»¹ — и бросил. В Финляндии на русских дикие и хамские гонения. До чего ничтожен этот народишко! Все последние дни на том берегу залива канонада, но кто в кого — неизвестно. Озверелые от безделья и тоски колонисты шатаются друг к другу и все говорят одно и то же. Нынче была с визитом графиня Шереметьева и говорила о «жидомасонах» — разнообразие! А так семиты с анти-семитами уживаются довольно мирно.

Мое будущее темно. Газета!.. Но какой дьявол даст на нее деньги? И добывать их я не умею.

Изредка бываю в студии, где — скука. Роман с Д[авыдовой]² кончен безмолвно и скучно. Глупо это все.

Получилось известие, что А.А.Оль — жив. Об Андрюше ничего неизвестно.

4 марта [1919], вечер.

Здоровье все так же тяжело. Трудно дышать и жить.

Написал статью С.О.С. — «Спасите наши души»¹. В русских кругах статья эта, сама по себе не лучшая из моих, произвела впечатление настолько огромное, что объяснить его можно условиями минуты: мне удалось сказать то, что думают *все*. Всюду статью читают, добровольцы ее переписывают (она еще не напечатана). Комитет² по телеграфу передал ее полностью в Париж (стоило 12000 марок) и готовится распространять ее на всяких языках. Образован фонд моего имени для печатания дальнейших статей, отдельные лица жертвуют деньги для печатания и распространения С.О.С. (с рисунком Рериха³), из Стокгольма группа русских⁴ прислала просьбу о разрешении печатать и распространять и лично мне «за право издания» посылает 10 тысяч марок, каковые я, по размышлении, и решил взять.

Из разговоров добрых людей вытекает, что я сейчас — единственный голос России, который может быть всюду слышим. Поверить им — на мне одном лежит задача быть герольдом новой возрождающейся России... Даже в истории они не могут найти ни лица, ни момента, когда один человек и значил бы и мог бы так много. Допустим: я знаю, что других нет. Но здоровье? Но силы? Вот где мой ужас. Все обстоятельства тянут меня к участию в общей работе, к моим услугам и средства и люди, могу быть здесь, могу, если пожелаю, отправиться в Париж — а дыхание? А удушье и *эти* ночи? Сейчас от меня почти требуют, чтобы я хоть на несколько дней поехал в Гельсинки и там, в Особом Комитете, поставил дело печати и пропаганды⁵ — а как поеду?

Из новых людей прибыли сюда Гессен («Речь»)⁶ и этот ужаснейший Илья Николаевич Денисевич, «папаша». Гессен, с которым я много говорил о деле и работе, отправился дальше, в Гельсингфорс; он будет там полезен. Денисевич — остался здесь. Но о нем как-нибудь особо. Он в процессе полного морального разложения, и какая-то тонкая грань своеобразного добродушия отделяет его от того, чтобы он стал совсем отвратителен и невыносим. Безумно расточительствуя, он растратил почти все свои огромные, даром доставшиеся ему деньги и приехал сюда, чтобы взять те, что

находились у нас на хранении. А мы — на эти деньги жили (своих у меня давно нет), и теперь надо закладывать дачу и выворачиваться⁷. Самое в нем тяжелое — это нежная любовь к большевикам и дикая путаница в голове и еще более дикая — в моральных отношениях. Крашенные усы, заезженная, паразитная и скромно беспутная Вера, его молодая супруга, жирный пес Квак и всюду в душе грязь и мерзость. Мерзко!

23 марта [1919], день.

Все так же плохо здоровье. И все так же плохи люди и их дела. Глупость царит самодержавно во всей Европе. Голоса умных — как крики заблудившихся в лесу. И все то же Тюрисево — снаружи сытое и спокойное, внутри — томящееся бездельем и отравленное собственными соками. В винт играем часов по пяти подряд, до головокружения. Все мечтают о загранице, «где уже цветут розы», невритный А[натолий] Шайкевич белеет, как мел, и скулит об Италии, Троцкие[-Сенютовичи] уехали в Париж, меня также все убеждают ехать, но миллиона денег не дают. Закладываю дачу. «Прекрасный отец»¹ ерундит бездонно и трагически. Прошел слух, что его хотят арестовать и выслать, как «большевика», отсюда ряд новых трагических комбинаций и невыносимых разговоров с бромом.

8 апреля [1919], день.

И тело и душа совсем плохи, не хочу о них говорить.

Весна запоздала. Весь последний месяц сплошь солнечные дни, сильный мороз и изредка метель. Нынче солнце греет градусов на 20, а дороги сухи, и лужицы в тени замерзают. Идешь к солнцу — лето, хоть куртку снимай, повернул назад — зима, твердая дорога, глубокий, даже не осевший снег крахмальной белизны и никаких признаков весны. Теплая квартира дает спокойнее терпеть эту чепуху, да и душа — не ждет весны. Промерзла душа насквозь и, пожалуй, не оттаять ей, не узнать тепла до самой смерти.

Вчера вечером возвращался от Шереметьевых. Только что зашло солнце, и закатное небо горело красным. Молодой месяц, серпок весенний. Ровный снег на заливе лежал, как огромный розовато-желтый лист бумаги, резко отчерчиваясь от синего неба голубой полосой того берега, темно голубой. В овраге, на дне, слабо шумел ручеек, подмерзший снег хрустел под ногами, по склонам часто бурели голые деревья — и было до смешного похоже на все весны, прошлые и будущие. Глаз радовался, а душа

молчала: чего ей ждать? Хороша пустыня, но отвратителен пустырь, и никогда еще не жила душа в таком загаженном, безрадостном и безнадежном пустыре.

Внешне жизнь все та же. Пустота и муки праздности. Винт до тошноты, бесконечное разбалтывание языком все тех же тем: большевики, союзники, вмешательство, Комитет¹. Внеобычным и интересным прозвучал разговор с Карташевым — приезжал ко мне и пробыл день.

Жизнь?

Того же, вечером.

Опыт — ничему не учит. Вот историйка, которая повторяется с точностью. Я пишу какую-нибудь вещь, которая мне и Анне кажется удачной. Чтение. Все говорят: замечательная вещь, гвоздь сезона, событие и прочее. Я вначале сомневаюсь, но постепенно меня убеждают, что я ничего не понимаю и вещь поистине — замечательная. Что ж поделаешь — верю! К моменту напечатания или премьеры чувствую себя автором «замечательной» вещи и жду — низких поклонов. И — либо просто провал, либо чашоточный успех. Я и Анна удивлены, хвалители удивлены, но вскоре сдают позиции, и все входит в норму обычной литературной мокрети. Венки, лавры, низкие поклоны — тю-тю! Так было с «Екатериной Ивановной», «[Профессором] Сторицыным», «Тотом» — начиная еще с «Сашки Жегулева». Повторность явления заставила меня дать ему и имя: весенние обещания — но ничему не научила.

Теперь то же произошло с S.O.S. Крайние хвалы и восторги снова заставили меня чего-то ждать — большого и настоящего. Вышла обычная мокреть. В Париже напечатал только Бурцев в своей газете, да перепечатал кусочки Эрве; «Таймс» дал только краткое извлечение, отметив «резкий тон». В том же «Таймсе» какая-то Мисс, «хорошо знающая русскую жизнь», обозвала меня реакционером в противоположность Горькому, кто-то другой кисло вступился за меня — вот кажется и все². Ни шума, ни движения, как псу под хвост. И, как эпитафию, печатает «Русская Жизнь» объявление: «Спасите наши души» на лучшей бумаге продается за полторы марки³.

Да и деньги я не получаю. Рерих, через которого шло предложение о 10 000 марок, теперь пишет, что произошло какое-то «чудовищное недоразумение»⁴. Хорошо, если не мне платить! А большевиков вызвал на бой и, в случае ихнего торжества, как грозят некоторые, мне будет плохо. Конечно, плохо, что говорить! До S.O.S. моя питерская квартира находилась под «осо-

бой охраной» (непрощенная любезность Луначарского), а теперь⁵? И Горький получил за свои книги от большевиков 3 миллиона, а я — заложил дачу и 3-го апреля подписал первый вексель.

В то же время во многих французских и английских статьях и рассуждениях я вижу словно отражение моей статьи, неумолимое сходство не в мыслях, к которым можно было прийти и мимо меня, а в глубине тона, в некоторых оттенках настроения. Будто читал S.O.S., передумал в своей французской голове и дал *свое* — незаметно для себя воспроизведя черты моего лица. Если это так, то и это хорошо.

Денисевичи добыли визы и уехали, но застряли в Гельсинках, заболела Вера Петровна⁶. Как я ни уклонялся, но был-таки решительный и резкий разговор, где я назвал его, Илью Николаевича, своим прямым «врагом» и нечестным человеком. Потом резкость была в дальнейших отношениях внешне смягчена, существо — осталось.

Умерла от сыпного тифа хорошая тетя Саша⁷. Последнее известие: заболел тифом Филипп Добров.

9 апреля [1919], вечер.

Только сегодня, 9-го, поворот к весне. Вчера ночью был только маленький мороз, нынче бессолнечный и теплый день, все тает и мокнет; и сейчас, к ночи — четыре градуса тепла. А у меня болит голова и вместо работы — сажусь в винт. Да что работа!

Неоконченный и еще в октябре брошенный «Дневник Сатаны» я давал прочесть Блоху и А[натолию] Шайкевичу. Оба *очень* расхвалили вещь и удивлялись моему отрицательному отношению. С месяц назад, я ночью и в одиночестве (Анна уезжала в Выборг) сосредоточенно прочел весь «Дневник», немного позабытый, и открыл в нем достоинства и интерес, которых не замечал раньше. Под этим зарядом сел продолжать, вернее, кончать, и будто пошло хорошо, а вот теперь — снова что-то отталкивает от вещи. Не могу...

14 (1) Апреля [1919], день.

Деловито тает. Только вчера был солнечный и красивый день, а то сумрачно, тепло без излишества и прозаически мокро. Море — ряд луж на снегу, теряющийся в тумане. Однако рыбаки еще похаживают, да и беженцы ползут. Теперь по ним будто стреляет без рассуждения береговая охрана. Может и врут, но охрана усиленная, везде торчат солдаты и спрашивают паспорта за полверсты от дома. Отношение к русским по-прежнему дикое, глупое и

гнусное, вызывающее отвращение к этому маленькому народу, оказавшемуся совсем недостойным свободы. Но об этом будет говорить история. Отношение ко мне лично — когда известно, что это я, — достаточно вежливое.

Сейчас гулял с детьми, у нас отвратительная гувернантка, и мне приходится быть пастухом. Чистое наказание. Для них все игра, для меня все — забота. Они играют со всем: с каждой лужей, бугорком, забором, поворотом, проезжими саями, а я только ору, надсаживая горло. Мокро, они и так почти все время с промоченными ногами, а тут еще страх испанки. И ходить трудно: то проваливаешься до самого носа, то внезапно начинаешь кананировать.

В Гельсингфорсе испанка свирепствует. Заболели оба Денисевича, уже имея визы и даже билеты в кармане. Первые известия были очень тревожны, Илья Н[иколаевич] был без сознания и почти без пульса, ожидали смерти. Теперь ему лучше, но плоха В[ера] П[етровна]. Мы послали туда Фальковского.

Пишу «Ночной разговор», очень трудно (Сатану пока бросил). Эту вещь я начал еще в [19]14 году, и начало было очень хорошо, но так как выходило явно нецензурно (разговор Вильгельма с русским революционером, пленным), то остыл и отложил до времени. Так рассказ и лежал, пока не произошла революция, и то, что должно было явиться истинным пророчеством, становится простым изложением совершившихся фактов¹. Обидно и глупо: как докажешь, что я еще в [19]14 году хотел писать о европейской революции? Приходится отходить от этого плана и заглядывать вперед больше, чем это намечено.

19 апреля [1919], Страстная суббота, день.

Состояние не лучше, чем у Христа в эти дни. Но он-то воскрес!.. Темно, как в гробу. Последние ночи и дни припадки удушья, от которых тоска и слабость и полное отвращение к жизни, превратившейся в гнусный процесс. Или само удушье от тоски. Скорее так. «Ночной разговор» измучил бесплодно: два шага вперед, шаг назад. Явное безумие мира так велико, что не могу найти для него равновеликих слов. И было время, когда я настолько верил в честность и высоту союзников, что готов был покорно подставить свою русскую щеку под любую французскую или английскую оплеуху!... идиот!

Эти «четыре»²! Ни высокой честности, ни таланта, ни вдохновения, ни смилого и широкого ума. Истинные мещане, по приставным лестницам вскарабкавшиеся на Синай.

Временами они, эти «четыре», кажутся дураками, что ошибочно. Они не дураки, такое же впечатление произвел [бы] всякий, достаточно сам по себе умный человек, взявшийся или принужденный без таланта писать «Войну и мир». У них нет ни творчества, ни окрыляющей идеи. За это их долго бил Вильгельм, у которого была своя, немецкая идея; теперь его дело продолжают социалисты и буквально серут им на рожи. Ибо и у социалистов есть идея, а они все в той же благородной бедности. И как скверно они вели войну, всюду и всегда запаздывая, и тихонько, за кулисами, ссорясь из-за горшков, так скверно делают они и мир. Под самым их носом, как шишка у алжирского бая³, вырос большевизм, цветет и воняет, а они все разбирают, какие это духи? Синай — и какой-то Орландо? Что это за фигура с петушиными крыльями? И дальше: французский француз Клемансо, ничего не видящий дальше Эльзаса⁴, английский англичанин Л[лойд] Джордж и «кухарка за повара» — Вильсон. В последнем все черты государственного парвеню, самоучки из народа и жиденького книжного фантазера и педанта. Конечно, Клемансо трясется за свою милую Францию, которую друзья явно ставят под обух, но что он может сделать, не выходя за пределы своего маленького тесного мешанского горизонта? Загорается самый дом, в котором они живут, а они ищут убытки за сгоревший прошлогодний сарай.

И опять впереди идет Германия. Ее отчаянно смелый план — стать большевистской, чтобы уничтожить результаты победы Согласия — всю Европу бросить в огонь в надежде первой выбраться из пожара — план, казавшийся выдумкой беллетриста, постепенно начинает принимать черты самой подлинной действительности. Что ж, в этом опять-таки есть сила и творчество. А у нас четыре балды!

Вдруг что-то сделалось с глазами: пошли темные пятна, плохо вижу шрифт. Приходится бросить.

Пасха больше похожа на настоящую: весь дом пахнет сдобным куличем. Сравнительно с прошлогодней — роскошь и богатство.

20 апреля [1919], Пасха, ночью.

Пасха по внешнему виду хороша. И еды достаточно, и детишки сыты и довольны, и погода вполне приличная. В виду сравнительного изобилия яств была предпраздничная суета и возня в

кухне, что так нравится маленьким. Вчера к ночи сыпал небольшой снежок, но нынче с утра светило солнце, снегу остается немного, и только мертво матовый залив, да холодный ветер лишают погоду весенней благодати. Утром всей семьей были у Шайкевичей на званом завтраке, вечером — скучно играли в винт у Вальтеров. Ко мне чрезвычайно хорошо относятся все Шайкевичи, и особенно сам старик: его отношение трогательно хорошо. Часто он волновал меня своею нежностью. Вот, к примеру, нынешняя встреча. Мы шли с матерью по Корнишу, Ефимушка навстречу и говорит: а нынешнее лето будет очень хорошая погода. — Почему? — Да я загадал, кого первого встречу: хорошего, плохого или среднего человека, такая и будет погода; и вот встретил вас.

Но внутренне!.. Вчера, после разговен, когда играли в домашний винт с Фальковской, у меняхватило сердце, раз и другой. Потом, как бывает после сердечных припадков, мрак и томление и бессонница. Нынче такой же мрачно больной день, бессонница днем и такое настроение, что хочется кричать и лезть на стену. Плохо! Причина — большевик и безумие мира. Такая тоска идет оттуда, такая безнадежность!

Если бы не столько лжи и подлости у большевиков, всю душу отдался [бы] им!

24 апреля 1919 г., ночь.

Вчера годовщина райволовского боя. Финны праздновали и стреляли из пушек, отчего вздрагивал дом и звенели стекла; и вдруг являлось сомнение: а если это не нарочно?.. День был холодный и серый, не похожий на тот. Помню, как было тепло тогда и солнечно, и как с Саввкой мы сажали деревья, а пулемет шил и тачал и непрерывно, как с горы, катились пушечные выстрелы, нагоняя один другой.

Прошел год — и минутами можно подумать, что ничего не изменилось. Те же Ленин и Троцкий — только с невероятными осложнениями. И так же витает над головою опасность. Сегодня газеты сообщают об огромном «красном» заговоре, охватившем всю страну и белую армию; заговор раскрыт, «опасность миновала»¹ — но насколько миновала? Ждут первого мая. А лед на заливе тает, и Кронштадт смотрит загадочно. Всюду вахты, патрули; по териокской дороге версты нельзя пройти, чтобы не спросили паспорта.

Несомненно, что мы накануне войны и битв — но какой они будут иметь характер?

Одесса эвакуирована французами², беженцы и паника и обычная зверская большевистская резня. Гнусно и страшно за мир, так планомерно и неудержимо сходящий с ума.

Есть хорошие вести о S.O.S., о его распространении за границей, даже в Голландии³. Телеграмма Руманова из Лондона, что статья отпечатана в огромном количестве⁴, читается на митингах знаменитыми актерами⁵, успех. Несомненный поворот в общественном мнении Англии о необходимости борьбы с большевиками, успешное добровольческое движение некоторыми приурочивается к моей статье. Это хорошо — и возможно. На честных людей она не может не действовать. Что бы я мог сделать, если бы я был здоров!

27 апреля [1919], день.

Тепло, дождь, посиневшее море скрылось в тумане, снег почти весь сошел. А я болен, болен, болен. И в мире все то же, то же.

Испытываю неприятное чувство при мысли, что теперь большевики, захватив меня, могут меня расстрелять. Мое провансальское воображение рисует соответствующие картинки. Повторяю, смерти я не боюсь (что у меня за жизнь! и я уже свыкся с мыслью о скором конце), но меня страшит самый процесс. Я волнуюсь и делаюсь почти болен, когда мне приходится ехать в Териоки — просто в Териоки;¹

28 апреля [1919], день.

Нет времени писать в дневнике.

Сегодня первый истинно апрельский день. Сейчас нахмурилось и похолодело, но с утра было солнечно и чудесно. Видел первую бабочку, первых уток на заливе. Местами открылось море. Когда я спустился с горы на пляж, зрелище открылось чудесное и необыкновенное. За узкой полоской прибрежного льда, в легких жемчужных туманах стояло зеркало и отражало такие же легкие жемчужные облака. Туманы непрестанно двигались и трудно было понять, где границы льда, воды и неба. Нагретый пляж дымился. Было безветренно и тихо, и мир казался праздничным и святым.

Я думал: что должны чувствовать рыбы, когда с воды снимается эта тяжелая непроницаемая завеса? Ведь в течение месяцев ни единого луча света не проникает в воду. И на мгновение по-светлело и у меня на душе, хотя я не рыба.

13 мая [1919], днем
в доме на Черной Речке.

Как признал доктор, сердце у меня «ослабело». Не знаю, может быть, я еще и буду жить, но самочувствие у меня человека, который уже до пояса в могиле и оттуда взирает на мир и жизнь других людей. Молчание.

29-го (16-го) [апреля] были мои именины; день был тусклый и прохладный. Вечером были Шайкевичи и Вальтеры во всех поколениях, цветы и праздничный вид. Отношение ко мне хорошее. Анна читала неоконченный «Ночной разговор», потом вдвоём с ней читали «Каюшегося».

3-го [мая] открылось море, весь лед теплым юго-восточным ветром угнало на запад. Любопытен был его вид в первый день: оно как будто еще не освоилось с новым положением и волночки шли неловко и бестолково; самая окраска воды была нерешительная и не во всю силу — как у кожи, когда только что сошел струп. Но уже на следующий день оно синело крепко и привычно. С 5-го до 10-го [мая] стояли исключительно хорошие, почти жаркие дни и Божий мир (но не человеческий) был прекрасен.

Дневные часы проводил у моря, на песке, лежал под горячим солнцем, слушал море, ветер; было несколько минут радости и душевного покоя, когда с силою и яркостью воскресло детство и молодость с их переживаниями мира. Когда открывал глаза, то видно было только по-южному синее море и золотистый горб песчаной дюны — точно где-нибудь на африканском побережье; и сейчас глаза хранят этот образ, словно взятый из чужой жизни.

У самого моря мною снята хорошая дача, но переедем туда только в половине июня, если война не помешает. Я переехал бы теперь же, но необходимо месяц пожить в доме, чтобы привести хоть в какой-нибудь порядок и заняться хозяйством. 10-го [мая], когда уже начала портиться погода, приехали сюда. Мрачно: разрушение и гниль, одно поломано, другое украдено. Какие-то хулиганы спустили сверху огромный камень и разрушили дамбу, которая стояла мне столько трудов и денег. Нет ни колушка, ни доски, не из чего сделать зубочистку, так все подобрано. Там забор растаскан, там повалилась крыша, с деньгами все бы это пустяки, а без денег одно мучение. Сорвали замок с машинного отделения и украли дорогой ремень, разгромили купалку¹.

Погода скверная. Сейчас ветер и холод, утром сыпала и стучала в стекла снежная крупа. Хожу по холодному, почти без мебели, опустелому кабинету, гляжу в окна, в которые смотрел десять лет, теряюсь в обилии и пустынности больших комнат, ког-

да-то полных людей и жизни, — и думаю. А вечером мрак, дрянно горит и воняет ацетиленовая лампа, безмолвие внутри, ветер снаружи — будто и не бывало этого Тюрисева с его многолюдством, шумом внутри и безмолвием снаружи, электричеством, Ефимушкой² и винтом.

15 мая [1919], ночь.

Норд, в доме общее лясканье зубами, земля без красок, холодное небо сплошь закрыто серыми ничтожными облаками, наводящими беспредельную скуку. Буква в букву повторяется прошлогодняя весна, разница лишь в том, что тогда еще было здоровье и даже сны о Милочке, а сейчас — ничего нет. Пробую работать по саду, да что — дела много, а силы нет. И к зеркалу подходить противно: прет седина, под глазами мешки, первое впечатление — не выспался человек, а это просто старость.

А там — безумие мира, и кажется оно таким же вечным и безнадёжным, как и нынешнее небо. Опыт говорит, что пройдет оно, и будут дни мира, смеха, искусства, любви и жизни, но сердце не верит и правильно делает: что ему до этих грядущих дней, когда его дни сочтены?

Как-то недавно, начитавшись на ночь бурцевского «Общего дела», всю ночь захлебывался кровью. А днем, гуляя по саду — был солнечный день, — не видел ни солнца, ни дня, а из-за каждого будто дерева или кустика выглядывала человеко-звериная рожа, и все казалось страшным и гибнущим. Над оврагом упражнялись в стрельбе подрастающие человеко-звери, и пуканье ружей было пусто и страшно в своей пустоте.

Божий мир прекрасен и в Финляндии. Но человеческий финский мир вызывает чувство, похожее на ненависть, на горькую отраву. Ненавистны их дома, их заборы, их серые лица с звериной линией затылка. Нет у этого народа ни благородства, ни великодушия, ни чувства чести, ведут себя, как лакеи. И ума нет. Только великое безумие мира могло выдвинуть на один из первых планов этот будничнейший народец, лишенный фантазии и творчества. Войдут воды жизни в свои берега, проспится и встанет к работе отрезвевший мир, — и в какую глубокую подмышечную тень уйдет эта «великодержавная» Финляндия, как бесследно она затеряется под ногами у великих!

22 мая [1919], ночь.

Дня три, как стала хорошая погода, а то все холод и серое небо. Но воздух все время чудесный, и работа в саду снова дает ощущение совсем особой радости, которой не знал я в чужом Тю-

рисеве. Ставлю забор, т.е. немножко копаю и помахиваю топором, главную и тяжелую работу предоставляю Вадиму, и запахи вскопанной земли, травы и поля волнуют, как любовь. В минуты, когда выпрямляешься над начатой ямой, вытираешь пот со лба, дышишь глубоко и одним быстрым взглядом охватываешь все весеннее небо и зелень, отдыхая, — глотаешь природы и весны больше, нежели в целую дачную прогулку. И тут всякая погода кажется хорошею.

Мне хочется создать себе какой-то особенный весенний сон. Забыть, что я болен; не считаться с действительностью и людьми, поскольку они вне весны; грезить бывшим — и никогда не бывшим; чувствовать широкую, как море, беспредметную любовь ко всем, кого я любил и мог любить, кто прошел мимо меня, о ком я только догадываюсь.

Уезжают за границу Шайкевичи. Вчера с Анной ездил к ним провести последний вечер. Я их люблю, особенно Ефимушку, и они любят меня, но все же эти часы пребывания среди живых людей немного рассеяли мой сон.

По тому берегу движутся к Гатчине русские¹. На финском заливе идут бои, и выстрелы гулко докатываются до нас. С башни вижу то большевистский крейсер, то где-то далеко и высоко в небе точку змейкового азростата, но и это мне хочется принимать, как сон. Пусть в одном будут плане и гул выстрела, и кукушка, и бунчанье тетеревов в лесу, и милое посвистыванье скворцов. Вчера долго смотрел, как черненький скворчик лазил в свой домик на верхушке большой березы, и подумал о людях: жестоки, убивают друг друга, стреляют, а для бесправной пичуги построили домик.

Сию в кабинете, на обычном месте за машиной, и опять вижу в окна прекрасное небо белой ночи. И где-то, за пределами моего сознания, проходит во мне какой-то чудесный сон: о любви, о молодости и ее широком дыхании, о запахах весны и молодом березовом листе. Нарочно я не пишу сейчас, а лежу под березой, гляжу в небо сквозь ее листву, жую травинку и жду возлюбленную мою.

23 мая [1919], ночь.

Непрочная вещь — сон. Так же светит солнце и пахнет трава, но с сердцем худо — и рассеялся сон, душой и мыслями овладела тяжелая действительность. И не могу разобраться, что от чего: мысли от плохого сердца, или само сердце только следует за дурными мыслями, но весь день хожу печальный (чувствую, как печально мое лицо) и один вслух бормочу какие-то печальные слова.

Угнетает меня, когда я не сплю, кроме мысли о здоровье, мысль о деньгах. Как плохо я устроился в этой жизни! Зарабатывал много, на себя тратил мало — ни вина, ни женщин, ни карт — а нет ничего, кроме этой нелепой дачи, которая на половину уже сгнила, на другую заложена в товариществе Гуревича. Плачу 10 процентов и каждый месяц должен просить о продлении «ссуды», быть в зависимости от доброго хама.

И как все это мерзко: Горький имеет от большевиков миллионы, а я, единственный не продавшийся, единственный, кто по силе может [быть] противопоставлен ему и может так много сделать для возрождения России, — вот-вот начну продавать вещи и книги, ночи не сплю от беспокойства, унижаюсь займами у Денисевича.

Не стоит говорить. Так ясно. И этот Денисевич, один из глупых и невольных погубителей России: блаженствует за границей, напивается с своей Верочкой коньяком и пишет самодовольные письма. За какие грехи так мучаюсь я?

13 июня [1919], утро.

Обзор.

Весна великолепная, несравнимая с ужасным прошлым годом. После тех первоначальных холодов стоят красные, почти летние дни, жаркие, пахучие, полные светлых настроений. Похоже было на весну в Орловской губернии. Все густо зеленеет; уже отцвела черемуха, кончается ландыш, в расцвете сирень. Ландышей были целые поля. С начала июня стали перепадать хорошие и необходимые дожди. Последние дни несколько похолодало, дождит, но солнце не уходит, и опять-таки похоже на хорошее лето. Я шучу, что нам по ошибке завернули не ту погоду, а нашу погоду отдали негру, который в отчаянии. — Вот только что ушел из сада от крупного дождя, а уже все залито солнцем, ветер стих и на голубом небе чудесные облачка.

Сердце и нервы стали несколько лучше, а с лица, как говорят, я очень поздоровел. Делает это работа в саду (ставлю заборы) и запахи земли. Твержу про себя: что бы то ни было — хорошо жить летом. Начал понемногу ездить на велосипеде и на днях, славным вечерком, катя к Кролям по лесной дороге, вдруг вспомнил и почувствовал молодость, такие же теплые вечера, и быстрое скольжение на машине по ровной тропочке, и этот божественный запах леса и земли. Дни проходят незаметно, и писать в дневнике лень.

Довольно много вижу людей, то у себя (Гуревич, Блох и прочие), то сам шатаюсь в Тюрисево, к молодым Шайкевичам¹, кото-

рые скоро уезжают за границу. Вальтеры уже уехали; надоели они ужасно, и отъезд их приятен. А Шайкевичей жалко, будет пустота. Дачу Вальтеров сняли Давыдовы (!), и Фальковские поселились в Тюрисеве, скоро возвращаются из Франции Троцкие[-Сенютовичи]. Завтра мы должны были с Анной ехать недели на две в Тервус, имение Гуревича в ладожских шхерах; остались дома ввиду «военного положения» и возможных событий².

Ибо все это происходит на фоне войны и постоянной канонады. Она звучит день и ночь. То вдруг вздрогнет весь дом от какого[-то] взрыва, то часто и гулко («ураганным огнем») забухают пушки, то в таинственной близости застрекочет пулемет; так с удивлением слушали мы пулемет на Сестре-реке. Последние два дня слышны только редкие одиночные выстрелы из орудий, и это «молчание» кажется непонятным и слегка тревожным. С башни видны пожары на том берегу и кусочки морских боев; проползают большевистские суда, уходят за Ино и вдруг оттуда свирепая канонада: значит, встретились с английской эскадрой. Как-то виден был обстрел Ижор, столбы воды от снарядов, дымы.

Сейчас положение обострилось, и мы накануне настоящей войны с Петроградом. Военное положение, сокращены пассажирские поезда и прочее. И почему-то — тихо и не видать большевистских судов. Что-то происходит.

А безумие мира растет. Бешеная борьба всех...

16 июня [1919], вечер.

Я был обманут тишиною. Сильный ветер относил звуки, и как раз в этот день 13-го [июня], когда я писал о мнимой тишине, все берега залива дымилась от выстрелов и пожаров. Вечером мы пошли в Тюрисево к Шайкевичам и до поздней ночи смотрели с корниша, в толпе любопытных, на очень странную для непривычного глаза, красивую и внушительную картину: стрельбу с кронштадтских батарей, с дредноута (кажется, «Петропавловск») и с Красной Горки. Было два пожара: один, видимо, около Ораниенбаума, другой, более сильный, на Красной Горке. Вспышки багрово-красного яркого огня от выстрелов, столбы желтоватого дыма, иногда принимавшие грандиозные размеры, как от взрыва или извержения, белый стелющийся дым от пожарищ. Часу в десятом вся Красная Горка была охвачена огнем, пожар занимал место версты полторы и [на] огромном расстоянии, которое отделяет нас от горки — верст тридцать, — походил на чудовищный раскаленный горн. Будь темная ночь, зарево захватило бы полнеба; такого пожара я еще не видал. Любопытно, что все это

происходило почти в полной тишине. (А третьего дня ночью такая же стрельба встряхивала весь наш дом, стекла звенели).

К сожалению, смысл происходящего был неясен; я точно присутствовал при игре, которой не знаю, и не могу оценить удачливости хода; сообщения, которые печатает штаб, глупы невообразимо и ничего не объясняют. И Кронштадт, и дредноуты, и К[расная] Горка — все, кажется, большевистские — кто же в кого стрелял? Мое впечатление было, что борьба идет за К[расную] Горку и что большевики стреляют перекидным через [Красную] Горку в наступающих белых. Но зачем выстрелы в море с К[расной] Горки?

14-го [июня] днем повторилась приблизительно и в меньших размерах та же картина, и так же все непонятно. Между прочим: 13-го [июня] над Красной Горкой висел змейковый азростат; потом, когда начался сильный пожар, он куда-то пропал; и с тех пор его больше не видать. Сегодня рассказывают (и газета сообщает), что Красная Горка в руках белых, — а на море, на расстоянии выстрела с [Красной] Горки спокойно стоят четыре большевистских судна. Что сие?

Вообще, толком ничего не узнаешь ниоткуда. С одной стороны, большевики собирают сильную армию у границы, с другой — легкомысленная и самоуверенная болтовня о слабости большевиков, о том, что через неделю будем в Петрограде; сегодня Давыдов сообщил даже, что уже взят Кронштадт (а суда стоят!). Если верить газетам и разговорам, то большевики только и делают, что сдаются и перебегают — а Колчак на днях понес поражение, и англичане привязаны к Мурману, как собака к конуре. Меня очень беспокоит этот общий легкомысленно самоуверенный тон, и я боюсь самых неожиданных и страшных событий: что-нибудь вроде участи Румынии, когда союзники втянули ее в войну и потом бросили на произвол немцев.

Самое страшное и самое гнусное — это наши союзники, «совет четырех»¹. Ни честности, ни смелости, ни правды. Они уже отдали на сожрание чехов, которых сейчас бьют и гонят советские венгры², то же они могут сделать и с Финляндией. Ведь и сейчас в заливе английский флот, который только время от времени «отгоняет» от себя большевиков; и кто поручится, что в самый тяжелый момент матросы не откажутся стрелять в большевиков, как это сделал французский флот в Одессе, отдав город и людей на растерзание, а правительство не заявит потом, что суда ушли по его приказу, как заявил Клемансо? И снова «Гуманите» будет требовать безнаказанности для подлицов, и снова, и снова³...

Дай Бог, чтобы я ошибался, но еще никогда мой дом не казался мне таким непрочным; да и вся наша сейчас такая спокойная жизнь.

Нынче за весь день было только несколько выстрелов.

Я не сказал, что 9-го [июня] телеграмма от Андрюши из Омска (!), что он здоров. Чудо. Я не смел о нем думать; известия о нем прекратились уже с осени. Или и других ждать чудес?

17 июня [1919], вечер.

Сегодня были Шереметьевы и передают, как достовернейшее, следующую фантастику:

Красная Горка в руках белых.

Часть большевистского флота выкинула андреевский флаг и стоит под Красной Горкой.

Кронштадт либо уже капитулировал, либо ведет переговоры о сдаче.

Профессор Кузьмин-Караваев пишет из Ревеля, что дела Северного корпуса блестящи и падение Петербурга вопрос ближайших дней.

Противоречит сему: под самыми батареями Кронштадта спокойно стоят три судна, дредноут и два истребителя, с красными флагами. Или эти флаги пока, на время переговоров? Я сам начинаю поддаваться фантастике.

Подтверждает сие: со вчерашнего полудня на море и берегах полная тишина и мир. Сегодня с башни кроме безмолвных и неподвижных судов виден был дым довольно сильного пожара между Ораниенбаумом и Ижорами, но действий — никаких.

И еще сведение: у Левашова идет бой между финнами и красными; красные отступают — будто бы — в панике. Почему и нет? (Между прочим: я опасаясь встречи между финнами и Северным корпусом в СПб.: не получилось бы нового фронта; думаю, что финны не войдут в СПб., или им не позволят добрые люди).

Так вот.

А Запад дымит все сильнее. И растет моя ненависть и презрение к социалистам, обманувшим мир и честных людей. Их единое требование, подкрепляемое забастовками и угрозами: не помогать Колчаку и не трогать большевиков, полно смешанного запаха подлости, подкупа и глупости¹. Еще недавно они всем миром почитались борцами за правду, справедливость и все лучшее. От кого ждали свободы печати? От них. Всех свобод? От них. От-

мены проклятой смертной казни? От них. Обманули. Их классовая политика, как и всякая политика, полная лжи и преступлений, в лучшем случае делает их борцами за свой класс: чем они лучше дворянства и буржуазии, которая также боролась *за себя*? Но и буржуазия никогда не была ни столь хищной, ни столь подло свирепой и тупо жестокой. И ни один класс доселе не обнаруживал такого беспредельного эгоизма; только глупцы с суточным кругозором, как завод у дрянных часов, могут создать такой образ непостижимо тупого эгоизма.

Приписка от 24-го [июня]. В момент истечения ультимативного срока, поставленного Конференцией на принятие мирных условий, когда вся Германия в величайшем напряжении, берлинские газетчики объявляют забастовку, и город остается без газет. Так и у нас они бастовали в дни важнейших событий, когда решалась участь всего народа². А наборщики!

24 июня [1919], утро.

Сегодня я совсем болен: желудок, который все время плох, головная боль и сердце.

Лето чудеснейшее. До вчерашнего дня жара и великолепии. Вчера гроза, после которой похолодало, но не сильно, и дождь, в котором нужда. Сейчас при 12 [градусах] тепла сильнейший ливень, еще не бывалый в этом году: с крыши свергаются потоки воды, в комнатах сумерки. Завтра мы собирались переезжать на приморскую дачу Лобека в Тюрисево, но, вероятно, задержит мое нездоровье и погода.

Цветет луг. Мои посадки только теперь начинают осуществляться и дают то, чего я хотел и ждал столько лет: характер русского красивого и спокойно-милого ландшафта. На днях был граф Шереметьев, и его российская душа взволновалась до умиления. Между прочим: всех, впервые посещающих, очаровывает дом красотой и строгостью. И моя душа делится между морем, к которому стремлюсь, и этим цветущим лугом, от которого трудно уйти: он навевает столько грез о молодости и России.

Война в заливе продолжается. Точных сведений по-прежнему нет. То тишина, то грохот канонады. Сдача Кронштадта конечно, оказалась вздором, и борьба продолжается. 19-го [июня], ночью, была такая пальба, что тюрисевцы выскочили с детьми, думая, что уже пора бежать. Мы спали и ничего не слышали.

Мое воображение затупилось, как трактирный нож. Вижу только то, что вижу. Когда горела Красная Горка, я видел только

огонь и не мог вообразить людей. Не мог, потому что — не хотел и не хочу. Ибо в отношении детства, молодости и той прежней России мое воображение остро и сильно, как фокусник и чародей. Очень часто я *не слышу* громчайших выстрелов, от которых вздрагивают другие, слух не хочет принимать. Но все подполье души, ее подвалы, подземелья и темные углы полны трупов, крови, слез, образов людей глупых и подлых, мира грязного и ничтожного. Голос человека минутами вызывает у меня ужас и всегда — тяжелую тревогу, которую с трудом подавляешь. Все кажется, что это кричат, говорят, идут, сидят и поют — убийцы. Картины цветущего луга, которые я *накладываю* сверху, вдруг прорываются, тают, становятся кисейно прозрачными, и в прорывах их¹ — морды убийц и идиотов — лицо мертвеца под цветистой кисеею.

Та маленькая, повседневная глупость, на которую я постоянно наталкиваюсь дома, сразу доводит меня до исступления, одышки, бессмысленного крика через силу. Для них — пустяк, для меня — символ, одно из миллиарда колец, которыми Змея глупости душист землю.

5 июля [1919], дача Лобек.

26-го июня переехали на приморскую дачу Лобек, новый этап на несуразном пути последних лет. Но этап приятный. Дом просторный и светлый, стоит у самого пляжа и во все окна глядит море. Его видишь с постели, когда продираешь глаза, оно в столовой, на террасе; и сейчас, стуча и останавливаясь, я упираюсь глазами в море...

6 июля [1919], днем.

Морем и его переменами определяется наша жизнь, оно главное действующее лицо. Погода росная, но теплая, порою жаркая; был сильный шторм, от ветра вздрагивал дом и кровать, на которой сплю, и всю ночь продолжались свист ветра, шум прибоя и ливня лил косой порывистый дождь. Но были 3 дня и полного штиля, солнца и такого горячего песку, что его не выдерживала босая нога. В эти дни особенно хорошо бывало пробуждение, когда выглянешь в окно на голубую гладь без горизонта и почувствуешь запах ночного морского тумана и свежести. Весь дом полуголый или совсем голый; я голышом плаваю вдоль побережья на тузике¹ (в море выходить запрещено) и минутами ощущаю блаженство почти шхерное.купаюсь, чего не было уже два или три года. За все прошлое лето не было ни одного такого дня, да-

же часа, каких теперь много. Сердце мучает меньше, но бессонница — от «святого беспокойства»: я всегда плохо сплю, когда в природе так интересно.

В боевых действиях на море какая-то приостановка. Только в первый день переезда была довольно сильная канонада; у моря она особенно гулка и слышна, тревожна, и было чувство коровы на дуэли. Да еще раза три-четыре вдруг прогремят выстрелы, встряхнут дом и так же таинственно смолкнут, как начались. Большевицких и других судов не видать; только вчера вечером прошли с открытого моря в Териоки два очень быстроходных мотора. Чьих? Но «военное» настроение стало еще сильнее: сюда нагнали много финских войск, ими заполнены все пустовавшие дачи. Слышны командные крики ученья, иногда музыка; солдаты купаются по всему побережью (хорошо, что мы в стороне), бродят всюду и — воруют. Как-то днем одновременно послышалась с моря гулкая пальба, а с дороги — пение солдат, проходил целый полк; совсем фронтовая картинка. Разъезды все так же затруднены, и в Выборг попасть трудно. Среди других была реквизирована и наша зимняя андreeвская дача; делалось это довольно грубо и поспешно, пришлось таскать вещи под дождем, пережить несколько неприятных часов. Куда теперь денемся зимою, не знаю.

Вопрос о взятии Петербурга стоит на очереди и мучает своей неопределенностью и колебаниями. Все так же возмущают союзники.

Тяжело с деньгами. А тут еще, по крайней беспорядочности Анны, украли в доме (по-видимому, бонна, дряннейшая немка) тысячу марок; меня это расстроило чуть не до слез.

Нынче тепло, сумрачно и ветер с запада. Купался.

15 июля [1919], вечером.

Все те же чудесные дни. Жара. Изредка гроза, шквал и опять солнце и теплынь. Я почернел, как в шхерах. Купаюсь по два, а то и по три раза в день. Езжу на велосипеде. Но бессонница, но разная телесная дрянь. И злоключения. Третьего дня, в полдень и на полном свету обокрали дом солдаты. Разбили два ценных зеркальных стекла, мою гордость, и украли сапоги, одежду; не знаю, как теперь буду обходиться. Денежное положение близится к катастрофе. Креплюсь, но с трудом.

Дело с СПб. плохо. Обдумываю, как быть [в] наступающую зиму. Заграница или Гельсингфорс? Помимо работы для души, без коей я сдохну, необходимо зарабатывать. Хочу предложить

Карташеву и Милюкову (чтобы помог за границей): добыть крупные деньги для создания комитета пропаганды, во главе какого стану я¹. Если бы удалось!

Наши на том берегу отстают²; изредка ветер приносит гул отдаленной стрельбы. Невесело, покойнички, невесело. На побережье тихо. Но вдруг вздрогнешь от одинокого «бума», и тряхнется дом. Кто? Неизвестно.

28 июля [1919], вечер.

Сегодня у моря такая рябая плоская рожка с маленькими глазами, что досадно смотрит на это задумчивое ничтожество. Это — если смотреть сверху. А снизу великолепие береговой полосы, штиля, облаков и отражений. Завтра еду к Гуревичу в Тервус, и жалко покидать дачу: так тут хорошо... — Сейчас аэроплан, световые сигналы в Кронштадте, короткая стрельба. Что это?

И небо красоты удивительной.

8 сентября [1919], вечер.
Мустамяки.

Короткая и скучная реляция. Все это время в движении. Был три недели в Тервусе у Гуревичей. Прожил 4 дня в Тюрисеве — Гельсингфорс на 10 дней. Вернулся в Тюрисево неделю назад — а сегодня уже *живем* в Мустамяках, на ужаснейшей по своим настроениям даче Фальковского. Здесь будем... неизвестно куда. Я нездоров, простужен. Душевное состояние мучительное.

✦ Выгнали из Тюрисева аэропланы и бомбы. Один налет был как раз накануне нашего приезда, и тогда же решили уехать сюда, как ближайшее место, требующее наименее хлопот. Хотели ехать на другой же день, но ночью я раздумал и отправил только часть семейных: захотелось испытать свою судьбу; тут же я и заболел. И вчера, в три с половиной ночи — налет¹. Не буду рассказывать: так все отвратительно в мире, так невыносима скучно жить, говорить, писать, что не хватает силы и желания написать хоть несколько строк. Для кого? Зачем?

9 сентября [1919], утро.

То, что можно назвать настоящим отвращением к жизни. Все, в чем есть малейший намек на глупость или уродство, вызывает отвращение, чувство порою физической тошноты. Люди, дома, устройство их жизни, их слова, чувства, желания. Такое отвращение я испытал недавно в Гельсингфорсе, глядя на чистенькие улицы, архитектурно немецкие домики, самодовольных, плоских и тупых людей. Сейчас увидел давний номер «Солнца России» — и

сразу утонул в пошлости, как в жидком говне без дна. Море жидкого говна, лот не достает дна, но у многих купальные костюмы, и вообще блаженство на закате. Там, где нет прямой пошлости, — скука и тошнота однообразия, повторности, обмана для всех, дешевой декорации. Таким в эти часы теддеума¹ — я вижу небо, даже море. Отвращения вызывают собственные мысли, чувства, воспоминания, мелочи обихода и характера, весь сам. Весь насквозь маринован тем же жидким говном, некуда заглянуть, вдруг коснешься чего-нибудь, и рот кривит (буквально) от отвращения и гадливости. Не дай Бог в эту пору перечитывать свои старые вещи, рукописи, письма, все окрашивается в тот же говенный цвет.

Сейчас у меня это настроение усилено простудой, насморком, противным запахом в носу — и дачей Фальковского. Он и всегда был невыносим с своей абсолютной пошлостью вкуса, спальней кокотки, тряпками, коврами, гипсовыми имитациями, «уютными уголками», золоченой мишурой, сантиментальным нужником, который он украшал «японскими» материями и где вешал какую-нибудь лирическую картинку для настроения. И всю эту свою городскую дрянь, которая уцелела от кредиторов и пристава, он привез сюда и напихал в дачу, само по себе отвратительную с своими претензиями на дешевую красоту, уголками, где негде повернуться, бельведерчиками. Зеркала, рамки модерн, келькшозы и всюду, как сталактиты, висят пыльные тряпки. Я был груб, я оскорбил его нежную душу и насколько было возможно, выбросил вон, как варвар, всю эту красоту — но духа убраться не мог.

А Но место красивое. Высоко на горе, кругом море лесов, по зеленой глади которых, как по настоящему морю, сейчас бегут тени облаков. Внизу озеро, далеко видны Новая Кирка, Райвола, и в воздухе почти горная свежесть; с некоторых пунктов видать море и Кронштадт, можно будто бы даже наблюдать пожары и морские бои. И нет нашей тюрисевской разнuzданной солдатчины; если душа даст, можно будет работать и приготовиться к Америке².

Здесь когда-то я увидел и так нежно почувствовал Милочку. А на этой же даче жила перед нами Давыдова³, и я сплю в той комнате, где спала она — или предавалась неистовствам плоти с Левитаном. Как-никак, а тоже вырос на мгновение цветок злой, темный, душный, ночной, но все же цветок; сейчас даже лепестков его не могу найти, так разорвали его добрые люди. А Левитан — мой юный и почтительный «друг» из Лоунатиок⁴, одновременно со мной начавший любовную авантюру с Давыдовой. Тогда были у меня минуты печальной ревности, а теперь он приезжает

ко мне для душевной беседы и мы целуемся — думаю, без особой искренности. Высокий, довольно сдержанный, умный и тактичный еврей. Тогда я стоял ему на дороге; не уйди я тогда...

Вечер, ночь.

В конце концов кабинет получился удобный и приятный, похоже на мой; можно бы работать, если бы не Америка. Сколько здесь буду жить? Не знаю. И ненастье пришло вовремя, когда я успел скрыться за стенами; еще в Тервусе, когда задувал северяк, я с тоскою думал о своей «летней» даче в Тюрисеве: куда спрячемся осенью? Весь мир казался неприютным, мокрым и холодным, как галке в ноябре.

Не знаю, писал я или нет, что 20-го июля в Лугано умер Илья Николаевич Денисевич⁵. Было очень жаль его. Была какая-то нота в его душе, которая заставляла его любить — при всей его нелепости, наивной аморальности, почти птичьим малодумьем, при том, что он является началом всех дурных свойств в своих детях, их покровителем, попустителем, развратителем, хотя и невинным. В той трагической *лжи*, какую началась наша жизнь с Анной, он играл очень жалкую и скверную роль ее укрывателя и потатчика. Он был очень добр и своею добротой принес много зла, но все же доброта заставляла его любить... должно быть, и мое чувство из того же источника. Умер он ужасно — заслуженно и ужасно: от разрыва сердца, от волнения и гнева, когда аматер Толи (младшей сестры А[нны]) начал бить ее, Толя закричала, и Илья вбежал в комнату, но уже обратно из комнаты его вынесли мертвым⁶.

Для меня жизнь Ильи и его семьи была предметом постоянных и вечно интересных размышлений: редко где с такою очевидностью проявляла себя *логика* жизни. Наследственность, воспитание, личные черты, среда, все, что составляет интересную задачу Ругон-Маккаров⁷, в этой семье с ее красочностью приобрело резкую выпуклость, давало непрерывный ряд вопросов и ответов, как в нарочитом сборнике житейских задач. И умер Илья именно так, как должен был умереть по всем *условиям* задачи: страшно, бессмысленно, нелепо и счастливо-быстро. Ибо и сама Толя, и ее возлюбленный француз, и вся эта Швейцария, и вся эта желтая чепуха его поездки — все было также правильным решением другой, и третьей, и десятой задачи.

Когда-то я предлагал Толе быть моей «путеводной звездой» (я выражался не так пошло, но смысл был этот) и отдавал в ее руки свою душу. Тогда она была горда, независима, душевно богата; но больше всего было в ней наследственной *чепухи*: до сих пор не понимаю, что тогда случилось. Когда я звал ее, она упорно

и даже грубо отвертывалась; когда я стал уходить — она пришла отдаваться мне. Но я был оскорблен, и любовь была убита, и я не взял ее. И вот теперь — ее бьет ничтожный французишко, сутенер, которого она сама презирает и от которого не в силах оторваться; теперь она выходит за него замуж.

И все в этой семье гибнут и погибнут — так или иначе. Есть губительное и опасное в Анне; я спас ее от полного падения, сейчас она идет по моей линии, но *чепуха* осталась и угрожает. До сих пор ей, как и всем им, сопутствовала фортуна, сотни раз выручившая ее, но когда фортуна отвернется, Анна может сделаться невинным убийцей, нечаянным отравителем. Я уже замечал и мне страшно это, что и наши дети принимают денисевичевские наклонные положения и начинают все быстрее выделять какие-то странные па. Боюсь, что Саввуку уже несет течением; до прошлого года он плавно шел в моем русле — и вдруг завертелся в каком-то боковом, бестолковом, бурливом протоке. Точно исчез центр тяжести — то вверх, то вниз головою, то вдруг неожиданно боком.

У Анны действительно нет ничего в жизни, кроме меня и Саввки: потерять нас для нее действительно равно смерти, но «бережет» она нас так же, как и деньги: теряя, забывая, никогда не зная счета. 29-го декабря 1911 года она стала между мною и Абрамом, стрелявшим в меня, в полном смысле жертвовала жизнью⁸; и она же, то ли от лени, то ли от какого-то особого злого упорства будет неделями изводить меня тысячью небрежностей, подвергать простуде, болезням, бессоннице, доводить до крика, до истерических воплей. Демон извращенности — нечто, весьма близкое ее странной душе; все должное, хотя бы это была необходимейшая забота о любимейшем Саввке, вызывает в ней тупое и упорное сопротивление. Вообще *должное* — враг всех Денисевичей, с которым они борются и прямо, и хитростью, и видимой лживой уступчивостью; особенно это сказалось у матери, Анны Яковлевны, и сестер⁹. Та всю жизнь только и делала, что боролась с долгом: любила не тех, кого должно, работала усердно не там, где должно, даже приносила жертвы — но только чепухе. И сейчас, сидя где-то в Совдепии в качестве полужертвы, она продолжает ткать ту же чепуху.

Простуда не проходит. Я не могу ни работать, ни думать, а время идет.

10 сентября [1919], день.

1 Это было в ночь с 6-го на 7-ое [сентября]¹.

Я проснулся, как обычно, на рассвете. В щель неплотно задернутой занавески шел слабый серый свет. После первых мгновений

бессознательности, когда я чувствовал только постель, недавний сон и слабый сумеречный свет, я понял, что это — рассвет, когда прилетают аэропланы, именно этот самый час, что я проснулся, и что полная тишина дома и снаружи и что и нынче налета, видимо, не будет. Прислушался: тихо, даже прибой не слышно, должно быть, погожее спокойное утро, как все это время. Если бы не простуда, я вышел бы на балкончик, раскрыл окно и поглядел на море, но тут просто закурил и остался лежать, думая о том же, что аэропланов нет и что это последняя ночь, которую мы проводим в ожидании налета. И тут послышалось как будто легкое жужжание — я быстро поднял голову с подушки: нет, тихо, вероятно, обычный шум в ушах от хинина. Опять лег — опять быстро поднял голову: жужжит довольно явственно.

Неужели?

Вышел из спальни в кабинет, откуда балкончик, потом на балкон — все в сером свету, и уже совершенно явственно и несомненно гудит пропеллер, и как будто не один, и где-то близко. А в доме тихо, и рассвет, и комнаты на рассвете. Сразу задохнувшись от волнения (такое теперь у меня сердце), я на цыпочках подошел к Анне, коснулся ее и прошептал:

— Вставай.

— Что?

— Аэропланы.

Она выскочила в кабинет, а я стал поспешно одеваться, с трудом находя рукава, и когда вышел к ней, она стояла странная, испуганная, в одной рубашке и смотрела вверх, где над потолком и крышей, где-то совсем близко, решительно, свободно и шумно работали пропеллеры. Анна шепчет:

— Что это? Неужели?

— Не знаю. Слушай.

Гудят. Еще все было, как всегда, еще оставалась грань, которая отделяет простое, обычное, всегдашнее от чего-то *иного*, чего мы не знаем. И вдруг справа огромный, тупой и короткий удар-разрыв. Через полминуты — второй, такой же огромный, тупой и короткий.

Значит: *это*? Анна суется по комнате, шепчет: Боже мой, Боже мой, что же это, что же делать? И вот этот переход из сферы обычного в сферу *иного* и был самым разительным чувством; такое же чувство я испытал, когда Германия *объявила* войну России и еще раз — когда 26-го февраля [1917] перед моими глазами впервые в жизни раздалась пачечные выстрелы по народу².

Третий разрыв, как будто громче и ближе первых. Я успокаиваю:

— Не бойся, это на горе (хотел сказать: корнише).

Я сбежал в спальню, достал и закурил папиросу. Возвратившись, наткнулся на полуодетого Вадима, за ним шла мать. А гудение продолжается и взрывы, то ближе, то дальше; главное мы слушали гудение, как оно то приближалось — и тогда приостанавливалось дыхание... и дальше, и опять ближе. Послал Анну разбудить Саввку (остальные дети были уже в Мустамяках), тот в одной рубашонке, очень испуган. Уже проснулся и весь дом, где-то по соседству жалко и дробно трещат солдатские ружья.

Но стало спокойнее, кончилось *необычное*, и все уже сводится к ожиданию, к расчетам и случайности. И взрывы все дальше. Мать держалась с изумительным, даже немного смешным спокойствием, успокаивала Анну и Саввку, но еще долго слушали гудение, рассчитывали и ожидали возвращения. Кажется, пролетели наконец назад. Тишина. Наружу я ни разу не вышел, тщательно и упорно оберегаясь простуды.

Потом возбужденный разговор о минувшем. Приказал взгреть чаю и с жадностью выпил. Все легли спать, заснула и Анна. Над морем розовели облачка, стало светло, широко и просторно. А я до утра не мог заснуть: все думал, представлял и грезил *необычным*: как проснулся — как они гудели — и первый удар — и как *свершилось то, что* ожидалось. А

Письма
(1917—1919)

1. С.С.Голоушеву, [27]-29 октября [1917]

29 октября

Вот, Сереженька, дожили!

Вчера, 26-го, прочел утренние газеты о торжестве победителей, взглянул на улицу и серое небо, которое с утра переходит в ночь, подумал, что весь день пройдет у меня в том, что буду звонить и ждать телефонных звонков, а к ночи под окнами опять поднимется стрельба, — и почувствовал, что в городе оставаться не могу. Сразу собрался с Анной и Дидишкой и, пройдя на вокзале нестрогую большевистскую охрану, прибыл в деревню. Какая здесь мертвая тишина и мертвое спокойствие. Телефон с городом закрыт большевиками, известий со вчерашнего никаких и трудно поверить, что рядом город, в котором творится чудовищное.

Не могу ни понять, ни догадаться, что будет дальше. Вообще что это будет.

Сегодня с ребятами гулял берегом моря, был ветер и море сильно шумело и минутами вдали шум походил на канонаду. Левка раз даже остановил: слушай, стреляют! И тут я понял, почему я так мгновенно решил бежать из города: не могу, душа не может больше выносить *выстрелов*. Вдруг схватило острое, почти сумасшедшее чувство: не могу, чтобы хоть один выстрел, не могу.

Я слышал близкую, на той же Дворцовой площади, ночную пулеметную стрельбу в июле! Но тогда было другое, и все-таки пулемет не пушка. Но эти вспышки белого огня и орудийные залпы, это буханье дальних неизвестных пушек и долгая трескотня пулеметов и когда знаешь, что это стреляют в Зимний Дворец, «берут» его, — это невыносимо. Невыносимо, потому что свято-татственно. Я сидел в темной комнате и, закрыв глаза, долго и сосредоточенно слушал стрельбу — ведь совсем близко. Человеческих голосов не слышно, только *это*. Бессмысленно до чудовищности, до нарушения самых основ мысли. Кто и в кого? И этот ненавистный вид из окон: три мертвых дуговых фонаря, мглстая ночь, мокрая мостовая, темные одинокие фигуры. Некоторые винтовочные выстрелы совсем близко, внизу. В кого? Зачем?

Недопустимо, потому что совершенно бессмысленно и свято-татственно. Будто не [в] какой-то Зимний дворец стреляют пушками, а вся глупость и злоба стреляет во все человеческое. Ночью,

в темноте, и сами темнота. Это переворот — но переворот с ног на голову. Все — кверху ногами. Наступает день — и застаёт эту картину: все кверху ногами. И так, говорят, надо жить. Бессмысленное, не воображаемое даже воображением, становится единственно реальным и сущим.

Они — правительство России, власть. Они будут управлять Академией Наук, университетами, издавать законы, они, безграмотные. Ясно, что этого не может быть, но это есть, существует, это факт! И я ничего не могу понять, и этой жизни я не могу вообразить, как если бы мне надо жить под водою. Конечно, это скоро кончится — но когда, но как? Этого в истории еще не бывало. Когда приходили и брали власть варвары, они все же приносили с собой какой-то образ жизни, устройство — а эти? Парижская коммуна не то. Здесь — восстание тьмы против знания, глупости против ума. И победа, и власть.

Нет, не могу.

Давно не писал тебе, милый, ибо не было времени и не было души для письма. Ты знаешь, конечно, что пайщики продают «Русскую Волю»: какая-то нелепая комбинация Савинкова, Путилова, Мережковских, богоискательства и политики². Ужасная и никому не понятная чепуха. Самое мерзкое то, что все это делалось Савинковым и Мережковскими за спиной редакции и правления и в течение трех недель держало всех сотрудников в неизвестности. Да и до сих [пор] еще неизвестно, подписан договор у этих господ или еще нет, хотя в то же время они уже приглашают сотрудников, наметили свою редакцию. Обращались и ко мне, но я, конечно, отказался. По отношению к акционерам я ставлю все это как нарушение договора и готов идти в суд, ежели меня до этого доведут.

Вообще, идиотство ужасное. Продают, идиоты, в то время, когда газета как стала подниматься в общественном мнении и почти уже искупила свой первородный грех — гореловщину³. Не знаю, как у вас в Москве, но здесь среди журналистов и партийных отношение к «Русской Воле» резко улучшилось. Это сказалось и на выборе меня в Совет Республики⁴... Впрочем, ко мне лично у всех отношение очень хорошее.

Милый! Ужасно много надо писать, чтобы все рассказать. Ах, если бы повидаться!

29 октября

Трудно что-нибудь сказать о положении вещей. Что это такое, что за небывалое торжество глупости!!! Только разводишь руками, да чувствуешь тяжесть в голове, боль в мозгах, недоуме-

ние, доходящее почти до столбняка. Не имею сведений о вчерашнем дне, но хорошего не жду. И в смутное время этого не было. Главное, *невозможен* приход Минина или Пожарского, вообще национального спасителя — ибо нет *нации*. Призови сейчас Минин — половина России ответит: не верим, торгово-промышленник! Призови Пожарский, тоже: аграрий, цензовый элемент!

Сейчас почти вся демократия отделилась от большевиков, но стоит это немногого. И попробуй Керенский принять действительно решительные меры, эта же демократия снова станет на сторону большевиков и свяжет руки К[еренскому], свяжет всякому, ибо при всяких условиях чувствует себя ближе к Ленину, чем к Корнилову. Не К[еренский] — что мог сделать Керенский! — а демократия допустила большевиков до восстания; теперь демократия воет и клянет, но все же именует Ленина товарищем. А мы с тобою не товарищи — вот и жди чего-нибудь. Плохо российское дело, безнадежно.

И как, брат, тоскливо становится жить. Все личное ушло, погибло, забыто, а общественное — вон оно какое. А этот Совет, в котором я заседаю: такие там, брат, рожи, что недавно, еще до восстания, я дошел до отчаяния, до последней мрачности. И никакого просвета, не на чем мыслью остановиться, чтобы хоть отдохнуть немного. Да, дожили.

И писать не хочется. Целую тебя крепко, люблю, рад бы повидаться. Как все это давно было: твоя квартирка, «Варя!»⁵

Твой Л[еонид]

2. И.А.Белоусову, 31 октября [1917]

31 октября

Милый мой Белоусынька, не сердись, что давно не пишу. Мрачно на душе, не хочется говорить. Что скажешь? В частности, относительно тебя боюсь, что ты украинский сепаратист и пьешь горилку с Винниченкой, а этого я терпеть не могу. Нет!

Да и занят я бешено... где ты, моя прежняя волюшка! Половину времени берет редакция¹, другую половину — Совет Республики², третью половину остальные дела. Конечно, так было до Ленина. Сейчас-то я очень свободен: газету реквизировали³, Совет разогнали. Сижу пока что в деревне. Но какая здесь темень! какие свисты ветра по ночам! какая пустыня!

Моя городская квартира⁴ слишком хороша для зрения и слуха: кругом Зимние дворцы, которые осаждаются, павловские и иные

казармы. Инженерные замки, Марсово поле, дрова, расстрелы, пулеметы, пушки. В ночь под 26-ое было такое впечатление, от стрельбы, будто не З[имний] Дворец, а меня осаждают. Все окна звенят на улицу и площадь: сижу под влюбленными взорами, будто Сусанна в ванне⁵. От вчерашнего дня — 30-го — известия, что телефон мой выключен, кругом, по Марсову полю, готовятся к бою, и от прислуги моей ни звука. Последний раз ее слышали плачущей в телефон, должна была прийти, но не пришла — и что с ней теперь, что с квартирой и рукописями — одному Богу известно.

А как ты, Ванечка? Тоже послушал стрельбы в Москве? Послушай, послушай, это украшает старость. Вообще, наша старость с тобою полна украшений: война, теперь Ленин и прочие недостатки продовольствия.

Послушай, что со мною недавно случилось. Жена моя, известная тебе Анна, вздумала привезти из деревни поросенка, чтобы выкормить его до степени свиньи и тем обеспечить наше продовольствие в старости. Оказалось, что для вывоза поросенка из Финляндской республики⁶ необходимо письменное и личное разрешение Сената, почему Анна, презрев закон, повезла поросенка зайцем, под лавкой в корзине. Орет же этот поросенок, как большевик, и не было у бабы хлопот, так купила порося.

В городской квартире Аполлон — так зовут поросенка — скоро освоился, начал таскаться за всеми и в моем кабинете чувствовал себя, как дома. Выходил к гостям и грубо хрюкал. Голос у него — тяжелый и хриплый бас, и этим он до смерти пугал нашу деликатнейшую кошку Екатерину Ивановну, названную так за сходство в своей судьбе и характере с героиней драмы того же названия⁷. Пришлось Аполлона поселить на чердаке — чердак у нас огромный, — но вообрази, какое происшествие: в первый же вечер Аполлон провалился в трубу!

Переполах. И кухарка, очень чувствительная женщина, и Анна, и я — все были расстроены. Где-то хрюкает, а где? И как достать? Потом и голос перестал подавать. Назвали дворников, потом солдат-печников, стучали, исследовали, искали проволокой. Наконец, солдат позвал меня в столовую и показывает на каменную стену: не иначе как тут сидит.

— В стене?

— Да, в этом месте.

А уже шесть часов прошло, как он провалился. Что ж поделаешь: несмотря на ночь, велел пробивать стену. Стук, известка, кирпичи. И вообрази ты: как раз в этом месте и оказался! Вдруг слышу из кабинета отчаянный визг: это Аполлона тащат. Оказался жив, вполне здоров, хотя пролетел четыре аршина, и только

грязен, как черт. И хвост стал прямой, но через минуту — опять завился штопором.

Где-то теперь Аполлон⁸?

3. С.С.Голоушеву, [4]-5 ноября [1917]. Фрагмент

[те]бе телеграмму: не принимают. Вот чудная жизнь! Единственная сейчас забота: не сдохнуть с голоду.

А что у тебя? Боюсь думать и не могу представить.

Чудно. Вечерами с мамашей втроем играем в винт, и как будто ничего не происходит. А то рассматриваю альбомы, и тоже будто ничего: искусство, картины, биографии. Жалко мне «Далекого», если немцы в Або, он погиб¹. Да все равно! Невозможно вообразить, что будет когда-нибудь жизнь. Скверное у меня здоровье, будь хорошее, остался бы в Питере. Хотя что там делать? Только ждать, а есть вещь, для меня непереносная: ждать.

5 ноября

Забастовка продолжается, телефон по-фински упорно молчит, и вестей никаких. Вчера удалось в Териоках купить у солдата «Правду», но из нее ничего не узнаешь, нужно догадываться. Одно несомненно: стрельба идет почти по всей России и победы нет ни на одной стороне. В сущности, это и есть самое страшное. Перед восстанием продовольствие — хлеб, уголь — висело на ниточке: кажется, громко крикнешь, и сразу оборвется. Двухдневный перерыв был опасен, а теперь — вот уже полторы недели затор. И если верно, что Каледин задерживает грузы, то в Москве и Питере с округой не нынче-завтра сразу наступит *голод*. Останутся одни камни и голодные люди. В 1601 голодном году в Москве торговали пирогами с человечинной, говорит Костомаров², — отчего и теперь этому не быть? Ни моральных, ни вкусовых препятствий не встретится.

И дела большевиков, несмотря на официальную похвальбу, невеселы. Соглашательство не удастся. Левые эс-эры, оставшиеся с ними, те же большевики. По-видимому, почти полная изоляция. Картина странная: огромные темные массы, идущие за Лениным, оставлены интеллигенцией и предоставлены самим себе, своей темноте, неумению и наивности. Это не вина интеллигенции, ибо так поставлен вопрос большевиками.

Подумай, сейчас закрыты все буржуазные и многие социалистические газеты³. Им ни о чем писать нельзя. И так будет и впредь. Сила этих темных масс только в том, что они вооружены

и что их много. И разрушать они могут, как разрушили, кажется, Кремль⁴. Но и только. А как жить? Характерно, что большевики вынуждены переизбрать и Центрофлот, и Викжель, и Ц.И.К.⁵, ибо даже в теперешнем своем достаточно революционно-социалистическом составе они враждебны. Надо идти в самые низы, т.е. в самую темноту и оттуда брать подходящих и уже совсем безответственных.

Надо ехать в город, а как? Ерунда какая.

Вчера видел тебя во сне, будто ты приехал.

Вечером.

Как ни странно, здесь я отдыхаю. Много сплю и много ем, получаю удовольствие от еды и постели. Нервы так утомлены двумя месяцами города, работой, бессонницей, постоянным волнением, предпарламентом, стрельбой, что даже это теперешнее бездейственное висение в воздухе дает какое-то спокойствие. Впереди одна чернота, даже не о чем думать, создается невольный фатализм. Будет, что будет. Можно плыть против течения, но не против водопада. Это только мама от молнии отмахивается руками; недавно, при осаде Зимнего, она также отмахнулась рукой при слишком громком орудийном выстреле. Сейчас играем в винт и смеемся. Любопытно!

4. С.С.Голоушеву, [13]-15 ноября [1917]

Милый мой Сереженька — вот какие времена мы переживаем! Послал тебе телеграмму и письмо, жду хоть какой-нибудь весточки: и беспокоюсь о здравии, и любопытно, как ты пережил московскую резню. Помню отчетливо, как виден Спаситель¹ из твоих окон, читал про артиллерийский разгром Пречистенки и окрестностей и думаю, каково было тебе и в каком подвале ты укрывался — или с красным крестом перевязывал? И как Добровы? И как Белоусь на своей окраине? И как Вересаев и Серафимович?

Я в деревне с 26-го [октября]. Послушал ночь, как рядом осаждали Зимний Дворец, взглянул утром на газеты и «торжество победителей» — и почувствовал, что больше ни одного выстрела слышать не могу. Просто не могу! Начну кидаться на людей или сердце лопнет. Сейчас, после отдыха, мне непонятно тогдашнее чувство, но в ту минуту оно было решительным. Да и что было делать без газеты? Да и что вообще можно делать? Быть только зрителем этой гнуснейшей пьесы или пассивным ее участником?

Здесь — царство тишины и неведения. Особенно, когда и в Финляндии началась забастовка: замолкли все голоса. Ни телеграфа, ни телефона, ни газет. По два-три дня никаких известий. Так, в тумане слухов и полуведения, прошли дни гатчинских боев, поражение Керенского², победа большевиков. И очень поздно узнал из газет, которые и сами мало знали, о московских делах: вначале московские события изображались в очень легком виде. Но и до сих [пор] с трудом верю в их реальность.

Затем 8-го [ноября] приехал сюда на радость брат Андрияша с фронта, сегодня уехал, и опять я в тишине и безмолвии. Странно! Снег и мороз, луна за окнами и тишина ненарушимая; и трудно представить, что рядом Петроград и разбойники. Но живешь на чеку — ибо все стало возможно. Все! Сейчас разбираю и складываю газеты, хочу их сохранить под заголовком «позорные дни России». И было такое чувство, будто я не журналист и даже не русский, а какой-то судебный следователь, собирающий данные для обвинительного акта.

Ну — что можно сказать? Да ничего не скажешь. Невероятное стало фактом, неправдоподобное сделалось правдой, двухголовый теленок не только родился, но и живет. Россия погибла. Верховный главнокомандующий — Крыленко. Что скажешь больше этого! Емельян Пугачев не разбит под Оренбургом, а занял Санкт-Петербурх, сел на трон и есть Всероссийский Император Петр Федорович. А эсаул его, Филька-Рваные ноздри — Президент Академии Наук. Но и Емелька был лучше. Ибо то время давало возможность только частично ограбить Россию, а продать ее оптом, как сейчас, было невозможно. И еще никогда в истории не было возможно, чтобы кучка мошенников всемирно продавала огромный в 200 миллионов народ. Да, мы можем гордиться: это почище тульского самовара! До чего и жалки и смешны — именно! — вопли демократических газет: нас продают! Смотрите, смотрите: прапорщик Крыленко уже по рукам бьет — продают!.. Продали!

14 ноября.

То состояние, в котором я сейчас, не есть биос: это — анабиос, междужизние. Было междуцарствие, потом междузаконие, теперь добрался до междужизния. Как мужик переносит голод: перетягивает брюхо потуже и ложится на печь дремать. Не спит, а сутки за сутками дремлет. И пока лежишь так, будто и есть не хочется, а встал на минуту — беда!

Устал я, как говорят поэты, каждым фибром души и всяким атомом тела. Два месяца в городе я не имел крупницы покоя. Обычная, достаточно большая работа в редакции погано осложнялась

тем, что добрые хозяева за спиною правления и редакции целый месяц продавали газету Савинкову и Путилову и только-только договора не подписали: восстание помешало. Слухи, сплетни, нелепости, длительные и никчемные переговоры с Раецким, под конец не выдержавшим и ушедшим в Биржевку³. А тут еще Совет Республики и дневник происшествий⁴: ни отдыха, ни сроку. И только в деревне я по-настоящему разнюхал, насколько я утомлен, нервен и ни к дьяволу негоден.

И странно: первую неделю, когда как раз били Керенского под Гатчиной и только начинали громить Кремль, я здесь сонливо отдыхал. Спал и ел, даже гулять не мог. И отсутствие газет и всяких известий, казавшееся вначале недопустимым, вдруг стало просто-таки приятно, как Адаму его неведение добра и зла. Какая хорошая вещь — скука!

В доме холодина, два года без всякого ремонта, пазы разошлись. В кабинете мороз. Перебрался в гимнастику и две соседние маленькие комнатки — и тут тепло и уютно. Вот сейчас сам печи топил, и лицо от жара точно корой покрыто, не сгибается. Ветер тихо посвистывает. Ночью он свистит, как разбойник; теперь ночи лунные и снег светит, а то был истинный мрак кромешный. Взлез я как-то ночью на башню и ужаснулся: какая тоненькая стена отделяет от пустыни и ночи! А на море переваливаются прожектора: стрегут! Скоро Крыленко и это запретит.

А Москва-то, Москва-то! Осенью Анна, боясь немцев, предполагала перебраться в Москву — для спокойствия: спокойный город. Истинно! Но город любопытный, это правда, с большим размахом. И черная сотня велика. В Питере беспорядки и разгромы никогда не могут достигнуть таких размеров: за две сотни лет создались у самого обывателя традиции и навыки порядка. Почему сейчас извозчик держит правой стороны, когда может ехать левой? А он еще даже углы объезжает, где когда-то стоял городской. Призрака боится.

Но жестокости сколько! Не хочется об этом думать. Еще больше, впрочем, гнусности, образцом каковой я считаю М. Горького с его теперешними противу-большевистскими статьями. Дурак с изрядной примесью мерзавца. Но еще больший дурак читатель, который эту изворотливость и лицемерие принимает в святой серьез и пишет: «Великий писатель, наконец, не выдержал...» Ведь вспомнить только, что в течение всей революции «Новая жизнь», имея сотрудниками Троцкого и Луначарского⁵, усердно призывала к погрому буржуазии, к миру, к вражде к союзникам, к братанию. «Не травите Ленина!» — ведь это они писали⁶. Троцкого и всех пломбированных они нежнейше приветствовали⁷!

И давно ли тот же социалистический «День» — там есть чудесный Потресов — называл горьковскую «Новую Жизнь» «презренной газетой». Конечно, Горький вылезет сух и чист, разве только бо-чок придется кое-где пообчистить, да высушить портянки — лов-кач!

15 ноября.

Неделю более или менее болит голова. Сегодня очень более. А тут несчастье: несколько дней получаю свежие газеты в боль-шом количестве. Качество их таково, что хочется головой биться о стену. Мучительно и больно, как пытка водою. Нет — ссаками бла-а-роднейшего человека и демократа! Низость, лицемерие без конца, дряблость, тупое упорство партийной скотины, счастливая и жалкая уверенность в своей невинности и непричастности, подхалимство, колбаса с кровью. Невыразимо, до боли в совести, гнусна и с каждым днем гнуснеет горьковская «[Новая] Жизнь». По-видимому, дела большевиков улучшились: пока Максим чита-ет необходимые воскресные проповеди, кругом пол стонет от рас-шаркиваний и в воздухе хоть топор вешай от воздушных поцелуев Смольным красавицам⁸. Нынче, например, ругают и корят союз-ников за неуважение к революционной русской демократии — это что союзники не пали в объятия Крыленки и не кричат виват сепаратному миру!

С такой интеллигенцией для России действительно нет ино-го пути, как закрывать свою лавочку. Конец Аксакову и Досто-евскому, конец народу-богоносцу! Будем культурными прижи-вальщиками Европы, оставив даже память о всяком «своём». Теперь ясно, до какой глубины наш народ некультурен. Он хуже, чем был в смутное время. И эта его непомерная отсталость — его смертный приговор в условиях европейской конкуренции и не-избежной близости с железной культурой Запада...

Впрочем, не хочу рассуждать. К черту! Мерзость. Вот погода хорошая. Сегодня такой мягкий снежный день. А ночью выла бу-ря и все стучало, скрипело, свистело. По совести, со страхом жду, когда большевики распечатают газету и придется ехать и всту-пать в хор ослов. Что им говорить? Разве я 4 месяца назад не пред-рек им «гибель»⁹? — все, как по нотам разыграно. А еще в сен-тябре я разве не приветствовал Ленина «гряди, победитель!»¹⁰ — ну и что? Он и пригредох, а меня ругали. Я тогда писал, что Рос-сию украли, а «Новая Жизнь» надо мною издевалась: такую вещь — и украсть¹¹! За мое почтение — как носовой платок, в карман сунули и сморкаются. На здоровье!

Пипи, Сережа, как обмолвился Станиславский. Но только пипи с психологией и настроением, а то Добровы известили уже меня, что «в Москве была стрельба». Целую тебя крепко и скорблю, что не можем повидаться.

Твой Л.Гордоносков.

5. И.А.Белоусову, 19 ноября [19]17 г.

19 ноября 17 г.

Как видишь по дате, начало письма относится к давнему времени, когда Москва сама еще не подозревала, что предстоит ей пережить. Да и никто не подозревал, и вся Россия еще пребывала в уверенности, что большевики — вздор и хлестаковщина, хотя и кровавая, но хлестаковщина. А что вышло?!

Очень я беспокоился о тебе, милый Белоусынька! Хоть ты и на окраине и артиллерия по тебе не стреляла, на зато хулиган, вероятно, хозяйничал вовсю. Только сегодня получил успокоительную телеграмму от Сергееча: жив, здоров; такую же прислали Добровы, а о тебе не ведаю. Думаю, что случись несчастье, услышал бы и отсюда логически поздравляю тебя с избавлением от нашествия двенадцати языков! Буду тебе крепко благодарен, если ты в *подробностях* отпишешь о своих переживаниях — интересуется меня крайне, а газеты дают мало и вздор. Да и не верю я газетам!

И сообщи кстати, кто этот большевистский атаман Смидович — неужели наш Вересаха²?! И не участвовал ли тогда в расстреле Кремля почтеннейший Серафимыч?! И вообще нет ли надобности открыть специальный желтый дом для писателей? И как себя чувствует Шмелев? Ох, не без злорадства смотрю я на всю эту компанию.

Все еще обитаю в деревне. Хвораю здорово. Газета секвестрована и, по-видимому, на вечные времена. Тихо здесь и можно было бы отдохнуть и набрать сил для работы, если бы не газеты. Получаю я их грудой, дня за три — и отравляюсь, как крыса крысиным ядом. Ох, Белоусынька, ужасная это вещь, то, что делается в России. И не сами большевики меня приводят в отчаяние — с них что взять! — а вот эти революционные болтуны и добродетельные предатели. Сейчас они лают, как деревенские собаки на забежавшего волка, и хвосты у них поджавши, а кто недавно хвастался, что спас революцию и родину от Корнилова? Вот и спасли! Воют «революция погибла!» — а кто дружил с большевиками? Кто их защищал? Кто всю интеллигенцию объявил буржуями и контрреволюционерами?

Теперь все обвиняют Керенского, что он был слаб и своевременно не принял мер против большевиков и явно готовившегося восстания. Это верно, Керенский в своей слабости и податливости преступен перед Россией³ — а что делали *они*, все эти демократы, чтобы предупредить восстание? Ничего! и они же, стоило Керенскому поднять голос и намекнуть на решительные меры, поднимали отчаянный галдеж о «контрреволюционности» и вязали Керенскому руки. 24-го [октября], когда по заявлению Керенского в Совете Республики большевики уже «раздавали патроны в казармах», они *три с половиной* часа совещались, какую вынести резолюцию, и вынесли безобразную, лишавшую правительство поддержки и возможности действовать решительно и самостоятельно. Восторженно рукоплескали провалу кадетской и н[ародно]-с[оциалистиче]ской резолюции, а через два дня уже брили рожи, прячась от большевиков.

Ну их к дьяволу, тошно говорить. Скажу по правде, при всей моей закалке минутами дохожу до отчаяния, до мыслей о самоубийстве. Гнусно жить среди этих господ. Чувство такое, будто меня каждый день обухом вгоняют в землю: в августе я торчал в земле по шею и мог еще ворочать головой и что-то видеть, а сейчас надо мною сто саженой земли, бревен и камня. Тяжесть невероятная и выбраться из-под этой груды, из этой живой могилы — как выберешься? Вот и задыхаюсь понемножку. Нет, ну их к черту!

У нас две недели зима. Снегу на пол-аршина, морозы, лунные ночи. Изредка солнце и красивые дни, а то больше темень — сейчас 2 часа дня, а хоть лампу зажигаю — и ночные свисты ветра. Как он свистит здесь и как шумит море! Приезжал на побывку брат Андрюша и пять дней провел здесь, порадовал меня. Кроме него никого из сторонних не видал, закопался в семью, как в сено. Чудная жизнь!

Вечером.

Здесь письма невольно приобретают характер дневника: почта отправляется редко, так и залеживается письмо. Получил нынче из города газеты за два дня, наглотался и теперь тошнит. Здорово! По-видимому, дождь зарядил надолго, запасайся зонтом и калошами.

Вся задача, как прокормиться. Голодно и дорого до смешного. Хапнуть бы где деньжонок? Пойдем, Ваня, ломать кассу в государственном банке. Положим ты домовладелец, ты небось от дома десятки тысяч получаешь, да стихами в год тысяч на сто выколачиваешь, да небось своих кур имеешь, кои несут тебе золо-

тые яйца, а каково журналисту при закрытой газете? Беллетристику я давно бросил, забыл, как пишется, пьес не делаю, дом весь в дырах, штаны тоже, вместо подметок подкладываю переплеты от своих сочинений — как тут быть? Или в большевики пойти? Оно и революционно — тут и Шмелев носа не подточит — оно же и смачно. Пойдем, Ваня, в большевики.

Вот задача. Имею я лошадь, трехлетку своего завода. Ее надо кормить. Хорошо. Но пуд сена 22 рубля, а фунт сена двугривенный. Стало быть продать? Но ввиду дороговизны кормов лошади совсем дешево и продать можно за пустяк, почти на мясо и шкуру. А за три года, при той же дороговизне кормов, стоит она мне тысячи и каждый день ценность ее увеличивается на 15-20 рублей. И выходит по расчету, что сейчас она стоит уже около 9 000 рублей. Или так — продать лошадь и купить курицу? Курица сейчас стоит 140-160 рублей, но кормить ее обходится в день около 25 рублей. Одно же яйцо стоит от 3 до 5 рублей, по размерам. Но для яиц должен быть петух, который *не несется*. Или петуха брать на прокат? Но это безнравственно. А если к тому же курица станет «принимать меры»?

Так и не могу решить.

Эх, Ваничка, с наслаждением повидался бы, посидел бы вечерок, поболтал бы. Как это бывало прежде? Трудно представить. Нынче во сне был пьян и все требовал мускат «Везувио»... Прорыпаться не хотелось! Подумай: дал я зарок и вот четвертый год без единой капли алкоголя — а кругом здорово пьют. Случается, один я на компанию непьющий. По игре случая мне приходилось вращаться главным образом среди бывших министров: и тут тебе Чернов трепака пляшет, и тут тебе разные иные приплясывают, а я — толькозираю⁴! Многие плакали на меня глядя.

Будь здоров, И[рине] П[авловне]⁵ кланяйся. Целую тебя и жду письмеца. Не забывай. Получил ли твой портрет, что я писал в Крыму⁶? Давно послан. Пиши на городской адрес: Мойка, 1.

Твой Л. Волосодыбов.

6. П.Н. Андрееву, 20 января [1918]

Павел, не могу сообразить, ехать мне в город или нет. Боюсь, что при всех этих неладах жизни, невозможно устроиться в одном помещении с матерью, голоде и прочем — мое пребывание в городе будет только волновать ее. Но если ей станет хоть немного хуже, тотчас же обязательно извести меня, пошли Анцю, потому что телефон здесь запрещен, и я немедленно приеду. Полагаюсь

на тебя, что известишь, это *необходимо*. Трудно с дорогой, все захвачено гвардейцами, стрельба на станциях, и поезда ходят случайно. Вот сложилось-то!

Денег расходуешь не жалея, что можно делать за деньги. Доктора!

Ничего не знаю об Андрюше. Анця ничего толком не знает и [в] ваших письмах о нем ни слова. Едет он или нет? Или его задержала болезнь мамы?

Голова отчаянно болит. Дела!

Буду ждать известий. Будь другом!

Твой Л[eonид]

20 января

7. А.Н.Андреевой, [20 января 1918]

Дорогая моя маточка! И сказать не могу, как я огорчен твоей болезнью. Главное, условия жизни очень трудные. Телефон не действует, захвачен красногвардейцами, и мы уже приготовились завтра рано утром посылать Эмилию И[вановну?], чтобы узнать о тебе, как вдруг ночью явилась Анця. Я бы завтра поехал сам в город, да боюсь, что это тебя еще больше обеспокоит и расстроит. Но как только захочешь, я сейчас же приеду, мне это не трудно.

О здешних не беспокойся, Анна управится с детьми и хозяйством, она смотрит на это дело спокойно и бодро. Главнейшее — это твое выздоровление. Делай все, что можно делать за деньги, и чтобы доктор постоянно!

Милый ты мой рыжичек, мне так жалко, что я не с тобой. Если бы ты не стала волноваться, сейчас же поехал бы. Буду думать о тебе и всеми силами хотеть, чтобы ты скорее поправилась. Крепко и крепко целую тебя и жду известий.

Твой Л[eonид]

8. С.С.Голоушеву, 15/28 февраля 1918 г.

Драгоценный мой Сереженька, драгоценнейший! Жизнь моя проходит в эмпиреях, и с каждым днем как количество, так и качество эмпиреев растет. Приблизительно 20-го января, когда впервые и наша финляндская тишина огласилась жизнерадостным звуком выстрелов, и начальники ближних станций стали умирать скоропостижно, а изумленные поезда остановились, — в Питере опасно заболела мать, уехавшая туда для проводов Андрюши.

Не буду передавать подробностей, как мы туда с Анной поехали, как мы там жили в квартире брата Павла, набитой жильцами, как беспомощны и жалки перед лицом серьезных испытаний оказались оба мои братца, и какую неделю пришлось пережить, когда каждую минуту можно было ожидать смерти, и мы ожидали. Матери 67 лет, воспаление легких в эти годы сам знаешь, что такое; а кроме того, порок сердца. И дней 8 пульс поддерживался только большими дозами камфоры. Как тебе известно, с матерью меня соединяют совсем особые отношения, ее смерть была бы вторым звонком к отходу и моего поезда, и мысли у меня были соответственные, хотя и пережитые мною в молчании.

Потом мать стала медленно поправляться, опасность как будто миновала и, прожив три недели в очаровательно-большевистской резиденции, я перед самым носом немцев купно с Анной отбыл в деревню, где прозябают дети. Здесь и сидим под охраной финской красной гвардии и Господа Бога. Бога не видать, а красная гвардия похаживает вокруг и около, но ведет себя лояльно и, вообще, не похожа на наших. Что будет дальше, никому неизвестно. Здоровье мое очень скверно, и в душе темно, доживаю остатки жизни. И занять нигде нельзя! Хочу «творить», да не творится, словно пересох талант. Да о чем? О настоящем не хочется, а мыслями владеет оно, и ничто иное не лезет в голову. Но о мыслях и настроениях писать не хочу, слишком большая работа, чтобы все изложить. Скажу только, что происходящее кажется мне менее мрачным, чем ты вероятно ожидаешь. В «большевизме» я вижу много весьма занятного, а сама пьеса так интересна, важна и поучительна, что смотрю на нее, не мигая. Будь бы мне лет 25, пошел бы в большевики.

Факты. Римма с семьей живет где-то под Нижним [Новгородом], родила там мальчика¹, приезжал туда Андреич, теперь пропадает где-то на Кавказе. Андрей, брат, получив отпуск по болезни, поехал на днях к Римме. «Русская Воля» признала закрытие за вмешательство нечистой силы и не хочет платить неустоек²; таким образом и я в эмпиреях. А знаешь ли ты, что всем соотрудникам уплачено за три месяца — Ноябрь, Декабрь и Январь? Ты можешь также получить, и, если не получил, то пиши и требуй от Сырова. Адрес: Ивановская, 14, контора бывшей «Русской Воли», Михаилу Михайловичу Сырову.

Милый! Напиши мне, хочу знать, как живешь. Всякое общение с людьми убеждает меня, что нет у меня Бога, кроме Бога, и друга, кроме тебя. Очень ли я обьяристократился в уединении или просто скверный и тяжелый у меня характер, но угнетает меня мелочность и мешанство людишек, никак не найду в себе снисхожде-

ния. Только ты один и есть у меня, да еще люблю Доброва Филиппа. Пиши в город, а если цензурно, то сюда. Целую.

Твой Л.Большедыров.

28-15 февраля, 18 г.

9. Льву А.Алексеевскому, 15/28 февраля 1918 г.

15 (28) февраля 1918 года.

Милый мой Левушка! Твои письма — одна из больших радостей для меня за это время! Ты очень славно пишешь, просто молодец! — говоря по правде, никак не ожидал от тебя такой прити. Серьезно: Молодец! Не отвечал тебе только потому, что с твоего отъезда не написал никому *ни одного* письма, так не хотелось писать. Только теперь, вернувшись из Петрограда, где я прожил в вашей квартире почти три недели, начинаю писать, и первым делом тебе, Лев д'Андрэ.

После твоего отъезда было так. Выпал снег и наступили собачьи холода. Приехал Андрюша на 8 дней, и были холода. Андрюша уехал и опять приехал через две недели, и были собачьи холода. Прожил он в деревне месяца полтора, а на Рождество жил Павел; и были собачьи холода. В столовой 5° морозу, в кабинете 12-8, снаружи все время больше 20. Выли ледяные снежные бури при 25° морозу и северном ветре, весь дом дрожал и выл, казалось, завалится. Снегу нанесло поверх заборов, дорог почти нет, потому что ни у кого нет лошадей. Потеплело только с половины января. Тихо у нас было совершенно. Дети чувствуют себя прекрасно и всему радуются. Дидишка упорно и хорошо занимается, радуя меня. И растет день и ночь. Я ни разу никуда не выезжал и рисовал: день рисовал, вечер рисовал и ночь рисовал, а остальное время играли в винт и даже в стуколку. Жратво ничего себе, хотя трудно доставать. Главным образом — брюква. Гораций Ч. Брюква ел брюкву¹.

С половины января начались и у нас сражения красной и белой гвардии, поезда ходят плохо. Теперь всем управляет у нас красная гвардия, держится пока вполне прилично, нас не трогают. Иногда вдали слышны бывают выстрелы. Оружие у меня реквизировали. Солдат почти не видать, почти все удрали. В Питере ждут немца. Пока я жил там, вечером ни разу не выходил — грабят! Днем погуливал и тоже слышал выстрелы. Павел мучительный хозяин и весь дребезжит, его обижают квартиранты. Но об этом расскажет Андрей.

Римме скажи, что я изъявляю согласие быть крестным отцом этого малолетнего преступника, Кирилла. Я привык, ничего. Одним больше или меньше, эка важность. Бог с ней. Я как-нибудь выдержу. И не то выдерживал! Ну и крестный отец, ну и мать, ну и бабка — кому какое дело? Мое дело. Раз я сам иду на такую вещь, значит судьба. Я недавно чуть артистку Давыдову не крестил², а это что — какой-то Кирилл! Ничтожество в восемь фунтов. Вот Давыдову потаскай вокруг купели. Это работа. У нее в одной ноге десять ваших Кириллов, да и то не ропшу. Роптать — грех, даже при отделении церкви от государства, запомни это. И не таких крестил, как Кирилл, честное слово, и все с рук сходило. Я его потом отдам в воспитательный или подброшу в чемодан к Павлу. Павел любит детей. А он не большевик? Если большевик — все равно крещу: я отчаянный. Мне хоть каждый день крестить, всегда готов. Эка! Я его так окрещу, что своих не запомнит. Потом отдам его в шоферы, пусть давит людей, мне никого не жалко! Раз я сам крещу, так чего же мне других жалеть?

Сегодня узнал, что Павел идет добровольцем в Красную Армию и с завтрашнего дня отправляется рыть окопы. Весь так и сияет! Дай ему Бог. Вероятно, он еще хочет искупить свой тяжкий грех — дело в том, что за это время они съели с Андреем всех лошадей в Петрограде, и большевистской кавалерии теперь не на чем ездить. Хоть на палочке! Может быть, Павла самого назначат лошадью для Крыленки, это хорошо, потому что Павел подавал большие надежды в этом смысле. Конина в супе, конина в котлетах и конина на сладкое постепенно стала превращать его в лошадь: крайне любопытный процесс! Так, в последнее время он мог ходить только по середине улицы, притом все время пукая. Ржет он еще слабо, скорее мяучит, но задом бьет; недавно здорово брыкнул квартиранта. В пиджаке сзади Женя и Маруся³ уже прорезали ему дырочку для хвоста, хвостом он очень дорожит, говорит, что всегда мечтал. И у него честолюбивый план: поступить верховой лошадью к самому наштаверху⁴, хотя не думаю, чтобы он смог достаточно быстро бегать, когда надо эвакуироваться. И ленив он.

С большим огорчением думаю, Левушка, что лето мы не будем, пожалуй, жить вместе. Но... ничего неизвестно, даже загадывать не хочется. Еще и сам про себя не знаю, где я буду. Вероятно, в Финляндии, заниматься огородом: хочу теперь сделать его как следует. Мы были ослами, что так мало его сеяли и сажали. Хочу Вадима основательно запрячь на поденную работу по огороду. Буду и сам песком посыпать дорожки: недавно из меня начало сыпаться. Слава Богу!

Будь здоров, милый, и пиши мне побольше. Поцелуй Римму и остальную дробезь. Скажи, что Кирилла я крестить согласен. Все равно уж, где наша не пропадала! Перекрещу и с колокольни долой, как говорится. Это не Давыдову крестить. Вот не знаю, крещен Шеголев или нет, боюсь, что еще нет. Ну да все равно: задавит, так задавит, туда мне и дорога: не берись!

Целую крепко.

Твой любящий дядя Евграф Пуповинский

10. А.Н.Андреевой, 17 февраля [2 марта?] [1918]

Милая моя маточка! Как ты там поживаешь? Здесь в нашей жизни ничего нового: тот же снег, тот же Самойлов¹, так же блаженствуют детишки. Много солнца, не холодно, дни заметно посветлели. И очень тихо. Вчера был и у нас совершен осмотр красной гвардией продовольственных припасов, были они очень любезны, добродушны и удивлялись, что у нас на такой большой дом так мало запасов. Конечно, даже и речи не шло о том, чтобы что-нибудь забрать.

Газеты имеем каждый день из разных мест, и я стою в курсе событий. Особенно беспокойного ничего не вижу и тебе советую быть спокойнее. Как мне жаль, что ты не здесь!

Здоровье мало всяко, нервы плохи, неважно сплю, но жить можно. Надо терпеть, ничего не поделаешь. Крепко и много целую тебя, милая моя маточка, береги себя, поправляйся, терпи и верь.

Твой Л[еонид].

17 февраля.

11. А.Н.Андреевой, 20 февраля / 5 марта [1918]

20 февраля / 5 марта

Спасибо за письмо, милая ты моя старательница: чрезвычайно приятно читать твои каракулы, и надо сказать правду: ты стала писать красивее и строже, чем прежде. Стиль! Здесь хорошо, ослепительно светит солнце, на солнце вчера 12 градусов тепла, пахнет весною. От света и на душе легче. Здоровье мое налаживается. У меня тоже, как приехал, было расстройство желудка, теперь прошло, и головные боли стали меньше. Пока не рисую, надоело, читаю и собираюсь немного пописать. Гуляю. Вчера долго сидел

на крыльце, подставив морду солнцу, и жмурился, как кот. Почта к нам совсем носа не показывает, газеты получаем и все знаем. Вот тебе и все, Рыжичек. Не скучай, голубчик, держись крепче и изо всей мочи поправляйся. Сейчас это твоя главнейшая задача.

Анна едет в город, чтобы устроить квартиру и захватить кое-какие вещи. Ждали Илью — конечно, с ним будет веселее, может быть, придет еще. В положении вещей мало понимаю и не могу понять, будут проклятые немцы брать Питер или нет. Не понимаю, зачем они прилетали. А ты, вероятно, даже и не слыхала? Я говорил тебе, что налеты если будут, то лишь в той стороне, и в ваши места никогда они не залетят. И ты не бойся. Очень рад, что А[ндрюша] так счастливо пробрался к Римме¹.

Крепчайше целую тебя и крепко люблю. Единственная женщина, которую люблю неизменно — конечно, кроме законной супруги Анички, которую я ОБЯЗАН любить неизменно. А какой у женщин всех я имел успех!!

Твой Л[eonид].

12. А.Н.Андреевой, [9]-10 марта [1918]

Милая моя маточка! Ты все думаешь, что это шутки, а я серьезнейшим образом говорю, что *очень* люблю твои письма и что ты — как бы это сказать? — чрезвычайно близка мне в письмах и по духу, и по уму. Конечно, твой почерк ужасен и твое правописание похоже на правосознание анархиста; и бесспорно, что твое глубокое презрение к знакам препинания превращает твои рукописи в сплошной маразм и катаклизму, от которых дух захватывает у читателя; и всем известно, что многие крепкие и здоровые люди бессильно рыдали над твоими письмами, отчаявшись найти начало и конец в этом сплошь вязаном чулке без пятки и носка — но все это пустяки. Это внешность. А по существу ты всегда пишешь толково, умно и тонко и каким-то образом ухитряешься в коротеньком письме рассказать чрезвычайно много.

И твое последнее письмо один из лучших образцов твоей литературы. Опять я, маточка, не шучу нисколько и говорю с величайшей нежностью к тебе, мой неизменный полувековой друг. Пятьдесят лет, знаешь — это не мало, а мы с тобою почти 50 лет вернейшие друзья, начиная с Пушкирной¹ и кончая хладными финскими скалами. На твоих глазах я из Кота в сапогах и узляка превратился в российского писателя, пройдя через пьянство, нищету, страдания; на моих глазах ты из молоденькой женщины стала «бабушкой», также пройдя сквозь страдания, нищету и прочее.

И, что бы ни было с нами, куда бы ни заносила нас судьба, высоко или низко — никогда мы не теряли с тобою самой близкой душевной связи. Приходили и уходили люди, а ты всегда со мною оставалась, все та же — верная, неизменная, единственная. Я знаю хорошие семьи, где существуют хорошие отношения между родителями и детьми, матерью и сыновьями, но таких отношений, *как у нас с тобою*, я по правде не встречал. И, конечно, твои отношения с другими детьми иные, нежели со мною, хотя любишь ты их так же сильно. То для тебя только твои дети, а я кроме того твой друг и единомышленник. Обрати внимание на простой факт: когда я уезжаю, мы с тобой так много и часто переписываемся, как ни с кем ты не переписывалась из детей. Сравни, *сколько* у тебя писем моих и сколько Павла и даже Андрюши, хотя Андрюша чаще и дольше разлучался с тобою, нежели я.

И я всегда так много пишу тебе не потому, что обязан и выполняю скучную повинность, а потому, что мне самому и интересно и *нужно* тебе писать, — нужно для собственной души. Всегда я знаю и чувствую, что никто так не поймет, никто так не заинтересуется, никто с таким интересом и любовью не прочтет моих писаний, как ты, и никто так не почувствует шутки и не будет смеяться над моими «смешными» письмами, как ты, мой неизменный Рыжик. Конечно, я *не все* пишу тебе: иногда боюсь тебя беспокоить и расстроить, /иногда/ в других случаях, когда дело касается философии и слишком сложных вопросов, естественно избегаю слишком большого глубокомыслия. Очень часто даже вру тебе относительно моего здоровья и настроения, выставляя их лучшими, нежели они есть на самом деле, — но понимаешь: даже когда я *вру* тебе, я чувствую облегчение, знаю, что ты все равно и так чувствуешь и понимаешь.

А ты очень много чувствуешь и понимаешь, гораздо больше, чем предполагают другие. Вот из твоих последних слов о Павле и даже из твоего объяснения со мною в любви я вижу, что ты все прекрасно видишь и понимаешь. И мне это *очень* дорого и приятно, и оттого у нас с тобою такая навеки неизменная близость и дружба. И оттого, повторяю, мне так приятно писать тебе. Кстати, знаешь ли ты такой факт: у Чехова с его матерью были, как говорят, хорошие отношения, а вместе с тем из многих тысяч чеховских писем на долю матери приходится не больше десятка самых коротеньких³. У нас с тобою иное, верно?

Я не люблю и не умею писать чувствительное в письмах и оттого не стану говорить, *как* я тебя люблю и как меня взволновала и напугала твоя болезнь. Ты сама это знаешь. Я сильнее других и, когда нужно, могу сдерживаться и иметь спокойный вид,

и это иногда может обманывать других, кто меньше меня знает и чувствует. Но ты знаешь, и больше говорить об этом не буду. Мое несчастье в том, что за эту внешнюю сдержанность и спокойствие я долго потом расплачиваюсь всякими болями, телесными и душевными. Те, кто, не сдерживаясь, выражали себя словами, растерянностью, слезами и прочим, уже успевают успокоиться и забыть, а я все помню.

Да, я очень памятьлив, маточка, и если еще иногда забываю сделанное мне зло, то добра никогда не забываю. Разве, например, я забуду когда-нибудь тех же Готье³, или 50 рублей, которые дал мне Нилус в минуту трудную, или чудесное ко мне отношение Добровых или то, как в мои пьяные времена чудесно вели себя Павел и другие! Все помню. И если я помню такое, то уж никогда, ни наяву, ни во сне не могу я забыть того бесконечного добра, которое видел я от тебя, — бесконечное добро и доброту. Ты так много сделала для меня в жизни, как едва ли какой-нибудь человек может сделать другому. Здесь опять начинается чувствительное и дальше я не стану говорить, но повторяю, и ты это запомни: сколько бы, по твоему мнению, я ни делал для тебя, я и одной тысячной не уплачу тебе, так и останусь твоим должником. У меня скверные нервы и легко раздражающиеся мозги, я бываю груб и криклив, но если я огорчаю тебя, то знай, что сам я от этого мучаюсь и стыжусь, как от величайшего свинства. Просто, я недостаточно хороший человек, чтобы *полностью* отплатить тебе за все твое добро, и я это *сознаю*. Например, сколько раз я заклинал перед собою, что никогда не буду кричать на тебя при игре в винт, а разнесешь ты не так, я уже ору, как ошпаренный!

Так-то, милая моя маточка. Теперь мое главное желание, чтобы ты, как можно меньше волнуясь и заботясь, поправлялась и здоровела. Знаю, что очень трудно быть спокойной, когда мы в разных местах, и трудно не волноваться, когда с двух сторон подпирают немцы и большевики, но тут уже воистину ничего не поделаешь. Времена такие ужасные, каких не только Россия, но весь мир давно не переживал, и приходится терпеть, стиснув зубы: только бы как-нибудь пережить. Думаю, что Петербургу никаких особенных бед, кроме голодовки, не грозит. То, что «правительство» сбежало в Москву⁴, заставит оставшихся скорее очухаться и взяться за ум. Всем приходится туго.

За нас не беспокойся. Конечно, это счастье, что у нас есть свой дом в деревне и что нас тут знают и относятся хорошо. Когда я с опозданием приехал последний раз из Питера и должен был пешком идти из Тюрисева по шпалам, я спросил какого-то незнакомо-го встречного финна, можно ли тут ходить. И он ответил: другому

нельзя, а вам можно, вас жнают. И пока у нас совершенно спокойно. Красной гвардии мало, она вся за Гельсингфорсом, где бои (между прочим, у Вилли Бедного убит сын, Иван). Одного только страшно: голодовки, которая наступит, если красные и белые не помирятся и будут продолжать бессмысленную драку.

Погода стоит замечательная. В тени легкий мороз, а на солнце до 20 градусов тепла, в детских не топят и в Анином кабинете жужжат мухи. И так ослепительно светло, и день кажется большим, как гржебинский нос, освещенный прожектором. Я гуляю, а то выбираю местечко на солнце, около флигеля или на парадном и, закрыв глаза, грею морду на солнце. И нюхаю: так чудесно пахнет чем-то очень далеким: простором, морем, Италией, какими-то дальними и синими небесами. На днях вышел на море: гладкая, сверкающая белая пелена и на горизонте воздушно синее тот берег. И так обманчиво: кажется, что там, на этом синем берегу, не лед, снег и зима, как здесь, а летние леса и луга.

Но кто блаженствует, так это, конечно, дети. Ничего они, маленькие идиоты, не знают ни о Вильгельме, ни о Ленине, сытно едят, крепко спят, хохочут и играют и с таким восторгом ныряют в снег, словно медвежата. И всегда им жарко! А после обеда — это уже особенность нашего книжного дома — в детской такая картина: за столом под лампой сидят Наташа, Эмилия, Вадим, Савва, Вера и Тинчик и в глубоком молчании все — читают. Отхватывают огромные книжки, по тысячам страниц. Конечно, самый смешной человек — Тинчик. Недавно Дидишка рассердился на него за что-то и спросил, намекая на мозги: что у тебя в голове? И Тинчик быстро ответил: «Суета!»⁵ Очень нежничает со мною, хотя после поцелуев тотчас идет в угол, а из угла — снова к поцелуям. Вадим много работает, еще вырос и ведет себя очень хорошо: для него этот год оказался очень полезным. По вечерам мы с ним беседуем.

Анна съездила в город благополучно, хотя очень устала: ужасно много укладки и перевозки. Работает она очень много, но я все равно ее ругаю, чтобы не зазнавалась. Надо сказать правду, что в дни твоей болезни она делала очень много.

Устал писать, завтра кончу.

10 марта (по новому).

Жизнь все такая же тихая и спокойная. Если бы не газеты, которые через Сирки [я] получаю ежедневно, можно бы забыть о немцах и большевиках. Да еще еда напоминает. Событие было только одно: Тинчик, загулявшись, наклал полные штаны, потом сидел в клозете и во весь голос выл: «Я наклал полные шта-

ны!» Все так же солнце, капли, хотя снег тверд и поддается туго. Нынче после обеда — едим мы, как воробьи, всякое говно — сидел я на верхней террасе и грелся; и с закрытыми глазами можно было подумать, что находишься в Индии, в тропическом лесу, среди бананов, кокосового масла и крокодиловых портмоне.

Одно плохо: побаливает голова, не сильно, но надоедливо. Не знаю, чего ей надо, трудно с ней сговориться. Должно быть, влияет проклятый гемморррррой; надо будет, как советовал Греков, при первой возможности срезать эти еловые шишки. Анна предлагает сама это сделать, но после ее стрижки я ей не доверяю — так вырежет, что потом не на чем сидеть будет.

Ниоткуда писем не имею. Немного беспокоюсь относительно Сергенча; вот милый человек, которого я очень люблю и который ко мне относится с настоящим дружелюбием и не боится моих разговоров и влияний. Вчера я перебирал старые бумаги и письма и наткнулся на такие его слова, это он пишет после моего отъезда из Москвы: «...недостает тебя днем, недостает вечером, когда я жил всеми тайниками моей души и чувствовал, что мои мозги работают во все колеса. Черт его знает, отчего это, но никто кроме тебя не будит в душе моей таких планов и в голове таких мыслей».

Поправляйся, милая маточка, не волнуйся, гони беспокойные мысли. Ты умный Рыжий Дьявол и, если захочешь, любого за пояс заткнешь. Читай побольше Дюма⁶, и других, в газеты не вгрызайся и политику брось. Старайся не принимать близко к сердцу и не огорчаться худобой Павла и прочим и ничего ему не советуй, он всякий совет принимает за оскорбление. Мне самому его от души жаль, я знаю путь, каким он пришел к такому душевному состоянию вечной обидчивости и раздраженного самолюбия, но говорить с ним бесполезно. Он часто самый простой разговор о газетах или живописи принимает за желание нарушить его самостоятельность и «навязать» ему что-то. Теперешние дела, дороговизна, отсутствие денег и прочее совсем развинтили его и заполнили мелочами, с которыми он не умеет справиться. И голод его не столько настоящий, сколько от всего этого беспокойства, раздражения и мнительности; ну, конечно, и ест он недостаточно.

Крепко и нежно целую тебя и всегда с тобою. При первой возможности опять пришлю кого-нибудь с письмецом. Не скучай, Рыженька, смотри на все, как на тяжелое испытание, посланное не нам одним. Мы куда еще в лучшем положении, чем миллионы других. Будем терпеть!

Твой Коточка в Туфельках.

13. С.С.Голоушеву, 10 марта 1918 г.

Милый мой Сержопинька! Нами, мною и Анной (помнишь, Анна, моя жена — Анна, ее зовут, помнишь? Такая толстая, курит трубку и кашляет? — Неужели забыл!) — вдруг овладело беспокойство о тебе. Время чреватое, а известий никаких уже давно. Хоть коротко, хоть два слова, но напиши. Как твои денежные дела? Я уж соображал: пенсия, вероятно, тью-тью, Округ¹ тоже, пожалуй, газета не платит — как же ты? Есть ли хоть женские болезни? Напиши. И лучше всего две коротеньких открытки, по городскому и деревенскому адресам, а потом большое письмо по городскому.

В предыдущем большом письме я все тебе изобразил; получил ли ты оное? Ныне могу добавить лишь одну горячую просьбу. Я смотрю на тебя в некотором роде, как на хозяина Москвы; я знаю твое гостеприимство и широкий характер — будь же добр, Серпопинька, окажи такое же широкое гостеприимство прибывающему в Москву Ленину и его друзьям. Не скрывай своей радости, ликуй во всю мочь, умастись е-ле-е-м и скакай от всей души. Пусть лик твой будет светел и пролетарен; в твоей изысканно расчесанной бороде и стеклах на носу есть что-то буржуазное, отвратительное, почти кадетское — исправь это, Сережа. За образец возьми рожу Серафимыча, если он тебе ее даст на некоторое время.

Целую тебя крепко и страстно. Анна (ты ее помнишь? Моя жена) влепляет тебе сочный, как незрелый персик, как губка, полная воды, как понтийские болота, — поцелуй. Не отвергай ее, Сережа! Она сейчас вроде продовольственной Управы и в ней сосредоточено все масло, все селедки и вся репа земли! Но душа ее все так же нежна и сквозь репу веет эфир тончайших фибров и головолмнейших зигзагов. Сквозь запах москательного-овощной лавки, которым пропитаны ткани ее одежд, сквозь сало и чад, пропитавший ее локоны, — слышится райское благоухание. Трудолюбивая Марфа по утрам, по вечерам она внимательная Мария у ног Учителя², слушающая его с расширенными глазами. Глаза она расширяет, чтобы не заснуть на самом интересном месте, чего Учитель не выносит. Иногда она путает и бывает Марией по утрам, а Марфою вечером — тогда тихие финляндские доли оглашаются мощною руганью Учителя, а в ее счетах и селедках происходит роковая путаница. Весьма часто она вояжирует в Питер и обратно, перетаскивая кулечки и мешочки, заседаая в 3-м классе и вступая в самые приятные отношения с матросами, которые ее любят. Ее финский трехх на голове, ее стоптанные валенки, похожие на вполне распутившиеся розы из Ниццы с тысячью лепестков, ее цыгар-

ка и склонность к крепким словам — делают ее красой и гордостью вагона. Неужели ты ее не помнишь? Анна, моя жена.

Напиши же! Ждем!

Твой Л.Сгоряострященский.

10 марта по новому 1918 г.

14. С.С.Голоушеву, [13]-14 марта [1918]

И когда ты научишься писать письма, старая пемза, раздери тебя черт, как Россию! Вчера в наш ковчег, как голубь с ветвью¹, впервые появился почтальон и принес кучку писем от декабря и января. Там было и твое с статьей Серафимовича². А сегодня принес еще твое письмо, где ты в легкомысленных, игривых и недостойных тонах сообщаем о твоём воспалении и пребывании у Остроухова³. Но *даты* ни на одном письме *нет*, и когда все это случилось: до Рождества Христова, или после, могут разобрать только спириты. Просто не знаю, что с тобою делать.

Ах, беспокойно, Сережа! Вот ты был болен, может и сейчас болеешь, а мы ничего не знали. Глупо это и с каждым днем все глупее. А ты еще: о современности не пиши! А о чем пиши?..

14 марта.

Тороплюсь отправить письмо с оказией и кончаю скоропостижно. Одним словом, рад если ты выздоровел и ТРЕБУЮ, чтобы твои письма были с датой. И чтобы ты писал!!! Получил ли мои два письма по новому? На днях напишу поподробнее. Я тебя люблю, чертякочка. А Серафимыч не так плох: у него есть искренность и смелость и он *платит*. Несчастный, он будет козлом отпущения, когда лицемеры и оборотни Горькие будут чествоваться.

Анна кланяется тебе в пояс. Ты помнишь ее? — Анна, моя жена, лупоглазая такая и еще влюблена в Немировича[-Данченко]? Неужели забыл! Еще нос у нее такой римский, как развалины терм Каракаллы. Вспомни, Сережа! И пиши, пиши.

Любящий тебя Л.Подсоветский.

15. Г.Д. Бернштейну от А.И.Андреевой, 2[15] марта 1918 г.

Многоуважаемый г. Герман Бернштейн!

Леонид Николаевич нездоров и не бывает в городе. Он будет очень рад повидаться с Вами, но только у себя в деревне.

Удобный поезд на Райвола отходит [в] 9.30 утра, на станции имеются извозчики.

Очень интересно побеседовать с Вами.
Всего доброго!

Уважающая Вас

2 марта 18 г.
Ваммельсуу.

Анна Андреева

16. А.Ив.Андреевой, 15 марта 1918 г.

Милая Анна Ивановыч! Спасибо за письмо. Сейчас тороплюсь, потом отвечу подробнее. Во всяком разе, рад тому же, коли понадобится. Стеснений в этом смысле никаких ты испытывать не должна.

Большая к тебе просьба. Ты человек разумный, спокойно и тихонько, не раздражая, убеди мамашу, что ехать сюда ей невозможно. В моем письме к ней¹ ты найдешь мотивы; добавлю (для тебя), что, вздумай мать приехать сюда, а я напроосто удеру отсюда. Ей издали кажется, что тут рай, она скучает, а побудет здесь — если даже не простудится немедленно — и опять захочет в город. Для таких нервов и такой готовности пугаться здесь для нее хуже всякого города.

Поговори с ней ласково, убеди и уверь, что я от любви хочу ее оставить в городе, а не от ненависти. Надо бы для нее составить винтик. Заставь ее читать Дюма.

Целую тебя и детишек².

Интересно, что ты пишешь об эвакуации.

Л[еонид]

15 марта 1918 г.

17. А.Н.Андреевой, 15 марта [1918]

Милая моя маточка! Я уже давно называл нас с тобою Ромео и Джульеттою, известными всему миру лицами своей влюбленностью и горячей перепиской. И пусть стынут все самовары, пусть даже остывает солнце — мы с тобою не остынем никогда, это факт непреложный. И твое последнее каракулевое письмо я читал с тем же чувством, с каким и ты его писала. Да, маточка, у нас с тобою все хорошо.

Но твой переезд в деревню я считаю преждевременным по целому ряду самых важных соображений. Самое главное: это еще не вполне окрепшее твое здоровье и возможность возобновления

процесса при малейшей простуде. Прежде, когда доктора были под рукою и всегда возможно было выписать из города, это не имело такого значения, но сейчас это может привести к самым скверным последствиям. Представь, что ты слегка простудилась или тебе стало нехорошо просто даже от нервов — что мы будем делать? Доктора не достанешь и прямо хоть с ума сходи от беспокойства. При твоей болезни (воспаление легких — не шутка!) немедленная медицинская помощь так важна, как какое-нибудь всприскивание при дифтерии: захватил вовремя и сразу, и болезнь проходит, опоздал — и ничего уже не сделаешь. Это соображение о докторе настолько важно, что я именно для тебя, для твоего здоровья и даже жизни даже допустить мысли не могу, чтобы ты теперь приехала сюда. Если ты очень скучаешь обо мне, то я скорее готов примириться с неудобствами жизни в Петрограде и самому туда приехать, нежели допустить твою поездку.

А простудиться у нас крайне легко, я сам, приехавши, пережил маленькую простуду, от которой до сих пор не избавился. В столовой тот же холодина, в клозетах мерзнешь и даже у меня вечерами холодновато, приходится все время таскать фуфайку. И продувает всякий раз, как откроются двери, нигде от этого не спасешься, раз теплые комнаты разбросаны по всему дому среди холодных. Эти дни было безветренно и солнечно, и детская днем нагревалась, а вот два дня дует ветер — и опять холодина. И как бы плохо в отношении тепла не было у Павла, все же там лучше, а главное — доктор. Даже если и простудишься немного, помощь под рукою, а здесь — пропадать. А аптека, лекарство?

И потом: здесь вовсе не так спокойно для нервов, как ты думаешь. Стрельба и у нас слышится иногда, хотя и далеко, а относительно будущего ни за что ручаться нельзя. Гражданская война в Финляндии пока не утихает и возможно, что она приблизится и к нашим местам, т.е. именно здесь ты услышишь ту стрельбу, которая пугает тебя в Петрограде. Я уверен, что настоящей опасности нам здесь *никакой* не грозит, но дело не в опасности, а в беспокойстве, которое ты можешь здесь испытать еще в большей мере, нежели в Петрограде. Вот к нам являлись красногвардейцы с ружьями для производства продовольственного обсыга, и если я отнесся к этому равнодушно, то та же Наташа испугалась до усеру. Могут явиться и еще и напугать. А ночью Маркузя вдруг залает, а там дверь стукнет, а там снег с крыши загрохотал или ветер так залопочет, как будто сто человек к дому подошло — вот и будешь целую ночь прислушиваться и вскакивать с постели. Это тебе издали кажется, что здесь рай и полное спокойствие, а вблизи вовсе не то и для нервного человека беспокойств не обернуться.

Вспомни, как ты летала по комнатам, когда обвалился снег, — а вдруг опять то же случится? Так ты, раздетая, и побежишь?

С другой стороны, тебе совершенно нечего опасаться немцев. Если они и придут, то — убежден — это произойдет без всякого боя: кому теперь в Питере драться, когда нет ни солдат, ни комиссаров, когда даже разговоры всякие об обороне кончились? Если даже и произошло бы маленькое сражение — чего я не представляю, то место его будет в окрестностях города, с противоположной от тебя стороны, за Балтийским и Варшавским вокзалом, где-нибудь в Гатчине или Царском. И тебя это так же мало коснется, как стрельба на фронте. Повторяю, что Ваши места самые сейчас безопасные во всех смыслах, просто лучше не придумать. Самый же приход немцев может быть страшен только для молодежи, которую могут забрать, для рабочих и вообще мужчин, которых могут погнать на работы, — а на что им такой гриб, как ты? Пусть, скажут, растет и цветет этот мухомор: мух будет меньше. Опасен их приход, конечно, и для большевиков, но так как ты давно раскаялась в большевизме, еще раньше М. Горького, и так как никто не знает, что Троцкий твой незаконнорожденный сын, то и в политическом отношении ты вполне обеспечена. Придет к тебе Гинденбург, посмеется и скажет Вильгельму: «Знаете, кайзер, это не старушка, а форменный обормот, сходите сами посмотреть!» Придет и Вильгельм, а тебе что? — сиди себе, да путай. Жалко, конечно, что тети Саши нет, она бы им показала! Она б руки в бок и пальцы на выверт! Она Зенкевича¹ укротила, а не то, что Гинденбурга! Она бы так сказала:

— Это совсем неиз-яшно, что вы берете Петербург. И Анна Александровна и все Лосевы² не такие люди, чтобы я их променяла на немецкого солдата. За мною сам Фок³ таскался, как фокс-терьер, каждый день морду брил и пробор делал для красоты, да мне на его морду — тьфу! тьфу! тьфу! Я сама себе морда, а на твою мне — тьфу! тьфу! тьфу!

Лучше в городе и относительно продовольствия и ухода. Тебе сейчас еще необходим человек, а кто может здесь? В другое время я попросил бы приехать с тобою Женю, она славная особа, но теперь это невозможно — вероятно, и для нее. Я хочу, чтобы ты *хорошо* кормилась, я хочу, чтобы за тобою был уход, чтобы возле был доктор (это самое главное!), и все это ты можешь иметь теперь только в городе. Говорить нечего, как я рад был бы посидеть с тобою вечером за винтиком (я с тех пор не играл!) и вообще насладиться игрой твоей рыжей физиономии и нашей дружбой, я ведь здесь порядочно скучаю, — но теперь, без доктора и остального, меня прямо заест беспокойство и тревога за тебя. Я ведь

тебе говорил, что это счастье наше, что ты заболела в городе, а не в деревне, и теперь идти на сознательный риск было бы безумием.

Надо тебе по меньшей мере пробыть еще недели две под наблюдением врача, надо окрепнуть, надо постепенно привыкнуть к воздуху, ежедневно выходя наружу, надо, чтобы и здесь несколько потеплело, чтобы без риска переехать. Это горько, милая моя, любимая и беспокойная маточка, но это необходимость, которой приходится подчиниться, как мы подчиняемся тяжести и заботам всего этого проклятого времени. Терпение! Терпение! Если бы мне раньше сказали, что я буду столько терпеть и мириться с такой жизнью, какую приходится сейчас вести, — я бы в рожу плюнул, а сейчас корчусь, но терплю. Только бы до весны дотянуть, до солнца и тепла — почему-то верю я в весну, все мне кажется, что весной, при такой хорошей погоде, не могут же люди драться, как осенью или в мороз!

И еще одно: если немцы займут теперь Петроград, то, по всей вероятности, и въезд и выезд из него — да еще для таких грибов, как ты, и вообще для женщин — будет свободный. Стало быть, нечего опасаться и того, как прежде я опасался, что мы надолго будем лишены возможности сноситься; да и приехать можно будет, если станет невтерпеж долго жить под пятою надменного завоевателя.

Живем здесь по-старому. Нынче вдруг появился Давид, радующий людей⁴, и сразу принес много писем — большинство помечено еще половиной января, самое позднее начало февраля. Есть письмо от няньки Паши, сообщает коротко и глупо, что А.Н.Кудрявцев умер и похоронен 2 февраля, но подробностей никаких. Надо Павлу написать туда и узнать о тетке⁵. Есть письмо от божественно прекрасной Александры⁶, в коем она, подболевшись, взирает на мир, пишет тебе Николай Степаныч⁷. Елизавета Михайловна⁸ пишет, что они лишились всех заработков и бедствуют. Есть от Сергеича разные бонмо без месяца и числа, прилагает статью Серафимовича в большевистской газете⁹, в коей статье Серафимыч лысиной пробивает стену, как снарядом. Но телефон наш еще не разрешен и даже с Самойловым говорить нельзя. Еще новость: зеленая лошадь пошла в красную гвардию, я думал, в кавалерию, оказывается — сестрой милосердия. Отбирают лошадей, боюсь за нашего Хабиасика, говорят, будут отбирать велосипеды.

Еще новость: сегодня Анна будет меня стричь ножницами для мозолей и вообще производить на голове окопные работы. Она хочет, чтобы я стал красавцем в *ее глазах*, а чтобы все другие

женщины меня не понимали. Господи, до чего я хочу хоть самой завалашей, паршивой, шелудивой, коростовой, сопливой, но — испанки! Невозможно, когда так долго живешь без испанки и даром пропадает красота и юность. На Анну я смотрю, как на вторую мать, и похож я на человека в оперетке, который семнадцать лет не видал женщин¹⁰. Правда, есть тут одна белокурая девушка, с стройной талией, с звучным и поэтическим именем Эльвиры и с прыщами на задумчивом лице, но в ней совершенно нет испанского. А без испанского я не хочу, мне нужно *именно* испанское, севильское, карменистое. Анну собственно я обожаю, она меня поит и кормит, но при такой широте и разносторонности, как у меня, мне немислимо же обходиться одной женой! А она, сколько я ни прошу, не хочет выписать мне хотя бы только пары две новых жен, уверяет, что я подлец и Лавелас. Это я-то Лавилаз — я даже слова этого не понимаю!

15 марта.

Наташа расскажет тебе о наших последних треволнениях, милая маточка. Будь спокойна, береги себя, читай романы и обязательно каждый день ходи гулять, чтобы привыкнуть к воздуху, без этого невозможно в деревне. Приехал сюда Илья Николаевич и в первый же день приобрел насморк. Я все еще с маленьким бронхитом, хриплю и покашливаю, надоело. Солнце ушло, погода пасмурная и сырая.

Крепко и нежнейше целую тебя, мое немецкое сокровище. Одного боюсь: как бы немцы не увезли тебя в Берлин для ихней Аллеи Побед или Музея, как наилучшее украшение и пугало. В Финляндии общее положение вещей, по-видимому, ведет к миру — это хорошо.

Еще целую и всегда люблю.

Твой Л[еонид].

18. И.А.Белоусову, 15 марта [1918]

Милый, хотя и сепаратный Белоусынька! Передай всем моим друзьям, родственникам и знакомым следующее.

Последние месяцы я испытываю странную и опасную развинченность моей личности. Это не то что раздвоение, а раздесятирение и даже больше; и захватывает оно не только мою духовную сферу, но губительно отражается и на физической стороне. Хожу я раскаряч, куда правая, куда левая нога; отдельно и независимо одна от другой болтаются руки в то время, как бюст самостоя-

тельно выделяет зигзаги. И лицо мое размножилось, напоминающая одной частью своею удесяттеренный флюс, а на другой видимо и губельно истощаясь и подозрительно кривясь. Родные дети, взглянув на меня, в ужасе воют.

Долго искал я объяснения этому страшному и мучительному явлению, пока в Энциклопедии не встретилось мне исчерпывающее объяснение. Оказалось, что причиной развинченности является российский сепаратизм, расколовший мою дотоле единую личность так же, как расколота [т.е. расколота] Россия. Отделение Польши, Украины, Финляндии и прочих вызвало и во мне соответствующие сепарации. По отцу я великоросс; по матери и деду — поляк; по бабке и всему ее роду (Кулиш) я хохол; по месту оседлости — финн. Далее по деду с отцовой стороны (орловский предводитель дворянства) я помещик, крупное землевладение, буржуй; по бабке — крепостной, беднейший крестьянин, эксплуатируемый класс, почти батрак¹.

До сих пор эти весьма разнородные национальные, государственные и классовые элементы довольно мирно уживались во мне под единой фирмой Л. Андреева и все шестеро: великоросс, поляк, хохол, финн, буржуй и батрак дружески ходили в кабак или в ресторан. И там поляк плясал мазурку, хохол спал головой на столе, помещик привередничал, а беднейший крестьянин производил умеренный погром, великоросс же потом расплачивался по счету или производил иностранный заем. Так жили мы все шестеро, а может и больше, так как по некоторым свойствам моей личности надо думать, что во мне есть и жид, — когда разразилась эта гроза.

И что получилось?! В то время, как хохол обнимается с немцем в восторге сепаратного мира, поляк враждует и с хохлом и с немцем, а великоросс хочет драться с тем же немцем, поляком, и хохлом...

15 марта по новому.

Прервали на полуслове. Вдруг пришла почта (уже месяц не ходит) и принесла кучу писем за декабрь и январь. Кое-что из Москвы есть, от Сергеича. Только теперь узнал, что старик был болен воспалением легких и что Серафимыч пишет в «Известиях» чудные статьи: одну статью Сергеич прислал, и я учу ее наизусть, буду петь под рояль. Хорошо он там чехвостит вас, трижды проклятые буржуи!

К сожалению, среди писем нет ничего от домовладельца, крупного буржуя и добровольного хохла И.А.Белоусова. По-ви-

димому, он «выпал из класса», как требовал от него Серафимыч², и завалился куда-то в щель. Попили нашей кровушки, буде!

А на Серафимыча надо смотреть снисходительнее. Мне его очень жаль. Он человек искренний и ошалел во всю свою лысую головушку. И достанется же ему по простотии большевизма! Другие, как Горький, вывернутся, они ловкачи, а Блока приятеля [т.е. приятели] выгордят — он-де поэт, что с него взять, а Серафимыч неуклюж, неловок, его большевизм оскорбителен для литературной знати и его сделают козлом отпущения. Бестолковый малый, он так неосторожно задел и Ваничку Б[унина] и античного Вересаю, и ему потом прямо не жить!

И он искренне, даже до глупости демократичен, верит в большевиков, вообще ошалел восторженно и насквозь. Нам с тобою, Иване — мне, как крупному помещику, тебе, как крупному домовладельцу и представителю класса городских эксплуататоров — трудно понять этого лысого пролеташку, у которого все имущество заключается в лысине, ревнивой жене и криковой мотоциклетке, при посредстве которой он сближался с народом, канавами и заборами. Нет, пусть его ругают другие, а ты, милый, если случится, будь с ним поласковее. Правда, ему должно быть очень трудно и кисло.

А все-таки не могу не шутить. Все мне представляется, как Серафимыча по новому декрету «вселяют» на квартиру Телешова и что делается с Еленой Андреевной³ и сколько убийственной иронии и презрения излучает по этому поводу Ваничка Бунин. Занятно! А я бы еще и контрибуцию с Митрича взял, ей-Богу! Кстати: в его графстве не было восстания арендаторов? Вообразить, как они с красными знаменами и интернационалом шли к его даче и требовали свободы для сортиров.

Про себя не хочется говорить, скучно. Все такая же хворающая сволочь, у которой всегда что-нибудь болит. Работать не могу, все танцую кекуок и матчиш. Прожил три недели в городе, где опасно заболела мать, никого не видал, проводил дни около нее. Слава Богу, теперь поправляется. Дети здоровы и блаженствуют в снегу. Жратво плохое, да и того скоро не будет.

Живопись я бросил и от скуки, чтобы заполнить пустое время, беру уроки пения у местной случайно оказавшейся учительницы. Пока идет недурно. Правильная постановка голоса, к удивлению, отразилась на его силе: реву такой белугой, что красногвардейцы приходят с обыском, думая, что я скрываю нелегальную корову. Пока пою романсы, учительница обещает, что скоро могу перейти к Вагнеру. Вздор, конечно, но увлекает! Вот удивлю наших ребят на «среде», когда запою. Учительница говорит, что грудно-

брюшная преграда у меня почему-то низко лежит и это отражается на тембре, получающем особенно странные переливы.

Крепко целую тебя, милый друг. Жду письмеца. Нет ли у тебя нот «Ромео»⁴? — дорого покупать. Сердечный привет И[рине] П[авловне] и усатой детворе⁵.

Твой Л.Мазини⁶-Младший.

19. А.С.Серафимовичу, [середина марта 1918]. Фрагмент.

Серафимыч! Хотя я сейчас твой враг, но, конечно, я не скажу, что ты «подкуплен» большевиками, понимая подкуп в самом широком смысле: не только деньги, но и популярность, успех, влияние в известных группах, самолюбие, честолюбие и прочее. И говорить про тебя так могут только те, кто или совсем тебя не знает, или глуп и для всяких сложных явлений ищет простых и вульгарных причин или, наконец, ослеплен и раздражен болью и страданием. Я знаю твою общественную честность и искренность и для меня нет сомнений в чистоте твоих мотивов; и я не стал бы об этом говорить, счел бы неприличным и излишним, если бы твоя статья о «Братьях писателях» не ставила и этого вопроса¹.

Скажу больше. После первого чувства некоторого изумления, что ты примкнул к большевикам и «Советам», и даже негодования (об этом после) — я и мысленно и в разговоре с близкими весьма одобрил твою прямоту и решительность. Больше всего на свете я не люблю трусов и лицемеров, не люблю прячущихся, осторожно молчащих и «воздерживающихся от голосования». Их очень много в писательской среде, ты это знаешь. Образцом таких господ, уклоняющихся от ответственности и желающих пожинать, ничего не сеяв и ничем не рискуя, я считаю М.Горького, который словно играет в фанты, где «да» и «нет» не говорят, черного и белого не покупают. Лично я почувствовал ненависть к «коробочкам»² и «воздерживающимся» за время «Русской Воли», когда обо мне также, вероятно, говорилось, что я «подкуплен».

Ты открыто и прямо выступил на твою дорогу. Ты полностью несешь ответственность за свои действия, и это ставит тебя, конечно, в ряды тех идейных борцов, с которыми можно враждовать и бороться насмерть, но не болтать о них глупости и пакости насчет какого-то «подкупа». И твоя лично ответственность в смысле расправы над тобою будет даже больше, чем ты это пишешь и думаешь: тебе твоего большевизма не простят. Его простят Горькому или просто он вывернется, его простят А.Блоку — он поэт! Но ты станешь козлом отпущения, притчею

во языцех, страшную сказкою для детей. Да, тебе будет трудно жить.

И то, что ты это знаешь, еще более в моральном смысле оправдывает твое выступление и даже ставит его в моральную заслугу. Но, конечно, не только об этом я хотел говорить с тобою — мне просто хочется понять, разобрать, может быть услышать от тебя, как это случилось, что ты впал в такое страшное заблуждение и стал *врагом* народа, думая сделаться его другом и предстателем. Какие *обманы* в твоих мыслях привели тебя на дорогу, столь убийственную и для тебя лично и для тех, кого ты любишь?

Должен сказать, что в «большевизме» я вижу не одну только отрицательную сторону. Если верхи его почти сплошь пропитаны ложью, корыстью и обманом, то на низах его явственно веет чистый дух народного восстания. Пусть это только «восстание рабов», темных, невежественных, даже жестоких и ленивых — я все же не могу осудить *рабов* и пропеть хвалу *рабовладельцу*. Мне отвратительны грязь и кровь, которыми сопровождается их шествие, мне страшна их глубокая неправосудность, мне мучительна их слепота, их дикое невежество, их тупость и низкие лбы (*рабы* не виноваты, что они невежественны и у них низкие лбы) — но мне понятно их восстание и трогательна их вера в близкое царство справедливости. Пусть разум мой возму-

20. Льву А.Алексеевскому, [18]-26 марта 1918 г.

Милый мой Левушка! Получил два твоих письма, одно с шутками насчет учителя — это чепуха! — и другое, серьезное, очень мне понравившееся и тронувшее меня. Я тебя люблю, мой милый мальчугашка, и мне приятно, что ты такой здоровый, веселый, умный и правильный человечешко. Все, что ты пишешь о немцах, необходимости обороны, Питере и прочем — правильно. Так, как ты, чувствуют все здоровые и честные русские люди. Правда, многие как будто радуются приходу немцев, но это потому, что вся Россия устала и измучилась анархией, и даже своих врагов немцев считает за меньшее зло, нежели большевиков. Многие думают так: пусть придут проклятые немцы и уберут проклятых большевиков, а потом мы сами уже уберем и немцев.

Конечно, это рассуждение неверно. Если у нас не хватает силы самим справиться с большевиками, то еще меньше сможем мы справиться с германцами. И моя надежда вовсе не в том, что немец защитит нас, как слабосильных идиотов, от Ленина и его

компании, а что сами рабочие, крестьяне и все честные люди России почувствуют наконец невозможность жить так и дальше, почувствуют позор, голод и разорение, поймут обман, куда их вовлекла невежественность — и сами, всем народом, примутся за энергичную работу. Россия сейчас распалась на части, на мельчайшие частицы; она развалилась, как каменный огромный дом после землетрясения, и представляет собой груды мусору: кирпичей, известки, сломанных и погнутых палок, порванных обоев, стекла битого и всякого сору. И надобно, разобрав весь этот мусор, отделить в нем цельные кирпичи, годные для стройки, и весь другой годный материал, надо добавить к этому новых кирпичей и крепкого дерева — и сызнова строить дом по новому плану.

Работа предстоит трудная и долгая, но отчаиваться не следует. Может быть, так и надо, чтобы старый дом России, затхлый, вонючий, клоповый, построенный по ветхозаветному плану, — развалился дотла и тем дал возможность воздвигнуть новое величественное здание, просторное и светлое. Боясь издержек и труда, мы хотели только отремонтировать Россию, да сделать некоторые пристройки, а дом не выдержал первого прикосновения и рассыпался весь — что ж, может, это и к лучшему! Знаешь: как говорится: «Пожар Москвы способствовал ей много к украшению»¹.

Будем строить, то есть строить будете вы, молодежь, а нам уже не придется: стары и слабосильны. Но будем и мы, сколько сможем. Будем опять, как при Калите и других, понемногу собирать воедино Украину и Крым, Запад и Восток, будем добывать море и силу. Я думаю, что по прошествии некоторого времени все эти окраины и части России, которые теперь с такой жадностью стремились к отделению и отделились, — с такой же силой и жадностью захотят воссоединения, начнут стремиться друг к другу, как влюбленные и разлученные. Не только Украина, которая сбежала от России исключительно из-за большевика и уже теперь чувствует себя душой, но и Курляндия с Эстландией, и Польша и Литва и, быть может, даже Финляндия — все они, поживши особняки и погулявши с немцем под ручку, весьма захотят вернуться обратно в отчий дом России. Они его не ценили и не любили, когда их держали там насильно, но при свободе он станет им дорог и мил по-новому.

Сейчас русский народ кажется сплошным дураком, вором и хамом, и стыдно называться русским. Но ведь и самый лучший дом кажется простою кучею мусора и грязи, когда он разваливается, и в действительности русский вовсе не таков. В нем есть и ум, и талант, и совесть, большая совесть — это показывает та

же русская литература, которая ведь не из пальца высосана и не в Германии сделана, а создана русскими людьми! В нем есть и воля к жизни — недаром же он так разросся и раскинулся на чуть не на половине земного шара, и все это скажется, когда начнет он строить свое новое здание. Ведь даже в его теперешней отвратительной на вид, страшной и тяжелой болезни есть положительная сторона — это его неудержимое стремление к безграничной свободе. При всех современных условиях, при невежестве народа, лжи и обмане со всех сторон, это стремление к безграничной свободе выродилось в глупейшую анархию, жестокость, бесчинство, воровство и хамство, но ценность самого стремления от этого несколько не умаляется. И впоследствии, наученный теперешним горьким опытом, подучившись и поумнев — русский народ сумеет свое стремление к свободе заключить в более разумные формы и принесет свободу не только себе, но и всему миру.

А пока, Левушка, жить очень трудно и тяжело. Круто, брат, приходится! Противно, что даже так много лгут и так много убивают хороших и неповинных людей. Противно, что немец задрал нос и ходит гоголем, а настоящий гоголь вдруг оказался в друзьях с пруссаками. Все это противно, и порою очень хочется подойти к зеркалу и побить себе морду — это удобно в том отношении, что штрафа платить не придется, и легко дело об оскорблении покончить миром. Конечно, я с большим удовольствием побил бы морду кому-нибудь другому — есть ужасно соблазнительные морды! Но достать их трудно.

Вполне понимаю и разделяю твою печаль и скуку о море. Мое мнение такое, что без моря вообще не стоит жить на свете, и если бы я уже не был сложившимся писателем, я бы хотел быть акулой или даже простой селедкой. Я за то и московские земли не люблю, что у них моря нет. Река не то. Плавать по реке, все равно, что гулять по Невскому: правая сторона, левая сторона, вверх, вниз — простору никакого. А море — это простор и широта. И, конечно, наша Финляндия и особенно шхеры, где море так доступно даже для маленькой лодочки и так разнообразно, — самое лучшее учреждение. От всего сердца сочувствую я тебе, Левушка. Как жаль, что теперь война и нет «Далекого»²: ты и Вадим теперь уже настолько велики, что я мог бы брать вас в дальние плавания, а это, брат, такая штука капитана Кука³! Ты еще этого не знаешь!

У меня есть мечтание: на лето, если кончится в Финляндии война красных и белых, поселиться на Сайменском озере, где тоже есть шхеры, тысячи островов и проливов. Конечно, «Далекого», если даже немцы и не возьмут его, получить нельзя, но мож-

но будет ограничиться гномиком⁴, лодкой и парусами, это тоже не кот наплакал. И вот: если позволит Римма, если возможен будет проезд, если вообще удастся это сделать, — я хочу взять тебя на лето. Конечно, это только мечта, и ты не особенно ей предавайся: возможно, что и лето мы будем сидеть на своих местах, как сидели, жрать конину и выть от тоски.

19 марта 1918 г.

Так вот какие дела, старик. Повторяю, относительно лета и шхер на макароны не задавайся, мечтай, но с осторожностью, как будто кошку кормишь горчицей. Гражданская война здесь сейчас в полном разгаре, и конец ее угадать трудно: если замирятся, то скоро, если и дальше будут грызть друг друга, то долго, силы у обеих сторон много. И как будет продовольствие, неизвестно, и все вообще так неопределенно, что можно только ждать, терпеть и мечтать. Во всяком разе, уехать на дачу сможем только после того как здесь хорошо приготовим и засеем огород. Вадим уже подряжен, в качестве поденщика: 8 часов работы. Такая работа над землей является теперь общественно-необходимой, все дети будут работать, а я буду ходить и унаваживать, я же и дорожки буду посыпать песком.

От Андрея я получил открытку и сегодня письмо, датированное 7 марта. От тебя два письма. Андрею послал открытку, тебе недели две назад большое письмо — получил⁵? Чрезвычайно обрадовался, получив на днях письмецо от Андреича из Москвы, я уже начал изрядно беспокоиться. Стало быть, цел и теперь уже в Мстере. Вся компания уцелела: беспокойно было за Володю⁶, который застрял на румынском фронте и долго не подавал известий, — на днях он прибыл в Москву. Теперь всем надо беспокоиться за Павла: как передают, он идет добровольцем в Красную Армию и теперь уже ходит на ученье, к ужасу А[нны] И[вановны] и Жени⁷. Передай Андреичу, что его приятеля Гржебина недавно ограбили, сняли платье и отобрали автомобиль.

Живем мы по-старому, в тишине. До того тихо, что порой совсем можно забыться и позабыть о войне и прочем. Даже стрельба, которой занимаются в Ваммельоках обучающиеся красногвардейцы, не производит впечатления настоящей и звучит мирно. Бывают минуты переполюха: так, недавно объявили обязательный набор в Красную гвардию и стали забирать здешних финнов, а здешние финны стали удирать и прятаться по лесам. Кажется, довольно много попряталось, часть пошла. Нас это прямо не касается, но косвенно задевает, так как отражается на подвозе

дров и прочего. Как я уже писал тебе, финны-красногвардейцы ведут себя вполне благопристойно.

Погода три недели стоит солнечная, чудесная, на солнце бывает до 20°, но дает мало. Воздух иногда пахнет морскими туманами, далью, простором — и так иногда хочется путешествовать, так хочется теплого моря юга, жаркого солнца, что хоть плачь. Ведь три года сижу я на одном месте, без шхер, без Италии, и это дьявольски надоело. И лето так коротко, что чхнуть не успеешь, как опять длиннейшая осень и зима. Дидишка так растет, что скоро придется перевести его в башню, в одном этаже он не помещается, а там его можно, не сгибая пополам, пропустить сквозь люк. Маркиз стал окончательной бабой, каждую минуту истерики от страха. Бойтся разбойников и привидений, а также ранкеновского⁸ поросенка, который на него хрюкает. Собирается приехать сюда со своим штатом и на месяц поселиться во флигеле Ильи Николаевич — он переработал, утомлен, стало пошаливать сердце, необходим отдых. Будем ходить в гости, играть в винт. Продовольствие плохо, хлеба давно нет, и брюквы нет, и репы нет. Вчера по всем комнатам прошла манифестация голодных тараканов и клопов с требованиями: «Работы и хлеба!», «Война до победного конца!» Клопы в отдельности требуют возвращения бабушки. Мыши по ночам ведут антиправительственные разговоры, вся подпольная печать полна призывов к бунту. У Эмилии уже отъеден кончик носа, почти пол-аршина.

26 марта 1918 г.

Ожидал оказии, чтобы отправить письмо. Сегодня едет в Питер Наташа, и вот отправит сие. Милый старик, пиши мне побольше, но не надо на конверте «Брюкве»⁹, а просто мне, иначе может не дойти. Попроси Андреича написать.

Здесь все так же и все то же и все те же. После того, как прусаки и клопы были разогнаны вооруженной силой, воцарилось спокойствие и полное довольство. Дурачьё! — сказал я им: из вас всяк должен быть в теле, ведь недаром вчера мы с Анной с трудом съели сссалаку.

Здоровье наше какообразно и вообще экскрементабельно. Дети здоровы. Анна в летаргическом сне вот уже третьи сутки. У Наташи морда покрылась огромным количеством прыщей, каковое явление я называю «осенние розы». У кузнеца починили нос Эмилии, сделали здоровенный набалдашник, которым она колет лед и бьет блох на Маркизе. Дидишку, чтобы не гнулся, я привязал мочалой к колу; скоро начну его подрезать, невозможно! У Тинчика вырабатывается мрачный, пессимистический и суро-

вый характер; ворчит на всех, полон брюзгливого недовольства; зовем его Шопенгауэром¹⁰.

Светит солнце, но мороз, ветер, в комнате опять холодина. Все.

Пиши, милый мой Левушка, жду. Поцелуй граждан Олей и товарища Кирилла. Тезке¹¹ — мое почтение.

Твой Л.Репоедов.

21. И.А.Белоусову, 25 марта 1918 г.

Милый мой Белоусынька, домовладелец! Не имеешь ли каких-нибудь вестей о Кипене? Пропал курносый. По одним слухам, он в качестве ценной добычи в Одессе достался немцам; по другим — быстро побежал в неизвестном направлении. Может быть, слышал что?

Пишу тебе довольно часто, но чтобы ответ от тебя получал — таки нет¹. С глубокой верой в твое благородство, как крупного домовладельца, объясняю это неисправностью почты. А очень хотелось бы послушать о московских настроениях, о «среде», Серафиме-большевике, Клестове, издательстве² и твоих личных преуспеваниях в деле освобождения от движимой и недвижимой собственности. И пожалуйста напиши, *что* ты жрешь с твоей почтенной семьей? Моя почтенная семья жрет главным образом репу, мерзлую салаку и другие финские деликатесы. Но попадаетея и говядинка, а недавно даже теленочка слопали. Хлеб — тот для красоты сервировки висит над головою главы семьи и семья почтительно на него, т.е. хлеб — взирает.

Чудная жизнь! Вот немцы хвастают, что у них крепкие нервы — а по-моему, у нас крепче. Попробуй-ка немец, выдержи такую жизнь. Хорош недавно был в газетах рассказ одного «растрелянного», как его два раза расстреливали ни за что, ни про что, а он под конец все-таки уполз и казенную пулю в плече с собою уволок!

Целую тебя крепко, Белоусынька, пиши и пиши. И всех твоих поцелуй.

Твой Л.Саллакин.

25 марта 1918 г.

22. С.С.Голоушеву, 25 марта [1918]

Милый мой Сергунюшка, пупсик! В почте опять что-то зло: ни взад, ни вперед. Посылаю письма, как лучи на Марс. И от

тебя тщетно жду; в последней главе ты остановился на том, что у тебя воспаление и ты предаешься мушкам, искусству и созерцанию у Остроухова. Страшно интересно, Анну прямо захватило, особенно воспалением, а продолжения нет. Если это не расчет бульварного романиста, каким ты был всегда, то это простое свинство.

У меня, к сожалению, нет воспаления легких: похвастаться нечем. Торгую по мелочам. Месяц непрерывно болит голова. Кое-что могу представить по части сердца и печени. Недурен геморрой. В желудке и выходе из такового наблюдаются интересные явления. Превосходная бессонница. Но все мелочи, Сережа! — этаким провинциальный Мюр и Мерилиз¹. Барыш ничтожный, работы много. Мечтаю о тифе или чуме, вообще о чем-нибудь солидном. Временами, особенно в ночную пору, начинаю звать к Господу: доколе?!

Работать невозможно, если бы даже и хотел. Оголтелая головная боль и сердце с коротким трудным дыханием дают возможность только скользить по верху мыслей, не проникая вглубь. Перед большой темой, перед напряжением и тшанием настоящей работы, перед всяким взлетом — трепещу и задыхаюсь. По вечерам, взвинченный лампой, в дурмане от головной боли, много говорю с Анной и перед Анной. Кое-что из говоренного следовало бы сохранить, но как? Памяти ни у нее, ни у меня нет, да и когда записывать. Так и растворяются мысли в финляндской мгле.

А переживания интересные. Устанавливаю соотношения между личностью, мною, — и Россией, человечеством. Ищу и нахожу роковые ошибки в моей жизни писателя. Основной вопрос: почему так случилось, что 10 лет я с каждой вещью поднимался прямо вверх, как ракета, поднимался быстро, решительно и светоносно — и вдруг остановился? Графически линия развития моего была такова, что продолжайся она *без излома* — я через вторые десять лет (8 апреля 20 лет как я печатаюсь²) должен был подняться над *всеми* моими современниками. Это не то замедление, которое естественно при всяком восхождении, — нет, точно я в самом воздухе наткнулся на какую-то преграду и *ношу под потолком*, как летучая мышь. Вершины я достигаю в 906-7 г., когда мною написаны: в 1906 — Елеазар, Жизнь Человека, Савва, 1907 — Иуда и Тьма и в одном 1908 — Семь повешенных³, Дни нашей жизни, Мои записки, Черные маски и Анатема. (Вообще, этот 1908 г. удивителен по жизнедеятельности: женюсь на Анне, строю дом, переживаю всякие переживания и пишу столько лучших своих вещей)⁴.

Конечно, я не могу сказать про себя, что *падаю*. Такие вещи, как Екатерина Ивановна, [Сашка] Жегулев, Самсон [в оковах], Тот, кто [получает пощечины], Собачий вальс, Реквием и многие рассказы, — или совсем не уступают прежним, или же уступают мало. Но *выше* Жизни человека или Анатемы — нет. И рассказов *выше* Иуды и Тьмы нет.

Так вот: в чем же дело? Можно сказать, пожалуй, что я достиг своего предельного роста в Жизни Человека: ведь никто вторые 20 лет своей жизни не растет так, как первые, — иначе ты, Сергеюшка, был бы теперь ростом с Сухареву башню⁵. Но это в данном случае неверно. «Жизнь человека», будучи вершиной, в то же время вовсе не представляет собою гармонично законченного произведения, каким является *зрелость*, — она мальчишески зелена и *обещает* больше, чем дает. Это, так сказать, юноша с пушком, а не вполне созрелый и законченный бородач. Старше возрастом, но все еще несовершеннолетен Анатема. Почему я не пошел дальше и выше?

Вот над этим вопросом я и мозолю мозги. Весьма сложно и весьма важно, ибо от решения и правильного понимания зависит будущее, поскольку оно еще есть у этого полного собрания болезней, твоего Леника. Знаю, что дело не в оскудении таланта: что такое талант? — а в ином, даже до чрезвычайности сложном. Именно: в некотором душевном сдвиге и некоторых ошибках сознания, о которых в письме слишком долго говорить. А коротко так: я силен и я единственный, пока я разрушаю, пока я «Елеазар», под видом какового в свое время изобразил себя. И я слаб, обыкновенен, похож на многих и теряюсь в писательской толпе, когда я пытаюсь утверждать, утешать, обнадеживать [и] успокаивать. Коли ты Елеазаром родился, так таким и живи, а в бонны к юному человечеству не поступай и сморкание носов предоставь другому. Дурак я, Сережа, большой дурак.

И что меня еще губит, так это позорнейшее недоверие к себе. В глубине души я всегда и считаю себя говном, и оттого такое губительное влияние имела на меня критическая травля.

25 марта.

Все нет от тебя писульки. Скучно! А как хотелось бы повидаться. Ей-Богу, отдал бы 20 рублей (керенку), только бы улицезреть. И Анна — ты ее помнишь? — беспокоится. Кстати, об этой самой Анне.

Как тебе известно, у каждого человека есть свой ангел-хранитель, который охраняет его от глупостей и ошибок. Например, напился человек пьян и лезет в воду мимо моста, а ангел берет

его за шиворот и ведет на мост. Или решил ты идти в народные комиссары, а ангел тебе шепчет: дурак, оставь! Или вздумал ты принять участие в новой газете, а ангел целую ночь скулит у твоего изголовья: брось, Сережа, опять напорешься! Или начал ты влюбляться в недостойную особу, а ангел ей нарочно прыщ на носу посадил, вот ты и спасся.

И вот у одних ангелов работы совсем мало, просто-напросто бьют баклуши и круглые сутки спят. Например, что делать моему ангелу, когда я сам так мудр и осторожен? Но за то попадают и несчастные субъекты, замученные работой, как извоищи-чи лошади на Рождество. Таков ангел у Анны. К концу дня истине страшно взглянуть на его потное, бледное, ошалелое лицо. Еле передвигая ногами, спотыкаясь и скрипя зубами, он [ведет] Анну спать: только и отдохну, пока она спит! К несчастью, сам он от переутомления страдает бессонницей и целую ночь я слышу его тихие мучительные стоны. Скверно будет, если он совсем сляжет или просто забастует, ссылаясь на общее движение в России. А Анна упрямо твердит: раз он ангел-хранитель, так пусть и охраняет, мне-то какое дело! Пробовал я, ввиду общности нашего имущества, меняться с нею своим ангелом, но не вышло: ее ангел сразу заснул возле меня, как убитый, так что я вовсе остался без охраны, а мой возле нее начал быстро и решительно сходиться с ума и выкамаривать такие вещи, что даже неудобно рассказывать.

Как быть, Сережа? Нет ли у тебя знакомого безработного ангела, которого можно бы пригласить к Анне в качестве дублера? Но только не такого, который дерется или выщипает волосы, как выщипает у Серафимыча его ангел. Твой собственный тебе очень нужен? Ты, кажется, ни в какие новые газеты и альманахи сейчас неходишь. Хороший ангел у Ванички Бунина, да не даст. Просто беда.

Целую тебя и жду письмеца. Скучно, Сереженька, что-то и расстрелы не радуют. Нынче хоть и солнце, но свистит северяк, мороз и в будущее не верится. Конины не хочется, и салаки не хочется, хочется в Бразилию или хоть черту в пекло, только бы тепло. А какой партии черт? Кадет? Левый эс-эр? Большевик? Или дрянненький меньшевичок-интернационалистик. А знать это важно. Тебе известны мои взгляды, и ты, конечно, не сомневаешься, что я откажусь идти в пекло, как бы его ни топили, если Черт принадлежит к буржуазным или соглашательским группам. Вдруг он империалист? А я хочу без аннексий и контрибуций⁶. А скажи, Сережа, ты силен в политике: если в клинике у меня вырежут геморроидальные шишки, то не будет ли это аннексия?

И не скроется ли под видом гонорара простая контрибуция? А скажи, Сережа... ну, довольно.

Твой Л. Пеклеванный.

23. А.А.Измайлову, 25 марта 1918 г.

Дорогой Александр Алексеевич! Так нам и не удалось побеседовать в городе. Правда, мне очень трудно было, ввиду тяжелой болезни матери, располагать временем, а потом, в связи с тогдашними событиями, предполагаемым приходом немцев и прочего, пришлось поспешно эвакуироваться в деревню. И никого в Питере я и не повидал.

В ожидании случая, когда нам удастся поговорить толком, изложу вкратце мой взгляд на газетную работу. Прежде всего, не знаю, буду ли я вообще работать по части публицистики, или совсем откажусь от этого дела. Что ни говорить, газета и политика убивают искусство, и я особенно почувствовал это по «Русской Воле», когда за *целый год* я не написал ни одной беллетристической вещи; больше того — и сейчас ничего писать не хочу и не могу, настолько опустошена голова.

Во-вторых — если даже и стану работать в газете, то отнюдь не теперь. Подцензурно я писать не умею, пишу плохо, а если заговорю во весь голос, то немедленно вас закروют, и хуже того. В то же время, что бы я и как бы ни написал, сейчас это будет бесполезно. Надобно, чтобы этот период миновал, надобно, чтобы ряд явлений, лиц, настроений и мыслей в логическом следовании своем изжили самих себя и освободили место для *следующего* этапа русской жизни. Мне лично кажется, что этот новый приближающийся период будет временем собирания и стройки, работы положительной и созидательной. Вот тогда можно будет говорить, тогда всякое решительное и громкое слово будет иметь большую ценность. Огромные задачи, которые встанут перед Россией, потребуют величайшего напряжения и концентрации сил и оплодотворят нашу работу. Что пользы в сохе, когда земля покрыта снегом и скована морозом? Пусть хоть проталины покажутся.

И третье — если я решусь пойти в газеты, то лишь при неременном условии совместного редактирования. Это не самолюбие и не надменность, это простое сознание факта, что лишь при таких условиях я могу принести максимум пользы и проявить силу, на какую я способен. Мне только два месяца пришлось редактировать «Русскую Волю», газету полуразрушенную, полуразоренную, всячески сбитую с толку, связанную всяческими тя-

желыми договорами с сотрудниками, дискредитированную, охаживаемую, — и за это короткое время было сделано уже много для ее реставрации. И если бы не разочарование пайщиков, обжегшихся на молоке и дувших на воду, их горечь о зря растроченных деньгах; если бы не закрытие газеты, если бы дать мне, одним словом, только полгода для продолжения работы — газета стала бы неузнаваема. Ведь на руках у меня были уже новые сотрудники, новые крупные силы, раньше не желавшие иметь дело с «Русской Волей», но... пустить их в работу уже не было возможности, было поздно.

Главное же, в чем я убедился, — что отдельными статьями, как бы ни были они сильны, делу не поможешь. Только при согласованности частей, при единстве всех фронтов и поддержке друг друга можно достигать крупных результатов. И когда некоторые мои статьи из «Русской Воли» размножались разными издательствами в миллионах экземпляров¹, то это было печальным показанием для самой газеты: надобно, чтобы весь газетный лист, вся газета размножалась, а не отдельные, особняком стоящие вещи. Именно то, что их отделяли, показывало, как мало они слиты с газетой, как слаба их органическая связь. Временами выходило так, что «Русская Воля» существует сама по себе, а я с своими статьями сам по себе, и это мне вовсе не улыбалось. Сам по себе я могу существовать и в брошюре, и в листовке, а раз я вступил в хор, то надобно, чтобы и хору и мне было лучше. Не верх ли это нелепости, что «Гибель» идет в миллионах, а в «Русской Воле» не пребывает и десятка подписчиков?

Убедился я и еще в одном: как будничный публицист, фельетонист на всякие темы я величина весьма посредственная. Так, как я, многие умеют писать, а есть и такие, что пишут много лучше. Моя сила не в языке и остроумной болтовне, а в *пафосе*, который естественно может проявляться только в исключительные минуты и по исключительным вопросам. Иными словами, писать я могу и должен мало, а накачиваться должен долго; накачивание же такое, создание в себе самом подходящего настроения и чувства, может происходить лишь при условии постоянной активной работы в газете, когда, направляя и заряжая других, сам заряжаешься до насыщения. Обилие тем и вопросов, которые вечно встают передо мною и которых я сам физически не могу исчерпать, но от которых должен *освободиться*, чтобы отдать перо более важному, — создает для меня, как публициста, нужду в помощниках, в талантливых сотрудниках и исполнителях. Я не знаю еще, буду ли я когда-нибудь работать в газете, я не знаю точно, как сконструирована редакция Вашей газеты и насколько

мои притязания могут быть осуществлены реально — но Вас я знаю и с Вами мог бы, конечно, работать при наличии общей программы. Но можете ли Вы со мной? И этого не знаю. Во всяком случае, я с полной откровенностью и прямоотой отвечаю на Ваше любезное предложение, и, конечно, ни в малейшей степени не расцениваю одним этим письмом исчерпать вопрос.

Дело настолько важно, что о нем придется еще много раз поговорить; и времени впереди достаточно, так как раньше осени я никак не думаю взяться за работу. Подумаем, поговорим и дружественно решим. Дружественно — это для меня самое существенное: не верю ни в какую работу, если в основе ее не лежит дружеское соглашение, и искренность и полное доверие друг к другу.

Повторяю, что для меня и самый вопрос о газетной работе совсем еще не решен. Все будет зависеть от *времени*: захватит оно, призовет к работе — буду работать, а нет — уйду в искусство. Ведь столько тем, столько мыслей, столько задач остаются неразработанными. А жизнь проходит, здоровье слабеет и страшно подумать, что за целый 1917 год я не написал ни единой строки по беллетристике. В апреле исполняется 20 лет моей литературуре², и прошлый год единственный за все двадцать, когда я ничего не написал и в своем послужном списке должен отметить его нулем.

Крепко жму Вашу руку, дорогой Александр Алексеевич, и жду удобного случая, когда можно будет поговорить с большей определенностью.

Ваш Леонид Андреев

25 марта 1918 года.

24. А.Н.Андреевой, 26 марта [1918]

Милая моя маточка! Соскучился и беспокоюсь, не имея столько времени известий. Каждый день вот уже неделю ждем Илью Николаевича, который должен привезти весточку и о тебе, но видимо его что-то задержало. Из-за этого откладывал и поездку Наташи, но наконец посылаю.

У нас по-прежнему без малейших перемен или событий. Жизнь однообразна, как в Соловецком монастыре. Встаешь, пьешь чай, обедаешь, ложишься, встаешь, пьешь чай, ешь, ложишься, встаешь, пьешь чай, обедаешь, ложишься, встаешь, пьешь чай. Конечно, соответственно сюкаешь и какаешь. Покакаешь, встаешь, ложишься, пьешь чай, обедаешь, какаешь, сюкаешь, ложишься, встаешь. Погода два дня плохая, хотя и солнце, но се-

верный ветер, ночью шумит, в комнатах опять холод, в валенках зябнут ноги. Даже дети недовольны.

Здоровье мое мало-мало лучше. И все-таки скучно. Надоело говорить о политике. Играю с Дидишкой в шашки. Много пишу писем. Обдумываю рассказы. Не забудь, Рыжик, что 8 апреля двадцатилетие моей литературной деятельности, и Мика с Минной и Никанором будут чествовать меня. Не забудь поздравить¹. 20 лет! И сколько написано! У другого столько не написано, сколько у меня написано.

Мечтаю о лете в таком роде. Если кончится здесь гражданская война, найму дачу в Нейшлоте на Сайменском озере и там буду катать голый на гномике². Хочу на лето выписать, если Римка позволит, Левку — он пишет, что до слез скучает по Финляндии и морю. Славный малый, я его очень люблю. Его на лето хотел взять Аркадий, но здесь ему будет лучше и веселее.

Есть письмо от Андруши и открытка от Андреича. Рад, что малый отыскался, а то совсем было беспокойно. Володя³ тоже отыскался, уже в Москве. А вот Кипен пропал. Последнее письмо его было из Одессы⁴, и теперь я боюсь, что его с остальной добычей забрали немцы и продадут за миллиард. Останется тогда у нас один Чукотский Нос⁵, а Кипеновский тю-тю — вот тебе и без аннексий!

...Сейчас подходил к окну: мороз, полная луна и пейзаж, как в Январе. Ох, надоело. И подумать, что в Индии сейчас ходят голые, что где-то есть море и жара. Глупо.

Напиши, маточка, о себе поподробнее, как живешь и чувствуешь. И о питерской жизни напиши. Газеты читаю ежедневно, но пустые они и только и вестей, что о расстрелах. Времячко! Здесь прошел слух, что на две недели хочет забастовать финляндская [железная] дорога — тогда совсем останемся без известий. Противно! Но ехать тебе сюда пока нельзя — при таком холоде в одну минуту распротудишься.

Настроение у меня в общем недурное и сегодня только злюсь на погоду. Надо будет сесть за работу, а то глупая получается жизнь. Ты что читаешь? Читай Дюма. И не скучай, голубчик, держись, насколько можно. Такое время подлое, что ни в сказке сказать.

Напиши, что делает и что ест Павел.

26 марта

Солнце, ветер, мороз, холодина. Все-таки приятно, что светло.

Напиши, маточка, если чего не хватает. Книгу доктору посылаю, за капли спасибо. Пока нужды в них еще не было. Лечись сама, гуляй и укрепляйся. При первом настоящем тепле — жарь сюда. Проезд тебе мы достанем без хлопот.

Целую тебя крепко и нежно, пребываю неизменно влюбленным. Недавно, как влюбленный, перечитывал письма, что писал тебе из Италии, и хохотал⁶. Очень люблю тебя, маточка, и конечно скучаю, но терплю для общего блага.

Будь здорова, голубчик.

Твой Коточка в Валенках.

25.а) А.Н.Андреевой, 30 марта [1918]

Милый ты мой Рыжичек, вот, должно быть, набеспокоилась ты! Ничего не поделаешь, никакого проезда и даже телеграмму послать нельзя. Насилу Анна добилась разрешения послать Э[милию] И[вановну?]. А сегодня опять-таки через еще одного посланца узнали от Веры Петровны¹, что она звонила тебе и твое здоровье благополучно.

Здесь полная тишина и спокойствие, даже до удивления. И кроме своих — людей не видишь. И все так же живу, болтаю и пишу, а по утрам много гуляю с детишками. Очень милы. Только Тинчик слегка захворал, легкая простуда горла — оказывается, ел снег, и постоянно это делает по наущению Верки. Вот подлецы!

От Левки большое и хорошее письмо от конца Февраля, когда Андренч, видимо, еще не приезжал. И там все у них ладно. Дети с Андрюшей ездили к Аркадию в Новгород. А с Лариссой Аполлоновной плохо: случился удар и парализована левая часть, вызвали Веру Евгеньевну из Москвы².

Левка нравится мне все больше. Здоровый, очень неглупый, душевный и чистый мальчугашка. И очень неглупый! Его письма просто прелесть, едва ли так смогут и Вадим с Люськой. Много читает, хорошо учится (все пятерки!) и плохо спит от литературных мыслей. Крайне рад моему длинному письму, которое только что получил и все перечитывает его. Очень умно отзывается об Аркадии. Мне очень хочется усыновить этого Левку!

Здоровье мое несколько улучшилось, настроение вполне приличное. Получил письма от Сергеича, — я тебе писал, что у него было тоже воспаление легкого, теперь поправился. С великим интересом слежу за германским наступлением, газеты имею каждый день и стою в курсе дела. Нахожу очень возможным, что немцы будут жестоко побиты, и мне их искренне жаль, хотя так

и надо. Героический народ! Но молодцы и французы и англичане, и только одни мы не молодцы; пусть Пашетта не обижается, это я не про него говорю.

Читаешь ли ты газеты? Читай. Про внутреннее не стоит, а про наступление читай, фантастическая вещь. И вообще напиши, маточка, что делаешь, что думаешь, что видишь во сне, про все свои настроения напиши. Соскучился я по тебе, но как дал я зарок до конца войны не пить, так теперь дал и другой — терпеть все, что ни выпадает на долю. Терплю!

Крепко и нежно целую тебя, дорогая моя маточка, рыжик мой единственный и несравненный. Очень люблю тебя и еще целую.

НЕ БЕСПОКОЙСЯ! Нарочно большими пишу, чтобы лучше запомнила.

Твой Коточка в ботиночках.

30 марта. Сегодня солнце и тает, пахнет настоящей весной.

25.б) А.Н.Андреевой от А.И.Андреевой, [30 марта 1918]

Милая Мамашенька,

Желаю Вам окончательно поскорее окрепнуть и вернуться на должное, самим Богом назначенное, Ваше место. А именно: проводить со мною и с сыном Вашим безмятежные часы ожидания, что подаст нам Бог.

Целую Вас

Как то Вы там проживаете, питите почаще, почта действует.

Ваша Анна

Другое письмо Л[еонида] — в книге, в пальто.

26. А.Н.Андреевой, [март 1918]

Согласно твоему желанию пишу два слова:

Ррыжжий Дьявоол

Могу выдать вперед и за следующий месяц:

Ззеленный ччер-т

Передай Римме, что сейчас больны: Нина, Фенька, Дуня и дочка. Остальные поправляются. Дрюннэ рипидай№, что я здоров, какькобила. Павлюше рипидай, что идет снех\$?

Теббя же взаимно ллюблю, мой цвет прикрасный, моя рожж... розг рожжж розз... роза§§§§? мой какктус, моя еловая шишка, моя Анфисса¹, моя ааэру соррроконошка. Целую беззумно... Ха-ха-ха.

твой леонид.

Милая моя Сережа! Получил две твои открыточки, одну на сквернейшей машине, другую твоим чудесным почерком, и мало-мало успокоился. Стало быть, ты еще жив, старик? Неожиданно и приятно. Я тоже жив. Не правда ли, как это чудесно и даже мило? Ведь давно могли бы помереть, а смотри: живы!

Но открыточек мало для любящей души. А тех твоих шести писем не видал, дошли только два из них. Одно из квартиры Остроухова и другое с филейной вырезкой из Серафимыча. В свою очередь, кроме открыток, я послал штуки три посланий, может, еще получишь. Надейся, Сережа, с надеждой так легко живется. И верь, а особенно верь в Совет народных комиссаров, как и я верю. Единственно по надежде и вере пишу и это письмо.

Подумай: телеграф и телефон запрещены. Выезд отсюда в Питер и из Питера сюда — воспрещен. Писаная почта ходит зигзагами и мыслетями, с запозданием на четверть века. Не могу получить сведений о здоровье матери и сам ничего не могу ей сообщить, зная, что она беспокоится и волнуется. Отрезан от мира. А газеты покупаю, так что издали могу следить и за немецко-французами и за внутренними болезнями. Удивительно чепуховое существование. Пустыня и призраки. Тишина среди шума. Хожу гулять с детишками на мерзлое море, нестерпимо сияющее на солнце, гляжу на синюю даль тех берегов и вообрази: ощущаю целыми часами и даже днями полнейшее душевное спокойствие. Спокойствие до бесчувствия. Что это: анестезия? Самооборона жизни?

Вот сейчас ночь. Нездорова Анна и спит. Простудился — по видимому, наглотался снегу — Тинчик, жар, горлышко, спит где-то внизу, от меня не слышно. Сижу один и слушаю. Обманчивые звуки. Сегодня с утра сильный западный ветер с метелью, что-то воет, свистит, будто хлопает дверь, будто шаги и тихое постукивание. Ведь мы на юру и в пустыне. Звуки обманчивы и тревожны. То в окно невольно заглянешь, то приоткроешь дверь и слушаешь. Жиденький лунный свет за темными облаками. Может ли быть менее подходяще для спокойствия? Ведь на столе еще газета, где только расстрелы, расстрелы, убийство, смерть, смерть. А представь себе: душевно спокоен. Никаких чувств. И могу на свистывать кек-уок!

Открою тебе тайну, которую сам не так давно открыл. Почему я, автор безумного «Красного Смеха»¹, принял войну, какова бы она там ни была, справедливая или несправедливая? Для того, кто писал о безумии и ужасе, не может быть допустимой *никакая* война! А потому, вероятно, что не прими я этой войны, то

от *этого* безумия и ужаса я через недельку попал в желтый дом или повесился над письменным столом. Самооборона жизни, самосохранение мозгов, мысли, сознания. Любопытная вещь, которую я осмыслил опять-таки недавно: мое воображение до крайности остро и в некоторых случаях может подниматься до силы непосредственного восприятия — так вот я с начала войны взял это воображение и — запер. Затворил, как кошку в чулан. Забил гвоздями. Затушил, затоптал ногами, залил водой *публицистики*. И живу! А то бы помер. Можно дать волю воображению и чувству, когда надобно вместить «семь повешенных»² — но а ежели их семь тысяч, да еще семь? Можно вместить еще безумие японской войны — а эту куда вместишь? Куда одну Россию вместишь?

Бывали минуты, когда вдруг так ясно чувствовалось: ох, не выдержу! Ох, сейчас спячу... Батюшки, спячу! Страшное чувство, Сережа, страшнее чувства смерти. Знаю, что и сейчас, вот в эту минуту, допусти я вообразить то, *что читаю*, представить далее возможности существования моего, семьи, детишек — и баста, мозги набекрень, собачий вой. Начну выковыривать себе глаза или что-нибудь в этом роде. Или сердце трах! — и лопнет, как стакан от кипятку. Даже просто *говорить* на эту тему не стоит, особенно в 4 часа ночи, при жиденькой луне и западном ветре.

Вот я и запер воображение в темный чулан. Вообще упразднил его, аннулировал и национализировал. Оттого, должно быть, и вообще беллетристики за год ни пера: нельзя же совсем без воображения. Конечно, сделал я все это без умысла, а просто — здоровый инстинкт. Ведь где-то в моей биологической основе я — очень стойкий субъект, хотя и вечно скрипящий.

Зовут меня в газеты³. До осени всем отказываю, а сам думаю: Господи, хорошо бы и совсем навсегда отказаться! Предать тело морю и небесам, а дух — искусству. Кто позаботится о *личности*, если мы, художники, отдадимся политике и общему, класс ли это, государство, Россия ли? «Человека-то и забыли»⁴! Ведь России *нет*, и класса *нет*, и масс *нет*, и Франции *нет*, а есть Иван, он же Жан Вальжан, он же Христос, Гамлет, Карамазов, Базаров.

Особенно страшна для искусства, гибельна и опустошительна теперешняя политика, вся основанная на группах, классах и массах, а не личности. Марксизм убил личность вконец, это ужасно, это создает нищенский мир. Все, даже противники Маркса, не социалисты, мыслят и видят мир по Марксу, все мозги в плену вавилонском. Нет ни великих людей, ни малых, ни злых, ни добрых, ни праведников, ни злодеев — есть только группы, классы и *процесс*, по которому неуклонно движутся эти группы и массы.

Ужасающий исторический детерминизм. Когда Фриче рассматривал Гамлета как жертву классового феодальной психологии⁵, мы хохотали и даже Горький смущался. Но сейчас *всех* Гамлетов в мире рассматривают так, и мы не хохочем, мы серьезные, как идиоты в бане, и в лучшем случае смело спорим: нет, Гамлет не был феодал, он был почти мелкая буржуазия или даже демократ! Ведь еще вопрос, Сережа, кто был сам назаретский Иисус: создал ли его пролетариат, или же тогдашняя буржуазия? Выгодно ли было его учение революционному пролетариату? Нет и нет! Оно отвлекло его от земли и учило покорности, оно оставляло власть Кесарю и было в конце концов простой зубатовщиной⁶. В то же время, тогдашняя буржуазия... и т.д.

Человеческая личность — вот что самое богатое и самое лучшее на земле. Она богаче Урала и спектр ее великолепнее спектра самого солнца. Хочешь золота? Хочешь гелия и урана? Все в ней есть и еще *кое-что*, не открытое. И личность убита! Сложное тело, состоящее из всех элементов мира, заменено простым телом *класса* или нищенским сочетанием водорода с кислородом. И нас, художников, приглашают кататься на лодке по H₂O и обонять СИК, целуя ННУ⁷! Ты личность в высокой степени занятная, Сережа, но до чего ты становишься прост и ясен, если поставишь тебя в современный станок: мелкий буржуа — и все тут. И что бы ты ни думал, мысли твои будут мелко-буржуазными, и когда ты кричишь «Варя!» — это сквозь твоё послушное горло кричит мелкая буржуазия, захотевшая жрать.

30 марта

Что «среда» тепло вспоминала меня — приятно. Сколь это ни фантастично и на меня непохоже, я их люблю. Просто люблю. Рожи их люблю. Люблю их поцелуи в передней, столь схожие с шлепанием мокрых калош, сам с удовольствием шлепал. Люблю *быт* наших сред. И все этот быт любили, и оттого среды сразу скисли, как перешли в кружок, к его ресторанно-клубному быту. Лично для меня «среды» — второе мое детство. Первое детство — на Пушкирной⁸, истинно блаженное; второе детство, литературное — «среды». И странно: как на Пушкирной я все играл, так и о средах такое воспоминание, будто мы все там весело играли, весело писали литературу и весело ее читали. Кроме того похоже на первые классы гимназии, когда я обожал начальство. Я всегда был почтителен и признавал старших, и на средах я был проникнут духом почтения к тебе, Ивану, Митричу, Тимковскому и другим. Обрати внимание, что, будучи страстным алкоголиком (вишневка?), на средах я ни разу не был пьян. Дух почтения к тебе,

Ивану и другим сохранился во мне и доселе, это факт. А Тимковского я просто боюсь: будто он может поставить меня в угол. Тебя не боюсь, но чту. Осталось еще у меня чувство некоторого вундеркинства: ведь я был вундеркиндом «сред» и ко мне так приблизительно относились. И если у некоторых особей было чувство соревнования и даже зависти, то я его никогда не чувствовал и сейчас в него не верю. Наоборот, всегда было такое чувство, будто среда *в восторге* от моих успехов и гордится мною.

И это хорошо, что среда опять собирается. Надо бы воспользоваться временем и закрепить среды. Не надо широких задач, не только политических, но и литературных, эти широкие задачи ведут только к широкому зубодробительству, надо, чтобы был дружеский приятельский тесный кружок, и обязательно с бытом. Как жаль, что я не в Москве, я бы занялся этим. Может быть, это только маниловщина и уже ничего нельзя построить из этого материала, но мне верится. Почва есть.

О Серафимыче я уже писал тебе, что его жаль: заблудший донской верблюд, увидевший сон о «вольном верблюде». Его надо бы как-нибудь вернуть в лоно. А что Шмелев? «Боюсь! сам не знаю чего, а боюсь!!»⁹. Теперь он знает, чего бояться или еще вертит мозгами и задом? Шмелева, как младшего на средах, я не почитаю и думаю, что он сам должен почитать меня. А что Зайчик, птичка малая?

Напрасно послал Римме 200 [рублей]. Не нравится мне, что она просила, и другой раз, будь друг, не делай. Эти 200 я беру на себя и так считай; ей конечно ничего я говорить не буду, много там ерунды и бабства. Враги человеку домашние его.

Милый ты мой Сереженька, до испуга хочется уличезреться! Мы бы с тобою так: полчаса бы целовались в уголку, потом два дня не давали бы говорить друг другу и походя орал, потом бы начали сговариваться — и тут бы ты внезапно уехал, а я бы остался и клял тебя. Нет, теперь, когда приедешь, я привяжу тебя, как петуха за ногу, и буду тебе говорить в самое ухо, сутки буду говорить, пока сам не захлебнусь! Шевельнуться тебе не дам, бить буду, если даже на двор попросишься: лучше я тебе потом новые штаны принесу.

Добыли разрешение послать персону в город, и вот пользуюсь оказией для письма. Итак, Сереженька, все сказано. Остается тебе приезжать и немедленно вступать со мною в союз. Последние новости: у Тинчика простая застуда горла, действительно, нажрался снега. Оказывается под руководством сестры своей Веры

(твоей крестницы) жрет снег постоянно, по-своему делает весну. Они здесь, как маленькие моржата, купающиеся в снегу. Анна выздоровела. Ее ангел-хранитель сбежал, и теперь не знаю, что делать. Ветер стих, тепло и солнце, тает. От иоду промок у меня нос — ужасно! — мажу его мазью для сапог, чтобы не промокал.

Так вот, Сержинька милый. Но неужели ты мои письма прочитываешь насквозь? Думаю, что только перелистываешь, очень длинные. Напиши мне тоже длинное письмо. Сосредоточься, вертляй!

Целую тебя крепко и повсеместно. Очень люблю тебя, а за что, и сам не знаю. Ведь в общем ты скотина. И некрасив. И есть в тебе что-то отталкивающее. Не говоря, что мелкая буржуазия... Боже мой! Мелкая! Этаким буржуазный двугривенный, мелочь, тьфу!

Твой Л.Засиженный.

Анна — ты ее помнишь? Такая сонненьякая, глазки вылупимши, трубку курит и дым пушает? Этакая с басом, с нее еще Скиталец Октаву писал¹⁰, помнишь? — кланяется тебе. Поклонись и ты ей, Сережа, а то обидится. После Немировича[-Данченко] она тебя больше всех людей любит и считает, что ты не от мира сего; сравнивает тебя с Катериной в «Грозе» и Еленой из «Накануне».

28. С.С.Голоушеву, 7 апреля 1918 г.

Милейший! Ты не вообрази, что я всегда буду писать тебе столько длинных писем и буду уделять столько моего драгоценного времени твоей незначительной особе. Просто мне нечего делать, я гуляю по свету и болтаю с прохожими о том, о сем. Мне просто нечего делать и я гуляю. Так-то, милейший! И ты не мучайся также и тою мыслью, что тебе придется так много *читать* моих длинных писем: во-первых, не каждое дойдет, во-вторых, не каждое и я напишу. Одно напишу я, а другое нет. Я человек независимый. Сейчас мне нечего делать и я болтаю о том, о сем, но могу и замолчать. Вот придет ко мне моя Муза — жду ее на этих днях — и без сожаления, без содрогания, без вздоха брошу тебя к чертовой матери. Скажи пожалуйста, что ты за барон такой? Говенная мелкая буржуазия, а тоже кондебрячит, мамулит, чуть ли не совдепится! Если бы я захотел, меня уже давно назначили бы штанывверхом, или как там говорится. Могу быть даже совдепистей Серафимыча и центробалтистей самой Крыленки! Так-то, милейший. Смирись. Анне вот тоже хочется посовдепиться, но я ее сокращаю: немного порайониться — говорю — еще можешь,

ну поконференься там, поинтернациональся, но не более. Отнюдь!

Приходила Муза. Взглянула на меня (я как раз геморроем в ту пору маялся), плюнула и ушла. Я, говорит, дама и за такой прием мерси боку. А сама на Коллонтай похожа, тоже хороша. Думаю, что тут ошибка и это не моя Муза, а Серафимыча, думала, что он тут живет по-старому. Буду ждать, что недоразумение разъяснится.

Сереженька, ты пишешь в газетах, напиши на такую тему.

Теперь очень часто эти господа, Новая Жизнь и другие, даже сам Максим говорят: «Мы все виноваты»¹. Т.е., мы все виноваты, что Брестский мир, что революция провалилась, что рабочие голодают и что все подлейшим образом пошло насмарку. И вот они великодушно бросают: «Мы *все* виноваты», и добродушный, до идиотства доверчивый русский читатель думает и даже говорит: какое мужество — сознают, что виноваты! И со вздохом добавляет: конечно, все виноваты, что уж тут говорить.

Нет, *мы* не *все* виноваты, и в этой фразе кроется огромное мошенничество. Эту фразу я слышал еще давно, когда речь шла о войне, и тогда говорили: мы все виноваты в том, что случилась эта война. Но и тогда я уклонялся от этой чести: нет. Я не виноват. Я всегда был и писал против войны, против убийства и т.д. И не моя вина в том, что мой голос, как и голоса моих единомышленников, остались тщетными.

Теперь еще хуже. Вообрази, что толпа избивает насмерть конокрада или по-теперешнему студента-контрреволюционера; и одни *бьют*, другие равнодушно *смотрят*, третьи советуют поддать жару; четвертые же во всю мочь кричат против, умоляют, хватают за руки, всячески пытаются спасти. И вдруг на суде один из прямых убийц, или смотревших, или поддававших жару покаянно говорит про *всю* толпу: мы *все* виноваты. Врешь, мерзавец! Тоже и относительно Брестского мира, разумея под ним всю совокупность нашего несчастья и позора. Ты знаешь, что делали Мы и что делали ОНИ. С чего началась молва о контрреволюционности несчастной «Русской Воли»? С того, что газета жирным шрифтом печатала аншлаг: СОЛДАТЫ В ОКОПЫ, РАБОЧИЕ К СТАНКАМ²! И кто предупреждал, умолял, даже плакал в их надменные хари: не губите армию, с нею вы погубите и революцию и все! А что неслось в ответ? А кто в тысячу голосов

предупреждал их об опасности большевизма, *точно* предсказывал, что будет, давал самые ясные, неопровержимые, очевидные картины идущей разрухи? А что неслось в ответ? Я и Керенскому, как его ни жаль, ничего не прошу. Вот он теперь сидит где-то под лавкой, несчастный, преследуемый, терзаемый, вероятно, и собственным умом, если не совестью... Как он теперь вспоминает ту картинку, когда возле него застрелился корниловский генерал, обвиненный им, Керенским, в измене³? А самоубийство Каледина, или генерала Скалона в Бресте⁴ — не вынес позора! — или это тоже наравне виноваты?.. «Мы все виноваты» — пишет М. Горький. Где-то также прячется от «народной стихии» заgrimированный Чернов, а кто грозил «буржуйам» *народной стихией*? Не черновское ли «Дело Народа»?

7 апреля 1918 г.

До чего, Сережа, жаль французов и англичан! Достоинейшие люди и гибнут, гибнут благодаря нашей дрянности и слабости. Россию жаль тоже, но тут другое: видишь перед собою здорового краснощекого болвана, которого бьют, которому больно, но который так здоров и силен, что в конце концов выдержит всякие побои и в свое время встанет, как встрепанный. А Франция, слабая, бледная, столь малокровная? Ее сила, ее возбуждение и красный румянец на впалых щеках — это румянец и возбуждение чахоточного, последняя вспышка жизни. Если Франция даже победит, то и тут, я не знаю, останется ли она жива — но если ее разобьют, то ей конец и безнадежность. И как страшна будет ее смерть, если ее разобьют, смерть в корчах и конвульсиях жесточайшей революции, свирепейшего самоистребления! Ведь они дерутся сейчас, Сережа, и как дерутся, бедные!

Жалко и англичан. Что будет с Англией, если их сейчас сбросят в море? Что это за мир будет? Это люди гордой и благородной души, они бьются, как мужчины — и как перенесут они унижение, как переживут свою слабость? Ведь и для них тогда спета песня, как державного народа, им не воскреснуть. Мы, плодящие, безобразные, но огромные и здоровенные, можем вернуть и вернем рано или поздно нашу великодержавность, но маленькая Англия, эти островишки, этот отныне жалкий и бессильный флот!..

И ты слышишь, Сергей, как клянет нас Франция и Англия? Как презирает глубоко и, быть может, непоправимо! Ведь это мы их бьем. Наши пушки, проданные немцам нашими солдатами на нашем фронте, взятые в Пскове, бьют французов и англичан.

А эти резервы, которые все вливаются немцами и ведут тех к гибели? Ты читал, конечно, как свистом и криками «вон, русский!» выгнали из парижского театра В.А.Маклакова⁵. А при чем В[асилий] А[лексеевич]? — он же сам жертва. Но так будет с каждым русским: «Вон, русский!»

Эх!.....

Так-то, Сержик, не хочется говорить.

Обостряется и наше здешнее положение. Война белых и красных, а с ними и немцы, довольно быстро приближается к нашим местам. Скоро, чего доброго, центром боев станет Выборг, а с ним и мы. Жить круто. Ходит в Питер всего два неопределенных по времени поезда, да и для тех нужно выхлопывать разрешение. Телеграфа [и] телефона нет. Одних финнов забирают в красную гвардию, другие разбегаются и прячутся по лесам, мужчин нет, работать некому. Да, здорово. Ну — посмотри, что будет.

29. А.Н.Андреевой, 25 марта / 7 апреля 1918 г.

Милая моя маточка! С отчаянием думаю, как ты там беспокоишься и порешь нервную горячку. Но нельзя, маточка, издали назначать дни и часы отъезда, когда здесь все так неопределенно и запутанно, когда для простой поездки надо по несколько раз ходить и выхлопывать разрешение. Должна твердо знать, что я все время помню о тебе и твоём желании быть здесь, сам хочу этого и, если не посылаю за тобой, то стало быть имею серьезные основания. Или ты забыла то мое письмо, где я так подробно излагал тебе все мои соображения?

Теперь дело обстоит так. Конечно, воздух здесь лучше, но гулять плохо, и простудиться легко (я до сих пор не совсем отделался от своей простуды и боюсь за руку), и лестница и прочее. Доктор есть — Крук, с ним уже говорили, но дорог нет. И главное — царит здесь полная неопределенность и неизвестность за завтрашний день. Не нынче завтра немцы возьмут Гельсингфорс, красногвардейское правительство уже переехало в Выборг¹, а с ним конечно хлынут и красногвардейцы; здешние финны разбегаются от принудительного набора, и мы, того и гляди, останемся без дров, без прислуги, без лошади. И если бело и красно не заключат между собою мира, на что пока данных нет, то может наступить такой момент, когда всем нам придется спешно бежать в город. Мы-то все доберемся, а что будет тогда с тобою? Вот недавно у нас был опять обыск — какой-то дурак донес, что у нас запас вина — искали долго и придирчиво, хотели отнять рис у

Анны и чуть не довели ее до слез; и для крепких нервов такие передряги неприятны, а что было бы с тобою? А они могут и завтра прийти и в любой день: увидишь ты ихние ружья и обомлеешь. Эх ты, старушечка божья, как ты не поймешь, что ты создана для вдохновенья, а не для корысти и не для битв!

Как там ни сыро в квартире и как ни неудобно, там есть хоть какое-нибудь душевное спокойствие, просто тишина — а здесь в настоящее время на это рассчитывать не приходится. Самое переходное время! Может быть через неделю определится положение, и либо мы приедем к тебе, либо ты сюда, но сейчас *бесмысленно* передвигаться. Подумай: может быть так, что ты приедешь ночью с Наташей или даже днем, а лошади *нет*, понимаешь — *нет*! Некому везти и негде достать и не по чем везти — дороги непроезжи. Завтра Анна и Наташа в половине седьмого утра *пешком* идут в Ваммельоки, чувствуешь ты это, Рыжий Неугомон?

Смирись и терпи. Знай, твердо помни, не забывай, что я люблю тебя и все время хочу и жду возможности, чтобы ехать тебе сюда. Скажу, что не будь политических сейчас осложнений, я рискнул бы взять тебя сюда под свой надзор, но при создавшихся условиях это невозможно. Вдумайся, маточка, в это серьезно, пойми, что не пустая же прихоть руководит мною и заставляет писать тебе эти сочинения. Поцелуй меня мысленно и скажи: Коточка прав, как всегда, Коточка чудесный человек, умница и философ, а я старый гриб и гордон!

Новости расскажет Наташа. Левка писал, что 17-го умерла Ларисса Аполлоновна через два дня по приезде в Мстеру Веры Евгеньевны². От Андрюши большое письмо, философское. Вообще письма доходят, можно писать. Но твоих *не получил*, жалко! Все хочу сесть за работу, да не выберу минуты, когда был бы совсем здоров. Погода разная: нынче хороший день, а два дня дул дождик со снегом, все раскисло и похоже на сырую и жидкую манную кашу, в которой плавают прусаки. Место для гулянья — два аршина песку перед парадным. Терраса течет, как душ. Днем живу теперь в Анином кабинете, где греет солнце и голуби воркуют. Но скворцы уже прилетели — идиоты! Ночью морозит. Пашку поцелуй и скажи, что все мы раздражены, он не один, пусть не скучает. На что ангельский характер у Маркузи, а и то начинает сerdиться на ранкеновского поросенка³.

И не беспокойся, милая ты моя мамашенька! Все могу терпеть, а как подумаю, что ты беспокоишься, так и самого начинает тянуть к дебошу. Твоя задача — сберечь здоровье и себя до лучших времен, которые — верю — скоро наступят для всей ис-

страдавшейся земли. Крепко и нежнейше целую тебя, помню, не забываю, часто вижу во сне.

Твой Коточка Ежик.

7 апреля 1918 г.

25 марта

По-видимому цензура приняла твои письма за тайные японские дипломатические документы и отправила для разборки в центроступ.

30. Л.Н.Андрееву от А.Н.Андреевой, 8 [21] апреля [1918]

8. Апреля

Дорогой сын мой Леонид Виликий писатель Вот уже менула 20. лет стого счастливого дня когда мы все радовались твоему таланту Но я не образованная мать Радовалась еще раньше когда ты написал и в Орле была напечатано твой рассказ¹ Когда пришла Лашкевич² и я ей сказала то меня радовала что 17. рублей денег что была так много при наших средствах Я больше обрадовалась не славе твоей и деньгам в последствии Поняла что значит быть писателем поделаящимся с людьми своими скорбями и радостями Все люблю что ты написал тебя же самого нет придела моей любви Дай Бог тебя на многие лета быть тем чем ты есть Моного я чувствую но слова выходят глупой Одного прошу Бога чтоб он продлил Твою жизнь на многие годы на пользу нашей Родине для симьи на радость Кормилец ты наш многоя многоя лета тебя Даруй

крепко крепко
люблю Мать
и горжусь имея такого
сына

31. А.В.Амфитеатрову, 4 июля 1918 г.

Многоуважаемый Александр Валентинович! Большое и сердечное спасибо за Ваше доброе слово обо мне («И.Репин и Л.Андреев»¹). К счастью, слухи о моем тяжелом материальном положении сильно преувеличены, и пока я ни в чем не нуждаюсь. И еще несколько месяцев смогу недурно продержаться, а там... что-нибудь да будет!

Вот здоровье неважно, это верно, но и тут надежды на поправку не теряю. Писать ничего не пишу: восемь месяцев ни еди-

ной строки. Газеты попадают случайно, в неделю — в две недели раз, писем совсем нет. Уже два месяца не имеем абсолютно никаких сведений о родных и друзьях. Любопытно: не двигаясь с места, стать Робинзоном!

Всем хорошим знакомым, кого увидите, передайте мой привет. Еще раз благодарю Вас и от сердца жму Вашу руку.

Леонид Андреев

4 июля 1918 г., Ваммельсуу.

32. С.С.Голоушеву, 12/25 июля 1918 г.

Милый мой и любимый Сергеюшка! Фактическая сторона такова. С февраля безвыездно сижу с семьей на даче. С апреля, после сражения у станции Райвола, прекратились всякие письменные и изустные сношения с Россией. Только вчера через посредство «Комитета защиты интересов русских подданных»¹ получил первые письма относительно своих. Все живы, за исключением — очень боюсь! — Андреича, о котором прекратились всякие вести с февраля; был в Карсе, уехал в Баку — и дальше ничего. К сожалению, никаких известий о тебе, хотя я всех встречных и поперечных просил навести справки.

Живем мы не плохо, хотя и не хорошо. Тихо и спокойно, можно, хоть и с трудом, кормиться, дети здоровы и наслаждаются летом. До последнего времени совсем не видали людей, теперь здесь поселились кое-какие русские и завелись маленькие знакомства. Газеты попадаются редко, в разбивку, и представление о русских делах не вполне отчетливое. И только в последние дни я стал выходить за свою огорожу, а то все прогулки ограничивал своим садом. С октября не написал ни единой строки, ни публицистики, ни беллетристики, и когда стану и смогу писать — Бог весть. И писем не пишу: куда? Временами было очень похоже на жизнь Робинзона.

Много читаю пустяков, много бываю с детьми и частью заменяю гувернантку, много и с усердием работал физически в саду, по огороду. Ставил заборы, подпирал, латал, чистил, прокладывал новые дорожки. С осени сбавил в весе на 25 фунтов и кажусь худым — и сейчас Анна сидит и что-то перешивает, широко. Подумай, Серж: образовалась талия! Вообще, проявляю крайнюю и упорную волю к тому, чтобы сохранить физическое и душевное здоровье.

К сожалению, вся моя работа над собой почти /безуспешна/ безрезультатна. Правда, душу, пока что, сохраняю и настроени-

ями управляю, но телом — плох. Хвораю почти непрерывно и светлые промежутки все реже. Изводит сильными кровотечениями геморрой, необходимо делать операцию, как советовал еще осенью профессор Греков, но какие теперь операции? Вздор. Ну, конечно, и голова болит и, что хуже всего, повышенное кровяное давление дает бурное и беспокойное состояние сердца, наполняющего голову своим шумом.

Совершенно особливо, с налетом даже психоза, тоскую о море, шхерах и «Далеком». Доживу ли, чтобы хоть еще одно лето поплавать? Из людей исключительно тоскую о тебе, думаю, люблю, вижу во сне, беспокоюсь. На поверку выходит, что ты у меня единственный. Как только получишь это письмо, должен телеграфом немедленно известить о своей жизни и здоровье по адресу: Царское Село, Магазиная, 14, И.Н.Денисевичу. Писать же (цензурно) пиши по такому адресу: Петроград, Большая Монетная, 21, В.С.Манделю для передачи мне (это член Комитета, имеющий право и возможность сноситься с Финляндией). Пожалуйста, Сережа, напиши, я очень беспокоюсь о тебе. Тут еще эта холера... Позвони Добровым и скажи, что все мы живы и здоровы (мать живет со мною) и дай им адрес для писем.

Анна сидит с головою в продовольствии и комбинациях. При всех наших героических усилиях хозяйство не ладится. Капусту черви поели, ягоды — дворниковы дети и прохожие, остальное просто не вышло из земли. Так-таки и не вышло! Купили на днях корову, немедленно названную мною за худобу Рожиной-Инсаровой (у нее и взгляд драматический), имеем кур и петуха, которого на днях дети учили летать, за что и были наказаны². (Савва говорит, что петух «почти» научился, а Наташа жалуется, что совсем петуха замучили). Кроме того есть у нас овца, Мемэка, а у нее чернявенький очаровательный сынок, нареченный мною Исааком: Исаак Мемэкович. Сажали насадку, волновались, доходили даже до экстаза. Вывела она четырнадцать (!), из коих одного тут же задавила. Другой слох от испанской болезни, третьего, четвертого и пятого утащили вороны, шестого и следующих пожрали крысы. Сегодня погиб последний, кто-то откусил голову. Так неудачно кончилась наша куриная авантюра!

О своих мыслях, помыслах, страданиях, радостях и надеждах не пишу, полагаю, что и так знаешь, как и я знаю твои. Вот к беллетристике не могу и даже не *хочу* подходить — это плохо. Утерян какой-то смысл. Может, и найду потом, а может и не найду; тогда вместе с тобою напишем воспоминания об этом странном, безвременном кончившемся писателе. Впрочем, я живуч.

С большой симпатией отношусь я к Илье Николаевичу, это безалаберный, бестолковый, но в существе хороший человек с простым, немудрящим, но добрым сердцем. Спорить с ним — все равно что одному выйти против целого сумасшедшего дома, но дружить можно.

Кончаю письмо, и отвык, и трудно писать при всех этих условиях. Главное: сообщить о себе, и главнейшее: узнать о тебе. Миленский мой, как хорошо мы пожили с тобою позапрошлого лето³!

Анна также беспокоится о тебе, как и я, хотя любит, конечно, меньше. Куда ей! Да и права не имеет так любить постороннюю мужчину.

Целую тебя *крепко*.

[Леонид]

П.С. Написал я автопортрет, по отзывам некоторых лиц немногим уступающий Серовскому⁴. И вот просьба к тебе: ты, вероятно, выдаешься с Грабарем, закинь ему словечко об этом шедевре. Сейчас он (портрет) сильно засижен мухами и другими животными, но его можно вычистить, а в крайнем случае написать другой, еще лучше. Похлопочи, Сереженька!

12-25 июля 1918 г., Ваммельсуу.

33. С.Л.Гуревичу, [27 августа 1918 г.]

Многоуважаемый Самуил Лазаревич!

Ваша редкая доброта и любезность глубоко тронули меня. Не знаю, как другие мои товарищи-литераторы, но про себя должен сказать, что за всю мою довольно длинную жизнь я впервые встречаю столь чуткое, доверчивое и благородное отношение от человека, который знает меня лишь как писателя, и ничем лично со мною не связан. По существу же вопроса скажу следующее.

В настоящее время и на ближайшие месяцы я обеспечен, и если общероссийский кризис скоро разрешится, я в состоянии буду обойтись без предлагаемого Вами займа. Мне должны некоторые издатели, у меня есть рукописи, в нормальное время представляющие собою большую ценность, и, наконец, я смогу работать. Если так случится, я возвращу Вам аккредитив на 10 000 марок не использованным¹, что никоим образом не уменьшит моего чувства глубокой благодарности. Ведь важно не то, что я сейчас пользуюсь этими деньгами, а то, что они в известной степени уменьшают мою тревогу за темное будущее и дают лишнюю опору для борьбы за свою духовную независимость.

Ибо журнальную работу при настоящих условиях, когда дикий произвол, большевистский террор и цензура не дают возможности сказать правдивое и искреннее слово, я считаю невозможной и недопустимой. Мне жаль товарищей, которых *голод* принуждает терпеть этот гнет и издевки, и ни слова осуждения я никогда не скажу о них, но сам я до последней, до крайней возможности хочу избежать их горькой участи. В сущности, ни при каких условиях не стал бы я работать /при большевиках/ при теперешней цензуре, но эта решимость, естественно, не позволяет мне смотреть в будущее свое и своей семьи веселыми глазами.

Отсюда понятно, какую услугу оказываете Вы мне, и какое чувство должен я испытывать к Вам и удивительному, добрейшему Николаю Григорьевичу², который явился необыкновенным посредником в этой необыкновенной «коммерческой» сделке. Крепко жму Вашу руку и надеюсь, что скоро мне удастся сделать это и в действительности.

[Леонид Андреев]

34. А.И.Андреевой и ее ответ, [30 августа 1918]

Аня, возвращайся пораньше. Неудобно, что ты в первый день ушла из дому настолько. Ты еще говорила, что вечером собиралась солить. Я понимаю твою потребность в отдыхе, но не понимаю, почему отдых только в винте и вне дома. Ты жалуешься, что мало спишь, так лучше выспалась бы. Трудно, но что поделаешь. Иначе придется жалеть о старом темном доме. Плохо.

Л[еонид]

Я вернусь рано. Ухожу только потому, что противно было очнуться в пустом доме, скверное настроение.

35. Н.К.Рериху, 30 сентября 1918 г.

30 Сентября 1918 г.

Дорогой Николай Константинович! Когда я узнал от Гуревичей, что Вы в Финляндии, я был чрезвычайно обрадован. Я еще не знал, как и когда удастся нам повидаться, я не знал даже Вашего адреса, чтобы написать, но один факт, что Вы *здесь*, в том же *кругу ада* — сделал самый ад не таким угрюмым и черным. Ведь я живу за границей не только в смысле территориально-политическом, но и в отношении душевном, а Вы для меня — *свой*.

Со всею радостью и со всем душевным приветом я буду ждать Вас, у меня посветлело на душе, когда нынче я прочел Ваше письмо. Приезжайте, дорогой Николай Константинович! Дорога простая: станция Тюрисева, оттуда две версты прямой шоссированной дороги до имения Орловского, где находится и наш временный приют, именно на даче *Левстрем*¹. Можно на извозчике, легко и пешком. Если бы я знал, с каким поездом приедете, то встретил бы Вас на станции.

Дружески обнимаю и крепко целую. Будьте здоровы, приезжайте — жду!

Любящий Вас Леонид Андреев

Простите, что пишу на машине, совсем отвык рукою, царапаю так, что трудно разобрать.

36. П.Н.Андрееву, 13-15 октября 1918 г.

13 октября нового стиля 1918 г.

Милый Пашетта! Сегодня получили твоё и Римино совместное письмо. Так как у вас обоих скверная привычка не ставить даты, то можно только догадаться, что письмо относится к нынешнему году, к половине приблизительно Августа. Одновременно получено письмо от тети Сашы¹ от 12 августа. Деньги через Римму мною получены². С месяц назад пришло письмо от Левки. Кажется, это все, что мы имели от вас за все это время. Абсолютно ничего не знаю о Данилке и Добровых, также о Сергеиче. Последний меня беспокоит: в его стариковские года с ним все может случиться.

Неужели от Андреича никаких вестей? Это необъяснимо и крайне тревожно, я не имею почти никакой надежды, что он жив. Соответственно с этим думаю о тяжёлом положении Риммы и детьми. Неопределённым представляется мне и положение Андрея. Конечно, хорошо, если ему удастся найти занятия и заработок. Хотя никаких сведений о твоей гимназии не имею, но думаю, что она продолжает существовать и ты продолжаешь учительствовать. Как только кормишься ты? — это постоянные наши с матерью разговоры.

Мы уже полтора месяца, как перебрались в Тюрисево, взяли маленькую дачку совсем близко от моря. Оставаться в доме было невозможно из-за отсутствия керосина и зимних холодов. И то в последние вечера горела одна лампа у моей машины, и тут же перед носом моим заседали мамаша и Анна. И свечей нету! Микко в своей дворничкой освещается теперь скипидаром.

Здесь жить можно. Правда, дача не крупнее средней блохи и дети слышны так, словно их прибавилось раз в десять, но электричество! Горит оно очень хорошо, свету в изобилии, начинается часов в пять и до утра. Теперь по вечерам весь дом занимается чтением, а то можно было только ковырять в носу (своим), да играть в жмурки. Хорошо еще море, где я бываю каждый день. Пляж превосходный, утрамбован бурями и можно ходить на многие версты. Я сейчас вернулся оттуда: тепло, мертвый штиль и туман, слышно за много верст, как гремят уключины на невидимой рыбацкой лодке и где-то тикает колокол. А над ухом зудят комары — так тепло! Недавно был совсем чудесный день, солнечный, теплый, ясный, с синим морем и далью — можно было вообразить себя на берегу южного моря. Частые бури, что отражается на продовольствии: рыбаки не выезжают, и мы без са-лаки.

В общем погода дрянь и состоит главным образом из воды. Лето продолжалось с 22 июня до 23-го того же июня. Дождь льет с короткими перерывами, все дороги развезло, появились грибы в человеческий рост, но больше поганки. Некому было собирать, набрали мало. Огород почти весь пропал, засеял я немного ячменю и овса и пришлось снять их почти сырыми. Клубники не было, покупали у соседа. С весны в саду оказалось множество суши, посохло за прошлое бездождное лето, это меня огорчило. Все-таки сад хорош. Весну я много работал в саду, а с июля работа кончилась, и я начал хворать. Хворал я здорово. Бессонница, головные и сердечные боли, неврастения и прочее — временами становится трудно жить при таком аховом здоровье.

Благодаря гнилой погоде много простуд, почти весь дом переболел, за исключением матери. Сейчас больна, но уже поправляется Наташа. Здесь называют это «испанской болезнью»³, хотя при чем тут Испания, понять не могу... Испания! В общем дети здоровы. Вадим вытянулся ростом с меня. Его удалось поместить в Териокскую гимназию, в 6 класс, он очень доволен, охотно работает. С остальными плохо: Эмилию мы рассчитали давно за полной негодностью, и дети настолько одичали, что скоро вместо гувернантки (которой мы никак не можем найти) потребуется миссионер, которого они съедят. Тинчик форменный хулиган, но довольно приятный. К углу привык, как к родной матери, и относится иронически и пренебрежительно. Зову его «угловой жилец», «Валентин-столпник» и «столбовой дворянин». Выучил наизусть и с чувством читает: «И скучно, и грустно, и некому руку подать...» Ростом по-прежнему мал, но держится вызывающе, как петух. Вдвоем с Веркой, которая неумоимо промышляет по

части продовольствия, они составляют «черную магию». Саввка — белая магия, остался, какой и был.

Мамаша для своих лет держится бодро. Гуляет у моря с детьми и дети ее не слушаются, когда она, покрывая рев бури, зовет их. Собирает камни, считая их драгоценными, начинает от десяти пудов и больше. В суждениях своих о мировых событиях пришла к состоянию безнадежной и спокойной запутанности. Конечно, тревожится о вас, но меньше, нежели я боялся. Читает. Прочла «Обрыв», а потом что-то Марлита⁴ и нашла, что Марлит «сурьезнее». Бывает даже в гостях: здесь живет довольно много народу, куда мы ходим играть в винт и болтать. Жаль, что нет никого из своей писательской братии, — вся эта публика для меня чужда.

Кормимся, но цены чудовищные. Купили корову за 3200 марок и все находят, что это очень дешево. Лошади стоят от 7 до 12 тысяч марок. Хабиас мой похудел и ослабел, нечем кормить, овса нет, а сено мало питает при работе. Микко каждый день возит из дома молоко и прочее. Расстояние небольшое, но все же лошади утомительно. Маркиз также худ. Насобачился и сам себе достает пропитание на соседних дачах. Есть еще две овцы на черный день. Я с прошлой осени убавил в весе на 30 фунтов, ни одни штаны не держатся, в одну куртку нас влезает двое. На месте чудесной округлости живота — впадина, где может скрыться всадник с лошадыю. Анна работает, как вол. Кухарки нет, все продовольствие и кухня на ней и Наташе.

С электричеством стал и я работать. Пишу большой рассказ⁵, конечно, не из текущих событий. Работа идет вяло: мешает здоровье, да и настроение не в самый раз. Газет не вижу, но добрые люди передают много слухов и вестей из финских, шведских и немецких газет. Последние дни повеселели при вести о возможности близкого мира. Изредка появляются приезжие из Петрограда и рассказывают о тамошних делах. Ничего толком не знаю об Илье — взял он мою квартиру или нет? И что он вообще?

Из последних событий: дети начали верховую езду на чужой козе, что вызвало сенсацию. А летом, после моей лекции о воздухоплавании, учили петуха летать и довели его до сумасшествия⁶. Что еще сказать тебе, Пашетта? Живем! Но беспокоиться о нас нет оснований.

15 октября

Вчера получено письмо от Риммы от 9 сентября. Постараюсь послать Анце немного денег на еду и дрова. К сожалению, Римма мало пишет о деловой стороне квартиры, и я не знаю, сколько надо денег и на что. Остальное: об Андрейче, ней самой

мало утешительно. О нашей жизни я уже написал. Очень радуюсь, если верить, близкому миру. Как твоё положение? Пиши подробнее, постарайся, ведь всякая мелочь интересна. Крепко целую тебя и Римму, конечно хочу и надеюсь увидеться. Никогда еще так не разлучались мы! Анна тоже целуется. Главное, братику: будь здоров, остальное все придет. Целую.

[Леонид]

37. С.С.Голоушеву, [осень 1918]. Фрагмент

Милая моя, дорогая и единственная Сергуня, дружок ты мой.

Глядел-глядел в окно на финскую осенне-зимнюю мокреть — и вдруг решил писать тебе письмо. Глупо, потому что не пошлешь, так и и погибнет в чьем-нибудь кармане или комиссарском нужнике, а с другой стороны — потребность души. Ах, если бы письма ходили, писал бы каждый день!

Недавно узнал, что были летом письма от тебя, но видеть их не видал, затерялись где-то в пространстве. Но было и то утешительно, что ты существуешь и пока ни большевики, ни холера тебя не съели. Хоть и знали мы с Анной, что ты двужилен, но порою, когда уж слишком начинало вытягивать жилы, становилось страшно и за твою крепость. Миленький! Уж очень я тебя люблю, очень ты мне дорог, важен и нужен, и помимо сих эгоизмов — люблю тебя, как такового, по еврейновской формуле¹. Хотелось бы глазом видеть, как ты ходишь по этой странной Москве с ее Робеспьерами и Маратами и кричишь ли ты по-прежнему: Варя! А если кричишь — что приносит тебе Варя из Охотного? Существует ли Охотный?² Я так давно не был в этих странных городах, Москве и Питере, что мне трудно мыслить их в их теперешней реальной обстановке. Знаю только, что Питер — страшен с своим голодом, покойниками, которых возят на тачке, и кровью. Чума!

С осени из отсутствия керосина и света (страшная вещь — темнота!) перебрался в Тюрисево на небольшую говенную дачку, но с электричеством. Это всего версты три от дома. Народу здесь много, целая колония, и все больше богачи и графы, и жрут здорово, и все в гости ходим, и сделали даже маленькую театральную студию, где один маленький мейерхольдик³ калечит танцами и мимодрамой молодежь и старцев со старичками, и похоже все это не то на Ниццу, не то на арестантские роты

/.../ Цель Вашей поездки в Украину: просить помощи у украинского народа и купить хлеба для беглецов из России, находящихся в Финляндии, — вызывает во мне живейшее сочувствие. Позвольте и мне присоединить мой голос к Вашему в надежде, что многие скорее будут услышаны, нежели один.

При сложившихся условиях, в оценку которых я не буду входить, Финляндия не в силах прокормить большое количество людей, и каждый новый рот, каждый русский беглец, с опасностью перебирающийся через границу, каждый русский ребенок, привезенный сюда родителями из голодного и страшного Петрограда, — является невольной обузой для финляндского народа, который и сам живет впроголодь и нуждается в необходимейшем. И если это ставит в необходимость финляндское правительство до последней степени сокращать пропуск беглецов из России, то и в самом финском народе будит естественную и законную тревогу при виде пришельцев, с которыми ему приходится делить свое скудное достояние и последние крохи. Частые извещения финляндских газет, что «русских скоро будут выселять»¹, служат выражением этой постоянной тревоги и в свою очередь крайне повышают и обостряют тревожное настроение.

С другой стороны, и те немногие русские семейства, которым посчастливилось получить пропуск в Финляндию, после первоначальной радости освобождения от ужасов большевистского террора (очевидцы рассказывают, что плачут от волнения и радости не только женщины и дети), — вскоре начинают испытывать, наряду с материальными затруднениями, и чувство крайне тяжелой неловкости. Вместо страны обетованной они попадают в страну лишений, где каждое зерно делится на мелкие части, где есть и свои голодные дети, и где они, чуждые пришельцы, становятся в невыносимое положение невольных и страшных конкурентов на один и тот же кусок хлеба. Нет страшнее конкуренции, нежели эта; и люди, по существу связанные единством страданий, разъединяются голодом, необходимостью дележки, когда делить нечего, и чувством невольного недоброжелательства. Для человека, который хочет видеть дальше настоящего, преходящего момента, это злое семя недоразумений и вражды сулит печальные всходы и надолго оттягивает истинный братский мир между народами.

И нет ничего справедливее, как Ваше, С[амуил] Л[азаревич], обращение за помощью к украинскому народу. Что бы ни происходило в России, мы, русские, вовсе не лишились ни чувства достоинства нашего, ни гордости, — и куда же в эту тяжкую минуту

может протянуться наша рука, как не к тому, кто был, — есть, — и всегда будет нашим братом? Пусть случайностями Судьбы между нами воздвигнута преграда: лишь слепец может считать ее несокрушимой и вечной. Едина у нас кровь, одна у нас мать, зовете ли вы ее Украиной или Русью, и мировой жребий наш — один.

Мы хорошо знаем, что небогата сейчас и под тем же гнетом жестокой Судьбы бедствует и сама Украина², и не от излишка просят у нее помощи далекие русские беглецы. Но разве, прибегая к брату за помощью и спасением, думают о его средствах, а не об его братской любви и сочувствии? Как бы ни тесен был братский кров, под ним всегда тепло и просторно; и как бы ни скудна была братская лепта, она дороже самых щедрых даяний, так как насыщает не только тело, но и душу. Через голову проклятого настоящего, через его кровавый туман, угар и смуту, — во имя светлого будущего и единой крови нашей — простираются к вам русские руки, братья украинцы. В минуту, когда Дьявол семенем ненависти, злобы и раздора засеивает наши окровавленные поля, бросьте единое семечко любви. Не заглушат его никакие плевелы и, верю я, — наступит время, когда одною золотою нивою всколыхнется вся наша отчая земля.

Как всегда бывает в хорошем деле, его польза шире видимых пределов, и украинский хлеб важен не для одних русских. Нет сомнения, что такому культурному народу, как финляндский, гордому своею связью с западом, тяжело быть негостеприимным по отношению к беглецам, кто бы они ни были, и проявлять невольную суровость там, где есть место только широкой и просвещенной гуманности; — ваш хлеб, братья украинцы, избавит и его от этой прискорбной необходимости. Получив возможность давать пристанище русским беглецам без вреда и ущерба для своего народа, финляндское правительство сможет шире открыть спасательные двери через границу. И если русского вы избавите от горечи и стыда быть нахлебником в чужом доме, то и этому дому вы облегчите его трудную задачу: при разности рас и культур, совесть у всего человечества — одна.

Надо сказать горькую правду: в настоящее время о всех нас, украинцах и русских, плохо думают в мире. Огорчая друзей, мы радуем врагов нашей рознью, и так важно, чтобы хоть в этом маленьком деле, хоть в этом случайном сближении и пожатии наших рук, мир увидел и почувствовал иную *правду* наших родственных душ. Пусть еще далек день ее полного и ясного торжества, но он близится, он идет — и благословение всему тому, что уско-рит его светлый приход!

Леонид Андреев

39. С.Л.Андрееву, 29 октября 1918 г.

Сапотосинька! Мне очень понравилось, что ты вчера написал Дневник¹, и я хочу еще раз сказать тебе об этом. Пиши, деточка, и дальше, когда захочется, я дам тебе бумаги. Пиши, как ты проводил день, что тебе понравилось в природе, про умного и носатого дятла, который так ловко справляется с шишками, про море, какое оно, — про все, о чем хочется писать. Что хочешь! Я сохраню твой Дневник, и потом, когда ты вырастешь, тебе интересно будет самому прочесть. Мне теперь жалко, что я, маленький, не писал Дневника, многое очень трудно вспомнить.

Можно и о том рассказать, где мы живем теперь и какой у нас большой и красивый дом, и про Исаачка². Что интересно, о том и пиши. Только лучше всего в тетрадке или попроси тебе сшить бумагу, чтобы листки не растерялись.

Целую тебя, мой умный и милый мальчик, я тебя очень люблю. А подписываюсь так, как всегда,

Леонид Андреев

29 Октября 1918 г.

40. Л.Н.Андрееву от Г.А.Блоха, 30 октября 1918 г.

30/X 1918 г.

Дорогой Леонид Николаевич,

Когда я стал читать Реквием¹, мне вспомнился Людвиг II Баварский², но сейчас же исчез, потонул в ощущении чего-то грозного, неизреченного, не могущего быть изреченным, как подлинное имя Бога. Деревянные куклы, оживающие, когда свет известным образом падает на них... а если они живы? Почему они так похожи на живых?.. Директор уверяет, что художник гениально бездарен. А если он просто гениален?.. Он мог бы сделать самого Директора, ибо это настоящий художник — *живой!!* Живой, как сама жизнь!!.. Вдали хлопают двери... Сколько их? Зачем? Куда?.. Что внизу, там, под полом?.. Взаправду Маска говорит, *платит?*.. Чем жив Директор?.. В Саисе³, в храме Изиды, стояла статуя с закутанной головой. Никто не решался приподнять покрывало, под которым скрывалась Истина. Молодой жрец ночью пробрался в храм. Наутро его нашли мертвым у подножья статуи с по-прежнему закрытой головой. Вы даете в Реквиеме то, что ощутил жрец, когда он прикоснулся к покрывалу.

О Вильгельме и профессоре⁴ — устно.

Искренно Ваш

Г.Блох.

Дорогой мой Николай Константинович! Живу чудно. С одной стороны, суeta суeta, колониальная (тюрисевская) политика, даже некоторая «студия»¹, где художественно-мейерхольдовская молодежь досужит свои досуги, и где я вроде развесистого древа, под жидкой сенью которого располагаются путники и просто гуляющие; дома почти не бываю. С другой — почтительно взираю на события в мире.

Они так велики и значительны, эти события, что я впервые смирил гордыню своего ума и еле дерзаю мыслью о том, что в сущности *немыслимо*. Чувствовать можно, и я чувствую огромнейшую и пресветлейшую радость, но мыслить как? «Мерзавец, — нельзя объять необъятное!» — сказал еще Прутков². Недавно, глубокой и черной ночью я возвращался домой по длинной и пустынной тюрисевской дороге, не было ни огонька, ни человека. Только раз прошлепали по грязи чьи-то ноги и испуганно обошли меня: сам он так и остался невидим, как невидим и навсегда неизвестен остался для него и я. И слева от дороги тихо и мутно, по-ночному шумело море, еле плескалось, а справа, через каждый десяток саженей меня встречали и провожали свирепо гудящие телеграфные столбы. Еще никогда я не слышал, чтобы эти столбы гудели так громко и напряженно. В их голосе была страсть, торжество и ширь, почти свирепость. Я останавливался и слушал: это было так странно среди молчания, пустыни и непроглядной тьмы! Не знаю, кто говорил там и о чем, вероятно, глупости и мелочь — спекулянты сговаривались, как поднять цену на керосин, или поздравляли с ангелом. Но мне, одиноко шагавшему среди этой ночи и мглы, казалось, что это весь *мир* шумит, гудит, кричит и возглашает, передает свои небывалые вести, почти библейские сказания. Разрушение германской империи... победа, победа!.. сообщите всем: пушки замолкли на Западе!.. поражение!.. победа!.. отречение Вильгельма... отречение, отречение... миллиарды сил, золота, людей... революции... революции... победа³! Потом, придя домой и улегшись спать, я всю ночь в полусне все еще слышал и этот напряженный и страстный говор мира, где великая победа и великое поражение слились в один вопль, в одно высокое и жгучее пламя.

Куда тут лезть с своими мыслишками. Взираю почтительно, ддя суда и суждения объявил самоотвод. Когда настоящее так стремительно переходит в будущее, а из-за спины высовывается свой прогнивший нос полудохлое прошлое, когда сцепились в драке не только все люди, цари, законы, но и самые *времена* — как

тут судить, каким аршином мерить, какими *весами* взвешивать? С болью сознаю ограниченность моей человеческой мысли, воистину чувствую себя лавочником, которому бросили на прилавок Юпитер[а]: взвесь!

Но наряду с болью есть и восторг перед этой самой ограниченностью моей мысли. Да, как ни странно: восторг! Мне трудно это объяснить, но как будто в этом движении и сдвигах, в фатальных взрывах и разрушениях я смутно различаю те *величавые* истинные пути, по которым идет человеческий мир. Не те правильные дороги, обсаженные тополями или виселицами, которые устанавливает моя человеческая, ограниченная, не самодовольная мысль, а великие и грозные, широкие, но тайные пути, которые пролагает человечество борьбою *всех* сознаний, *всех* волей, страстей и мечтаний. Там живет правда, которой я еще не знаю, а кто скажет? — быть может, там синайствует⁴ и сам Бог, которого мы все так мучительно ищем и разыскиваем. Нет-нет — и мелькнет среди человеческих рук тень какой-то слишком большой руки, чтобы она принадлежала человеку; нет-нет — и среди наших речей и криков прозвучит глухо и тяжело какое-то совсем иное, совсем иное слово. На каком языке? Не ведаю. Знаю только, что это не английский и не немецкий и не русский и никакой другой человеческий язык. Так было со мною в самом начале этой войны, когда я будто бы *прозрел* что-то помимо человека, а потом забыл; то же испытываю я и теперь. И оттого не слишком тяготит меня ограниченность моей мысли, и только одного опасаясь: как бы опять не забыть, когда застрекочут громко все английские и русские разумные языки. Уже и сейчас нет вблизи меня ни одного лавочника, который вместо капусты не клал бы на весы Сатурна... а ведь и весы-то большей частью фальшивые! А когда придут мудрые социалисты с своими платформами! А французы с своей непогрешимой метрической системой!

Так вот я и живу, дорогой мой друг: суета с одной, видения и призраки с другой стороны. Но призраки реальнее этой наиреальнойшей суеты, и я очень люблю порою, когда шумит вокруг болтовня, людишки танцуют, поют и мимодрамят, — опустить занавес у себя перед носом, погрузиться в тьму не освещенной еще сцены, где уже огромные декорации на месте, и слушать *то*. Вообще, хотя сам болтаю достаточно и в этом смысле есть я истинная жертва общественного темперамента, но занавес держу опущенным: мое представление не для публики. Очень рад сказать, что Анна, жена, также в мире видений, и я не одинок в моем зрительном зале. И «людишки» я сказал не пренебрежительно: есть плохие, но есть и совсем хорошие люди. Но не грезят!

Ваши весточки я получал и каждый раз от души радовался, жалел только, что адреса не было. Чувствую, что заложен хороший камень для будущих отношений наших, и, если проживем, то близко. Если я «духовидец» только по праздникам, то Вы такой всегда, и Ваша реальность, *быт*, всюду просвечивает. Жалко, что я не видел и не знаю последних Ваших картин, тех, что на выставке⁵, и не могу моими глазами проследить глаза публики: как они смотрят на вот это? это? Конечно, успех должен быть, но, как мне всегда казалось, не у толпы: она примет Вас только на веру, в очаровании красок, а к миру Ваших видений смогут подойти только немногие. Но мне хотелось бы видеть, *как* они видят? Как они смотрят? Лица и глаза? Вместе с Вами походить бы по выставке и подсмотреть смотрящих. А Вашими глазами я вижу Стокгольм, который люблю⁶, и мне приятно за Ваши глаза.

Что ко мне относятся хорошо, это, конечно, приятно и радует меня. Но недоверчив я! И, когда в толпе хорошо на меня смотрящих, я зрю Арабажина, я смущаюсь и невольно ощупываю себя: все ли в порядке? Сказать по правде, недоверчивость эта за последнее время ослабела: встречаю действительно хорошее отношение (одно Вы знаете), и тут моя радость действительно велика — ее вдыхаешь, как солнце, помните, на берегу⁷?

Крепко жму руку и целую Вас. Сколько Вы еще пробудете там? Могу написать туда еще раз или лучше на Выборг? Приветствую сердечно.

Ваш Леонид А[ндреев]

25 ноября 1918 г.

42. Н.К.Рериху, 28 ноября [1918]

Получил Ваше дополнительное письмо, дорогой Николай Константинович, и тороплюсь ответить. «Дневник Сатаны» остался в том виде, в каком он и был, — неоконченным. С Вашего приезда я не написал ни строки — и не думаю писать. Все мои мысли о большой газете и о многих больших статьях, где я выплачу и свое горе, и радость. И читателя мне нужно русского, другого не хочу. Отсюда и неизбежный вывод: ничего дать в Стокгольмское издательство¹ не могу, ибо ничего не имею и иметь не скоро буду. Пусть они не обижаются, не принимают это за неприветливость, а войдут в мое состояние. Вас же — еще раз крепко целую за настоящую дружбу. Когда-нибудь (скоро) будем *вместе* работать — правда?

Не рассказал Вам еще, что здесь в конце Октября были пережиты дни жестокой и бессмысленной паники: ожидали немедленного появления красных из Петрограда. Кой-кто сразу сбежал в Выборг, многие укладывались, многодетные (в том числе и мы) были в недоумении, как быть, — и все плакали над сделанными запасами, коим суждено погибнуть в большевистской пасти. Напрасно я клялся, что ничего не будет, — и клятвам не верили. Потом так же беспричинно успокоились, и беглецы вернулись, будто по делам ездили, но полного спокойствия нет². Волнуют слухи и всякие возможные невозможности и невозможные возможности, непонятные обстрелы побережья, таинственная стрельба. Третьего дня встал на горизонте неизвестный броненосец и долго сверкал огнями выстрелов и грохотал, а в кого — неизвестно. И сию минуту, когда я стучу эти строки, со стороны Кронштадта идет тяжелая пальба.

А проезжающие из Питера довольно согласно свидетельствуют, что большевики дышат на ладан и будто даже понемногу перевозятся в Москву, и голод в городе ужасный, вымирают целые семьи. Последнее достоверно, а ладаном уже столько раз дымили, что треба подождать, как говорят в государстве Украинском. Но несомненно, что дни большевиков сочтены: англичане так же мало умеют прощать, как сам Фатум, и меч висит над гусиной шеей Троцкого.

Как Вам показалась картина сдачи германского флота? Во всей истории человечества, его войн, его преступлений и наказаний я не знаю ничего равного по силе, простоте и трагичности. Не физическая сила Германии упала, а таинственно сломлен самый дух ее: будто не сам флот, потупившись, шел в английские гавани, а вели его утопленники своими зелеными руками. Сколько было жуткого молчания в этом шествии Кайзеров, Гинденбургов, Вестфалий и Кельнов³!

Будьте здоровы, дорогой мой друг, и пишите.

Ваш Л[еонид] А[ндреев]

28 ноября

43. Н.К.Рериху, 3 января 1919 г.

Дорогой Николай Константинович! Простите, друг, за совсем невольное молчание. 15-го сего [декабря] со мною приключился довольно серьезный сердечный припадок, и с тех пор я не могу оправиться. По-видимому, астма. Очень ослабел, задыхаюсь при движении и при всяком малейшем волнении, а то и так — вдруг

остановка сердца и удушье. Плохо. Завтра буду серьезно беседовать с врачом. Писать трудно, и только Ваше второе письмо, которое я получил нынче, взбудило меня на сей подвиг. Не хотелось бы потерять ни крупички из Вашего дружеского и милого отношения ко мне.

Справки в гимназии сын достанет¹. Что касается статьи², то все будет зависеть *исключительно* от здоровья. Месяц (до конца января?) срок большой, и не останусь же я таким. Если же здоровье не поправится, то — для крайнего случая — нельзя ли будет воспользоваться моим письмом, которое однажды я написал Вам по поводу Ваших картин? По счастью я нашел в бумагах его копию³.

Настроение не из важных. Впереди целая гора работы, сил, здоровья и энергии нужно, как Геркулесу перед очисткой Аргивых конюшен, — и быть в это время больным, слабым, инвалидным — нестерпимо. А навозу действительно горы! В нынешнем листке прочел статью Арабажина и почувствовал трепет перед грядущим архи-хамством. И быть в одном лагере с этими господами — какое несчастье, какая трагически печальная необходимость! Я невысокого мнения о Керенском, большевики лишают меня жизни, я измучен мучениями России, но когда их, и его, и всю революцию начинает поносить торжествующе и злобно поганый язык осмелевшего труса — мне хочется встать на их защиту. А Струве-Лермонтов⁴?

Насколько видел Северную жизнь, это приличная газета. И Ляцкий приличный человек, насколько мне известно, и работать с ними, кажется, возможно. Жаль, что не удалось поговорить с Вами. За время Вашего отсутствия я несколько раз был в Выборге, лечил зубы, и сколько было времени для беседы! А теперь и не знаю, когда пустит здоровье. И на нынешний съезд⁵ не поехал главным образом по этой причине, хотя были и другие соображения.

Дружески обнимаю и целую Вас. На днях, вероятно, напишу. Живу я теперь на новой даче (на прежней было померли все от сырости и холода) в ста шагах от старого помещения, и принадлежит она моему тезке, Андрееву, и даже Леониду! Тут тепло и приятно и даже можно бы работать, если бы... да что там!

Ваш Леонид Андреев

3 января 1919 г.

Новый год! Что-то в начертании его напоминает звериное число⁶.

Милый мой Дмитрий Дмитриевич! Особенных происшествий нет, кроме того, что вообще наступил Новый год, я нездоров, а у Вальтеров корова впала в эротическое настроение, и ее два шара потащили под венец в Териоки. Посаженным отцом приглашен Гуревич под видом защиты русских интересов в Финляндии. При чем тут русские интересы? Корова интернациональна, как Мартов. Но все же я очень рад, что у коровы г.Вальтера будут дети, и в лоне семьи она найдет то удовлетворение, которого не давали ей тучные пастбища г.Левстрема, где она редела, как сволочь, и не давала мне спать. А вчера у нас играл в винт Гуревич и ихний дуэт с мадам Вальтер превосходит все, до сих пор описанное в природе под названием мессинской катастрофы¹ и прочих извержений. Сам г.Тайфун слабый ребенок сравнительно с Гуревичем, а вопли мадам Вальтер пронзали душу и уши и оставляли на полу язвинки вроде как бы от пролитой серной кислоты. Что делал в это время г.Вальтер? Страшно сказать, но он видимо наслаждался!

Наша теплая квартира привлекает посетителей. Всех знакомых я прошу об одолжении: проходя мимо дачи Левстром, трижды плюнуть в ее направлении. Уже исполнено Севиером, Шайкевичами и многими другими. Сам плюю на нее с утра до ночи, что облегчается ее положением: она видна из наших окон. Милый, как жаль, что Вас тут нет: у нас рай земной, и всякий разговор непременно становится теплым и дружеским. Как бы мы говорили! Новый год мы с Анной встречали у Ефронов в Лоунатиоках: было радушно, но лоунатиокисто как и отчасти мустомякисто, не хватало как-то хупплакса и сукенбаки. Я немного спериярвил, но до тюрисевского пафоса было далеко²!

Главное, хвораю, сердце и припадочки. Смотрел меня блоховский доктор Валлерштейн³ — ну и что? Органически сердце здорово, мышцы слабоваты, начало склероза и множество интоксикаций: старый алкоголь, никотин, кислота и прочее. Конечно, режим — ну и что? Эх, Хупплакс, Суккенбака, Эсбо тв[ою мать]... Скучно и бесцветно, как подштанники архангела.

Растрепались нервы, не выдерживаю никакого волнения. Страшно подумать, что буду делать, когда наступит пора работы. Надо сверхчеловеческие силы, чтобы приняться за чистку российских конюшен, и плохо быть больным в это время. Хоть бы заморозиться на зиму вроде лягушки, что ли! Вот бы выспался! Кстати: и бессонница у меня была главным образом от проклятой дачи — здесь, в тепле и прекрасновоздушии, начал спать. Как же не плевать?

Являлся ко мне и демон-искуситель. Приехали и несколько дней пробыли в Териоках известный Гржебин и еще несколько причастных к большевикам особ; цель приезда — установление некоторых торговых отношений с финнами. И вот через Анатолия Шайкевича я получил официальное предложение отдать издательству «Мировая литература» (Горький и Гржебин) или новому «Литературному фонду» несколько моих старых томов для переиздания⁴. Все русские писатели: Куприн, Брюсов, Мережковский, Муйжель, Амфитеатров, Ремизов и прочие и прочие уже вошли в то или другое издательство и дали свои вещи — я чуть ли не единственный, еще не попавший. И деньги дают хорошие: за четыре тома тысяч сто с лишком и половину тотчас же. Правписание *новое*. Деньги на издательство даны комиссариатом народного просвещения. И я — отказался. Этим я достиг двух полезных целей: не получил денег, которые мне весьма нужны, и 2) создал себе для будущего уйму врагов в лице писателей, уже вошедших в издательства.

22 января 1919 г.

Начал письмо недели три назад и все не мог собраться кончить. Жизнь бестолкова, как яичница в цилиндре у фокусника, и порою я серьезно начинаю подозревать, что все мы давно померли. Чуть! Целые дни шатаемся друг к другу — все в одном и том же составе Шайкевичей, Вальтеров и Троцких[-Сенютовичей] с знаменателем Севером, и разговоры одни и те же, и — временами на стену хочется лезть от тоски и злости.

Думать о том, что в мире, почти так же весело и утешительно, как думать о самоубийстве. Большевики с одной стороны и идеи мистера Вильсона с другой дают миру вид религиозно настроенного бардака. К черту! Ей-Богу, от злости не могу писать!

Миленький, когда Вы приедете? Хочется повидать. У Вальтеров семейные дела несколько настроились, М[ария] А[брамовна] стала спокойнее и ровнее и в общем она — хороший человек. Если бы только она не так кричала! С Садыкерами, Сергеями⁵ и прочей коалицией они, кажется, совсем разругались. Легкомысленный Анатолий таки вляпался с своим Халатом⁶, по-видимому, дело кончится пустяками. Здоровье мое немного лучше, острый сердечный период как будто миновал... И все-таки дрянь дело. Для настоящей работы не гожусь. А работать надо, иначе сбрендишь. Дача наша — истинное тепло и удовольствие. А везде холод, и Шайкевичи стали обрастать волчьей шерстью. Слабосильный Анатолий воет. И он и родители (последние от финских гонений) собираются за границу.

[Леонид Андреев]

Милостивый Государь, Димитрий Димитриевич!

Не застав Вас на даче г.Вальтера и узнав, что Вы изволили уехать в город Борго, я позволяю себе обратиться к Вам письменно и заранее прошу извинения за беспокойство. Из обстоятельств дела, о которых ниже, Вы изволите усмотреть, в каком я нахожусь беспокойстве и не откажете мне, я уверен, содействовать Вашим опытом и знаниями в соответственной области.

Буду краток. Находясь уже в течение пятнадцати лет в состоянии законного брака с супругою моею Евдокией Захаровной и имея независимые средства к существованию, я лишен высшего счастья иметь законное потомство: Господь не даровал детей ни мне, ни Евдокии Захаровне. Ни наши горячие мольбы к Всевышнему, ни щедрые даяния на церкви и благотворительность, ни даже собственничная поездка в Саровскую пустынь и благословение игумена о.Мардария¹ не принесли нам желаемого плода. Отчаявшись в милосердии Божием, мы, по совету Ивана Николаевича Игнатьева² обратились к светилам медицинского мира, но и здесь все наши старания оказались тщетны. Ни трехлетнее употребление мною в больших дозах спермина господина Пеля³, ни массаж всего тела для моей супруги, ни возбуждающие страсть декокты, одобренные Медицинской Управой, ни стегание крапивой заинтересованных частей тела по совету тибетского врача — не привели нас к желаемым результатам. Нашим мытарствам не было конца! По наущению того же И.Н.Игнатьева, страдавшего вместе с нами, мы прибегли к гипнозу или так называемому внушению, но и тут, несмотря на большие затраты, надежды наши не оправдались, а сами мы дошли до полного истощения и расстройства нервной системы. Ибо, сколько ни внушал нам, мне и Евдокии Захаровне, господин гипнотизер со всею силою своего мастерства, что у нас родится сын, такой не рождался, и обманчивые признаки беременности только дразнили наше расстроенное воображение, повергая нас как в излишние расходы по освидетельствованию, так и в окончательную меланхолию. Слезы моей супруги не высыхали! Извиняюсь за нескромную подробность: страдая вместе с нами, И.Н.Игнатьев порекомендовал нам чтение произведений г.Арцыбашева и других неприличных французских романов, но и это раздражающее чтение, доводя нас до истинного умопомрачения, не давало иных более ошутительных и полезных последствий, почему и было прекращено по всеобщему нашему согласию. Горе наше не подавалось описанию!

Но мудрый перст Судьбы не дремал над нами, и в ту самую минуту, когда последняя надежда была, казалось, утрачена навеки, и фамилия наша впадала в вырождение, — Евдокия Захаровна призналась мне с краскою стыдливости, что она носит под сердцем плод. Это было год и 10 месяцев тому назад, как раз под рождество, и приглашенные светила единодушно констатировали все надлежащие признаки интересного положения, т.е. беременности, как то: позывы к непрерывной тошноте, головокружение и спазмы, а равным образом отметили и соответственное увеличение области живота и его округлости. Нашему счастью не было пределов! Разделяя нашу радость, И.Н.Игнатьев подарил моей супруге жемчужное кольцо, а мне золотой портсигар, но и я не остался в долгу и навез жене столько вещей, что знакомые даже удивлялись. Но что слова! Надо было Вам самому, Милостивый Государь, видеть ту насмешливо-пренебрежительную улыбку, с какою Евдокия Захаровна принимала наши дары, как бы говоря: какие вы глупые! Что тут такое — я просто беременна! Как и следует в ее тяжелом положении, Евдокия Захаровна капризничала, то плакала, то неудержимо смеялась, глядя на нас так, словно мы Петрушки, а мы только радовались и утирали невольные слезы блаженства. Еще один важный признак, г.профессор: в продолжение двух месяцев Евдокия Захаровна ничего не кушала, кроме селедок и притом самых соленых, известных под названием «кобыла».

Желая иметь полную уверенность, я, по наставлению И.Н.Игнатьева, ежедневно и собственноручно измерял сантиметром живот Евдокии Захаровны и записывал его постоянное увеличение (запись при сем прилагаю). Но вот минуло 8 месяцев, потом 9, потом одиннадцать и, наконец, прошли все законные сроки для разрешения от бремени, а таковое, к нашему ужасу, не наступало. А живот рос! Тщетно всю ночь спала одетою дежурная акушерка, ожидая призыва, его не было. Так проходили и дальнейшие месяцы, не принося изменений, тогда как выстукивание и выслушивание явно указывало на присутствие в утробе Евдокии Захаровны живого существа. Я сам, неоднократно прислушиваясь, ясно слышал, что там кто-то ворочается и даже как бы кричит, причем, судя по силе движений, это должно быть существо очень больших и даже непонятных размеров. Помню, как И.Н.Игнатьев, которому я передал о моих наблюдениях, еще воскликнул в отчаянии: не может же быть, чтобы Евдокия Захаровна сразу родила студента второго курса! Добавлю со слов акушерки, что уже три раза у Евдокии Захаровны проходили воды, но ничего не несли с собою, а на шестнадцатом месяце однажды ночью нача-

лись родовые схватки и раздался долгожданный крик страдальцы: я рождаю! Но, увы! — и это оказалось вотще: прокричав целую ночь, Евдокия Захаровна осталась в том же интересном положении, ставшем для нее как бы хроническим. Наше удивление не имело границ!

Все же ни я, ни И.Н.Игнатъев еще не теряли надежды, допуская возможность чуда, когда новое обстоятельство решительно повергло меня в мрак: третьего дня, измеряя по обыкновению сантиметром живот Евдокии Захаровны, я с ужасом увидел, что он уменьшился на три сантиметра, в то же время став более мягким на ощупь, а раньше был, как барабан. Куда мог деваться плод? Напрасно мы с И.Н.Игнатъевым ломали головы над этим вопросом, для нас он оказался неразрешим. Помогите, г.профессор, спасите семью от отчаяния! Обращаюсь к Вам, как к самому Богу! Застигнутый революцией, я не могу выехать из Тюрисева, и Вы единственная наша надежда! Приезжайте немедленно! А пока — об этом просит Вас и И.Н.Игнатъев — ответьте срочной телеграммой на следующий наш вопрос: может ли рассосаться плод? А если может, то какие экстренные меры можно предпринять к избежанию этой катастрофы? Молитвенно ждем Вашего любезного ответа.

Примите уверение в моем совершенном почтении.

Ваш покорный слуга Савелий Тугосмыслов

П.С. Евдокия Захаровна еще ничего не знает об уменьшении живота.

46. Письмо в редакцию газеты
«Северная Жизнь», [начало февраля 1919]

Заявление Л.Н.Андреева

Л.Н.Андреев просил нас сообщить, что он не давал своего согласия на сотрудничество ни одному из русских изданий, выходящих в Швеции¹.

47. Н.К.Рериху, 14 февраля [1919]

Дорогой мой Николай Константинович! Пишу Вам наскоро, — и между нами. При всей моей симпатии к Гуревичу, я не доверяю его дипломатическим способностям и боюсь, как бы из его сношений с французским консулом не вышло какого-нибудь недоразумения. Но если Вы думаете, что выйдет хорошо, то — пре-

доставляю рукопись¹ в Ваше распоряжение. Кстати: статья уже пошла тремя путями, о которых Вам расскажет Евгений Густавович².

Крепко жму Вашу руку и жду — ждем! — во Вторник.

Ваш Л[eonид] А[ндреев]

14 февраля

48. Е.А.Ляцкому, 22 февраля 1919 г.

Многоуважаемый Евгений Андреевич!

Как я и опасался, мое здоровье ставит все большие препятствия к работе. Статьи еще могу писать, но от газетной работы с ее тысячько волнений, недоразумений, разговоров и необходимых поездок вынужден ОТКАЗАТЬСЯ, о чем и заявил нашему маленькому Комитету², а теперь довожу до Вашего сведения. Как мне передавали, в Гельсингфорсе при Комитете³ образовался «отдел печати», который уже вступил в сношения с Вами и К.И.Арабажиным на предмет соединения обеих газет⁴ и более широкой и прочной постановки дела; при этих условиях, надеюсь, участие нашего Кружка не явится последней и крайней необходимостью.

Вероятно, Вы уже получили письмо от С.А.Ефрона относительно напечатания и распространения моей статьи «С.О.С.» («Спасите наши души»)⁵. Желание кружка, чтобы статья была отпечатана листами и брошюрой в возможно большом количестве экземпляров по-русски, и в меньшем по-эстонски, шведски и фински. Не зная теперешних цен на производство, я не знаю, какое количество может быть выпущено (чтобы не так уж дорого) и очень просил бы высказать Ваше мнение. В частности, Кружок предлагает Вам выпустить статью в «Северной Жизни», одновременно дав Арабажину для той же цели необходимое ему количество экземпляров; приложения, конечно, должны быть выпущены обеими газетами в один день. Затем при редакции каждой газеты должно быть оставлено энное количество брошюрок для выдачи желающим (о чем надо анонс). По моему мнению, выдавать их нужно бесплатно, а если назначить цену, то самую маленькую; в отдельных случаях, когда будут просить люди богатые, брать с них, елико возможно, на усиление фонда⁶, как пожертвование, и такие суммы впоследствии опубликовать. Как устроить с брошюрками и приложением на других языках, ясно не представляю и опять-таки хотел бы слышать Ваше мнение. Было бы крайне желательно, если бы Вы прислали приблизительную схему расходов.

Как только меня известят, что моя статья получена за границей и идет в печать, я немедленно вышлю Вам экземпляр; естественно, что до появления статьи в Париже и Лондоне выпускать по-русски не годится. Ужасная это канитель, но ничего не поделаешь!

Все, мною сказанное, более подробно должен изложить в своем письме Семен Абрамович⁷, и я хотел подчеркнуть только некоторые основные положения.

Желаю Вам всего доброго и жду ответа.

Уважающий Вас Леонид Андреев

22 февраля 1919 г.

49. Н.К.Рериху, 25 февраля 1919 г.

Дорогой мой и милый Николай Константинович! Опять здоровье немного ухудшилось от (маленькой) простуды, почему в Выборге завтра не буду. Известил об этом Карташева и просил перенести свидание на другое время. Замотался я еще здесь! Как-то выходит, что каждый день на людях и в разговоре, недосыпаю и утомляюсь.

О делах. Книгу разрешите задержать еще на немного дней. Сегодня сажусь за статью о Вашем творчестве¹ и постараюсь быстрее написать.

Фонд «имени Андреева» оказался созданным исключительно для напечатания и распространения *моих* статей, так что если мы пожелаем сохранить наш кружок — надо будет изыскать другие средства. На деньги фонда послана телеграммой Бурцеву моя статья. (Стоило 12000 марок!)² И будет издаваться через посредство издательства Тиандера и в его переводе по-фински и шведски³. Будет издана и по-русски, также выйдет в обеих газетах⁴. Сегодня был у меня И.А.Меликов и обо всем мы условились.

Конечно, это не мешает и Вашим добрым «людям», принесшим деньги⁵, печатать статью в каком угодно количестве — с удовольствием разрешаю! Меликову об этом заявлено мною. Ваш рисунок, это богатство. Выбирать не решаюсь, пусть то, что ближе Вашей душе. Все хорошо — и «Всадник помощи» (С.О.С!) и «меч мужества» (спящим-то!) и не знаю, что лучше; менее подходит град обреченный⁶, поскольку основной звук в призыве и есть элемент пассивности и страдания, а надо именно мужество и быстрого коня! Так что действуйте, и можно уже теперь присту-

пить к печатанию — но не выпускать, пока не выйдет в газетах здешних.

И еще дело. Приехал И.В.Гессен («Речь»), и я уже был у него в карантине, поеду и завтра⁷. Вероятно, он увидит Вас и расскажет чудесные вещи о наших художниках и писателях; особенно хорош 75-летний юбилей КОНИ, каковой он справлял с — большевиками⁸! И стыдно, и смешно и страшно! Но дело в самом Гессене. Его *необходимо* приспособить к делу и ввести в гельсингфорский Комитет. Во-первых: это он — тот, кто поставит газету и поставит под ноzi свои обоих дерущихся... Ах, до чего в газетном отношении слаб Ляцкий! Во-вторых — вообще в лице Гессена мы получаем настоящего, опытного и настойчивого общественного деятеля необходимой сейчас окраски. Напишите об этом Карташеву и просите, ибо *многие* наверно будут подставлять Гессену ножку и оттирать. Сам Гессен, которому я высказал мои пожелания, с охотою готов идти на всякую работу, стосковался о ней.

Крепко жму Вашу руку, милый друг, и — все же до скорого свидания! Будет же день, когда мы поговорим по-человечески, а не по-комитетски. Кстати: не особенно доверяйте раздраженному отзыву Ш.⁹ о Троцком-Сенютовиче — это человек *еще* мало опытный в общественном деле, но энергичный, деятельный и *честный*, что сейчас так необходимо. Когда он немного приобьикнет, он станет одним из лучших работников. И он здорово всех их будоражит!

Привет сердечный.

Ваш душою Леонид А[ндреев]

25 февраля 19 г.

50. Н.К.Рериху, 1 марта 1919 г.

Дорогой мой друг! Целился написать статью¹ как раз к первому (российская привычка — в последний срок!) и промахнулся: оказалось, что в феврале, несмотря на декреты, всего 28 дней, и я на день опаздываю. Именно: кончаю статью сегодня вечером и завтра, оставив себе копию на всякий случай, почтою посылаю Вам вместе с этим письмом. Только не судите строго! Говоря по чистой совести, очень трудно (а минутами казалось, невозможно) сосредоточить мысль на чем-либо ином, кроме треклятого большевика. С какою радостью в иное время я не только лизнул бы от Вашего творчества, как сейчас — а окунул бы с головой, постарался бы нырнуть на самое дно! А то говорю: красота, и

даже как будто чувствую, а в душе: будь ты трижды анафема, проклятый Лентроцбруевич²!

А здоровье все скандально, повторяются припадки удушья и в Выборг пока — не еду. Нынче депеша от Карташева, что 5-го он придет ко мне, чему очень рад. Завтра вижусь с Гессеном, он заедет по пути в Гельсинки, получил разрешение. Меня всякие люди убеждают съездить в Гельсингфорс, чтобы основательно поговорить с тамошними и вообще «повлиять» — я согласился и прошу теперь о разрешении. Но поеду ли — Бог весть.

«Фонд имени Андреева» оказался созданным специально для моих статей, о чем я уже писал Вам³, и нашему кружку либо надо изыскивать новые средства, либо — прекратиться. Между нами: я склоняюсь к последнему. Последнее заседание наше внушило мне большие сомнения в приспособленности всех этих многих [или: милых?] добрых и умных людей к делу пропаганды — а для нас с Вами двоих кружка не надо, мы и так сговоримся. Тут нужны *огромные* средства, много людей пишущих и пребывание в центре. Именно об этом я хочу поговорить в комитете и с генералом⁴, убедить его, что теперешняя война идет не столько пушками, сколько прокламациями. Их нужно *много*, по всей России, по всем *фронтам*. Вот сегодня прочел, что большевики ассигновали на пропаганду в Финляндии 8 миллионов. Возможно, что в центре организацию литературной части возьмет Гессен, а я могу взять на себя редакцию, кроме собственных статей. Завтра поговорю об [этом] с Г[ессеном] и Вальтером.

О делах. Вальтер передал мне от Вас о предложении (из Стокгольма) Руманова⁵ и других издать и распространять С.О.С. и о предложении мне лично 10 000 марок за право издания. Подумав, я решил эти деньги взять, ибо уже давно живу в кредит и никаких даржанов⁶ не имею; и между прочим, я начинаю хлопотать о закладе дачи. В сущности говоря, это дело — моего кормления — надо было бы поставить иначе, но как — не хочется говорить. Уладится! Пустяки, к слову пришлось.

Значит Вы, дорогой, пошлете им разрешение и благодарность, конечно. Беспокоит меня участь С.О.С. за границей, боюсь, что побоятся напечатать. Но меня это не остановит, раз взялся.

Обнимаю и крепко жму Вашу руку. Как хорошо, что мы оба — тут!

Ваш Леонид А[ндреев]

1 марта 19 г.

51. Л.Н.Андрееву от А.М.Ремизова, 9 марта 1919 г.

9 III 1919

Дорогой Леонид Николаевич!

Я послал в Сенат¹ прошение о пропуске в Финляндию.

Очень мы оба² измучились с нашими хворями. Хочется хоть на немного в какую-нибудь санаторию поместиться.

Леонид Николаевич, будьте так милостивы, если есть у Вас пути, замолвите слово о нас, страждущих³.

Кланяюсь дому Вашему

Алексей Ремизов

Напишите мне — Васильевский Остров, 14 линия, 31, квартира 48.

52. Н.К.Рериху, 12 марта 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович! Анна Ильинишна словесно передаст мои приветы, а письменно два слова о С.О.С. Возмутительно, что Комитет до сих пор не может узнать (срочной телеграммой) о ее судьбе и тем *задерживает* напечатание в газетах, а также выпуск брошюр на том же английском и французском языках. Если редакции французских и английских газет отказались напечатать статью по своим соображениям, то брошюры могут в известной степени заменить газеты¹.

Лично я думаю, что статья задержана не иностранцами, а нашими собственными доморощенными политиками и дипломатами. Бурцев усумнился и посоветовался с Х., Х. решил, что «при введущихся переговорах» напечатание С.О.С. может быть несвоевременно, преждевременно и опасно, У. думает, что можно, Зет — что нельзя и т.д. Я уверен, что при коалиционной редакции Маклаковых, Чайковских, Сазоновых и прочих вообще ни одна моя статья не увидела бы света, хотя, после напечатания, каждый из них приветствует ее. Разве с[оциалисты]-р[еволюционеры] вместе с каде[тами] напечатали бы «Гибель»? Этих «слишком дипломатов» надо ставить перед совершившимся фактом. Боюсь, что статья пропала в этом болоте — или ином.

Надо во что бы то ни стало ускорить выпуск ее в брошюрах. Иначе совсем глупо. И как трудно писать при этих условиях — все равно, что, родив ребенка, отдать его на воспитание к Бабе-Яге.

Дружески обнимаю Вас. Жалко, что говорить с Вами будет моя жена, а не я!

Ваш Леонид А[ндреев]

12 марта 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович! Вчера Анатолий Ефимович¹ сообщил мне печальную весть, что Вы очень скоро, всего, быть может, через несколько дней можете уехать в Европу. Это производит такое впечатление, как будто я должен ослепнуть на один глаз: ведь Вы единственная моя живая связь со всем миром, который лежит к Западу от прекрасного Тюрисева. И значит — и видаться не будем? И говорить не будем? Дорогой мой, если это действительно случится, приезжайте хоть на один вечерок, переночуете у меня, будем говорить!

Передал мне А[натолий] Е[фимович] несколько утешительных слов о С.О.С. (Руманов² и письмо Милюкова), но все же положение остается для меня не вполне ясным — вернее, совсем не ясным. Что Париж? Бурцев? Кстати, хочу Вас попросить, чтобы Вы поставили меня в контакт с Румановым: кажется, у них есть там какое-то издательство³, а я скоро думаю кончить свой роман «Дневник Сатаны» (опять работаю над ним) и, если общие усилия окажутся подходящими, отдать его им — слишком долго ждать, пока можно будет издаваться в России, да и деньги нужны.

Передал мне А[натолий] Е[фимович] и предупреждение относительно Д[енисевича]. Неприятно все это. И я и Анна всегда были далеки от этого Д[енисевича], человека доброго, но бестолкового, легкомысленного, несмотря на свой почтенный возраст и безответственно болтливый. По существу совершенно безвредный, своей неосмысленной болтливостью он производит на людей странное и, к своему несчастью и удивлению, даже подозрительное впечатление. До его приезда сюда мы не видали его целый год и, надо сказать правду, он стал еще несноснее. С первых дней он начал хлопотать о визе в Швейцарию, каковую, кажется, уже получил, и уже на этой неделе собирается уезжать, чему мы не по-родственному рады. Нелепый человек!

Но нам надо поговорить! Тошно писать коротенькое письмо, когда столько длинных мыслей. А здоровье все плохо, и последние дни было прямо-таки скверно, так что даже и из дому не выхожу. И будущее смутно. Вот жизнь-то стала! Хорошо, что Вы, дорогой друг, и Ваша жена (о ней мне хорошо говорила Анна) такие бодрые люди...

Сейчас видел Вальтера. По вопросу о выпуске брошюры С.О.С. срок предоставляю Вам, ибо Вы гораздо лучше меня осведомлены о положении за границей, ведь я все сам узнаю только через Вас. Мне лично кажется, что брошюру выпускать можно, —

до каких же пор будем ждать? Газеты (французские и английские) в настоящее время уже должны напечатать, а если не напечатали, то и не напечатают. Если же С.О.С. пойдет там также брошюрой, то мы повредить ей не можем, наоборот. Отсутствие вестей из Парижа меня поражает. При сем прилагаю любопытное письмо из Роттердама⁴, показывающее... Впрочем, о нем пишет Вам Анна. Но неужели мы не увидимся до Вашего отъезда? Боюсь, чтобы теперешнее русофобское здешнее настроение не отразилось на Вашей выставке⁵. — Вчера был у меня Кузьмин-К[араваев], только что приехавший, и, слушая его, я прослезился. Доколе, Господи!

Крепко жму Вашу руку, милый друг.

Ваш Л[еонид] А[ндреев].

19 марта 19.

54. В.Л.Бурцеву, 21 марта 1919 г.

Дорогой и милый Владимир Львович! Бесконечно завидую Вам, что Вы в Париже и можете работать¹. Обремененный малыми детьми и болезнью, а также и отсутствием денег, сижу в Финляндии и тоскую по работе. Скажите, как бы я мог работать для Вас? Какой-нибудь контакт!

Почта передает так медленно, что статьи надо заготовлять впрок, что крайне трудно; и еще неуверенность, что статья пройдет при тамошних неизвестных мне условиях. Вот моя статья «С.О.С.» была передана даже по телеграфу — и прошел месяц, и ничего о ней неизвестно². Эта неизвестность на корню засушила другие статьи, которые я уже начал. Вам это должно быть понятно.

Большевизм, как яд, сидит в почках, печенке и мозгу. Не знаю, как чувствуется там, но здесь часто теряется всякая надежда. Как ни стараешься держаться, душа и тело не выдерживают и каждый день все труднее. Теперь уж не сам большевик меня мучает, а мучают друзья.

Если есть какая-нибудь возможность использовать мои силы, сделайте это, голубчик.

Обнимаю Вас и крепко целую.

Ваш Леонид Андреев

21 марта 1919 г.

Писать мне: Финляндия, Тюрисево, Леониду Андрееву.

Дорогой мой Николай Константинович! Так зарядился своим «Сатаной», что едва выцарапал время для письма; да что коротенькое письмо! За кусочек Вашей «державы»¹ сердечная благодарность, а что Вы уезжаете-таки, серьезно и окончательно — для меня невознаградиво. В то же время даже и на судьбу пожаловаться нельзя: в самом деле Вам надо ехать, это хорошо и для дела и для Вас. Конечно, я и завидую мало-мало: с каждым днем труднее здесь и невыносимее жизнь. С одной стороны — рук приложить не к чему, так они и болтаются в рукавах, с другой — видимо растет черная сила. Вдруг начались юдофобские выступления, и довольно решительного характера. И доносы, доносы...

Хотел написать письмецо Маклакову, да не стоит, Вы ему лучше можете рассказать, что здесь, чего ждем, чего боимся и на что надеемся. Теперь, после провала С.О.С. за границей, я начинаю опасаться неистовости моих слов — и цензуры. Вот Венгрия обсоветилась²... Для меня это факт огромнейшего значения и — если Антанта сразу не возьмет таки быка за рога — может вовлечь Европу в новую мировую войну. Голод, полный развал культуры, победа варварства над Римом и новое темное Средневековье. А разве их, господ Согласие, об этом не предупреждали? Не заклинали и не умоляли? Все слова сказаны.

«Дневник Сатаны» думаю кончить недели через две. Об условиях издания ничего сказать не могу, теперь все так изменилось, и я совсем отстал. В рукописи листов 12-13, на целую книгу, а почему брать, не знаю. Прежде за лист в альманахе я брал 1000-1500 рублей, а за книгу отдельно, а как теперь? При этом рубле? Если издательство вполне добросовестное, то можно брать процент с экземпляра, но сколько, опять не знаю. Между прочим: кто сулил мне эти 10 тысяч марок? Я внес уже их в бюджет, а теперь недоумеваю: если соврали, то Бог с ними, но нужно знать, на что я могу рассчитывать, а то я из этих денег чуть новых двухэтажных штанов не построил! Простите, милый друг, что я обременяю Вас этими пустяками, но так уж вышло. Скажите им (а кто это?), чтобы они прямо сносились со мною.

Надо бы сделать Вам пожелания на дорогу, да что! Поезжайте, и пусть Вам будет там лучше, чем здесь нашему брату. Все-таки думаю почему-то, что расстаемся ненадолго: должен же быть конец этому треклятому периоду! Но пожалуйста, дорогой, пишите оттуда, это будет мне чрезвычайно дорого. Только ничего не пишите соблазнительного: о весне, вежливости, музеях и книгах.

Крепко обнимаю Вас и целую. Будьте здоровы, живите и работайте, у Вас еще такая дорога впереди. Бог в помощь!
Неизменно любящий

Леонид А[ндреев]

29 марта 1919 г.

Голубчик, пришлите мне полсотни экземпляров брошюры С.О.С. и с Вашим рисунком — ведь я его еще не видал. Нужно для раздачи хорошим людям.

56. Л.Н.Андрееву от Н.К.Рериха, 3 апреля 1919 г.

Дорогой и родной Леонид Николаевич, как мы и думали — всякие силы ополчились на выставку мою: 1) Три дня валил снег и закрыл все верхние окна — зажгли с утра огонь. 2) Свирепствует испанская болезнь. 3) Общая неуверенность в будущем сейме¹. 4) Большевизм Венгрии². 5) Ссора в здешних художественных кругах (междоусобица). Все сразу! Но тем не менее держимся. Позиций не уступили и внимание к выставке большое. Сегодня вышла Ваша статья в «Otava»³. Еще раз убеждаюсь насколько нужна всякая пропаганда русского дела. Ведь лишь на наших языках мы говорим полноправно. Надо и Вам на Запад⁴. Там мы заварили бы целое «осведомительное бюро» о России — о той России, которую мы знаем и о которой кроме нас, немногих, кто же говорить может? А такая борьба во имя культуры и правды делается все необходимее, ибо подземный пожар ползет и его надо заливать⁵. Да и вообще отсюда надо ехать. Русская колония в Гельсингфорсе — хлам, почти вся хлам! Когда Маннергейм, случайно не могший попасть на выставку, прислал состоящего при себе, чтобы передать его привет и пожелание успеха, — мне стало неприятно, ибо весь русский особый Комитет отсутствовал. Вообще к нам, деятелям культуры, — обидное пренебрежение! Простое внимание отсутствует. Ну да черт с ними, ведь не для них же работаем. Ведь не их солнцу радуемся! Да, опасайтесь всячески Ляцкого, — зловреден. Я это узнал уже не из Арабажинских источников.

Перед отъездом хочу сказать Вам, как часто буду вспоминать о Вас и буду посылать Вам призывные флюиды. Об издании буду говорить здесь (уже и говорилось) и в Стокгольме. Это и уместно и необходимо. А Вы берегите себя. Шлю привет Анне Ильинишне. Всякое Ваше слово, догнавшее меня, принесет мне сердечную ра-

дость и осветит путь мой. Крепко Вас целую и надеюсь увидаться на Западе.

Душевно с Вами

Н.Перих

3.IV.1919.

Отплываю 19-го.

57. Г.А.Блоху, [19 апреля 1919 г.]

Дорогой Григорий Анатолиевич! Поздравляю Вас, Надежду Осиповну и всех ваших с праздником, а затем — разрешите сообщить Вам следующие возмутительные факты и явления из моей биографии.

Почему я никак не попаду к Вам, хотя ежедневно думаю и хочу? Не знаю. Тайна! Как и то, почему я не могу работать. Бросаюсь то на «Сатану», то на «Ночной разговор», два-три вечера пишу — и вдруг впадаю в бессилие и тоску. Как и то, почему я один день чувствую себя почти здоровым, обзавожусь соответствующим настроением — и вдруг все к черту, одышка, удушье, головная боль. Так под самый праздник вдруг забастовало сердце, и вот смотрю на мир с отвращением. В душе так темно, что если вывернуть наизнанку, стану похож на трубочиста.

По-видимому, все дело в большевике и в этой кадрили из «четырёх» мужей¹. Оттуда отрава. Безумие мира так велико, что не могу найти для него равновеликих слов. И ведь было время, когда я настолько верил в честность и высоту союзников, что готов был покорно подставить свою русскую щеку под любую французскую или английскую /пощечину/ оплеуху!

Эти «четыре»! Ни настоящей смелой честности, ни таланта, ни вдохновения, ни широкого и ясного ума, обозревающего дали. Бездарность и крохоборство. Истинные мещане, по приставным лестницам взобравшиеся на Синай; мир ждет грома, а они, сукины дети, только п[ер]дят. Временами они кажутся дураками. Это ошибочно. Они не дураки, но такое же впечатление произвел бы всякий достаточно само по себе умный человек, взявшийся или принужденный без таланта писать «Войну и мир». У них нет ни творчества, ни окрыляющей идеи. За это их долго бил Вильгельм, у которого была своя немецкая идея; теперь его дело продолжают социалисты и буквально — прилично выражаясь — испражняются им на рожи. Ибо и у социалистов есть идея, а они все в той же благородной бедности.

И как скверно они вели войну, всюду опаздывая, дешево гуманничая и тихонько за кулисами ссорясь из-за горшков, так скверно делают они и мир. Под самым их носом, как шишка у алжирского бея, вырос большевизм, расцвел и воняет, а они ничего не видят и спрашивают: откуда эти духи оппопонакс? Синай — и какой-то Орландо! Почему Орландо? Что это за фигура с петушиными крыльями, но без кукареку? И дальше: французский француз Клемансо, у которого зрение кончается Эльзасом, промежуточный Ллойд Джорж и «кухарка за повара» — Вильсон. В последнем все черты государственного парвеню, самоучки из народа и жиденького книжного фантазера и педанта. Какая-то газета, говорят, сочинила, что его настоящая фамилия Вульфзон и что он из Одессы. Ах, если бы так! У Одессы мировые масштабы, а у этого даже его лига народов носит характер провинциального праздника «вольной пожарной дружины». Конечно, Клемансо трясется за свою милую Францию, которую друзья явно ставят под обух, но что он может сделать, не умея выйти за пределы своего маленького тесного мещанского хозяйства? Загорается самый дом, а они ищут премию за сгоревший прошлогодний сарай².

Да что! И вот как представишь себе все это, так и сдохнешь. А тут еще Арабажин зудит над ухом, как комар. Тошно и смрадно.

Как только подсохнет дорога, приду к Вам проклинать мир, Тюрисево в частности. Целую Вас и крепко жму руку.

[Леонид Андреев]

58. И.В.Гессену, [около 19 апреля 1919]. Фрагмент

Дорогой Иосиф Владимирович! Когда я смотрю на то, что делается во всем мире, мне начинает казаться, что Европа фатально осуждена на гибель чьей-то высшею волей. Только те, кто осужден фатально, могут быть так слепы и глухи, настолько лишены простого инстинкта самосохранения. Друзей они не отличают от врагов, лекарства от яда, сахару — от цианистого калия; словно одержимые жаждой смерти, они ищут только вредного, сами создают опасное и ошалело лезут в огонь. Разум Европы не умер, но совершенно потерял свою силу, как соль, переставшая быть соленою; в конце концов он надобен только для статистики несчастий и разрушения.

Во главе этой самоистребительной процессии идут «четыре»¹. Само по себе они не глупы, но с каждым днем они все более кажутся ослабами и преступниками: настолько предстоящая им задача превышает их средний ум, воспитанный в мещанстве, их парла-

ментскую волю, их жиденскую эклектическую мораль. Целых *три* великих империи рушилось и продолжает еще разрушаться², разбрасывая обломки и открывая путь варварству, социальный циклон захватывает все новые области — нужны силы сверхчеловеческие, нужна прозорливость гениальная и воля железная, а тут эти господа в цилиндрах.

59. Н.К.Периху, 23-24 апреля 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович! Был в некоторой нерешимости, куда Вам писать. Но не это главное: духом я ослабел. Выпадают такие дни, что еле встаешь с постели, и тоска постепенно становится преобладающим чувством. Решаюсь писать Вам об этом по дружбе, ибо не выношу в себе таких состояний и стыжусь их, как вообще стыжусь всякой болезни и слабости. И никакая работа не идет: хватаюсь за бумагу, бросаю, ночью вместо сна думаю, а днем эти мысли ненавижу.

Причина — безумие мира. То, что делается в Европе, отношение ее к большевизму и России и все, о чем только ни читаешь, — ложится на мозги серой паутиной и отравляет душу злом и бессмыслием. А большевик все продолжается, и не видно ни конца ни краю всей этой мучительной чепухе, а за окнами неподвижное Тюрисево, Шайкевич идет в гости к Вальтеру, Вальтер идет к Шайкевичу — и холодная, формальная, бездарная весна. Вдруг начинается удушье и целую ночь дышишь точно в трубочку.

Оттого главное и не пишу. Что за радость обременять своим нытьем! Хочется, как собаке, залезть под террасу и там отлежаться. А думаю о Вас с нежностью, милый друг. Мне еще жаль, что Вам выпало столько неприятной возни с этими деньгами¹, воистину в чужом пиру похмелье! Передайте мой низкий поклон и благодарность Вашей супруге за ее письмецо; видно, что и ее коснулась эта неприятность.

Все собираюсь в Выборг, и все откладываю по тем же душевным причинам. А где Вы? Когда едете? Черкните письмецо. И о выставке. Крепко обнимаю и целую братски.

Ваш Леонид А[ндреев].

23 апреля 1919 г.

Сейчас, перед отправкой на почту, получил Ваше письмо и деньги, милый друг. К написанному раньше могу прибавить от всей души: эх! Читали ихнюю резолюцию²? Вообще — не хочется, не могу говорить.

Вас еще раз крепко целую. Конечно, мы вместе и твердо. Пишите мне и давайте адрес.

Л[еонид] А[ндреев].

24 апреля

60. А.В.Карташеву, [конец мая 1919]. Фрагмент

Дорогой Антон Владимирович!

Со мною приключилась печальная вещь. За последнее время у меня участились сердечные припадки, и доктор нашел, что сердце мое «ослабело», требует полного отдыха и прекращения всякой работы, и умственной и физической. Правда, самое маленькое усилие вызывает перебои, одышку, а потом очень тяжелую приостановку дыхания — всасываю воздух точно в узенькую трубочку.

Пришлось бросить наполовину написанную статью и на время (так утешает доктор) превратиться в инвалида, глотать через каждые два часа в течение месяца горчайшую микстуру и еле бродить под солнышком. Так вот и живу! А по ту сторону залива бухают пушки, поднимаются дымы пожаров, *идут* к Питеру¹. И Ваше письмо, которое зовет меня к работе...

Не буду говорить, как мне тяжело оказаться бессильным и бесполезным в минуту, когда требуются все силы, это понятно.

61. А.В.Карташеву от А.И.Андреевой, 27 мая 1919 г.

Многоуважаемый Антон Владимирович! Решила Вам написать сама несколько строк, чтобы Вы знали, что письмо Ваше получено и Леонид Николаевич тотчас же сел отвечать, но, написав половину, оставил¹. Сам мучается, но не кончает. Состояние у него ужасное. Обращались к доктору, тот сказал, что сердце «ослабело», что нельзя волноваться и прочее, и работать, конечно. А тут каждый день несет, кроме всяческих волнений, ожиданий, тягчайшую мысль, что нужно работать, а работать именно трудно, почти невозможно. Я не сумею объяснить Вам хорошо это подавленнейшее состояние его духа. И здесь заколдованный круг: чем необходимость работы острее, тем слабее он себя чувствует, и мучается еще больше. Что делать сейчас с этим, что будет дальше, когда это кончится, ничего не знаю. Написала Вам

эти несколько путаных строк, чтобы хоть приблизительно Вас осведомить. На днях он сам напишет.

Всего Вам доброго!

Крепко жму Вашу руку.

Уважающая Вас

Анна Андреева

27 мая 1919 года

Ваммельсуу.

62. И.В.Гессену, [9 июня 1919]

Дорогой Иосиф Владимирович! Я сейчас как тот студент, что две ночи дежурил на Шаляпина, получил билет, а на спектакле, когда его пригрело и музыка заиграла — заснул и крепко проспал весь вечер, пока не разбудил капельдинер: кончилось. Но тот счастливец спал, пригретый и убаюканный, а я просто болен. Болен и в настоящую, по крайней мере, минуту, инвалиден. Два года я живу в волнении, которому не было выхода; всю последнюю зиму я тщетно стремился к планомерной (не художественной) работе, и ее не было. Кончилось тем, что весь запас и волнений и чувств обрушился на меня же самого — и сердце сдало. Не могу писать. Самое маленькое напряжение мысли, легкое волнение перед машинкой — и готов, сердце бухает, потом останавливается, дыхания нет — хоть помирай.

Доктор мой признал, что сердце «ослабело», и запретил всякое действие, и умственное и даже физическое. Таким манером я живу вот уже почти два месяца, ни Богу свеча, ни черту кочерга. Принимаю все меры, чтобы восстановиться. Переехал в свой дом на Черную Речку¹ и начал исподволь упражнять физику, работать по саду, ставить заборы. Несколько получало, но так мало еще, что случайный разговор о политике или номер газеты может сразу вернуть к сердечным припадкам. Писем не пишу, людей стараюсь видеть меньше, читаю сказки. Оттого и Вам не писал, каялся, но не писал, думал: потом объясню.

А тут и Бурцев зовет работать, и Карташев, и вот наконец Ваше письмо. Беда! И опять стараюсь не расстраиваться своей инвалидностью, набираю воздуху, солнца и дыхания, доказываю себе, что хворость моя не настоящая и пройдет. Иначе что же? Утешаюсь и тем, что опоздать никуда не могу, ибо работы впереди — целые горы.

Так вот какие мои дела, дорогой Иосиф Владимирович. Конечно, как только восстановлюсь хоть для маленькой работы,

немедленно снесусь с Вами. А пока буду слушать стрельбу — она идет каждодневно и иногда с трех сторон горизонта; бегаю на башню посмотреть в бинокль морские бои, гадаю и догадываюсь. Вчера ночью где-то за Ино были такие внушительные залпы и грохоты, что вздрагивал дом. Надо сказать, что все мы привыкли к стрельбе, как к простому шуму, и только мой миролюбивейший пес, Маркиз, прячется в дом — не выносит. Несколько поволновал нас сестрорецкий бой — отчетливо слышался пулемет, но и это миновало².

А нынче получил неожиданное и радостное известие: телеграмму от брата офицера, с осени пропавшего, что он жив и здоров. И знаете откуда? Из Омска³! Прямо так и значит: Омск — Териоки. Для меня это прямо чудо. И принес это чудо самый обыкновенный почтальошка. Значит, брат добрался и устроился у Колчака, чему я очень рад: может быть, это от плохой жизни, но в Колчака я твердо верю. Единственный, кто.

Об английском С.О.С. с статьей Павла Н[иколаевича]⁴ я слышал, и мне чрезвычайно радостно, что предисловие написал как раз П[авел] Н[иколаевич]. При всех его «ошибках», я считаю его самым большим государственным человеком России; да и лично он внушает мне сильнейшую симпатию. И как он работает! Завидно. Знаю, что и Вы хорошо работаете и... Да что растравлять раны.

Крепко жму Вашу руку. Будьте здоровы, бодры, работайте, а меня помяните не словом укорины, но вздохом дружеского сожаления.

[Леонид Андреев]

63. Н.К.Рериху, 17 июня 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович! Вы такой милый, что балуете меня весточками, а я — пренесчастнейший субъект. Все получил, все — и открытки и большое [письмо], а ответить все не мог. История в том, что с конца апреля я сильно занедужил, мой Валлерштейн нашел, что сердце у меня «ослабело», и пришлось мне все бросить: писанье, ходьбу, всякое сильное движение, всякое усилие мысли. Причина — в полном расстройстве нервов: малейшее волнение вызывает сердечные спазмы, приостановку дыхания и прочее. Было очень скверно.

Так тянулось до половины Мая, когда я переехал к себе в дом на Ч[ерную] Речку. Тут хорошая погода и физический труд

(понемногу) несколько привели меня в чувство, я ожил, стал спать и уже могу тихонько проехаться на велосипеде. Но волнения действуют все так же губительно и сердце работает неровно и дышать порою трудно, как будто вся жизнь моя — гора. Это и есть причина, почему я не писал вам: уже коротенькое письмо, самый стук машинки и вид бумаги будоражит меня. За это время мне писали Карташев и Гессен, чтобы я приезжал в Гельсинки, наступила пора работы — и мне пришлось отказаться от этого. Глупо! Теперь решил, ни на что не смотря, копить здоровье и не приходить в мрачное настроение от своей инвалидности. Господи! впереди ведь еще целые годы и целые годы работы.

Народу окрест мало. Шайкевичи, старые и молодые, уехали в Лондон; Вальтеры также, Троцкие[-Сенютовичи] еще не возвращались, Сергея Ве.¹ не видал давным давно. Но зато в бинокль — вижу много. Из газет Вы, вероятно, уже знаете о наших событиях, падении К[расной] Горки, взрывах, морских боях; и это все мы либо видели, либо слышали. Как не слышать, когда дом трясется и стекла дребезжат. Или среди ночной тишины вдруг загадочно затюкает неведомый пулемет. Особенно интересен был день 13-го сего, когда с корниша мы смотрели на одновременную стрельбу кронштадтских фортов, «Петропавловска» и Красной Горки, на вспышки огня, столбы дыма от взрывов, похожие на извержение, и на пожары. Очень страшно и зловеще всю ночь горела К[расная] Горка².

Стрельбы все время так много, что тишина, наступившая со вчерашнего дня, кажется странной и непонятной. А тишина полная, хотя суда по-прежнему стоят у маяка. Слухов и вестей много, но насколько верить им — не знаю. Были сегодня Шереметьевы, и вести сообщили самые радостные — а верить боюсь. Источником хороших слухов и предположений является в этот раз Владимир Дмитрич³, который только что прислал им радостное письмо о близком будущем. И все-таки — верить боюсь. Пусть лучше я еще немножко посомневаюсь, а то можно сесть в огрома-а-днейшую лужу! Но тишина — факт!

Милый мой друг, очень рад за Вас, что Вы живете так бодро, работаете и везде оказываетесь нужным человеком. Можно думать теперь, что наша встреча не за горами, но буду ли я также бодр и способен к работе? Помимо прочего, надо деньги зарабатывать — печальная история. Ну да ладно, обойдется. И не забывайте меня, милый друг, пишите о Вашем ходе по Европам⁴. Буду и я писать по мере сил.

Крепчайше Вас целую и жму руку. Мои мысли о Вас Вы должны чувствовать, они должны дойти.

Ваш Леонид Андреев.

17 июня 1919 г.

64. И.Н.Денисевичу, 24 июня 1919 г.

Милый Илья! Вот ты и перемахнул из Тюрисева, с дачи Семёнова, от Вальтеров и винта — в Лугано, место для нас фантастическое. Воображение мое давно притупилось, и мне трудно представить и это Лугано, и жизнь тамошнюю, лишённую таких необходимых удобств, как ежедневная канонада. Что ж, живи и отдыхай, дай спокойствие телу и нервам. Лечи Веру¹ — и не тревожь себя мыслями о России: с великим трудом и мучениями, преодолевая неразумие одних, бесчестность других, она все же продвигается вперед по пути возрождения, кряхтит, а лезет в гору. Большевики, которые превратили нас в финско-швейцарских эмигрантов, так или иначе подходят к своему неизбежному концу, и история уже тешет осиновый кол, который будет вбит в их могилу.

О нашей жизни что сказать? Все то же; разве только нервы еще притомились, да все тяжелее становится забота о деньгах. Природу нашу ты знаешь — впрочем, весна и лето стоят чудесные. Живем у себя в доме, рано ложимся, рано встаем, работаем по саду, я поставил превосходнейший забор, одно из лучших моих произведений. От вольной жизни Анна прибавила десять фунтиков и при выстрелах, слишком громких, потрясает жирами; я убавил на пять, но от работы чувствую себя немного лучше, перестал задыхаться каждую минуту. Народу видим мало: Вальтеры, все Шайкевичи уже отбыли за границу, Троцкие[-Сенютовичи] еще не возвращались. Во французском пансионе, на высокой горе (здоровый воздух, полный пансион 25 марок) живет Фальковская с Кваком² и поджидает в свои паучьи сети неосторожных мух. Иногда, отрываясь от своих половых [sic] работ в Мустомьяках, посещает ее сам граф Фальковский и языком молотит рожь на обухе. Он прекрасен!

Оба они, Фальковская и Квак, посещают нас и проводят время в объятиях друг друга. Все страдаем от недостатка папирос, я несколько дней курил махорку, Анна — сигары; Фальковской ее супруг выдает по две папироски в день, и она несчастна. Если бы не любовь Квака, она была бы совсем несчастна! Сам граф Фальковский все время ищет лавочку, чтобы разменять миллион; в своих белых ботинках и рубашке «робеспьер» он прекрасен! Нивирятен!

На днях собираемся в Тюрисево, на приморскую дачу³, для морских купаний и всяких келькшозов и козри⁴; это будет наш Биарриц. Из своих любимых панталон Анна сделала для меня чудесный купальный костюмчик, и во избежание соблазнов и, как она говорит, коротких замыканий от встречных дам, всего меня хочет обернуть изоляционной лентой. Севиер с букетом сирени ходит взад и вперед по корнишу и воет от одиночества; это между прочим. Два маленьких Берманенка⁵ также бродят всюду в качестве самодвижущихся подкидышей; это также между прочим.

Наше настроение с Анной и мысли крайне реакционны: любим и почитаем Колчака, не любим и не почитаем Авксентьева и всех социалистов. Так в темных недрах реакции гибну я в расцвете сил и таланта, и Анна покорно следует за мною! Не проклинай ее: она лишь верная жена, моя протопопица, как была у Аввакума своя⁶.

Ну, будь здоров, поправляйся. Вере и Толе передай мой привет, детишкам⁷ ее — крепкое умбаччио⁸.

[Леонид]

24 июня 1919 г.

65. С.Л.Гуревичу, [июль 1919?]. Фрагмент

Как быть?

В Петербурге меня ждет очень ответственная и очень важная работа. Скажу без ложной скромности: если я совсем выйду из рядов, то едва ли в России найдется другое лицо, которое могло бы заменить меня. Это сознание отнюдь не из веселых: оно налагает на меня тяжелую ответственность и заставляет *заботиться* о себе, как я стал бы заботиться о лошади. Отсюда мои заботы о здоровье, которое я *должен* иметь; отсюда и все мои старания оберечь нервную систему от излишних и ненужных треволнений, ибо, как Вам известно, весь мой недуг не органического происхождения, а как раз заключается в нервах. Скажу по правде: если бы не чувство *долга*, которое принуждает меня носить с собою, как дурня с писаной торбой, я... не знаю, что я. *Лично* я во всем этом не заинтересован и личных целей никаких не преследую; лично я просто устал и томлюсь необходимостью жить, как самой тяжелой повинностью. И если так случится, что русские люди не поймут, насколько я нужен им для русского дела, и предоставят мне остатки моих сил обратить на «изыскание средств к жизни», продажу старых штанов и диванов, то что ж?.. Значит, так и будет. Но пусть эти русские люди не жалуется на успехи больше-

виков, которые *своим* дают не только возможность жить, но и богатство. А мне что нужно?

Если я теперь не пишу, то не по лени или забвению своих обязанностей. Помимо того, что я сейчас берегу и накапливаю силы, самый характер моей работы иной, чем у других журналистов: если те должны писать ежедневно, чтобы частым повторением искупить недостаток силы, то мне надо лишь изредка давать статью, но такую, чтобы ее влияние было длительным и прочным. Вот Карташев пишет мне, по сведениям из Лондона, что С.О.С. именно теперь приобретает особое значение. Есть в церкви служба повседневная, поповская, и есть архиерейская, с трезвоном: я — что поделать! — архиерей. И если В[альтеры] в Лондоне сразу задышали «полной грудью», то всего воздуха, который у них в груди, мне не хватит и на двадцатую часть легкого. Вы, дорогой друг, который только один хлопочет и предстательствует за меня, поймете, что не приятным самомнением продиктованы эти слова, а иным, более горьким и тяжелым чувством.

66. С.Л.Гуревичу, [начало июля 1919]. Фрагмент

Наконец, там я утилизирую мои новые произведения, напечатанные, которые здесь пригодны только для ватер-клозета. И т.д. Вообще, в неоплатные долги я не вхожу, хотя в данном случае кредит, оказываемый мне, и не носит характера чистого кредита, где речь может идти только об обеспечении.

Скажу еще, что мне надо иметь более твердую почву под ногами, и новые 10 тысяч марок, после которых через месяц мне придется снова виснуть в воздухе и снова писать драматическую статью-письмо, отнюдь не устроят меня. По весьма скромным соображениям, мне надо 50 тысяч марок, с которыми я уже стараюсь дотянуть до Питера, а иначе — уеду за границу для жизни и заработка; повторять тюрисевскую бездеятельно-выжидательную зиму я более не могу. Как же быть, дорогой Самуил Лазаревич?

Думаю: нельзя ли найти богатого и денежного человека, который мне *лично* открыл бы кредит на указанную сумму? Увы! — это должен быть *хороший* и понимающий человек, и я сознаю всю трудность найти такового, но вдруг найдется и вдруг поймет? Дальше: Вальтеры перед отъездом, по их словам, заложили дачу, и Рантакари дал им 50 тысяч — нельзя ли найти хода с этой стороны? Если уж так нужно, я могу приехать в Выборг (не езжу, просто избегая лишних трат). В крайнем случае, не поможет ли

такое объявление в газетах: «Л.Н.Андреев продает дачу или про-
сит ссуду под таковую?»

Но как бы то ни было, дорогой друг, не оставляйте меня в
неизвестности: до Вашего ответа буду считать дни, часы и марки.

А Тервус!?! Эх, и хочет душа в рай, да грехи не пускают. Как
тут поедешь при всех этих обстоятельствах; вот на днях у нас рек-
визировали андреевскую зимнюю дачу, и пришлось весьма по-
спешно, под дождем, таскать оттуда вещи, возить мебель и вооб-
ще переживать маленькую беженскую поэму². А вдруг захотят и
большой дом занять? А вдруг перестрельщики на том берегу ка-
нибудь по естественной неосторожности начнут палить по берегу,
а папы с мамой нет, и одна бабушка кудахчет? Когда там стреля-
ют кто-то в кого-то, я чувствую себя коровой во время дуэли: ни
куст, ни моя коровья лояльность отнюдь не гарантируют моей не-
прикосновенности. Но о поездке мечтаю, о ладожских шхерах
мечтаю, и как только гроза военной непогоды перейдет в тихий
дождичек, прискачу в Тервус. И надобно, чтобы нам попасть
вместе.

Мой новый адрес: Тюрисево, териокское шоссе, дача Лобек.

Крепко жму Вашу руку и всячески извиняюсь за беспокойство.

[Леонид Андреев]

67. С.Л.Гуревичу, [13 июля 1919]. Фрагмент

Дорогой Самуил Лазаревич! Вероятно, Вам придется видеть
финских начальствующих лиц: нельзя ли обратить их внимание
на следующее.

Наша местность, Тюрисево и особенно Черная Речка (Вам-
мельсуу) с приходом войск стала ареной самых наглых и безна-
казанных. Сегодня добрались и до моего дома. Белым днем, когда
дворник с женой обедали, несколько солдат (дворник заметил их
уже убегающими) забрались в дом, разбив камнем два больших и
ценных зеркальных стекла, и выкрали всю оставшуюся там одеж-
ду и обувь, белье. Повторяю, это было днем, когда кругом на-
род. Мы сами каждый день бываем в доме. Анна там ночевала
несколько ночей (смотрит за покосом), и только сегодня, в Во-
скресенье, там оставался только дворник. До сих пор, благодаря
хорошему ко мне отношению местных жителей, у меня не случал-
ось ни одной покражи, и только пришлые, видимо, совершенно
распущенные солдаты могли пойти на такой наглый грабеж.
(Один из грабителей забыл свой казенный солдатский пояс). Обра-
щение к местному начальству не дает

Дорогой Антон Владимирович! Сердечно все время пребываю с Вами. Не писал по ряду причин, главнейшая из коих болезнь: слабость сердца и крайнее нервное переутомление. В сущности, все дело в нервах. Сейчас я несколько поправился, но к серьезному труду еще не способен: писать без волнения не могу, а волнение очень быстро возвращает к старому недомоганию. Надо еще укрепить себя. Весною, заболев, я на половине должен был прервать большую статью; теперь она, пожалуй, ни к чему¹. Ваши добрые письма очень поддерживают меня.

Я также *еще* надеюсь, но какой горький напиток — эта надежда! Пьешь как будто много, а уста сухи, и жажда становится мучительной, как в пустыне. Каждый день дух падает и умирает, как подломленный, и сколько надо усилий, чтобы воскресить его для нового наступающего дня! Конечно, я всемерно готов и хочу шагать с вами, в рядах честных людей. Пусть это будет новая партия, которой еще никогда не было в России: «партия честных».

Всегда я был и навсегда останусь другом всех обездоленных, униженных и оскорбленных; когда-то эта дружба связывалась у меня с понятием «социализма», который так горячо и так порою искренне лгал миру о своих великих /целях/ идеалах общечеловеческого счастья и свободы. Ныне, в момент испытания, он сринил наземь маску гуманности и явил свое истинное лицо жестокого хищника: *кучки* людей, эгоистически борющихся за *свое* благо, хотя бы это ихнее благо стояло в полном и гибельном противоречии с благом народа, всего человечества. Классовая борьба!.. Как мы раньше не уясняли себе истинного и злого смысла этих слов?

И нынче я враг социалистов, как и *всякого* класса в его своекорыстных, узко себялюбивых устремлениях, и пролетарские расстрелы в их кощунственно лживом параде мне еще более ненавистны, нежели прямые и циничные виселицы Николая. «Люблю тебя, сосед Пахом: ты просто глуп, и слава Богу»²... А этот Пахом называет себя Брутом, лжет, бесстыдничает, зверствует, заставляет целовать свои срамные части, нагло утверждая, что это икона. Эта гнусная «Гуманитэ», продолжающая звать себя «человечностью»³! И если всякий класс в основе своей эгоистичен, то эгоизм социалистов воистину страшен и необъятен, как воплощение тупости и человеческой ограниченности. Опираясь исключительно на невежество (и подлость), как Николай опирался на штыки, их образованные и бесчестные вожди *вынуждены* приносить присягу на глупость и дикарство, и так создается то царство скотства и

зверства, о котором нельзя мыслить, не ощущая смерти и отчаяния...

Вот, дорогой Антон Владимирович, почему еще я не писал Вам: каждое письмо непременно перейдет в излияние, а раз излияние, то... и т.д. Уже давно в жилах течет не кровь, а охра, которою красят сумасшедшие дома; для маляра это даже капитал, а для души и тела — чистая беда. Оттого и поправляюсь я медленно и с натугами, никак не могу преодолеть этой внутренней грызущей боли, разрушающей и тело. Жду возможности работать, как спасения.

Ждал я, как все простак, скорого Петербурга, а теперь... Но о дальнейших планах и намерениях своих, для которых потребуется Ваше благословение, напишу в следующем письме, а пока о ближайшем деле. Конечно, на колчаковской брошюрке и на других, какие именно *Вы* найдете подходящими, можно ставить слова о моем «фонде», для меня это только приятно. Но неужели так мало денег на агитационную литературу, что приходится черпать из этих скудных средств⁴?

При первой возможности (сейчас у меня безденежье, но надеюсь добыть... Опять надежда!) приеду в Гельсингфорс. Время и дела такие, что поговорить необходимо; планы у меня очень широкие, вопрос только в их осуществимости, главное, в денежной стороне. Но об этом, предварительно личной беседы, в следующем письме.

Как *Вы*, дорогой, чувствуете себя? Устали? Как у вас в Гельсингфорсе складывается жизнь? Здесь порядочно дают себя знать «недостатки механизма». Но как это ни досадно (у меня на днях обокрали дом, одежду, обувь и прочее⁵), все это кажется мелочью и почти не трогает рядом с зловещим призраком России. Вчера узнал, что умер Зилоти⁶. *Вы* не слышали? И за все время одна маленькая (ибо личная) радость: телеграмма из *Омска* от брата-офицера, долго пропадавшего без вести: жив⁷.

Крепко жму Вашу руку и обнимаю.

Ваш Леонид Андреев.

15 июля 1919 г.

Тюрисево, шоссе, дача Лобека.

Сердечный привет!

А[нна] А[ндреева]

69. П.Н.Милюкову, 26 июля 1919 г.

Многоуважаемый и дорогой Павел Николаевич! С живейшей радостью я увидел английскую брошюру «С.О.С.» с Вашим вступ-

лением¹. Ваше доброе отношение всегда было дорого мне; в этой же форме оно приобретает для меня особую ценность. Связать мое имя с именем человека, которого я считаю первым государственным деятелем России², всегда было бы для меня исключительной честью, — при настоящих условиях, когда приходится собирать и объединять все силы для борьбы за спасение родины, это имеет и иной действенный смысл.

Теперешнее мое письмо — прямое следствие нашей заочной встречи. Решив отдать свои силы большому и серьезному делу, я обращаюсь за помощью к Вам, зная, что именно у Вас (а, быть может, и только у Вас) при Вашем знании России и всех действующих в ней сил, я найду правильную оценку моего предложения и его государственной важности.

Речь идет о *пропаганде*, о постановке этого дела на ту высоту, при которой оно станет необходимым и важнейшим орудием в борьбе с большевиками и идущими им на смену крайними социалистами³, а в дальнейшем — могущественным средством к восстановлению в России всех ее разрушенных государственных, гражданских и моральных основ. Что бы я ни стал говорить о исключительной важности пропаганды в настоящий исторический момент, когда «литература» волнует весь мир от Китая до Америки и власть слова подчиняет себе силу оружия, для Вас я не скажу ничего нового, чего бы Вы не знали и не продумали.

К сожалению — до самого последнего момента дело антибольшевистской пропаганды поставлено очень слабо как у нас, так и у наших союзников; и если у нас это еще объясняется нашей слабостью и разобщенностью, то у союзников и других стран антибольшевистской коалиции, пока еще обладающих неразрушенной государственностью и силами, это печальное явление для меня ничем не объяснимо. Или это та роковая и почти всеобщая потеря здорового чувства самосохранения, которая некоторым действиям современных правительств придает такой... болезненный, порою почти самоубийственный характер?

Как осажденные, они только обороняются и чинят постоянно разрушаемые стены, но не нападают сами; и всегда остается забытая калитка, через которую кто-то входит. Эти смешные попытки «изоляции» России, эти жалкие мысли о каком-то карантине, который удержит всепроникающее слово⁴!.. Вместо того, чтобы потоку литературы, агентов и денег, шумно вытекающему из советской России и затопляющему все низины, противопоставить такой же поток книг и людей — ловят агентов и их тюки, словно не замечая, что на одного пойманного приходится тысячи непойманных, и что обесцененные и не принимаемые русские день-

ги достаточно ценятся и принимаются⁵. Но и об этом, я думаю, Вы знаете и скорбите не меньше меня.

У нас (говорю пока про русских в Финляндии) дело пропаганды задерживается нашей слабостью: отсутствием денег, людей... и тем же роковым непониманием значения пропаганды. Соседи Петербурга, по воле судьбы первые, кто может войти в него, мы имеем в гаванях корабли с сотнями тысяч тонн продовольствия⁶ — и ни одного пуда литературы, ни единой брошюры и никакой соответствующей организации! / (Маленький, но характерный факт: та же брошюра «С.О.С.», для которой время уже проходит, и, кажется, единственная, находящаяся в распоряжении здешнего Комитета⁷, лежит на складе без движения) / Только в личной беседе я мог бы рассказать Вам о всех причинах здешней пассивности; главная из них, повторяю, слишком малое количество людей, достаточно энергичных и авторитетных, чтобы поднять и двинуть такое большое дело. В прошлом году я очень много говорил с здешними деятелями о необходимости пропаганды, предоставляя (в силу тогдашнего моего нездоровья) постановку и организацию дела другим, а себя ставя только в ряды простых работников, / но ничего из этого не получилось.

Поэтому и с моим предложением я иду не ближайшим и, казалось бы, наиболее действительным путем: через здешний комитет и правительство⁸. Конечно, я буду настойчиво добиваться и здесь, но, зная положение вещей и характер лиц, с которыми мне придется говорить, я заранее почти уверен в неуспехе дела. Даже получив полное одобрение и обещание поддержки, я в конце концов буду поставлен в условия крайне тесного существования и крайнего сужения моих задач. Только *центральное* правительство с его средствами и авторитетом может дать моему начинанию тот широкий государственный размах / но ничего из этого не получилось. К этому нужно добавить еще одно крайне существенное препятствие: лишь недавно получив официальное признание своего существования и деятельности, здешнее правительство очень стеснено в деньгах и из многих нужд, которые ему надо погасить, естественно избирает те, которые ему представляются важнейшими, т.е. специфически военные. Привыкши к старому и простому способу ведения войны: ружье против ружья, солдат против солдата, оно не вполне учитывает совершенную *новизну* теперешнего театра «войны». Стремясь прежде всего одеть, накормить и вооружить солдата, оно часто не предвидит тех печальных возможностей, когда одетый, накормленный и вооруженный солдат «под влиянием большевистской пропаганды» (последний бунт на архангельском фронте⁹) поднимает свое, с таким трудом

добытое, оружие на своих же офицеров и передается врагу. Нисколько не упрекая правительство в этом понятном заблуждении, которое разделяют вместе с ним слишком многие правительства, я не могу не указать на него, как на одну из причин (в связи с безденежьем) слабого, почти ничтожного развития пропаганды. В данном случае только *центральное* правительство адмирала Колчака, с его средствами и авторитетом, может дать моему начинанию тот широкий государственный размах, при котором только и может и должна существовать пропаганда. Ибо слабая, плохо организованная и не убедительная пропаганда, как и слабое сопротивление, — только вредна.

Моя программа для данного момента — всемерная поддержка правительства Колчака и его программы (одною из первых статей своих я наметил брошюру о Колчаке — для России и заграницы¹⁰) и борьба с большевиками и их возможными сотрудниками (как тот же Керенский или Авксентьев) путем планомерного и энергичного распространения соответствующих брошюр и листовок, статей в существующей русской и заграничной печати. Мое желание — чтобы каждый солдат белой армии имел в ранце вместо маршальского жезла брошюру¹¹, которая и подняла бы его дух и сделала более ясными его цели и задачи. Мое желание — чтобы к моменту восстановления в России законной власти мы имели тысячи пудов литературы для немедленного распространения среди крестьян, рабочих, солдат, учащихся. Восстановление России будет совершаться долго и медленно, в ней еще долго будут бродить злые и разрушительные силы, и только *слово* наряду с твердой властью сможет выполнить эту громадную задачу. Ведь, действительно, все разрушено, и мне страшно подумать, что, например, представляет собою теперешняя молодежь из школ Луначарского¹²: какая пустота, какая мерзость душевная, какой тлен! И прежде Россия была бедна интеллигенцией, а теперь нас ждет такая духовная нищета, сравнительно с бедствиями которой экономическая разруха и голод являются только наименьшим злом. Внешне нам могут помочь иностранцы, а кто спасет нас изнутри? Только энергичная работа всех *оставшихся* и хранящих традиции *русской* культуры может спасти народ и страну от окончательной гибели.

Резюмирую сказанное. Я беру на себя целиком дело антибольшевистской пропаганды в государственном масштабе, за своей ответственностью выбираю необходимых мне лиц и создаю соответствующую организацию. Из общественных и политических деятелей я избираю совет, в согласии с коим веду работу; при избрании совета я намерен пользоваться Вашими любезными

советами и указаниями. При развитии дела и расширении программы в связи с новыми возникающими вопросами, я приглашаю сведущих людей для работы, но главное руководство и направление все время остается за мною — как и ответственность. Лично работая главным образом в области литературной, я должен, также за моей ответственностью, поставить /и техническую сторону/ при содействии специалистов и сторону техническую: типографию, органы распространения. Особую важность представляет привлечение к делу пропаганды специалистов по делу народного образования, коим поручается составление букварей и необходимых учебников, которые должны *немедленно* заменить собою большевистские. В число технических средств пропаганды я, конечно, включаю театр, кинематограф и лекции.

Для этого мне необходимо: помимо согласия нашего местного правительства во главе с генералом Юденичем, утверждение меня на этом посту Верховным Правителем¹³ и предоставление соответствующих сумм в мое распоряжение, размер коих согласуется с принципом и необходимостью постепенного расширения дела; в расходовании денег я обязуюсь соблюдать строгую отчетность.

Центром своей деятельности я намечаю пока Гельсингфорс; от дальнейших обстоятельств, а частью и от технических соображений и удобств, будет зависеть его временное или постоянное перенесение в другое место.

Дальнейшие подробности вытекают из существа дела и могут быть предметом личного разговора. Пока мне необходимо знать, насколько Вы, многоуважаемый Павел Николаевич, сочувственно отнесетесь к моему предложению и какую степень поддержки можете оказать в разрешении всех поставленных мною вопросов. Имея мало сношений с границей, я не знаю, в каких условиях протекает Ваша личная деятельность и в какой мере осуществимо для Вас /исполнение моей просьбы моего предложения/ содействие моему плану. Но скажу одно, в чем я глубоко убежден: если не *Вы*, то и никто другой не сможет дать *жизни* этому делу, в котором я, несмотря на внешнюю импозантность моего положения, хочу быть только работником на пользу России. /И Ваш отрицательный (по той или иной причине) ответ побудит меня прекратить все дальнейшие попытки в этом направлении и искать и направить поиски в другую сторону, где я хоть и не найду *такой* работы, но все же не останусь и совсем бездеятельным в «роковой час Русской империи». Вероятно, поеду в Америку, куда меня давно еще звали для чтения лекций¹⁴./

Еще несколько слов о видимой «импозантности» моего предполагаемого положения. В Вашем введении в «S.O.S.» Вы ука-

зали на некоторую параллель между мною и М.Горьким, бывшим моим другом, а ныне врагом. Мне кажется, что эта параллель должна быть проведена и дальше и как можно ярче и крепче зафиксирована самой жизнью. Из области чистой литературы он, когда-то поклонник *личности*, потом злой и бессмысленный разрушитель ее, — и я, доселе, как и прежде, выше всего ставящий личность, — мы оба вышли в действительную жизнь с ее борьбой и столкнулись над развалинами России. Кто разрушил Россию? Кто продолжает терзать ее /труп/ полуживое тело? Личности? Николай II? Ленин и Троцкий? Нет — *отсутствие* личностей, несчастье некультурного народа, в котором слишком много *толпы* и слишком мало индивидуальностей с их сознанием и волей. И когда я «целиком» беру на себя огромное дело пропаганды и всю ответственность за таковое, я лишь следую моему давнишнему взгляду на людей (в частности, русских людей), взгляду, нашедшему только лишнее подтверждение в коммунистическом опыте последних годов. Быстрое и порою жестокое упразднение всех начал коммунистической работы, восстановление личностей на месте уничтожаемых «комитетов», диктатура не пролетариата, а кучки *лиц* над серой массой последнего — только и дали Советской России ту силу, а порою и могущество, перед которым в смущении переступает с ноги на ногу Европа. Ах, если бы она поняла *смысл* происходящего!

В России разрушено больше, нежели ее «молодая» промышленность: в России разрушен *человек*, поскольку он начинал быть и выявляться. И мое душевное желание: восстановить человека, возвратить его и направить к тем высшим устремлениям *личности*, к тому порогу высокого сознания и долга, за которым личность вступает на /первые ступени Божества/ путь совершенного человеческого существования.

/И еще несколько замечаний, относящихся к моей «программе». Массы были приведены в движение и фанатическое неистовство обещанием *чуда*, необыкновенного праздника, который наступит на земле: кто был ничем, тот будет *всем*¹⁵. И это завтра — сейчас — сию минуту! И отсюда такое роковое бессилие всех трезвых слов, трезвых программ и честных, но трезвых обещаний: что значит увеличение рабочей платы на целковый или уменьшение рабочего дня на час, когда там обещаны дворцы и райские кущи! И та проповедь, которую я хочу вести, также должна заключать в себе обещание *чуда*, основываться на тех же словах: кто был ничем, тот станет всем. Это чудо, не ложное, как у большевиков и социалистов, не фокус-покус, а истина: превращение двуногого в личность. Там обещали праздник тела и танцюльку —

мы должны обещать и *дать* праздник души, когда она поднимается на горные высоты *человечности*. Это — скелет моей мысли; формы и жизнь ей должны дать усилия и ум многих талантливых людей, которые захотят двинуть жизнь в эту сторону. Современный социализм многих уже напугал; но еще немногие знают, насколько он действительно *страшен!*/

Впрочем, последнее относится уже не к «программе», а к самому существу моих взглядов, и может быть обсуждено впоследствии. Таких вопросов и тем впереди еще много и главнейший их них: как создать наряду с /негативной/ отрицательной пропагандой (критика и разоблачение большевизма) и нечто *положительное*, что могло бы так же увлечь и двинуть людей, как и большевистское лживое, но соблазнительное обещание немедленного чуда («кто был ничем, тот станет *всем*»). Но о моих мыслях по этому поводу — до дальнейших писем или беседы.

Ввиду важности для меня настоящего письма и не зная, дойдет ли оно по сообщенному мне адресу, я оставляю себе копию и очень прошу Вас, дорогой Павел Николаевич, телеграфно уведомить меня о получении. К сожалению, по различным причинам, которые Вам понятны, многое в этом письме остается не вполне выясненным и недосказанным, но думаю, что и в этой области мы не разойдемся с Вами ни в наших взглядах, ни в чувствах.

Позвольте крепко пожать Вашу руку.

[Леонид Андреев]

26 июля 1919 г.

Мой адрес: Финляндия, Териоки, Леониду Андрееву. Письма прошу Вас заказными.

70. А.В.Карташеву, 28 июля 1919 г.

Дорогой Антон Владимирович! Позвольте мне быть совершенно искренним и откровенным с Вами. Хотя мы лично мало знакомы, но я знаю Вас и уверен, что моя искренность найдет у Вас более справедливую и правильную оценку, чем у людей личного и более узкого взгляда на вещи. В данный момент как Вы, так и я — люди долга перед Россией. Как Вы, так и я — мы не преследуем эгоистических целей, и вся задача наша: как можно лучше и производительнее послужить на пользу России. Я не всегда был таков, моя молодость прошла под знаком иных стремлений и вопросов, но кого не сделают слугою России ее теперешние страдания?

Уже года три я перестал быть художником, независимым от мира, и рассматриваю себя, как рабочую силу; только крайняя

неопределенность положения в Финляндии, да болезнь заставили меня некоторое время быть бездеятельным и дать только одну брошюру «S.O.S.» Теперь я чувствую себя несколько здоровее и хочу отдать свои силы *работе*, в которой моя любовь к России и мои способности к тому или иному труду, сложившись, дали бы наиболее ощутительные результаты. /И с этой точки зрения я должен отказаться от того предложения, которое Вы мне делаете.

Что это значит: я буду заместителем председателя в совещании¹, где членами Тхоржевский, Кирдцов и Новицкий, и буду получать наравне с ними 1 600 марок? Причем дальнейшие обстоятельства таковы, что Вы скоро уезжаете за границу, а денег на пропаганду нет никаких, и существует только слабая надежда «при развитии дела» добыть их у генерала²; и все это при таких условиях, когда главными заправителями всего дела являются, по Вашему выражению, «старичье». Мне невольно приходит мысль, что кто-нибудь из моих друзей рассказал в Гельсингфорсе о моей болезни и безденежье, и отсюда возникла мысль оказать мне материальную помощь под видом работы. Но это ошибка. Если бы я был действительно инвалидом, я просто и не стыдись обратился бы к благотворительности, ибо какой может быть стыд в потере здоровья и трудоспособности? Не сердитесь, дорогой мой, на это предположение, здесь нет ни на йоту грошового самолюбия, для которого нет места в деле общественном, — но ничем другим я не могу объяснить предложения, которое так разительно не соответствует моим *рабочим* силам и способностям и, в сущности, вместо работы, которую я могу дать России, обрекает меня на приличное безделье, на щедринское «сенаторство».

Позвольте и дальше быть искренним и даже немного неприличным./ За мною есть имя, публицистический опыт, доказанный моими статьями, и бескорыстное желание работать над воссозданием России, как мой бывший друг М.Горький работает над ее разрушением: это мой рабочий актив, который я и предоставляю в распоряжение тех, кто ныне вершит судьбами возрождающейся России. Мой пассив — слабое, повторяю, здоровье и необходимость экономить его для наиболее плодотворного труда. Моя профессия — *слово*. Добавлю еще, что мой газетный опыт в качестве «заведующего отделом», когда мне все силы приходилось тратить на внутреннюю редакционную борьбу, и дальнейший, уже в качестве избранного сотрудниками редактора³, — убедил меня, что только в последнем случае я могу по-настоящему вести дело — т.е. целиком беря на себя ответственность и направляя его. Конечно, можно быть еще простым, случайным со-

трудником, лишь отдаленно заинтересованным в интересах целого, и таким я бывал — но это особь статья.

Повторяю, дорогой, это не личные вопросы /личные, не тщеславие «знаменитого» писателя/, а самый серьезный, настоящий и объективно ставимый мною вопрос о том: как при данных условиях *наилучшим образом утилизировать данную рабочую силу*, т.е. меня. /И отсюда — то предложение, которое хотел я сделать Вам и которое теперь хронологически является как бы контр-предложением на Ваше. Именно: / И с этой точки зрения я принужден отказать от того предложения, которое Вы делаете мне, и взамен того сделать другое, которое давно мною обдуманно и о котором я еще раньше собирался писать Вам. Именно:

я беру на себя целиком дело антибольшевистской пропаганды, стремясь придать ему широкий общегосударственный характер и размер, за своею исключительно ответственностью выбираю необходимых мне лиц и создаю соответствующую организацию. В основу пропаганды я беру программу адмирала Колчака. Из общественных и политических деятелей я избираю *совет*, но главное руководство и направление оставляю за собою, почитаю себя ответственным лишь перед Верховным правительством и его полномочными органами. При развитии дела и расширении программы в связи с новыми возникающими вопросами и событиями, я приглашаю сведущих лиц (в частности, по вопросам народного образования). В число технических средств пропаганды я, конечно, включаю лекции, театр, кинематограф. Лично работая главным образом в области литературной, я должен, также за моей ответственностью, поставить при содействии специалистов и сторону техническую: типографию, органы распространения. Центром своей деятельности я намечаю пока Гельсингфорс; от дальнейших обстоятельств, а частью и от технических соображений и удобств, будет зависеть его временное или постоянное перенесение в другое место. Район — Финляндия и область Северо-западного фронта. В моем плане дело пропаганды отнюдь не кончается со взятием СПб. или Москвы, но усиленно продолжается в первые, наиболее бурные и опасные года, когда восстановленная Россия с особой энергией борется за свое дальнейшее существование и укрепление, переживает второй, быть может, еще более трудный этап борьбы.

В свое ведение я беру и повседневную печать в Гельсингфорсе и Ревеле; редакторы газет назначаются мною и являются ответственными передо мною, если это во власти генерала Юденича и здешнего правительства, если же нет, и газеты самостоятельны, то я буду стремиться к созданию своей газеты, которая служила

бы правильным отражением и развитием колчаковской программы и не ставила бы в крайне неловкое положение и здешнее правительство, и самого Верховного Правителя, как это часто делает «Русская Жизнь» (последняя статья о Николае II)⁴.

Для этого мне необходимо: утверждение меня на этом посту, согласно указанным условиям, Вами и генералом Юденичем (разумею, конечно, и весь состав настоящего правительства); предоставление в мое распоряжение известных сумм, размер коих, для начала дела, может быть определен в специальных совещаниях по этому вопросу; в расходовании денег я обязуюсь соблюдать строгую отчетность.

Я не буду говорить о подробностях, они вытекают из самого существа дела и могут выясниться при разговоре; так, например, само собою разумеется, что при /слабых финансах/ малых средствах, кои имеются в распоряжении у здешнего правительства, я должен буду лично добиваться увеличения средств на мое ведомство путем обращения к русским и иностранным государственным деятелям /за границей/ в странах Согласия. Не буду говорить и о *необходимости* пропаганды: беседа с Вами установила наше по этому поводу единомыслие. Мое желание: чтобы каждый солдат белой армии имел в ранце, наряду с материальной частью, и одну или несколько брошюр, которыми подняли бы его дух и сделали более ясными его высокие задачи служения народу и родине; мое желание — чтобы к моменту взятия СПб. мы имели готовыми сотни (тысячи?) пудов литературы для немедленного распространения среди крестьян, рабочих, учащихся и прочих. Не буду распространяться о моей *лично* программе: пародируя слова Людовика, скажу: моя программа — это я⁵, начиная с «Царя-Голода», за который уже тогда Луначарский отлучил меня от церкви⁶, «[Рассказа о] Семи повешенных», и кончая недавними статьями в газетах и последней статьей «С.О.С.» Добавлю еще, что делу пропаганды в указанных мною формах я придаю чрезвычайную важность и что еще никогда в жизни мне не приходилось брать на себя столь тяжкого и ответственного труда.

Так вот, дорогой Антон Владимирович. Буду ждать от вас обстоятельного ответа, а в случае надобности немедленно приеду в Гельсингфорс (т.е. имея уже принципиальное согласие на мое предложение). В случае полного провала моего плана (я принимаю различные меры к его осуществлению) я должен буду потряхнуть костыми и на старости лет перебраться в Америку. Но это, пожалуйста, между нами.

Ваше предложение «помолодить газетку», признаться, удивило меня. Что же делают находящиеся в Гельсингфорсе литера-

торы, столь опытные, как И.В.Гессен и Кузьмин-Караваев? Почему она до сих пор такая плохая?

Относительно того, что надпись на «Голосе власти»⁷ о моем фонде не успела — я в сущности доволен. Подумав, я изменил свое мнение и полагаю, что надписи этой и не надо ставить. Быть может, лучше изменить самое название «моего» фонда, так как он уже пошел не на предназначенные цели: печатание *моих* статей, а вообще на печать. Но моего имени не надо ставить.

Крепко обнимаю Вас и жму руку. Как Вы, вероятно, устали от всей этой передряги! Спасибо за брошюру и «Общее дело»; последнее я получаю от Бурцева. Между прочим, Владимиру Львовичу я также пишу о моем «прожекте»⁸.

Дней пять я в разъезде, а потом буду у Гуревича, в Тервусе, куда и прошу Вас адресовать письмо. Будьте здоровы.

Ваш Леонид Андреев.

28 июля 1919 года.

P.S. Пользуясь любезностью В.Н.Троцкого-Сенютовича, который завтра едет в Гельсингфорс, прошу его лично передать письмо Вам.

Адрес Гуревича: St.Elisenvaare, Kurkjöki⁹, Tervus. S.L.Gurevitch /для Л.А./

71. Г.Д.Бернштейну, 28 июля 1919 г.

Дорогой г.Бернштейн!

Пишу и не знаю, найдет ли Вас мое письмо. На всякий случай копии письма рассылаю в другие места, где могут знать о Вашем местонахождении.

Дело в том, что я решил таки ехать в Соединенные Штаты: видно, от своей судьбы не уйдешь. Причины, которые заставляют меня предпринять это путешествие, весьма нелегкое при моем нездоровье и укоренившихся привычках к домоседству, двойного рода:

Первое. Уже два года, с момента большевистского переворота проживая безвыездно в Финляндии, я утомился и хвораю от безделья. Неясность политического положения, постоянно обманывавшая надеждами на скорое возвращение в СПБ., держала меня в состоянии напряженного ожидания и не давала возможности уехать за границу, где я мог бы найти работу по моим силам. Писать же отсюда в заграничные издания было трудно: одна почта с ее медленностью и цензурой брала столько времени, что всякая злободневная статья являлась бы запоздалою. Например,

отсылка моей статьи «С.О.С.» по телеграфу стоила около 20 тысяч рублей, а появилась она в печати через месяц с лишним. С другой стороны, отсутствие в Финляндии больших газет и журналов европейского распространения лишило меня возможности работать и здесь. И я решил: до осени ждать взятия СПб., а иначе — уезжать за границу. Из всех стран согласия, куда можно поехать, я остановился на мысли об Америке, которая дает большой *простор* и где, по Вашим словам и словам других моих американских друзей, ко мне относятся весьма дружелюбно. Для моих целей это имеет большую важность и вот почему я обращаюсь к Вам за содействием.

Второе. Как и все, кто не имел миллионов за границей, я почти разорен этими двумя годами непомерно дорогой жизни, обесценением русских денег и отсутствием заработка. Театры, издания, газеты, наконец, деньги в банке — все это осталось в России, а здесь ничего. У меня есть новые рукописи, но что с ними делать? Правда, мне предлагали мой новый роман издать в Швеции¹, но все так неопределенно, так далеко, и я так мало знаю людей, которым приходилось поручать это важное для меня дело, что я — отказался. Мне надо заработать денег — вот что заставляет меня, домоседа, тронуться в путь и, как многих других, искать счастья в Америке.

Но это соображение вторичного порядка. Основная цель моей поездки — это бороться словом с большевиками, сказать о них *правду* со всей силой и убедительностью, на какие я способен, и пробудить в Америке чувство приязни и сочувствия к той части русского народа, что героически борется за возрождение России. Борьба трудна и мучительна и сочувствие великого народа ускорит победу и уменьшит страдания тех, кто ежечасно гибнет в мрачной, распутной и кровавой Совдепии. Так как большевизм страшен не для одной России, то разоблачение его имеет значительный интерес и для самой Америки.

Таким образом, деятельность моя в Америке будет заключаться в 1) лекциях, 2) статьях в журналы и газеты и 3) в постановке моих пьес, издании рукописей и т.д. Добавлю, что английским языком я *не* владею, и это должно быть принято в расчет при вопросе о лекциях и остальном. Время, которое я могу пробыть в Штатах, зависит от политического состояния России, но во всяком случае никак не меньше трех месяцев, считая началом приблизительно конец Сентября.

Обращаясь к Вашему содействию, которое Вы так любезно мне предлагали когда-то, я попрошу Вас, дорогой г.Бернштейн, помочь мне указанием или приисканием такого лица, которое взя-

лось бы, при известных гарантиях с его стороны, организовать эту поездку. Впервые предпринимая такого рода турнэ, я пока не могу поставить *своих* условий и буду надеяться, что и в этом случае Вы, зная мои цели, поможете мне Вашим опытом, знанием американской жизни и советами. Я никогда совсем не расставался с семьей и теперь хочу взять с собою жену, Анну Ильинишну, и десятилетнего сына Савву. Между прочим, лицо, которое возьмется организовать поездку, должно взять на себя и хлопоты о визе, если в таковой к тому времени еще будет надобность; также должны быть авансированы расходы на переезд (из расчета на троих лиц).

Так как письма идут очень медленно, то я прошу Вас о получении настоящего письма уведомить меня телеграфом; у меня есть еще некоторые другие планы, осуществление коих будет зависеть от исхода этих наших разговоров. При выработке условий моей поездки, для сбережения времени, все обстоятельства, равно как и гонорар, должны быть указаны точно и категорично, дабы я также мог дать мой ответ по кабелю. Одно из главнейших моих условий: избавление меня от излишних хлопот при переезде и дальнейших передвижениях в Америке. Хорошо было бы, если бы в письме были намечены темы, особенно интересные и важные для мало знакомой мне американской публики. На время поездки мне необходим секретарь-переводчик, будет ли таким добровольцу юноша из русских или платный по соглашению с моим импресарио.

Простите за невольное беспокойство, но во время наших редких и коротких встреч Вы всегда были так любезны, что это дало мне смелость обратиться к Вам за этой очень важной для меня услугой. Буду очень благодарен за Ваш ответ и питаю надежду, что вскоре наша встреча примет более длительный характер и закрепит те узы симпатии, которые уже давно соединяют нас через Океан.

Мой адрес для писем и телеграмм (письма заказными): Финляндия, Териоки, Леониду Андрееву.

Ваш Леонид Андреев.

28 июля 1919 г.

72. А.Н.Андреевой от А.И.Андреевой, 1 августа [1919]

1 августа

Мамашенька, живется нам здесь замечательно хорошо. Помещение отдельное, великолепное. Есть и лодки и моторы. Сегодня

ездил с Л[еонидом] на остров, ходили босые по камням — все это как шхеры, пожалуй еще лучше.

Л[еоид] начинает осваиваться. Савва даже похудел от увлечений. Единственно, что беспокоит это как вы все там живете. Если что понадобится, то пишите в Выборг на квартиру Гуревича Анне Соломоновне. Это барышня, служит у него и живет на квартире. Она тотчас же передаст нам по телефону. Скажите Наташе, чтобы испекла белого хлеба непременно. Масла в запас я привезу. Пусть через Евгению Алексеевну¹ купит сахару, сварите себе малинового варенья. Погода идет на осень. Жары уж нет. Письмо от Толи или В[еры] П[етровны]² перешлите мне сюда.

Ну будьте здоровы и совершенно спокойны за нас. Нам *очень* хорошо. Повторяю адреса.

Wiborg, Biskopsgatan, 9 Гуревичу.

Elisenvaare, Kurkjöki³, Tervus Гуревичу.

Целую Вас, Наташу, детей, Вадима и Е[вгению] А[лексеевну].
Вадим поедет сюда, как вернемся⁴.

Анна.

73. А.В.Карташеву, 14 августа 1919 г.

Дорогой Антон Владимирович! Легкое нездоровье задержало меня в Тервусе, и я смогу приехать в Гельсингфорс только в конце будущей недели. Если Вас в то время не будет, пришлите пожалуйста телеграмму по адресу: Тюрисево, Леониду Андрееву. Очень хочу поговорить с Вами. Опасаюсь, что в устах С.Л.Гуревича, который очень меня любит и дружески горячо отстаивает мои интересы, — характер моих планов и намерений принял не совсем точную окраску.

С трудом пишу на чужой машинке и поневоле кончаю письмо.

Крепко жму Вашу руку. Буду искренне рад, если судьба соединит нас в совместной работе.

Ваш Леонид Андреев

14 августа 1919 г., Тервус.

74. В.Л.Бурцеву, [1]9 августа 1919 г.

Дорогой Владимир Львович! Читаю, раздаю добрым людям Ваше «Общее дело»¹ и думаю: среди всеобщей слепоты, которою уже год поражены люди, Вы единственный обладатель несравненно зорких глаз. Как правилен Ваш взгляд, как ясно видит он истин-

ные пути и замечает все ловушки, в которые так непрерывно, и одиночками и массой, вваливаются даже весьма умные люди! И тут я вижу, что мало одних глаз, чтобы правильно видеть, а нужна еще та особая высокая честность ума и сердца, которой Вы также единственный обладатель и при которой бессильны самые сильные соблазны — соблазны партийности, предвзятых мыслей, заранее составленных решений. С великим интересом, порою прямо-таки с восторгом я смотрю, как Вы идете по этому зловещему маскараднему залу, где все убийцы и мерзавцы наряжены святыми, и с непогрешимой правильностью отделяете овец от козлиц, срываете маски, уничтожаете призраки и ложь. И о чем бы Вы ни говорили, я все время с Вами, всегда с Вами. Крепко целую Вас и с уважением жму Вашу руку.

Скажу о себе. Всю весну и лето я был серьезно нездоров (износилось сердце) и только теперь немного поправился. Боюсь, что улучшение это несерьезно и хватит не надолго, но как бы то ни было — надо работать. Все лето, смотря на пожары и слушая канонаду, я ждал взятия СПб, никуда не хотел ехать и собирал силы для предстоящей, важнейшей работы². Но — Вы сами знаете, как обстоит дело. И вот к каким планам и решениям я пришел.

Первый. Я беру на себя целиком все дело антибольшевистской пропаганды в нашем краю с тем, чтобы в дальнейшем придать ему общегосударственный характер. Вы сами знаете значение пропаганды (ею одной только и держатся до сих пор большевики), и я не буду передавать всех подробностей моего весьма обширного плана, захватывающего частью и область народного просвещения и приуроченного не только к данному моменту, но главным образом к первым годам «возрожденной» России, когда печати придется выполнить важнейшую роль в умиротворении враждующих и восстановлении всего разрушенного. Вопрос — в осуществимости плана³.

И здесь я опасуюсь все той же роковой слепоты, которая и Вас, дорогой друг, так долго обрекала на тяжелую борьбу в одиночку и без средств. То, что собираюсь делать я, уже давно могли начать и делать Вы: стать могущественным центром антибольшевистской пропаганды, для чего у Вас в наличии все данные... кроме денег. Что за слепота! Что за непостижимая глупость! Они до сих пор не понимают, что воюют сейчас не солдаты, а слова, и, имея под рукою такую силу, такую возможность, как Бурцев и «Общее дело», — оставляют ее неиспользованной. Когда мне приходилось слышать о тех скудных средствах, которые имеются у Вас в распоряжении, я только разводил руками и думал о тех безумцах, которых хочет погубить сам Бог⁴. Какая слепота! И если есть хоть

один серьезный аргумент в пользу большевиков, над которым приходится задуматься, то он именно в этой слепоте, в этом безумии и бессмыслии действий, за которыми стоит образ фатальной обреченности. Они не только слепы — они больны влечением к самоубийству, страшной потерей инстинкта самосохранения. То, что русские не были привлечены к участию в празднике победы⁵, не только морально убийство, но еще больше — самоубийство.

То же непонимание, та же неспособность отличить главное от второстепенного, здоровое от больного, прямое от кривого царит и в здешних кулуарах. Как бы то ни было — я сделал соответствующее предложение через А.В.Карташева и вот теперь еду в Гельсингфорс за ответом. С тех пор, как я писал Карташеву, в составе здешнего правительства произошли известные Вам перемены, включены социалисты и вообще произошло что-то такое, о чем я не имею ясного представления и точных сведений⁶. Боюсь, что эти перемены далеко не к лучшему (в смысле осуществления моего плана). Примыкая к правительству, я с охотой жертвую своею независимостью свободомыслящего публициста для общих важнейших целей; но эта жертва может идти лишь до известного предела, который я достаточно ясно чувствую и знаю.

Если мое предложение и мои условия будут приняты и я получу в свое заведование печать и пропаганду вообще, я прежде всего постараюсь установить постоянное сношение и сообщение с Вами с целью координировать наши действия, темы и планы. Буду давать Вам материал и свои статьи и о том же попрошу и Вас, буду идти рядом с Вами. Но пока говорить об этом еще рано, высказываю это как одно из моих мечтаний.

Второе мое предположение. Если по тем или иным, не зависящим от меня причинам не удастся указанный план, я решил ехать в Америку для тех же целей пропаганды⁷. Поле обширное, и работы много, и работа эта по-своему не менее важна, чем здешняя. Есть и огромное преимущество: сохранение полной независимости, от которой я отказываюсь хоть и «охотно», но с большой болью. (Добавлю, что и лично для меня Америка удобна тем, что вероятно, избавит меня от гнетущей заботы о средствах к жизни: денег у меня нет, живу я кредитом и не знаю, как пройдет завтрашний день, что, при наличии семьи и плохом здоровье, очень скверная штука⁸). И относительно Америки, если таковая случится, я попрошу Вашего содействия: как в указании лиц, к коим я могу там обратиться для нашего дела, так и во всем остальном, что выяснится со временем. Я отвратительный домосед, которого очень трудно сдвинуть с места, и со страхом помышляю о поездке, первой и, вероятно, последней в моей тихой жизни. Но — надо работать!

Напишите, что Вы думаете о том и другом, и дайте дружеский совет. Знаю, что у Вас нет времени на письма, и прошу только ввиду важности *для дела*. Как жаль, что нам нельзя поговорить лично: в письмах приходится многого не говорить и соблюдать цензурные приличия, что всегда меня убивает и делает заикой.

Буду ждать письма.

Как разное то, что мы видим: перед Вами — Париж, перед моими глазами — море и скользящий луч большевистского прожектора. Иногда он попадает в мою комнату и слабо озаряет ее. А со стороны Териок, от которых всего семь-восемь верст, вечером слышалась стрельба. Вчера ночью, как рассказывают, был налет большевистских аэропланов⁹, брошено шесть бомб и одна упала во двор Шахова, лавку которого Вы, вероятно, помните¹⁰. Но ни пожара, ни жертв не было. Был виден от нас и пожар Кронштадта — зрелище действительно грандиозное и страшное.

Еще раз крепко жму руку. Анна шлет горячий привет. Вы знаете, что отец ее, И.Н.Денисевич, 21 июля умер в Швейцарии, в Лугано¹¹?

Ваш Леонид Андреев.

9 августа 1919 г.

Финляндия. Тюрисево, дача Лобек.

75. В.Л.Бурцеву, [1919]. Фрагмент.

Многоуважаемый и дорогой Владимир Львович! Вот редкий случай, когда *обращение* с его эпитетами совершенно соответствует испытываемым чувствам: Вы для меня и дорогой, душевно близкий человек, с которым меня соединяют сердечные узы — и в высокой степени человек уважаемый. Читая «Общее дело», я постоянно испытываю совсем особое чувство человеческой радости и гордости, что существует на свете такой прямой, мужественный и непоколебимо честный человек, на знамени которого неложно начертаны слова о *правде* и бескорыстном служении человечеству. Каждая статья Ваша удивляет меня и восхищает не только правильностью мысли и ясностью в постановке вопросов, но и тем совершенно особым, кажется, только Вам присущим тонким *чувством* правды, которое легко и свободно отмечает все соблазны и даже наиболее страшные из них — соблазны партийности, прелести и удобства предвзятых мыслей, заранее составленных решений. Вот ловушка, в которую так часто попадают даже наиболее честные и умные, и прямо-таки радостно смотреть, как

свободно проходите между ними Вы — называется ли эта ловушка Керенский и Авксентьев, социалисты и монархисты, черновские учредилки или человекопреступные призывы к «невмешательству» в русские дела. Среди всех этих господ, словно играющих в жмурки и хватающих руками воздух в то время, как большевик хватается его дубиной по затылку, — Вы единственный зрячий человек.

Но беда быть зрячим среди играющих в жмурки. Сколько вы ни кричите: сзади! Вперед! Направо! Налево! — играющий всегда опаздывает, или идет не туда, или поймав случайно по своему делу проходившего лакея, блаженствует целую минуту, пока не дернут с его глаз повязку

76. В.П.Денисевич, 20 августа 1919 г.

Дорогая Вера Петровна! Что можно сказать утешительного? Смерть есть смерть и никогда есть никогда. Что тут скажешь? При всех наших разногласиях, я очень любил Илью, и его смерть и для меня составляет незаполнимую пустоту; есть другие люди, а его нет, и оттуда, где он был, смотрит смерть — как осаждающий враг через пробитую брешь в стене. Но надо жить. И именно о жизни я хочу сказать Вам несколько слов. Вы доверчивы, наивны, и надо, чтобы Ваши самостоятельные первые шаги были избавлены от тех ошибок, которых потом нельзя исправить: перед Вашими глазами Толя...

Первое и самое главное — Вы должны раз и навсегда бросить морфий. Те боли, которые привели Вас к морфию, теперь исчезли, и с ними исчезло всякое оправдание. Вам трудно и больно? Терпите и боритесь. Вам слишком трудно? Умрите, это право каждого слабого человека, — но не превращайтесь в пьяницу, расслабленное, безвольное и грязное существо с отуманенными мозгами. Отказом от морфия Вы больше почитаете память Ильи, выскажете больше благодарности и любви, больше *внимания* к его заветам, нежели наивным и ненужным отказом от второго брака, если к тому представится случай. Чего хотел Илья? Чтобы Вы были счастливы в жизни, насколько это возможно. И если к Вам придет когда-нибудь любовь (Вы молоды), то *исполняя волю* почившего, Вы не должны отталкивать от себя возможности здоровой и человечески полной жизни.

Второе — будьте очень осторожны и очень серьезны в отношении Толи и ее мужа¹. Меня прямо-таки повергло в ужас то, что Вы хотели сделать: принудить этого мерзавца повенчаться с нею и навеки надеть на нее каторжные цепи. Разве Вы не понимаете,

что этим Вы окончательно губите и добиваете ее? И как это дико звучит: для счастья Толи выдать ее замуж за «мерзавца» и «убийцу ее отца», как Вы называете этого господина.

И разве *этого* хотел Илья? По Вашим словам, он убеждал ее бросить негодяя, уехать в Россию, и она на это соглашалась — а Вы хотите ее обвенчать и навсегда отдать во власть и распоряжение мерзавца, который теперь будет бить ее на основании законнейшего супружеского права. А если Толя когда-нибудь избавится от этой психопатической, грязной и отвратительной любви и захочет выйти замуж за другого — Вы будете разводить ее с мерзавцем? Подумайте, как это дико.

И неужели Вы не поняли цены всем раскаяниям, кривляньям и клятвам этого господина, которому достойные люди города не хотят подавать руки? Человек ничтожный, оборотистый и сметливый, он хочет только *денег* — отсюда и все его клятвы и страх перед Вами. И когда с полнейшей наивностью Вы отдадите ему деньги, он первым делом выгонит и Вас и несчастную Толю; он и жил с нею только потому, что Илья давал много денег. Не забудьте, что «сутенер» чисто французское изобретение. И что будет делать выгнанная Толя без гроша в кармане, без возможности вернуться в Россию и там начать другую, осмысленную и человеческую жизнь? Эти 15 тысяч, которые ей оставил Илья, — ее *последний* шанс на спасение, не забудьте этого.

Ваша обязанность в другом. Вы должны категорически, повторяя желание Ильи, потребовать от Толи, чтобы она ехала с Вами в Россию. Если она откажется, не давайте ей денег, которые она тотчас же передаст своему возлюбленному, и передайте их на хранение кому-нибудь из друзей Толи. Если через пять лет Толя и ее супруг все еще будут вместе, то значит дело конченное, и тогда можно им отдать деньги. Если же до этого срока Толя пожелает уйти от «убийцы своего отца», то у нее будут средства для этого и полная возможность.

Но я думаю, что француз, лишившись денег, очень быстро бросит Толю. Конечно, она будет плакать, что у нее отнимают ее морфий, ей будет трудно, она будет еще долго цепляться за бьющую ее руку и целовать грязный кулак сутенера — но это не страшная боль, за нею идет спасение и жизнь. Гораздо страшнее ее теперешнее благополучие и ваши разговоры *втроем*. Так будьте же действительно добрым гением Толи, не толкайте ее в яму с добрыми намерениями — и порадуите Илью, спасая хоть одну его дочь. Не забудьте, что в Москве безвозвратно погибает другая его дочь² — но не от безденежья, о котором так беспокоился Илья. Если бы дело здесь было только в деньгах!

Пусть не смущает Вас внешняя суровость и резкость моих слов: за ними стоит искреннее [желание] помочь Вам тем единственным, что у меня еще осталось: разумом и здоровым взглядом на жизнь. Огромная доброта Ильи, делавшая само по себе его столь ценным и милым человеком, имела, к несчастью, и другую сторону, которой он не замечал: она морально обессиливала близких ему людей, понижала в них сознание долга и являла мир в обманчивом виде. Уже давно и со страхом думал я о том, что будет с его детьми, когда его не станет: они все так мало умеют жить, так мало понимают всю серьезность и строгость жизни, никогда ничего не прощающей, никого не щадящей. И потому еще раз прошу Вас: серьезно подумайте о себе и о Толе.

Конечно, будет очень хорошо, если Вам удастся найти работу в Копенгагене³. Здесь пока нечего делать, а без дела — можно рехнуться от тоски и бессмысленности жизни. Что я всегда буду рад Вам и что на наш дом Вы можете смотреть, как на свой, — об этом нечего говорить и в этом отношении Вы всегда должны быть спокойны и уверены во мне и Анне. Также и для Толи — без француза (пока она с французом, я не чувствую себя в силах сказать ей хоть слово). Но работы здесь нет — и это мучительно. У меня планы: либо я вступлю в здешнее правительство, либо поеду в Америку для пропаганды и заработка, так как истощился совершенно. Либо наконец брошу семью и удалюсь под сень струй в больницу, ибо здоровье плохо и ненадежно, как трижды латаные штаны. Если случится первое, тогда и для Вас, вероятно, сумею найти работу здесь.

Будьте здоровы, думайте о жизни и живите. Братски целую Вас и жду писем. Мы на днях едем в Гельсингфорс, оставляя детей и дом на попечение Женюшки⁴; она и сейчас тут где-то курит и на кого-то изливает бальзамы своего благодущия. А Вы знаете, что перед самым окном у меня море? Смотрел сейчас в бинокль на аэроплан и гадал о его намерениях: третьего дня ночью большевики бросали бомбы на Териоки⁵. Ничего, пролетел мимо. А ночью нас освещают прожектора — война!

Целую.

[Леонид]

20 августа 1919 г.

77. М.Ф.Ликиардопуло, 20 августа 1919 г.

Дорогой Михаил Федорович! (Я не ошибаюсь в Вашем имени?) «Мысль» посылаю, «Екатерину Ивановну» еще поищу и при-

шло потом; все мои книги в СПб. на складе и здесь почти ничего нет. Но нужны ли английской публике «Мысль» и «Екатерина [Ивановна]»? Боюсь, что обе эти вещи далеки от их вкуса и понимания; особенно «Мысль», которую и русская-то публика с трудом раскусила. Гораздо больше из последних моих вещей подошел бы к английской сцене «Тот, кто получает пощечины»², кстати, на днях взятый у меня для «всей» Чехо-Словакии³. Вообще, мне кажется, что эта пьеса могла бы прижиться на европейской сцене; ее распространению помешало то, что написана она и поставлена в разгар войны и вдобавок в малоизвестном театре⁴. Немирович[-Данченко], 2 раза смотревший ее, нашел ее ультра-сценичной. Но опять-таки нет свободного экземпляра; если напишете, постараюсь добыть.

Теперь обращаюсь к Вам с большой просьбой. Если не произойдет решительного поворота в политике и военных действиях, я по всему вероятно поеду в Америку для антибольшевистской пропаганды, лекций, театральных постановок, печатания моего последнего, находящегося в рукописи романа «Дневник Сатаны»; хочу кроме «Тота» устроить и новые мои пьесы: «Самсон в окопах» и «Собачий вальс»⁵. Кроме главенствующей общественной цели у меня есть и побочная: заработать денег, которых сейчас нет. (Зимой от большевиков было выгодное предложение об издании моих старых вещей, но я, конечно, отказался), Когда-то, еще до войны, мне делали предложение относительно турнэ по Штатам, но тогда мне, домоседу, этот путь показался слишком далеким и трудным, и я уклонился.

Теперь все адреса и фамилии мною растеряны, частью остались на петербургской квартире, и я в затруднении: к кому обратиться за устройством этого дела? Написал я некоему приятелю, американскому журналисту Герману Бернштейну⁶, но не уверен ни в его адресе, написанном на память, ни даже в его жизни. Не можете ли Вы оказать мне содействие? — у Вас, наверное, есть связи и знакомства и с американской пишущей братией. В частности: не знает ли кто адреса Осипа Исидоровича Дымова? Добавлю, что по-английски я не говорю, и все придется делать через переводчика. Может быть, среди Ваших знакомых американцев найдется лицо, которое сумеет поставить меня «в контакт» с каким-нибудь тамошним импресарио; тогда можно сговориться и о подробностях. Можно ускорить дело телеграфом.

Буду очень благодарен, если Вы окажете мне эту услугу; о том же я пишу и Николаю Константиновичу⁷, которому во всяком разе прошу передать привет (я только что получил от него письмо-цо о возможной постановке «Черных масок»⁸). Еще вопрос: Вы

видаетесь с мистером Г.Уэллсом? Если да, то спросите его: не /скажет ли он/ найдет ли для себя возможным ответить мне, если я напишу ему некое письмо о русских делах и английском отношении к русским делам? Я очень ценю его, как не только высоко-талантливый, но и честнейшего англичанина⁹.

Жму Вашу руку и радуюсь, что мы встретились хоть письмами. Вот Вам и наша последняя новость, о которой Вы еще раньше узнаете из газет: позавчерашней ночью был налет большевистских аэропланов на Териоки (семь километров от нас) и сброшено шесть бомб¹⁰. А сейчас в самое мое окно (я живу у моря) попадает луч большевистского прожектора и вообще — война. Доколе, о Господи?

Привет!

[Леонид Андреев]

20 августа 1919 г.

78. Н.К.Рериху, [22]-25 августа 1919 г.

Дорогой друг мой! Все время собираюсь писать Вам — и каждый раз останавливаюсь перед сложностью мыслей, чувств, настроений и состояний, которые хотелось бы поведать Вам, как другу. Трудно писать, когда так болит душа и когда лишь минутами чувствуешь себя живым, а целыми днями — мертвецом, холодно и ненужно бродящим среди живых. Конечно и мертвец мог бы многое рассказать о своих загробных переживаниях, как выражаются в Художественном [Театре], если бы не то страшное равнодушие, которое идет вместе с смертью и все мертвые уста делает немыми. А о жизни...

Вот три пути, которые сейчас открываются передо мною, — это жизнь. Один — «я беру на себя целиком» все дело антибольшевистской пропаганды, как я писал и предлагал Карташеву и другим, и вступаю в здешнее правительство с портфелем министра пропаганды и печати. Понимаете: все целиком! Организацию во всей ее огромности помимо собственного писания. Живу, значит, либо в Ревеле, либо где придется, езжу взад и вперед, целые дни разговариваю, ищу и настраиваю людей, а ночью пишу, борюсь с инерцией и слабодушием. Труд, который только под силу железному здоровью, а я болен, болен! При этом: получаю я гроши, на которые не могу прожить с семьей, мучительно продолжаю искать кредита и гоняться за мелькающим Гуревичем, ухлопываю последние остатки сил — а впереди болезнь, необеспеченность, бессонные ночи, приют литераторов. Но долг обя-

зывает работать для России, и вот завтра я еду в Гельсингфорс добиваться того, что есть мой несомненный конец, как художника и живой твари. Говорю: еду, а сердце опять так плохо, что вчера еле передвигался из комнаты в комнату. Говорю: добиваться, а язык от слабости еле поворачивается, чтобы попросить стакан чаю!

Второй путь. Не добившись толку в Гельсингфорсе (эти маленькие люди боятся меня), еду в Америку. Там читаю лекции (на каком языке?) против большевиков, разезжаю по Штатам, ставлю свои пьесы, продаю издателям «Дневник Сатаны» и миллиардером возвращаюсь в Россию для беспечальной маститой старости. Это уже лучше. Поездка может быть неудачною (я болен и сваливаюсь после первой лекции, или американцы просто не хотят слушать меня), но она может, при счастливо сложившихся обстоятельствах, превратиться и в «триумфальное» шествие: увижу людей, которые любят меня, получаю импульсы к новой художественной работе и, уврачевав душу, может быть подтяну и тело, которое у меня всегда плетется сзади. Уже давно доходят слухи, что в Штатах ко мне относятся очень хорошо; когда-то меня приглашали для турнэ и сулили огромный успех; и сейчас случается, что неведомый мистер из Кентукки вдруг присылает мою книжку для автографа. Отчего не верить чуду? Случилось же вчера ночью, что к нам в [дом] попал упавший с лошади и заблудившийся полупьяный финский офицер, напугал женщин, на коверканном языке стал говорить о своей любви к «Леониду Андрееву» и, узнав, что таковой перед ним, проделал целую сцену поклонения в духе Достоевского, я не знал, куда деваться от бурного юноши. А ведь — финн! И как он размахивал револьвером, грозя убить М.Горького, а мне говорил, что если я стану большевиком, то и он станет большевиком! Серьезно: ведь есть же, должно быть, люди, которые верят мне и моему слову, — а я их не вижу, как ослепший, вечно служу над собой панихиду, унынием и тоской о личной судьбе убиваю здоровье. Америка!

Но как добраться до нее? Где найти доброго и щедрого импресарио, не мошенника? Как прожить это время, пока таковой найдется? Где добыть денег, что[бы] обеспечить семью на время отъезда? (Я хочу ехать с женой и маленьким сынишкой, остальные здесь). У меня украли штаны, сапоги! — как соорудить новые и какого они должны быть фасона для Америки? Все эти вопросы, серьезные и ничтожные, во всяком случае пустые для разумного и практичного человека — для меня сплошь проклятые, сплошь неразрешимые вопросы — ах, до чего я младенчески беспомошен

в жизни, только теперь это вижу! А сегодня день моего рождения²: ровно сорок восемь лет хожу я по земле и так мало приспособился к ее порядкам.

И третий, наиболее вероятный путь — это больница. Но эта дорога так мрачна, и вообще я тут подхожу к таким мыслям и решениям, что лучше остановиться.

Так вот, дорогой друг, чем я существую. С этими мыслями провел я три недели в Тервусе, куда меня звали «отдохнуть», — и не отдохнул. А люди там воистину чудесные и теперь, вернувшись домой, я с трудом представляю, что все это милое радушие, тонкая и мягкая тактичность, особый воздух скромной и некрикливой человечности — подлинная явь, а не сон. Но мысли, мысли и заботы...

Завтра, как говорил, еду в Гельсингфорс. Но заранее убежден в неудаче и оплакиваю зря затраченные деньги. Новый и еще мне не вполне известный и сомнительный состав правительства³, робость и половинчатость условий, которые мне поставят и которые сделают мой труд непродуктивным и бессмысленным, несомненные попытки, которые будут сделаны для полного обкорнания моей независимости публициста и превращения меня в редактора правительственного вестника... Может быть, я и ошибаюсь, но мало хорошего сулят мне эти Маргулиесы и в частности вошедшие в состав социалисты. Пусть это даже совсем безалкогольные социалисты вроде финского пива, но лучше даже алкоголь, чем переваренная вода и шатанья пьяницы при полной и холодной трезвости ума...

...Сейчас подали телеграмму от Карташева: «Все глубоко изменяется, дело продолжается, Ваш приезд обязателен и необходим». Стало быть — в министры? Еду — но не только не сжигаю моста за собою, а еще старательнее строю новый.

Просьба к Вам огромная: поспособите младенцу Леониду относительно Штатов. У Вас есть знакомства и связи в Америке (а я потерял все адреса и написал только одно письмо по фантастическому адресу некоему Г.Бернштейну⁴, чуть ли не покойнику). Возле Вас вероятно и существуют американские журналисты и кроткие импресарио (а в Тюрисеве их нет), и Вы, наконец, настоящий деятельный друг, чем я и решил нагло пользоваться. Только обязательно скажите кроткому импресарио, что мне необходим большой аванс на штаны; я не П.Люис⁵, чтобы ехать с фиговым листком, а солидный русский писатель, почти что признанный Антантою. И что мне нужен секретарь-переводчик и кормилица, что я очень робок с носильщиками и на вокзал приезжаю за три часа со своим чайником; чай должен быть включен в договор, как и гроб

для обратного путешествия по китайскому обычаю. Будьте другом, милый Николай Константинович!

А что такое с «Черными масками»⁶? Вместят ли их англичане? В Москве одна купчиха сошла от них с ума. Покойный Бравич рассказывал, что как-то в антракте «Черных масок» спросил старого театрального буфетчика, как идет торговля; и тот мрачно ответил: «Недоумеают-с — и не пьют». А один полицейский пристав в Киеве доносил начальству: «Эта пьеса мало того, что лишена всякого смысла, еще опасна в пожарном отношении». Ликиардопуло писал мне (это все Вы хлопчете обо мне!) о «Мысли» и «Екатерине Ивановне» — также сомневаюсь, чтобы подошли, хотя «Екатерина Ивановна» в Мюнхене перед самой войной имела большой и многообещающий успех⁷. Впрочем, кто их поймет — иностранцев. А что Вы думаете о «Савве»? Это очень странная вещь... и хорошо, если бы до конца она оказалась пророческою. В ней есть кое-что о России, что могло бы немного приоткрыть глаза иноземцам и, пожалуй, заинтересовать их. Но необходимо, чтобы ставил ее русский режиссер.

Я был в Тервусе, когда пришло Ваше письмо Тумаркину, и очень порадовался, что у Вас уже налаживается работа в Лондоне⁸. И опять-таки — как это важно для русского искусства, для нашей справедливой оценки. Самая лучшая пропаганда! Европейскому самодовольству должен быть нанесен удар, и кто же это может сделать лучше, нежели русский художник, представитель великого народа, а не каких-то презренных полуазиатских «племен».

Этот мотив в моем плане поездки имеет первенствующее значение. Думаю, что в этом смысле (да и вообще в смысле пропаганды) поездка может по результатам не уступить и министериабельности с непосредственным печатанием листов. Есть еще одно соображение, которое склоняет весы души моей на сторону Штатов: это полное сохранение моей публицистической независимости. Как-никак, а здесь я становлюсь «казенным» публицистом, и хотя я за совесть принимаю Колчака и буду воевать с большевиками, но все как-то... странно и будто тесно, и будто умалется в цене мое слово. Привык я к полной свободе, всегда считался только с своим судом и мне немного страшно; конечно, индивидуальными особенностями мысли я готов жертвовать для общих целей... но, а где граница?

А что значит работать совсем против совести, показывает Горький. В последнем № «Либератора», большевистского американского журнальчика, почему-то мне присылаемого, есть его статья «Следуйте за нами», т.е., за советской Россией и ее мудростью — и что это за жалкая, убого-бездарная, ничтожная статья⁹! Ко-

гда поэт и пророк начинает лгать, Бог карает его бессилием, — таков закон вечной справедливости. Но это между прочим.

Ночь, и надо укладываться к завтрашнему вояжу. А за окнами над темным морем — я живу у самого моря — по бурному небу бродят прожектора, а вчера на рассвете в бледно-голубом небе среди меркнувших звезд я слышал гудение аэроплана и видел две яркие, красные вспышки разрывов — как они были красивы, и красиво бледное небо в его предутренней свежести и покое, и как тому, кто летал, казалось удивительною земля и море, и как все это хорошо — хорошо жить — летать — видеть рассветные звезды. И есть еще у меня одно радостное чувство: об англичанах, которые геройски в самой гавани взрывали большевистские суда, и сами гибли — это те *люди*, которых я звал¹⁰.

Америка!

Будьте здоровы, дорогой. Крепко Вас целую.

Ваш Леонид Андреев.

23 августа 1919 г.

25 Августа

Второй день в Гельсингфорсе. Говорил уже со многими, в том числе целый вечер с Карташевым. Впечатления самые безнадежные. Никакой работы, соответственной моим силам и желаниям организовать здесь нельзя. Новое правительство остается в стороне от общего движения; С.В.Иванов и Карташев решительно уклонились от участия.

Буду писать. Привет!

Ваш Л[еонид] А[ндреев].

79. С.Л.Андрееву, 23 августа 1919 г.

Дорогой мой Сынюша-Сапотосик!

Вот мы опять в Выборге у Гуревича. Никого нет, все уехали и я один сижу у того же окна и смотрю на ту же картину, как мы с тобою смотрели. Такое же голубое небо с белыми облачками; тот же старик перевозит на лодке, и совсем как будто я и не уезжал домой. Совсем все, как тогда! И только у набережной перед окнами стоит большая трехмачтовая шхуна; сейчас буксир увел ее. Но без тебя скучно, сынюша! — я привык вместе с тобой смотреть в окно, мама ничего не понимает по этой части.

Будь здоров, сынюша. Очень крепко целую тебя, а ты передай мой поцелуй всем, каждому по 2 поцелуя, а бабушке 3 с половиной.

Сегодня вечером едем дальше, уже взяли билеты. С этим же поездом едет Женя Берман¹. Это неверно, что его побили солдаты.

Еще раз целую тебя — и остальным додай еще по поцелую.

Твой отец, которого зовут Леонидом.
23 августа 1919 г.

80. С.Л.Андрееву, [25 августа 1919]

Сынюше! Вспомни Выборг. Здесь¹ еще лучше. Так много больших терехов [sic]! Я здоров. Поцелуй бабушку. Скоро, вероятно, приедем. Будь здоров, деточка.

Твой папа.

81. А.Н.Андреевой, 27 августа 1919 г.

Милая моя маточка! Живем мы здесь недурно: хороший стол, дом на самом берегу и утром, выйдя после первого стакана чаю, я сразу у воды или в Брунс-Парке¹. Вода здесь зеленая, пахучая, настоящая, морская, пароходов и моторов множество; по утрам, сидя на солнышке, глядя на пароходы, слушая их гудки, нюхая запах зеленых волночек, разбивающихся о гранит, я чувствовал себя чуть не в Венеции. И отношение ко мне людей очень радушное; на вокзале меня встречали Гессен, Иванов² и Гуревич, который в тот же день, через полчаса, уехал на пароходе в Стокгольм. И здесь в пансионе много знакомых, которые об нас весьма заботятся. Сегодня принимаю внутрь первого финского интервьюера, завтра принимаю второго, там третьего. Газеты оповестили о моем «прибытии»³.

Но дело по разным причинам не выходит, и быть министром, к счастью, мне не придется. Зато с Америкой мне все сулят успех, и я уже посылаю прошение об английской визе⁴. Пробуду я здесь еще дней пять-шесть для полного выяснения всех обстоятельств. Лошадь высылай к поезду 3-го, 4-го и 5-го [сентября]. Дома буду работать и понемножку готовиться к Америке.

Как ты там: все так же скучаешь или с Женей повеселее? Крепко целую тебя и детишек; Евгению⁵ тоже поцеловал бы, если бы она не опоганилась с Максимом. Будь здорова, не скучай, скоро приеду. Анна купила тебе по случаю сапоги со шпорами. Нынче вечером здесь в русском соборе служил архиерей⁶, звон по всему городу, улицы шумны, ярко освещены и нам с Аней казалось похоже на Москву.

Л.Н.Андреев. Конец 1910-х.

Дом Л.Н.Андреева в Ваммельсуу: общий вид. 1910-е.

Дом Л.Н.Андреева в Ваммельсуу. Кабинет Л.Н.Андреева.
Фотография К.К.Буллы. 1912 г.

Дом Л.Н.Андреева в Ваммельсуу. Столовая. За столом слева направо:
Вадим Андреев, неизвестная дама, А.И.Андреева, неизвестная девочка,
Н.М.Андреева (впереди), Л.Н.Андреев, А.Н.Андреева.
Стереоскопическая фотография на стекле. 1910-е.

Семейная группа Андреевых (сзади слева направо: А.А.Оль, [Е.М.Доброва?], А.Н.Андреева, П.Н.Андреев, неизвестная дама; впереди слева направо: Л.П.Андреева, А.Ив.Андреева, Лев А.Алексеевский, Р.Н.Андреева, Леонид А.Алексеевский, Д.Л.Андреев, Л.Н.Андреев, Вад. Л.Андреев.) Ваммельсуу. Стереоскопическая фотография на стекле. 1910-е.

Л.Н.Андреев с детьми (слева направо: С.Л.Андреев, Вал. Л.Андреев, Вад. Л.Андреев, В.Л.Андреева). Ваммельсуу. 1910-е.

Л.Н.Андреев с А.Н.Андреевой и А.Н.Андреевым. Ваммельсуу.
Фотография на стекле. Начало 1918 г.

Л.Н.Андреев с А.Н.Андреевым. Ваммельсуу.
Стереоскопическая фотография на стекле. Начало 1918 г.

**Вадим Андреев в кабинете Л.Н.Андреева. Ваммельсуу.
Стереоскопическая фотография на стекле. Конец 1910-х.**

Прокладка тропинки к Черной речке (на фотографии Л.Н.Андреев, Вад. Л.Андреев, С.Л.Андреев и Вал. Л.Андреев). Ваммельсуу. Стереоскопическая фотография на стекле. Июль 1918 г.

Л.Н.Андреев в гостях у С.Л.Гуревича. Слева направо:
П.А.Тумаркин, А.С.Тумаркина, Н.А.Тумаркина (впереди),
С.С.Оболенская, А.М.Тумаркин, Л.Н.Андреев, Б.О.Гуревич,
А.И.Андреева, С.Л.Андреев, В.Ф.Оболенский, Н.Дворкович
(впереди), С.Л.Гуревич. Тервус. Август 1919 г.

А.И.Андреева. Тервус. Август 1919 г.

Л.Н.Андреев и И.А.Белюсов. Крым. 1910 г.

С.С.Голоушев. Москва. Фотография К.Фишера. [1900-е гг.].

Семья Чириковых (сзади слева направо: Н.Е.Чирикова, Е.Е.Чириков, В.Г.Чирикова, Л.Е.Чирикова; впереди слева направо: Е.Н.Чириков, Г.Е.Чириков, В.Е.Чирикова). [1910-е].

Л.Е.Чирикова. Портрет карандашом работы И.И.Билибина. Крым.
1919 г.

Н.Г.Вальтер. Петербург. Фотография Рейсерта и Флиге. [1900-е].

Е.Г.Шайкевич с Л.Б.Шайкевич. Франция. 1920-е.

Е. П. Эдуардова-Давыдова. [1910-е].

Кабинет Л.Н.Андреева на даче Ф.Н.Фальковского. Нейвола.
Фотография М.Никитина. Терюки. Сентябрь 1919 г.

Л. Н. Андреев на смертном одре. Рисунок работы В. П. Щепанского.
Нейвола. 13 сентября 1919 г.

Л.Н.Андреев на смертном одре. Нейвола. 13 сентября 1919 г.

Гроб Л.Н.Андреева в часовне на даче А.П.Горбик. Справа от входа:
В.Л.Андреев и Ф.Н.Фальковский. Нейвола, 14 сентября 1919 г.

Церковь и кладбище Картавцева. На первом плане могила Л.Н.Андреева с деревянным крестом. Месякюля. [1920-е].

Памятник Л.Н.Андрееву на кладбище Картавцева. Месякюля. 1930-е.

Памятник Л.Н.Андрееву на Литераторских мостках Волкова кладбища.
Ленинград. [1960-е].

«Цари Иудейские». Картина работы Л.Н.Андреева. Пастель.(1918).

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

S.O.S

Н. К. Рерих.

Мечъ Мужества

Рисунок «Меч мужества» работы Н.К.Рериха на обложке статьи
Л.Н.Андреева «S.O.S.», 1919.

А. И. Андреева

Красивее все-таки. Тут, пожалуй, больше и
дальше, и больше, и больше, в какой-то своей мажор.
«Восхитительное путешествие!» И вообще, пусть врандашнее, пусть
как-то так, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
К сожалению, работа врандашнее, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
ожидается, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
все больше, пусть, пусть.

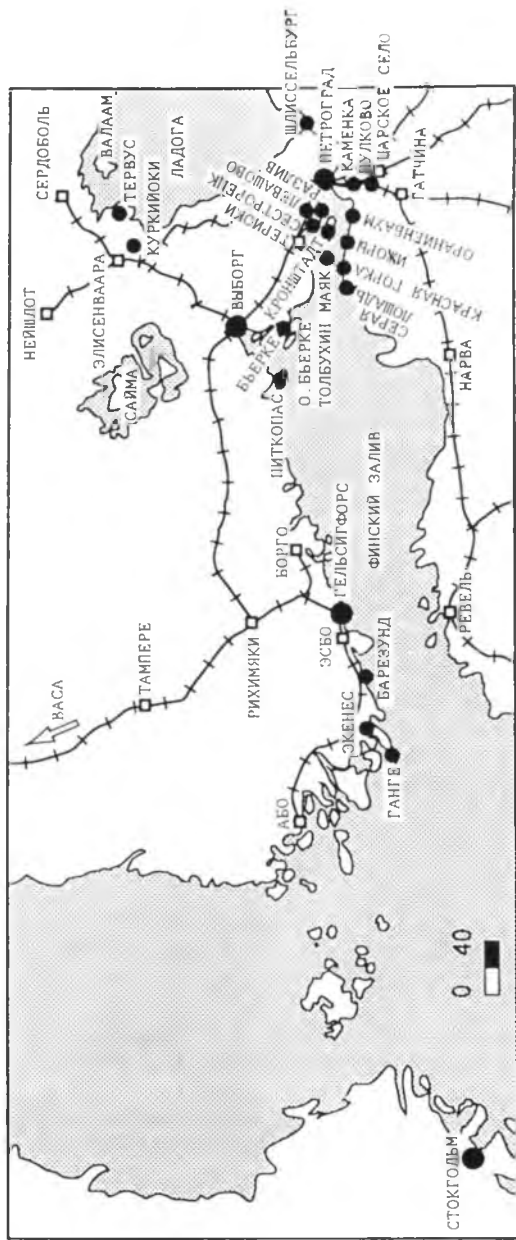
А советам нас, пожалуй, ожиданий. Со всеми доку-
ментами, пожалуй, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
даже, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
«Хорошо!» И вообще, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
путь, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
и, пожалуй, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
решили, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть.

Вот, пожалуй, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,

Пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,
пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть, пусть,

Русские военнопленные в Восточной Пруссии. Фотография из книги
Kriegsalbum: 22. Sonderheft der «Woche». Berlin, [1914-1915]. S.139.

Карта Южной Финляндии и Финского залива.

Карта Южной части Карельского перешейка.

Еще раз будь умницей — обрати на это внимание. Обдумав тайну моего рождения, я нашел, что ты все-таки моя мать единокровная, а Фальковская самозванка. Ты знаешь, что она потихоньку все просится ко мне в матери?

Еще раз целую — заметь это! И иду спать.

Твой сын Коточка — в зашнурованных ботиночках, в галстучке, хорошенький.

27 Августа 1919 г.

82. К.Д.Набокову, 30 августа 1919 г.

Глубокоуважаемый Константин Дмитриевич!

Позволяю себе, не имея чести быть лично знакомым с Вами, обратиться к Вам с большой просьбой; пусть оправданием мне послужат трудные обстоятельства, в которых мы все живем.

Я решил ехать на некоторое время в Америку (в Штаты). Цель поездки агитационная, противобольшевистская. По дороге я хотел бы заехать в Лондон для беседы и согласования моих действий с видами моих политических друзей; в частности мне необходимо поговорить с Павлом Николаевичем¹. Не будете ли Вы так добры и не окажете ли мне содействие в получении английской визы? Я тороплюсь, а если начинать хлопоты о визе здесь, то уйдет масса времени.

Еду я с моей женой, Анной Ильиничной (здоровье не позволяет мне ездить одному) и с десятилетним сыном Саввой.

Усиленно извиняюсь за беспокойствие. Часть вины должен взять на себя И.В.Гессен, посоветовавший мне обратиться к Вашему любезному и авторитетному содействию.

Мой адрес: Финляндия, Териоки, Л.Н.Андрееву (Заказным).
Искренне уважающий Вас

Леонид Андреев.

30 Августа 1919 г.

83. Н.К.Рериху, [3]-4 сентября [1919]

Дорогой мой Николай Константинович! Только что прибыл из Гельсингфорса и нашел Ваше письмецо относительно «Черных масок», кн.Марии Павловны и Ярошинского. Прислано оно по почте, так что посланца никакого не видал. И, вероятно, этому письму предшествовали другие, потому что из этого я ничего не понял: в чем собственно дело? Получили ли Вы мое письмо отно-

сительно Америки! И теперь я в некотором расстройстве ума — Америка или Англия?

Здесь, как я и предполагал, ничего из моей пропаганды выйти не может. Я видел много людей, видел и теперешних министров (одного), много слышал о положении, и вся невозможность поставить дело пропаганды так, как я хотел: в широком «государственном масштабе» — встала передо мною воочию. Само новое министерство, едва родившись, уже дышит на ладан и разваливается. Ушли: Карташев, С.В.Иванов, Бутлеров, наконец, Александров; из общественных деятелей остается только Кедрин, да Маргулиес, если его считать за общественного деятеля. Дальше — смутное безличие. Не решаюсь в письме высказывать свое мнение о министрах, но оно самое отрицательное. Карташев (чудесный человек!) вернулся к своему первобытному комитетскому существованию и стремится за границу. И.Гессену предлагали пропаганду, но он отказался и все мечтает о еженедельном журнальчике². Издают в Ревеле под руководством Кирдецова (!) и при содействии, кажется, вернувшегося Арабажина «Новую Россию»³, орган без денег, настоящего и будущего, но уже «с прошлым». Впечатление от людей и разговоров самое тошнотворное: уость, мелкота, личное; меня, конечно, боятся, хотя очень любезны. Странно сказать, но целыми днями я испытывал физически тошноту. Исключение, повторяю, Карташев, который действительно совсем не «деловит», но видит шире и яснее других и совсем лишен личного и корысти.

И какая тоска! Даже милые шхеры не могли вытащить меня из этой черной ямы. Тоска, шаткое сердце и горькие мысли о бессилии и конченности. Какое это проклятие: семья, «зарабатывать»; уйти бы мне в тихую келью итальянского монастыря и там собраться с мыслями о мире, а вместо того — Америка! Янки дудль! Кинематограф! Ложь!

Ну да ладно. Было в Гельсинках одно радостное впечатление, до сих пор вызывающее улыбку: это красная, солнцеподобная, сияющая физиономия Гуревича, который встречал меня на вокзале и придерживал рукою Гессена и Иванова⁴, притащенных им также для встречи. Им было кисло и хотелось спать, а он сиял и, залив меня светом, мгновенно умчался на стокгольмский пароход, который уже уходил. А у самого дела плохи и забот множество. На днях продан Тервус, Гумаркины ищут квартиру.

Вернувшись, застал дом в переполохе. Только что на рассвете налетали аэропланы и бросали бомбы по соседству; одна бряк[ну]-лась около Шереметьевых. Жертв, кажется, нет, но грохот и паника были жестокие. Приходится для матери и детей уезжать,

спешно укладываться и проделывать беженство. Поселяемся на даче Фальковского в Мустомьяках, и адрес мой теперь значит такой: МУСТАМЯКИ, ДАЧА ФАЛЬКОВСКОГО, Л.Н.АНДРЕЕВУ. Надоело это, мешает думать и сосредоточиться, дергает за нервы. Гудит, а кто? Нынче на рассвете видел стрельбу шрапнелью из Кронштадта, должно быть тоже по аэроплану. Красиво, когда далеко. Наши говорят, что особенно страшно было, когда они, после бомб, пролетали обратно и гудели над самой крышей: им никто не мешает и держатся они очень низко. В довершение зол я простудился, бегая раздетым смотреть стрельбу и слушать разные звуки, и сейчас пишу с трудом.

Все мои несчастья сводятся к одному: *нет дома*. Был прежде маленький дом: дача и Финляндия, с которыми сжился; наступит бывало осень, потемнеют ночи — и с радостью думаешь о тепле, свете, кабинете, сохраняющем следы десятилетней работы и мысли. Или из города с радостью бежишь домой, в тишину и свое. Был и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный дом *мой*: искусство-творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома — холодная промерзлая, обворованная дача с выбитыми стеклами, а кругом — чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества. Как кандалы, всюду волочу за собою большевика и тоску. Статьи — не творчество. И так жутко, пусто и страшно мне без моего «царства» и словно потерял я всякую защиту от мира. А некогда спрятаться ни от осенних ночей, ни от печали, ни от болезни. Изгнанник трижды: из дома, из России и из творчества, я страшнее всего ощущаю для себя потерю последнего, испытываю тоску по «беллетристике», подобную тоске по родине. И не в том дело, что мне некогда писать или я нездоров — вздор! а просто вместе с гибнущей Россией ушло, куда-то девалось, пропало то, что было творчеством. Как зарницы, мигают безмолвные отражения далеких гроз, а самой грозы с ее жизнью — нет. Прочтешь что-нибудь свое старое и удивляешься: как это я мог? Откуда приходило в голову? Какой Вы счастливый, что, потеряв многое, как и я, сохранили творчество во всей его свежести и силе!

Ну, завтра буду о деле, а сейчас разболтался. О «Черных Масках». Только в дни революции я понял, что это не только трагедия личности, а и трагедия целой революции, ее подлинный печальный лик. Вот она, Революция, зажегшая огни среди мрака и ждущая званых на свой пир. Вот она, окруженная зваными... или незваными? Кто эти маски? Черновы? Ленины? Но они еще знают Сатану. А вот и они, частицы великой человеческой мглы, от которых гаснут светильники. Ползут отовсюду, свет им не светит,

огонь их не согревает и даже Сатаны они не знают. Черные маски. И гибель благородного Лоренцо. Да! Можно, пользуясь цитатами, провести полную аналогию. И как это случилось, что трагедия личности, какою была задумана эта пьеса, стала трагедией истории, революции? Тут много интересного⁵.

4 августа [т.е. сентября 1919]

Из Штатов еще нет ответа. Послал через Гессена телеграмму Бернштейну, скоро пошлю вторую с кратким изложением моего предложения. От Милюкова получил некое как бы пригласительное письмо в Лондон и даже 78 фунтов⁶. Во всяком разе до Америки мне необходимо побыть в Лондоне для координирования действий — это даже без Вашего письма. А с тем, что Вы пишете о «Черных Масках», работе в Лондоне и Ярошинском, все мои планы могут круто измениться.

Что может дать мне Лондон? Это я должен знать точно и определенно. Ведь мое положение таково, что без аванса от воображаемого импресарио я не могу пуститься и в Штаты. Дело с залогом дома затягивается⁷, вдобавок уехал Гуревич, и хорошо, если к концу Октября удастся получить 40 тысяч марок — минус то, что я сейчас должаю на жизнь. Останутся сухие пустяки, а, уезжая, я должен оставить семье, сыну, которого удалось устроить в гельсингфорсскую гимназию, на пансион у Игельстрома, очень хорошего человека, — но тысяча марок в месяц! А одеть и прочее?

Вы пишете: возьмите семью. Это меня взволновало. Всей семьей я не возьму, громоздко, но мать-старуху хотел бы взять чрезвычайно, необходимость оставлять ее на одиночество очень тяжела. Тогда нас, едущих, получится четверо: я, жена, сынишка Савва и мать, да трое останутся в Финляндии.

...На том берегу жестоко режут пушки, дребезжат стекла, трясется машинка, вздрагивает дом; сейчас так стукнуло, что едва удержался на стуле, как на норовистой лошади. И пулемет. В чем дело? День чудесный, солнечный, но даль в дымке и ничего не различить в тумане. Но все дома ждут к ночи аэропланов, так тут бывает: англичане налетают на Кронштадт, а дикий Кронштадт в отместку налетает на наш берег⁸...

О Ярошинском я слышал, как о джентльмене. Это все хорошо, но я никак не уясню себе своей роли в Лондоне: в чем будет моя работа? За что буду получать деньги, которые мне так анафемски нужны? И сколько? У меня кривит рот от этих вопросов, особенно последнего, но — Вы понимаете меня, мой друг! Конечно, если Лондон даст мне возможность туда приехать и жить, то я могу

поехать сравнительно скоро, не выжидая окончательного ответа от Америки: из Лондона легче будет сговориться. Ибо я все же не оставляю мысли об этом Эльдorado, где мне представляется единственная возможность подняться на ноги и снова стать независимым — стать художником! В Англии ко мне холодно (не говорю про Вас, такого верного друга, и про хороших русских, разумею англичан), в Америке температура много выше.

Вот Вам все мои соображения, чувства и обстоятельства — начистоту. Буду теперь с естественным нетерпением, считая минуты и последние марки, ждать Вашего всеобъясняющего письма. О визе я уже писал Набокову Константину Дмитриевичу⁹, но если выйдет так, что можно взять и мать, то нужно добавить АНАСТАСИЮ НИКОЛАЕВНУ АНДРЕЕВУ, 67 лет. Наши паспортные отметки: я, 48 лет, жена Анна Ильинишна, 35, сын Савва, 10.хлопотать о визе здесь — почти безнадежно и берет уйму времени.

Как только осяду в Мустомьяках, сажусь кончать «Дневник Сатаны» и составлять лекции для почтенных янки. Между прочим (это пока в секрете) в Лондоне и Америке я хочу вести переговоры о некоей *новой* партии, которая (тише!) должна будет вместить в себе кадетов под несколько новой окраской; эта мысль идет со стороны лиц, весьма влиятельных, и мне кажется не только приемлемой, но и спасительной.

Чтобы не опоздать на почту и не терять дня, решительно кончаю письмо. Горячо целую Вас — и самый сердечный привет людям, волнующимся моей судьбой; меня только это держит. И до чего противно, что я все о себе!

Ваш Леонид Андреев.

4 сентября 19 г.

Душевный привет!

А[нна] А[ндреева].

84. Н.Г.Вальтеру, 5 сентября 1919 г.

Дорогой Николай Григорьевич! Что сказать Вам нового о наших делах? По виду как будто что-то меняется, по существу — толчея на месте и мертвая точка, как в механике. В начале лета, как Вы знаете, будто и двинулись вперед, а потом опять задний ход; так и ползаем взад и вперед перед станцией, как дачный поезд, пропускающий курьерский. И то создание нового правительства, о котором так много шума, на самом деле акт малосерьезный и ничего особо хорошего не сулящий. Все дело в силах, кото-

рые должны дать первый толчок и сдвинуть с мертвой точки — а их все нет и нет. Глаза проглядели, поджидавши милого, а милый все нейдет. Сейчас я только что вернулся из Гельсингфорса, куда ездил с своими планами пропаганды, много видал народу — и все то же, что и Вы в свое время видали. Так и вернулся с окрепшим убеждением, что если и есть для меня работа, то лишь на Западе. Видел там Сергея Валентиновича¹: все так же деятелен и бодр: шебаршит. От нового правительства он решительно отмежевывается, но свою работу хочет продолжать.

Об Англии мне пишет Н.К.Рерих, но реального пока ничего нет. Сам я задумал некую авантюру: турнэ по Америке, и рассылаю по этому поводу письма и запросы; не знаю, что выйдет. Если удастся, поеду! Хотя здоровье мое по-прежнему неважно, но безделье стало невыносимо — и форменный денежный крах. Живу займами, с неуверенностью в завтрашнем дне. Надо зарабатывать!

Тюрисево — пустыня, и Севиер на корнише, как маятник в абсолютной пустоте. Мы бродяжим. Начало лета жили в Ваммельсуу, потом опять в Тюрисево на даче Лобека, а сейчас, кряхтя, едем в... Мустомяки, на дачу Фальковского, где будем жить — неизвестно, докуда. Андреевскую зимнюю дачу реквизировали и сделали из нее танцуюлку; пол, говорят, протерт до балок. Мой дом обокрали: сперли штаны и сапоги, все лучшее, и остался я наг и бос, и должен я теперь обзаводиться сызнова. Помните мою курточку, которая так ослепляла своим гордым видом? Сперли! Мы хлопочем о возмещении, Анна была у губернатора, но пока ничего на горизонте не видать. Между прочим, реквизирована и левстремовская дача, реквизирована вплотную, так что Вы можете свободно прекратить Ваши опекунские функции. На днях уехали в Гельсингфорс оба Берманеночка², будут там ждать визы. Вообще, их ожидание визы приобрело под конец трагический характер и вызывало слезы даже у кондукторов. Кроме шуток, мне их искренне жаль, совершенно неприспособленные к жизни люди.

Уезжать отсюда заставляют главным образом — бомбы. Вот то новое, чего Вы не знали в Тюрисево. Налет был в мое отсутствие, но мамаша и Фальковская еще продолжали ляскать зубами. Грохот был ужасный, одна бомба упала совсем близко от Шереметьевых. И вообще самая настоящая война: пожары, морские сражения, налеты на Кронштадт. Вчера ночью видел стрельбу шрапнелью, красиво. Нынче днем так грохотали на том берегу, что чуть не свалился со стула, впечатление было такое, будто я полицейский, а студент дает мне по уху. Сейчас в окна светит большевистский прожектор (мы на самом берегу) и смотрит, что

я делаю. Ага, к Вальтеру пишешь! Вот я тебя! А ложаюсь спать, будем ожидать жужжания пропеллера; каждую ночь приходится вскакивать от какого-нибудь тарарама. А красиво, и дачу я покидаю с великим сожалением: и жилось, и купалось на ней хорошо, и солнца было много. Вот сейчас: от самого дома, почти от окон, зеркальное море, луна — и прожектора, три штуки. А днем заливало солнце. Жаль, что я простужен анафемски, не могу выходить — хорошо сидеть ночью на берегу, слушать волну и мечтать, что банк даст под закладную.

Картинка лондонской разобщенности и разномыслия, которую Вы даете, очень характерна: то же самое вероятно происходит и в Париже, и в Америке. В этом одинаково повинны как русские, так и все остальные. Единая общечеловеческая мысль расколота социализмом и цельными остаются только крайние справа и слева. И никто ни во что не верит по-настоящему и [по-]глубокому (кроме кучки маньяков) и оттого такое бессилие. Междоусобная война уже царит над всем миром. В Совдепии она ведется оружием и кровью, на Западе — мыслью и противоречием друг друга связующих воль. Не знаю, как чувствуют себя русские там, но здесь их тяжелой чертой является чувство как бы приниженности, покорности и смирения. Будто они всего боятся: и левых и правых, и Бога и Дьявола, и Антанты и самих себя. Оттого они очень легко поддаются всякому давлению извне, оттого они так легко впадают в отчаяние и надежду и семь раз в неделю берут и отдают обратно Петербург. Кстати: никаких оснований к скорому взятию СПб. нет и, как прежде, все зависит от какой-то случайности, от неожиданного поворота руля в руках не то пьяного, не то просто одурелого кормчего.

Как Вы реально существуете? На какой улице у вас квартира? Что видно в окна? Как Вы с языком? С деньгами? И так же много народу за обедом? Какие настроения у Вас и Марии Абрамовны? Кто друзья, кто враги? Какой человек бывает чаще всего? Кто тамошний Севиер? И неужели случится, что все это я увижу сам, своими глазами, и буду обедать у Вас в Лондоне! За Ваше старание вытянуть меня из здешнего рая — сердечное спасибо. Между прочим: второго обещанного письма я не получал, в чем может быть повинна и наша почта.

Наши последние новости: Гуревич в Стокгольме, Тервус на днях продан, Тумаркины и Софа³ ищут квартиры и дачи. (Я был в Тервусе больше двух недель; хорошие люди!) В Гельсингфорсе устроиться очень трудно, разрешений не дают, и Тумаркины думают поселиться под Выборгом. Ибо и в Выборге квартир — нет! Своего Вадима я однако устраиваю в Гельсингфорсе, в гимна-

зии; на пансион его берут Игельстромы, чудесные люди; теперь жду разрешения ему на жительство.

Трудно писать, трещит голова от простуды. Будьте здоровы, привет М[арии] А[брамовне], пишите. Крепко жму руку.

[Леонид Андреев]

5 сентября 1919 г.

85. П.Н.Милюкову, 6 сентября 1919 г.

Дорогой Павел Николаевич! Получил Ваше письмо и деньги¹ и сердечно благодарю за дружеский и теплый отклик. Деньгами, вероятно, придется воспользоваться именно так, как Вы говорите: для поездки в Лондон. По совету Иосифа Владимировича² я уже обратился с просьбой о визе к К.Д.Набокову³.

Ваши слова о препятствиях в известной степени уже оправдались здесь. И здесь делается кое-что по части пропаганды, издаются газетки (Кирдецов, Арабажин, Н.Иванов)⁴, и, как все это ни слабо, место уже занято и ни у кого нет охоты уступать его. Здешнее правительство, о котором Вы, наверное, уже имеете все сведения, слабое внутренне и внешне, занятое иными мыслями и заботами, бессильно что-либо изменить в создавшемся положении и пойти на какой-либо слишком решительный шаг. Только недавно, например, удалось убрать Маркова, который псевдонимно и анонимно тоже занимался... пропагандой⁵; и это еще не значит, что он не может опять выскочить где-нибудь под носом, пользуясь сложностью существующих запутанных отношений.

Остается личная работа — но здесь препятствий не меньше. Вот пример: брошюра «С.О.С.», на которую потрачено здесь много денег, лежит без движения на складе, и никому это не важно; надо бы получить ее из Англии или дешево издать здесь по-английски для флота, ничего по этой части не имеющего, но и об этом нет речи⁶. Мало написать статью, надо быть уверенным, что она дойдет по адресу, а где передатчики? Их нет. Здешние газеты имеют ничтожное распространение исключительно среди русских беженцев, журнала еще пока нет, да и неизвестно, когда он будет — не говоря о том, что журнал плохое средство пропаганды. И если «С.О.С.», как обращение к союзникам, могло найти печать и распространение в Европе, то *через кого* я могу обратиться непосредственно к русским? К рабочим? Красноармейцам? Белым войскам хотя бы нашего фронта? И как характерно, что та же «С.О.С.» не была переведена по-фински, и финны о ней просто *не знают*⁸. Я не политик; моей задачей, как публициста-лирика

(если можно так выразиться) было непосредственное воздействие на души, статьи же в журналах и притом на расстоянии требуют совсем иных качеств.

Отсюда мое решение: на своей страх и риск, заручившись содействием какого-нибудь импресарио, ехать с агитационною целью в С[оединенные] А[мериканские] Штаты. Я не буду здесь объяснять, почему из всех стран Согласия я остановился на Америке, но думаю, что при известных усилиях с моей стороны и при помощи друзей из этой поездки может выйти толк; во всяком случае я не останусь бездейственным, когда все руки в работе, и ближе подойду к *смыслу* пропаганды, нежели оставаясь в Финляндии. И мне необходимо заехать в Лондон, чтобы поговорить с *Вами*. Сколь я ни [не?] политик, мне все же придется не только касаться политики, но и порядочно залезть в нее, и здесь я хочу просить у Вас указаний, так как глубочайше верю в Ваше понимание и опыт, и не хочу в вопросах, касающихся всей России, быть самочинным и слишком индивидуальным. Передо мною и сейчас стоит целый ряд чисто политических вопросов, где мое *личное* до известной степени уже расходится с *общим* и было бы крайне нежелательно, чтобы это расхождение могло повести к вреду для общего русского дела. Есть у меня на этот счет и некоторые особые предположения и поручения, о которых всего удобнее побеседовать при свидании.

Н.К.Рерих пишет, что для меня есть какое-то дело и ра/бота. Еще не знаю, в чем она заключается, но допускаю возможность остаться в Англии на более продолжительное время; впрочем, это вопрос новый и сложный. /бота в Лондоне. Еще не знаю, в чем дело, но во всяком случае радуюсь самому слову: работа — так утомительны и невыносимы были эти года безделья, доведшего меня до болезни...

В надежде скоро увидеться крепко жму Вашу руку и еще раз сержечно благодарю за доброе отношение.

[Леонид Андреев]

6 сентября 1919 г.

86. В.Л.Бурцеву, [6]-9 сентября 1919 г.

Дорогой друг, милый Владимир Львович! Был я в Гельсингфорсе, видел там Вашего посланца, видел много людей и людишек, много говорил, еще больше слушал — и ожидания мои оправдались: для меня работы в Гельсингфорсе и вообще здесь — нет. В письме я не решаюсь говорить о том, что такое новое северо-

западное правительство, но мое отношение к нему совершенно отрицательное. Самая история возникновения его под грубым давлением извне, самочинное, вопреки декларации Колчака, признание независимости Эстонии¹, наконец, серенький состав при наличии таких темных пятен, как Н.Иванов, — внушают большие опасения за будущее. Опять-таки не решаюсь говорить о подробностях и развивать мою мысль — но во всяком случае с ними я работать не могу, если бы даже они были способны к работе. Но и этого пока не видится. Между прочим, они предлагали портфель министра пропаганды *И.Гессену*, но он отказался, меня все гельсингфорские немного боятся, как вероятно множество людей дружески боится Вас — вашей прямоты и яркости. Когда я читаю Ваши великолепные, прямые и честные обличения союзников², я думаю с улыбкой: сколько заячьих сердец с ужасом читают эти строки и шепотом осуждают дерзость неукротимого Бурцева! Антанта нас кормит, Антанта, может быть, когда-нибудь окажет нам помощь, а он такое говорит почтенной Антанте — даже требует! И самое печальное, что я увидел и почувствовал, — это жестокая приниженность, почти нищенская поза, в какую охотно становятся многие весьма даже порядочные люди.

А я размышляю о великолепном мавзолее, который будет воздвигнут на могиле нашей дружбы с Антантою. И одним из могильных камней я положил бы слезно отчаянную мольбу архангельцев, чтобы их не оставляли на смерть и гибель английские войска — и увод английских войск³. И обо всем этом я давно написал бы в «Общее дело», если бы не неисправность почты; а okazji, вроде недавней, редко представляются и всегда неожиданно. Вообще писать отсюда — вещь невозможная.

Таким образом, я окончательно решаю плыть в Америку, рассылаю письма, телеграммы и запросы. Пока ни на одно ответа не имею, но с упованием жду. Пишет мне о какой-то работе в Лондоне Н.К.Рерих, чудесный человек и мой большой друг, но в чем дело, еще не знаю. Во всяком случае, по дороге в Штаты, я пробуду некоторое время в Лондоне, а если будет возможность (виза), то приеду в Париж исключительно для беседы с Вами и согласования действий.

Очень много хотелось бы сказать Вам, дорогой друг, но всякая цензура действует на меня гнетущим образом. Не зная, можно ли писать то и другое, я впадаю в полное недоумение. Поэтому с особым нетерпением жду минуты, когда так или иначе можно будет побеседовать свободно без ежеминутных оглядок по сторонам. Думаю, что теперь этой минуты не так долго ждать. Между прочим, надежд на скорое взятие СПб. у меня нет; конечно, могут

быть совершенно неожиданные случайности, но как можно учитывать случайность? Конечно, как двухголовый теленок, как всякий монстр, биологически нелепый, большевизм должен погибнуть, но когда это будет? Приспособляемость человека, особенно российского, чрезвычайно велика, растяжимость его шкуры огромна; сейчас большевики содрали и натянули эту шкуру на барабан, колотят и сзывают зевак и ослов — но когда барабан долнет?

А какой вид будет иметь Россия, когда уйдут большевики! Страшно подумать. Больше всего меня страшит страшная убыль в людях. С одной стороны, защищая себя, большевизм съел среди рабочих и демократии все наилучшее, сильнейшее, более других одаренное — это они в первую голову гибли и гибнут на бесчисленных фронтах в бесчисленных сражениях и кровопролитиях. И наоборот: наиболее трусливое, низкое и гнусное остается в ихнем тылу, плодится и множится и заселяет землю — это *они* палачествуют, крадут, цинически разрушают жизнь в самых основаниях. С другой стороны, нападая, он съел огромное количество образованных людей, умервил их физически, уничтожил морально своей системой подкупов, прикармливания. В этом смысле Луначарский с своим лисьим хвостом страшнее и хуже всех других Дьяволов из этой свирепой своры. Он трус и чистюля, ему хочется сохранить приличный вид и как можно больше запутать людей, зная, что каждое новое «имя», каждый профессор, ученый, интеллигент или просто порядочный человек соответственно уменьшает его личную ответственность. Если даже Нерона многие одобряют за любовь к искусству, то как же ему, Луначарскому, не создать некоего «золотого века», рая художников и режиссеров, рая, который так приятно контрастирует с черной чрезвычайкой и придает Л[уначарскому] вид исключительного джентльменства. Светлый луч в темном царстве — так вероятно он сам мыслит про себя, ибо кроме всего прочего он человек пошлый и недалекий. (Вы знаете, что они и меня пробовали? — Предлагали очень выгодно издать сочинения, утверждая, что «все там» и что мне нет смысла кобениться)⁴.

В России и так было безбожно мало интеллигентных, образованных людей — сколько же их осталось теперь? Действительно страшно вообразить. Вспомнить всех этих бесчисленно расстрелянных офицеров, начальниц гимназий, попов, каких-то гласных, земцев, профессоров и прочих неведомых, их имена Господи веши. А каждый образованный человек — это как дерево, которое требует определенного времени для своего роста; сожгут у меня дачу, я в год выстрою новую, а сгорит береза рядом — жди 25 лет!

И когда подумать, сколько стоит (буквально) каждый образованный человек, то какой колоссальный капитал потеряла Россия в лице убитых!

Кто же выиграл в результате этого убийственного «отбора»? Черная сотня в широком смысле слова. Хищники и пресмыкающиеся, кусающие и ползающие. Мне думается, в этом кроется отчасти объяснение непонятно долгой «живучести» большевизма. А какая в связи с этой убылью в людях ждет нас реакция? Реакция неизбежная и неустраняемая, ибо она будет иметь почти биологические основания — вырождение народа. Вот все говорят об Учредительном Собрании — а кто *теперь* составит его? И *чью* волю оно выразит? И на *что*, в конце концов, рассчитывают европейцы, так бесконечно затягивая эту борьбу? И заметили ли европейские социалисты, что наибольший процент гибнущих приходится на долю демократии, а наименьший, ничтожный — на долю мелкой и крупной буржуазии, припасшей капиталец, наименее голодавшей и стоявшей в сторонке от непосредственной борьбы? И понимают ли они, что, готовя России эту ужасающую реакцию, они сами падут жертвой ее? Идиоты! Чем требовать от Колчака, чтобы он клялся учредительному, лучше бы сохранить жизнь одному образованному русскому!

Ну, разболтался. Крепко целую Вас и жму руку. По мере моего движения к Америке, буду писать Вам. Кстати, мой новый адрес: Мустамяки, дача Фальковского. Здесь, слишком близко к пограничной полосе, жить затруднительно: аэропланы бросают бомбы и прочие военные неудобства. «Общее дело» всюду, куда даю, вызывает полнейшее сочувствие.

Ваш Леонид Андреев.

Только что получил Вашу телеграмму. Как видите: Америка! Попробую за эти дни соорудить для «Общего дела» статейку, но не знаю. Не умею маленьких! После написания сего письма, в ночь, был налет аэропланов: чувство довольно сильное. В Вамельсуу, совсем близко от моего дома, сброшено три бомбы¹.

9 Сентября 1919 г.

87. Обращение к домашним, 9 сентября 1919 г.

Заранее прося извинения за беспокойство, но ободряемые надеждой, что исполнение нашей просьбы не составит особого труда или чрезмерной трудности или же крайнего обременения для снисходительных читателей настоящего анонса, краткость которого объясняется увы! — недостатком места, но никак не отсут-

ствием желаний со стороны просящих быть наиболее любезными и благожелательными ко всем вообще и в частности, мы позволяем себе покорнейше просить всех входящих, как и выходящих и просто проходящих, будет ли это по делу или зову, или же без всякого дела и зова, по причине, так сказать, безделья и бессмысленно бесцельного шатания по дому, затворять отворяемую для означенной надобности дверь как с той, так и с обратной стороны в зависимости от того, где именно будет находиться означенное лицо.

9 сентября 1919 г.

Печатать разрешено: Ф.Н.Фальковский.

88. Н.К.Рериху, 10 сентября 1919 г.

Дорогой друг! Сейчас получил Ваше письмецо об «английском суде», которое отвезет меня в Англию¹. Боже, как я взволновался! Жена хотела тотчас же посылать телеграмму: не получили! Да, того письма «с приглашением» я не получил — затерялось — пропало! Более аккуратно приходят только *заказные*.

Не могу писать, простужен, голова, сердце и прочее. Пропадает ценное время: должен работать, кончать Сатану, готовить материал для поездки. Просто беда!

За Ваше милое внимание и заботу — благодарность от сердца. Если я совсем не пал духом и начинаю бодриться, то это делаете Вы (и Гуревич).

Обнимаю

Ваш Леонид А[ндреев].

10 сентября 1919 г.

89. Л.Н.Андрееву от Г.Д.Бернштейна
Телеграмма, полученная 10 сентября 1919 г.

Letter cablegram received endeavouring to make arrangements will cable definitely next week warmest greetings Herman Bernstein

[Письмо¹ телеграмма² получены пытаюсь организовать телеграфирую непременно на будущей неделе сердечный привет Герман Бернштейн]

Статьи и интервью
(1919)

1. S.O.S.*

То, что ныне по отношению к истерзанной России свершают Правительства союзников, есть либо *предательство*, либо *безумие*.

Или: они *знают*, что такое большевики, которых они приглашают на Принцезы Острова для примирения их с растерзанной их же руками и окровавленной, умирающей Россией, — тогда это простое предательство, отличающееся от других случаев такого же рода лишь своим мировым масштабом.

Тот элемент неожиданности, что так остро поразил всех верующих в благость и справедливость союзников, есть также вещь обычная для таких случаев: все предательства неожиданны, и если божественный Иисус прекрасно знает, куда и зачем отправляется Иуда, то все ученики его продолжают оставаться в счастливом неведении вплоть до самого классического поцелуя. Впрочем, я не намерен входить в психологию предательства: она всем нам хорошо известна. Что же касается обстановки, — вместо нежного поцелуя — радио и Эйфелева башня, — то она естественно меняется и прогрессирует вместе со временем, не создавая никаких новых ценностей по существу. Нет надобности останавливаться и на *целях* предательства, они все те же со времени Иуды: Голгофа для одного серебрянники для другого! Иногда, впрочем, и веревка... Но это уже относится к патологии предательства, а не к его нормальной и здоровой психологии.

Либо другой случай: союзники *не знают*, что такое большевики, которых они приглашают для дружеской беседы, — и тогда это *безумие*.

Ибо теперь, после полуторагодичного властвования большевиков в России, их выступления в Германии и других странах, только безумный может не знать, какую силу зла и разрушения представляют собой эти дикари Европы, восставшие против ее культуры, законов и морали.

Нужно совсем не иметь Разума, чтобы не понять простых и ясных поступков, действий и вожелений большевизма.

* S.O.S. — сокращенное от «save our souls!» в переводе «спасите наши души!» — условный знак по английскому радиокоду, с которым обращается за помощью гибнущее судно. — [Примеч. автора].

Надо не иметь глаз, как слепому, — или иметь глаза, но ничего ими не видеть, — чтобы не различить на поверхности земли этой огромной России, сплошь превращенной в пепел, огонь, убийство, разрушение, кладбище, темницы и сумасшедшие дома, каким стал от голода и ужаса целый город Петроград, да с ним и многие другие.

Надо совсем не иметь ушей, — или иметь, но ничего ими не слышать, — чтобы не услышать этих воплей и стонов, воя женщин, писка детей, хрипения удушенных, треска непрерывных расстрелов, что составляют неумолчную песню России в течение последних полутора лет.

Надо совсем не знать разницы между правдой и ложью, между возможным и невероятным, как не знают ее сумасшедшие, чтобы не почувствовать социалистического бахвальства большевиков в их неистощимой лжи: то тупой и мертвой, как мычание пьяного, как декреты Ленина, то звонкой и виртуозной, как речи кровавого шута Троцкого, то беспритязательно простой и наивной, как та ложь, какою обманывают маленьких детей, животных... и народы, — что-нибудь вроде клок сена, которым животное заманивают в стойло, или официального заявления Совета, что через Атлантический океан можно перейти вброд, или человеколюбивого приказа: *ввиду отмены* смертной казни, немедленно расстрелять такую-то кучку буржуев. В частности, слух союзных правительств должен быть поражен особым и смертельным недугом, чтобы не слышать не только воплей России (нынче весь мир вопит!), но и тех вразумительных и ясных докладов о сущности большевизма, что делались им г.Нюласом, г.Скавениусом¹ и другими, очень многими другими, достойными доверия людьми.

Далее:

Надо совсем не иметь памяти, как не имеют ее умалишенные, чтобы забыть о plombированных вагонах, о происхождении русского большевизма из недр германского имперского банка и преступной души Вильгельма, о Брестском мире, который германские агенты совершали с теми же германскими агентами, как последнюю возможность победы над Согласием. При этом попутно следует забыть Пруссию и Галицию, до насыщения пропитанные русской кровью, и Корниловых—Калединых, павших одиноко жертвою долга и союзной верности, и адмирала Щастного, и Духонина, и разрушенный Ярославль, и мальчиков юнкеров и студентов, доверчиво погибавших во имя России и ваше, дорогие союзники, и те многие тысячи русских офицеров, которых по той же причине гонят, убивают и преследуют, как собак, и которых

вы — бессознательно, конечно, — ныне так безбожно оскорбили вашей нежностью с убийцами и палачами. Для полноты беспаятства надо забыть и то, что завтракать в Париже собирался Вильгельм — Вильгельм II, германский император, а г.Вильсон завтракает лишь по счастливому случаю, переплыв *два* океана: Атлантический и океан русской крови, пролитой в защиту союзного дела.

Далее:

Надо совсем не иметь чувства достоинства и даже простой опрятности, надо совсем не знать различия между чистым и грязным, как не знают его умалишенные, употреблять в пищу нечистоты, умываться помоями вместо воды, — чтобы с приятной улыбкой проглотить, как подсахаренный ананас, все те оскорбления, насмешки, глумливые издевательства и откровенные чистосердечные пинки, какими награждались представители всех союзных народов в большевистском Петрограде. Я не говорю об аресте румынского посла г.Диаманди, против которого в свое время протестовали даже абиссинцы². Г.Диаманди настолько не «великая держава», что ему незачем сходить с ума, чтобы скромно и с достоинством молчать. Не говорю о швейцарском посланнике и других малых сих, невинная нейтральность которых также пострадала от беззастенчивой руки большевика³. Не смею говорить и о г.Вильсоне, который своевременно, в ответ на свою сочувственную радиотелеграмму свежей советской власти, получил совсем дикую и горячую «пощечину» от Зиновьева⁴. Для христианина и гуманиста это лишь повод подставить другую щеку, что ныне и исполняется! Но — *нападение и убийство в английском посольстве?* Но соответственное объявление большевиков стоящих вне закона⁵?

И наконец:

Имея глаза и уши, имея разум и волю, — надо быть или таким же дикарем, как сами большевики, или человеком, который страдает нравственным помешательством, чтобы остаться равнодушным к бесчеловечной деятельности большевиков и называть ее каким-нибудь другим именем, кроме преступления, убийства, лжи и грабежа. Нужно быть самому нечеловечески, скотски или безумно безнравственным, чтобы называть «внутренними делами» тот случай, когда здоровенный мерзавец насилует женщину, или жестокая мать истязает ребенка, — и не вмешиваться под тем предлогом, что упомянутые действия некоторой группой людей называются «социализмом» или «коммунизмом».

Есть слова священные, и велико их очарование для живой человеческой души, но когда эти зловещие шуты своих темных

и злых китайцев, нанятых для убийства, называют «авангардом китайской революционной демократии», — то нужно иметь не живую, а мертвую душу, чтобы пойти на эту жалкую и постыдную приманку. Здесь наглой шумихой ходячих терминов нагло замазывается преступное существо дела: наем желтолицых убийц для истребления европейцев — случай, доселе небывалый в летописях самой злой европейской тирании⁶...

И страшно сказать: одурелая Европа уже год смотрит во все глаза на этих экзотических зверей, которых кормят нашим телом, — и все еще не может сообразить, *что* такое перед нею: «авангард демократии» — или авангард чертей, выброшенных адом для уничтожения несчастной земли. Зовут на Принцезы острова!

Перечисленные дефекты, которые необходимы для того, чтобы *не знать* большевика, дают в целом законченный образ совершенного Безумца — человека, лишённого зрения и слуха, памяти и сознания, разума и воли, человека, страдающего нравственным умопомешательством, грязного и тупого.

Никто, однако, не может допустить мысли, чтобы во главе величайших современных держав стояли простые пациенты из сумасшедшего дома. Их всему миру известные имена, их энергичная и вполне разумная деятельность в продолжение войны, наконец, то уважение, которое до сих пор питали к ним даже враги, — делают такую мысль не только нелепой и недопустимой, но даже оскорбительной. Конечно, они не сумасшедшие!

Но если это *не* безумие, то...?

Как ни ясен неизбежный вывод, я остерегусь пока его делать. Жизнь не всегда подчиняется суровой и прямолинейной логике. Основы человеческих действий так сложны и многообразны, — в частности, искусство политики, как и черная магия, столь темное и тонкое дело, что и здесь помимо двух указанных объяснений: предательство или безумие, могут существовать и иные побудительные причины, затерявшиеся в лабиринте громких слов, в пышности декораций и торжественности завтраков, цилиндров, приемов, процессий и экскурсий по развалинам. Со всех фотографий на меня успокоительно смотрят зубы г. Вильсона, обнаженные широкой и радостной улыбкой, и многие другие такие же обнаженные зубы сопутствуют ему, — но я положительно не уверен в искренности этой успокоительной и беспечной улыбки.

Так ли ясна душа г. Вильсона, как его фотографическое лицо?

Так ли спокойны и тверды мысли г. Л. Джорджа, как выражение его фотографических глаз? Нет ли там некоторых тайных *опасений*, неразрешенных колебаний, некоторой смутной нерешительности, основанной на каких-то неясных расчетах?

Тогда не надо и прямого предательства, чтобы совершалось то, что свершилось, и танцующий убийца-большевик отправился на прекрасные острова. И — возвращаясь к Евангелию, столь дорогому для г. Вильсона, — не надо ли тогда классический и страшный образ Иуды заменить другим образом, не менее классическим, но гораздо более простым, распространенным и общечеловечным: Пилата, умывающего руки?

Пилат *знал*, что Иисус — праведник. Об этом предупреждала его и жена. И он не был ни безумен, ни подл, но он был — Пилат. И сказав: «не повинен я в крови праведника сего», он умыл в доказательство руки и отправил праведника на суд к Каифе. Каифа послал к Анне. Анна — обратно к Каифе...

И разве отсылка России на Принцессы острова не напоминает этого хождения по честным судьям — с веревкою на шее? Ходи и ты, Россия, пока доходишься до креста. Не повинны в крови твоей ни г. Вильсон, ни г. Л. Джордж — разве весь мир не видел, как они умывали руки? Все видели, и многие услужливо подавали полотенце.

Однако, стоило ли вначале кричать так громко, чтобы кончить Пилатовым фальшето? Стоило ли вступаться за нейтралитет Бельгии, защищать Сербию, поднимать миллионы людей на миллионы, проливать море крови, грозить Германии Страшным Судом за ее бесчеловечность, рыдать над Лувеном и Лузитанией⁷, клясться и взывать к небу, пять лет истово бить себя кулаком в грудь перед Богом Человечности — и кончить умывальником? Обвороженный речами, декларациями и клятвами, — как светлейшего праздника, как воскресения всех мертвых ждал мир победы Согласия. Ее ждали и мертвые, чьей жизнью было куплено дорогое торжество. Люди верили, что с победою этих хороших господ, которые так хорошо говорят о добре и зле, на землю вступит сама справедливость: что мир, принесенный ими, будет истинным *миром*, а не новой кровью, огнем и мукой, истреблением беззащитных, пределом нечеловеческих страданий.

Когда над окровавленную землю прозвучал колокол победы, сколько бледных лиц озарилось улыбкой надежды и счастья, — как почернели и исказились зловещие лица убийц, ужаснувшихся перед лицом воскресшего закона. Это были сказочно-прекрасные, фантастические дни, когда улыбнулся измученный мрачный Петроград и *поверил в англичанина*, как в Бога. Это были странные и счастливые сны, грезы мученического безумия, когда в каждом выстреле угадывали английскую пушку и бегали на Неву, чтобы посмотреть на английский флот, «прибывший ночью».

И дрожали убийцы, и достаточно было показать только чучело англичанина, чтобы вся эта Каинада обратилась в паническое бегство. И... что вышло?

Обмануты живые и мертвые! С нелепым упорством вы гоняетесь за старым, жалким, бессильным Вильгельмом, чтобы судить его за грехи народа, — и дружески протягиваете руку зловонным молодым убийцам и ворам, чудовищам и уродам, которые *продолжают* проливать кровь невинных... Да, она льется бессмысленно и страшно, и в этой бессмысленности — ужас и преступления *большие*, нежели в пятилетней войне. И воспрянул духом обласканный убийца, и уже не хочет бежать, и насмехается над вами, и не боится даже живого англичанина, так как принимает его только за чучело.

«Война кончена! Больше ни одного убийства! Долой оружие!» — вот тот грозный и благодный приказ, которого ждали люди от Согласия и его силы, увенчанной победой. А вместо того — тихое шипение выдохшейся гуманности, которую г. Вильсон обрызгивает раскаленные угли... И кровь! кровь! кровь!

По-прежнему трещат выстрелы, кем-то берутся и кем-то отдаются города, кого-то бьют и режут, что-то разрушают и уничтожают. С силою лесного пожара, раздуваемого ураганом, распространяется кровавый и бессмысленный Бунт, пробирается под землю, вспыхивает за спиной и по бокам, бросает искры на солому — и не в силах противиться ему ослабевшая Европа, нервно обессиленная пятью годами лишений, еще не вышедшая из полосы того психического возбуждения, что создалось войной и ныне превращает все европейские массы в группы неуравновешенных людей, в податливый и беспомощный объект для самых диких внушений. Нерешительность и внутренняя двойственность вождей «мировой политики», помешавшая им сразу и определенно встать на ту или иную сторону, все дальше вовлекает их в смертоносные объятия Бунта, который уже удушил Революцию в России, душит ее в Германии и не нынче — завтра всю Европу (а за нею и Америку) превратит в арену повальной резни и разбоя, войны всех против всех. Сегодня нет электричества в Берлине, завтра в Лондоне не хватит угля, а пройдут еще недели, и кто знает? — быть может, остановятся все дороги, замрут в своих гаванях пароходы с хлебом, и костлявый Голод воцарится над Европой, выметая последние живые остатки правых и виновных...

Так мстит Судьба за нарушение клятв, какими клялось Согласие перед Богом Человечности. Да, они были нарушены всенародно и громко в тот роковой момент, когда Эйфелева башня с высоты своей начала рассылать приглашения убийцам и жерт-

вам, — и это подтвердили те честные русские деятели, что с презрением и ужасом отвергли лицемерное, малодушное и губительное приглашение⁸. Обмануты живые и мертвые, — и об одном нужно молить жестокую Судьбу: чтобы дала она время одуматься, — если не поздно — задержала на миг свою карающую руку... и не осуществила мрачных предчувствий того, кто уже видел разрушение своей родной страны.

И не к правительствам Согласия, уже сказавшим свое тяжелое слово, обращен мой молитвенный вопль: *«спасите наши души!»* Нет, не к ним, нарушителям клятв, а к вам, ЛЮДИ Европы, в благородство которых я верю неизменно, как верил всегда.

Как телеграфист на гибнущем пароходе, что сквозь ночь и тьму шлет последние призывы: *«скорей на помощь! Мы гибнем! Спасите наши души!»* — так и я, движимый верой в человеческую благодать, бросаю в темное пространство мою мольбу о гибнущих людях.

Если бы вы знали, как темна ночь над нами. Слов нет, чтобы рассказать об этой тьме...

Кого я зову? Я не знаю. Но разве телеграфист знает, *кого* он зовет? Быть может, на тысячи миль пустынно море, и нет живой души, что услышала бы его мольбу. Ночь темна. Быть может, кто-то далекий и услышит его, но подумает: *«зачем я пойду так далеко? Я и сам могу погибнуть»*, — и продолжит свой ночной невидимый путь. Ночь темна, и море страшно. Но он верит и зовет настойчиво, зовет до последней минуты, пока не погаснет последний свет и не умолкнет навсегда бессильное радио.

Во что он верит?

Он верит в человека, как и я. Он верит в закон человеческой любви и жизни: *нельзя*, чтобы один человек не помог другому, когда тот погибает! *Не может быть*, чтобы человек без борьбы и помощи отдал другого человека морю и смерти! *Не может быть*, чтобы никто не пришел на помощь зовущему! Кто-то *должен* прийти. Я не знаю его имени, но я ясно прозреваю его человеческие черты, его душу, сродную моей. Сквозь холод и ненастье я почти чувствую теплое прикосновение его энергичной и дружеской руки, напряженной волею к помощи и человеческим сочувствием. Я ощущаю эту *волю* к помощи, которая напрягает его мышцы, делает зоркими глаза, озаряет светом и решимостью его быстрый и твердый человеческий ум. Я его вижу, я его знаю, я его жду — это человек!

Не о помощи *Народу русскому* я его прошу. Это слишком велико: *Народ русский*, чтоб спасти его... Над его жизнью и смертью властен только Бог!

В эти скорбные дни, когда презрение, издевательства и насмешка глупцов стали уделом больной и поверженной России, я с гордостью ношу имя русского и твердо верю в ее грядущую славную жизнь. Так же твердо верю, как верю в твое будущее, благородная Франция, и твое, Германия, наш побежденный враг, и в твое, старая и мудрая Европа, мать мира и наша общая мать.

Такие колоссы, как *Народ Русский*, не погибают! Придут ли правительства Согласия на помощь своему союзнику России, или предоставят ей самой выбиратья из гнилой трясины, — Россия в урочный час встанет со своего одра и выйдет просветленно и по праву займет свое место среди великих народов мира.

То, что так страшно для нас, маленьких и смертных людей, живущих мгновением, — то лишь единый удар сердца для великого бессмертного народа. Сотнею тысяч погибших больше или сотнею тысяч меньше, годами страданий больше или меньше — что это значит для России с ее великой и неисповедимой судьбою?

Нет, не о помощи народу русскому прошу я тебя, человек. Но вот эти тысячи, которых «больше или меньше», вот эти тысячи *людей*, у которых жизнь единственна и так мгновенна и которые гибнут ежечасно в невыносимых страданиях — или живут, но так, что это хуже всякой смерти. Это не важно, что они называются «русскими», — важно, что это *люди*, страдания которых начались так давно и продолжаются бесконечно, продолжаютя беспросветно, как в настоящем аду, из которого нет выхода и над которым безраздельно господствуют злые и страшные силы. Их страдания еще можно сократить, смерть еще можно отвлечь от их голов, и о спасении их душ я посылаю мою человеческую мольбу.

Мой друг, я не стану рассказывать тебе, как нам больно и страшно в нашей теперешней России, в нашем мученическом Петрограде. Я не смогу рассказать. Всё, что я попробую рассказать, будет бледно и ничтожно наряду с действительностью. Чтобы рассказать, нужны слова, а нынче все слова, как и деньги, стали фальшивыми и уже не стоят того, что в них сказано. Целые горы словесной лжи нагромоздились в мире — и под этой грудой бессильным и вялым кажется правдивое слово, отраженное тысячью уродливых теней. Как раскрывать уста для молитвы, когда престоислужительствует сам пьяный Сатана?

Вот я скажу слова: ужас — убийство — кровь... и что это скажет уху, в течение пяти лет почти не слыхавшему иных слов? Вот я стану описывать ужасы вымирающего Петрограда — и разве это не прозвучит чем-то старым, уже рассказанным когда-то, а в худшем случае не покажется жалкой выдумкой романиста, пате-

тическим преувеличением адвоката, который хлопчет за своего клиента?

Нет, я не стану рассказывать ни о количестве, ни о качестве наших страданий: уже достаточно слов сказано другими, и новых слов не найдется на человеческом языке. Но на одно свойство этих страданий я позволю себе указать: это — чувство *беззащитности* для себя и чувство *безнаказанности* для убийц.

Не так страшно умирать или терпеть страдания, граничащие со смертью, когда ты чувствуешь за собой руку Закона, который так или иначе, рано или поздно, но не позволит безнаказанно проливать твою кровь, не уподобит тебя простой бутылке с квасом, которую, проходя, вылил на мостовую кто-то пьяный и беззаботный.

Не страшно умирать, когда ты еще веришь в совесть убийцы, и думаешь, что в ней он найдет, рано или поздно, свою кару.

Но страшно умирать, но невыносимо больно страдать, когда это происходит на площади, среди бела дня, под равнодушными взорами людей и самого Неба, — и знать, умирая, что нет совести у убийцы, что он сыт, весел и богат, что под покровом лживых слов он не только не потерпит кары, но *заслужит* чей-то восторг, чье-то уважение и низкие поклоны. Страшно, когда детишки голодны и умирают, а убийцы сыты, и Троцкий в свой рот опрокидывает последнюю бутылку молока. Страшно знать, что для мертвецов не хватает могил в Петрограде, а для этих господ открыты дороги не только на Принцевы острова, но и по всему миру, что с их награбленным богатством им доступны все лучшие климаты, все лучшие места продажной земли. Невыносимо думать, умирая, что на чьих-то бесчеловечных весах ты вешишь не больше мошки и твоя драгоценная жизнь выбрасывается из мира, как плевков.

И я не знаю, насколько моя вера в *человека* может найти себе отклик в мученическом Петрограде: *там* едва ли верят теперь не только в человека, но и в Бога. И это: потеря всех верований в человеческую и божескую справедливость, безнаказанное попрание всех высших свойств человеческой души есть страдание большее и горшее несравненно, нежели все физические муки в большевистских застенках. Оттого мы все почти сумасшедшие, оттого даже наиболее стойких из нас лишь тонкая грань отделяет от последнего отчаяния и самоубийства. Трудно сохранять жизнь — почти счастьем кажется избавление от нее.

Кто знает — быть может, и это мое обращение к тебе есть также сумасшествие, которым я охвачен наравне с другими: может быть, *тебя* нет совсем, и я ловлю руками только призрак

человека... Нет, я верю в тебя, но скажу горькую правду: все силы свои должен я собрать для этой веры, для этого неуместного вопля, все бесплодие которого минутами так ясно представляется моему уму. Нет, я еще верю в тебя — и сделай же так, человек, чтобы моя вера стала верою и тех несчастных, кто сейчас, в эту минуту, томится отчаянием в беспросветном Петрограде и уже поднимает руку, чтобы убить себя и своего ребенка. Это гибнет душа человека.

Мой друг, встань и протяни нам руку!

Каждый отдельный француз — я обращаюсь к тебе и тебя зову. Пусть или слабосильны или ошибаются твои вожди — исправь их ошибки и твоей силою умножь и подкрепи их силу! Еще ребенком я научился любить и уважать тебя, француз, и в истории твоей жизни искать великих образцов рыцарства и великодушного благородства. От тебя я узнал о свободе, равенстве и братстве, с ними жил всю жизнь, с ними хочу и умереть⁹. С тобою я плакал, когда Германские полчища топтали твою прекрасную Францию¹⁰, и знаю, что ты не засмеешься над моими теперешними слезами.

И ты, каждый отдельный англичанин, к тебе я обращаюсь: спаси наши души! Это ты, на твоем языке, создал этот призыв, который стал законом на всех морях и властно поворачивает к гибнущему судну носы всех кораблей¹¹ — и ты не оставишь его звучать напрасно. Когда Германия во весь голос распевала о своей ненависти к тебе, уже тогда в ее голосе звучали страх и сознание неминуемой гибели: она знала, что это ты тот человек, у которого слово подобно закону и обещание равно исполненному делу. Нас еще надо называть по имени, но достаточно сказать одно слово — человек, чтобы сразу узнать англичанина. Встань же, человек, и протяни руку: здесь гибнут люди, здесь гибнут женщины и дети.

И ты, каждый отдельный американец, — тебя я зову. Ты молод и богат, ты широк духом и энергичен, ты хочешь, чтобы факел твоей свободы бросил свет и на далекую Европу, — приди же и взгляни, как нам тяжело, в каком бесчеловечном рабстве томится наше тело и наш дух. Только взгляни и, уверяю тебя, ты ужаснешься, проклянешь тех обманщиков и лжецов, что эту злейшую тиранию выдавали тебе за порыв к свободе всего русского народа.

И ты, каждый отдельный итальянец, — и ты, японец, швед, индус, и кто бы ты ни был; среди всех народов существуют благородные люди, и каждого человека я зову — каждого в отдельности. Ибо настало время, когда не за кусок земли, не за господство и деньги, а за человека, за его победу над зверем, должны бороться люди всей земли.

Поймите, что это не революция, то, что происходит в России, уже началось в Германии и оттуда идет дальше! Это Хаос и Тьма, вызванные войною из своих черных подполий и тою же войною вооруженные для разрушения мира.

Пусть ваши нерешительные правительства дают оружие и деньги — вы, люди, дайте самих себя, вашу силу, мужество и благородство. Пусть отдыхает усталый, пусть в свою теплую нору забирается малодушный, пусть спит, кто может спать в такую страшную ночь, но вы, кто силен и не устал, в ком бьется мужественное сердце — идите на помощь людям, гибнущим в России!

Организуйтесь!

Только твердо организованная, *разумная* сила в состоянии бороться с безбрежным хаосом, с бесформенным, широким, всепроникающим Бунтом. Огонь не тушат огнем, и всякая вооруженная, но не твердо организованная, неразумная толпа, вышедшая на борьбу с бунтом, сама становится достоянием бунта и только усиливает пожар.

Строго проверяйте самих себя, идите только с ясным сознанием высокой цели, иначе вы сами погибнете на пути.

Нельзя посылать пьяниц на охрану винных погребов — нельзя слепому поручать охрану маячных огней!

Организуйтесь!

Формируйте батальоны и армии! Я думаю, в этом помогут вам и ваши правительства, нерешительность которых исчезнет перед вашей благородной волей. Малыми силами, которые ныне разрозненно и одиноко вступают в борьбу с большевиками, только затягивается борьба и проливается лишняя человеческая кровь. Голый Разум не властен над ними: что значит сам Сократ против пулемета? Они знают только силу и только силе способны они подчиниться. Всякая слабость, хотя бы слабость ребенка или женщины, укрепляет их, в крови они черпают ярость и веселье. Но перед организованной и твердой силой они падут бесшумно — без выстрела, без того сопротивления, которое вызывает неизбежное убийство и кровь. Их просто не станет, они исчезнут, растают, как тает тьма перед светом, — кто убивал когда-нибудь темноту? Не надо будет убивать — и этого великого счастья вы достигнете *силой*.

Организуйтесь!

Мое последнее обращение — к тебе, журналист, кто бы ты ни был, англичанин, американец или француз. Поддержи мою мольбу о гибнущих людях!

Я знаю — сотни миллионов денег брошены на подкуп печати, тысячи станков фабрикуют и выбрасывают ложь, тысячи

лжецов кричат, вопят, мутят воду, населяют мир чудовищными фантомами и масками, среди которых теряется живое человеческое лицо. Самый воздух подкуплен и лжет: эти фальшивые радио, что дьявольскими кругами опутывают всякую редакцию, эти ночные вести, что назойливо стучатся в дверь, лезут в уши, мутят сознание. Но я знаю и другое: как есть люди среди двуногих, так есть и люди-журналисты, те, кому издавна присвоено имя рыцарей Св. Духа, кто пишет не чернилами, а нервами и кровью, и к ним я обращаюсь... к каждому в отдельности!

Помоги! Ты понимаешь, в какой опасности человек... Помоги!

Но скорей, скорей!

Что еще сказать тебе, мой друг? Скорей — приходи скорей!

Финляндия, 6 февраля 1919 г.

2. ДЕРЖАВА РЕРИХА

...Рерихом нельзя не восхищаться, мимо его драгоценных полотен нельзя пройти без волнения. Даже для профана, который видит живопись смутно, как во сне, и принимает ее постольку, поскольку она воспроизводит знакомую действительность, картины Рериха полны странного очарования: так сорока восхищается бриллиантом, даже не зная его великой и особой ценности для людей. Ибо богатство его красок беспредельно, а с ним беспредельна и щедрость, всегда неожиданная, всегда радующая глаза и душу; видеть картину Рериха — это всегда видеть *новое*, то, чего вы не видали никогда и нигде, даже у самого Рериха. Есть прекрасные художники, которые всегда кого-то и что-то напоминают. — Рерих может напоминать только те чарующие и священные сны, что сняты лишь чистым юношам и старцам и на мгновение сближают их смертную душу с миром неземных откровений. Так даже не понимая Рериха, порою не любя его, как не любит профан все загадочное и непонятное, толпа покорно склоняется перед его светлой красотой.

И оттого путь Рериха — путь славы. Лувр и музей Сан-Франциско, Москва и вечный Рим уже стали надежным хранилищем его творческих откровений!; и вся Европа, столь недоверчивая к Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику. Сейчас, когда величие и будущность России так страшно колеблются на мировых весах, этот *дар* художника мы, русские, должны принять с особым трепетом и благодарностью...

Но ни простодушный, взволнованный профан, ни художественный схоласт в его специфических восторгах перед мастерством Рериха не могут в полной мере насладиться своеобразным гением художника, не имеющего себе подобных: это дано лишь тому, кто сумел проникнуть в мир Рериха, в его великую державу, кто сквозь красоту письмен смог угадать и прочесть их сокровенный смысл. Рерих не слуга земли — он создатель и повелитель целого огромного мира, необыкновенного государства, где живут. Колумб открыл Америку, еще один кусочек все той же знакомой земли, продолжил уже начертанную линию — и его до сих пор славят за это. Что же сказать о человеке, который *среди видимого открывает невидимое* и дарит людям не продолжение старого, а совсем новый, прекраснейший мир.

Целый новый мир!

Гениальная фантазия Рериха достигает тех пределов, за которыми она становится уже *ясновидением*. Так описывать свой

мир, как описывает Рерих, может лишь тот, кто не только вообразил его и воображает, но кто видел его глазами и видит его постоянно. Образы невещественные, глубокие и сложные, как сны, он облакает в ясность и красоту почти математических формул, в красочность цветов, где за самыми неожиданными переходами и сочетаниями неизменно чувствуется правда Творца. Свободное от усилий, легкое — как танец, творчество Рериха никогда не выходит из круга божественной *логичности*; на вершинах экстаза, в самом ярком хмелю, в самых мрачных видениях, грозных и многозначных, как вещания Апокалипсиса — его богом остается блаженно гармоничный Аполлон. Странно сказать: при изображении своего *субъективного* мира, Рерих достиг той степени *объективности*, при которой самое невероятное и надуманное, как какие-нибудь «лесовики» или «дом духа»², становятся убедительным и несомненным, как сама правда: он видел это. Высшая ступень творчества, последний шаг ясновидения: времена Рерих словно фотографирует картины и образы своего несуществующего мира: так он реален. Странно сказать: вид обреченного города³, «фасад» дома Духа!.. Или он существует?

Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем орловская губерния или королевство испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте — об его людях — об его страхах, радостях и страданиях — о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война — там есть даже пожары, с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не знает земная география, скалы у его берегов, как скрижали завета. Тут знают многое, тут видят глубоко; в молчании земли и небес звучат глаголы божественных откровений. И, забываясь, можно по-смертному позавидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит — видит! — такой прекрасный мир, мудрый, преображенный, прозрачно светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей.

Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом Севера. Это мне кажется ошибкой — Рерих не слуга земли ни в ее прошлом, ни в настоящем: он весь в *своем* мире и не покидает его. Даже там, где

художник ставит себе скромною целью произведение картин земли, где полотна его называются «покорением Казани» или декорациями к норвежскому Перу Гинту⁴ — даже и там он, «владыка нездешний», продолжает оставаться творцом нездешнего мира: *такой* Казани никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в грезах своих, когда во имя Христа, во имя своей крестьянской, христианской, апостольской России поднимал меч на басурман; но очень возможно, что именно *такую* Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазер и печальный неудачник Пер Гинт — Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля — и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским «нездешним» берегам.

Но для этого надо любить Север. Дело в том, что не занесенная на карты держава Рериха *лежит* также на Севере. И в этом смысле (но только в этом) Рерих единственный поэт Севера, единственный певец и толкователь его мистически-таинственной души, глубокой и мудрой, как его черные скалы, созерцательной и нежной, как бледная зелень северной весны, бессонной и светлой, как его белые и мерцающие ночи. Это не тот мрачный Север художников-реалистов, где конец свету и жизни, где Смерть воздвигла свой ледяной, сверкающий трон и жадно смотрит на жаркую землю белесыми глазами — здесь начало жизни и света, здесь колыбель мудрости и священных слов о Боге и человеке, об их вечной любви и вечной борьбе. *Близость* смерти дает только воздушность очертаний этому прекрасному миру... и ту легкую, светлую, почти бестрепетную печаль, которая лежит на всех красках Рериховского мира: ведь и облака умирают! Ведь умирает и каждый восход! Так ярко зеленеть, как у Рериха, может только та трава, которой ведом за ее коротким летом приход зимы и смерти...

И еще одно, важнейшее, можно сказать о мире Рериха — это мир правды. Как имя этой Правды, я не знаю, да и кто знает имя Правды? — но ее присутствие неизменно волнует и озаряет мысли особым странным светом. Словно снял здесь художник с человека все наносное, все лишнее, злое и мешающее, обнял его и землю нежным взглядом любви — и задумался глубоко. И задумался глубоко, что-то прозревая... Хочется тишины, чтобы ни единый звук, ни шорох не нарушил этой глубокой человеческой мысли.

Такова держава Рериха. Бесплодной будет всякая попытка передать *словами* ее очарование и красоту: то, что *так* выражено красками, не потерпит соперничества слова и не нуждается в нем.

Но — если уместна шутка в таком серьезном вопросе — то не мешает послать в царство Рериха целую серьезную, бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут *историю* этой новой земли — и заносят ее на карты человеческих *откровений*, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства.

3. [ФИНЛЯНДИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НЕЗАВИСИМА...]

Финляндия должна быть независима, раз таково желание и воля финского народа.

Когда это говорит русский, живущий в Финляндии, его утверждение кажется вынужденным и неискренним: чей хлеб, того и пшенки пою. Как русский, живущий в Финляндии, может говорить иначе? Изгнанник и беглец, лишенный родины и государственной защиты, ограниченный в правах, выселяемый, переселяемый, с трудом терпимый — он весь с своею жизнью висит на тоненькой ниточке гуманности. Вдруг оборвется? Если всякий иностранец просто имеет право жить в Финляндии, то русскому предоставлена только обязанность: ежедневно благодарить за гостеприимство, посылать соответственно горячие телеграммы по начальству и восторгаться великодушием финского народа, который не высылает его в Россию под большевистские расстрелы. В любую минуту любой русский может быть отослан в Белоостров¹, что формально звучит совсем прилично, а по существу значит — поставлен к стенке. Кто за него заступится? До Бога высоко, а до Вильсона далеко, да и не тем занят Вильсон.

Так обстоит дело с русским, который просто спасает свои животы и хочет только жить, хоть как-нибудь да жить. Но еще хуже с теми русскими, которые хотят не только жить, но и работать над восстановлением разрушенной России. Если первому нужно только притаиться, да не особенно громко кашлять, когда глотает гостеприимно сосчитанный кусок хлеба, чтобы не обращать на себя особого внимания, то второму необходим известный простор для его деятельности, другими словами — зависимость его от Финляндии становится особенно велика. Нынче генералу Юденичу разрешено обучать 250 русских добровольцев, предназначенных для отвоевания России от миллионной армии большевиков, но завтра эти 250 титанов могут быть сведены к сотне, а послезавтра и совсем упразднены². Какой же русский при этих условиях осмелится сказать, что он — против финляндской независимости? И большевики просто глупы, когда ихний Чичерин нотою запрашивает финское правительство об организации юденцевских отрядов и чем-то грозит³ — им достаточно прислать десяток ражих агентов, которые во весь голос проорали бы: мы, Россия, против финской независимости! — чтобы здешнее русское «контрреволюционное» ядро было приведено к счастливому небытию. А может быть, большевики не так глупы и уже делают это?

Я глубоко уверен, что сами финны едва ли довольны своим отношением к русским, и та горечь, с какою я только и могу говорить о нашем положении, является для них вполне понятной. Но от этого не легче. И если финские низы безотчетно не доверяют русскому, доводя порою свое недоверие до слепой ненависти, как это свойственно всем *низам*, то и верхи, интеллигенция и правительство, в сознании собственной несправедливости могут черпать то же и даже еще более крепкое недоверие к русским. «Как эти люди, которым так *плохо* живется в Финляндии, могут хорошо относиться к нам и желать независимости тому самому финскому народу, который ныне столь тяжело накладывает на них свою руку?» — вот мысль, которая естественно является у самого доброжелательного финляндца, когда он видит русских, оттаптывающих пороги учреждений «за разрешениями», или читает в финских газетах некоторые статьи, полные злобы, презрения и оскорблений по отношению к измученной России. И я чувствую ту слегка брезгливую усмешку, с какою он читает заявления русских газет о «признании финской независимости»⁴, — он не доверяет! Только бесчестный или глупый судья верит признанию, вырванному под пыткой или угрозой, — честный отворачивается от него.

4. ИНТЕРВЬЮ С ЛЕОНИДОМ АНДРЕЕВЫМ

№ 1

/.../ Тихий и скромный, постаревший от одухотворенного одиночества, писатель принял нашего корреспондента. После большевистского переворота он живет в Финляндии, на своей даче в деревне Ваммельсуу. Сейчас он приехал в Хельсинки, чтобы повидать своих здешних знакомых. Он — единственный представитель русской литературы, у которого была возможность выехать из России за границу. Короленко проживает в Полтаве, а Максим Горький работает среди большевиков. О судьбе других писателей он не осведомлен. Многие, быть может, из-за невыносимых обстоятельств покончили с собой. В России сегодня ведь много таких случаев. Ориентацию Горького на большевиков писатель не считает серьезной. — Впрочем, — сказал писатель, — уже прошло много лет с тех пор, как я имел с ним дело.

О своей литературной деятельности Леонид Андреев рассказал, что она прервалась сразу после большевистской революции. — Три года, — сказал писатель, — я почти ничего не писал. Только последней зимой я написал роман «Дневник Сатаны». Это фантастический роман, героем которого является дьявол. Действие романа происходит в довоенные годы. Он пока что остается в рукописи. Из-за границы я, правда, получил предложение опубликовать его, но согласия пока еще не дал. Напечатаю его, может быть, в Америке¹.

После этого разговор перешел на положение на родине писателя.

— Положение России, — сказал Леонид Андреев, — столь несчастное и жалкое, что хуже быть не может. Поневоле возникает вопрос, существует ли Россия? Многие отвечают на него отрицательно. Я считаю, что Россия уничтожена как государство, но русский народ существует и будет существовать. Россия уничтожена, ее уничтожила гражданская война, и положение, в котором сегодня находится русский народ, действительно ужасно.

— По-моему, сейчас можно сравнить русский народ с больным человеком. Вначале больной может поправиться еще сам, но, по мере того как болезнь развивается, наступит время, когда больной не сможет сам себе помочь. Он в лихорадочном бреду, и другие должны доставить его в больницу. Россия сейчас именно в таком бредовом состоянии и нуждается в помощи других. Если организм больного человека ослабел и болезнь сильна, он умрет. Организм русского народа крепкий, это один из самых здоровых

народов мира, и благодаря этому, хотя он и сильно болеет, вынесет болезнь и выздоровеет.

— Когда болен человек, организм которого слаб, он в лихорадочном бреду лежит незаметно, тихо, крепкий же человек шумит и рушит все вокруг себя в бреду. Так обстоит дело сейчас с русским народом. Только крепкие народы могут заболеть так сильно, как сейчас болеет русский народ.

— В отношении выздоровления этого народа я совершенно спокоен. Посмотрите на Хельсинки: сколь тверда основа, на которой воздвигнут этот город. Так у и русского народа. И его основа тверда, хотя чужой глаз не сразу это заметит.

— Как долго будет длиться эта болезнь? На этот вопрос трудно ответить, потому что развитие болезни очень сложное. Для того, чтобы Россия смогла стать на ноги, нужно, по-моему, по крайней мере два года... не больше. Но ей потребуется десять лет, может быть и дольше, чтобы выздороветь окончательно.

Писатель еще долго говорил о судьбе своей родины. Он с горечью упоминал о союзниках, которые не могут эффективно помочь России, потому что они потеряли свою нравственную силу. Союзники лишились доверия народов, так как не осуществили тех великих лозунгов, за которые они на словах сражались во время войны.

После этого разговор перешел на положение нашей страны. Леонид Андреев сперва обратил внимание на ту странность, что когда финн спрашивает русского, признает ли тот независимость Финляндии, то он не верит в правдивость ответа, если ответ оказывается положительным². Это следствие прежних политических обстоятельств. — Я считаю, — сказал писатель, — что если бы старая Россия вела себя иначе по отношению к Финляндии, то мы, русские, стояли бы гораздо выше в глазах финнов, чем теперь. Бюрократическое правительство России как будто установило стену между народами Финляндии и России, и поэтому финны не знают настоящей России. Они знают только Бобрикова, Сейна и других представителей бюрократии, но не сам русский народ и не его интеллигенцию. За этой бюрократической стеной были скрыты истинное лицо русского народа и его культура. Я не признаю ни насилия, ни угнетения, и я уверен, что наступит время, может быть, даже скоро, когда Россия и ее правящие круги признают независимость Финляндии и когда финны перестанут бояться России и ожидаемого с ее стороны нападения. Только тогда возможно взаимопонимание и сближение. Кстати, разумеется, что установление хороших отношений между Финляндией и Россией во многом будет зависеть от того, как финны сейчас относятся к

русским, которые в силу сложившихся обстоятельств вынуждены были покинуть свою родину и теперь ищут здесь убежища.

Леонид Андреев сказал, что он через несколько дней уезжает из Хельсинки обратно в Ваммельсуу, оттуда позже, осенью, поедет за границу, — по всей вероятности, в Америку. Если еще до этой поездки Петроград будет отвоеван, то писатель переедет туда. Семья же писателя по-прежнему останется в Финляндии.

№ 2

Вчера представитель «Ууси Суоми» получил возможность взять интервью у приехавшего в Хельсинки известного русского писателя Леонида Андреева. Г.А[ндреев], который уже два года живет в Финляндии, в деревне Ваммельсуу около Териоки, намерен в ближайшее время, может быть, уже в октябре, уехать за границу, в Америку, где он с женой, по всей вероятности, останется на продолжительное время.

Писатель Андреев, приехавший в Финляндию в 1917 г. сразу после того, как началась революция в России, рассказал нашему представителю, что он в последнее время почти совсем не занимался литературной деятельностью. После того, как большевизм пришел к власти, его литературное творчество ограничилось несколькими политическими статьями. Кроме них он в феврале этого года написал антибольшевистскую брошюру S.O.S. (save our souls = спасите наши души). Произведение опубликовано, в частности, на французском и английском языках, и, например, в Англии продано уже более 1 миллиона экземпляров¹. По словам писателя, единственное художественное произведение этого периода — роман «Дневник Сатаны». Произведение это связано отнюдь не с большевизмом, как можно предположить по названию, а со временем до великой мировой войны.

На наш вопрос о связях г.А[ндреева] с большевистской Россией он ответил, что ни о каких связях, естественно, не может быть и речи. За два года, спокойно проведенных им на своей даче, он не получал почти никаких сведений с родины. Говорят, что брат г.А[ндреева], офицер русской армии во время войны, пытался пешком бежать в Сибирь, но и о нем больше не было слышно².

Однажды большевики предложили А[ндрееву] поступить к ним на службу. Ведь на их сторону перешли такие выдающиеся личности, как Шалапин и Горький. Однако А[ндреев] не стал даже

обдумывать это предложение. Он, между прочим, сказал, что не понимает, почему, например, Шалапин поступил на службу к большевикам. Когда Ленин пришел к власти, еще была возможность бежать из России. Благодаря своему голосу Шалапин мог бы устроиться за границей так же хорошо, как и у большевиков.

Что касается Максима Горького, то его поведение г.А[ндреев] из-за старой дружбы не пожелал комментировать. Однако А[ндреев] не верит сведениям, что Горький убит, как сообщалось в некоторых телеграммах³.

— Я вовсе не считаю Горького страстным большевиком, — сказал г.А[ндреев]. — Но ведь он всегда был революционером. Из-за своих идеализма и утопичности он не заметил зверства большевиков. Это мое мнение.

— Ситуация на моей родине сейчас печальна, — сказал писатель. — Ждали помощи, уже несколько раз ходили слухи о том, что она скоро будет, но все надежды оказывались напрасными. Европа, наверное, еще не вполне осознала, какую серьезную опасность представляет для нее учение Ленина. Если бы великие державы имели об этом ясное представление, то, я уверен, они оказали бы помощь и нашей стране и как можно скорее. Я слышал, говорят, что дни большевизма сочтены. Но на чем основаны такие утверждения? В прошлом году положение Ленинского государства было довольно шатким, теперь же оно лучше, чем когда-либо прежде. И в каждой стране есть люди, в характере которых большевизм находит благоприятную почву. И через них Европе придется испытать те же ужасы, что России сейчас.

— Я считаю, — продолжал А[ндреев], — что Ленин и Троцкий являются людьми, которые отнюдь не способны на оценки более широкого масштаба. Они смотрят только одним глазом, другой же они, должно быть, нарочно закрывают. Они бесчестные вожди народа. Они не отреклись от власти, хотя им должно уже быть совершенно ясно, что большевизм вовсе не на благо стране, во главе которой они стоят. Я думаю, они будут держаться за власть до самого конца, то есть до того момента, когда Европа наконец спасет Россию.

Когда Россия наконец освободится, — а я уверен в том, что большевизм уже не может быть продолжительным на моей родине, — то устои, вероятно, будут перестроены совсем по-новому. Возможно, что в России опять будет монархическая форма управления, но однако же не под руководством Романовых, потому что вера в Романовых умерла навсегда. Их слабость общеизвестна.

Насчет отношений между Финляндией и Россией мне трудно что-либо сказать. Но в кругу моих знакомых царит мнение, что

взаимным интересам обеих стран отвечало бы установление между ними прочных дружеских отношений. Большая Россия, на мой взгляд, ни в коем случае уже не хочет привязать Финляндию к себе. Финляндия приобрела независимость своими силами и может ее сохранить. Естественно, в России, как и во всех странах, есть шовинисты, которые не могут видеть, как их родина все более дробится, но у них не будет большого влияния.

Я очень надеюсь, что Европа наконец начнет энергично помогать восстановлению порядка в России. С этой целью — открыть Европе глаза — я и написал книжку «Спасите наши души». Как тонущий радиотелеграфист не видит, кому он направляет свой призыв о помощи и кто примет международный сигнал бедствия, и я не знаю, именно к кому надо обратиться. Я посвятил книгу всем, кто занимается этим делом и кто в нем разбирается. В книжке я показываю гнилость большевистского учения и гибель, к которой оно ведет. Помощь необходима и как можно скорее. Ибо если помощь и далее будет откладываться, то я не знаю, останется ли что спасать. И если большевизм беспрепятственно распространится за пределы России, то я уверен, что никакая сила на свете уже не сможет его задушить. Тогда всей Европе и всему миру придется присоединиться к призыву S.O.S.

Отсюда мы с женой поедem в Америку. Я хорошо чувствовал себя в Финляндии, и моя семья, то есть моя мать и дети, по-прежнему останется здесь, но сам я уже обещал выступить с докладами во многих штатах Америки. В то же время я надеюсь, что там вдалеке я смогу вновь всецело отдаться литературной деятельности, в которой так долго был почти полный застой. И кроме того, я надеюсь, что состояние моих нервов там несколько улучшится. Надеюсь достичь хотя бы отчасти такого душевного состояния, какое у меня было в молодости, когда я работал бедным журналистом в Москве⁴. Тогда в России еще имелись идеализм, чистые идеи. Была и революционность, но та революционность была нечто совсем иное, чем то, что я теперь, двадцать лет спустя, видел своими глазами.

Писатель грустно хмыкнул. Однако в его глазах были надежда и вера в то, что его родина, которую он так горячо любит, еще освободится от своего кошмара. На прощание мы пожали руку нашему любезному хозяину и поблагодарили его. Он устремил на нас несколько испытующий взор и медленно произнес:

— Так приятно встретить понимание в чужой стране.

5. ЕВРОПА В ОПАСНОСТИ

1. Революция и Бунт

Начало этому страшному периоду положила Россия. Сильная, талантливая, но малокультурная и дурно управляемая, она восстала первой и первая всеразрушающий огонь войны перевела в пламя Революции. Это было два года тому назад, в мартовские иды 1917 года и в тот день она была великой Империей. А ныне — это груда обломков и мусора без названия, кровавый хаос братоубийственной войны, слезы и гибель миллионов людей, страдания всего народа, дантовский ад, воплощенный в действительную жизнь.

Кто свершил это страшное превращение? Многие отвечают: Революция. Нет! Это злодеяние свершил Бунт, который родился одновременно с Революцией, уподобился ей на время, украл ее лозунги и извратил их, обманул народы — и удушил свободу и всякую жизнь. Трагической борьбой между Бунтом, который яростно нападает, и Революцией, слабо обороняющейся, знаменуются первые революционные месяцы вплоть до того дня, когда в октябрьском тумане и тучах закатилось солнце Революции, победоносный Бунт вступил в управление Россией, и настало *их царство*.

Кто же они, эти Революция и Бунт?

Они дети единой матери, эти Революция и Бунт. Они близнецы. Они рождаются одновременно; и также одновременно родились они в России, когда рокового 27 февраля 1917 года раскрылись тюрьмы и одновременно выпустили на волю *политических и уголовных*. В один день, почти в один час была дана свобода и людям совести и долга, томившимся под тяжким ярмом самодержавия — и людям злой и преступной воли, тупого ума и низкой души, стремящейся к личному и корыстному.

Но тогда это делалось под красным и священным знаком Свободы, в чудесном зареве догорающего романовского трона; тогда было все радостно и прекрасно, и оба малютки были так невинны, и трудно было догадаться, что это родились на свет Каин и Авель. И невозможно было предугадать, глядя на невинно играющих детей, что наступит урочное время — и Каин убьет Авеля. И что Каин оставит на земле свое проклятое каиново отродье, а несчастный и благородный Авель может погибнуть бесследно. Как Ева, ошибалась щедрая мать — Свобода, отдавая сосцы своим малюткам.

Это происхождение Революции и Бунта от одного корня, эта их разительная схожесть в детские годы, не позволяющая своевременно отличить убийцу от жертвы — это и есть самая большая опасность для *всякой* Революции. Больше того: сын Адама остается сыном Адама и после убийства, и в чертах его человеческого лица, искаженного страданиями, возмущением и грехом, мы всегда найдем нечто, близкое и нашей страдающей душе. Разве не было попыток сделать героя и из Каина? А найдя близкое и оправдав убийцу — навеки установим и допустим Каинов закон убийства наряду с Авелевым законом миролюбия.

Откуда родится Бунт? Из недовольства своим положением и стремлением всего живого к полной и *неограниченной* свободе. Каковы методы Бунта? Разрушение. Каковы его орудия? Огонь, пожары, меч и топор, насилие и убийство.

Откуда родится Революция? Из недовольства существующим и стремления к *большей* свободе. Каковы видимые методы революции? Разрушение. Каковы ее орудия? Огонь, пожары, меч и топор, насилие и убийство.

Вот то роковое и не только внешнее сходство, которое позволяет существовать вместе всемертвящему Бунту и всеживящей Революции, осложняет, путает, обманывает, сбивает с толку наиболее умных, наполняет всякую революционную эпоху масками и фантомами, подделками и ложью. Ибо в схожих до обмана, почти однородных действиях, выкриках и лозунгах совершенно скрывается, тонет и пропадает то единственное, но великое *различие*, которое Революцию, даже самую жестокую, делает *живой* водой, а Бунт — водою мертвой. Это различие — Мысль. Бунт есть начало чисто стихийное, лишенное мысли. Революция — полна мысли, она сама есть ничто иное, как восставшая мысль. Поэтому бунтовать могут даже и лошади, и всякая конюшня знает немало случаев такого буйства. Поэтому революцию могут делать только люди. Поэтому темные и восставшие рабы, лишенные сознания, могут произвести только огромный *беспорядок*, страшное уничтожение, великий *погром*, но Великой Революции им не свершить никогда.

Роковому обману, мешающему отличить яд от лекарства, действует то, что Бунт не имеет собственного языка. Когда Бунт возникает один, он только *мычит*, как разъяренное несчастное животное. Когда Бунт возникает рядом с Революцией, он целиком берет ее язык, ее лозунги, даже ее наиболее осознанные программы: у него те же флаги, он кричит о той же свободе, он требует того же равенства и братства, — он «гражданин». И это обманывает всегда благородную, всегда возвышенную Революцию:

в тех, кто вчера еще только мычал или безмолвствовал, а сегодня восторженно (о, слишком восторженно!) вторит ее речам, она видит своих последователей, своих друзей и братьев, не догадываясь, что имя этого брата — Каин, и узнавая об этом слишком поздно, о, слишком поздно!

Бунт слеп, бунт стихийен, бунт лишен мысли — и в этом его извечный ужас для человечества. Лишенный зрения, он ничего не видит ни впереди, ни позади себя, не знает ни друзей, ни врагов, ни надежных союзников. Да их и нет. Сколько бы ни участвовало в бунте миллионов людей, они ничем не соединены, они всегда только случайный *скоп*, но никогда правильные ряды; и каждый участник бунта всегда есть один и единственный, потому что он знает, помнит и ощущает только *себя*. Поэтому бунтующие так легко и внезапно могут обращать оружие друг против друга, подчиняясь случайному импульсу или властному окрику, и всегда ссорятся при дележе.

Лишенный мысли, Бунт не знает будущего: его предел — настоящее, его закон и мечта — сейчас и во что бы то ни стало. Лишенный *идеи*, он не знает других целей и побуждений, кроме удовлетворения своих желаний, хотя бы всему миру это грозило бы опасностью, обнищанием, даже гибелью. Когда голодный *революционер* попадает в царский сад, он срывает яблоко, не трогая дерева; когда в тот же сад попадает такой же голодный и обездоленный бунтарь, он ломает все дерево. И ему напрасно говорить: не ломай дерева, ты сам погибнешь от голода! — он этого не понимает. Как вечным чувствовал он свой голод, так вечной ощущает он свою мгновенную сытость. Так внешне содействуя и уподобляясь, он убивает Революцию, истинная и высокая цель которой — не уничтожить и не расточить, а умножить сокровища земли.

Ибо в противоположность бунту, Революция бескорыстна, и все цели ее в будущем. Ломая, уничтожая, даже жестоко убивая и проливая кровь, она думает не о себе, а о тех грядущих, кто счастливо войдет в уготованный ею вертоград. Уничтожает она ненужное, убивает мешающее, разрывает цепи. Когда Бунт безгранично вожделея к безграничной свободе и самоудовлетворению, разрушает винные склады, чтобы до скотства напиться и в угарном хмелю найти новый кровавый бунтарский пафос, — Революция разрушает тюрьмы, чтобы освободить для жизни новых свободных граждан. Ах! — разве у Революции не такое же пустое брюхо, как у Бунта! Но меньше всего она думает о своем брюхе и охотно идет на голод и холод настоящего только для того, чтобы будущему было тепло и сытно.

Когда Бунт чувствует себя в силе, он безгранично свиреп и жесток. И он же, этот беспощадный Бунт, бесконечно, до гнусности труслив и подл, когда сила [не] на его стороне. И никто с такой легкостью не переходит от самой надменной позы к жалкому коленопреклонению, как Бунт, и никто так не равнодушен к стыду, совести, *суду потомства*. Суд потомства! — как он может тронуть того, кто во всем мире знает и отличает только себя и совершенно недоступен мысли о будущем!

И насколько труслив и подл Бунт, как бы ни были законны его *основания*, настолько Революция честна и мужественно бесстрашна. Непрерывно жертвуя собою, своею кровью и жизнью для блага грядущих, единственную награду для себя она видит именно в суде потомства, в тех чувствах благодарности и любви, которыми бесконечно долго будет озарена их светлая память. Баснословные Гармодий и Аристокитон, убившие тирана¹, непреклонный Брут, великий Гарибальди будут любимы до тех пор, пока не сойдет с ума все человечество и не станет на четвереньки, как зверь без прошлого и будущего.

2. Их приход

Русский большевизм начался с двойной измены: измены императору Вильгельму и измены Революции. Став платным слугою Германии и обязавшись исполнять ее волю, он тайно стремился к собственным целям, среди которых было и разрушение германской империи. Назвавшись вождем русской Революции, он тайно подчинял ее велениям и целям германского штаба, главной из коих было разрушение русского великого царства. Ворующий слуга и продажный вождь, он явился на свет, как образ двуличья и лжи, измены и предательства; и с цинизмом, достойным сатаны или идиота, первую свою газету он назвал «Правда».

Его прибытие в немецких вагонах было встречено французской «Марсельезой»². Ложь была слишком очевидна и Революция почувствовала себя в опасности; но тщетны были все голоса предостережения, тщетно Плеханов проклинал изменников и отказывался подать руку «пломбированным»³ — темные и наивные массы были обмануты и газета Горького писала: «добро пожаловать!», немедленно посвятив Троцкого и Луначарского в звание своих сотрудников⁴. Так впервые смешались ложь и правда, и Бунт в крепком объятии соединился с Революцией с тем, чтобы только один вышел живым из этих смертоносных и предательских объятий.

И тогда начались эти иступленные и шамански однообразные крики о «буржухах», «контрреволюции», «немедленном мире без аннексий и контрибуций», о «буржуазной клевете», «империалистах», «социал-предателях» и о «ноже в спину революции». Однообразные, часто совсем непонятные для темной массы, они покрыли столбцы всех газет, родившихся от «Правды» и немецких денег; они действовали как заклинания, волнуя, зажигая, путая и сбивая с толку наиболее искренних и честных. В то время, как честная Революция одинокими голосами звала к подвигу и работе, от которых зависит *общее благо* народа, эти бесчисленные звали к покою, к безделью, к отказу от всякого труда. Немедленный мир, хотя бы и похабный! Немедленный раздел и захват земли! Немедленная социализация! Грабь награбленное! Кто был ничем, тот станет всем!⁵ Весь воздух был полон этих коварных призывов, в которых хриплый и пьяный голос Бунта так искусно и цинично сочетался с заповедными лозунгами Революции — ими дышала армия на фронте, быстро разлагаясь, как труп под солнечными лучами, и превращаясь в толпу крикунов, дезертиров и убийц — ими волновалось глухое крестьянство, приступая к первым погромам — ими насыщались фабрики и заводы, замирая в роковой бездеятельности — ими грезил голова каждого раба, у которого нет ни прошлого, ни будущего, а только томление и голод.

Лозунги Революции всегда общечеловечны. Для нее, как и для Бога, ценен *всякий* человек. Как сама восставшая Справедливость, она охраняет и любит каждого и устанавливает права *человека*. У нее нет любимцев, нет привилегий, нет сдобного куска для одного и мякины для другого. Свобода, равенство и братство. Вот незыблемый закон Революции, нарушив который она перестает быть сама собою и превращается в подобие кровавой и разрушительной войны, где победа принадлежит не честному, но только сильному и лучше вооруженному. Здесь конец ее жизнетворящему Духу. И пусть могучее сопротивление сложившихся отношений и форм, роковое и неизгладимое различие между умным и глупым, высоким и низшим препятствует ей осуществить ее благородные и общечеловеческие цели — другого хотеть она не может!

И слово *человек* было выкинуто из большевистского словаря. Простым и грубым приемом, подобным удару мясницкого ножа, весь бесконечно разнообразный мир человеческих существ был разделен на две половины: буржуазия, которая не должна иметь ни прав, ни власти, и «революционного пролетариата», которому отдаются все права и беспощадная диктатура над целым народом. В этом до нищенства упрощенном виде встает мир перед глазами

ослепленного раба, и всей своей бунтарской громадой он стекает под большевистские знамена. Урошливый ублюдок, дикая поmessя Революции и Бунта, свободы и тирании, большевизм гордо поднимает над народом свою маскарадную рождественскую харю и объявляет себя единым и истинным Богом революции. Как божественную власть имеющий, как сам папа, он отлучает от церкви всех, несогласных с ним: сперва отдельных лиц, вроде Плеханова, потом целые группы профессоров, ученых, офицеров, потом классы, потом и самые революционные партии, которые он именуется социал-предательскими. И испуганная Революция, вдруг поставленная под подозрение, робко жмется пред Самозванцем, который лжет ее языком, пишет на ее бланках и ставит внизу ее царственные печати.

Это был тот страшный момент, когда вся Россия оказалась в полном трагическом смещении всех своих живых сил, — и бунтарских и истинно революционных. Дурман, как во сне, как в тяжком хмелю от ханжи. Это были те страшные дни, когда оглошшая, полуослепшая Революция, сбитая с толку услужливо-наглым и лживым Бунтом, перестала понимать самое себя и начала с ужасающей быстротой терзать и терять своих друзей. И это было началом того необыкновенного периода, когда в русскую Революцию вступил новый герой — Дьявол.

Нет, я не шучу, когда говорю о Дьяволе, живущем в людях, об этом великом мастере лжи и обмана, знаменитом комедианте, устройтеле беспримерных исторических маскарадов, где его любимой маскою является костюм святого. Это он ослепил и запутал, смешал все карты, в дикую гущу превратил все лозунги и в противоестественном союзе сочетал жертву — Революцию и ее убийцу — бессмысленный, стихийный, кровавый русский Бунт. Доселе таившийся, в июльские дни он впервые открыто явил свой бессмысленно жестокий и трусливый лик, возвысил свой гнусаво революционный голос:

— Смерть буржуйам! Вся власть советам! Смерть! Смерть!

Правда, его прогнали — *но его не узнали*. Дальше Тарнополь, позор и бегство русской армии, убийства и погромы, эта воистину дьявольская месса⁶. Тут на минуту мелькнуло что-то вроде сознания, слишком ясно и слишком близко почувствовалась гибель, слишком определенно и нагло прозвучал обман — но и тут он остался неузнан, этот Дьявол, этот бессмысленный и страшный Бунт, Каин, убивающий своего брата. Ибо прошла только неделя — и снова загундосил он свои «революционные» псалмы и снова пополз под ноги Революции — услужливый, покорный, льстивый, заботящийся только о ее благе и здоровье, но с каждым днем на-

глюющий. И снова смешались все карты, и в удушливом облаке обмана, лжи и предательства вырос этот трагический образ генерала Корнилова.

Здесь глумливая улыбка Сатаны переходит в громкий и злоеший смех — над Разумом, над помраченной совестью всей несчастной России, и Бунт торжествует свою первую решительную победу. Когда растерявшийся Керенский призывает на помощь большевиков, и все вместе, правительство и германские агенты, *спасают* родину и революцию от Корнилова, это слишком походит на бред тифозного, на самоубийство в припадке белой горячки, чтобы быть признанным за акт разумной воли. Все чувства извращены и самый инстинкт самосохранения покидает обреченного. Каин — спаситель и благодетель Авеля! Германские агенты — отцы отечества!

Бунт признан. Бунт увенчан лаврами и ходит, величаясь. Уже не скрываясь и не прячась, он открыто вооружает красную гвардию, обучает ее всенародно, как стрелять по правительству, требует ружей и патронов; назначает и меняет дни восстания, чуть не расклеивает афиши, как приезжий цирк «с разрешения правительства». По всей России с чудовишной быстротой растут погромы, убийства и пожары — Бунт попал в наезженную колею, заповеданную отцами, и отовсюду скалит свои зубы. Всюду учреждаются «народные охраны революции», эти будущие чрезвычайки. Убийства офицеров в Выборге⁷, убийства, убийства... Обреченная Революция мечется в смертельной агонии, то проклиная своего будущего убийцу, то припадая на его братскую грудь, все еще веря его братскому сердцу. И так до октябрьских сумрачных дней, когда тяжелая дубинка Каина с треском дробит братнюю голову и начинается *их царство*.

Если Ленин когда-нибудь мечтал о том, чтобы стать великим социальным реформатором, то мечты его рушились бесславно и жалко. Все, что он сумел добиться, — это стать только Пугачевым. Зачатый во лжи, рожденный в атмосфере измены и уголовной каторги, отбросивший все человеческое и нравственное, как ненужный балласт, он явился магнитом, притягивающим к себе все порочное, тупое и зверски ничтожное. Новый «собиратель Руси»⁸, он собрал всю каторжную, всю черную и слепую Русь и стал единственным в истории повелителем царства нищих духом. Ни одному народному вождю не удавалось собрать под свои знамена столько воров, убийц, злых выродков, такую колоссальную армию тупых и зверских голов! Кого он ни зовет, к нему приходят только воры, среди которых бесследно теряется кучка честных, но не мудрых фантазеров, обманутых невежд да слепых, как

совы, и бесчувственных доктринеров. Если не всякий большевик — негодяй, то все негодяи России станут большевиками, как они были и станут черной сотней, как они готовы стать всем, что даст им деньги и безнаказанность.

Двадцать пятого октября 1917 г. русский стихийный и жестокий Бунт приобрел голову и подобие организации. Это голова — Ульянов-Ленин. Это подобие организации — большевистская Советская власть.

Их царство⁸.

.....

*Воспоминания
современников*

(1918—1919)

1. Эльве [Л.М.Василевский]
К ЮБИЛЕЮ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА (1918)

Я посетил, по дороге в Гельсингфорс, Леонида Андреева на его известной даче в Райвола¹, на Черной речке.

Мой приезд почти как раз совпал с днем двадцатилетнего юбилея художественной деятельности Андреева: в первый раз милый, трогательный «Баргамот и Гараська» появился в пасхальном номере московской газеты «Курьер», 8 апреля 1898 года².

За два десятилетия славного и плодотворного писательства у нынешнего юбиляра не было ни одного года без какой-либо художественной вещи; только за последний год, такой кровавый и лихорадочный, писатель не написал решительно ничего беллетристического.

В первые месяцы революции Леонид Андреев, по чувству гражданина, несколько раз выступал с горькими и гневными памфлетами, пропитанными пафосом и скорбью³.

За последние же месяцы он и совсем замолчал: «Нет сил говорить вполголоса, а в полный голос — пока невозможно.

Все слова уже сказаны, — с горечью говорит писатель, — и не словам возродить Россию. Конечно, печать нужно сохранить до лучших дней, как держат под парами котлы в машинах, в ожидании начала работ. Но писать по-настоящему сейчас невыносимо».

Только в такое дикое время могло пройти неотмеченным в литературе такое явление, как юбилей крупного и своеобразного художника слова.

2. С.Животовский
НА ПОХОРОНАХ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА (1919)

Эта смерть — какой-то символ.

Еще один акт русской трагедии.

Еще одна победа на стороне большевиков.

Не так давно посол Максима Горького был у Л.Н.Андреева с предложением двух миллионов рублей за участие в большевистском книгоиздательстве¹.

И писатель из народа (Леонид Николаевич — крестьянин Орловской губернии²) отнесся к этому предложению, как к большевистской бомбе. Он отбросил его с негодованием.

Совсем недавно большевики с аэроплана сбросили бомбы у дачи Андреева³.

Ради душевного покоя, опасаясь за участь семьи, Л[еонид] Н[иколаевич] переехал к своему старому другу Ф.Н.Фальковскому в Мустамяки.

На днях он собирался отправиться в Америку с целью противобольшевистской пропаганды.

Но слабое сердце не выдержало.

Двенадцатого сентября, около 4-х часов дня, он прилег отдохнуть после обеда и начал читать своей жене из новой рукописи «Дневник Сатаны».

Но сейчас же почувствовал себя дурно.

Жена вышла в соседнюю комнату за каплями, а когда вернулась, то застала мужа в бессознательном состоянии. И к 8-ми часам вечера, когда приехал доктор, Леонида Андреева не стало.

Он умер в рассвете своего мощного таланта, не дождавшись освобождения горячо любимой им России от кошмарного ига большевизма.

Его мощный крик о помощи «S.O.S.» к торжествующим победу «союзникам» оборвался, не достигнув цели.

Еще недавно я видел писателя едущим в Гельсингфорс.

Среди остальной публики он со своей гривой развевающихся по ветру волос казался могучим львом.

«Я сам себе сделал лицо», — сказал он устами профессора Сторицына в своей пьесе⁴.

И те, кто не знал Леонида Андреева, все равно обратили бы внимание на этот прекрасный духовный человеческий образ среди других людей.

Недаром еще Бальзак сказал, что выдающегося по уму и таланту человека так же легко узнать в толпе, как и идиота.

Среди нас, в тылу, это была такая же сила, как Колчак, Деникин и Юденич на фронте.

И вот его не стало.

Остатки русской интеллигенции в Финляндии остались без своего вождя.

За его гробом шла кучка людей очень немногочисленная.

В день похорон многие еще и не знали о его внезапной смерти.

Другие, хотя и знали, но не могли приехать, потому что не имели разрешения на проезд от властей⁵.

А третьи, потому, что смерть русского писателя...

А впрочем — стоит ли говорить об этих третьих: пусть они сидят в своих имениях и ждут не дождутся, что кто-то для них освободит от большевиков Петроград и они снова вернутся в свои дома, фабрики, конторы и будут приводить в порядок дела.

Юные художники — финн И.Иконен и поляк В.Щепанский зарисовали портрет покойного⁶. Скульптор Баумштейн снял гипсовую маску⁷. Приехала отдать последний долг артистка Мариинского Государственного театра Л.Н.Егорова и артисты работающей в Усикирке кинематографической труппы во главе с режиссером Г.А.Кролем⁸. Ближайшее участие в горе семьи покойного писателя приняли писатель Ф.Н.Фальковский, артистка Р.С.Лорк, семейство С.Л.Гуревича, Б.И.Гессен, присяжный поверенный Каплан, кн. Н.Трубецкой, Н.И.Полешко и другие. За гробом шли и крестьяне-финны из Мустаяк.

Впрочем, были похороны, но не было погребения. Гроб был поставлен в гранитной часовне, где, запаянный в цинке, будет ждать освобождения Петербурга⁹.

И тогда освобожденная столица похоронит своего большого писателя с подобающими почестями.

По злой иронии судьбы, семья покойного писателя, заработавшего большие деньги, осталась на чужбине без всяких средств к жизни.

Только потому, что кристально честный Леонид Андреев не пошел на сделку с совестью и не искусился тридцатью сребренниками в виде двух миллионов, предложенных ему Горьким. По той же иронии судьбы не далее тридцати шагов от исторической теперь часовни с прахом Леонида Андреева красуется богатая вилла «пролетария всех стран» Максима Горького¹⁰.

И глядя на нее, я вспомнил другую виллу Горького на острове Капри и фразу гида, предложившего мне осмотреть эту виллу:

— Ну и ловкие же у вас в России социалисты, — сказал он, — в теории одно, а на практике вот... — И он указал пальцем на «Палаццо Горкий».

3. П.О. [С.В.Животовский] У ГРОБА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА (1919)

Это случилось так неожиданно, что в день похорон, 14 сентября, не многие в Финляндии знали о катастрофе, происшедшей в даче Ф.Н.Фальковского в Мустаяках.

У меня в Усикирке собрались артисты во главе с артисткой Мариинского театра Л.Н.Егоровой и оператор для работы по

постановке сценария «Под игом большевизма». Вдруг приезжает наш режиссер Г.А.Кроль и говорит:

— Господа, случилось несчастье: скончался Леонид Андреев; сегодня похороны.

Конечно, мы бросили нашу работу, сделали венок, кое-как достали лошадей и, известив по телефону кого только могли, поехали в Мустамяки.

Здесь узнали кошмарные подробности. Вчера из петли вынули мать покойного. Старуха не в силах была перенести страшного горя и хотела покончить с собой у тела обожаемого сына¹.

Жена покойного и четверо детей остались без средств.

Я уже писал, что недавно с большевистских аэропланов сбросили бомбы у дачи Андреева.

Это заставило покойного перевести семью подальше от границы, и он приехал к своему старому другу Ф.Н.Фальковскому всего неделю тому назад.

А в пятницу, 12 сентября, около 4 часов дня, пообедав, он в виде отдыха стал читать своей жене рукопись из «Дневника Сатаны». И сейчас же почувствовал себя дурно.

Жена вышла в соседнюю комнату за водой, а когда вернулась, то Леонид Николаевич находился уже в бессознательном состоянии. Приехавший в 8 часов вечера врач мог только констатировать смерть.

Большевики могут праздновать победу. Для русской интеллигенции в Финляндии Л.Андреев в тылу был тем же, чем Юденич на фронте. Только на днях он собирался ехать в Америку для противобольшевистской пропаганды.

Еще недавно Максим Горький предлагал ему два миллиона рублей за участие в совдеповском книгоиздательстве. Но писатель из народа, крестьянин Орловской губернии Леонид Андреев оказался неподкупным.

Он обратился к умиротворенной Европе в своем «S.O.S.» с призывом о помощи. И с этим криком на устах скончался, никем не услышанный и не дождавшийся освобождения Петрограда.

Но его еще не похоронили.

Его гроб, запаянный в цинке, поставлен в гранитную часовню, по иронии судьбы, в одном саду с пустующей дачей Максима Горького, и будет стоять здесь до взятия Петрограда русскими войсками. И тогда освобожденная Россия предаст земле своего большого писателя с подобающими почестями.

4. Мария Иорданская
ЭМИГРАЦИЯ И СМЕРТЬ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
(Воспоминания. 1920)

I

Февраль 1918 г.

Поезд в Финляндию должен был отойти в шесть часов вечера. Но было уже половина девятого, а поезда еще не подавали. На полу платформы, оцепленной красноармейцами, на чемоданах и узлах скорчившись и коченея от мороза, в безмолвном тоскливом ожидании сидели люди. Несмотря на то, что пропуска были у всех проверены при входе, от времени до времени появлялся вновь красноармейский контроль и снова начиналась проверка документов.

— Я совсем заоченел. Лучше ходить, а то, кажется, точно примерзаешь к чемодану, — услышала я знакомый голос.

— Леонид Николаевич? — С поднятым меховым воротником, низко на лицо надвинутой шапкой и весь осыпанный снегом, ко мне подошел Леонид Николаевич.

— Сколько времени нас продержат еще на этом морозе? — говорил он. — Неизвестно, может быть, всю ночь. Убеждаю брата Андрея не ждать моего отъезда и отправляться домой. Не хочет, говорит, что не скоро опять увидимся.

Оглушительный шум прервал нас. Толпа вооруженных матросов с криком и бранью хлынула на платформу, требуя немедленной подачи поезда и отдельных вагонов для себя. Поднялась невообразимая ругань, суэта, давка, пальба на воздух из револьверов и винтовок. В результате всего этого гама поезд был, однако, через четверть часа подан и сейчас же тронулся. Очень скоро после октябрьского переворота, рассказывал, когда мы тронулись и устроились в вагоне, Леонид Николаевич, он уехал с семьей в Финляндию к себе на дачу и не думал о возвращении в Петроград во время большевистского владычества. Но известие о тяжелой болезни матери, захворавшей воспалением легких, заставило его, несмотря на опасность, которой он подвергался в Петрограде, еще *в последний* раз приехать туда.

«Больше месяца прожил у сестры¹, скрываясь, — говорил Леонид Николаевич. — В мою квартиру за это время несколько раз являлись с обыском, все перерывали — вещи, книги, бумаги, письма. Меня искали. Старались угрозами принудить прислугу сказать, где я. Очень редко, под вечер, выходил немного подышать воздухом.

Могли арестовать и на улице, если бы узнали. Брат Андрей все время волновался, что задержат сейчас, при отъезде». Каждый день, рассказывал Леонид Николаевич, ему приносили из его квартиры груды писем. В них называли его и «гнусным прихвостнем и содержанцем буржуазии», и «предателем рабочего класса», и «наемником империалистов всех стран», зовущим к продолжению мировой бойни. Грозили — расправой, самосудом, убийством.

«Группа солдат», матросы такой-то части, «группа рабочих» или просто одна или несколько незнакомых фамилий — вот каковы были подписи под этими письмами. Были и обыкновенные, безграмотные, анонимные письма, полные непристойной личной брани. В вагоне было полутемно. Единственный фонарь, освещающий его, горел слабо и тускло. Лицо Леонида Николаевича было совсем в тени, и я слышала его глухой, с перерывами, голос, говоривший: «Хотели арестовать меня и в 1905-м году. Вечером предупредили, пришлось в ту же ночь собраться и нелегально, через Финляндию, выехать за границу. Может быть, надолго². Но тогда это не огорчало, не пугало. Я знал тогда *для кого* пишу. *Кто* читает меня. Знал также и то, *кому* нужен был мой арест. *Кто* угрожал расправой. Получал и тогда много писем. Были тоже от солдат, от матросов... Да, писали тогда, пишут мне и теперь... Но какие письма!.. Кто из тех, что называют меня “гнусным наемником”, грозят самосудом, убийством, читал меня? Читал Красный Смех, Царь Голод, Савву? Знают мое обращение “К Солдату”. Это знают, но и то из третьих рук — обрывки в передаче ораторов³. Скажите — для кого же писал я всю жизнь? Для кого писал?» — отрывисто и настойчиво повторял Леонид Николаевич.

Поезд шел медленно, останавливаясь подолгу на каждой станции. Хлопали двери, звеня ружьем взад и вперед проходили матросы — вагоны их были рядом, и наш разговор на время прерывался.

«Матери было плохо, очень плохо, — опять говорил Леонид Николаевич, — боялись, что не выдержит сердце. Теперь, слава Богу, поправляется, могу вернуться к своим. Из дому получал отчаянные известия: ничего достать нельзя — дети голодают. Знаете, что в моем чемодане, который я так нежно все время прижимаю к себе? Вы думаете книги? Рукописи? Письма любимой женщины? Ни за что не угадаете! Там хлеб!.. Два хлеба, немного крупы, муки и сахару — для детей. С каким трудом удалось мне достать все это. С каким трудом... Могли сегодня все отнять — конфисковать на вокзале. Но Андрей нес чемодан, а у солдат

вещей не осматривают. Завтра утром, когда дети проснутся, у них будет хлеб...»

«А вы, как живете? Как журнал*4? Думаете продолжать издавать?» — спрашивал меня Леонид Николаевич. Я сообщила ему, каким образом покончил свое существование журнал, в котором в 1902-м году он начал свое сотрудничество рассказом «Мысль» и в котором в течение пятнадцати лет принимал постоянное участие⁵. Рассказала, как даже двор типографии, в которой печаталась и скоро должна была выйти очередная книжка⁶ журнала, был весь покрыт ключьями печатной бумаги, брошюрованными листами, кусками обложки, страницами рукописей. Кипы еще не использованной бумаги обливались водой из пожарной кишки отрядом прибывших из Смольного красноармейцев. Пол наборной и прилегающих к ней помещений был покрыт толстым, в несколько вершков, слоем рассыпанного шрифта.

«Конечно, “известный революционер” Плеханов печатал свои статьи о войне в “Современном Мире”⁷. Чего же вы хотите после этого?» — отвечал мне Леонид Николаевич.

«Хлеб, мир и свобода⁸! Хорошие слова, — продолжал он. — На деле голод, гражданская война, расстрелы, удушение печати... Что будет дальше?..»

Было около половины двенадцатого ночи, когда поезд подошел к Териокам. Здесь проверял документы пассажиров, по вагонам, сам знаменитый Кальянен*9, любивший собственноручно расстреливать у стены вокзала из своего револьвера «контрреволюционеров». Бывший актер — он был одет с крикливой театральностью. На голове — нечто вроде шлема, украшенного петушиными перьями и красной кокардой. Через плечо — красный шарф. То же красный шарф высоко обмотан кругом пояса. На рукаве — красная перевязь, в петлицах — красные розетки и даже на плечах, со спускающимися в виде эполет концами — красные банты.

«Какой шут, — тихо сказал мне Леонид Николаевич, когда в противоположных дверях вагона появилась, в сопровождении большой свиты, эта удивительная фигура. — Но какой опасный, злобный шут и сколько жизней от него зависит». Кальянен поравнялся с нами. «Больше с этим в Петроград не поедете! — резко бросал он, рассматривая пропуск Леонида Николаевича. — От русского штаба теперь не годится. Должны получать в красном финском штабе. Последний раз едете. Обратного не пропущу».

«И не надо, — наклоняясь ко мне, проговорил Леонид Николаевич, когда Кальянен отошел от нас. — Не скоро поеду теперь в Петроград, долго еще не поеду».

Подъезжали к остановке Тюрисево. Леонид Николаевич начал собираться. Он решил выйти здесь, а не на следующей станции Райвола, где выходил всегда раньше, когда выезжали его встречать, потому что пешком до дому было отсюда немного ближе.

«Тяжело будет в шубе, с вещами идти около шести километров, с моим больным сердцем, — говорил Леонид Николаевич. — Дойду часам к трем ночи. Не скоро и достучишься, пожалуй».

«Отчего бы Вам не оставить свой чемодан на станции и завтра прислать за ним?» — предложила я.

«Что Вы! Ведь я же сказал Вам, что там хлеб. Хлеб, которого так ждут дети».

Я вышла на площадку вагона проводить Леонида Николаевича. Раскачивающийся от ветра, на высоком столбе, большой электрический фонарь широким колеблющимся кругом освещал пространство около станции. Снег продолжал идти густыми частыми хлопьями. Никто не выходил здесь из пассажиров, ни одного человека не было видно и на станции. Леонид Николаевич еще раз кивнул мне издали, и его наклоненная вперед, немного согнувшаяся под тяжестью ноши, фигура, очень скоро переступила за черту освещенного фонарем круга и перестала быть видной.

II

Февраль 1919 г.

Прошел год. Леонид Николаевич жил в Финляндии. Мне с детьми приходилось оставаться в Петрограде — питаться изредка казенной восьмушкой хлеба и испытывать на себе все блага большевистских декретов — о выселении, уплотнении, налогах на кровати, матрацы, одеяла, теплые вещи и тому подобные предметы роскоши, выдуманные «праздными буржуями».

Наконец, голод и болезнь заставили и меня уехать из Петрограда в Финляндию.

Был морозный день в середине февраля, когда я вновь увидела Леонида Николаевича в Тюрисево, где он поселился с семьей на зиму. Мне показалось, что он сильно похудел, постарел за этот год. Вокруг глаз, около рта легли новые, скорбные черты. Шел в перемену общий разговор. Год не видались. У меня были последние новости с родины. Все расспрашивали: Леонид Николаевич, Анна Ильинишна¹⁰, Анастасия Николаевна¹¹. Леонид Николаевич ходил взад и вперед по комнате, много курил, отрывисто бросал вопросы: «Как существует интеллигенция, писатели, с кем из них мне приходилось встречаться, говорить?»

Запуганная, подавленная, апатичная интеллигенция, думающая только о куске хлеба. Писатели с именами, как Куприн, Сологуб, — в нужде, проедающие последние крохи, продающие свои вещи, платье, книги... Жены писателей, переутомленные тяжелой работой. Дети больные от истощения. Многие из этого Леонид Николаевич, конечно, слышал и раньше, и все-таки по тем замечаниям, которые он от времени до времени вставлял, и по нервности его движений, чувствовалось, насколько эти знакомые ему рассказы его вновь волнуют.

«А Горький? Его роль? Его издательство¹²?» — спрашивал Леонид Николаевич. Пришлось подтвердить на примерах, что тем из писателей, кто раньше не входил в кружок приближенных Горького, не числился в рядах его единомышленников и почитателей (эти, конечно, были давно устроены), тем — безразлично именитым или скромным труженикам, приходилось одинаково плохо. Голод, словив их, в конце концов вынудил идти к Горькому, как милости просить у него работы, в некоторых случаях защиты. Горький не отказывал. Он давал работу, «помогал». Но немногие из голодных и нищих теперь товарищей Горького по перу тепло вспоминают встречи с ним, его отношение — прием... И, по-видимому, из стремления к равенству, он оплачивал иногда одинаково и работы переводчиц, едва знавших тот язык, с которого они переводили, и научные статьи известных профессоров и предисловия именитых писателей к сочинениям старых авторов. С именем, с литературными заслугами, с самолюбием инакомыслящих не считались.

«Да, Горький, Горький, — задумчиво говорил Леонид Николаевич, — приходилось слышать и об этом. О многом приходилось слышать...»

Он перестал ходить и, прислонясь спиной к изразцовой печи, глядя прямо перед собой, точно во что-то внимательно всматриваясь, продолжал: «Сколько раз за годы, что я знаю Горького, случалось говорить о нем, горячо спорить о его искренности! Помните, как-то давно я рассказывал Вам о кружке беллетристов в Москве¹³. Собиралось много народу. Приходила молодежь, начинающие. Но были и Бунин, Скиталец, Серафимович, Телешов. Говорили о литературе, читали свои новые рассказы, спорили и неизбежно в конце вечера, когда оставался только тесный кружок, разговор переходил на Горького и его искренность. Однажды Вересаев, в тот вечер как раз собрались у него, выведенный из терпения безрезультатностью этих споров, предложил: "Господа, раз навсегда решим не касаться проклятых вопросов. Не будем говорить об искренности Горького". Мы все рассмея-

лись и больше об этом, действительно, не говорили. Так и теперь. Не хочется говорить. Читаешь интервью иностранных корреспондентов с Горьким¹⁴. Он заявляет, что он не коммунист, *не сочувствует советской политике, осуждает террор*, но работает с ними. За громадные деньги продает им свои сочинения, берет от них миллионы на казенное советское издательство, покрывает своим именем их безобразия. Не верит им, не верит в них, и это называет "идти с народом"... Нет, лучше не касаться проклятых вопросов», — закончил Леонид Николаевич с грустной иронией.

«А все-таки, — помолчав, продолжал он, — интеллигенция и писатели, как бы тяжело им ни было, должны идти работать к Горькому. Это тяжелая жертва, но они должны ее принести». «Да, должны, — решительно подтвердил он. — Они не имеют права умирать с голода, не имеют права гасить тот свет, который они обязаны сохранить для народа. Они должны жить. В кровавой борьбе погибли уже лучшие силы. Народ почти обезглавлен. Его мозг обескровлен, потому что тысячами уничтожены интеллигентные, передовые, талантливые люди. Немногие уцелевшие должны жить!»

В издательстве Горького — деньги народа, и писатели могут их брать. Народу же вернут они их, отдав ему свои творческие силы, когда свободная родина потребует этого от них. Но они должны дожить до этого!»

Леонид Николаевич замолчал. Разговор перешел на жизнь в Финляндии. Анна Ильинишна, Анастасия Николаевна рассказывали о страшном голоде здесь в прошлом, 1918 году. О том, как трудно было жить большой семьей в восемь человек, доставать для детей самое необходимое. Жили замкнуто, одиноко. Знакомых на Черной Речке не было никого. Очень редко из России доходили известия, всегда печальные, всегда волнующие. Родные: второй сын Леонида Николаевича, Данила, остался в Москве у тетки, сестра с детьми, братья¹⁵ тоже были в России, о них ничего не было слышно. Осенью пришлось переехать в Тюрисево. Леонид Николаевич работал всегда по ночам, ложась спать на рассвете. Все труднее стало доставать керосин, и отсутствие света вынудило взять в Тюрисево эту квартиру с электричеством. Здесь жизнь пошла живее. Приезжали беженцы, завязались отношения с Териоками, карантин¹⁶. Оттуда становились известными последние новости из Петрограда. Образовался и круг знакомых. В Гельсингфорс и Выборг Леонид Николаевич выезжал очень редко. Коснулись оживленной деятельности черносотенцев в Финляндии, их погромных воззваний, монархических прокламаций¹⁷. «Вас изумляет, — говорил Леонид Николаевич, — их количество

здесь? Ничего нет удивительного. Слишком близко отсюда Россия, а там, — там их много. Этот элемент, такой гибкий в своей подлости, уцелел повсюду. Его потери сравнительно ничтожны с теми, какие понесла демократическая интеллигенция. Она открыто боролась, не хотела приспособляться, не могла мириться с кровавым террором большевизма и стала поэтому первая его жертвой. Черносотенцы, всегда в рядах палачей, пригодились и большевикам. Бывшие пристава, околоточные, городовые, жандармы, где они? В чрезвычайках. А где студенты, офицеры, врачи, священники, учителя, рабочие? Сколько тысяч их расстреляно?.. И страшно подумать, что может быть близко то время, когда эти черные врачи родины попытаются овладеть ею, беззащитною, измученною, и снова полетит кровь!» Голос Леонида Николаевича звучал печально и глухо, глубокая поперечная складка разрезала лоб. Усталым движением он приложил руку к виску. «Опять начинается головная боль, целыми неделями иногда не дает работать».

Перешли из комнаты Леонида Николаевича в столовую. Вспоминали общих знакомых. Леонид Николаевич оправился, шутил. Делились местными Тюрисевскими новостями. Эмигрантский круг здесь и в Териоках, в которых приходилось вращаться Андреевым, состоял из «бывших» дельцов, преимущественно. Писателей, интеллигенции здесь не было. От нечего делать по вечерам играли в карты.

«Не можете себе представить, каким я сделался здесь картежником, только и думаю о картах, — шутил Леонид Николаевич. — А мать, ее увлечение принимает угрожающие для семьи размеры. Последний грош проигрывает, скоро и с себя все проиграет». Анастасия Николаевна добродушно смеялась: «Слушайте, слушайте его, уж он обо мне наскажет».

Пили уже не первый самовар.

«Слышали, как приезжал Гржебин? Желал со мной видеться?»¹⁸ — спросил Леонид Николаевич, протягивая руку к Анастасии Николаевне за следующим стаканом чая. — Конечно, просил ему передать, что видеть его не желаю, но все-таки в убытке не остался. Вернул мне старый долг, — Леонид Николаевич рассмехался. — Помните!..» Дело заключалось в том, что доверенное лицо издательства Горького, Зиновий Гржебин, три года назад выдал без ведома Леонида Николаевича на несколько тысяч векселей за подписью «Леонид Андреев». Леонид Николаевич с изумлением узнал об этой операции, когда векселя оказались опротестованными, и ему пришлось по ним уплачивать. Это было для него тогда нелегко, но со свойственной ему тонкой иронией, он

только добродушно шутил над этим и в банке дело с фальшивой подписью, конечно, замаял¹⁹. «Он и Тихонов приезжали, от имени Горького, покупать мои сочинения для своего издательства. Конечно, ни в какие переговоры с ними не вступил» — «Два миллиона предлагали», — вставил кто-то из домашних. Леонид Николаевич недовольно нахмурился. «Я не желаю этого знать! ”S.O.S.“ печатается²⁰ и скоро выйдет, — переменял он разговор. — Нашелся человек, который ассигновал десять тысяч на то, чтобы перевести и по телеграфу послать эту вещь в Париж, в Лондон — в газеты. Эти деньги положат начало агитационному фонду, а он нужен, очень нужен²¹. Большевики миллионами печатают и распространяют свои брошюры, листки, воззвания, переправляют их через все границы, стараются засыпать ими²². Не дремлют и черносотенцы, уже не первый погромный листок выпускают здесь. А мы бессильны, нет настоящих людей, нет денег на агитацию, совсем не организована пропаганда. Все, кто читал ”S.O.S.“, возлагают на него большие надежды. Думают, что европейское общественное мнение не может не откликнуться. Да, не может не откликнуться», — убежденно повторил он.

На мой вопрос о беллетристической работе Леонид Николаевич отвечал, что снова взялся теперь за временно прерванный «Дневник Сатаны». «Не было настроения для беллетристики, не писалось. Чувствовал себя плохо, мешали работать постоянные головные боли».

Был уже шестой час вечера. Я напомнила Леониду Николаевичу, что он сегодня еще зван к знакомым на блины и не должен из-за меня опаздывать. Скоро опять увидимся. «Ну, как Вы нашли Леонида? — спрашивала меня тревожно Анастасия Николаевна, когда Леонид Николаевич вышел переодеться. — Правда, изменился, похудел? Если бы Вы знали, как он много волнуется, как ему тяжело и как это плохо отражается на его сердце...» Я успокаивала ее, как могла, убеждала, что все это ей только кажется. Леонид Николаевич выглядит прекрасно. Но на самом деле это было не так.

III

Август 1919 г.

Только осенью, в конце августа²³, мне пришлось снова увидеться с Леонидом Николаевичем.

Общие знакомые передавали, что он готовится к поездке в Лондон, Париж, может быть, Америку, думает прочитать там ряд

лекций, ознакомить общественное мнение Европы и Америки со всеми ужасами большевизма. Хотелось поговорить с Леонидом Николаевичем перед его отъездом. Леонид Николаевич всегда любил море. Раньше, до войны, он по неделям жил на своей моторной лодке, предпринимая на ней довольно далекие путешествия. Эти поездки были его любимым летним отдыхом, укреплявшим его здоровье и нервы. Последние годы он был лишен этого. Дача, в которой это лето жили Андреевы, стояла на берегу, и сад спускался к самому морю. Леонид Николаевич еще отдыхал, когда я пришла, и Анастасия Николаевна и Анна Ильинишна рассказывали о нем: мало ест, совсем перестал спать, только ненадолго днем ложится, недавно был обморок. А как волновался в июне, когда обстреливали Кронштадт²⁴. Да и теперь так сильно действует на нервы постоянная стрельба с моря из большевистских орудий. А по ночам тревожные лучи прожекторов по всему небу, аэропланы, сбрасывающие бомбы над Териоками и Тюрисевым. Из России известия о тысячах взятых большевиками заложников, о все не прекращающихся расстрелах²⁵. Вот в какой атмосфере жил все лето Леонид Николаевич. С кем-то из беженцев, месяца два назад, от сестры Риммы ему передали записку. Анастасия Николаевна заплакала.

«Не знала сначала, что была записка, — рассказывала она, — но чувствовала, что что-то случилось. Леонид был ужасно взволнован, шептался о чем-то с Аней, собирался в Выборг. Мне ничего не говорили. Леонид боялся за мое сердце. И вот недавно все-таки дозналась. Нашла записку. "Дорогой брат, — писала Римма, — спаси моих детей и меня от голодной смерти. Сделай все, что можешь, чтобы взять нас к себе. Умираем". Анастасия Николаевна говорила тихо, с перерывами, слезы мешали ей говорить. — Утешал меня потом Леонид, по голове гладил. "Не плачь, мать, все сделаю, все устрою, не плачь". Показывал прошение, которое тогда же отправил в финляндский сенат с просьбой о разрешении въезда сестре и детям. Хорошее такое прошение написал, душевное. Ответа еще нет. Ждем». (Так и умер Леонид Николаевич, не дождавшись ответа на свое прошение²⁶). Вошел Леонид Николаевич. На этот раз его сильная худоба, глубоко запавшие печальные глаза, больной измученный вид и крайняя нервная напряженность бросались в глаза.

Перешли с балкона пить чай в комнату.

Последней новостью было внезапно образовавшееся на днях в Ревеле Северо-Западное Правительство. Леонид Николаевич говорил о нем с горечью. Обстановка, в какой сформировалось это «Русское Правительство», по приказу английского генерала Мар-

ша, больно задевала национальное чувство Леонида Николаевича²⁷.

«Эстония, Латвия, Карелия, их судьба всех беспокоит, — заговорил Леонид Николаевич. — А Россия? Ее судьба? Кто думает о ней? Кого она тревожит?» Его глаза с настойчивым тяжелым вопросом обвели присутствующих. Лицо казалось сразу потемневшим, скорбным.

«Здесь ничего не знают достоверно, — прервал тягостное молчание Леонид Николаевич. — Все слухи, часто противоречивые. Раз навсегда решил ничему не верить и все-таки однажды попался. В июне все говорили: "Петроград взят". Не верил. Вызывают к телефону из Выборга: "Кронштадт взят". — Не поверил. И так держался целых пять дней — ничему не верил. Что случилось со мной потом, сам не понимаю. Приходит вдруг человек, заведомо мне известный враль, и сообщает: "Кронштадт взят, сам читал утром в штабе телеграмму". Я заколебался — "сам видел в штабе телеграмму", и вдруг поверил. Заволновался, куда-то заспешил, стал обсуждать последствия взятия Кронштадта... Видеть этого человека с тех пор не могу. Не могу ему простить, — добавил Леонид Николаевич, — что несколько часов подряд был дураком по его милости»²⁸.

Заговорили о предстоящем отъезде за границу. «Начал понемногу готовиться — приводить в порядок заметки, бумаги, но когда поеду еще наверное не знаю, — сказал Леонид Николаевич. — На днях буду в Гельсингфорсе, там окончательно решу. Возможно, что и отложу отъезд — могут еще здесь понадобится мои силы. Если осуществится мой план широкой организации здесь антибольшевистской пропаганды, тогда, конечно, останусь. Буду работать здесь, раз представится возможность интересной и нужной работы. До сих пор ведь ничего не сделано в этом направлении. Возможно, что и теперь из-за различных трений ничего не выйдет. В ближайшие дни вопрос должен наконец решиться».

Речь шла о том, чтобы Леонид Николаевич стал во главе отдела пропаганды, организация которого предполагалась при Северо-Западной Армии, но встречала сильные препятствия в интригах разных кружков, группировавшихся вокруг генерала Юденича. Мысль эта очень увлекала и волновала Леонида Николаевича. Леонид Николаевич встал и, подойдя к столу у окна, стал разбирать лежавшую на нем грудку газет. «Здесь подобран для Вас комплект Бурцевского "Общего Дела". А вот нашел его наконец! В последних номерах есть статьи Алексинского²⁹. Как хорошо, что ему удалось бежать. Зимой, по Вашим рассказам о нем, я на это не надеялся». И он передал мне пачку газет.

«Жаль уезжать отсюда, а надо. Жаль моря, жаль широкого вида, — глядя в окно, говорил Леонид Николаевич. — В ясные дни весь *тот* берег виден отсюда. Красная Горка, Ораниенбаум, Сестрорецк. А Кронштадт, маяк, форты — это хорошо видно и без бинокля. Когда горел Кронштадт, какое страшное зрелище это было. Видно было, как бушевал огонь, и багровое зарево на той стороне не погасало больше суток. Страшное зрелище. Теперь, по ночам, оттуда со стороны моря прилетают к нам большевистские аэропланы. Между двумя и тремя часами ночи слышится отдаленное жужжание. Потом все громче, ближе — наконец удары взрывов, несколько подряд. Потом гул моторов постепенно удаляющийся, затихающий вдали. Это — каждую ночь прилетает оттуда смерть — летит низко, кажется, сейчас заденет крыльями за деревья — запутается в них. Сделает свое дело и улетает, чтобы завтра опять в тот же час вернуться³⁰».

Темнело, и я стала прощаться. Леонид Николаевич вышел на балкон.

Он остановился в дверях в рамке окружавших балкон, уже по-осеннему пожелтевших кустов, на фоне расстилавшегося моря, с виднеющимися на горизонте туманными очертаниями берегов родины, такой близкой и в то же время бесконечно далекой — тоскующий и скорбный образ изгнанника.

IV

Нейвола, 12-го сентября 1919 г.

Уже убранный, с головой, высоко лежавшей на белых подушках, покрытый до шеи белой простыней, лежал Леонид Николаевич. Не было горьких черт около рта, поперечная складка на лбу разгладилась, в откинутых густых, черных волосах не выступала седина. Точно не было целого ряда лет, не было тяжелых мук последнего времени — так помолодело его лицо. Красивое, спокойное и величавое, оно еще не казалось мертвым — только глубокий, полный покой лежал на нем. Закрытые глаза отдыхали. Еще на столике, отодвинутом от кровати, стоял недопитый стакан с водой, рюмка с остатками лекарства, лежал раскрытый портсигар, брошена коробка спичек. Через спинку стула перекинута было полотенце, на полу оставлен кувшин с водой. В этой комнате внезапно все остановилось, сразу застыло движение. На подзеркальнике туалета горела, без колпака, керосиновая лампа, и сбоку около нее, держа на коленях раскрытое Евангелие, уже сидела пожилая учительница и тихим ровным голосом читала.

Леонид Николаевич скончался внезапно. Два часа назад родные думали еще, что он в глубоком обмороке, — поднялись привести его в чувство, ждали доктора. Но это был не обморок. Кровоизлияние в мозг — предотвратить, предвидеть которое было невозможно, все средства от которого были бессильны, оборвало его жизнь. Леонид Николаевич уже умер, когда приехал доктор, которому оставалось только написать свидетельство о смерти³¹. Всего пять дней тому назад Андреевы переехали в этот дом. Постоянные полеты аэропланов в Тюрисеве не давали покоя, лишали возможности работать. Домашние были в непрерывной тревоге. Здесь было дальше от границы, спокойнее и тише, хотя гул канонады с моря доносился и сюда. Здесь, в доме у своего старого знакомого, драматурга Ф.Н.Фальковского, Леонид Николаевич думал прожить спокойно несколько недель до своего отъезда за границу, который он окончательно решил. Но это решение стоило Леониду Николаевичу очень дорого. Оно означало полное крушение его надежд стать во главе антибольшевистской агитации в Северо-Западной области. За те недолгие несколько дней, которые он пробыл здесь, Леонид Николаевич уже начал скучать без моря, жаловался своим на отсутствие привычного вида. И потому все ему не нравилось, раздражало. Из комнаты, которую он предназначил для своего рабочего кабинета, он велел вынести почти все, оставив только большой письменный стол и немного необходимой мебели. Все картины, драпировки, разные мелкие вещи и украшения, просил убрать. И только, когда комната приобрела просторный, строгий вид, он как будто остался ею доволен³². Остальная квартира была устроена только отчасти, и еще не все домашние разместились в ней так, как предполагали. Вещи еще были упакованы. В передней стояли забитые ящики, корзины, утром привезенные из Тюрисева. На всем доме лежал отпечаток незаконченного переезда. Последние дни Леонид Николаевич был немного простужен и никуда не выходил. Накануне смерти ему стало лучше. Вечером он, Анна Ильинишна и бабушка³³ втроем играли в винт. За отсутствием четвертого партнера с болваном. Последняя запись на столе еще и сейчас не стерта. В день смерти Леонид Николаевич чувствовал себя совсем здоровым. Успокаивал и старался развеселить мать — ей приснился нехороший сон, и она была этим расстроена. В три часа обедали. Ел, как всегда. За столом шутил с детьми, разговаривал с учительницей об их занятиях. Потом в четыре часа пошел в спальню отдохнуть. Рядом в кабинете Леонида Николаевича Анна Ильинишна села переписывать его заметки. Она успела переписать всего только несколько строк, когда вдруг услышала его зов, показавшийся ей тревожным. Она броси-

лась в спальню. Леонид Николаевич сидел на постели и тяжело дышал. «Анна, мне нехорошо», — успел он выговорить. Она взяла лекарство и скорее стала отсчитывать капли. В это время Леонид Николаевич откинулся и упал навзничь. Чтобы влить лекарство, пришлось разжать ему рот, но несколько глотков он еще в состоянии был сделать. Дыхание было прерывистое и хриплое. Скорее послали на станцию за доктором³⁴. Вскоре появилась рвота, и как будто бы после этого стало лучше. Леонид Николаевич начал дышать ровнее, но постепенно все тише и слабее, пока к шести часам дыхание не прекратилось совсем. Так ни на минуту за эти два последних часа не приходя в себя, без сознания, не прошившись и ничего не сказав своим близким, родным, навсегда ушел от них Леонид Николаевич. «Там в Тюрисеве каждую ночь над ним была смерть, — говорила Анна Ильинишна, — здесь не ждали ее, и все-таки и сюда она пришла за ним...»

Ночью, проходя через кабинет Леонида Николаевича, чтобы сменить уставшую учительницу, читавшую у него Евангелие, я остановилась перед пишущей машиной. В ней еще оставался лист с теми строками из его заметок, на которых предсмертный зов Леонида Николаевича оборвал переписку. Я прочла полные глубокой боли, безнадежные строки:

«Революция такой же малоудовлетворительный способ разрешить споры, как и война. Раз нельзя победить враждебную идею иначе, как разбить череп, в котором она заключена, раз нельзя усмирить враждебное сердце иначе, как проткнув его штыком, — тогда, понятно, деритесь»³⁵.

Утром нужно было принять решение относительно дня погребения Леонида Николаевича, озаботиться покупкой и доставкой гроба из Выборга, заняться теми неизбежными тяжелыми хлопотами, которые так мучительны для родных.

Выяснилось, что ни у кого из эмигрантов, живших в нашей деревне, не было от Финляндского правительства разрешения на поездку в Выборг, а также необходимых на это денег. Выяснилось и то, что в распоряжении семьи покойного Леонида Николаевича оставалось всего сто марок. Те единственные сто марок, которые приехавший со станции доктор, после смерти Леонида Николаевича, отказался принять от вдовы за визит.

Это было все, чем располагала семья. Пришлось обратиться к жившему в другой деревне русскому эмигранту, имевшему пропуск в Выборг, с грустным поручением: найти среди знавших Леонида Николаевича богатых людей в Выборге необходимые на погребение средства.

На следующий день была панихида.

Появились цветы и венки из Выборга, с черными надписями на белых лентах, сделанные от руки чернилами. Все они были от частных лиц. Местные беженцы приносили гирлянды осенней зелени, букеты из поздних цветов. Их дети укладывали свои старательно сплетенные, наивные и трогательные детские веночки в ногах гроба. Вдова Леонида Николаевича не пожелала предавать его прах земле на чужбине, и временно, до погребения в родной земле, решили поставить гроб с его телом в маленькой часовне, в парке местной помещицы³⁶. О дне выноса не было широко известно. Необходимость разрешения на проезд сюда лишала многих возможности приехать. Таким образом случилось, что только очень немногочисленная группа провожала тело Леонида Николаевича из его дома до часовни. Не было никого из его близких друзей. Они, как и его братья, сестра, один из сыновей, были в России. Из людей старого литературного круга, давно знакомых с Леонидом Николаевичем, здесь было только несколько человек. Соседи, беженцы, обыватели со станции, знакомые последних двух лет, с которыми случайно свела Леонида Николаевича эмиграция, не имевшие ни прежде, ни теперь никакого отношения к русской литературе, — все чуждые ему по духу люди, вот из кого состояла та кучка русских, которая шла за гробом Леонида Николаевича к месту его временного покоя.

Тяжелые проводы писателя, так любимого всей русской интеллигенцией, кого с таким восторгом всегда приветствовала русская молодежь, чьи книги можно было видеть в самом далеком углу нашей родины, — проводы на чужбине.

Теперь, в чужой стране, в занесенной глубоким снегом маленькой часовне, стоит гроб с его телом и ждет.

Ждет, когда Свободная Россия потребует его прах для достойной встречи, когда Родина, поняв и оценив его, даст вечный покой его телу и воздаст вечную и светлую память его творчеству и духу³⁷.

5. Ф. Фальковский

О НИХ ДОЛЖНО БЫТЬ СКАЗАНО ВСЕ (1920)

Панама на северо-западном фронте¹ вынуждает меня писать эти строки. Мне тяжело их писать. Боюсь неосторожным словом, грубым прикосновением к открытым еще ранам вызвать новые слезы на глазах у близких.

Но я не могу молчать.

Эти горы трупов, эти тысячи больных, голодных, замерзающих на снегу и безропотно умирающих у порога запертых дверей шикарных отелей, где «главные начальники» сводят личные счета...

Это наши братья, отцы, дети, это наши самоотверженные рыцари, ушедшие на бой, чтобы вернуть нам родину. Они требуют к суду виновников. И об этих виновниках должно быть сказано все...

Это было в дни, предшествовавшие образованию северо-западного правительства. Действовало еще политическое совещание при генерале Юдениче, но и оно уже искало более широких форм работы.

Леонид Николаевич Андреев только что вернулся — нарочно поспешил вернуться — из имения, где он с женой и сыном гостил у своих друзей около месяца². Он вернулся сильно поправившийся, бодрый, почти радостный, загорелый, обновленный. С обычным ему милым юмором он рассказывал, как ласковые, гостеприимные хозяева ухаживали за ним, кормили его, оберегая с отеческой нежностью каждый шаг его.

За всем этим чудилось, конечно, что-то другое. Какая-то бодрая радость наполняла всего его, какие-то грезы, надежды... Близики знавшие его, знали, что этот человек последнее время жил только одной мечтой — мечтой о родине; и если он радостен, значит, что-то радостное родилось там, где творится дело спасения России. Во все глаза смотрел я на него, а он шутил, смеялся и в каждом взгляде, жесте, слове чудилось:

— Ничего, ничего, брат, скоро мы все будем шутить и смеяться.

На другой день для меня все разъяснилось. Мне нужно было ехать в Териоки, а ему по дороге к знакомым Б.³ (мы жили тогда в Тюрисеве), и он предложил проводить меня. Первую часть териокского шоссе мы проехали молча, но когда с правой стороны развернулось вдруг море, и вдали блеснул купол Кронштадтского собора, он остановил лошадь и вышел на берег. Долго, не отрываясь, смотрел он на Кронштадт, заставил меня повторить подробности бывшего в его отсутствие в Кронштадте грандиозного пожара, подробности налетов английских аэропланов⁴... И, наконец, заговорил. И здесь я узнал причину его личного бодрого, радостного настроения. Новая армия при серьезной поддержке союзников у самых ворот Петрограда. Сколько неожиданных возможностей. Какой подъем у тех, что там, на том берегу залива в холоде, голоде ждут избавителей.

На днях к нему приезжал один из членов намеченного в политическом совещании кабинета⁵. Человек с незапятнанным именем, человек, которому он глубоко верит. И этот человек предложил ему вступить в министерство для серьезной реальной работы. И они пришли к соглашению: он возьмет портфель министра пропаганды.

Пропаганда!

Большевики сильны только пропагандой. Пушкой можно человека превратить в труп. Пропагандой вы из того же человека сделаете преданного фанатика-бойца. Большевики орудуют пропагандой среди миллионов незрелых умственно людей, и их хлесткие прокламации поджигают мир со всех сторон. Пушки и пулеметы играют здесь второстепенную роль: они закрепляют уже завоеванную *словом* позицию. Тушить мировой пожар можно только словом разъяснения, словом убеждения.

Разъяснить утопичность новой веры, убедить эти миллионы доверчивых людей, что их в конечном счете ждет не рай, а катастрофа, — вот единственная борьба с большевизмом.

И эта борьба Л[еониду] Н[иколаевичу] глубоко по душе, о такой борьбе он давно мечтает, он кликнет и соберет вокруг себя рассеянные по Европе литературно-художественные силы, покинувшие Россию. Их много. И они все объединятся вокруг знамени «бескровная пропаганда». Средства найдутся: союзники их будут щедро отпускать, ибо они не могут не понять всего значения такой организации. Если народы Европы восстанут против вооруженного вмешательства во внутренние дела России⁶, они, конечно, ничего не могут иметь против честной, правильно организованной пропаганды. Мало того, во всех странах найдутся люди для создания и у себя подобных же организаций, которые с течением времени могут объединиться в одну мощную несокрушимую преграду... И эта преграда остановит, должна остановить натиск большевизма. Ведь в конце концов физическая сила всегда будет на стороне темной озлобленной массы. На стороне же интеллигенции, составляющей количественно ничтожный процент этой массы, имеется только разумное слово. И это слово представляет огромную силу, если его проводить в жизнь теми аппаратами, которые еще надолго останутся в руках интеллигентных классов, т.е. помощью театров, кафедр, кинематографов, брошюр, газет и т.д. Главарь большевизма работают теми же средствами, но в сравнении с мировой интеллигенцией этих главарей кучка, и если борьба сведется к борьбе свободной проповеди, а к этому она должна свестись — ибо не может же вечно литься человеческая кровь — то здесь победа несомненно останется на стороне интел-

лигенции, честно и искренне настроенной демократически. Но до этого, конечно, еще далеко. Пока же необходимо немедленно приняться за писание брошюр, пьес, кинематографических сценариев и т.д. Он уверен, что эта работа гораздо легче, чем рисуется. Само положение вещей — до того назрел момент — придет на помощь и автоматически будет толкать вперед объединенных работников. Важен почин... Скорее, только бы скорее приступить к работе! У него столько тем, планов... так или приблизительно так говорил он. Я грубо, нескладно передаю его почти вдохновенную речь, но основную мысль его я передаю верно. Он страстно любил и понимал море. И всегда на море он бывал особенно интересен, особенно увлекателен. Но теперь его классически прекрасное лицо, обращенное к фортам, горело какой-то особенно несокрушимой энергией, а в глазах был блеск, почти столь же нестерпимый, как на куполе белевшего вдали собора. И верилось, что против этих вооруженных до зубов фортов воздвигается новая могучая твердыня. Несокрушимая, все побеждающая:

Разумное человеческое слово...

Он остановил лошадь и прошел в калитку, а я поехал дальше. Когда несколько улеглось волнение от пережитых минут, грустная действительность поставила вопрос — справится ли он с такой задачей? И тут же вспомнилась газета «Русская Воля». Леонид Андреев был приглашен организаторами этой газеты в качестве редактора литературно-художественного отдела. Общим же редактором, т.е. руководителем газеты был назначен Амфитеатров, человек известный в газетном мире своим организаторским талантом, изумительной энергией и нечеловеческой работоспособностью. И что же? Через два-три месяца существования газеты вся редакционная семья, довольно многочисленная, дружно потребовала замену Амфитеатрова Андреевым⁷. И надо было видеть, как любовно, радостно и шумно был встречен всей редакцией новый руководитель популярной газеты. Значит в этого человека верили, значит в нем были те силы, которые были необходимы для создания органа, о котором он грезил. Но тогда речь шла только о газетной работе, которую он вообще не особенно любил, здесь же вопрос шел о существовании России, которую он любил больше жизни. Владел ли он сам словом, необходимым для пропаганды? Вспомните его классическое: «К тебе солдат»⁸, единственный в мире образец прокламации в лучшем значении этого слова.

Прибавьте к всему обаяние его имени, его значение за границей, могучий изобретательный талант, вспомните об нем как

об авторе «Царя голода», т.е. как о человеке, предсказавшем большевизм за десять лет до его появления⁹, и, значит, понимающем сущность большевизма, как никто, и вы поймете окончательно, какого ценного министра пропаганды мы имели [бы] в лице Леонида Андреева.

И на поставленный выше вопрос последовал твердый ответ: «Да, он с этой задачей справится».

На другой день я проводил его в Гельсингфорс. Он уехал вместе со своей женой, с которой он никогда ни при каких случаях жизни не расставался.

Уехал столь же бодрый, радостный, верующий.

И вернулся через неделю¹⁰.

Когда я вошел в комнату и увидел его лицо, я был поражен.

Подменили человека.

— Вы были больны?

Он улыбнулся.

— Вот они друзья... Не могут скрыть своих настроений. Неужели я так плохо выгляжу? Нет, я не был болен и теперь совершенно здоров. Садитесь чай пить. — Разговор не клеился. Он избегал говорить о главном, а спрашивать было неудобно. Да и спрашивать нечего было. Ясно, что его план рухнул. Но почему?

К концу вечера все-таки кое-что выяснилось. Политическое совещание не оказалось на высоте. Впрочем, поставленные и им условия были признаны чрезмерными.

Короче, Леонид Андреев был отвергнут.

Я всматривался в его осунувшееся лицо, в его потухшие глаза и в сотый раз спрашивал себя:

«Что они сделали с этим человеком?»

Я много лет близко знал Леонида Николаевича и категорически утверждаю: он не страдал ложным самолюбием. Мнение людей, от которых бежали уважающие себя общественные деятели, его оскорбить не могло. Его подрезало нечто другое, более важное. Он вплотную увидел, в *чьих* руках находится спасение России.

В это спасение он перестал верить; а для него это значило: перестать жить.

Конечно, кучка людей, с которой он встретился в Гельсингфорсе, еще не исчерпывала собою всей силы, стоявшей в те дни против большевистской России, но проживши среди них немного часов, Леонид Николаевич определенно уяснил себе, что этими

людьми, этой старой прогнившей Россией, кишат все наши фронты и, значит, гибель неизбежна.

Так или иначе, перед ним захлопнули двери.

Представьте себе на один момент, что он вошел в политическую организацию. Кто знает, какие последствия имело бы его пребывание среди этих людей? Допустим вероятное: он не ужился с ними и ушел. Но разве самый уход его не прозвучал бы тревожным набатом, не предупредил бы хоть частично преступной катастрофы?

Но Леонид Андреев им был не по пути, и они поставили его в такие условия, что он вынужден был сам отказаться. Об этом «отказе» они поспешили оповестить во всеулышание.

Дипломаты!

Через два дня он перевез ко мне в Мустамяки семью, а сам принялся за сборы в Америку.

Мысль о пропаганде не покидала его. Не дают работать здесь, надо уехать к чужим. Он задумал ряд лекций — об них он все время говорил, — отправил письма к заграничным друзьям. И ждал откуда-то денег на дорогу... Но землистого цвета лицо, потухшие глаза говорили о дороге более далекой.

Он ничем не болел, ни на что не жаловался. Но через несколько дней его сердце перестало биться.

6. Н.Рерих

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА (1921)

...Лицо его сильно изменилось. Оно потемнело, сделалось коричневато-бронзовым, нос заострился; глаза, хотя и не потеряли живость взгляда, но сделались еще более глубокими (много знающими). Волосы длинными черными прядями низко спускались на шею. Подлинный лик индусского мудреца, хранящего тайны. Таким я встретил Андреева в октябре 1918 года, когда после целого года жизни в Финляндии нам удалось сойтись¹. Сердечные припадки у Л[еонида] Н[иколаевича] еще не начинались. (Они начались в декабре). Он горел, он весь горел той же священной мыслью, с которой он скончался 12-го сентября 1919 года в Мустамяках. Мысль эта была — раскрыть человечеству весь ужас большевизма в его современных границах. Свободолюбивый, глубокий своими мыслями, Л[еонид] Н[иколаевич] понимал,

что сейчас борьба ведется не только штыками, но и словом, широкою пропагандою, около которой во имя *истинной культуры* должно объединиться все разумное. Напитанный противоречиями жизни, он слагал свои светлые призывы человечеству, из которых один «S.O.S.» уже вошел в жизнь, а также работал над большим романом «Дневник Сатаны», который, по-видимому, так и остался без окончательной корректуры. В Тюрисеве, где он жил тогда, с берега в бинокль виден Кронштадт, почти видна Красная Горка; и каждая из бесчисленных непонятных перестрелок в этих пунктах вызывала у Леонида Андреева вопрос: «А вдруг это последняя Каинова минута?»

По-видимому, большевистские бомбы в конце августа и в начале сентября [1919] окончательно разбили его больное, изнемогающее в тоске по родине сердце. Или была иная трагедия?

Передо мною лежит целый ряд писем Леонида Андреева, присланных мне им в Финляндию, затем в Швецию и Англию. Пусть о *трагедии* русского незабываемого писателя и патриота расскажут его собственные письма и в особенности его последнее письмо, которое для меня уже явилось посмертным. В этом он уже знал, что создалась, наконец, возможность поездки его в Англию и о согласии англичан перевезти его с семьей на военном судне²...

/.../³

Три дома, трижды изгнанник — вот истинная *трагедия* русского человека и в особенности русского художника. Путь Голгофы как-то фатально неизбежен в жизни художника, а Русского в особенности, и этим путем Голгофы прошел и Леонид Андреев.

Он теперь нашел светлую келью, где он мог бы собраться с мыслями о мире. Но для нас, оставшихся, потеря его гораздо незаменимее, нежели это может казаться, и грозные, эпически пророческие видения и образы Андреева только теперь будут поражать человечество и вызывать вечный вопрос, откуда же пришло все это?

Тонкий ряд русских работников культуры еще поредел.

Разбилось еще одно прекрасное сердце, знавшее, что такое Великая Россия.

Ушел один из тех немногих, которые при будущем подборе *ценных сил* России так безмерно нужны. Сейчас, когда внепартийно, когда космически широко надо уметь мыслить во имя истинной культуры, как нужен каждый работник, понявший, что за пределами брюха существуют красота и мудрость. То, на чем построятся будущая жизнь.

1920 г.

После смерти Леонида было в Лондоне устроено поминальное собрание¹. И я говорил на нем и читал некоторые письма. После собрания подходит Милюков и в большом изумлении спрашивает меня: «Оказывается, вы были большими друзьями, как же никто об этом не знал?» Отвечаю: «Может быть, о многом не знали, да ведь никто и не спрашивал». Леонид Андреев тоже был моим особенным другом. Как-то сложилось так, что наши беседы обычно бывали наедине. Профессор Каун в своей книге об Андрееве приводит, со слов вдовы покойного забавный эпизод. Она говорила ему о своем удивлении, когда во время наших бесед с Леонидом он говорил о своей живописи, а я — о своих писаниях. Действительно, такие эпизоды бывали, и мы сами иногда от души смеялись, наконец заметив такую необычную обратность суждений². Андреев хотел, чтобы я принял более близкое участие в «Шиповнике».

Затем через несколько лет он и Сергей Глаголь³, неожиданно, как-то очень поздно вечером, нагрянули с просьбой и даже с требованием, чтобы я вошел вместе с ними в одну газету⁴. Я старался уверить их, что существование этой газеты будет вредным, и вообще не мог себе представить именно их в этом деле. Видимо, они оба очень обиделись, говоря «но ведь вы пойдете с нами и ни с кем другим, вы будете знать нас, — мы вам верим, и вы нам поверьте». Затем они оба встали и, низко кланяясь, очень смешно твердили: «К варягами пришли — не откажите». Но все мои соображения оказались правильными, и Леонид потом вполне признал это.

Уже незадолго до смерти в Финляндии Леонид скорбно говорил мне: «Говорят, что у меня есть читатели, но ведь я-то их не вижу и не знаю». Тягость одиночества звучала в этом признании. Многое, уже сложившееся внутри, Леонид не успел досказать. В самые последние месяцы жизни он делился новыми затеями и литературными образами, и они были бы так необходимы в серии всего им созданного. Он всегда широко мыслил, но в последние дни появилась еще большая ширина и углубленность. Он писал, что завидует нам в Швеции и Лондоне, собирався приехать и в то же время уже понимал, что сил не хватит. Не уберегли Леонида. А таких, как он, немного, впрочем, и многих не уберегли. Не захотели уберечь, не подумали вовремя. Большое расщепление происходит.

ИЗ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ:
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА (1922)

В конце февраля 1919 года мне удалось, благодаря подкупности большевистских комиссаров, бежать в Финляндию, где я прежде всего попал в карантин¹. Там я должен был отсидеть неделю, причем доступ посторонним в карантин воспрещался. Каково же было мое радостное удивление, когда на третий день моего пребывания к нам в комнату ввалился в огромной дохе и высоких валенках Леонид Николаевич Андреев. Непосредственно перед большевистским переворотом газета «Русская Воля», которую он с увлечением редактировал, перешла в другие руки и редактором ее намечен был Савинков². Леонид Николаевич накануне переворота уехал в Финляндию и поселился в Тюрисеве недалеко от своей великолепной дачи³.

После горячих приветствий начался неумолкаемый разговор: я коротко рассказал ему все, что пришлось пережить в Петербурге за время владычества большевиков, и после этого нить беседы взял в свои руки Леонид Николаевич и в течение двух часов в ярких образах развивал свои взгляды на положение России. Речь его была насквозь проникнута такой нежной задушевной любовью к несчастной родине, и она вызывала страстное негодование, когда он говорил о большевистских экспериментаторах, в особенности о Горьком. На другой день Л[еонид] Н[иколаевич] снова пробрался ко мне, а когда я вышел из карантина, то прежде чем уехать в Гельсингфорс, я провел у Л[еонида] Н[иколаевича] целый день на его даче. Большими шагами он ходил все время по кабинету и, от времени до времени задыхаясь, настойчиво убеждал меня по приезде в Гельсингфорс взять в свои руки местную газету⁴ и все дело информации: он глубоко верил, что если познакомить Европу с истинным положением дел в России, то цивилизованный мир не может не прийти на помощь во имя спасения столь многообещающей русской культуры.

По разным соображениям, о которых здесь говорить не место, я уклонялся от следования советам Андреева. Когда же наконец вследствие непрекращающихся настояний друзей я решился вернуться к газетной работе⁵, то первым делом написал Леониду Николаевичу, напоминая ему об обещании работать совместно со мною. Между тем за это время здоровье Л[еонида] Н[иколаевича], быстро разрушавшееся, значительно ухудшилось, и прилагаемое письмо его и составляет ответ на мое предложение⁶.

В начале августа [1919], перед наступлением Юденича, Л[ео-онид] Н[иколаевич] почувствовал себя лучше и, приехав в Гельсингфорс, прожил со мною под одной крышей две недели⁷. Его охватила жажда работы, и он мечтал стать во главе организации антибольшевистской пропаганды. Однако его стремление не встретило сочувствия в тех лицах, от которых зависело осуществление его плана, и огорченный Л[еоонид] Н[иколаевич] решил уехать в Америку. Мы отправили телеграмму нашему общему приятелю, видному американскому журналисту⁸, и в ожидании его ответа Л[еоонид] Н[иколаевич] уехал домой, чтобы собраться в далекий путь.

Увы, не больше недели спустя я получил от супруги его телеграмму, извещающую о внезапной смерти Леонида Николаевича⁹, а еще через два дня я получил из Нью-Йорка вместо ответа запрос, правда ли, что Андреев скончался.

Как видно из письма его, Л[еоонид] Н[иколаевич] все время находился в полосе стрельбы, а когда он вернулся из Гельсингфорса, ему пришлось пережить налеты большевистских аэропланов, произведшие на него гнетущее впечатление. Он выехал из своей дачи и поселился у приятеля¹⁰, но там через несколько дней за работой сердце отказалось служить, и Леонида Николаевича не стало. Совершенно готовая, отчетливо сложившаяся в голове характеристика революции, докатившейся до большевизма, бесследно похищена его смертью¹¹.

9. Л.В. [Л.М.Василевский]

ПАМЯТНАЯ ВСТРЕЧА С Л.АНДРЕЕВЫМ (1922)

Я был, кажется, последним, или, во всяком случае, одним из последних видевших Леонида Андреева писателей, находящихся теперь в России.

В 1918 г. я служил в Гельсингфорсе и специально поехал в Райвола (Черная Речка) повидаться с ним: среди живших тогда в Финляндии русских ходили слухи о том, что Андреев голодает, что он заболел душевно и прочее.

Слухи оказались отчасти просто досужими сплетнями — Л[еоонид] Н[иколаевич]а, как известно, никогда не щадила сплетня — отчасти же сильно преувеличенными. Что до материального положения, то оно было, правда, стесненное, но голода не было и не предвиделось.

Л[еоонид] Н[иколаевич] и его жена рассказывали, что оторванность от Петрограда и его издательств ставит их моментами в

затруднительное положение. Писатель тогда, помню, как раз должен был получить от издательства «Просвещение» довольно большой гонорар¹, но связи с Россией были оборваны, и семья писателя «вот уже три недели не имела хлеба».

Повторяю, это не значит, что семья голодала: не было привычного в России хлеба, но были финские кнекс-броды, были овощи и молоко — свои: у Андреевых ведь было порядочное хозяйство.

Обрадовался Л[еонид] Н[иколаевич] свежему человеку чрезвычайно: уже давно не видел ни одного русского лица. Финнов же он и вообще не очень любил, а в этот период, когда пышно расцвела в Финляндии долго таившаяся тупая ненависть ко всему русскому, нелюбовь к ним в Л[еониде] Н[иколаевиче] еще больше обострилась.

Вообще это было у Л[еонида] Н[иколаевича] полосой необычайно острого ощущения себя русским: национальное чувство, сознание унижения русского имени мучали и терзали Андреева невыносимо. Супруга писателя, Матильда Ильинична², жаловалась мне на жестокую меланхолию мужа: он почти до утра не ложился спать, так что жена, как она мне, тайком от Л[еонида] Н[иколаевича], призналась, переводила часы вперед, чтобы заставить его раньше лечь³.

Целые дни он то прислушивался, то смотрел через подзорную трубу на противоположный, русский берег, через залив, и как раз в тот день, когда я его посетил, он был прямо потрясен грохотом с форта Ино: русские матросы, выбитые оттуда белыми финнами, или, вернее, их порабощателями, немцами, были вынуждены покинуть последнюю крепость в Финляндии. Уходя, они взорвали форт⁴.

Нельзя передать, как тяжело это подействовало на мрачное и без того настроение Леонида Ник[олаевича]. В грохоте взрываемых стен форта его воспаленному чувству чудилась — символически — гибель всей устойчивой России, и впереди ему мерещился лишь сплошной хаос и, конечно, разрушение.

Общеизвестно, что октябрьской революции писатель не только не принял, но и до конца боролся с нею горькими и гневными прямолинейными памфлетами. О его политическом мироощущении в тот период я могу сообщить лишь немного.

Мой приезд приблизительно совпал с двадцатилетним юбилеем художественной работы Л[еонида] Н[иколаевича]: милый, трогательный «Баргамот и Гараська», его литературный первенец, появился в свет в пасхальном номере московского «Курьера» 8 апреля 1898 года.

По этому поводу писатель за чаем вспомнил, что за все эти двадцать лет не было у него ни одного года без какой-либо художественной вещи, только за тот, 1918 год, такой кровавый и лихорадочный, он не написал решительно ничего беллетристического.

В первые месяцы революции «писатель по чувству гражданина» несколько раз выступал с только что упомянутыми памфлетами, но с начала 1918 года совершенно замолчал.

— Нет сил, — произнес страстно, — говорить вполголоса, а в полный голос говорить пока невозможно.

— Все слова, — с горечью сказал он позднее, когда мы остались одни в его известном обширном кабинете, несимметричном, как дух его обитателя, пустынном, чем-то тревожно волнующем, — все слова уже сказаны, и не им возродить Россию. Разумеется, печать нужно сохранить, как держат под парами котлы в машинах, в ожидании момента, когда возобновится работа. Но писать по-настоящему сейчас немислимо.

Горечь, сдержанное раздражение, подавленность — таковы были, видимо, основные настроения писателя.

Когда Л[еонид] Н[иколаевич] куда-то ненадолго отлучился и мы остались одни с Матильдой Ильиничной и с старшим сыном⁵, юношей, волнуяще похожим на Л[еонида] Н[иколаевича], жена писателя попросила меня не давать ему много говорить, а лучше самому рассказать новости, по которым все они так соскучились. Ведь они страшно оторваны от всего русского: финских газет не понимают, а ни русских, ни каких-нибудь других здесь не достать. И они вот уже несколько недель знают о том, что делается в России, только из рассказов одного финна, который иногда к ним заходит и на своем ломаном, убогом русском языке делится новостями из финских газет.

Когда Л[еонид] Н[иколаевич] вернулся, он жадно стал спрашивать меня о событиях в Гельсингфорсе. Это были дни «медового месяца» для белой Финляндии, которая руками немцев, тогдашних европейских триумфаторов, только что поставила на колени революционную власть Финляндии. «Спасители» в прусских касках только что наводнили Эспланаду в Гельсингфорсе, где сразу же немецкие трубачи заиграли «Wacht am Rhein»⁶.

Упоенный победой, которую белые финны как будто даже искренно готовы были приписать себе, они в то же время переживали полосу исключительной ненависти и презрения ко всему русскому.

Очень болезненно Л[еонид] Н[иколаевич] воспринимал распущенность тогдашней русской матросской массы в Гельсингфорсе: за этой распущенностью он ни тогда, ни позднее не сумел

увидеть ничего, кроме проявления стихийной разнузданности, которая утопит культуру, честь русское имя...

Но сейчас и эти впечатления для него отошли на второй план перед ужасом и горечью, вызываемыми в нем рассказами о хамстве финского «общества».

Скорбно, с остановившимся, пустым взглядом слушал он мои рассказы о тех издевательствах и унижениях, каким подвергались тогда русские в Финляндии.

Буржуазная финская печать с «Хувустадтблат»⁷ во главе осыпала нас, в огромном большинстве невольно застрявших здесь русских, резко руганью.

Мне особенно памятен один характернейший штрих в этой картине. По ходатайству, кажется, Выборгского ленсмана⁸, давнему жителю Финляндии И.Е.Репину, «Пенаты» которого были широко популярны даже и в Гельсингфорском «обществе», знаменитому художнику, в виде исключения, было предоставлено право жить и впредь в пределах страны; всем вообще русским, кроме получивших права жить принятием финского гражданства, было предписано в течение нескольких дней выехать.

По поводу этой «привилегии», предоставленной мировому художнику, пребывание которого могло доставить, конечно, только честь для всякой страны, газета «Хувустадтблат» поместила неприличную заметку, суть которой я и передал тогда Леониду Николаевичу. Газета снисходительно одобряла исключение, сделанное для Репина, но тут же призывала правительство не делать это прецедентом для дальнейшего. Мы должны быть бдительны и беспощадны, если хотим действительно замазать все щели между нами и варварской соседкой, иначе «эти клопы» снова станут «наползать к нам массами» — таков был приблизительный смысл статьи⁹...

Мучительно страдал Андреев от этих фактов, как и от сообщения о том, как финские чиновники — явно намеренно — стараются уколоть, унижить русского всячески, выматывая у него душу с помощью излишних формальностей, заставляя его долгими часами стоять в разных специально «русских очередях» на улице, у подъездов разных канцелярий, в дождь и в жару...

Картины, аналогичные тем, какие приходится теперь на своей шкуре испытывать нынешней русской эмиграции...

Я пробыл у Андреевых весь вечер и только поздней ночью уехал, унося с собой мрачное и тревожное настроение, которое передал мне Л[еонид] Н[иколаевич].

Перед отъездом он подарил мне характерный для тогдашнего его настроения выбор — книгу, которую он незадолго перед

тем получил в числе других новых изданий из Петрограда от Маркса. Это был известный том рассказов Ганса-Гейнца Эверса «Ужасы», ряд жутких «Необычайных историй»¹⁰.

Вот характерный эпиграф к книге из «Неистового Роланда» Ариоста — не был ли и сам Андреев «неистовым Роландом» нашей литературы?

Кто вдаль пускался от угла родного,
Тот видел то, о чем и не мечтал,
А дома за лжеца слывет пустого,
Коль на беду, что видел, рассказал.
Повсюду нрава глупый люд такого:
Не верит в то, чего не осязал.

Эпиграф к одному из отдельных рассказов книги, который первым попался мне на глаза, был еще характернее для тогдашнего настроения Л[еонида] Н[иколаевича], да и вообще для Андреева последнего периода: «Рыбам, хищным животным и птицам позволено пожирать друг друга, потому что у них нет справедливости. Но людям бог дал справедливость».

Наконец, чем-то прямо символическим кажется мне сейчас, когда писатель ушел от нас навеки, мотто к третьему рассказу той же книги: «Моя спутанная речь разбилась надвое» (из Вальтера фон-дер-Фогельвейде)...

10. Ф.Фальковский

ПРЕДСМЕРТНАЯ ТРАГЕДИЯ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

(Из воспоминаний) (1923)

I

12-ое сентября — день смерти Леонида АНДРЕЕВА.

Будущий историк русской эмиграции уделит не одну страницу эмигранту Андрееву; в основу этих многих страниц лягут два вопроса: был ли Л. Андреев действительно эмигрантом в тесном и прямом смысле этого слова, т.е. бежал ли он из непринятой им новой России, и второй — остался ли бы Андреев и донныне врагом Советской России, если б смерть не пересекла его работу.

Я близко знал Андреева многие годы до Революции, знал его и в дни Революции, жил с ним в Финляндии до его смерти, и умер он у меня в доме в Мустамяках. У меня накопилось в моей

памяти много такого, что может пролить свет на вышеставленные вопросы и дать кое-какую нить будущему историку последних дней Леонида Андреева в связи с его уходом из России.

Я считаю своим долгом передать печати то, что еще не забыто, и то, что мне кажется важным отметить в эту четвертую годовщину смерти одного из выдающихся писателей конца царизма.

Л. Андреев принадлежал к тем людям, которые имеют несчастье привязываться к вещам и любить *свой* угол. Любовь Андреева к своей даче сыграла огромную роль в его творчестве, он называл эту дачу своей балериной; дача разоряла его, требуя все новых и новых денег, т.е. новых пьес, рассказов и всех тех тысяч строк, которые быстро превращались в стулья, ковры, бревна, тенистые лужайки, заборы, словом, во все то, что так опутывает всякого, кто становится рабом собственности, в каком бы виде она ни проявлялась. И чем больше дача разоряла его, тем больше он привязывался к ней и тем больше он на нее тратил. Можно с уверенностью сказать, что огромный талант Леонида Андреева вылился бы в совершенно иные формы, если б не эта вечная забота о расширении и украшении Райволовского дома, кстати сказать, крайне нелепого и совершенно неудобного для нормального человеческого жилья. Но Л[eonид] Н[иколаевич] не видел этих неудобств, как не замечал и того, что эта дача «непохожа на другие», сушит и обезличивает его творчество, держит его в плену, суживает его кругозор и тесным высоким забором отрезывает от остального мира. А этот мир был особенно нужен именно ему, писателю Леониду Андрееву, который так мало знал жизнь и ее реальные страдания, так мало читал, так мало видел...

Клочок земли на финской скале стал миром Леонида Андреева, его родиной, его очагом; сюда он собрал свою многочисленную семью, свои любимые вещи, свою библиотеку, и из этой добровольной тюрьмы он очень неохотно, только по необходимости, выбирался на несколько дней по делам своих пьес в Петербург или Москву и один только раз за все время, что я знал его, за границу — в Италию¹. Где бы он ни находился, он рвался обратно в *свой* дом, роскошно, уютно обставленный, с сотнями любимых мелочей, из которых каждая невидимой нитью тянулась к его мозгу и сердцу, крепко и властно держа и этот мозг, и это сердце в этой причудливой паутине.

Вырваться из этой паутины, взмахнуть широкими крыльями, щедро отпущенными ему природой, орлиным взором окинуть жизнь у Андреева не было и физических сил. У него было большое отцовское сердце (он умер точь-в-точь как его отец), расширенная запоем (особенно в молодые годы) воля и столь развин-

ченная нервная система, что врачи при страховании его жизни дали безотрадный отзыв о состоянии его организма; «Саламандра» отказалась принять его на страх и приняла только потому, что смерть Леонида Андреева рисовалась ей как хорошая реклама Обществу². Л[еонид] Н[иколаевич] вечно страдал какими-то особыми головными болями (в затылке), жаловался на плохую работу сердца и последнее время отказывался даже выступать на вечерах, так как сопряженное с этими выступлениями волнение на многие дни расстраивало сердце. Это был инвалид, выведенный из строя еще прежде, чем окреп духовный облик, прежде, чем мятежная душа обрела опору для мятежа и цель для удара, огромный хорошо вооруженный и оснащенный корабль, плывший только по течению, ибо погиб руль, ибо ослабели машины.

Приглашение Андреева главным редактором «Русской Воли» и огромный оклад в 60 тысяч рублей³ заставили его снять в Петербурге временную квартиру⁴. Здесь застала его революция, которую он принял так же, как и вся передовая русская интеллигенция, т.е. восторженно.

Эта интеллигенция, как известно, крепко держалась... тротуаров. Это надо пояснить. Тянутся одна за другой огромные манифестации... Знамена, лозунги, марсельезы, восторженные лица, рабочие, мелкий служащий, женщины, дети, все это бесконечной лавиной заполняло улицы... За манифестацией тянется изредка интеллигенция, но она держится тротуара, случайно, но упорно. На глазах слезы умиления, в сердце радость, но с тротуара не сходит — почему? Возможно, что подметка не приспособлена для мостовой. Но интеллигенция не сходит с тротуара, не сливается с массой.

Ах, этот тротуар! Это он ушел потом за границу.

Л[еонид] Н[иколаевич] и на тротуар не вышел. Он остался в своем кабинете на Марсовом поле и здесь целыми днями, не отрываясь от телефона, жадно выслушивал подробности всего того, что происходило на улицах, на митингах, на собраниях. Целыми днями, ночами, в мягком кресле, не отрываясь он от телефона, выслушивая донесения друзей и сотрудников своей газеты. Но события с улицы стали переноситься в дома, пули стали залетать в окна, и Л[еонид] Н[иколаевич] перешел в свой Райволовский дом⁵, чтобы оттуда продолжать свои наблюдения. Революция отрезала Финляндию от России и вместе с нею отрезала от России и Леонида Андреева. Леонид Андреев не покинул тотчас Финляндии, ставшей «заграницей», не потому, что не принял новой революционной России, а только потому, что еще задолго до революции его дача стала его родиной. Будь эта дача, скажем,

в Малаховке, — он эмигрировал бы в Малаховку. Такова повесть об эмиграции Леонида Андреева, раздутая заграничной печатью. Андреев не эмигрант; он жил в Финляндии за пятнадцать лет до революции⁶ и остался в ней, как остался в Финляндии Илья Ефимович Репин, живущий в ней и доньше и поселившийся в своих «пенатах» около сорока лет тому назад⁷.

II

Ответ на первый вопрос, таким образом, прост и ясен.

Никакой эмиграции не было.

Но второй вопрос: «Остался ли бы Леонид Андреев врагом Советской России навсегда» значительно сложнее и требует к себе более осторожного отношения. Имеет ли право пишущий эти строки вообще касаться этого вопроса? Другими словами, может ли он рассуждать, что имеющийся в его руках материал достаточен, чтобы дать на этот вопрос тот или иной ответ?

Перед глазами пронесется ряд отрывочных воспоминаний, ярких и смутных, значительных и мелких. Перед глазами, как живой, стоит этот человек с его поразительным лицом, слышатся его долгие, красочные речи, еще более красочные, чем его перо, чудится его тоскующая особенно последнее время душа, его одинокая фигура с огромным цейссовский биноклем на берегу залива, — и во весь рост ярко и незабываемо встает трагедия-повесть.

Повесть о заблудившейся человеческой мысли; повесть, которой нет печальнее на свете...

Не знаю, какой ответ дадут эти «воспоминания» на вышепоставленный вопрос, но знаю, что эти отрывки не должны бесследно уйти из жизни.

Первый, кто обманул Андреева, был тот, кому он отдал лучшие годы своей жизни, лучшие плоды своего творчества, тот, для кого он шел на компромисс со своей писательской совестью, жертвуя для «хлебных» тем андреевской символикой; первый, кто изменил ему и обманул его, был его собственный дом. Уже в первый год революции, когда топливо стало дорого, а рабочие ушли к новому хозяину, т.е. к этой самой революции, неуклюжий барский дом Андреева насутился и оскалил зубы. В огромном кабинете и еще более огромной столовой температура доходила до семи градусов холода. Замерз водопровод. Дом повелительно и беспощадно выгнал из своих недр все, что могло бежать. И огромная семья Андреева бежала в Тюрисево, где нашла чужой дом, грубо, безвкусно сколоченный, но теплый и приспособленный

для обыкновенных смертных. Андреевский дом — «Белые ночи» был покинут. К моменту бегства Андреева из Райволо в Тюрисеве уже образовалась колония беженцев из России. Андреев был принят в семью эмигрантов, как эмигрант и враг Советской власти, т.е. необычайно радушно. Леонид Андреев, всегда презираемый банкирами и графами, как автор «Бездны» и «Царя Голода», был принят в семью этих графов и банкиров, как равный. Несчастье сближает. Но графы и банкиры ухватились за Леонида Андреева и по другой причине: имя популярного писателя, не признающего Советского строя, можно было бросить в Европу, как доказательство того, что масса не с большевиками; имя «революционера» Андреева могло сказать этой Европе и, пожалуй, как «там» надеялись, самой России, что большевики ничего общего не имеют с истинной революцией. И началась игра. Банкиры и графы наперерыв стали бегать к Андреевым и приглашать их к себе. Графиня Шереметьева — эта царица над царицами — сделала первая визит матери Андреева, скромнейшей в мире женщине, читавшей на своем веку только творения сына, значит, до этих творений ничего не читавшей. (Кстати сказать, необычайной доброты, ума и порядочности человек).

Увы, в этом вихре поклонений, трескучих фраз, таинственных совещаний, многообещающих планов и, главное, лживых отвратительных доносов на Россию не устояла слабая голова Леонида Николаевича. Прежде всего он сам поверил, что он — эмигрант и что его назначение — беспощадная борьба с большевизмом. Потом он поверил в интервенцию. Поверил в Бурцева, в Алексинского⁸, поверил даже в пресловутые «две недели»⁹; слился как-то быстро с общим фоном эмигрантщины и стал так же тускл и сер, как и окружавшая его среда. И Леонида Андреева не стало.

Это была первая смерть Леонида Андреева.

Смерть большого писателя моральная, смерть слабого, но замечательного человека, предвидевшего революцию, звавшего ее с необычайной силой и кричавшего о «язвах» жизни истерично и конвульсивно голосом юродивого, оцепеневшего от ужаса перед тем, что открывалось взору...

Помнится вечер. Чьи-то именины или день рождения в квартире Андреевых. За столом он с женой в два голоса читают одноактную Андреевскую шутку «Кающийся». Оба читают отвратительно. Grimасничают, ломаются. Ни одного момента, который бы не коробил. Но кругом хохот, и еще какой! Среди приглашенных — банкир Шайкевич, отец и сын, банкир Б[лох], графиня Ш[ереметьева] с племянницами, красавица-аристократка С[енюто-

вич-]Т[роцкая] (ей мы обязаны появлением S.O.S.)¹⁰, словом весь цвет местной аристократии. И всех их тешит и забавляет автор Царя-Голода, Леонид Андреев¹¹.

Помнится еще много таких вечеров за чайными и карточными столами. Речи и тосты... Какие-то приезжие из Парижа, из Лондона, какие-то делегации... И ни одного вечера я не помню без таинственных совещаний, без почтительно внушительных фраз: — Работайте, пишите, Леонид Николаевич. Вы должны быть с нами. Вы обязаны, на Вас смотрит Европа. Будьте нашим вождем. Ночью, после ухода гостей, Л[еонид] Н[иколаевич] заперся в кабинете и писал или диктовал жене письма к Бурцеву, писал статьи для белых газет¹² и заносил в свой огромный дневник впечатления дня.

III

От этой смерти Андреев стал медленно просыпаться.

Был вечер у одного из соседей. Карты, речи, ужин, опять карты, и опять речи. Не помню, почему в этот вечер было уделено много злобы, угроз и брани Горькому. Л[еонид] Н[иколаевич] хмурился и молчал. О Горьком он вообще избегал говорить и своими впечатлениями о нем он делился только в тесном кругу родных и близких друзей: он не любил Горького и говорил о нем не со злобой, а с разочарованием, с каким говорят о друге, о брате, предавшемся врагу. Говорили о Горьком. Хозяйка дома, крикливая, накрашенная особа¹³, шумно встала с места, сорвала с полки статуэтку Горького и на его место поставила уродливую фарфоровую фигурку городского, крикнув при этом: — Так было, так будет!

Раздались бурные аплодисменты. Л[еонид] Н[иколаевич] молча поднялся, как-то особенно задержался своим черным острым взглядом на лице хозяйки, перенес этот взгляд на присутствующих и, сильно побледневши, вышел из комнаты и ушел к себе. Больше месяца он не переступал порога этой дачи. Несколько позже был другой случай. За столом сидел банкир А. Давидов и с увлечением рассказывал об успехах Деникина. Потускневшие лица эмигрантов оживились, как оживлялись каждый раз, когда нелепая легенда или клевета на Россию будили в них угасшую надежду. Неожиданно раздался голос Леонида Николаевича, спокойный, тихий, точно он обращался к самому себе:

— Как это все-таки странно. Деникин побеждает, французы побеждают, и вообще все побеждают, а большевики сидят и крепнут с каждым днем. Очевидно, нас морочат...

Помню, с каким испугом на него взглянули сидевшие за столом.

Была ночь. Мы стояли на башне и наблюдали бой Англо-Французской эскадры с Красной Горкой¹⁴. Бой шел третьи сутки, упорный, непрерывный. Ночь была темна, и очертания «русского» берега залива гасли и вспыхивали при каждой вспышке выстрела. При ударе дребезжали стекла, шаталась и стонала башня, и чудилось, что под ногами палуба корабля. Молния — томительная секунда — удар и веер искр *там* у этих твердынь, где кучка безвестных героев охраняет от вражеских стальных чудовищ дверь в новую освобожденную Россию.

— Какой сильный взрыв, — говорит тихий, слегка хриплый голос, столь знакомый, — и опять недолет. Это бьет *та*, что работала прошлую ночь.

— Да, *она* за горою.

Они все за горою. Опять недолет... Нет, перелет. Вот теперь взрыв значительно левее. А теперь вправо. Все время одна и та же история.

— Заколдованная горка.

— Красная... Все красное заколдованно...

Папироса освещает часть бледного хмурого лица. Голос еще тише.

— Третьи сутки, сотни снарядов, и ни одного попадания, а между тем десяти этих взрывов достаточно, чтобы растрепать эту горку... Этот ключ Кронштадта. С падением Кронштадта падает и Петербург... Смотрите, какой перелет... А там войска Юденича!.. Они в своих *стреляют*.

Машинально спрашиваю:

— Вы не думаете, что это предательство со стороны Антанты?

— Нет. Это было бы бессмысленно.

После долгой паузы тот же тихий голос:

— Солдаты, *там*, те что пришли к нам оттуда, чужие и неведомые нам солдаты, не знающие нашего языка, не хотят стрелять в эту горку... Не хотят.

— Вы думаете?

— Уверен. Этот мрак таит великую тайну.

— Ее откроет история.

— Для меня она уже открыта. Или Россия никому не нужна, или...

Вспыхнувшая молния осветила немые берега. Жуткая предударная тишина, требующая взрыва и ответа.

— Или она нужна именно теперь, как никогда.

- Тем, которые не хотят попадать в эту горку?
— Да.

IV

С этой ночи на его лицо легли новые тени.

Он избегал говорить о «политике». Пытливо расспрашивал: вслушивался и молчал. Не снимал с плеча бинокля и почти не покидал берега. Как-то вскользь за обедом бросил равнодушно, холодно:

— Под утро был сильный взрыв с англо-французской стороны. Говорят о взрыве на броненосце. В общем, они несут большие потери.

Через несколько дней он сообщил мне, что ему предложен портфель министра пропаганды в правительстве Юденича. Он говорил спокойно, но в глазах и во всей ожившей фигуре его чувствовался интерес к новой предстоящей работе. Он уехал в Гельсингфорс бодрый, с какой-то надеждой.

На платформе станции он несколько раз повторял:

— Посмотрим, посмотрим, говорят, там настоящие люди.

Через две недели¹⁵ он вернулся обратно. На его лице была смерть... Настоящая физическая смерть, которая через месяц¹⁶ унесла его в могилу.

Что произошло там, я в точности и доньше не знаю, но я категорически подтверждаю, что там, в Гельсингфорсе, он получил удар в самое сердце. Там, в Гельсингфорсе, он впервые столкнулся с той настоящей зарубежной Россией, увидел ее лицом к лицу и потерял в нее веру. И вместе с этой верой он потерял почву под ногами. С лица его с этого момента не сходили растерянность и отчаяние. Только слепой этого не замечал. Ряд деталей, которого хватило бы на целую книгу, проносится в памяти, и трагедия этого человека встает во весь рост. Позади — отвергнутая им Россия, статьи, письма, S.O.S. — впереди — смрадный труп идола, во имя которого им делались все эти публичные выступления. Перед этой пропастью большое сердце не устояло.

Мы сидели на берегу. Близко — рукой подать — сверкал на солнце купол Кронштадтского собора.

— Как близко и как далеко...

— Да, — повторил он, как эхо, — бесконечно близко и бесконечно далеко.

И в глазах его, в этой черной андреевской «Бездне», отразилась вся боль по этой близкой и далекой России. Боль, разбудившая его от моральной смерти и разорвавшая его сердце.

— Ваши планы, Леонид Николаевич?

— Их уже нет. Вместо людей я там нашел шулеров и мошенников. Что ни шаг, то панاما. Сколько позади погубленных из-за этих мерзавцев молодых жизней, сколько пролито крови и сколько еще прольется. Несчастливая Россия...

— Что же вы намерены делать дальше?

— Не знаю. Уеду в Европу, в Америку. Оттуда виднее будет. Буду говорить о России, буду читать лекции.

— О большевизме?

— Да. Там, может быть, я его пойму.

Будь Андреев сильная натура, он легко нашел бы выход из создавшегося положения, как его уже нашли другие. Но Андреев не был сильной натурой. Он не был ни бойцом, ни завоевателем. Он сильно поддавался влиянию других. И шел только по течению, куда его несла неожиданно свалившаяся на его голову слава...

— Это все было так неожиданно, эта слава, — говорил он как-то, — что я сам растерялся. Пью чай, а сам думаю: Леонид Андреев чай пьет. Снимаю брюки, а сам думаю: Леонид Андреев брюки снимает.

Это был человек огромного самолюбия, что, при его мнительности, доводило его иногда до больших ошибок; и я не помню, чтобы он когда-нибудь вслух эти ошибки признавал; он был чужд самокритики: я не помню, чтобы он когда-нибудь говорил о том, что то или иное его произведение слабовато. И он не терпел ни критики своих произведений, ни критики своих поступков. Поддаваясь сильно влиянию чужих, настолько, что он и мыслил и поступал часто так, как его настраивали даже те, с мнением которых он совершенно не считался, он тем не менее был глубоко убежден, что эти мысли и поступки — его собственные. При всем том это была глубокая натура, сильно мыслящая, широко анализирующая.

Через неделю после своего приезда из Гельсингфорса он праздновал день своего рождения¹⁷. Ему минуло 48 лет.

На этот раз, кроме меня и жены, у него никого не было. Он казался оживленным и все повторял:

— Как хорошо, что у меня никого нет, что мы одни.

Разговор вертелся вокруг Кронштадтского пожара и русских летчиков. Англо-французы, потеряв надежду взять Красную Горку и Кронштадт обстрелом, выпустили на эти пункты тучи аэропланов; бомбы падали на город и вызвали большой пожар. Россия ответила тем же. Наши летчики пролетали над окрестностью в определенные часы и бросали бомбы. Одна из них упала недалеко от дачи Л[еонида] Н[иколаевича].

— Я здесь больше не останусь, — говорил он. — Мне здесь все опротивело. Берите меня к себе. Там у вас безлюдно и тихо. Я оставлю у вас семью, а сам уеду за границу.

Через два дня он со всей своей семьей был у меня в Мустамяках. У всех моих домашних осталась в памяти его сгорбленная фигура, его осунувшееся землистого цвета лицо и страдающие глаза.

— Он не жилец... — говорили кругом шепотом.

Я рылся в книгах, когда вдруг увидел перед собой Леонида Николаевича в пальто, с биноклем в руках. Он дрожал.

— Что с вами?

— Был на башне. Туманно. Искал Кронштадта и не нашел... Не нашел...

На другой день он умер.

На руках своей семьи, без графов и банкиров, в глубокой нищете.

За все время его пребывания в Финляндии — мне это доподлинно известно — рука его не коснулась ни одной копейки из того обгаренного братской кровью золота, которое сыпалось в карманы всех тех, кто примазывался к белому движению. После его смерти во всем доме нашлось восемь финских марок¹⁸. Выручил некий Г.¹⁹, давший на гроб и на похороны займы под андреевский дом. Кто-то из моих домашних вздумал устроить подписку на венки. Из первой же дачи, куда уполномоченная пришла с листом, ее грубо выгнали.

— Этому революционеру, погубившему своими книгами Россию, цветы? Никогда. Да будь он трижды проклят!

Но после Андреева остался его «Дневник», куда он заносил в дни братания с ними их гнусную клевету, и они убедили его вдову отдать для обнародования часть этого «Дневника». К несчастью для памяти автора «[Рассказа о] Семи повешенных», эти отвратительные страницы, от которых Л[еонид] Н[иколаевич] впоследствии сам бы отжался, появились в одном из парижских альманахов²⁰. Но это все, что ему удалось выжать из скорбной фигуры Леонида Андреева. Вовлечь его в активную работу, воспользоваться его популярным именем, чтобы поставить его, как знамя, во главе белого движения, им не удалось, несмотря на все их серьезные работы в этом направлении.

И когда он, наконец, в их «стане», куда они завлекли его для вручения ему важного поста, увидел лицом к лицу всех этих вождей и спасателей России, он отшатнулся от них, поняв глубину и силу своего падения.

И это стоило ему жизни.

Со стеклянной веранды моей дачи открывается вид на далекую окрестность. Чувствуется близость залива, а на том берегу Кронштадт... Тот самый Кронштадт, который он так жадно искал за несколько часов до смерти и не находил.

— *Туман мешал...*

И лицо его землистого цвета выражало страдание. На этой веранде стояло тело Леонида Андреева. Мертвое лицо было спокойно.

11. Лео Линдеберг ЗАБЫТАЯ МОГИЛА (1933)

Ваммельсуу... Так близко до России... Если посмотришь на море, то окутанный легкой дымкой виден Кронштадт. Очертания собора... Трубы... В другой стране — Толбухин маяк, Красная Горка... Если погода особенно ясная — вдаль, на востоке, видно белое строение — Сестрорецкий курзал...

Россия так близка... и так недосыгаема...

На горе, окруженная красивой оградой, белая, златоглавая церковь, копия древних Новгородских церквей. Несколько могил, одна с высокохудожественным памятником, склеп. В стороне одинокий холмик, заросший бурьяном... Простой деревянный, черный крест, несколько кустиков шиповника кругом... Здесь похоронен *Леонид Андреев*. Когда, побыв некоторое время у этой могилы и припомнив кем был похороненный там, иду затем обратно, грустно становится на душе, грустно и стыдно... Стыдно за себя, стыдно за всех нас, русских, живущих недалеко от тех мест, где он похоронен. Неужели Леонид Андреев не достоин того, чтобы мы хоть немного о нем помнили? Чтобы хоть немного чтили его память? Неужели его имя нам говорит настолько мало, что мы не находим нужным даже краткой надписью на кресте указать место его вечного упокоения? Неужели так забыт большой писатель, что не находим нужным даже немного следить за его могилой? Вот мысли, которые приходят в голову, и становится от них больно.

...Оборачиваюсь назад: на горе церковь — сочетание цветов белого и золотого, потемневшим крестом осеняет последний приют Леонида Андреева...

12. Редакция «Журнала Содружества»
[МОГИЛА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА] (1934)

12-го сентября сего года исполнилось 15 лет со дня смерти большого русского писателя Леонида Андреева. Последние годы своей жизни он прожил в Финляндии, недалеко от русской границы, в Вammelсуу; там он и похоронен. Тот, кто бывал в Вammelсуу и осматривал его немногие достопримечательности — оригинальный памятник Картавцевой¹ и чудесную Русскую церковь в древненовгородском стиле, вряд ли обратил внимание на заросшую травой и шиповником и осеннюю простым черным крестом могилу. И немудрено — на кресте нет даже краткого указания, кто в ней похоронен. Это могила Леонида Андреева. Она в полном запустении и лишена даже элементарного ухода.

Содружество бывших учащихся Выборгского Русского Реального Лицея и редакция «Журнала Содружества» с разрешения министерства внутренних дел Финляндской Республики открывают сбор на приведение в порядок могилы писателя и на постановку на ней памятника. Считая это начинание общерусским делом, мы обращаемся ко всем русским людям, русским организациям и обществам с призывом исполнить свой долг и поддержать нас. Наш долг, долг русских, позаботиться об украшении и приведении в порядок места последнего упокоения большого русского писателя.

Пожертвования принимаются в редакции «Журнала Содружества». Одновременно сбор будет открыт во всех крупных центрах русского зарубежья².

Примечания

При составлении примечаний к публикуемым в настоящем издании дневнику, письмам, статьям и интервью Андреева и воспоминаниям его современников редакторы ставили себе цель как можно подробнее воссоздать биографический, историко-политический и культурный фон описываемых Андреевым событий самого тяжелого и сложного периода в его личной жизни и в жизни России. В примечаниях приводятся соответствующие фактические, библиографические и другие сведения, должствующие объяснить и уточнить утверждения писателя, и особенно широко используется современная Андрееву пресса, поскольку именно она служила главным источником информации для него самого, оказавшегося в положении оторванного от главного театра военных и политических действий наблюдателя. (Помимо прессы, как всегда бывает в таких переломных исторических ситуациях, большую роль в утолении всеобщей жажды информации играли слухи, часто самые невероятные и противоречивые, но в данном случае редакторы решили отказаться от попытки, большей частью бесплодной, выяснять возможные источники приводимых Андреевым слухов).

Исключением из общего для всего издания подхода к комментариям является принятая редакторами система подачи биографических данных о большинстве из упоминаемых Андреевым и авторами воспоминаний лиц. Особое внимание читателей обращается на следующее объяснение редакторского решения этой проблемы:

1. РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ ДРУЗЬЯ АНДРЕЕВА

Вместо того, чтобы отдельно оговаривать в примечаниях каждое упоминание имен (полных и уменьшительных), очень часто встречающихся на страницах дневника и писем родных и близких друзей Андреева («Андрейч», «Аничка», «Верка», «Левушка», «Люська», «Митрич», «Сереженька» и др., а также «мать»), читатели отсылаются к помещенному в конце тома указателю личных имен, в котором даны фамилии и инициалы данных лиц, например: «Митрич см. Телешов Н.Д.». Установив, о ком идет речь, читатели, желающие прочитать биографическую справку о данном человеке, отсылаются к помещенному между примечаниями и указателями биографическому справочнику. (Иногда ясно, что изошренные варианты уменьшительного имени, употребляемые в письме, относятся к адресату письма, и такие варианты не расшифровываются в указателе личных имен).

2. СОВРЕМЕННОКИ АНДРЕЕВА

Подавляющее большинство фамилий, упоминаемых в текстах современников Андреева, также не оговаривается в примечаниях. Читатели отсылаются к указателю личных имен для кратких сведений о данном человеке (инициалы, девичья фамилия или фамилия по мужу женщины, псев-

доним или настоящая фамилия и т.д.) и к биографическому справочнику для более развернутой биографической справки. В некоторых случаях женщины по той или иной причине никогда не носили фамилии мужа, приведенной в указателе личных имен и в биографическом справочнике, но принятая формулировка, по мнению редакторов, является самым удобным методом для подачи соответствующих биографических сведений.

3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

Упомянутые в текстах исторические личности (государственные, политические и военные деятели, писатели, художники, ученые, философы и другие культурные деятели и др.) из предшествующих эпох оговариваются, как правило, в примечаниях. После русских вариантов иностранных фамилий в указателе личных имен даются и оригинальные формы фамилий латинскими буквами.

4. АНТИЧНЫЕ, БИБЛЕЙСКИЕ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ, МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ДР. ЛИЧНОСТИ

Легендарные, вымышленные и другие личности из области литературной, религиозной и общей культуры оговариваются в примечаниях. Имеется и отдельный указатель имен этих персонажей.

Хотя не всегда удавалось найти нужные сведения, редакторы пытались указать как минимум либо в примечании к первому упоминанию данного лица, либо в биографическом справочнике, годы рождения и смерти всех упоминаемых в текстах и большинства из упоминаемых только в примечаниях к текстам лиц. В случае современников Андреева было решено указать еще место или обстоятельства смерти, с целью подчеркнуть, с одной стороны, масштабы рассеяния выдающихся деятелей дореволюционной России и, с другой, зловещие последствия установления советской власти для очень многих оставшихся в России представителей культурной и социальной элиты.

Помимо вышеупомянутых биографического справочника и указателей личных имен и античных, библейских, литературных, мифологических и других имен, издание снабжается еще указателем произведений Андреева, указателем газет, журналов и сборников и указателем географических названий. В указателе произведений Андреева дается год либо первой публикации, либо написания данного произведения. В указателе газет, журналов и сборников даются места и годы издания. В указателе географических названий даются после русских вариантов шведские и финские формы названий всех мест в Финляндии, а также и оригинальные названия некоторых из менее известных мест в других странах. Не включены в указатель географических названий места издания упоминаемых в примечаниях печатных источников.

Как правило, даты до 1 февраля 1918 приводятся по старому стилю, а после 1 февраля 1918 — по новому. Однако, поскольку не всегда ясно, по какому стилю Андреев датировал, например, письма, написанные весной 1918, иногда даты приводятся по обоим стилям. Это относится и к некоторым газетным и журнальным статьям, упоминаемым в примечаниях.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

При подготовке настоящего издания позднего дневника Леонида Андреева редакторы сталкивались, помимо обычных в таких случаях текстологических проблем, с рядом более существенных, вызванных, главным образом, тем обстоятельством, что не сохранился, насколько известно, авторский машинописный текст дневника.

О том, что Андреев сам печатал дневник на сохранившейся до наших дней пишущей машинке фирмы «Ремингтон» (хранится в Орле), свидетельствуют его собственные упоминания, которые встречаются в отдельных записях почти за весь период, охваченный дневником: «Сейчас я пишу, а возле, почти уткнувшись в машину носом, тихо посапывает Анна» (22 апреля 1918); «Я сейчас вижу его из-за машины» (23 апреля 1918); «Сейчас сижу за машиной скрючившись» (16 мая 1918); «/.../ сейчас я вижу из-за машины» (2 июня 1918); «/.../ плохо вижу шрифт» (19 апреля 1919); «Сижу в кабинете, на обычном месте за машиной» (22 мая 1919); «/.../ и сейчас, стуча и останавливаясь» (5 июля 1919). Есть аналогичные упоминания пишущей машинки и в некоторых из публикуемых здесь писем: «Простите, что пишу на машинке, совсем отвык рукою» (№34); «/.../ горела одна лампа у моей машины» (№35); «/.../ трясется машинка» (№78). В письме №25 Андреев даже употребляет ради шутки несколько сугубо машинописных знаков.

Однако единственные сохранившиеся авторские машинописные записи дневникового типа, представленные в настоящем издании, хранились отдельно от основного текста дневника и, возможно, первоначально не относились к нему. Они включены сюда ради полноты лишь по решению редакторов (см. прим.1 к записи от 1 ноября 1917 и прим.1 к записи от 27 февраля 1918). Включена еще одна отдельная запись, хранившаяся в рукописной копии Анны Ильиничны — см. прим.1 к записи от [второй половины марта 1916].

Чем объясняется пропaja авторской машинописи основного текста дневника? Ответить на этот вопрос можно только весьма предположительно.

Нет сомнения, что вдова Андреева, Анна Ильинична, относилась к дневнику мужа с особым благоговением, поскольку последним поручением Андреева перед его внезапной смертью 12 сентября 1919 была просьба переписать избранные дневниковые записи, которыми он, возможно, собирался пользоваться для своих антибольшевистских лекций в США. Анна Ильинична писала об этом в своем дневнике в первую годовщину смерти Андреева 12 сентября 1920:

«В три часа мы пообедали. Пошли в кабинет. Стал читать отрывки из Дневника своего, говорит: "Вот если бы ты, Нюсъё, мне переписала бы в отдельную тетрадку это (отмечал крестиками), го у меня собрался бы кое-какой материал".

Всеми отрывками я восхищалась, он ласково улыбнулся в ответ. Наташа внесла стакан чаю, ПОСЛЕДНИЙ. Проводила его, уложила. И так спешила начать переписывать, что не поцеловала на прощание.

Успела переписать пять строк, как он закричал: Аня! — вбежала к нему. Еще: "Тут (показывая на сердце) что-то схватило". Упал, и через полчаса его не стало.

Да и еще. Когда он мне сказал о последнем решении: ничего не писать, не работать, только мне переписать из Дневника /.../» (Цитируется по кн.: Андреева В. Эхо прошедшего: Роман. М., 1986. С.211).

В своих воспоминаниях о последних часах жизни Андреева, опубликованных в том же 1920, М.К.Иорданская указывает на то, что Анна Ильинична начала именно перепечатывать на машинке отмеченные Андреевым дневниковые записи, и она приводит запись, увиденную ею на оставшемся в машинке листе бумаге. Этот лист сохранился, и запись на нем действительно занимает 5 с лишним строк (См. С.387 настоящего издания и прим.35 к воспоминаниям Иорданской).

Обстоятельства сложились так, что Андреев как будто завещал Анне Ильиничне заботу о своем дневнике и даже подал мысль об использовании избранных записей с публицистической целью. Как бы то ни было, осенью 1920 Анна Ильинична, может быть, под воздействием записанных в своем дневнике воспоминаний, переписала, уже от руки, весь текст андреевского дневника в две тетради (в конце первой тетради стоит дата 28 октября 1920), которые она после отъезда из Финляндии хранила при себе (вместе с относящейся, кажется, к 1930-м годам машинописной копией — РАЛ MS.606/Е.14.iii) на всем протяжении своей эмигрантской одиссеи (Берлин—Рим—Прага—Париж—Нью-Йорк) и до самой смерти в США в 1948. Тетради эти потом перешли к проживавшему в Аргентине Савве Леонидовичу, а после его смерти вернулись в Европу вместе с другими архивными материалами, хранившимися у Саввы Леонидовича, и стали частью собрания Валентина Леонидовича. Теперь они хранятся в РАЛ (MS.606/Е.14.ii**.*.a, b), и по ним публикуется настоящее издание дневника Андреева.

Судьба авторской машинописи неизвестна. Даже учитывая отсутствие в то время современной техники фотокопирования, Анна Ильинична вряд ли доверяла оригинал дневника редакторам «Русского Сборника» и журнала «Жар-птица», в которых были впервые опубликованы избранные дневниковые записи в 1920-1921 (см. ниже библиографию). Не исключено, что машинопись путешествовала вполне благополучно с Анной Ильиничной по Европе и США, где была напечатана в газете «Новое Русское Слово» последняя при жизни Анны Ильиничны публикация из дневника (см. ниже библиографию — публикация предваряется редакторской заметкой: «Ниже печатаемый отрывок любезно предоставлен редакции "Нового Русского Слова" вдовой Л.Н.Андреева, Анной Ильиничной, подготовляющей издание еще не опубликованных "Дневника" и переписки покойного писателя»), и что она потом доехала так же благополучно до Саввы Леонидовича, но пропала после его смерти, поскольку известно, что не все материалы, хранившиеся у Саввы Леонидовича, оказались впоследствии у Валентина Леонидовича. Будем надеяться, что машинопись еще обнаружится в результате предпринимаемых в настоящее время в Аргентине поисков.

Представляет ли рукописная копия Анны Ильиничны подлинный текст андреевского дневника? На этот вполне оправданный вопрос можно дать определенно положительный ответ. Анна Ильинична работала профессиональной стенографисткой в то время, когда она познакомилась с Андреевым, и она продолжала исполнять секретарские обязанности и после замужества. К тому же она относилась к творчеству мужа, и при его жизни, и после его смерти, с беспредельной преданностью. В данном случае главным результатом этого сочетания профессиональных навыков с трепетным отношением к каждой букве, написанной Андреевым, является достоверность сохранившегося в рукописной копии Анны Ильиничны текста андреевского дневника. Изучение копии показывает, что, помимо отдельных типичных именно для профессионалов опусков, которые легко узнаются, Анна Ильинична точно воспроизвела текст оригинала, сохраняя характерные для Андреева отклонения от норм орфографии и пунктуации и восстанавливая зачеркнутые Андреевым слова и фразы (в настоящем издании они даются в косых скобках), но, нужно полагать, позволяя себе по ходу переписки устранить большинство из явных опечаток (переставленные и повторяемые, или пропущенные при переходе с одной строки на другую буквы и т.д.), которым пестрят все машинописные тексты, напечатанные самим Андреевым. Лишь в очень немногочисленных случаях очевидной смысловой путаницы у редакторов возникли сомнения относительно правильности отдельных слов в передаче Анны Ильиничны. Поэтому редакторы имели все основания думать, что, учитывая все вышеизложенные соображения, пред ними аутентичный текст андреевского дневника.

Редакторы поставили себе цель как можно меньше затруднять чтение текста и свести к минимуму следы своей текстологической работы. Поэтому здесь перечисляются изменения, введенные в текст без оговорок. (К ним относятся и мелкие опуски).

1. Старая орфография заменена новой, несмотря на утверждения Андреева, что «/.../ мы, писатели, единственные творцы живого языка, для которого орфография является неотдираемой кожей, и что только мы имеем право решить этот вопрос» (из записи от 5 августа 1918), и «/.../ я не хочу по новому правописанию, которого я лично не признаю и которое введено не законным государственным путем, а декретом. Если правомочное русское правительство введет или утвердит это правописание, я, конечно, должен буду принять его, но пока это идет от шайки мошенников, оно является для меня антихристовой печатью» (из записи от 8 января 1919). Еще в 1901 в фельетоне в газете «Курьер» (№141. 24 мая. С.3) Андреев возражал против очередной попытки орфографической реформы, но любопытно отметить в этой связи, что сам Андреев в ранних дневниках систематически опускал твердые знаки в конце слов, кончающихся согласными.

2. Стандартизовано устарелое или своеобразное правописание ряда слов и словосочетаний (в скобках принятый вариант): боченок (бочонок), взергивать (вздергивать), во едино (воедино), вядчина (ветчина), гемморой (геморрой), голинише (голенище), гуманистический (гуманистиче-

ский), девченка (девчонка), диета (диета), запречь (запрячь), в затишьи (в затишье), за то (зато), о здоровьи (о здоровье), имянины (именины), имянинник (именинник), кампания (компания), комиссия (комиссия), Комунна (Коммуна), корридор (коридор), кровеобрашение (кровеображение), лице (лицо), мущина (мужчина), мятель (метель), на земь (наземь), на яву (наяву), не даром (недаром), не смотря (несмотря), ослинный (ослиный), официозный (официозный), плаванье (плавание), на побережьи (на побережье), повидимому (по-видимому), в подпольи (в подполье), приемственность (преемственность), противуположный (противоположный), противупоставить (противопоставить), серьезный (серьезный), Соллогуб (Сологуб), сумашестве (сумасшествие), к счастью (к счастью), тераска (терраска), в течении (в течение), Украина (Украина), чорт (черт), шол (и производные нашол, пошол, прошол и т.д.) (шел, нашел, пошел, прошел и т.д.), шоффер (шофер) и др. В этом отношении иногда представляли проблему сочетания с «не» (не верно / неверно, не способен / неспособен и др.). Встречаются случаи замены частицы «ни» частицей «не» в сочетаниях типа «как бы то ни было». В двух случаях Андреев причисляет к мужскому роду слова, которые теперь причисляются к женскому роду: манер (манера), мигрень. Поскольку пришлось бы изменить и ряд других грамматически связанных с ними слов, было решено их не стандартизовать.

3. Стандартизованы русские эквиваленты финских географических названий, которые встречаются у Андреева в самых разнообразных вариантах. Это относится в особенности к названию деревни Тюрисево (Tyrisevä), для которого Андреев нашел до десятка вариантов.

4. Раскрыты сокращенные слова без обычно ожидаемых в большинстве из перечисленных случаев редакторских квадратных скобок: Госуд. (Государственный), герм. (германский), гол. (головной), гр. (градус), Зим. Дворец (Зимний Дворец), истор. (исторический), коп. (копейка), кот. и к-ый (который), кр.(красный), напр. (например), п. (пуд), пр. (прочий), прав. (правительственный), проф. (профессор), р. (рубль), револ. (революционный), ст. (станция), тел. (телефонный), Учр. (Учредительный), ф. (фунт), ч. (час) и др. Андреев часто писал слово «как» без буквы «а», и во всех таких случаях оно раскрыто без квадратных скобок. Также раскрыты без квадратных скобок имена, отчества, фамилии и другие названия, которые представлены не одними лишь инициалами, а достаточным количеством букв, чтобы не было никакого сомнения относительно их полной формы. Инициалы, напротив, либо раскрыты в квадратных скобках, если редакторы были уверены по той или иной причине в правильности расшифровки, либо оговорены в примечаниях. Единственным исключением из этого правила является очень часто встречающееся сокращенное до аббревиатуры название газеты «Русская Воля», которое везде раскрыто без квадратных скобок.

5. Пунктуация стандартизована и, в случаях необходимости, исправлена, например, в тех местах, где допущены либо двусмысленность, либо явные ошибки (кавычки поставлены в начале цитаты, но не в конце, скобки открыты, но не закрыты, и др.). Андреев не употреблял дефиса в та-

ких сочетаниях, как «кто-то», «что-нибудь», «вот-вот» и др. Зато он иногда употреблял дефис в сочетаниях, которые теперь пишутся без дефиса. В обоих случаях проведена стандартизация. Не заключенное в квадратных скобках многоточие везде авторское.

б. Авторская разрядка и подчеркивание слов для эмпазы заменены курсивом.

Нельзя было, естественно, устранить все следы работы над текстом. Кроме оговоренных выше случаев, в которых употребляются квадратные скобки при раскрытии инициалов, пришлось ими пользоваться еще и в тех случаях, когда было решено: добавить слова, пропущенные Андреевым, либо по ошибке, либо в результате свойственного любому дневнику «телеграфного» стиля; вставить ради ясности не указанные Андреевым части дат, названий его произведений и фамилий упомянутых им людей; внести в текст мелкие уточнения; указать на странные или сомнительные, но безусловно наличествующие в тексте слова (иногда дается альтернатива с вопросительным знаком, иногда вставляется слово «sic»); и др.

Редакторы придерживались тех же самых текстологических принципов при подготовке к печати публикуемых в настоящем издании писем, статей и интервью Андреева и воспоминаний его современников.

Благодаря тому, что Андреев примерно с 1908 печатал почти все свои письма на машинке и оставлял себе копии, его архив богат его собственными письмами, в отличие от большинства других личных архивов, в которых хранятся, как правило, письма, адресованные фондообразователю, а не им написанные. Во многих случаях оригиналы этих писем утрачены, и поэтому редакторы не имели возможности сверить тексты сохранившихся копий с текстами получаемых адресатами писем, в которые Андреев обычно вносил мелкие поправки от руки. Этим объясняется и отсутствие в конце многих писем обычных для Андреева рукописных приветов и даже подписи. Копии некоторых писем носят характер черновиков и иногда содержат пространственные варианты, которые в настоящем издании восстановлены, хотя нужно предположить, что адресаты получили беловые варианты писем.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- «Андреевский сборник» Андреевский сборник: Исследования и материалы / Под ред. Л.Н.Афониной. Курск, 1975 (Научные труды. Т.37/130).
- «Год интервенции» Маргулиес М.С. Год интервенции: В 3 кн. Берлин, 1923.
- РНБ Российская национальная библиотека, СПб. Рукописный отдел.
- «Детство» Андреев В.Л. Детство: Повесть. М., 1963.
- «Дом на Черной Речке» Андреева В.Л. Дом на Черной Речке: Повесть. М., 1974.
- ИРЛИ Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом).
- ЛН2 Литературное наследство. Т.2. М., 1932.
- ЛН72 Литературное наследство. Т.72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М., 1965.
- ЛН80 Литературное наследство. Т.80: В.И.Ленин и А.В.Луначарский: Переписка, доклады, документы. М., 1971.
- ЛН92 Литературное наследство. Т.92: Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 кн. М., 1980-.
- ЛН95 Литературное наследство. Т.95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М., 1988.
- «Перед задачами времени» Андреев Л.Н. Перед задачами времени: Политические статьи 1917-1919 годов / Сост. и подг. текста Р.Дэвиса. Benson (Vermont, USA), 1985.
- РАЛ Русский Архив (Лидский университет, Великобритания).
- «Реквием» Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева / Под ред Д.Л.Андреева и В.Е.Беклемишевой. Предисловие В.И.Невского. М., 1930.
- «Русский Современник» Андреев Л.Н. Письма / Публикация К.И.Чуковского // Русский Современник (Ленинград). 1924. №4. С.122-164.
- Т.1—8 Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений: В 8 тт. СПб., 1913.
- РГАЛИ Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- Columbia Bakhtmeteff Archive (Archive of Russian and East European History and Culture), Columbia University (New York, USA).
- Kaun Kaun A. Leonid Andreyev: A Critical Study. New York, 1924.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДНЕВНИКУ

Отдельные дневниковые записи публиковались, иногда в сокращенном виде, в следующих изданиях:

Русский Сборник (Париж). 1920. С.149-168 (13, 18, 22, 27, 28, 29, 30 апреля, 1, 9, 19, 24, 31 мая, 3 июня, 23, 29 июля 1918);

Жар-птица (Париж). 1921. №2. С.24-26; 1921. №3. С.38-40 (11 марта, 26, 28, 29 апреля, 3, 5, 12, 13 мая 1918, 8, 9, 10 сентября 1919);

Жизнь Искусства (Петроград). 1921. №3. С.9-10 (перепечатка записи от 10 сентября 1919 из журнала «Жар-птица»);

Общее Дело (Париж). 1921. №311. 23 мая. С.2; № 313. 23 мая. С.2 (перепечатка записей из «Русского Сборника»);

Грани (Берлин). 1922. №1. С.5-7 (15 августа 1914);

Реквием. С.3-50 (перепечатка записей из журнала «Жар-птица» с добавлением двух выдержек из писем Андреева к Е.М.Добровой от марта 1918);

Новое Русское Слово (Нью-Йорк). 1944. №11838. 24 сентября. С.8 (3 мая 1918);

Страна и мир (Мюнхен). 1985. №6. С.64-77 (перепечатка записей из «Русского Сборника»);

Простор (Алма-Ата). 1989. №9. С.153-157 (перепечатка записей из журнала «Жар-птица»);

Московский вестник (Москва). 1991. №6. С.328-337 (перепечатка записей из «Русского Сборника»).

Выдержки из дневниковых записей приведены А.Д.Кауном (в переводе на английский язык) в статье «The End of Andreev» (New Republic, New York. 1922. 28 June. P.134-135) и в монографии «Leonid Andreev: A Critical Study» (New York, 1924) и В.Л.Андреевым в кн. «Детство» (М., 1963).

15 августа 1914 г.

¹ Запись от 15 августа 1914 использована Андреевым в начале второй части повести «Иго войны» (Литературно-художественный альманах изд-ва «Шиповник». Кн.25. 1916. С.177-178).

11 октября 1915 г.

¹ С декабря 1906 по начало мая 1907 Андреев жил на Капри. Туда его пригласил из Берлина Горький после смерти А.М.Андреевой от послеродовой горячки. На Капри в течение января и февраля 1907 Андреев писал повесть «Иуда Искариот и другие», помеченную в конце 24 февраля 1907 и опубликованную 14 апреля 1907 в «Сборниках товарищества "Знание"» (СПб.), кн.ХVI.

² «Рассказ о семи повешенных» (1908).

³ *Idée fixe* (франц.) — навязчивая идея.

⁴ Летом 1908 Андреев узнал, что в период между разводом с первым мужем и замужеством с ним у Анны Ильиничны были романы, которые она от него скрывала (см. отдельную запись от 8 сентября 1908 среди писем к А.И.Андреевой в РАЛ MS.606/G.11.i**).

⁵ В повести «Мои записки» (1908) встречаются характерные для героя фразы: «Конечно, я шучу», «да простится мне эта маленькая шутка», «оставляя без ответа мои шутки и указания», «понял наконец мою шутку», «Я шучу?!», «мне не до шуток» (Т.3. С.199, 205, 215, 216, 239, 251).

Ноябрь 1915 г.

¹ В ремарке, предшествующей третьей картине «Жизни человека» (1907), воспроизводится мотив польки, которую играли во время бала у Человека (Т.1. С.196). Музыка для постановки Московского Художественного Театра была написана И.А.Сацем (1875-1912). Экземпляр нот с обложкой В.Е.Егорова (1878-1960, Москва) хранится в РАЛ MS.606/C.11.iv*.

28 февраля 1916 г.

¹ Сохранился ранний дневник Андреева за 1890-1893 и 1897-1901 с отдельными записями за 1903, 1905 и 1907 (РАЛ MS.606/E.1.9; ИРЛИ. Ф.9. Оп.1. Ед.хр.16; Собрание И.С.Зильберштейна, Москва).

² Начиная с 1905, но особенно в 1910-е гг. переводы произведений Андреева часто издавались в США. Сохранился русский перевод письма из Новой Зеландии от коллекционера автографов Монтагу Булла, который обратился к Андрееву во время Первой мировой войны (РАЛ MS.606/F.15*).

³ С 4 февраля по 7 апреля 1916 Андреев лечился от невралгии в руководимой Л.С.Абрамовым лечебнице для нервных болезней доктора Ф.Ф.Штейна (Петроград, Тверская ул., 10).

1 марта 1916 г.

¹ Л.Е.Чирикова (см. примечание Андреева в записи от 20 августа 1918).

12 марта 1916 г.

¹ В тексте пробел.

[Вторая половина марта 1916 г.]

¹ Запись хранится отдельно от основного текста дневника в рукописной копии А.И.Андреевой (РАЛ MS.606/E.15**). Датируется по содержанию.

² В тексте два пробела до и после слова «пустышками».

2 ноября 1916 г.

¹ Андреев смешивает слова Христа «Noli me tangere» («Не прикасайся ко Мне»), обращенные к Марии Магдалине (Ин. 20: 17), с изречением

Архимеда «Noli turba circulos meos» («Не мешайте моим кругам»), обращенным к пришедшим его убить римским солдатам. А.А.Блок тоже употребляет эту «смешанную» фразу в названии стихотворения «Noli tangere circulos meos» (1909).

31 декабря 1916 г.

¹ В начале сентября 1916 в связи с работой в газете «Русская Воля» Андреев переехал с семьей из Ваммельсуу на квартиру в Петрограде (наб. Мойки, д.1). Поблизости находился Храм Воскресения Христова (Храм Спаса на Крови).

14 января 1917 г.

¹ Тот — герой пьесы Андреева «Тот, кто получает пощечины» (1916).

27 [т.е 28] февраля 1917 г.

¹ Приведшее к Февральской революции забастовочное движение началось в Петрограде 23 февраля и завершилось 27 февраля, когда к бастующим присоединились войска гарнизона, и образовались Временный комитет Государственной Думы и Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов.

2 марта 1917 г.

¹ Цитата из 42-й строфы сатирической поэмы А.К.Толстого (1817-1875) «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1883).

² Имеется в виду Парижская Коммуна 1871 г., опыт которой сыграл важную роль в формировании взглядов на революционный процесс упомянутых ниже в записи Карла Маркса (1818-1883) и Фридриха Энгельса (1820-1895).

³ 5-8 сентября 1915 в Циммервальде (Швейцария) состоялась конференция представителей социалистических партий Европы, в том числе В.И.Ленина, Г.Е.Зиновьева, П.Б.Аксельрода (1850-1928, Берлин), Ю.О.Мартова и Л.Д.Троцкого, которая указывала на империалистический характер Первой мировой войны и призывала рабочих Европы к борьбе «за мир без аннексий и контрибуций».

⁴ См. в хронике революционных событий, напечатанной в «Русской Воле» (1917. №2. 7 марта. С.7): «Прекращение выхода газет. Первыми забастовали рабочие типографии "Биржевые Ведомости", "Русская Воля" и "День", где рабочие не приступили к работам 24 февраля. 25 февраля вышли газеты "Речь", "Современное Слово", "Новое Время", "Газета-Копейка", все правительственные и правые газеты, а на следующий день не выходила уже ни одна газета». На первой странице «возобновленной» «Русской Воли» (1917. №1. 5 марта) печаталось следующее объявление: «Петроградский Центральный Комитет Печатников, при-

соединяясь к решению Совета Рабочих и Солдатских Депутатов о немедленном выпуске еждневной прессы, постановил немедленно призвать товарищей газетных работников к работе по выпуску нижеследующих газет: рабочие газеты "День", "Речь", "Современное Слово", "Биржевые Ведомости", "Русская Воля", а также "Известия [Петроградского] Совета Рабочих и Солдатских Депутатов" и "Известия" Петроградского Комитета Журналистов. При этом должен быть соблюден обязательный 8-ми часовой рабочий день и полный воскресный отдых. Петроградский Центральный Комитет Печатников». Из перечисленных в объявлении газет только последние две выходили до 5 марта (№1 «Известий Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» вышел 28 февраля), что, возможно, задело принужденного «молчать» Андреева.

⁵ Сохранилась датированная 26 августа 1914 запись «Мое предсказание» (РАЛ MS.606/Е.10), содержащая изложение Андреевым предполагаемого хода военных и политических событий, кульминацией которых должен был стать ряд революций в странах Европы. Текст записи опубликован с кратким предисловием Р.Дэвиса в журнале «Sbornik» (1987. №13. Р.107-110) и перепубликован в качестве приложения к статье Л.А.Иезуитовой «Л.Н.Андреев-публицист в канун революции» (Русская литература. 1989. №3. С.199-209).

25 [т.е.26] октября 1917 г.

¹ Время начала записи совпадает с арестом Временного правительства после занятия Зимнего дворца большевиками в ночь с 25 на 26 октября 1917. Из квартиры Андреева на Мойке события вооруженного восстания были хорошо слышны.

1 ноября 1917 г.

¹ Запись хранится отдельно от основного текста в виде машинописи (РАЛ MS.606/Е.12.). 26 октября 1917 Андреев переехал с семьей из Петрограда в Ваммельсуу (см. письмо №1).

² 26-30 октября 1917 войска Керенского и ген. П.Н.Краснова (1869-1947, Москва, казнен) наступали на Петроград, 30 октября сражались на южных окраинах Петрограда около Пулково (рядом находилась деревня Каменка), а 31 октября Керенский окончательно бежал из Гатчины.

³ Перефразировка заключительных слов первой строфы «Интернационала» Эжена Потье (1816-1887) в русском переводе А.Я.Коца (1872-1943, Свердловск): «Кто был ничем, тот станет всем».

27 февраля 1918 г.

¹ Запись хранится отдельно от основного текста дневника в виде машинописи (РАЛ MS.606/Е.13).

² См. прим. 5 к записи от 2 марта 1917.

³ Андреев, возможно, имеет в виду свои первые статьи в «Русской Воле» после Февральской революции «Памяти погибших за свободу»

(5 марта 1917), «Путь красных знамен» (8 марта 1917), «Цели войны и задачи Временного правительства» (28 марта 1917) и, в частности, посвященную отмене смертной казни «Убийцы и судьбы» (1 апреля 1917). (Статьи переизданы в сборнике «Перед задачами времени»). В качестве министра юстиции А.Ф.Керенский уже 8 марта 1917 «контрассигнировал декрет совета министров об отмене навсегда в России смертной казни» (Русская Воля. 1917. №6. 9 марта. С.5), и через десять дней в прессе сообщалось: «Указом правительствующему сенату временное правительство постановило: — 1. Смертную казнь отменить. /.../» (Русская Воля. 1917. №22. 18 марта. С.5).

⁴ Одной из главных задач Временного правительства было проведение выборов в Учредительное собрание. После того как большевики получили только немногим больше 20% голосов на выборах в конце 1917, они уже утром 6 января 1918 разогнали начавшееся 5 января первое заседание Учредительного собрания, а 7 января объявили о его роспуске.

13 апреля 1918 г.

¹ Сохранился отдельный машинописный лист с записью от 13 апреля 1918 (РАЛ MS.606/Е.14.и). Об этом листе, вероятно, шла речь в воспоминаниях М.К.Иорданской, где приводится вариант записи (см. С.387 настоящего издания).

16 апреля 1918 г.

¹ Образ Петербурга занимает исключительно важное место в творчестве Д.С.Мережковского. «Его Петербург есть образ, рожденный нашим недавним прошлым, полным предчувствием катастрофы. Прозрачный город Гоголя и Достоевского архаизируется Мережковским и озаряется апокалиптическим светом» (Анциферов Н. Душа Петербурга. Пб., 1922. Цит. по: Л., 1990. С.171-172).

² Андреев считал началом своей литературной карьеры появление привлечшего внимание М.Горького рассказа «Баргамот и Гараська» в пасхальном номере московской газеты «Курьер» от 5/17 (а не 8/20) апреля 1898, хотя у него были более ранние литературные публикации, начиная с 1892.

³ В «Реквиеме» (1917) директор говорит: «Моих страданий я не передам слезами. Моих страданий я не передам и криком /.../» (Реквием. С.32).

18 апреля 1918 г.

¹ См. начало части II вступительной статьи.

² В январе 1918 А.Н.Андреева поехала в Петроград провожать младшего сына Андрея, около 20 января заболела воспалением легких и вынуждена была оставаться в городе больше двух месяцев. В связи с болезнью матери сам Андреев провел в Петрограде несколько недель в январе-феврале 1918 А.Н.Андреева вернулась в Ваммельсуу в первой

половине апреля 1918 г. (См. первую часть воспоминаний М.К.Иорданской; Детство. С.208 и сл.; письма №6-8 и сл.)

³ Сохранилась фотография «Царей иудейских» (см. иллюстрации). См. также запись от 1 июня 1918.

⁴ 1 марта 1918 Первый партизанский рабоче-крестьянский красный социалистический отряд при Центральном исполнительном комитете, который искал анархистов, арестовал шестерых студентов и расстрелял их в ночь на 2 марта на территории Александро-Невской лавры (См.: Дело о расстреле шести // Новая Жизнь. 1918. №69. 17 апреля. С.3). Это событие вызвало сильные протесты, в частности Горького (См.: Новая Жизнь. 1918. №44. 17 марта. С.1).

21 апреля 1918 г.

¹ См. прим 2 к записи от 16 апреля 1918.

² См. письмо №30.

³ Андреев, вероятно, имел в виду петроградские газеты. В гельсингфорсской газете «Русский голос» появилась заметка посетившего Андрея Л.М.Василевского: Эльве. К юбилею Леонида Андреева (1918. №27. 12 апреля. С.3) (См. С.371 настоящего издания).

⁴ 21 апреля 1918 Ф.И.Шаляпин выступал в петроградском Народном доме на организованном РСДРП концерте, посвященном памяти Карла Маркса, и исполнял «Пора» Рахманинова, «Песню о блохе» Мусоргского, «Сомнение» Глинки (с виолончелистом Е.В.Вольфом-Израэлем) и «Дубинушку» (с участием аудитории). О предстоящем «утре памяти К.Маркса» сообщалось в «Новой Жизни» (1918. №72. 20 апреля. С.2 и 4).

⁵ О состоявшейся 19 апреля 1918 встрече А.В.Луначарского с представителями Союза деятелей искусств см. ниже прим.7. Куприн не упоминается в газетных отчетах об этой встрече.

⁶ Андреев, по всей вероятности, имеет в виду статьи «Россия и интеллигенция», а, может быть, и поэмы «Скифы» и «Двенадцать» и другие отдельные стихотворения А.А.Блока, опубликованные в феврале-марте 1918 в газете «Знамя Труда», членом редколлегии которой являлся Б.Д.Камков. Было бы, наверное, правильнее сказать, что редактором Блока был Иванов-Разумник.

⁷ Как ведущий участник учрежденного в Петрограде в марте 1917 Союза деятелей искусств Ф.К.Сологуб решительно критиковал деятельность Наркомпроса на заседании Союза 19 апреля 1918, на котором выступал с речью А.В.Луначарский. Луначарский защищал предполагаемое упразднение Академии художеств и снесение памятников и отнесся снисходительно и иронически к возражениям представителей Союза. На заключение Сологуба: «Значит, вы объявляете нам войну?» Луначарский ответил: «Ну, зачем же войну, можно еще собраться и обсудить» (Наш Век. 1918. №8. 23 апреля. С.3). Подробный отчет о заседании был напечатан в «Новой Жизни» (1918. №73. 21 апреля. С.4).

22 апреля 1918 г.

¹ Не удалось установить источник приписанного Троцкому изречения.

² Начало русской народной песни из «блатного мира», которая продолжается: «А то в каторгу сошлют, скуют кандалами».

³ См. прим. 3 к записи от 18 апреля 1918.

⁴ По поводу приписанного Л.Н.Толстому крылатого изречения («Он пугает, а мне не страшно») см.: Дэвис Р. О письмах Л.Н.Андрееву // Русский Альманах. Париж, 1981. С.448-449.

23 апреля 1918 г.

¹ Ср. Лк. 17:1-2 «/.../ невозможно не придти соблазнам, но горе тому, чрез кого они приходят: Лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтоб он соблазнил одного из малых сих».

24 апреля 1918 г.

¹ Пес сенбернар.

² См. прим. 3 к записи от 21 апреля 1918.

³ Thanatos (греч.) — смерть.

⁴ Портрет под названием «Финн» (1912) был воспроизведен в журнале «Солнце России» (1913. №13. С.9). Оригинал хранится в ИРЛИ. См. также репродукцию в ЛН72. С.335.

⁵ Сооружение форта Ино, являвшегося частью кольца обороны Петербурга со стороны Финского залива, началось в 1909. Согласно договору, заключенному 1 марта 1918 между социалистическим правительством в Финляндии и большевистским правительством, форт остался в руках большевистских войск, а Финляндия получила в обмен порт на Баренцевом море. Во время финской гражданской войны первые белые войска подступили к Ино 24 апреля 1918. Подкрепления были отправлены в Ино из Кронштадта, но большевистское правительство решило не вступать в бой с войсками Маннергейма, и 15 мая эвакуировало крепость и взорвало часть укреплений. Взятие Ино положило конец финской гражданской войне. События в Ино отражены и в следующих записях (см., например, запись от 14 мая 1918).

⁶ В РАЛ MS.606/G.34.ii*(1) хранится бумажка, в которую были завернуты патроны, с надписью «Найдены в лесу возле Райвола 24 Апреля после боя».

25 апреля 1918 г.

¹ Слова, которые повторяет приговоренный к смерти за убийство эстонский крестьянин Иван Янсон в «Рассказе о семи повешенных» (см., в частности, посвященную ему главу: Т.4. С.13-22).

² Ср. в письме от [декабря 1902] к В.С.Миролюбову: «В 1894 году в январе я неудачно стрелялся, последствием неудачного выстрела было — церковное покаяние, наложенное на меня начальством, — и болезнь сердца, не опасная, но упрямая и надоедливая» (Литературный архив. 1960. №5. С.99).

³ Андреев купил яхту «Далекий» в 1912 и каждое лето вместе с родными и друзьями плавал на ней по финским шхерам (см., например, машинописные записи «Плавание 1912 г.», РАЛ MS.606/G.1.viii.c). (Уже с 1909 Андреев плавал по Финскому заливу на моторной лодке «Савва»). Объявление войны 19 июля 1914 застало Андреева в Або, где он и оставил «Далекий». В 1920 А.И.Андреева продала яхту Абоской судостроительной верфи (РАЛ MS.606/G.11.xiii*).

⁴ Андреев лечился в петроградских клиниках И.Л.Герзони и Л.С.Абрамова в сентябре-ноябре 1914, апреле-мае 1915, феврале-апреле 1916 и марте 1917.

⁵ Этими словами начинается упоминаемая выше в записи повесть «Красный смех» (1905) (Т.4. С.92) и ими определяется отношение повествователя к описанным в повести событиям на фронте и в тылу русско-японской войны.

⁶ См. прим. 4 к записи от 18 апреля 1918.

⁷ 10/23 марта 1918 немцы начали бомбардировать Париж с расстояния 120 километров из специально построенных фирмой Крупп «Парижских пушек», стволы которых были 33,5 метра в длину.

26 апреля 1918 г.

¹ Старая Пильня (Vanha saha) находилась в Мецякюля недалеко от дома Андреева.

27 апреля 1918 г.

¹ Английский историк Эдуард Гиббон (1737-1794) известен своим капитальным трудом «История упадка и разрушения Римской империи», русский перевод которого (7 тт., 1883-1886) имелся в библиотеке Андреева (РГАЛИ. Ф.11. Оп.1. Ед.хр.22; Детство С.206).

² Ср. призыв «Вперед к свободе, земле и воле» из приказа Керенского армии и флоту от 12 мая 1917. (Русская Воля. 1917. №113. 14 мая. С.8).

³ Согласно мирному договору, заключенному между большевистским правительством и странами Четверного союза 3 марта 1918 в Брест-Литовске, признавалась самостоятельность Украины и Финляндии и часть закавказских территорий отходила к Турции. Также отделены от бывшей Российской империи были территории будущих самостоятельных государств Польши, Литвы, Латвии и Эстонии.

⁴ Оборона крепости Порт-Артура во время русско-японской войны длилась от 27 января до 20 декабря 1904.

⁵ Декретом о суде №1, принятым Совнаркомом 22 ноября 1917, царская судебная система была заменена народными трибуналами.

⁶ Горький, наоборот, выступил против отмены суда в «Новой Жизни» (1917. №207. 21 декабря. С.1).

⁷ Андреев имеет в виду, по всей вероятности, не довольно редко присуждаемый Георгиевский орден, а утвержденные в 1913 Георгиевский крест и Георгиевскую медаль, которыми было награждено несколько миллионов офицеров, солдат и штатских во время Первой мировой войны.

⁸ Горький написал по поводу расстрела 6 студентов (см. прим. 4 к записи от 18 апреля 1918): «В наши кошмарные дни совесть издохла» (Новая Жизнь. 1918. №44. 17 марта. С.1).

28 апреля 1918 г.

¹ После лодзинской операции 29 октября — 11 ноября 1914, во время которой русские войска успешно сопротивлялись попытке немцев их окружить, 22 ноября 1914 все-таки пришлось Лодзь эвакуировать.

² В РАЛ MS.606/С.8.iii* сохранились ноты капельмейстера 15-го стрелкового полка Л.Чернецкого (сына): Дни нашей жизни: Марш для фортепиано в 2 руки. Одесса, б.г.

³ См. запись от 15 августа 1914.

⁴ См. запись от 23 апреля 1918.

⁵ Квартира Андреева на Мойке находилась недалеко от казармы Павловского полка.

⁶ На глубоко интересовавшую его тему авиации Андреев написал очерк «НОМО» (Отчество. 1914. №3. 16 ноября 1914. С.61-64) и рассказ «Надсмертное / Полет» (1914), в котором сказано, в частности: «Только кратчайшее мгновение прошло, как отделился Юрий Михайлович от земли, а уже находится он в мире ином, в иной стихии, легкой и безграничной, как сама мечта /.../» (цит. по изд.: Андреев Л. Повести и рассказы: В 2 тт. М., 1971. Т.2. С.229).

29 апреля 1918 г.

¹ *Dura lex, sed lex (лат.)* — Закон суров, но это — закон.

² Не совсем точные цитаты из второй главки поэмы А.А.Блока «Двенадцать»: «В зубах — цыгарка, примят картуз, / На спину б надо бубновый туз!»; «Товарищ, винтовку держи, не трись! / Пальнем-ка пулей в Святую Русь».

³ Дневник Андреева за 15 мая — 17 августа 1891 хранится в РАЛ MS.606/Е.4*. Запись от 1 августа 1891 переписана не совсем точно.

⁴ В молодости Андреев увлекался самым известным трудом немецкого философа Эдуарда фон Гартмана (1842-1906) «Философия бессознательного» (1868, русский перевод 1873-1875).

⁵ Инициатором московского литературного кружка «Среда» (1899-1916) был Н.Д.Телешов. На встречах кружка бывали И.А.Белюсов,

И.А.Бунин, М.Горький, Скиталец, Е.Н.Чириков, Ф.И.Шаляпин и др. Андреев вошел в «Среду» по рекомендации Горького в конце 1900. Рассказ «В тумане» был опубликован в декабрьском номере «Журнала для Всех» за 1902.

⁶ См. прим. 4 к записи от 22 апреля 1918.

⁷ Когда разъяренные солдаты и матросы 4 июля 1917 арестовали Чернова перед Таврическим дворцом, Троцкому удалось их усмирить, произнеся речь, в которой он провозгласил ставший знаменитым лозунг: «Да здравствует красный Кронштадт, слава и гордость революции!» (Суханов Н.Н. Записки о революции. Берлин; Пб., 1922. Кн.2. С.424-425).

30 апреля 1918 г.

¹ В 8-м томе издания В.А.Зелинского «Русская критическая литература о произведениях Л.Н.Толстого» перепечатывались статьи А.М.Скабичевского из газеты «Биржевые Ведомости» за 1875-1876, в частности статья «Мысли о текущей литературе», в которой он называет роман «Анна Каренина» «тухлым мясом, которым изволит на этот раз кормить нас гр. Толстой» (С.223).

² См. Биографический справочник.

³ Курсанты петроградских военных училищ, которые безуспешно сопротивлялись новой советской власти 29-30 октября 1917 (т.н. юнкерский мятеж), и многие из которых были убиты. В Москве также молодые курсанты долго не сдавались, и было много жертв.

1 мая 1918 г.

¹ Н.Аснин был одним из анархистов, которые после Февральской революции экспроприровали дачу бывшего Московского генерал-губернатора П.П.Дурново на Выборгской стороне в Петрограде. Он погиб 19 июня 1917 во время ареста оккупировавшими дачу войсками Временного правительства. В статье Тана (В.Г.Богораза) «Итоги 18-го июня» (Русская Воля. 1917. №145. 21 июня. С.2) сообщается, что «по данным вскрытия на теле Ас[н]ина оказался вытатуированным орган человеческого тела с соответствующей надписью. /.../ Вокруг этого тела всю ночь стоял почетный караул, говорились зажигательные речи, возбужденные люди собирались "выпустить кишки" буржуям». О похоронах Асни-на, якобы «отбывшего каторжные работы за уголовные преступления» (Русская Воля. 1917. №147. 23 июня. С.4) сообщается следующее: «После двукратного своеобразного отпевания /.../ гроб из большой залы дачи был вынесен на черный катафалк в две лошади /.../. Дождь, ливший все время, разогнал публику, так что за гробом вышла небольшая толпа в 150-200 человек. /.../ Шествие одиноко и сиротливо пошло по обезлюдившим от дождя улицам Выборгской стороны на Богословское кладбище /.../» (Русская Воля. 1917. №149. 25 июня. С.5). Предполагаемая «прогулка по центральным улицам Петрограда, с демонстрацией на Марининской

площади против Временного правительства», кажется, не состоялась (Там же и №150. 27 июня. С.6).

² См. прим. 2 к записи от 18 апреля 1918.

³ 1 мая 1918 А.В.Луначарский, Г.Е.Зиновьев, В.Володарский и другие выступили с речами на Марсовом поле и на многочисленных митингах и концертах в Петрограде. Статья Луначарского «Первое мая 1918 года: эскизы из записной книжки» была напечатана в газете «Пламя» (1918. №2. 12 мая. С.2-4) (см. его же: Воспоминания и впечатления. М., 1968. С.208-212). Возможно, что упоминание А.Н.Бенуа в этой связи вызвано дошедшими до Андреева сведениями об ответственности Бенуа за сохранность украшенных к празднику петроградских памятников, хотя его прямое участие в празднике ограничивалось исполнением прорисей к панно К.С.Петрова-Водкина (1878-1939, Ленинград) для Театральной площади, о чем Андреев вряд ли знал (Ростовцева И. Участие художников в организации и проведении праздников 1 мая и 7 ноября в Петрограде в 1918 году // Агитационно-массовое искусство первых лет Октября: Материалы и исследования / Под ред. Е.А.Сперанской. М., 1971. С.56). Участие З.И.Гржебина в празднике не зафиксировано.

3 мая 1918 г.

¹ Название украинских казаков-повстанцев, боровшихся в XVII и XVIII веках против поляков, применялось также к конным войскам армии независимой Украины во время гражданской войны.

² В конце апреля 1918 завершился знаменитый ледовый поход Балтийского флота, вынужденное Брестским миром перебазирование кораблей из Таллинна и Гельсингфорса в Кронштадт. Предполагаемое намерение кораблей «спрятать в Ладожское озеро» основано, по всей вероятности, на слухе. Однако постановлением Высшего военного совета от 4 мая 1918 было решено создать флотилию на Ладожском и Онежском озерах «в связи с образованием контрреволюционного Северного правительства» (Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне / Под ред. А.К.Дрезена. М.; Л., 1932. С.337).

³ Андреев провел детство и юность в сохранившемся до наших дней доме на 2-й Пушкарной улице в Пушкарной слободе в Орле.

⁴ Не удалось установить источник упомянутого «Кобелева из Берлина». Растеряева улица — главное место действия циклов очерков и рассказов Глеба Успенского (1843-1902) «Нравы Растеряевой улицы» (1866/1883) и «Растеряевские типы и сцены» (1862-1877/1883). Андреев высоко почитал личность и творчество Успенского и неоднократно упоминал его в своих ранних фельетонах (см., напр.: Т.6. С.284).

⁵ 19 июня 1917 началось наступление русской армии на галицийском фронте под Тарнополем (теперешним Тернополем), но массовый отказ солдат воевать сорвал кампанию и привел к окончательному поражению русских войск 2 июля 1917. Свое отчаяние по поводу этих событий Андреев высказал в статьях «К любящим Родину» (Русская Воля. 1917. №162.

11 июля. С.4) и «К тебе, солдат!» (Русская Воля. 1917. №165. 14 июля. С.2).

4 мая 1818 г.

¹ 16 апреля 1918, сразу после занятия Гельсингфорса белыми войсками, в финских газетах появилось правительственное постановление о немедленном выезде русских подданных из Гельсингфорса ввиду невозможности обеспечить их безопасность и недостатка пищевого снабжения в городе. Действие этого постановления потом распространилось и на другие области Финляндии. Финские власти предоставили уезжающим корабли для переезда из Гельсингфорса в Петроград или Таллинн. Газета «Hufvudstadsbladet» от 30 мая 1918 сообщила, что 13122 русских уже покинули Финляндию, из которых 9444 поехали в Петроград. Вскоре после этого репатриация русских подданных прекратилась.

² В детстве Андреев увлекался многотомными романами немецкого писателя Георга Борна (1837-1902). Здесь он приводит цитату из книги: Борн Г.Ф. Тайны Мадридского двора: Историко-романический рассказ из новейших времен Испании. Ч.3. СПб., 1870. С.1511. В оригинале нет в этом месте слова «испанцы».

³ Максимилиён Робеспьер (1758-1794), ведущий деятель Французской революции 1789, один из руководителей якобинцев, казнен.

⁴ Кн. Отто Бисмарк фон Шёнхаузен (1815-1898), немецкий государственный деятель, рейхсканцлер Германской империи (1871-1890) («Железный канцлер»), осуществил объединение Германии.

5 мая 1918 г.

¹ В РАЛ MS.606/B.16* хранится фрагмент неоконченного рассказа «про ученого негра» «Ньям-ньям».

² В РАЛ MS.606/G.1.vii.f*.-g. и в семейном архиве Андреевых хранится свыше 2 000 фотографий, снятых Андреевым в 1900-е и 1910-е годы, в том числе несколько сотен фотографий Рима, Венеции и финских шхер. См.: Leonid Andreyev: Photographs by a Russian Writer: An Undiscovered Portrait of Pre-Revolutionary Russia / Edited and introduced by Richard Davies, with a foreword by Olga Andreev Carlisle. London, 1989).

³ В ответ на андреевское «Открытое письмо г.г. членам Государственной Думы» (Русская Воля. 1916. №1. 15 декабря. С.4-5), в котором Андреев обратился к Милюкову с вопросом: «Вы, уважаемый Павел Николаевич Милюков, написавший столь превосходную историю культуры в России, к каким явлениям русской культуры отнесете вы ваше молчание в ту минуту, когда Пуришкевич обвинял русских писателей в измене и подкупе?» — Милюков напечатал в «Речи» (1916. №346. 16 декабря. С.2) заметку «По поводу письма Леонида Андреева», в которой написал, в частности, что на самом деле он протестовал против необоснованных обвинений Пуришкевича, но что предоставляет Андрееву защищаться самому: «ваше имя произносится в общей куче с людьми,

чьи мотивы мне менее известны и понятны, чем ваши. Мне было, Леонид Николаевич, очень горько, — я должен в этом признаться, — когда я увидел вас в этой куче. Это прискорбное обстоятельство, вероятно, и лишило меня того патетического отношения к вашей защите, которого вы требуете. Умейте нести последствия ваших поступков, Леонид Николаевич, и защищайтесь уже сами от результатов того неприятного соседства, в котором вы, по-видимому, чувствуете себя совсем недурно».

⁴ Андреев представлял редакторов петроградских газет во Временном совете Российской республики (Предпарламенте), который заседал с 20 сентября по 25 октября 1917 (см. Каун, р.64-65), но он не принимал активного участия в работе совета и отозвался отрицательно о нем в письме к А.Н.Андрееву от 20 октября 1917: «Убийственно действует этот Предпарламент со своими гоёвскими рожами и низкими лбами. Говорят длинно, долго, неудержимо, говорят разное, но под конец все сливается в бесформенный и почти бессловесный кошмар. /.../ Как бы разны ни были речи, ни в одной нет *воли к жизни*, и во всех — *воля к смерти*» (Русский Современник. С.156). О публичной позиции Андреева см. заметку в «Русской Воле» (1917. № 240. 10 октября. С.6): «В некоторых газетах появилось сообщение, что Л.Н.Андреев в Совете Республики примкнул к партии народной свободы [т.е. кадетам]. Это неверно, ни к какой партии или группе Л.Н.Андреев не примыкал и остается независимым».

⁵ См. о постановке пьесы «Савва»: «/.../ в Рабочем театре Васильевского Острова С.Р. и С.Д. пьеса прошла уже несколько раз с громадным успехом». — Сиренев Ю. Народные театры. III. «Савва» в Рабочем театре (зал Ф.-Дервиза). Знамя Труда. 1918. №143. 27 февраля. С.4.

⁶ См. запись от 2 марта 1917.

⁷ Центральный комитет Союза городов.

⁸ Ср. описание того же самого вечера в письме к А.Н.Андрееву от 30 сентября 1917: «Недавно мне пришлось быть на одних именинах, где два бывших министра, вернувшись с очень мрачного совещания, пели и откалывали трепака. Очень сентиментально и плохо пели "Быстры, как волны" — студенты, значит. Конечно, выпивши. И особо хорош был бывший министр Ч[ернов], про которого один совсем немудреный эс-эр сказал вдруг с испугом, шепотом: "Смотрите, совсем, как Гришка!" Правда: обнимается, льнет к бабам, приплясывает — совсем Распутин. И лицо сатира. Другой бывший плясал по добродушию и молодости — хороший человек. Потом старый эс-эр, выпивший и умный, сыграл польку из "Жизни человека", под которую все и носились дико. И мне сказал тихонько: это для вас, тут *некто в сером*. Было так все это странно!» (Русский Современник. С.154). О польке из «Жизни человека» см. прим. 1 к записи за ноябрь 1915. «Некто в сером» — постоянно присутствующий на сцене и произносящий пролог и последние слова пьесы персонаж из «Жизни человека».

6 мая 1918 г.

¹ Имеется в виду, по всей вероятности, упоминаемая в письмах Андреева Эмилия И[вановна?], «бонна детей» (Русский Современник. С.160), «гувернантка Саввы, недолго жившая у нас» (Детство. С.214).

8 мая 1918 г.

¹ Газета «Речь» выходила весной 1918 и до закрытия «буржуазных» газет 3 августа 1918 под названием «Наш Век». Под «Биржевой» Андреев, очевидно, имеет в виду не «Биржевые Ведомости», закрывшиеся после Октябрьского переворота, а вечернюю газету «Биржевые Новости», выходившую в Петрограде с 27 февраля по 13 мая 1918.

² Поприщин — герой «Записок сумасшедшего» Н.В.Гоголя.

³ Андреев, может быть, вспоминает обращение «Народам и правительствам союзных стран» (Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 1917. №254. 17 декабря), в котором Троцкий предложил союзникам принять участие в переговорах в Брест-Литовске. Образцом «грозного» тона обращения может служить третий параграф от конца: «Если же союзные правительства в слепом упорстве, которое характеризует падающие и гибнущие классы, снова откажутся от участия в переговорах, тогда рабочий класс будет поставлен перед железной необходимостью вырвать власть из рук тех, которые не могут или не хотят дать народам мир» (цит. по изд.: Троцкий Л. Сочинения. Т.3. Ч.2. М., [1924]. С.234).

9 мая 1918 г.

¹ См. статью Ленина «Очередные задачи Советской власти» (Правда. 1918. №83. 28 апреля): «Допустим, Российской Советской республике необходимы 1000 первоклассных ученых и специалистов разных областей знания, техники, практического опыта, для руководства народным трудом в целях возможно более быстрого экономического подъема страны /.../ Спрашивается, можно ли признать чрезмерным или непосильным для Советской республики расход пятидесяти или ста миллионов рублей в год на переорганизацию народного труда по последнему слову науки и техники? Конечно, нет» (цит. по изд.: Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т.36. М., 1962. С.180).

² М.Горький посвятил часть статьи из серии «Несвоевременные мысли» процессу над юношей Шереметьевым:

«На днях какие-то окаянные мудрецы осудили семнадцатилетнего юношу на семнадцать лет общественных работ за то, что этот юноша откровенно и честно заявил: "Я не признаю Советской власти!" /.../

Этот юноша — плоть от плоти тех прямодушных и бесстрашных людей, которые на протяжении десятилетий, живя в атмосфере полицейского надзора, шпионства и предательства, неустанно разрушали свинцовую тюрьму монархии, внося с опасностью для свободы и жизни своей, в темные массы рабочих и крестьян идеи свободы, права, социализма. Этот

юноша — духовный потомок людей, которые, будучи схвачены врагами и изнывая в тюрьмах, отказывались на допросах разговаривать с жандармами из презрения к победившему врагу.

Этот юноша воспитан высоким примером тех лучших русских людей, которые сотнями и тысячами погибали в ссылке, в тюрьмах, в каторге и на костях которых мы ныне собираемся строить новую Россию.

Это — романтик, идеалист, которому органически противна "реальная политика" насилия и обмана, политика фанатиков догмы, окруженных — по их же сознанию — жуликами и шарлатанами.

Чтоб воспитать мужественного и честного юношу в подлых условиях русской жизни, требовалась огромная затрата духовных сил, почти целый век напряженной работы.

И вот теперь те люди, ради свободы которых совершалась эта работа, не понимая, что честный враг лучше подлого друга, осудили мужественного юношу за то, что он — как это и следует — не может и не хочет признавать власть, попирающую свободу» (Новая Жизнь. 1918. №82. 3 мая. С.1).

³ Ср. статью «Религиозные беспорядки» (Новый День. 1918. №33. 3 мая. С.3): «2 мая на Красной площади собравшаяся толпа стала выражать недовольство по поводу того, что на Спасско-Никольских воротах иконы завешаны красной материей. В суматохе, царившей около Никольских ворот, кто-то сорвал кусок красной материи и обнажил икону чудотворца Николая. Моментально распространился слух о совершившемся чуде. Толпа бросилась к Казанскому монастырю и к Иверской часовне, требуя служить молебен. Явившееся духовенство Казанского собора отслужило молебен. Толпа все более и более наэлектризовывалась. Часть бросилась к Кремлевским стенам и стала срывать красные флаги и плакаты. Были вызваны латышские стрелки, которые дали залп в воздух. Толпа продолжала, однако, бушевать. Тогда были вызваны конные милиционеры, которым в конце концов удалось очистить Красную площадь от толпы».

⁴ Созданная 4 марта 1917 в Киеве украинская Центральная Рада была разогнана после многих перипетий 29 апреля 1918 командованием оккупировавшей Украину немецкой армии и заменена правительством гетмана П.П.Скоропадского (1873-1945, Меттен, Германия).

⁵ В «Новой Жизни» (1918. №79. 28 апреля. С.3) сообщалось следующее: «Вчера прибыл в Москву дипломатический курьер украинской рады г. Вижевский с поручением выснить вопрос о положении России в украинской народной республике и передать графу Мирбаху текст ноты, отправленной в свое время киевской радой советскому правительству.

Курьеру поручено указать чрез германского посла, что вся вина за оттягивание мирных переговоров должна лечь на Россию, а не на Украину.

В беседе с журналистами Вижевский сделал следующее заявление: "Мир нужен не нам, а вам. Мы имеем полную возможность безболезненно для нас продолжать то состояние войны с Россией, в котором находится украинская республика. Не мы, а вы сидите без хлеба. Вы скажете, что

у нас нет мануфактуры, что немцы нам ничего не привезли. Однако, должен сказать, что даже мануфактура у нас дешевле, чем здесь. Мы тем не менее хотим мира и мы на минуту от него. Но это для нас не жизненный вопрос, а вопрос гуманности и человечности“⁶.

⁶ См. «Знамя Труда» (1918. №190. 27 апреля) о предстоящем открытии памятника Марксу в Пензе 1 мая 1918. Памятник герою русско-турецкой войны М.Д.Скобелеву (1843-1882) работы П.М.Сайманова, воздвигнутый на Тверской площади в Москве в 1912, был снят в конце апреля 1918 перед праздником 1 Мая по решению Совета районных дум о снятии памятника Александру III около храма Христа Спасителя, обелиска 300-летия дома Романовых в Александровском саду и памятника Скобелеву в качестве «антихудожественных произведений искусства» (Удаление памятников // Знамя Труда. 1918. №180. 14 апреля; см. также: Новая Жизнь. 1918. №79. 28 апреля. С.3). Руководствовались при таких решениях декретом Совнаркома «О памятниках республики» от 12 апреля 1918. В статье «Снесение памятников» (Новый День. 1918. №32. 1 мая. С.4) приводится высказывание заведующего Отделом изобразительных искусств при Комиссариате народного просвещения Д.П.Штеренберга о возможном снятии всех памятников Романовым в Петрограде за исключением памятника Петру Великому на Сенатской площади. Снятию подлежали памятники Петру Великому в Летнем саду и перед Адмиралтейством (см. также: Памятники // Наш Век. 1918. №87. 1 мая. С.3). В статье «Памятник Стеньке Разину» (Знамя Труда. 1918. №193. 1 мая) сообщалось о решении Казачьего комитета воздвигнуть памятник на месте казни Стеньки Разина на Красной площади. Деревянный памятник «Степан Разин со своей ватагой» (часть памятника хранится в ГРМ в Санкт-Петербурге) выполнил С.Т.Коненков (1874-1971) (см.: Коненков С.Т. Мой век: Воспоминания, статьи, письма. Т.1. М., 1984. С.177-180). В книге А.С.Павлюченкова «Памятники революционной России» (М., 1986) содержится богатый документальный материал по истории снятия царских памятников и осуществления ленинского плана монументальной пропаганды и в частности воспроизводятся фотографии открытия памятника Марксу в Пензе и памятника Стеньке Разину (С.8-9, 32-33).

⁷ Временный Совет искусств был образован в марте 1918 после трех организационных собраний, на которых были приняты выработанные уже в 1917 членами Союза деятелей искусств устав и правила о приеме в члены предполагаемого профессионального союза поэтов, беллетристов, драматургов, критиков, историков и теоретиков искусства и литературы и переводчиков художественных произведений. В Совет вошли Андреев, М.Горький, Н.С.Гумилев, Е.Т.Жихарева, Ф.Ф.Зелинский, А.К.Кайдаров, С.С.Кондрешкин, В.В.Муйжель, Вас.И.Немирович-Данченко, Ю.Л.Слезкин, Ф.К.Сологуб, В.О.Трахтенберг, Тэффи, А.Н.Чеботаревская и К.А.Эрберг (см. Деятели художественной литературы // Новая Жизнь. 1918. №63. 10 апреля. С.3).

⁸ См. Биографический справочник: УЭЛЛС Г.Дж.

10 мая 1918 г.

¹ Согласно декрету Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны в начале мая 1918 были освобождены бывший военный министр В.А.Сухомлинов, В.М.Пуришкевич и все министры Временного правительства, но амнистия не распространялась на царских министров С.П.Белешкого, А.Н.Хвостова, И.Г.Щегловитова и др. (см.: Амнистия // Наш Век. 1918. №88. 3 мая. С.3). В это время Керенский находился в московском подполье, но вскоре уехал в Англию.

² См. Биографический справочник: РИХТГОФЕН М. фон. Похороны фон Рихтгофена состоялись 22 апреля 1918, и сообщения о них в лондонской газете «The Times» (1918. 23 и 24 апреля) были, очевидно, вскоре перепечатаны в доступных Андрееву русских газетах.

12 мая 1918 г.

¹ Сытинская газета «День» перешла к меньшевикам-ликвидаторам после Февральской революции и была закрыта 26 октября 1917. Выход газеты возобновлялся под названием «Ночь», «Полночь», «В глухую ночь», «Грядущий День» и «Новый День». Когда Андреев читал номер от 4 мая 1918, она называлась «Новый День» (3 апреля — 17 мая 1918).

² О яхте «Далекий» см. прим. 3 к записи от 25 апреля 1918. В РАЛ MS.606/G.1.viii.b. хранятся чертежи большой яхты «Заратустра».

14 мая 1918 г.

¹ Генриху и Жозефине Небе принадлежала земля в Ваммельсуу.

² Андреев, возможно, имеет в виду предполагавшуюся поездку во Львов к брату Андрею в апреле 1915 (см. письмо к А.Н.Андрееву от 8 апреля 1915: ИРЛИ. Ф.9. Оп.2. Ед.хр.48). Вместо поездки он вернулся на лечение в клинику Герзони.

16 мая 1918 г.

¹ Шуточный намек на распространенные в пореволюционной России сложносокращенные слова типа Центробалт и Центрофлот.

² В 1918 А.Н.Андреевой исполнилось 67 лет, а Л.Н.Толстому был уже 81 год, когда Андреев гостил у него в 1910.

19 мая 1918 г.

¹ Ария Фауста («Je veux la jeunesse») из первого акта одноименной оперы (1859) Шарля Гуно (1818-1893).

² Джузеппе Гарибальди (1807-1882) дважды пытался освободить Рим от власти пап в 1862 и 1867, но он находился во Франции в 1870, когда Рим заняли итальянские войска, и город был присоединен к Итальянскому королевству, что завершило Рисорджименто — движение за объединение территорий Италии. Пий IX (1792-1878; папа римский с 1846) от-

казался признать потерю своей власти, отвергая предложенный договор от 1871, и считал себя узником в Ватикане.

³ 29 апреля 1918 после занятия Выборга белыми финнами было расстреляно без различия политических симпатий больше 150 русских. Об этом см.: Новая Жизнь. 1918. №85. 9 мая; Расстрел русских граждан в Выборге // Новый День. 1918. №37. 10 мая.

⁴ В сентябре 1917 около 20 русских офицеров, в том числе командиры Выборгской крепости и 42-го армейского корпуса, были убиты в Выборге русскими солдатами, подозревавшими их в симпатиях к Л.Г.Корнилову. Это событие освещалось в «Русской Воле» (см., напр., статью «Убийства офицеров в Финляндии». 1917. №233. 1 октября. С.5).

⁵ См. запись от 2 марта 1917.

21 мая 1918 г.

¹ Бочка Данаид — бесполезный труд.

² Под чужим именем Абрама Ковбасенко скрывался у Андреева и работал садовым сторожем бежавший из сибирской ссылки М.Х.Румянцев, который обиделся на Андреева и 29 декабря 1910 стрелял в него. Андреева спасла Анна Ильинична (см. запись от 9 сентября 1919). «Абраму» потом достали новый паспорт, и он уехал от Андреевых. Однако сенсационные слухи об этом эпизоде проникли в прессу, и, чтобы опровергнуть искаженные версии истории с «Абрамом», А.Н.Андреев опубликовал (под псевдонимом А.Болховской) пространную статью «Преступление в Райволе. (К покушению на Л.Андреева)» в редактируемой А.П.Алексеевским газете «Утро России» (1911. №7. 11 января. С.2). (См. также воспоминания В.Е.Беклемишевой: Реквием. С.226; Детство. С.65-66).

³ Вера Андреева вспоминает отцовские рассказы про «хэбьясов» («полугномы-полупризраки — таинственные лесные существа») и получившую от них имя Хэбьяс лошадь (Дом на Черной речке. С.15, 43).

⁴ Благодаря существенной роли, сыгранной немецкими войсками в освобождении Гельсингфорса, и победе белых в финской гражданской войне немцы пользовались большой популярностью в тогдашней Финляндии.

22 мая 1918 г.

¹ Н.И.Андреев умер 19 мая (ст.ст.) 1889, а не 1888 (см. запись от 12 апреля 1890 в юношеском дневнике: «19 мая прошлого года от удара умер мой отец» — РAL MS.606/E.1.i*). В том же дневнике в записи от 8 (20) мая 1890 читаем: «Сегодня как раз годовщина моего лежания под поездом». Подробный рассказ об этом эпизоде, происходившем, по словам Андреева, «в ясную майскую ночь», когда ему было 16 лет, т.е. в 1888, содержится в кн.: Брусянин В.В. Леонид Андреев: Жизнь и творчество. М., 1912. С.53-54.

24 мая 1918 г.

¹ В начале Первой мировой войны Андреев посвятил несколько статей судьбе Бельгии, Франции, Болгарии, Македонии, Сербии и Польши. Некоторые из них были собраны в кн.: В сей грозный час: Статьи. Пг., 1915. Возможно, под «греками» Андреев имел в виду македонцев.

25 мая 1918 г.

¹ Д., по всей вероятности — М.С.Давыдова. Возможно, что А. — Надежда Александровна Антонова (в первом браке Фохт, во втором Чукмалдина; 1877-1947, Москва), орловская подруга Андреева, контакт с которой возобновился в 1907. Сохранившиеся 14 писем Андреева к ней (1910-1916; РГАЛИ. Ф.11. Оп.2. Ед.хр.25) свидетельствуют об интимности их отношений).

² См. запись от 19 августа 1918 о посещении одной из «куинджевских пятниц», устраиваемых в Петербурге/Петрограде Обществом имени А.И.Куинджи.

³ Е.Н. и В.Г.Чириковы.

⁴ «Франция» — гостиница на Большой Морской ул. недалеко от арки Главного штаба, в которой Андреев часто останавливался. Первая сцена рассказа «Он» происходит во «Франции» (Т.8. С.3).

27 мая 1918 г.

¹ У Р.Н.Андреевой были сыновья Лев и Леонид от А.П.Алексеевского, дочь Галина от А.А.Оля и сын Кирилл от Д.И.Верещагина.

29 мая 1918 г.

¹ В период, когда Андреев писал дневник, русские имели право передвигаться по Финляндии только с разрешения местных властей. Эти ограничения применялись особенно строго к проживающим в пограничной полосе, в которую вошел Карельский перешеек. В РАЛ MS.606/G.1.ii.e** хранятся 2 документа, выданных Андрееву для таких поездок в 1919.

² Во время своего пребывания в Германии и Швейцарии в 1905-1906 Андреевы обычно останавливались в пансионатах, где все гости обедали за общим столом (table d' hôte).

³ Так (но не такими именно словами) говорит Ноздрев Павлу Ивановичу Чичикову в гл. 4 «Мертвых душ» Гоголя: «Эх, брат Чичиков /.../», «Эх, Чичиков /.../».

31 мая 1918 г.

¹ В «Новой Жизни» (1918. №99. 25 мая. С.4) было помещено объявление о «Митинге о книге» в зале Тенишевского училища 28 мая 1918 с

участием Веры Фигнер («Книга — творец человека»), М.Горького («Книга») и Ф.Ф.Зелинского («Автор, читатель, книга»). Митинг был одним из событий «Недели сбора книг», организованной под председательством Горького и Фигнер в Петрограде в конце мая — начале июня 1918 Культурно-просветительным обществом в память 27 февраля 1917 «Культура и Свобода». Подробнее о истории общества см.: Rouble C. Intellectuals Organize: Gog'kiy's «Culture and Freedom» Society of 1918 // Scando-Slavica. 1980. №26. S.85-103.

1 июня 1918 г.

¹ В статье «Памятная встреча с Л.Андреевым» Л.М.Василевский упоминает жалобу А.И.Андреевой на то, что Андреев «почти до утра не ложился спать, так что /.../ она /.../ переводила часы вперед, чтобы заставить его раньше ложиться» (см. С.398 наст. изд.).

² См. запись от 18 апреля 1918.

³ Андреев, вероятно, имеет в виду моторную лодку «Савва».

⁴ «Русская Воля».

3 июня 1918 г.

¹ Телеграфист Надькин из Двинска — фиктивный графоман-поэт, стихи которого публиковались в «почтовом ящике» редактируемого А.Т.Аверченко (1881-1925, Прага) журнала «Сатирикон».

² Ср. Мк.10:29-30: «истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца или мать, или жену или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, И не получил бы /.../ во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцев, и матерей, и детей, и земель»; Мф.4: 19: «идите за мною, и Я сделаю вас ловцами человеков».

³ Ср. сказку Салтыкова-Щедрина «Баран-непомнящий» (1885): «Коли ты в бараньем сословии уродился, /.../ в ём, значит и живи!» (Собр.соч. Т.16. Ч.1. М., 1974. С.169).

⁴ Т.е., видимо, освященной.

16 июля 1918 г.

¹ См. Детство. С.229-232 и фотографии в наст. изд.

² Банкиру Элеменсу Подменеру принадлежал большой участок земли в Ваммельсуу с несколькими большими и маленькими домами и парком, земля для которого была специально привезена из черноземной области Украины.

³ Героиня пьесы Андреева «Екатерина Ивановна» (1912).

22 июля 1918 г.

¹ О подобных случаях см.: Дом на Черной Речке. С.39-42.

27 июля 1918 г.

¹ В письме к А.Н.Андрееву от 20 октября 1917 Андреев писал: «Хaos переживаний осложнился историей с "Русской Волей". Акционеры огорчились, что выходит много денег (хозяйство поставлено.bestолково) и решили ее продать, или уступить часть акций. Появился Савинков, столкнулся с Путиловым и Сытиним и за спиной Правления и редакции три недели торгуется с акционерами. Хочет сделать *свою* газету, в красный угол сажает Мережковского и Гиппиус, в то же время сочиняет какой-то блок из цензовых и социалистов; тьма слухов, чепухи, пахнет авантюрой. И все это за спиной нашей. И никто подлинно ничего не знает, и все спрашивают друг друга: проданы мы или нет. И я не знаю. По-видимому проданы, ибо сегодня вдруг звонит М[ережковский] и с наивной наглостью приглашает меня сотрудничать в *новой* газете, т.е. в Русской Воле! Я ответил, что я в "Русской Воле" главный редактор, и только таким себя и мню; от всякой же иной комбинации отказываюсь. Удивительные прохвосты и неопиcуемая чепуха! Конечно, я буду трактовать это, как нарушение договора; вопрос в том, захотят ли платить мне неустойку. Тогда суд. Но во всяком случае акционеры чувствуют себя по отношению ко мне чрезвычайно смущенными. На днях история разрешится, а пока — бываю в редакции и все будто по-старому. Надоело ужасно!» (Русский Современник. С.156-157).

29 июля 1918 г.

¹ Комнины — византийские императоры в XI-XII вв. Бурбоны — французские, сицилийские и испанские короли в XVI-XX вв. Стюарты — шотландские и английские короли в XIV-XVIII вв. Романовы — российские цари (с 1613) и императоры (с 1721).

² Александр III (1845-1894) скончался в Ливадии по пути из Крыма в Петербург, погребение состоялось 7 ноября 1894 в Петропавловском соборе, его прах был выставлен на торжественное прощание в Архангельском соборе в Московском Кремле 30-31 октября. В это время Андреев жил в Москве.

³ Коронация Николая II (1866-1918, Екатеринбург) и Александры Федоровны (1872-1918, Екатеринбург) состоялась в Москве 18 мая 1896 и была омрачена катастрофой на Ходынском поле, где погибло свыше 1300 человек в давке во время раздачи царских подарков народу.

⁴ Среди машинописных записей Андреева «Плавание 1912 г.» (в которые вошли и записи, относящиеся к 1913) есть следующая запись от 27 июня [1913]: «Бьерке. /.../ снялись с якоря в 12 часов дня, при свежем юго-восточном ветре. Барометр 76. День очень жаркий. 2 часа 10 минут вышли из Бьерковского пролива и при порядочной боковой качке пришли в Питкопас и бросили якорь у острова Геро в 3 часа 50 минут. При юго-восточном ветре стоянка очень удобная. Остров очень красивый. На одной из каменных вершин острова был открыт своеобразный лабиринт из уложенных в виде тропинок и петлей камней. Снялись в 7 ча-

сов 30 минут вечера и через рейд Штандарт в виду императорской яхты по 13-ти футовому фарватеру прошли к острову Курсало /.../» (РАЛ MS. 606/G.I.viii.c). Великолепная царская паровая яхта «Штандарт» была построена в Дании в 1895. Много фотографий «Штандарта» и отдыхающей царской семьи из собрания А.А.Вырубовой (1884-1964, Хельсинки) воспроизведено в кн.: The Romanov Family Album / Assembled by Anna Vyubova, introductory text by Robert K Massie, picture research and descriptions by Marilyn Pfeifer Swezey. London, 1982. P.50-83.

⁵ Николай II посетил Думу впервые за всю ее историю 9 февраля 1916. Надежды, что присутствие царя приведет к сближению правительства и Думы и к устранению вражды и подозрений, вызванных действиями Александры Федоровны и Распутина, не оправдались.

⁶ См. запись от 2 марта 1917.

⁷ О расстреле Николая II в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 сообщалось в газете «Наш Век» (1918. №122. 20 июля): «Бывший царь Николай расстрелян по постановлению уральского совета».

⁸ Андреев, очевидно, пишет о книгах: Kriegsalbum: 22. Sonderheft der «Woche» (Berlin, [1914-1915?]; Kriegsalbum: 23. Sonderheft der «Woche» (Berlin, [1915?]). Среди многочисленных фотографий в этих книгах имеются такие с надписями: «Unsere Braven: Deutsche Soldaten verteilen in Lüttich Brot und Mittagessen an arme Frauen und Kinder», «Die erste Parade der deutschen Besatzung von Brüssel /.../», «Deutsche Truppen auf dem Marsch durch Antwerpen», «Die Einnahme von Lodz: Deutsche Truppen ziehen in die Stadt ein» («Наши храбрецы: немецкие солдаты раздают хлеб и обед бедным женщинам и детям в Льеже», «Первый парад при немецкой оккупации Брюсселя /.../», «Немецкие войска маршируют через Антверпен», «Взяты Лодзи: немецкие войска вступают в город»). Есть также много фотографий русских пленных, из которых, можно предположить, особенно привлекла внимание Андреева фотография «Russischer Gefangenentransport auf einem ostpreussischen Bahnhof» («Эшелон русских военнопленных на вокзале в Восточной Пруссии») (Kriegsalbum: 22. Sonderheft. S.139) (см. иллюстрации).

31 июля 1918 г.

¹ Андреев имеет в виду редактируемую А.В.Амфитеатовым газету «Вольность», в которой сотрудничал П.М.Пильский.

² Примером соседства А.Г.Горнфельда с П.М.Пильским в газете «Новый Вечерний Час» служит его статья «Мирный договор с Украиной и русская литература», появившаяся в одном номере с фельетоном Пильского «Кухарка» (1918. №127. 30 июля. С.3).

³ Во время Первой мировой войны Л.М.Добронравов, ранее печатавшийся в редактируемом Н.И.Иорданским журнале «Современный Мир», сотрудничал в редактируемой И.В.Гессеном газете «Речь».

⁴ Н.И.Иорданский вызвал И.В.Гессена на дуэль в связи с очередным фельетоном К.И.Чуковского из серии «Литературные стружки» (Речь).

1910. 7 марта), в котором Чуковский якобы обвинил редактируемый Иорданским журнал «Современный Мир» в неисполнении обещаний, данных в объявлениях о подписке. Отклики на этот сильно взбудораживший пишущую братию инцидент перечислены в изд.: Берман Д.А. Корней Чуковский: Библиографический указатель. Л., 1984. С.51-52. Гессен описывает этот инцидент в своей автобиографии «В двух веках: Жизненный отчет» (Архив русской революции. Т.22. 1937. С.270).

⁵ Имеется в виду основанное М.Горьким издательство «Всемирная литература».

⁶ 7 июля 1918 на заседании об-ва «Культура и Свобода» было решено создать «Красный Крест помощи лицам интеллектуального труда». Воззвание Красного Креста, подписанное Горьким в качестве «уполномоченного», было опубликовано 12 июля 1918.

⁷ Андреев, по-видимому, вспоминает свою грубую ссору с А.И.Куприным на квартире актера Н.Н.Ходотова (1878-1932, Ленинград) в Петербурге 2 ноября 1911, после которой «все товарищи временно предали Куприна ostrакизму» (Ходотов Н.Н. Близкое — далекое. Л.;М., 1962. С.174; см. также: Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. М., 1966. С.305-306).

⁸ На статью А.В.Луначарского, в которой он с энтузиазмом описывал встречу в Смольном с И.И.Ясинским, читавшим ему свои нищиеанские стихи (Сретение // Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 1917. №228. 17 ноября. С.3), М.Горький откликнулся в статье из серии «Несовременные мысли»: «В среде лиц, якобы "выражающих волю революционного пролетариата", введено множество разного рода мошенников, бывших холопов охранного отделения и авантюристов; лирически настроенный, но бестолковый А.В.Луначарский навязывает пролетариату в качестве поэта Ясинского, писателя скверной репутации. Это значит — пачкать знамена рабочего класса, развращать пролетариат» (Новая Жизнь. 1917. №194. 6 декабря. С.1). «Новая Жизнь» продолжала нападать на Луначарского в связи с Ясинским, например, в статье В.Базарова «Бегемот в посудной лавке»: «/.../ встреча А.Луначарского с И.Ясинским, приветствовавшим большевиков, как воплощений нищиеанской мечты о сверхчеловеке. /.../ Не далее как 19 апреля, в беседе с представителями союза деятелей искусств, А.В.Луначарский с величайшей решительностью высказался за нищиеанское понимание сущности большевизма /.../» (1918. №74. 23 апреля. С.1).

⁹ См. прим. 6 к записи от 21 апреля 1918.

2 августа 1918 г.

¹ См. запись от 24 мая 1918.

² С весны 1918 по начало 1920 собирающийся было из России через Владивосток и вокруг света во Францию корпус бывших чешских и сло-

вацких военнопленных и эмигрантов принимал активнейшее участие в гражданской войне в Сибири, занимая ряд крупных городов по транс-сибирской магистрали, в том числе и самый Владивосток. Чехословацкий корпус занял Симбирск 22 июля 1918 (см.: Наш Век. 1918. №126. 25 июля. С.3) и Екатеринбург 25 июля 1918.

³ Антибольшевистское восстание в Ярославле под руководством Б.В.Савинкова длилось с 6 по 21 июля 1918. Петроградская газ. «Вечерние Огни» сообщила (1918. №73. 17 июля. С.3; 1918. №77. 22 июля. С.2), что Ярославль горит. В газ. «Петроградский Голос» (1918. №140. 26 июля. С.3) сообщалось о расстреле 350 участников восстания.

⁴ 13 марта 1918 американский генеральный консул в Москве передал ВЦИК следующую телеграмму президента США Т.В.Вильсона, текст которой был оглашен на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов в Москве 14 марта 1918:

«Пользуясь Съездом Советов, я хотел бы от имени народа Соединенных Штатов выразить искреннее сочувствие русскому народу, в особенности теперь, когда Германия ринула свои вооруженные силы в глубь страны с тем, чтобы помешать борьбе за свободу и уничтожить все ее завоевания и вместо воли русского народа осуществить замыслы Германии.

Хотя правительство Соединенных Штатов, к сожалению, в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и деятельную поддержку, которую оно бы желало оказать, я хотел бы уверить русский народ через посредство настоящего Съезда, что правительство Соединенных Штатов использует все возможности обеспечить России снова полный суверенитет и полную независимость в ее внутренних делах и полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного человечества.

Народ Соединенных Штатов всем сердцем сочувствует русскому народу в его стремлении освободиться навсегда от самодержавия и сделаться самому вершителем своей судьбы. Вудро Вильсон» (Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного Съезда Советов Рабоч[их], Солдатск[их], Крестьянск[их] и Казачьих депутатов. М., 1920. С.5).

Андреев мог узнать о телеграмме из заметки в гельсингфорсской газ. «Голос Русской Колонии» (1918. №3. 15 марта. С.3).

3 августа 1918 г.

¹ 27 июля 1918 В.Г.Короленко исполнилось 65 лет, и о-во «Культура и Свобода» отправило ему телеграмму, в которой упоминались протесты юбиляра «против насилия и жестокостей неизжитого русского средневековья», а также против смертной казни и «военно-полевой расправы». Его деятельность характеризовалась как источник надежды среди «кошмаров русской жизни нашего времени». 28 июля 1918 в зале Тенишевского училища состоялось устроеное тем же о-вом «Культура и Свобода» под председательством Горького чествование Короленко по поводу его 65-летия

и 40-летия его литературной деятельности. Выступали Л.М.Брамсон (1869-1941, Юг Франции), А.Г.Горнфельд, М.Горький, А.М.Калмыкова (1849-1926, Ленинград) и А.Н. Потресов (Чествование В.Г.Короленко // Наш Век. 1918. №126. 25 июля. С.3; № 130. 30 июля. С.3). Был также учрежден Фонд народной литературы имени В.Г.Короленко и выставлен адрес для подписей (Амфитеатров А.В. День В.Г.Короленко и неподписанные заметки в газете «Петроградский Голос» (1918. №142. 28 июля. С.2).

² На самом деле поведение и действия Короленко в 1905 не давали повода для такого отрицательного отзыва. В начале 1905 Короленко вызвали в Петербург, так как почти все остальные члены редакционной коллегии «Русского Богатства» находились под арестом, и в №1 журн. за 1905 появилась его статья по поводу событий «кровавого воскресенья» 9 января 1905. 2 февраля 1905 на заседании Литературного фонда Короленко потребовал освобождения арестованного 11 января Горького. Вернувшись к себе в Полтаву, он осенью того же 1905 выступал в защиту еврейского населения и предотвращал погромы.

³ Помимо статьи «Отвоёванная позиция» (Русские Ведомости. 1915. № 47. 27 февраля. С.2-3), появившейся во время его пребывания во Франции, Короленко, который занимал определенно оборонческую позицию, действительно молчал во время Первой мировой войны.

⁴ На самом деле две статьи Короленко «Родина в опасности» (Русские Ведомости. 1917. №58. 14 марта) и «Война, Отечество и человечество» (Русские Ведомости. 1917. №186, 188, 191, 194, 196 от 15, 18, 22, 25, 27 августа; вышли также отдельными изданиями в 1917), написанные в поддержку «войны до победного конца», привлекли большое внимание, в частности, со стороны Ленина, написавшего Горькому по поводу второй статьи: «А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистической войны, прикрытая слащавыми фразами!» (ПСС. Указ. изд. Т.51. С.48).

⁵ См. прим. 3 к записи от 30 апреля 1918.

⁶ В передовой статье «Безумие» (Новая Жизнь. 1918. №120. 22 июня. С.1) пишется по поводу убийства Володарского: «Пред свежим трупом погибшего на славном посту почтительно и скорбно преклоним головы!»

⁷ См. прим. 3 к записи от 27 апреля 1918.

⁸ См. прим. 1 к записи от 3 мая 1918.

⁹ Андреев, возможно, имеет в виду письмо Короленко [к Т.А.Богданович (1874-1942)] от 17-21 марта 1918, опубликованное в газ. «Петроградское Эхо» (1918. №41. 2 апреля) и «Народное Слово» (1918. №1. 19 апреля) и переопубликованное в изд.: В.Г.Короленко в годы революции и гражданской войны, 1917-1921: Биографическая хроника / Сост. П.И.Негретов; под ред. А.В.Храбровицкого. Venson (Vermont, USA), 1985. С.92-95.

¹⁰ В знаменитом «пломбированном» поезде проехало в конце марта 1917 через Германию по пути из Швейцарии в Швецию свыше 30 эмигран-

тов-революционеров, среди которых самыми знаменитыми были В.И. Ленин, Н.К. Крупская и Г.Е. Зиновьев. В Петроград Ленин приехал 3 апреля 1917.

¹¹ Уже в траурном объявлении о последовавшей 30 мая 1918 смерти Плеханова в «Новой Жизни» (1918. №107. 4 июня. С.1) было сказано: «И памятник родоначальнику социал-демократии в пантеоне героев и творцов новой России займет одно из первых мест». Имя Плеханова было впоследствии включено в опубликованный 2 августа 1918 в «Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов» список 66 революционеров, которым должны были быть сооружены памятники, и Плеханов среди социалистов, имена которых выгравированы на сохранившемся до наших дней обелиске в Александровском саду в Москве. Но выполненный для Москвы в гипсе памятник Плеханову работы Е.У. Шишкиной-Голеневиц (ноябрь 1919) так никогда и не был открыт (Павлюченков А.С. Указ. изд. С.91).

¹² В середине мая 1917 «Русская Воля» перепечатала из плехановской газеты «Единство» следующее «Вынужденное заявление»: «До сведения моего дошло, что некоторые наши эмигранты, вернувшиеся на родину через Германию, заходили в редакцию "Единства", справляясь о моем адресе. Пусть извинят меня эти товарищи, но я откровенно говорю, что встреча с ними является для меня нравственно невозможной. Г. Плеханов» (В мире печати. 1917. №117. 17 мая. С.3). О нравственной невозможности такой встречи для Плеханова писалось также в заметке «К сведению А. Луначарского» (Русская Воля. 1917. №118. 18 мая. С.3). Об интересе Андреева к этому вопросу свидетельствует хранящаяся в РАЛ MS.606/D.69 машинопись еще одного обзора «В мире печати» «Русской Воли» (1917. №120. 20 мая. С.3), в котором читаем следующее:

ЗА ГОРЯЧИЙ СУП

Если Исав продал когда-то свое первородство за чечевичную похлебку, то гг. Ленин, Луначарский и другие путешественники через Германию совершили ту же сделку, по мнению «Единства», за немецкий «горячий суп».

Конечно, это дешево (суп, говорят, был скверный), но все же, почему так гневается «Единство» и даже не хочет подавать руки этим почтенным людям? Разве они не последовательны? Мы можем сообщить факт, который должен немедленно обезоружить Г.В. Плеханова, факт, который почему-то до сих пор не был достаточно оценен.

Они ехали в международном спальном вагоне.

Не в немецком (пфуй!), а в международном. Это ли не истинный интернационализм? Чего вы еще хотите от них?

5 августа 1918 г.

¹ Старая орфография была упразднена и заменена новой декретами Наркомпроса от 23 декабря 1917 и Совнаркома от 10 октября 1918. Газета «Петроградский Голос» (1918. №142. 28 июля. С.1) сообщила, что с 15 августа 1918 новая орфография будет обязательной для всех периодических изданий.

6 августа 1918 г.

¹ В начале Первой мировой войны Андреев бросил пить и радовался общему отрезвлению, вызванному объявлением сухого закона, сначала лишь на период мобилизации в июле 1914, а потом после указа от 22 августа на все протяжении войны. В статье «Первая ступень: о еврейском вопросе» (Утро России. 1914. №294. 27 ноября. С.2) Андреев назвал это отрезвление «чудом», и в статье «Восхождение» (Биржевые Ведомости. 1914. Утр. вып., №14436. 16 октября. С.2) он писал: «Отрезвить пьяную Россию — это как бы сызнава сотворить ее, это вдохнуть в ее огромное и безалаберное тело такую необъятную мощь, такую светлую, животворную и необъятную силу, перед которой ничтожными пустяками, накожной болезнью, чесоткой от грязи кажутся все другие ее беды» (цит. по изд.: В сей грозный час: Статьи. Пг., 1915. С.85).

9 августа 1918 г.

¹ Машинопись неоконченного рассказа «Пятаков» хранится в РГАЛИ. Ф.11. Оп.4. Ед.хр.14. Л.15-19. Вадим Андреев упоминает «так и ненаписанный рассказ» «Глухой композитор» (Детство. С.233). Нет архивных следов «трагедии с царями и чертями».

² В период написания записи сведения об аресте бывших царских офицеров публиковались в гельсингфорских газетах «Hufvudstadsbladet» (1918. №132. 8 augusti. S.9) и «Русский Листок» (1918. №56. 10 августа. С.2) и в Выборгской газете «Karjala» (1918. №84. 9 elokuu [августа]. S.5), по всей вероятности, самой доступной жителям Карельского перешейка: 3-4 августа 1918 около 1000 офицеров было арестовано в Петрограде по приказу большевистского правительства, которое якобы боялось, что они попытаются бежать, если их заставят служить в Красной армии, как было предусмотрено декретом о создании народной армии. В версии газеты «Karjala» было арестовано 5-6 тыс. офицеров, которых отправили морским путем в Кронштадт. «Karjala» отметила в своем репортаже и слух о том, что один из кораблей, возивший 1000 офицеров, потонул, и опровержение слуха, полученное из Сестрорецка из достоверных источников. В книге «Красный террор в России» (1924) С.П.Мельгунов (1879-1956, под Парижем) приводит относящееся к августу 1918 свидетельство английского священника Б.С.Ломбарда (1866-1951): «две барки, наполненные офицерами, [были] потоплены, и трупы их были выброшены в имении одного из моих друзей, расположенном на Финском заливе; многие были связаны по двое и по трое колючей проволокой» (цит. по переизд.: Нью-Йорк, 1979. С.21).

³ Во второй половине XVI — начале XVII вв. нидерландцы боролись против господствующей над ними Испании и создали Республику Соединенных провинций.

⁴ Андреев, вероятно, имеет в виду Пелопоннесское восстание 1770, во время которого греки с помощью русской эскадры освободили на короткое время часть Пелопоннеса. Морея — старое название Пелопоннеса.

⁵ См. прим. 3 к записи от 2 августа 1918.

⁶ См. прим. 2 к записи от 2 августа 1918.

⁷ Ср. стихотворение «Мороженое из сирени» (1912) Игоря Северянина (И.В.Лотарева, 1887-1941, Таллин).

⁸ В записи находят отражение события восстания левых эсеров в Москве 6-7 июля 1918 и, может быть, последовавшего за ним мятежа под руководством левого эсера М.А.Муравьева на Восточном фронте. Из около 300 арестованных при подавлении восстания эсеров 13 было расстреляно, а остальные организаторы мятежа были приговорены, большей частью заочно, к тюремному заключению на сроки от 1 года до 3 лет.

⁹ «Охотники за черепами» (М., 1895) один из многочисленных приключенческих романов английского писателя Т.М.Рида (Майн Рид, 1818-1883), которые Андреев особенно любил в детстве.

¹⁰ Э.А.По (1809-1849), американский писатель, склонность к описанию «ужасов» которого часто сравнивалась критиками с такой же склонностью у Андреева.

12 августа 1918 г.

¹ Латышским стрелкам принадлежала важная роль в охране большевистского правительства в Смольном, а затем в Московском Кремле. Они также участвовали в подавлении восстания левых эсеров (см. прим. 7 к записи от 9 августа 1918).

Около 10 000 красных финнов бежало в Россию после Финской гражданской войны, и их активно вербовали в Красную армию (см. кн.: Коронен М.М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969. С.118), в рядах которой многие из них продолжали сражаться на разных фронтах до конца гражданской войны. Особый финский вооруженный отряд был откомандирован в Москву и расквартирован в Екатерининском дворце. Под начальством московского коменданта, эсера Д.И.Попова, финский отряд должен был подавлять антибольшевистские организации и мятежи (см. кн.: Front H. Kremlin kiertolaisia: muistelmia monivaiheisen elämän varrelta. Forssa, 1970. S.21-31).

² Андреев, возможно, имеет в виду статью В.М.Фриче «Шекспир и Сервантес» (Современный Мир. 1916. №4. Отд. II. С.110-122), содержащую марксистское истолкование «Гамлета».

³ Изречение немецкого философа Людвиг Фейербаха (1804-1872): «Der Mensch ist, was er ibt».

⁴ Томас Торквемада (ок. 1420-1498), Великий инквизитор в Испании.

⁵ Стрельцы участвовали в нескольких бунтах в XVII веке, в том числе в восстании против Нарышкиных в Москве в 1682 и в восстании 1698, после которого свыше 1000 стрельцов было казнено.

⁶ Андреев, возможно, имеет в виду государственный переворот Луи Наполеона Бонапарта (1808-1873) 2 декабря 1851, благодаря которому он был провозглашен императором Наполеоном III 2 декабря 1852.

13 августа 1918 г.

¹ Шутливое использование названия романа Ф.Сологуба.

² См. прим. 2 к записи от 9 августа 1918.

³ Сооружение памятника Петру I в Выборге в 1910 было приурочено к 200-летию взятия города русскими. 24 июля 1918 белые финны, участвовавшие во взятии города в мае 1918 во время Финской гражданской войны, сняли и разбили памятник и пьедестал. Андреев, вероятно, читал репортаж в гельсингфорской газете «Русский листок» (1918. №44. 27 июля. С.1), где цитировалась из финской прессы характеристика этого события как «вандализм». Памятник был снова поставлен после занятия Выборга советскими войсками в 1940, еще раз снесен финнами в 1941 и сооружен в третий раз советскими властями в 1954.

14 августа 1918 г.

¹ Андреев, по-видимому, имеет в виду меньшевиков-интернационалистов, которые, в большинстве своем, оставались «легальными» в течение 1918 даже после их исключения из ВЦИК в середине июня.

² Андреев имеет в виду свои статьи 1917 (см. прим. 3 к записи от 27 февраля 1918).

16 августа 1918 г.

¹ Т.е. «Северная коммуна: Известия ЦИК Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов Северной области и Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов».

² Т.е. «Красная газета: Издание Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов».

³ В общей сложности, после опубликования «Декрета о печати» (28 октября 1917) 461 газета была закрыта на разные сроки с октября 1917 по август 1918 (см. кн.: Огороков А.З. Октябрь и крах буржуазной прессы. М., 1970. С.310). В данном случае ряд газет (в том числе «Наш Век») был закрыт 3 августа 1918.

⁴ Жорж Жак Дантон (1759-1794), ведущий деятель Французской революции 1789, один из руководителей якобинцев, казнен.

17 августа 1918 г.

¹ 3 июля 1917 в Петрограде вспыхнули демонстрации против Временного правительства, которые были подавлены 4-5 июля 1917. Кризис «июльских дней» оказался поворотным пунктом для Временного правительства. Андреев отозвался об этих событиях в начале третьей части статьи «К тебе, солдат!» (Русская Воля. 1917. №165. 14 июля. С.2).

² 12 июля 1917 под давлением Б.В.Савинкова и главнокомандующего Юго-Западного фронта генерала Л.Г.Корнилова Временное правительство восстановило смертную казнь для мятежников на фронте. 14 человек было немедленно расстреляно, а через неделю число расстрелянных уже насчитывало свыше 140 человек.

³ Речь идет, по всей вероятности, о кратковременном восстании русских большевиков в Ташкенте в середине сентября 1917. В «Русской Воле» сообщалось о ходе событий (см., напр.: Мятеж в Туркестане // 1917. №225. 22 сентября. С.4), которые вошли в советскую историографию как «сентябрьские события в Ташкенте» (см.: История Узбекской ССР: В 4 тт. Т.3. Ташкент, 1967. С.84-90).

⁴ В Варфоломеевскую ночь (24 августа 1572 г.) французские католики совершили массовое убийство гугенотов (протестантов).

⁵ См. прим. 4 к записи от 19 мая 1918.

19 августа 1918 г.

¹ 8 августа 1918 («Черный день немецкой армии») британские войска на севере Франции начали решающее наступление, в течение которого нанесли противнику ряд тяжелых ударов (9 битв, в том числе прорыв «линии Гинденбурга» 29 сентября 1918), которое кончилось перемирием 11 ноября 1918.

² Финско-советское совещание по поводу Восточной Карелии началось 3 августа 1918 в Берлине. Главными членами советской делегации были В.В.Воровский (1871-1923, Лозанна) (глава делегации), тогдашний советский консул в Берлине В.Р.Менжинский (1874-1934, Москва) и Я.Ганецкий (Я.С.Фюрстенберг, 1879-1937, умер в заключении). Однако внимание журналистов привлекли нерусские фамилии и других делегатов: «В "Воссише Цейтунг" ["Vossische Zeitung"] от 1 августа был переименован следующий "истинно-национальный" состав русской делегации, занимающей сейчас в Берлине за зеленым столом жизненные интересы России, налагающей на русский народ вековые, быть может, обязательства, а именно: председатель — русский посланник в Стокгольме Воровский, члены — чиновник министерства финансов Михаил Крэль [Кроль], финансовый агент Аарон Шейнман, эксперты — Бейнер [Вейнер], Букка [Висса] и Григорий Болдынев, переводчики Виктор Косо, Георг Карлсон, женщины-секретари — Мари Ливерс [Левин], доктор медицины Роза Радек, Регина Эдел[ь]ман, Евгения Реузов[а] и кроме того восемь женщин сте-

нографисток и телеграфисток» (Русская делегация мирных переговоров // Русский Листок. 1918. №52. 6 августа. С.2). Переговоры закончились безрезультатно 27 августа 1918. Причиной провала совещания были скорее непомерные требования финнов (безвозмездная отдача Мурманска, Кольского полуострова, Соловецких островов и большей части Онежской губы), чем «великодержавное» отношение советской делегации. Подробнее об этом см.: Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия, 1918-1920. М., 1975. С.47-53 и сл.

³ См. записи от 23 и 24 апреля 1918.

⁴ Н.Е.Чирикова.

⁵ Получивший широкую огласку «чириковский инцидент» произошел в 1909 на вечере у Н.Н.Ходотова, когда в ходе обсуждения новых пьес Шолома Аша (1880-1957, Лондон) и Чирикова возник вопрос о «праве» русских критиковать произведения еврейских писателей и евреев критиковать произведения русских писателей. Поскольку Чириков как раз пользовался репутацией юдофила, его эта дискуссия особенно задевала и раздражала, и он заключил: «Мне остается пожалеть, что меня критикуют не русские, так как большинство петербургской прессы — евреи» (По векам. СПб., 1909. С.169). «Это высказывание — перевод литературной дискуссии на национальные рельсы — получило огромный резонанс, стало предметом чрезвычайного внимания и еврейской и русской прессы. /.../ Одни расценили это замечание как результат уязвленного самолюбия, другие обвинили писателя в антисемитизме. Кое-кто высказал мнение, что вся история — мыльный пузырь, шумиха, созданная из ничего» (Левитина В. Русский театр и евреи. Иерусалим, 1988. Т.2. С.100; см. также: Аронсон Г. Записки провинциального журналиста // Новый журнал. 1960. №61. С.217). Хотя Андреев 6 лет спустя в статье «Первая ступень: о еврейском вопросе» (Утро России. 1914. №294. 27 ноября. С.2) возражал против обвинения Чирикова в антисемитизме, в письме к не установленному адресату в 1909 же году он отказался подписать письмо протеста под предлогом, что он недостаточно осведомлен о подробностях инцидента, отмечая при этом, что он уверен в честности Чирикова (РНБ. Ф.124. Ед.хр.137).

⁶ 5-я строка стихотворения С.Я.Надсона (1862-1887) «Только утро любви хорошо: хороши...» (1883). В молодости Андреев был поклонником Надсона, написал о нем статью «Надсон и наше время. (К 30-летию со дня кончины)» (Русская Воля. 1917. №18. 19 января. С.3).

⁷ В письме к Р.Д.Дэвису от 19 мая 1986 Л.Е.Шнитникова несколько иначе вспоминает этот эпизод: «Когда мы шли, во время войны, в чудесный вечер, на собрание Общества имени Куинджи, помню, компанией из нескольких человек, ко мне подошел Леонид Николаевич, взял меня под ручку и отвел в сторону и сказал: "А теперь я хочу сказать Вам что-то серьезное". Но вдруг около нас какой-то встречный прохожий — падает в сташных корчах эпилепсии — все сбежались, чтобы помочь больному! Судьба! Так "серьезное" и никогда не было сказано».

⁸ Не удалось идентифицировать «А.». Л.Е.Шнитникова предполагает, что это был писатель И.С.Соколов-Микитов (1892-1975, Москва): «который провожал меня на пароходике» (письмо к Р.Д.Дэвису от 19 мая 1986). В 1915 Соколов-Микитов учился в Петрограде на санитарных курсах Всероссийского земского союза и в 1916, когда начали выходить его первые произведения, учился там же на курсах авиамотористов. В 1917 он был делегирован в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В описании «А.» Андреевым только молчаливость выжется с тем, что известно о характере Соколова-Микитова, ибо ни «партийным», ни «сотрудником "Новой Жизни"», насколько можно судить, он не был.

20 августа 1918 г.

¹ См. прим. 1-3 к записи от 16 августа 1918.

² Роман популярный во второй половине XIX века французских писателей Эмиля Эркмана (1822-1899) и Александра Шатриана (1826-1890) «Histoire d'un paysan (Histoire de la revolution Française racontée par un paysan)» (4 ч., 1868-1870), впервые вышедший в русском переводе («История одного крестьянина») в журнале «Дело» в 1868, а потом отдельным изданием (СПб., 1872) в переводе Марка Вовчка (М.А.Вилинская, в 1-м браке Маркович, во 2-м Лобач-Жученко; 1833-1907) и 2-м томом сочинений (СПб., 1898).

³ Робеспьер.

⁴ Андреев, очевидно, имеет в виду гебертистов, последователей Ж.Р.Геберта (1757-1794), которые представляли крайнее крыло революционеров во Франции и требовали отмены христианского богослужения и введения культа разума. Их казнили в марте 1794 за атеизм и безнравственность.

⁵ Д.Р. де С.Веласкес (1599-1660), испанский художник.

⁶ Микеланджело Буонаротти (1475-1564), итальянский скульптор, живописец, поэт.

⁷ Мысль об отождествлении сюжета пьесы «Черные маски» и хода революционных событий принадлежит, очевидно, сотруднику «Русской Воли» и бывшему репетитору Вадима Андреева (см. Детство. С.38), В.Я.Семичову (1882-1939, Стокгольм), напечатавшему под псевдонимом «Хан Семик» фельетон «Черные маски. (По Л.Андрееву.) Пьеса во многих действиях и одной картине» (Русская Воля. 1917. №166. 15 июля. С.2). К письму А.И.Андреевой от 3 марта 1921 Семичов приложил выписку из письма №77 и заметил: «Мне живо вспомнился торжественный миг моей жизни — когда я принес Леониду Николаевичу свой фельетон "Черные маски", переделанный именно в духе такого истолкования Черных Масок. И я помню, как это заинтересовало его. По-видимому, он потом развил еще дальше это толкование, о котором он и упоминает в своем /.../ письме» (РАЛ MS.606/G.11.xiii*). В гельсингфорсской газете «Северная Жизнь» (1919. №13. 20 января. С.3) появился фельетон «Зрителя» «Чер-

ные маски», в котором тоже сопоставляются пьеса и революция, но без ссылки на самого Андреева.

⁸ См. конец первой картины пьесы «Черные маски»: «Лоренцо — вассал Сатаны!» (Т.1. С.248).

⁹ Андреев присутствовал на репетициях пьесы «Тот, кто получает пощечины» в Московском Драматическом театре во второй половине октября 1915 и на премьере 27 октября 1915.

¹⁰ Андреев присутствовал на генеральной репетиции и премьере пьесы в Александринском театре в Петрограде 26 и 27 ноября 1915.

¹¹ Статья Андреева «Гибель» была опубликована в «Русской Воле» (1918. №89. 30 апреля. С.3-4) и выходила также отдельной бесплатной листовкой и двумя брошюрами.

¹² Письмо И.С.Шмелева, в котором он отказывается от сотрудничества в «Русской Воле», опубликовано В.П.Вильчинским в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год» (С.196-202).

¹³ А. — см. прим. 1 к записи от 25 мая 1918. Не удалось идентифицировать «А.Н.А.».

¹⁴ В гельсингфорсской газете «Русский Листок» (1918. №59. 14 августа. С.1) отмечается по поводу статьи К.Ф.Тиандера «Предстоящее падение большевиков» из газеты «Hufvudstadsbladet», что «Г.Тиандер заранее уже приветствует занятие немцами столицы на берегах Невы».

¹⁵ В письме от 29 августа 1916 А.Н.Толстой дал условное согласие сотрудничать в новой газете (ЛН2. С.182-183), но, по-видимому, после речи В.М.Пуришкевича (см. прим. 16), он отказался от участия в газете и его фамилия не была включена в список сотрудников «Русской Воли». Он также не сотрудничал в «Новой Жизни».

¹⁶ В своей речи в Государственной думе 19 ноября 1916 В.М.Пуришкевич приводил данные о немецких капиталах тех банков, с помощью которых уже достаточно подозреваемый в немецких симпатиях А.Д.Протопопов основал газету «Русская Воля» и наличие которых якобы компрометировало самую газету. О предполагаемых сотрудниках газеты Пуришкевич сказал, что: «Узнав подкладку протопоповского дела, гг. прогрессивные писатели, отличающиеся не меньшим патриотизмом, чем каждый из нас, один за другим решили выйти из этого учреждения и отказались от всякого участия в протопоповском предприятии» (Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 4. СПб., Петроград, 1913-1917. Стлб. 283). Андреев ответил на речь Пуришкевича статьей «Открытое письмо г.г. членам Государственной Думы» (Русская Воля. 1916. №1. 15 декабря 1916. С.4-5), в которой он возражал против подразумеваемого из утверждений Пуришкевича заключения, что «Русская Воля» «издается на немецкие деньги, и группа русских писателей, — я в том числе, — купленные немцами, будет отстаивать их интересы, что есть измена перед отечеством».

¹⁷ В письме от 5 августа 1916 Серафимович написал: «В газете, дружок, работать не буду. Нет, не лицемерие и не боязнь за репутацию, /.../ а свое сложное, где-то внутри выросшее, и не из головы, а изнутри откудато» (Собр. соч.: В 7 тт. Т.7. М., 1960. С.514). См. также письма №14, 17—19.

22 августа 1918 г.

¹ Андреев последний раз посетил Орел в апреле 1910. В письме к С.С.Голоушеву от 10 сентября 1915 он писал: «С Орлом у меня ни пера не выходит: все заполнено беженцами, ни квартир, ни дров, и ехать не стоит. Думал я о Москве, да как там устроишься. Так и останусь, видимо, в Ваммельсуу и в города буду только наезжать» (Реквием. С.118).

² В РАЛ MS.606/С.38.iii* хранятся ноты исполненного, кажется, в пьесе «Тот, кто получает пощечины» танго: А.Варло (Виллолло). Оригинальный танго (El Choclo): Знаменитый аргентинский танец. М., б.д.

³ В статьях о пьесе «Тот, кто получает пощечины» в конце 1915 — начале 1916 многие рецензенты сетовали на ее «непонятность» и «сумбур», но, насколько можно судить, слово «гениальный» ими не употреблялось.

23 августа 1918 г.

¹ Первое название незаконченного и посмертно опубликованного романа «Дневник Сатаны» (Гельсингфорс, 1921).

² См. прим 4 к записи от 19 мая 1918, а также прим. 2 к записи от 9 августа 1918, где, однако, речь идет о Кронштадте, а не о Выборге.

³ Аранхуэс и Севилья — города в Испании. Альгамбра — дворец в испанском городе Гранада.

28 августа 1918 г.

¹ Андреев имеет в виду не прекратившую свое существование 23 мая 1918 газету «Русский Вестник», а начавший выходить 7 июня 1918 «Русский Листок», в котором под заголовком «Война с бывшими союзниками» и со ссылкой на газету «Правда» сообщалось, что «Советское правительство объявит войну бывшим союзникам» (1918. №66. 22 августа. С.1).

² Ср. в третьей картине пьесы «Анатэма»: «Танцы, мадам Лейзер, совсем как математика, тут нужен циркуль!» (Т.3. С.277).

³ Изданный Петроградским Советом 1 марта 1917 Приказ №1 и Проект постановления общего собрания Петроградского Совета о правах солдат от 9 марта 1917 (позднее: Декларация прав солдат) имели как следствие уничтожение и так весьма шаткой дисциплины во многих частях русской армии, как в Петрограде, так и на фронте. В РАЛ MS.606/D.84 хранится машинопись, насколько известно, неизданной статьи Андреева, посвященной этому вопросу: «Вина составителей "Приказа №1" и "Декларации прав солдата" /.../».

⁴ См. прим. 10 к записи от 3 августа 1918.

⁵ См. прим. 3 к записи от 2 марта 1917.

⁶ Андреев, по всей вероятности, имеет в виду роль Иорданского в подавлении корниловского «мятежа». В качестве комиссара Юго-Западного фронта Иорданский арестовал симпатизирующего Корнилову Деникина в самом конце августа 1917 и хотел, чтобы его немедленно судил местный революционный трибунал, что в тогдашней ситуации фактически равнялось бы смертному приговору.

⁷ См. прим. 1 к записи от 17 августа 1918.

⁸ См. прим. 4 к записи от 5 мая 1918.

⁹ Возможно, Андреев имеет в виду беседу морского министра Д.Н.Вердеревского и начальника морского генерального штаба гр. А.П.Капниста 5 октября 1917 с представителями комитета журналистов при военном и морском министерстве, в конце которой гр. Капнист утверждал: «Личный состав флота /.../ борется вполне стойко, и это наблюдается и в тех командах, где проявлялись признаки разложения. После периода развала в них, по-видимому, наступил перелом» (Русская Воля. 1917. №237. 6 октября. С.4).

29 августа 1918 г.

¹ Из 200-300 тысяч находящихся в России во время Первой мировой войны китайских рабочих несколько тысяч принимало активное участие в революционных событиях, вступая в красную гвардию, создавая китайские военные отряды и сражаясь в гражданской войне. Роль китайцев привлекала особое внимание пропагандистов белого движения, создавших ряд плакатов на эту тему.

² 28 декабря 1908 / 10 января 1909 землетрясение разрушило сицилийский город Мессина, и погибло 88 000 человек. В марте 1909 издательство «Шиповник» выпустило сб. «Италии: Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине», в который Андреев дал «Сон о. Василия» (неизданный отрывок из «Жизни о. Василия Фивейского»).

3 сентября 1918 г.

¹ 30 августа 1918 Андреевы переехали в Тюрисево на дачу Левстера.

² 30 августа 1918 М.С.Урицкий был убит Л.С.Каннегисером в Петрограде, а Ленин был тяжело ранен Ф.Е.Каплан (1893-1918) в Москве.

6 сентября 1918 г.

¹ Ср. письмо №33.

² «Сотворение человека» — часть росписи свода Сикстинской капеллы в Ватикане, выполненной Микеланджело в 1508-1512.

10 сентября 1918 г.

¹ Возможно, что Андреев цитирует по памяти из романа Эмиля Золя (1840-1902) «Le ventre de Paris» («Чрево Парижа», 1873), где в главах, в которых описывается знаменитый рынок Les Halles, встречаются выражения «une odeur fraîche d'algues marines», «une haleine forte de marée». Не удалось, однако, найти формулировку, близкую к «прекрасному зловию», в русских переводах романа, вышедших в конце XIX — начале XX вв.

² Возможно, Андреев имеет в виду эпизод из романа Золя «Son excellence Eugène Rougon» («Его превосходительство Эжен Ругон», 1876), где описывается, как на устраиваемых в оранжерее Тюильри благотворительных базарах продавались цветы в пользу приюта, покровительствуемого императрицей Евгенией (1826-1920) (гл. XIII), хотя в русских переводах романа, вышедших в конце XIX — начале XX вв., нет формулировки «букеты императрицы».

³ Парижский жокей-клуб (Jockey-Club de Paris), основанный в 1833 с целью усовершенствования пород скаковых лошадей и развития конного спорта, стал одним из самых модных мест для встреч и развлечений высшего светского общества.

⁴ Речь идет о Е.Е. Чирикове и Г.П. Рождественском (см. Биографический справочник: ЧИРИКОВА Н.Е.).

12 сентября 1918 г.

¹ Ср. воспоминания М.К. Иорданской на С. 381 настоящего издания. Подробности этой истории не установлены, но возможно, что она связана с участием Андреева в заведомом З.И. Гржебиным издательстве «Шиповник», а также в издаваемом им недолговечном патриотическом журнале «Отечество». 12 марта 1916 Андреев записал в чековой книжке сумму 300 рублей «Андрейчу для выкупки фальшивого векселя З.И. Г[ржебина]» (РАЛ MS.606/G.1.iv.c*).

² А.Е. Шайкевич.

³ Часть 1918 семья З.И. Гржебина провела в Тифлисе, но потом она жила в совсем не безопасном Петрограде на Потемкинской улице (см. письмо Е.З. Гржебиной к Р.Д. Дэвису от 30 мая 1990 и ее же воспоминания в журнале «Solanus» — 1987. №1. С.16). Надо предполагать, что андреевская характеристика Гржебина основана большей частью на клеветнических слухах, мишенью которых Гржебин имел несчастье быть на всем протяжении своей издательской карьеры.

16 сентября 1918 г.

¹ 2 сентября 1918 ВЦИК принял резолюцию по поводу покушения на Ленина, которая кончалась словами: «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным

террором против буржуазии и ее агентов». 5 сентября было принято постановление о красном терроре, гласившее, что «необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» (Декреты Советской власти. Т.3. М., 1964. С.267, 291-292). О списке буржуазных заложников, опубликованном в «Северной Коммуне», Андреев мог потом читать в газете «Русский Листок» (1918. №88. 17 сентября. С.2). С.П.Мельгунов отмечает: «За Урицкого и Ленина действительно погибли тысячи невинных по отношению к этому делу людей. Тысячи по всей России были взяты заложниками. Какова была их судьба?» (Красный террор в России. Указ. изд. С.25).

² Несмотря на гарантии в Декрете о свободе совести от 20 января 1918 и в Конституции РСФСР от 10 июля 1918 («В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» — Декреты Советской власти. Т.2. М., 1959. С.553), служители церкви подвергались гонениям, и в течение 1918 ряд православных иерархов был убит (Владимир Киевский, Гермоген Тобольский, Ефрем Селенгинский и др.). В частности, возможно, до Андреева дошла весть о том, что 5 августа 1918 священник Исаакиевского собора Орацкий был расстрелян в Кронштадте.

22 сентября 1918 г.

¹ А.В.Гакзелл.

² См. прим. 1 к записи от 12 сентября 1918.

³ Основанное в Петербурге в 1906 З.И.Гржебиным и С.Ю.Копельманом изд-во «Шиповник» закрылось в 1918 (последний из 26 «Литературно-художественных альманахов издательства "Шиповник"» вышел в 1917). В 1922 Ф.А.Степун (1884-1965, Мюнхен) «в качестве редактора попытавшегося было воскреснуть в лучах нэповской весны "Шиповника" (Встречи... Мюнхен, 1962. С.193) выпустил в Москве один № "Шиповника: Сборника литературы и искусства"».

⁴ См. прим. 1 к записи от 25 апреля 1918.

⁵ Фридрих Ницше (1844-1900), философией которого Андреев увлекался в молодости, писал в книге «Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей» (1884-1888) о «Восстановлении природы в ее правах: освобождении от "моралины"» (перевод М.М.Рубинштейна) (Полн. собр. соч. Т.9. М., 1910. С.171).

28 сентября 1918 г.

¹ «Готические» романы английской писательницы Анны Радклиф (1764-1823) пользовались большой популярностью в России в первой половине XIX в. и вызывали множество подражаний.

² В.П.Денисевич.

³ Отец М.А.Вальтер, Абрам Михайлович Садыкер, имел ремонтное, малярное и строительное дело на Петроградской стороне в СПб./Петрограде. Один из его сыновей, Владимир Абрамович, был техническим директором о-ва «Таксомобиль», а другой, Анатолий Абрамович, был журналистом.

⁴ Гр. Жак де Лаланг.

21 октября 1918 г.

¹ Серая Лошадь и Красная Горка.

² Corniche (франц.) — прибрежная дорога.

³ Возможно, имеется в виду Мария Степановна Цолликофер, жена гражданского инженера — архитектора и царскосельского земского инженера Георгия Георгиевича Цолликофера.

3 ноября 1918 г.

¹ Т.е. «Всемирная литература».

² Написанная в 1914-1915 трагедия «Самсон в оковах» была опубликована посмертно в журнале «Современные Записки» (1925. XXIV. С.41-142). Было также издание в сборнике «Эпоха».

³ См. письмо №40.

6 ноября 1918 г.

¹ Каватина Фауста («Salut! Demeure chaste et pure») из 3-го акта оперы Гуно.

8 ноября 1918 г.

¹ Возможно, имеется в виду К.Рантакари (см. запись от 11 ноября 1918).

² Л.Б.Шайкевич.

³ Н.О.Блох.

11 ноября 1918 г.

¹ В 1918-1919 в Европе свирепствовал грипп «испанка», число жертв которого (свыше 20 миллионов) намного превысило число погибших во время самой Первой мировой войны.

25 ноября 1918 г.

¹ Е.П.Эдуардова.

² А.А.Давыдов.

³ Не удалось идентифицировать англичанина «Джолли Б.».

23 декабря 1918 г.

¹ Андреевы жили на даче (другого) Леонида Андреева в Тюрисеве с середины декабря 1918 по 10 мая 1919 (см. запись от 6 июля 1919, к которой Вадим Андреев сделал примечание: «Однофамилец, и даже — Леонид Андреев!» — РАЛ MS.606/E.14.V., f.169).

24 декабря 1918 г.

¹ См. прим. 5 к записи от 25 апреля 1918.

² Вскоре после перемирия 11 ноября 1918 оппозиционно настроенная часть английской и американской прессы провела кампанию против продолжения начатых летом 1918 военных действий союзных войск в России. Под лозунгом «Руки прочь от России» («Hands Off Russia») кампания в 1919 стала важным фактором в политике стран Запада по отношению к интервенции.

³ Начавшиеся 3 ноября 1918 в Киле революционные события привели к отречению Вильгельма II от престола, провозглашению Германии демократической республикой и созданию Советов, которые вступили в борьбу за власть с правительством.

8 января 1919 г.

¹ Свидетелем приезда З.И.Гржебина, А.Н.Тихонова и его жены В.В.Шайкевич в Териоки был К.Ф.Тиандер, который посвятил этому событию статью «Terijoki: idylle tragique» в гельсингфорсской газете «Hufvudstadsbladet» (1919. №10. 11 januari. S.6):

Один большевик приехал в Финляндию для переговоров об обмене товаров. Он задержан, и его хотят отправить под конвоем на ту сторону границы. У него рекомендательное письмо от Максима Горького, но это не производит никакого впечатления на финский генеральный штаб. С ним едет издатель горьковской газеты «Новая Жизнь», которая сейчас закрыта, и дама из хорошей семьи, о которой можно употреблять русскую поговорку: «В чужом пиру на похмелье».

Три солдата охраняют большевика, который является одним из самых выдающихся издателей России. Он собрал себе имущество, издавая произведения Горького и Андреева. Никому не позволено с ним говорить. Некоторые из его старых знакомых жмут ему руку. «Как вы можете жать его кровавую руку? — шепчет одна дама. — У всех, кто теперь сотрудничает с большевиками, кровавые руки» — «Его шуба, наверное, принадлежит какому-то буржую, которого расстреляли», — комментирует другая.

Большевика и его спутников ввели в вагон второго класса, и маленький поезд едет медленно к границе. Скоро приезжает

и Выборгский поезд, и часть компании едет на нем, чтобы посетить Леонида Андреева, проживающего в Тюрисеве. Нижеподписавшийся, который обещал посетить одного друга в городе Торкела [т.е. Выборг], глубоко жалел, что не мог присоединиться к компании и поехать к гордости русской литературы, который упорно отвергает роскошные предложения большевиков. Мои знакомые рассказали мне, что большевики оценивали имя Леонида Андреева на миллион рублей. Руку, которая отвергла миллионы большевиков, я охотно пожал бы. Но я не мог изменить программу дня.

(Перевод со шведского).

Помимо предполагаемой встречи с Андреевым цель поездки Гржебина и Тихонова в Финляндию не совсем ясна, ибо конкретные (но так и не осуществленные) планы для печатания в Финляндии книг созданного в августе 1918 изд-ва «Всемирная литература» возникли только весной 1919, когда Госиздат поручил эту задачу «Издательству З.И.Гржебина» (см. статью: Хлебникова Л.М. Из истории горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З.И.Гржебина» // ЛН80. С.668-703). Не исключено, однако, что уже в начале 1919 Гржебин и Тихонов хотели прозондировать почву в Финляндии. О дальнейших попытках Гржебина наладить торговые связи с Финляндией см. статью: Hellman V. *Biblion: a Russian Publishing House in Finland* // *Studia Slavica Finlandensia*. 1985. №2. P.1-48.

² Т.е. «Всемирная литература».

³ Андреев имеет в виду переорганизованный под эгидой Горького и связанный через него же с издательством «Всемирная литература» и обществом «Культура и Свобода» петроградский Союз деятелей художественной литературы, в работе которого большинство из названных Андреевым писателей принимало участие (А.И.Куприн, Д.С.Мережковский, В.В.Муйжель, А.М.Ремизов). В подробной статье П.П.Ширмакова, посвященной истории Союза, В.Я.Брюсов вовсе не упоминается и, будучи жителем Москвы, он вряд ли состоял членом Союза, тогда как фамилия А.В.Амфитеатрова встречается лишь в качестве автора книги «Зверь из бездны», намеченной к изданию Союзом (К истории литературно-художественных объединений первых лет Советской власти: Союз деятелей художественной литературы: 1918-1919 годы // Вопросы советской литературы. 1958. №7. С.454-475).

⁴ См. Биографический справочник: ЦЕТЛИН Н.С.

⁵ См. прим. 1 к записи от 5 августа 1918.

22 января 1919 г.

¹ «S.O.S.» См. запись от 4 марта 1919.

² Е.П.Эдуардова.

4 марта 1919 г.

¹ «S.O.S.» — отклик Андреева на предложение съехаться 15 февраля 1919 для переговоров на остров Принкипо (недалеко от Константинополя), с которым президент США Т.В. Вильсон от имени глав делегаций союзников на Парижской мирной конференции обратился к представителям воюющих русских 22 января 1919 (радиопередачи начались 23 января) (английский текст обращения см.: *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: 1919: Russia*. Washington, 1937. P.30-31; русский перевод обращения в изд.: *Документы внешней политики СССР*. Т.2. М., 1958. С.45-46). Судя по записи от 22 января 1919, весть о предстоящем обращении Вильсона дошла до Андреева уже до его провозглашения и послужила толчком к написанию статьи, в которой он возвращается к теме необходимости помощи союзников для спасения России (см.: *Вопрос // Русская Воля*. 1917. №240. 10 октября. С.2) и развивает образ кораблекрушения из заключительной части статьи «Вопрос»:

/.../ мы должны просить о помощи и звать к Петрограду английский флот. /.../ Повторяю, мы не требуем, а только сообщаем, как гибнущий корабль: «Спасите наши души» /.../ Так помогите же нам, если можно, а если нет, то знайте: мы ждем смерти и умираем.

4 февраля 1919 большевистское правительство сообщило союзникам, что принимает приглашение на конференцию, но так как 12 февраля 1919 парижское Русское политическое совещание от имени представляемых им антибольшевистских групп решительно отвергло кажущееся его членам вероломным предложение, вся затея в конце концов рухнула. Уже 6 февраля 1919 Андреев закончил статью «S.O.S.», содержащую страстный призыв к союзникам не предавать лояльных русских и не ввергать Россию в кровавую разруху. Текст «S.O.S.» печатается на С.337 настоящего издания (см. также комментарий и библиографию на С.508-512).

² Легализованный финскими властями в декабре 1918 Особый комитет по делам русских в Финляндии (Гельсингфорс).

³ Вскоре и вышло издание «S.O.S.» (Wiipurii, [1919]) с рисунком Н.К. Рериха «Меч мужества» (1912, оригинал хранится в собрании Л.А. Руслановой, Москва) на обложке (см. иллюстрации).

⁴ По всей вероятности, Скандинавское общество помощи Российскому воину, комитет которого обратился к русской публике в Скандинавии и Финляндии через газеты «Северная Жизнь» (1919. №39. 19 февраля. С.3) и «Русский Листок» (1919. №44. 25 февраля. С.1) с просьбой присылать в Стокгольм на имя назначенного Временным правительством русского генерального консула, Ф.Б. Броссета, пожертвования в пользу русских солдат, борющихся за «возрождение России». На задней обложке Выборгского издания «S.O.S.» (см. прим.3) напечатано объявление: «Весь сбор от продажи поступает в распоряжение комитета Скандинавского общества помощи Российскому Воину». Одно время секретарем комитета

общества был Н.К.Перих, и в архиве Особого комитета по делам русских в Финляндии (Columbia) хранится его письмо из Стокгольма от 31 мая 1919, в котором он сообщает Особому комитету о переводе 15 000 финских марок генералу Юденичу.

⁵ Вопрос об антибольшевистской пропаганде сильно волновал Андреева весной и летом 1919, о чем свидетельствуют письма №68 и 69 к П.Н.Милюкову и А.В.Карташеву, который приезжал к Андрееву в конце марта — начале апреля 1919 (см. запись от 8 апреля 1919) и которому 3 июля 1919 были поручены «вопросы печати, информации и агитации» (Журнал 14-го заседания Политического Сопровождения. Columbia. Фонд Особого комитета по делам русских в Финляндии. Коробка 4).

⁶ См. воспоминания И.В.Гессена на С.396 настоящего издания.

⁷ По поводу финансовых затруднений Андреева и заклада дома см. также записи от 8 апреля и 23 мая 1919. Шведский перевод подписанных Андреевым и А.И.Андреевой 21 и 23 февраля 1919 векселей на имя И.Н.Денисевича хранится вместе с переводом завещания последнего в архиве издательства «Holger Schildt» (Хельсинки), куда они попали в 1921, когда В.П.Денисевич потребовала выплаты по векселям части гонорара от издания произведений Андреева издательством «Biblion» (см.: Helman В. Указ изд. S.34).

23 марта 1919 г.

¹ И.Н.Денисевич.

8 апреля 1919 г.

¹ См. прим. 2 к записи от 4 марта 1919.

² О парижских изданиях «S.O.S.» см. библиографию на С.508 настоящего издания. В лондонской газете «The Times» сообщалось о получении мысли автора в сопровождении в основном положительной редакционной оценки (Appeal for Help: Bitter Russian Complaint of Desertion // The Times. 1919. 1 March. P.10. Col.4). Андреев располагал, кажется, не совсем верной информацией, ибо «защитительное» письмо в редакцию молодого и уже достаточно известного литератора и общественного деятеля К.Э.Бехгофера (1894-1949) было написано тут же в день публикации первого сообщения о «S.O.S.» и помещено в следующем номере газеты. Бехгофер защищал Андреева от подозрений в реакционности, которые могли возникнуть на основе сообщения о «S.O.S.» (Russian Writers and Bolshevism // The Times. 1919. 3 March. P.8. Col.2). Отзыв «Мисс», пока не разысканный, являлся, скорее всего, ответом на это письмо. Впоследствии публиковалось написанное 5 июня 1919 в Архангельске положительное письмо известного переводчика и единомышленника Л.Н.Толстого Эйлера Моуда (1858-1938) (Literature under the Bolsheviks // The Times Literary Supplement. 1919. №910. 26 June. P.349) (см. также: Holman M.J. de K., Collins D. Aylmer Maude's Letters from Archangel, 1918-1919 // Sbornik.

1981. №6-7. P.144-146; о переводе «S.O.S.» Моудом см. прим. 6 к письму №85) и такая же положительная рецензия на английское издание «S.O.S.» с предисловием П.Н.Миллюкова (S.O.S. // The Times Literary Supplement. 1919. №913. 17 July. P.387).

³ Впервые о «S.O.S.» сообщалось 19 и 21 февраля 1919 в гельсингфорских газетах «Русский Листок» и «Северная Жизнь» (см. комментарий к «S.O.S.» на С.508 наст. изд.), которые вскоре слились в новую газету «Русская Жизнь», выпустившую «S.O.S.» бесплатным приложением к №23 от 29 марта 1919 и поместившую в №30 от 7 апреля 1919 объявление: «В конторе газеты РУССКАЯ ЖИЗНЬ имеется в продаже брошюра S.O.S. Леонида Андреева, отпечатанная на хорошей бумаге и в обложке. Цена с пересылкой 1 м[арка] 50 п[енни]». Возможно, имелась в виду брошюра: Андреев Л. S.O.S. Гельсингфорс, 1919. См. также прим. 3 к записи от 4 марта 1919.

⁴ См. запись от 4 марта 1919 и прим. 4 к ней, а также письма №49, 55 и 59.

⁵ Квартира Андреева на Мойке очевидно охранялась, по крайней мере, до начала 1920, ибо когда генерал А.А.Самойло (1869-1963, Москва) вернулся с северного фронта и обнаружил, что его квартиру ограбили, ему «/.../ предложили в виде компенсации взять мебель из квартиры, находившейся рядом с бывшими казармами Павловского полка и брошенной своим хозяином известным писателем Леонидом Андреевым. Сначала я обрадовался, но, увидев мебель, заполнявшую две большие комнаты писателя, пришел в ужас от фантазии ее владельца. Мебель состояла из тяжелых столов, диванов, кресел и стульев с такими грубо вырезанными из дерева фигурами и физиономиями человекоподобных существ, что не могло быть и речи не только о возможности разместить их в обыкновенной жилой комнате, но и о простой перевозке их из Петрограда в Москву. Я, как говорится, махнул рукой и отказался от предложенной компенсации» (Самойло А.А. Две жизни. М., 1958. С.258).

⁶ В.П.Денисевич.

⁷ А.И.Зенкевич.

14 апреля 1919 г.

¹ Действующие лица посмертно опубликованного произведения Андреева «Ночной разговор» — германский император Вильгельм II и «русский революционер, эмигрант, уже много лет живший в Бельгии и занимавший кафедру в Брюссельском университете» (Ночной разговор. Гельсингфорс, 1921. С.21).

19 апреля 1919 г.

¹ См. запись от 2 августа 1918.

² Главы делегаций союзников на Парижской мирной конференции: Т.В.Вильсон (США), Ж.Клемансо (Франция), Д.Ллойд Джордж (Англия), В.Э.Орландо (Италия).

³ Ср. последние слова «Записок сумасшедшего» Н.В.Гоголя в канонической, подцензурной редакции второй части его «Арабесок» (1835): «/.../ у алжирского дея [sic] под самым носом шишка».

⁴ Французская провинция Эльзас стала частью Германской империи после Франко-прусской войны 1870-1871. Она была возвращена Франции в 1919.

24 апреля 1919 г.

¹ В апреле 1919 была обнаружена подпольная революционная организация в Выборге. 11 и 14 апреля арестовали руководителей заговора и некоторых его участников, среди которых были и военные, в частности из выборгского гарнизона (Hufvudstadsbladet. 1919. №103. 14 april. S.2; №105. 16 april. S.6).

² Эвакуация Одессы началась 2 апреля 1919. Войска Красной армии вступили в город 6 апреля.

³ Перевод Е. и L. de Haas, s'Gravenhage, «W.P. van Stockum & Zoon», 1919.

⁴ Английский перевод «S.O.S.» с предисловием П.Н.Милюкова и с обложкой известного художника Франка Брангуина (1867-1956) был издан лондонским Комитетом Освобождения России: Russia's Call to Humanity: «Save Our Souls»: An Appeal to the Allies.[London]: «Russian Liberation Committee and Union of the Russian Commonwealth» [1919]. 28 pp. (Russian Liberation Committee Publications, no.6) (10 000 экз).

⁵ В дневнике П.Н.Милюкова за 1919 есть запись: «11 и 13 апреля происходили заседания /.../ с прочтением Appeal [т.е. S.O.S.] Леонида Андреева и с моим предисловием к нему» (Архив П.Н.Милюкова, коробка 10, стр. 573 машинописного варианта дневника. Columbia). Еще не установлено, те ли это митинги, о которых А.В.Руманов писал Андрееву.

27 апреля 1919 г.

¹ Возможно, что запись не была закончена.

13 мая 1919 г.

¹ «Купалка была последним (кроме большого фундамента), что осталось от дома: ее видел Люська лежащей на боку весной 1945 года, когда он вместе с русскими войсками занимал Карельский полуостров» (прим. Вадима Андреева к перепечатанной им машинописи дневника — РАЛ MS. 606/E.14.v.,f.158). Советские войска заняли Карельский перешеек и Выборг в июне 1944.

² Е.Г.Шайкевич.

22 мая 1919 г.

¹ 13 мая 1919 объединенные силы русского Северного корпуса (с 19 июня 1919 Северная, а с 1 июля Северо-Западная армия) и армии Эстон-

ской республики начали наступление с территории Эстонии на Петроград. Первоначальным успехам кампании существенно способствовали англичане своей материальной поддержкой и военными действиями на Балтийском море, и Псков и Ямбург были взяты в течение двух недель.

13 июня 1919 г.

¹ Либо А.Е.Шайкевич и его вторая жена, Клавдия Васильевна (1899-1958, Париж), либо Е.Г. и Л.Г.Берманы.

² Взятие береговых фортов Серая Лошадь и Красная Горка, которые вместе с Кронштадтом охраняли подступы к Петрограду, было необходимо для успеха наступления Северного корпуса и Эстонской армии, так как с фортов обстреливали английские военные суда, главный источник артиллерийского прикрытия для антибольшевистских войск. 13 июня 1919 гарнизоны фортов перешли на сторону белых и начали обстреливать Кронштадт, где находился Балтийский флот. Попытка большевиков вновь занять форты с суши, моря и воздуха длилась до 15-16 июня, когда эстонцы и остатки гарнизонов отступили. Эти события отражаются и в записях от 16, 17 и 24 июня 1919.

16 июня 1919 г.

¹ См. прим. 2 к записи от 19 апреля 1919.

² В 1918 Словакия, которая до того времени составляла северную часть Венгерского королевства, была оккупирована чехами, но в течение краткого существования Венгерской Советской республики (21 марта — 1 августа 1919) она была отвоевана у чехов венгерскими красными войсками.

³ В течение апреля 1919 матросы на ряде французских военных судов в Черном море восстали. 6 апреля 1919 матросы крейсера «Вальдек Руссо» отказались бомбардировать Одессу, в которую вступали большевистские войска. Основанная в 1904 Жаном Жоресом (1859-1914) газета французской социалистической партии «L'Humanité» играла важную роль в кампании в защиту мятежников и против продолжения интервенции.

17 июня 1919 г.

¹ См. прим. 2 к записи от 24 декабря 1918.

² См. прим. 4 к записи от 2 марта 1917.

24 июня 1919 г.

¹ В рукописи: «/.../ вдруг прорывается, тает, становится кисейно прозрачною, и в прорывах ее».

6 июля 1919 г.

¹ Вера Андреева пишет о принадлежавшем семье «речном флоте в виде больших и малых лодок, каких-то диковинных баркасов /.../, шлю-

пок и тузиков» (Дом на Черной Речке. С.48), и Вадим Андреев упоминает в этой связи названия «Тузик большой» и «Тузик маленький» (Детство. С.42). См. также запись от 31 мая 1918.

15 июля 1919 г.

¹ См. письма №69 и 70. Развернутое обсуждение отношения Андреева к антибольшевистской пропаганде содержится в предисловии к публикации писем Андреева к Милукову: *Минувшее: Исторический альманах*. Вып.4. М., 1991. С.342-346.

² Вскоре после сдачи фортов Красная Горка и Серая Лошадь (см. прим. 2 к записи от 13 июня 1919) возник конфликт между эстонцами и белыми русскими. Лишенные военной поддержки эстонцев, русские войска вынуждены были начать отступление из территорий, занятых ими в северо-западной части России. Последнюю попытку занять Петроград предприняли уже после смерти Андреева в октябре 1919.

8 сентября 1919 г.

¹ В гельсингфорской газете «Hufvudstadsbladet» (1919. №250. 13 september. S.3) сообщалось: «В воскресенье утром [7 сентября] в 4.10 часов два большевистских самолета сбросили бомбы на вокзал в с.Ино и на железнодорожный мост в с.Ваммельсуу, не попадая, однако, в цель. Персонал вокзала разогнал летчиков метким ружейным огнем».

9 сентября 1919 г.

¹ Taedium (*лат.*) — отвращение (к жизни), скука.

² См. письмо №71.

³ Е.П.Эдуардова.

⁴ В селе Лоунатиоки в Каннельярви на востоке от Ваммельсуу жила семья С.А.Ефрона; сохранилась фотография Вадима Андреева, снятая в «Лоунатиоки у Ефронов» 26 апреля 1919 (РАЛ MS.606/G.3.viii., f.61).

⁵ В свидетельстве о смерти И.Н.Денисевича указана дата 21 июля 1919, которую Андреев и приводит в конце письма №74.

⁶ Справедливости и правдивости ради нужно отметить, что приведенные здесь и в письме №76 версия обстоятельств смерти И.Н.Денисевича и характеристика отношений Викторией Ильиничной Денисевич с ее вторым мужем, Ф.-Р.Бертраном, зиждятся на крайне недостоверных сведениях, полученных Андреевым от Веры Петровны Денисевич в несохранившемся письме, на которое он отвечал письмом №76. О том, что Вера Петровна была морфинисткой, Андреев знал (см. второй абзац письма №76), но он, тем не менее, поверил ее рассказам и соответственно встал на ее сторону в ею же вымышленном конфликте с Викторией Ильиничной (см. письмо №76). Поскольку сам Андреев через несколько строк весьма субъективно освещает историю своих отношений с Викторией Ильиничной, которой он безуспешно делал предложение в 1907,

можно предположить, что в его легковой реакции на клевету Веры Петровны частично отражаются его оскорбленные чувства. Как бы то ни было, все, что известно из более достоверных источников о В.И.Денисевич и Ф.-Р.Бертране (см. их биографии), коренным образом противоречит оскорбительным небылицам, повторяемым Андреевым с легкой руки В.П.Денисевич в этой записи и в письме №76.

⁷ Имеется в виду цикл из 20 романов Э.Золя «Ругон-Маккары: Естественная и социальная история одной семьи в эпоху Второй Империи» (1871-1893).

⁸ См. прим. 2 к записи от 21 мая 1918.

⁹ А.Я., В.И. и И.И.Денисевичи.

10 сентября 1919 г.

¹ См. запись от 8 сентября 1919.

² См. запись от 28 апреля 1918.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМАМ

1. С.С.Голоушеву. [27]-29 октября 1917 г.

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.24.i.

¹ См. прим. 1 к записи от 17 августа 1918.

² См. прим. 1 к записи от 27 июля 1918.

³ См. упоминания М.М.Горелова в связи с недовольством Андреева первоначальным составом редколлегии «Русской Воли» в записях от 5 мая, 3 и 21 ноября 1918.

⁴ См. прим. 4 к записи от 5 мая 1918.

⁵ Ср. из письма к Голоушеву от 14 июля [1915]: «И мы все будем у тебя жить и вместе с тобою кричать: "Ва-а-ря!!!"» (Реквием. С.117; см. также С.129). Это, очевидно, одна из многочисленных «домашних» шуток, которыми пестрят письма Андреева к Голоушеву. Речь идет, предположительно, о прислуге Голоушева.

2. И.А.Белюсову. 31 октября [1917 г.]

Письмо впервые опубликовано по оригиналу (без конца?), хранящемуся в РГАЛИ. Ф.66. Оп.1. Ед.хр.471, в журнале «Вопросы литературы» (1991. №7. С.189-190, публикация М.Козьменко). Публикуется по журнальному тексту.

¹ «Русская Воля».

² См. прим. 4 к записи от 5 мая 1918.

³ Петроградский Военно-Революционный комитет в первые дни большевистского переворота захватил типографии семи газет, в том числе «Русская Воля», «Новое Время», «Речь» и «День». (См. также прим. 3 к записи от 16 августа 1918).

⁴ См. прим. 1 к записи от 31 декабря 1916 и прим. 5 к записи от 28 апреля 1918.

⁵ Библейский апокрифический сюжет, часто используемый художниками.

⁶ Шуточный намек на стремление Финляндии освободиться от России. Об объявлении Финляндии независимым государством 23 ноября / 6 декабря 1917 см. часть II вступительной статьи к настоящему изданию. Финляндия стала республикой лишь 21 июня 1919.

⁷ См. прим. 3 к записи от 16 июля 1918.

⁸ Ср. воспоминания Веры Андреевой об Аполлоне: Дом на Черной Речке. С.74-75.

3. С.С.Голоушеву. [4]-5 ноября 1917 г.

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.24.i. Сохранился только один лист копии без начала и конца письма.

¹ См. прим. 3 к записи от 25 апреля 1918.

² Среди прочих ужасов, перечисленных в его описании голода 1601, Н.И.Костомаров (1817-1885) пишет: «вареная человечина продавалась в пирогах на московских рынках» (Собрание сочинений. Кн.2. СПб., 1904. С.40).

³ См. прим. 3 к №2.

⁴ Во время борьбы за Москву (26 октября — 3 ноября 1917) симпатизирующий большевикам гарнизон Кремля был заменен 28 октября войсками Временного правительства, и только после длившегося несколько дней артиллерийского обстрела большевистским войскам удалось взять Кремль штурмом. Первые сведения об ущербе, нанесенном историческим зданиям Кремля, подтолкнули А.В.Луначарского подать в отставку в знак протеста, но они потом оказались преувеличенными.

⁵ Центрофлот (Центральный комитет Всероссийского военного флота при ЦИК) был гораздо умереннее в своих высказываниях и действиях, чем сыгравший решающую роль в октябрьском перевороте Центробалт (Центральный комитет Балтийского флота). Руководимый главным образом эсерами и меньшевиками Викжель (Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожных рабочих и служащих) сопротивлялся установлению большевистской власти. В течение 1917 в ЦИК (Центральном исполнительном Комитете) Советов преобладали эсеры и меньшевики, хотя к сентябрю большевики были уже в большинстве во многих местных Советах, в том числе в Петрограде и Москве. Начиная со II Съезда Советов, открывшегося 26 октября 1917, большевики систематически подчиняли Советы Совнаркому.

4. С.С.Голоушеву. [13]-15 ноября 1917 г.

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.24.i.

¹ Храм Христа Спасителя, построенный в 1839-1883 по планам К.А.Тона (1794-1881) и снесенный в 1934. Голоушев жил на близлежащей к храму улице Остоженке, д.35.

² См. прим. 2 к записи от 1 ноября 1917.

³ «Биржевые Ведомости».

⁴ Андреев раньше иногда составлял обзоры прессы «В мире печати» в «Русской Воле», и не исключено, что он отвечал и за пространные отчеты о деятельности Совета Республики, которые печатались в соответствующих номерах «Русской Воли» в октябре 1917. Однако нет архивных следов такой работы.

⁵ О в действительности безрезультатных переговорах редакции «Новой Жизни» с Луначарским, Д.Б.Рязановым (1870-1938, умер в заключе-

нии) и Троцким 25 мая 1917 см.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Берлин; СПб., 1919-1922. Т.4. С.185-194. Когда Луначарский все-таки начал печататься в «Новой Жизни», он счел нужным поместить следующее примечание под своей статьей «Культурные задачи рабочего класса. Статья первая: Культура общечеловеческая и классовая» (Новая Жизнь. 1917. №46. 11 июня. С.3): «Нынешней статьей я начинаю мое сотрудничество в газете "Новая Жизнь" по культурно-социалистическому отделу. Считаю необходимым в наше ответственное время заявить, что моя общая политическая линия легко может разойтись с отдельными статьями отдельных редакторов этой газеты. Ответственность я несу только за статьи, мною подписанные, за каковые, с другой стороны, я несу ее единолично». Вопреки резолюциям большевистского ЦИК о прекращении его сотрудничества в «Новой Жизни», Луначарский продолжал выступать на ее страницах до сентября 1917, но он потом стал одной из главных мишеней антибольшевистской политики газеты.

⁶ С 5 июля 1917 до самого октябрьского переворота Ленин находился на нелегальном положении и скрывался от ареста сначала в Петрограде, потом в Разливе и Финляндии. К обвинению в попытке захватить власть во время «июльских дней» (см. прим. 1 к записи от 17 августа 1918) добавилось обвинение в измене после публикации разоблачительных материалов о «немцеком золоте» и т.д. Г.А.Алексинским. В течение июля-октября 1917 в соответствующих газетах печатались многочисленные протесты против распоряжения Временного правительства об аресте Ленина и против «травли» его (и других большевиков). По всей вероятности, Андреев имел в виду эту кампанию вообще, поскольку «Новая Жизнь» не особенно отличалась своей поддержкой Ленина, и только в очередных отчетах о выступлениях ораторов на разных совещаниях встречаются такие подзаголовки, как, например, «Против травли большевиков» (Новая Жизнь. 1917. №77. 18 июля. С.3).

⁷ После приезда в Петроград ленинской группы «пломбированных» в начале апреля 1917 (см. прим. 10 к записи от 3 августа 1918) Троцкий приехал из США 4 мая 1917, а 9 мая 1917 прибыла большая группа из примерно 250 политических эмигрантов, в том числе П.Б.Аксельрод, Луначарский и Ю.О.Мартов. Перед самым приездом этой группы С.Далин приветствовал приезжающих и защищал их от обвинения в сотрудничестве с немецкими властями: «Им ничего не оставалось делать, как проехать через Германию, и вина за это ложится на отставных вдохновителей нашей внешней политики [т.е. Временное правительство]» (К приезду эмигрантов // Новая Жизнь. 1917. №18. 9 мая. С.1). На следующий день «Новая Жизнь» напечатала неподписанную статью «Прибытие эмигрантов», в которой тоже приветствовала приехавших: «Редакция "Новой Жизни" со своей стороны приветствует товарищей и выражает твердую уверенность, что их приезд усилит ряды борцов за революционный международный социализм и за великие принципы интернационализма. Добро пожаловать, товарищи!» (1917. №19. 10 мая. С.2). Это последнее выражение, очевидно, особенно задело Андреева, который в своей статье «И снова рыцари на час» сетовал: «Их привет-

ствуют крайние газеты "добро пожаловать"» (Русская Воля. 1917. №113. 14 мая. С.2). См. также статью «Европа в опасности» на С.360 настоящего издания.

⁸ В Смольном институте находился штаб большевиков во время октябрьского переворота, и там заседал Совнарком до переезда правительства в Москву в марте 1918.

⁹ См. прим. 11 к записи от 20 августа 1918.

¹⁰ Veni, creator! // Русская Воля. 1917. №219. 15 сентября. С.2.

¹¹ В конце статьи «Veni, creator!» Андреев пишет: «Где моя Россия? Мне страшно. Я не могу жить без России. Отдайте мне мою Россию! Я на коленях молю вас, украсивших Россию: отдайте мне мою Россию, верните, верните!» В «Новой Жизни» (1917. №129. 29 сентября. С.2. Рубрика «Обзор печати») конец статьи комментируется следующим образом: «Мы не знаем, кто украл у Л.Андреева Россию, полагаем, едва ли и мыслимо такое "преступление"...»

5. И.А.Белоусову, 19 ноября 1917 г.

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.24.i (хранится с письмами к С.С.Голоушеву, подлежит перенесению к остальным письмам Белоусову, РАЛ MS.606/F.6). Письмо опубликовано с различиями по оригиналу в РГАЛИ. Ф.66. Оп.1. Ед.хр.471 в журнале «Вопросы литературы» 1991. №7. С.191-194, публикация М.Козьменко).

¹ Намек на двенадцать народов, входивших в состав армии Наполеона во время войны с Россией в 1812.

² Речь идет о П.Г.Смидовиче, а не о В.В.Вересаеве, настоящая фамилия которого тоже была Смидович.

³ Ср. в неоконченной статье [«О Керенском»]: «/.../ я позволю себе прямо и решительно обвинить А.Ф.Керенского в растрате власти. Это он, всегда стоявший во главе правительства, как бы ни менялся его состав, и руководивший его политикой, — растратил власть; это он, свое личное, субъективное, всегда ставивший выше объективных велений момента, убил власть и закон, заразил их смертельным недугом своего антигосударственного идеализма» (РАЛ MS.606/D.75*; опубл. в сб.: Перед задачами времени. С.188).

⁴ См. запись от 5 мая 1918 и прим. 8 к ней, а также прим. 1 к записи от 6 августа 1918.

⁵ И.П.Белоусова — жена И.А.Белоусова.

⁶ В своих воспоминаниях Белоусов пишет, что Андреев сделал два его портрета в Крыму в 1910. На первом полотне Андреев неожиданно написал изображение Иуды Искариота, а второй портрет, о котором, возможно, здесь идет речь, остался незаконченным (Литературная среда: Воспоминания, 1880-1928. М., 1928. С.151-154). Сохранились фотография Андреева и Белоусова перед первым портретом последнего и цветная фотография изображения Иуды (РАЛ MS.606/G.1.vii.g №452, 1174).

6. П.Н.Андрееву. 20 января 1918 г.

Публикуется по машинописной копии, сверенной с оригиналом в ИРЛИ. Ф.9. Оп.2. Ед.хр.5. №22.

7. А.Н.Андреевой. [20 января 1918 г.]

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/G.9.ii*. Датируется по сопоставлению с письмом №6.

8. С.С.Голоушеву. 28 февраля 1918 г.

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.24.i.

¹ К.Д.Верещагин.

² См. прим. 1 к записи от 27 июля 1918 и прим. 3 к восп. Ф.Н.Фальковского «Предсмертная трагедия Леонида Андреева» на С.401 наст. изд.

9. Льву А.Алексеевскому. 28 февраля 1918 г.

Публикуется по машинописной копии, сверенной с оригиналом в ИРЛИ. Ф.9. Оп.2. Ед.хр.1. №1. Письмо опубликовано в журнале «Русская литература» (1990. №3. С.152-153, публикация Л.А.Иезуитовой).

¹ Под псевдонимом Гораций Ч.Брюква Андреев писал юмористические фельетоны «Воздыхания», «Новые въздыхания» и т.д., и «Похождения моего духа под видом "ангела мира": въздыхания с того света», «Дальнейшие похождения ангела мира» и т.д., опубликованные в «Русской Воле» (1916. №13. 29 декабря; 1917. №2. 3 января; №5. 6 января; №14. 15 января; №23. 24 января; №27. 28 января; №29. 30 января; №37. 7 февраля; №42. 12 февраля; №44. 15 февраля; №51. 22 февраля; №53. 24 февраля.

² М.С.Давыдова была караймка.

³ Возможно, что Женя — молодая портниха, помогавшая по хозяйству П.Н.Андрееву, который был к ней, кажется, равнодушен, и что Маруся — прислуга. (Л.А.Иезуитова предполагает — см. выше о ее публикации письма, — что речь идет о Е.А.Фальковской и М.С.Давыдовой).

⁴ Начальник штаба Верховного Главнокомандования/Главнокомандующего.

10. А.Н.Андреевой. 17 февраля [2 марта?] 1918 г.

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/G.9.ii*.

¹ Возможно, что имеется в виду Степан Филиппович Самойлов, которому Андреев платил чек в январе 1913 (РАЛ MS.606/G.1.iv.c*.).

11. А.Н.Андреевой. 20 февраля / 5 марта 1918 г.

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/G.ii*.

¹ См. письмо №8.

12. *А.Н.Андреевой. [9]-10 марта 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/G.9.iii. Письмо публиковалось с купюрами в следующих изданиях: «Общее Дело» (1920. №89. 24 сентября. С.3); «Русский Современник» (С.157-160); Детство. С.209-216; «Москва» (1991. №3. С.199-201, публикация Л.А.Еськиной).

¹ См. прим. 3 к записи от 3 мая 1918.

² Некоторые из 64 сохранившихся писем А.П.Чехова к матери Е.Я.Чеховой (1835-1919, Ялта) вошли в издание: Письма А.П.Чехова / Под ред. М.П.Чеховой: В 6 тт. М., 1912-1916.

³ Речь идет о состоятельной московской семье Готье-Дюфайе, которая оказывала молодому Андрееву материальную помощь. Очерк Андреева «Алеша-дурачок» (1898) был посвящен Эдуарду Владимировичу Готье (1859-1921, Москва), доктору медицины, врачу и профессору на Высших женских курсах в Москве. Подробнее о семье Готье см. дневник племянника Э.В.Готье, известного историка Юрия Владимировича Готье (1873-1943, Москва): *Time of Troubles: The Diary of Iurii Vladimirovich Got'e: Moscow, July 8, 1917 to July 23, 1923* / Translated, edited and introduced by Terence Emmons. Princeton (New Jersey, USA), 1988.

⁴ Предшествующее подписанию Брестского мира 3 марта 1918 наступление войск Германии и Австро-Венгрии поставило Петроград под угрозу, и 11 марта члены советского правительства переехали из Петрограда в Москву.

⁵ Ср. опубликованный в «Реквиеме» отрывок из письма к Е.М.Добровой от 7 марта 1918: «Сейчас опять грел морду. В тени мороз, а на солнце 15 тепла, и снег ослепителен. Дети ныряют в снегу — сколько у них энергии и силы! Тинчик, существо по размерам ничтожное, ходит на лыжах с шиком и выправкой эскимоса. Вообще, оригинальный субъект, имеющий свою линию поведения: умен, насмешлив, собственник и ворчун. Превосходно, выразительно и быстро читает вслух. Недавно Вадим, рассердившись, спросил "Что у тебя в голове?" — намекая на мозги. И Тинчик ответил: "Суета"». (С.38).

⁶ Андреев всю жизнь любил читать романы Александра Дюма-отца (1802-1870), и В.Е.Беклемишева написала по этому поводу: «Когда Леонид Андреев уставал от работы или был в плохом настроении, то с увлечением читал Дюма и других писателей, произведения которых были насыщены авантюристической выдумкой» (Реквием. С.258; см. также: Детство. С.203).

13. *С.С.Голоушеву. 10 марта 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.24.i.

¹ Московский округ путей сообщения (при Министерстве путей сообщения). В 1910-е годы Голоушев служил врачом в Правлении Московского округа (Отдел водного транспорта). В 1915 он пригласил Андреева совершить вместе с ним поездку на казенном корабле по Оке.

² См. Лк.10:38-42 о Марфе, которая «приняла Его в дом свой» и «заботилась о большом угощении», тогда как ее сестра Мария «села у ног Иисуса, и слушала слово Его».

14. *С.С.Голоушеву. [13]-14 марта 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.24.i.

¹ См. Быт.6-8 о Ноевом ковчеге, и, в частности, гл.8, ст.11 о том, как: «возвратился к нему голубь в вечернее время; и вот, сорванный масляный лист во рту у него: и узнал Ной, что вода убыла с земли».

² Братья-писатели // Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 1918. №7. 12 января.

³ Речь идет, предположительно, либо о художнике и художественном деятеле Илье Семеновиче Остроухове (1858-1927, Москва), с которым Голоушев был знаком (см. ниже), и который, может быть, приютил его во время болезни в своем доме в Трубниковском переулке (см. письмо №22: «/.../ ты предаешься мушкам, искусству и созерцанию у Остроухова»; и письмо №27, где упоминается квартира Остроухова); либо о московском враче Алексее Михайловиче Остроухове, специалисте по внутренним болезням, возможно, лечившем Голоушева. В 1905-1913 И.С.Остроухов был попечителем Третьяковской галереи, о которой он написал в соавторстве с Голоушевым книгу: *Московская городская художественная галерея П. и С.М.Третьяковых / Текст И.С.Остроухова и Сергея Глаголя [С.С.Голоушева] / Под общей редакцией И.С.Остроухова: В 2 тт. М., 1909. Собственная коллекция Остроухова была национализирована в 1918, и он был назначен ее хранителем. А.М.Остроухов был ординатором Московской Городской больницы им. кн. А.А.Щербатова и владельцем лаборатории «Лактобациллин». Он жил в 3-м Самотечном переулке. А.М.Остроухов имел некоторое отношение и к литературе, поскольку в 1902-1905 он редактировал иллюстрированный еженедельник «Народное Благо» и приложение к нему «Обо всем и отовсюду». Первая часть рассказа Андреева «Путешественник» и перепечатки рассказов «Гостинец» и «Баргамот и Гараська» и очерка «Волга и Кама» были опубликованы в «Народном Благ» (1901. №1. С.2-4; 1902. №13-14. С.1-4; 1902. №15-16. С.1-4; 1903. №1. С.5-7).*

15. *Г.Д.Бернштейну от А.И.Андреевой. 2 [15] марта 1918 г.*

Публикуется по рукописи, хранящейся в архиве YIVO Institute (New York), Bernstein Collection 303A. На обороте письма есть надпись по-фински: «Обратить внимание: В Райволу и назад за два дня. 19/III [19]18» и штампель комиссара Финляндского вокзала (Совет Рабочих и Солдатских Депутатов). Предполагаемый визит Бернштейна, очевидно, не состоялся, поскольку в предисловии к своему переводу «Дневника Сатаны» Бернштейн пишет, что последняя его встреча с Андреевым состоялась в Пет-

пограде в июле 1917 (Andreyev L. Satan's Diary /Authorized translation with a preface by Herman Bernstein. New York, 1920. P.XV).

16. *А.Ив.Андреевой. 15 марта 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии, сверенной с оригиналом в ИРЛИ. Ф.9. Оп.2. Ед.хр.7. №3.

¹ См. письмо №17.

² И.А. и Л.П.Андреевы.

17. *А.Н.Андреевой. 15 марта 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/G.9.iii.

¹ Фамилия Зенкевич иногда пишется Зинкевич. О муже А.И.Зенкевич Сергее Марковиче Зенкевиче известно очень мало. В автобиографической «повести в диалогах» «Младость» (1916) о нем говорит «тетя Настя» (т.е. А.И.Зенкевич — «вдова, одинокая женщина с характером /.../; и стоит и ходит, заложив руки в бок, курит»): «Это мужа иногда или жену черт дает, а сестру всегда Бог. Моего Сергея Марковича черти у всех на глазах ко мне привели, только я одна не замечала. Говорит, бывало, покойничек, напившись: что это, Настя, все черти около нас вьются, а мне и невдомек, что это сваты наши... тьфу, тьфу, согрешила!» (Слово. 1916. №6. С.69, 80). В шуточном «Послании к тете Саше» от 18 октября 1913 (РАЛ MS.606/F.39.ii*) Андреев писал о С.М.Зенкевиче:

Что ни день, то дело хуже:
Тетя пенсию за мужа
Добывает по судам
В воздаяние трудам!

Дорогая тетя Саша!
Велика сноровка ваша,
Но скажу вам как юрист:
Не марайте даром лист!

За Зенкевича-супруга,
Моего и всех нас друга,
Не возьмете ни шиша,
Сто прошений напиша!

² Возможно, что речь идет об Анне Александровне Лосевой, попечительнице 7-го Грузинского городского училища и казначее Московского общества бесплатных библиотек, и о ее муже Михаиле Алексеевиче Лосеве и их семье.

³ Ср. в «Послании к тете Саше»:

Вас давно судят за Фока,
Генерала с того бока —

Я же сам почти что Фок:
С низу до верху подмок!

/.../

Заложивши руки в боки,
Повествует все о Фоке:
И клянется, что она
Будет век ему верна!

Речь идет о генерал-лейтенанте А.В.Фоке (1843-1926), участнике русско-японской войны и начальнике сухопутной обороны крепости Порт-Артура.

⁴ «Давид, радующий людей» — цитата из четвертой картины пьесы Андреева «Анатэма» (1909) (Т.3. С.294, 302-303). Возможно, что местного финского почтальона звали Тааветти (в русском переводе — Давид).

⁵ Сестра А.Н.Андреевой, София Николаевна, жила в Севске с мужем, губернским секретарем Алексеем Николаевичем Кудрявцевым.

⁶ А.И.Зенкевич.

⁷ Н.С.Иванов, столяр и монтер Андреева. О нем см. запись от 21 мая 1918.

⁸ Е.М.Доброва.

⁹ См. прим. 2 к письму №14.

¹⁰ Андреев, возможно, имеет в виду Фредерика, молодого героя популярнейшей по сей день в Англии оперетты драматурга В.Ш.Гильберта (1836-1911) и композитора Артура Сулливана (1842-1900) «Пензансовские пираты» («The Pirates of Penzance», 1880). Когда Фредерику было 8 лет, его нянька по ошибке отдала его пиратам на 14-летнюю службу в качестве подмастерья, и за все это время он не видел ни одной женщины, кроме оставшейся с ним у пиратов няньки.

18. *И.А.Белоусову. 15 марта 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.6. Письмо впервые опубликовано с купюрами и разночтениями в «Реквиеме» (С.76-78). Письмо опубликовано с разночтениями по оригиналу в РГАЛИ. Ф.66. Оп.1. Ед.хр.471 в журнале «Вопросы литературы» (1991. №7. С.194-197, публикация М.Козьменко).

¹ О родителях отца Андреева, Николая Ивановича, Л.Н.Афонин пишет следующее: «У предводителя дворянства, родовитого орловского помещика Карпова был "роман" с дворовой девушкой Глашей [Глафиры Осиповой. — О ней см. указ. ниже книгу Н.Н.Фатова. С.225]. Чтобы покрыть барский "грех", он выдал ее замуж за своего крепостного сапожника Андреева и отпустил молодых на волю» (Леонид Андреев. Орел, 1959. С.5). В 1870 Н.И.Андреев «женится на Насте Пацковской — дочери какого-то захудалого помещика, осиротевшей в десять лет, почти неграмотной, но доброй и хлопотливой девушке, отчаянной фантазерке»

(Там же. С.5-6). Семья Пацковских польского происхождения. Нет сведений о семье Кулишей (бабушка Андреева по матери). Подробнее о семье Андреева, в частности, о многочисленных Пацковских, см. кн.: Фатов Н.Н. Молодые годы Леонида Андреева: По неизданным письмам, воспоминаниям и документам. М., 1924.

² См. прим. 2 к письму №14. Серафимович сформулировал ключевую мысль статьи следующим образом: «Дело не только в том, что интеллигент принадлежит к буржуазному классу, а в том, выпадает ли он из него, когда приходится отстаивать интересы рабочего угнетенного класса» (цит. по изд.: Серафимович А.С. Собр. соч.: В 7 тт. Т.6. М., 1959. С.41). Фраза о выпадении из класса — своего рода лейтмотив статьи.

³ Е.А.Телешова.

⁴ Опера «Ромео и Джульетта» (1865) Ш.Гуно.

⁵ Сыновья И.А. и И.П.Белоусовых — Иван, Алексей, Сергей и Евгений.

⁶ Шутливый намек на известного итальянского тенора Анджело Мазини (1844-1926).

19. А.С.Серафимовичу. [Середина марта 1918 г.]

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.76. Конец письма не сохранился. Датируется по сопоставлению с письмами №14 и сл. Возможно, что письмо не было отправлено.

¹ См. прим. 2 к письму №14.

² Одна из черт характера помещицы Коробочки из «Мертвых душ» Н.В.Гоголя — предельно боязливая осторожность.

20. Льву А.Алексеевскому. [18] 26 марта 1918 г.

Публикуется по машинописной копии, сверенной с оригиналом в ИРЛИ. Ф.9. Оп.2. Ед.хр.1. №1. Письмо опубликовано в журнале «Русская литература» (1990. №3. С.152-153, публикация Л.А.Иезуитовой). Отрывки из первой части письма приведены в статье: Десницкий В. М.Горький и Л.Андреев в их переписке // М. Горький: Материалы и исследования. Т.1 / Под ред. В.А.Десницкого. Л., 1934. С.133-134 (статья потом вошла в книги В.А.Десницкого о Горьком, изданные в 1935, 1940 и 1959).

¹ Ср. слова Скалозуба из «Горя от ума» (1825/1826) А.С.Грибоедова (1795-1829): «Пожар способствовал ей много к украшенью» (II действие, 5-е явление).

² См. прим. 3 к записи от 25 апреля 1918.

³ Имеется в виду английский мореплаватель Джеймс Кук (1728-1779).

⁴ «Прицепной бензиновый двигатель к лодке» (см. запись от 21 мая 1918).

⁵ Письмо №9.

⁶ Владимир Ильич Денисевич, брат А.И.Андреевой.

⁷ Л.А.Иезуитова предполагает (см. выше о ее публикации письма), что речь идет об Анне Ильиничне Андреевой и Е.А.Фальковской (ср. прим. 3 к письму №9).

⁸ Юсеппи Ранки — житель Ваммельсуу и сосед Андреевых.

⁹ См. прим.1 к письму №9.

¹⁰ В молодости Андреев сильно увлекался философией Артура Шопенгауэра (1788-1860), о чем свидетельствуют его дневники 1890-х годов.

¹¹ Леонид, младший брат Льва Алексеевского.

21. *И.А.Белоусову, 25 марта 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.6. Письмо опубликовано с разночтениями по оригиналу в РГАЛИ. Ф.66. Оп.1. Ед. хр.471 в журнале «Вопросы литературы» (1991. №7. С.197-198, публикация М.Козьменко).

¹ Из хранящихся в РГАЛИ (Ф.11. Оп.3. Ед.хр.13) писем Белоусова к Андрееву за данный период частично опубликовано письмо от 15 мая 1918 (ЛН92. Кн.3. С.478).

² «Книгоиздательство писателей в Москве» (1912-1919), выпустившее тт. 16 и 17 Собрания сочинений Андреева в 1916-1917.

22. *С.С.Голоушеву, 25 марта 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.24.i.

¹ Самый знаменитый универсальный магазин дореволюционной Москвы (на углу Петровки около Большого театра; сегодня — ЦУМ), основанный во второй половине XIX в. шотландцами Э.Мюрор (1817-1899) и А.Миррилизом (1797-1877).

² См. прим. 2 к записи от 16 апреля 1918.

³ «Рассказ о семи повешенных».

⁴ Ср. запись от 11 октября 1915.

⁵ Построенная в 1692-1695 и 1698-1701 гг. М.И.Чоглоковым по приказу Петра Великого Сухарева башня (64 метра) стояла на теперешнем перекрестке Садового кольца, Сретенки и проспекта Мира и была снесена в 1930-е.

⁶ См. прим. 3 к записи от 2 марта 1917.

23. *А.А.Измайлову, 25 марта 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии, сверенной с оригиналом в ИРЛИ. Ф.115. Оп.3. Ед.хр.10. №30.

¹ См. прим. 11 к записи от 20 августа 1918. Кроме статьи «Гибель», другие статьи Андреева, например, «Памяти погибших за свободу», «И снова рыцари на час» и «К тебе, солдат!», выходили отдельными листовками и брошюрами весной и летом 1917.

² См. прим. 2 к записи от 16 апреля 1918.

24. *А.Н.Андреевой. 26 марта 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/G.9.ii*.

¹ См. письмо №30.

² См. прим. 3 к письму №20.

³ См. прим. 6 к письму №20.

⁴ Ср. в газетном варианте воспоминаний А.А.Кипена: «В январе 1917 года произошла моя последняя встреча с Л[еономидом] Н[иколаевичем] в Петрограде. /.../ 17 февраля я уехал в Москву, а оттуда на юг. С тех пор я не видался с Андреевым и не получал от него никаких писем, хотя он, по-видимому, и писал их. Летом 1918 года я получил письмо от сына Л[еоноида] Н[иколаевича], которое было в пути больше полугода. В этом письме Вадим просит меня откликнуться и сообщает, что Л[еономид] Н[иколаевич] тревожится обо мне. Должно быть, и мои письма не доходили» (Южное Слово. 1919. №59. 30 октября / 12 ноября).

⁵ К.И.Чуковский.

⁶ Сохранилось много писем к А.Н.Андреевой, написанных из Венеции и Рима в 1914. (РАЛ MS.606/G.ii*, iii; ИРЛИ. Ф.9. Оп.2. Ед.хр.6). Некоторые из них опубликованы, в частности, в журнале «Огонек» (1973. №34. 18 августа. С.28-29).

25. а). *А.Н.Андреевой. 30 марта 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ. MS.606./G.9.ii*.

¹ В.П.Денисевич.

² Речь идет о В.Е.Беклемишевой и ее матери, проживающей в Мстере (см. письмо №29 и ср.: Реквием. С.274-275).

б). *А.Н.Андреевой от А.И.Андреевой. 30 марта 1918 г.*

Рукописная приписка к письму 25. а).

26. *А.Н.Андреевой. [март 1918 г.]*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/G.9.ii*.

¹ Андреевым была написана пьеса «Анфиса» (1908).

27. *С.С.Голоушеву. 30 марта 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.24.i.

¹ Ср. прим. 5 к записи от 25 апреля 1918.

² Имеется в виду «Рассказ о семи повешенных».

³ См. начало письма №23.

⁴ Возможно, что Андреев имеет в виду высказывания в этом духе Луки из пьесы Горького «На дне» (1902/1903), хотя такая формулировка в пьесе не встречается.

⁵ См. прим. 2 к записи от 12 августа 1918.

⁶ В период с 1900 по революцию 1905-1907 царское правительство пыталось создать несоциалистическую рабочую организацию в противовес социал-демократическому движению. Главным действующим лицом в этой организации был начальник Московского охранного отделения (1896-1902) С.В.Зубатов (1864-1917, Петроград).

⁷ H₂O — химическое обозначение воды. C₁K (у Андреева C1K) и HNY — изобретенные Андреевым ради шутки обозначения запаха цветов (?) и девичьих губ (?).

⁸ См. прим. 3 к записи от 3 мая 1918.

⁹ Ср. запись от 20 августа 1918.

¹⁰ В повести Скитальца «Октава» (Жизнь. 1900. №10) изображается жизнь певчих.

28. С.С.Голоушеву. 7 апреля 1918 г.

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.24.i. Возможно, что не сохранился конец письма.

¹ Ср. конец статьи Горького из серии «Несвоевременные мысли» в «Новой Жизни» (1918. №53. 28 марта. С.1): «Верить — это удобно, но гораздо лучше иметь хорошо развитое чувство собственного достоинства и не стонать по поводу того, в чем все мы одинаково виноваты».

² 28-31 марта 1917 в «Русской Воле» (№36, 38, 40, 42. С.3 в каждом номере) печатался призыв: «Солдаты уже в окопах. Рабочие — к станкам!» 1 апреля 1917 (№44. С.3) этот призыв заменился новым: «Рабочие уже у станков. Да здравствует победа! Солдаты! В единстве — победа, в победе — свобода и мир!»

³ Генерал А.М.Крымов (1871-1917, Петроград), замешанный в корниловском восстании командир 3-го Кавалерийского корпуса, застрелился в квартире одного из своих петроградских друзей 30 августа 1917 после бурного допроса в кабинете в Зимнем дворце обвинившего его в мятеже А.Ф.Керенского.

⁴ Генерал-майор Генерального штаба Владимир Евстафьевич Скалон — член второго состава советской делегации, приехавший на брест-литовские переговоры 29 ноября / 12 декабря 1917. Вечером того же дня Скалон застрелился. (См. Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами брестской трагикомедии: Мемуары участника Брест-Литовских мирных перегово-

ров. Архив русской революции. 1930. №20. С.70-72 и след., с фотографией похорон Скалона).

⁵ Ср. в кн.: Адамович Г.В. (1894-1972, Париж) «Василий Алексеевич Маклаков: политик, юрист, человек» (Париж, 1959. С.208): «Брестский мир вызвал во Франции общее негодование, а упреки в предательстве — особенно у рядового "обывателя", всегда и во всем верного своей умственной косности и слепоте, — оказались немедленно перенесены с большевиков на Россию вообще. Брестский мир возбудил русофобство, может не долгое, но тем более ожесточенное, что еще недавно Россия представлялась верной и мощной союзницей. Маклаков вспоминал это время с горечью и рассказывал о случаях, когда ему приходилось вступаться за русскую честь /.../» Возможно, что Андреев имел в виду опыт Маклакова, когда он писал запись от 24 мая 1918.

29. *А.Н.Андреевой. 25 марта / 7 апреля 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/G.9.iii. Письмо публиковалось с большими купюрами в «Русском Современнике» (С.160-161).

¹ См. прим. 1 к записи от 18 апреля 1918.

² См. прим. 2 к письму №25.а).

³ См. прим. 8 к письму №20.

30. *Л.Н.Андрееву от А.Н.Андреевой. 8 [21] апреля 1918 г.*

Публикуется по рукописи в РАЛ MS.606/G.9iv**. Сохранено своеобразие орфографии и пунктуации А.Н.Андреевой.

¹ В 1895-1896 Андреев напечатал в газете «Орловский Вестник» три рассказа: «Он, она и водка» (1895. №240. 9 сентября), «Загадка» (1895. №312, 314-316, 21, 23-25 ноября) и фрагмент из рассказа «Чудак» (1896. №169. 29 июня).

² Поскольку ко времени выхода первого из указанных в прим. 1 рассказов Андреева А.Н.Андреева уже переехала с братьями и сестрами Андреева из Орла в Москву, возможно, что речь идет об одной из проживавших в Москве представительниц семьи Лашкевичей (известны Августа, Елизавета и Ольга Ивановны и Нина Александровна).

31. *А.В.Амфитеатрову. 4 июля 1918 г.*

Публикуется по публикации в журнале «Вестник литературы». 1921. №6-7. С.11, где письмо ошибочно датируется 1919 годом.

¹ В статье «Илья Репин и Леонид Андреев. II» в газете «Петроградский Голос» (1918. №119. 2 июля. С.2) А.В.Амфитеатров писал о бедственном положении Андреева и призвал читателей ему помогать. Пространные выдержки из ответного письма Андреева (с комментарием: «А.В.Амфитеатров получил ценную весть — письмо узника Финляндии, писателя Л.Н.Андреева, датированное 4-м июля») были опубликованы в

«Петроградском Голосе» (1918. №142. 28 июля. С.2). Полный текст письма был опубликован спустя три года в «Вестнике литературы», в сопровождении следующей редакторской заметки, в конце которой речь идет о воспоминаниях М.К.Иорданской: «Помещаемое здесь письмо Леонида Андреева является откликом на статью о нем и об И.Е.Репине А.В.Амфитеатрова. Письмом этим, любезно представленным в наше распоряжение автором статьи, опровергаются отчасти сообщения зарубежной печати о том, что покойный писатель и его семья были обречены в Финляндии на голод и всякие лишения, нуждались в хлебе насущном. Где-то появилось даже сообщение бывшей издательницы журнала о встрече ее с Л.Н.Андреевым на каком-то Финляндском вокзале с караваем хлеба, который он, несмотря на поздний час и дальность расстояния, спешил пешком отнести своей голодавшей семье».

32. *С.С.Голоушеву. 12/25 июля 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.24.i.

¹ См. ниже в записи и Биографический справочник: МАНДЕЛЬ В.С.

² Ср. запись от 22 июля 1918 и прим. 1 к ней.

³ См. прим. 1 к письму №13.

⁴ Известны 3 портрета Андреева работы В.А.Серова (см. ЛН72. С.291, 405; Андреев Л. Пьесы. М., 1959., фронтиспис). В семейном собрании хранится автопортрет Андреева, сделанный с фотографии (РАЛ MS.606/G.1.vii.g. №9). Судя по фотографии автопортрета, воспроизведенной в «Детстве» (между с.160 и 161), он был написан в 1912-1913. Автопортрет хранится в семейном собрании Андреевых.

33. *С.Л.Гуревичу. [27 августа 1918 г.]*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.26.i. Датируется по публикации фрагмента из письма в газете «Звено» (1926. №164. 21 марта. С.11).

¹ Ср. запись от 6 сентября 1918.

² Н.Г.Вальтер.

34. *А.И.Андреевой и ее ответ. [30 августа 1918 г.]*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/G.11.ii**. Датируется по помете А.И.Андреевой на машинописи: «Записочка к Вальтерам из Левстремовской дачи 1918 г.». См. прим.1 к записи от 3 сентября 1918.

35. *Н.К.Рериху. 30 сентября 1918 г.*

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Зачеркнутые [Н.К.Рерихом?] слова восстановлены по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304. Письмо впервые

опубликовано с разночтениями в газете «Новое Русское Слово» (1924. 23 ноября); также публиковалось по газетному тексту в журнале «Москва» (1991. №3. С.201, публикация Л.А.Еськиной) и по копии в YIVO Institute в журнале «De visu» (1993. №4. С.31, публикация В.А.Александрова).

¹ См. прим. 1 к записи от 3 сентября 1918.

36. *П.Н.Андрееву. 13-15 октября 1918 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/G.6.ii. Письмо публиковалось с купюрами в «Русском Современнике» (С.162-164).

¹ А.И.Зенкевич.

² См. запись от 22 сентября 1918.

³ См. прим. 1 к записи от 11 ноября 1918.

⁴ Евгения Марлитт (1825-1887), немецкая писательница, автор популярных романов на женские темы.

⁵ «Дневник Сатаны».

⁶ Ср. запись от 22 июля 1918 и прим. 1 к ней.

37. *С.С.Голоушеву. [Осень 1918 г.]*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.24.i. Письмо не окончено, обрывается в середине страницы машинописи. Датируется по рукописной помете А.И.Андреевой: «с дачи Левстром, осень 1918 г.»

¹ Намек на название книги Н.Н.Евреинова «Театр как таковой» (1912).

² Охотный ряд, одна из главных площадей (и рынков) дореволюционной Москвы, в советский период стал частью проспекта Маркса. Название теперь возвращено.

³ Г.А.Кроль.

38. *С.Л.Гуревичу. [25 октября 1918? г.]*

Публикуется и датируется по публикации в газете «Звено» (1926. №164. 21 марта. С.11). В публикации отсутствует начало письма. Местонахождение оригинала неизвестно.

¹ См. прим. 1 к записи от 4 мая 1918.

² В течение 1918 Украина представляла собой театр сложнейших военно-политических действий: на ее территории чередовалась власть Украинской народной республики, Центральной рады, гетмана П.П.Скопадского, С.В.Петлюры, А.И.Деникина, большевиков и т.д.

39. *С.Л.Андрееву. 29 октября 1918 г.*

Публикуется по рукописной копии А.И.Андреевой в РАЛ MS.606/G.7.ii**.

¹ В РАЛ MS.606/G.7.v* хранится том дневника С.Л.Андреева, в который А.И.Андреева 25 декабря 1923 переписала это письмо Андреева, написанное «когда прочел твой первый дневник еще на даче Левстрема в 1918 году».

² См. письмо №32.

40. *Л.Н.Андрееву от Г.А.Блоха. 30 октября 1918 г.*

Публикуется по рукописному оригиналу в РАЛ MS.606/F.13.i*.

¹ «Реквием» (1917) — последняя пьеса Андреева.

² Людвиг II Баварский (1845-1886), король Баварии (1864-1886), знаменит построенными им «сказочными» замками и поддержкой Рихарда Вагнера.

³ Саис (Са-эль-Хагар) — древний египетский город на Дельте.

⁴ См. прим. 1 к записи от 14 апреля 1919.

41. *Н.К.Рериху. 25 ноября 1918 г.*

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Письмо впервые опубликовано с разночтениями в газете «Новое Русское Слово» (1924. 23 ноября), также публиковалось по газетному тексту с новыми разночтениями в журнале «Москва» (1991. №3. С.201-202, публикация Л.А.Еськиной) и по копии, хранящейся в ГА РФ (Ф.5802. Оп.1. Ед.хр.2183), в журнале «De visu» (1993. №4. С.31-32, публикация В.А.Александрова).

¹ См. запись от 20 ноября 1918.

² Самый знаменитый афоризм созданного А.К.Толстым и братьями А.М. и В.М.Жемчужниковыми писателя Козьмы Прутков повторяется несколько раз в варианте «Никто не обнимет необъятного» в его «Плодах раздумья» (1854), но Андреев цитирует по памяти из «Выдержек из записок моего деда» (1854), где на вопрос «Скажи, мудрец, сколько звезд на сем небе?», заданный ему прохожим, «знаменитый французский философ Декарт» отвечает: «Мерзавец! /.../ никто необъятного обнять не может!» (цит. по изд.: Козьма Прутков. Полн. собр. соч. М.; Л., 1965. С.169).

³ Ср. запись от 24 декабря 1918 и прим. 3 к ней.

⁴ Неологизм от названия горы Синай, на которой Бог являлся Моисею и сообщил ему десять заповедей (см.: Исх. 19 и сл.).

⁵ См. комментарий к статье Андреева «Держава Рериха» на С.512 наст. изд.

⁶ Андреев посетил Стокгольм в 1906. Об этом см. публикацию Р.Дэвиса: «I Am Writing from the Depths of Scandinavia»: Leonid Andreev's Unpublished Correspondence with His First Wife in 1906 // Scottish Slavonic Review. 1990. 14. Spring. P.61-99.

⁷ О приезде Н.К.Рериха к Андрееву см. запись от 21 октября 1918.

42. *Н.К.Рериху. 28 ноября 1918 г.*

Публикуется по ссерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Зачеркнутые [Н.К.Рерихом?] слова восстановлены по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304, по которой письмо впервые опубликовано с разночтениями в журнале «De visu» (1993. №4. С.32-33, публикация В.А.Александрова).

¹ Не установлено, о каком стокгольмском издательстве идет речь. В связи со своей выставкой (см. комментарий к статье Андреева «Держава Рериха» на С.512 наст. изд.) Н.К.Рерих находился в то время в Стокгольме и общался с местными русскими, благодаря усилиям которых вскоре начала выходить «литературная, политическая и общественная газета» «Эхо России» (№1-6, 7 декабря 1918 — 18 февраля 1919), о которой, судя по всему, речь идет в письме №46. Однако не исключено, что Рерих налаживал контакты и с одним из шведских издательств и что речь идет о нем, поскольку Андреев основывает свой отказ тем, что: «/.../ читателя мне нужно русского, другого не хочу».

² Ср. записи от 8 и 11 ноября 1918.

³ Сдача части германского военного флота в интернирование англичанам произошла в 20-е числа ноября 1918, когда ряд крупных военных судов, в том числе названных Андреевым «Kaiser», «Hindenburg» и «Köln» («Westfalen») был оставлен немцам, шел по Северному морю в сопровождении английских судов с останками в портах на восточном побережье Англии и Шотландии в гавань Скапа Флоу (Оркнейские острова). (21 июня 1919 команды интернированных судов затопили их по тайному приказу пленного командования).

43. *Н.К.Рериху. 3 января 1919 г.*

Публикуется по ссерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Зачеркнутые [Н.К.Рерихом?] слова восстановлены по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304, по которой письмо впервые опубликовано с разночтениями в журнале «De visu» (1993. №4. С.33-34, публикация В.А.Александрова).

¹ С осени 1918 Вадим Андреев учился в Териокском реальном училище, а осенью 1919 поступил в Гельсингфорскую русскую гимназию, которую он окончил летом 1920. (Детство. С.241-242, 260, 267; см. также письма №36, 83-84).

² «Держава Рериха» (см. С.349 наст. изд.).

³ Андреев, возможно, имеет в виду свое письмо 1914, на которое Рерих ответил 3 декабря 1914: «Если слова трогают душу, то слово такого прекрасного, так близкого мне художника, как Вы, не только тронуло меня глубоко, но и принесло радость. /.../ Каждое слово Ваше о моих вещах имеет для меня глубокое значение и светит мне в пути» (Неделя.

1966. №49. 27 ноября — 3 декабря. С.9). Ни оригинал письма, ни копия, о которой здесь идет речь, не сохранились.

⁴ Андреев имеет в виду статьи К.И.Арабажина «России черный год: Из личных воспоминаний» (Русский Листок. 1919. №1. 3 января. С.2-4) и приехавшего в Финляндию в начале декабря 1918 П.Б.Струве «Пророчество М.Ю.Лермонтова о русской революции» (Русский листок. 1919. №1. 3 января. С.2). Арабажин вспоминал Новый год 1917 года и Февральскую революцию, по поводу которой он якобы не ликовал, так как он уже предвидел грядущую смуту, тогда как «газеты вроде "Русской Воли" копались в отбросах выгребных ям дворца и смаковали запах грязного белья». Он также подвергал критике «жалкую, изолгавшуюся, погруженную в мелкие распри, мало знающую, но много мнящую о себе, празднично-болтающую интеллигенцию /.../». Струве писал о стихотворении «Предсказание» («Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет...», 1830): «Наперед великий поэт отрекся от лживой идеализации грядущей русской революции и с пророчески суровой правдивостью изобразил ее подлинный Медузин лик. /.../ Поэт-патриот понимал, что "год, когда царей корона упадет", будет "России черный год" /.../».

⁵ 3 января 1919 в Выборге состоялся съезд созданного в Гельсингфорсе в ноябре 1918 Русского комитета, предшественника Политического совещания при генерале Юдениче. На съезде избрали в комитет 8 членов кадетской партии и сняли монархиста А.Ф.Трепова (1862-1928, Ницца) (S [П.Б.Струве]. Совещание в Выборге // Северная Жизнь. 1919. №6. 11 января. С.2).

⁶ Ср. Ек. 13:18: «Число его [зверя] шесть сот шестьдесят шесть».

44. Д.Д.Попову. [8]-22 января 1919 г.

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.69. Первая часть письма датируется по сопоставлению с записью от 8 января 1919.

¹ См. прим. 2 к записи от 29 августа 1918.

² Лоунатиоки, Мустамяки, Тюрисево — названия деревень на Карельском перешейке. Хоплак и Соккенбака — деревни в районе Гельсингфорса и Эсбо. Дер. Перкиярви находилась недалеко от Лоунатиоки.

³ Возможно, что речь идет о враче Ал.Валерштейне, петроградская квартира которого находилась в Рождественской части города, тогда как Блохи жили неподалеку в соседней Литейной части.

⁴ См. запись от 8 января 1919 и примечания к ней.

⁵ Не удалось установить, кто имеется в виду. Ср. письмо №63 и прим. 1 к нему.

⁶ Неизвестно, о чем идет речь.

45. Д.Д.Попову. [1919 г.].

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.69. Датируется предположительно. В этой довольно типичной для Андреева ми-

стификации упоминаются имена, возможно, запомнившиеся из «Русской Воли».

¹ В «Русской Воле» печаталось объявление о лекции о Мардария (Черногорского) в зале Городской Думы (1916. №8. 22 декабря. С.1) и сообщения о другом о. Мардарии (Ускокевиче) встречаются на страницах газеты за январь 1917 (например, 1917. №3. 4 января. С.5; 1917. №20. 21 января. С.7).

² В конце 1916 — начале 1917 со страниц «Русской Воли» не сходило имя отставленного от должности министра народного просвещения Павла Николаевича Игнатьева (1870-1945, Аппер Мелборн, Канада).

³ В «Русской Воле» часто печатались среди многочисленных подобных реклам объявления петроградской фирмы А.В.Пеля: «Истощение и худосочие на почве чахотки, сифилиса и других хронических болезней, невращения и нервные заболевания, половое бессилие, сердечные заболевания, старческая дряхлость с успехом лечат Спермином-Пеля, о чем свидетельствуют имеющиеся в литературе многочисленные наблюдения известнейших врачей всего мира. Спермин-Пеля единственный настоящий, всесторонне испытанный спермин; поэтому следует обращать внимание на название "Спермин-Пеля" и отказываться от подделок, жидкостей и вытяжек из семенных желез, как никакая не годных подражаний, ни по составу, ни по действию ничего общего с Спермином-Пеля не имеющих и часто содержащих вредные для здоровья вещества. Желаящим высылается безвозмездно книга "Целебное действие спермина"; интересующимся же всей органотерапией высылается за четыре 7-копечные марки только что вышедшая книга "Целительные силы организма". Спермин-Пеля имеется всюду. Профессор Доктор Пель и Сыновья П.Т.Г. Поставщики Двора Его Императорского Величества» (печатается по «Русской Воле». 1917. №8. 10 марта. С.8).

46. В редакцию газеты «Северная Жизнь». [Начало февраля 1919 г.]

Публикуется по газетному тексту: Северная Жизнь. 1919. №29. 7 февраля. С.3.

¹ Возможно, что это письмо — отклик на сообщение стокгольмской газеты «Dagens Nyheter» (Kosacköverste i Stockholm. 1918. №301. 7 Novembre. S.7) о приезде в Швецию казачьего полковника Магомеда-Бека Хаджетлаше, который собирался издавать в Стокгольме газету на русском и шведском языках, чтобы «бороться с большевистской угрозой». В статье утверждалось, что сотрудниками газеты будут известные писатели, в том числе Андреев, Куприн и Амфитеатров. См. прим. 1 к письму №42 о стокгольмской газете «Эхо России», которая имела и шведское название «Rysk-Svensk-Tidning». (В газете «Эхо России» Андреев не печатался). Гораздо ближе ко времени написания андреевского письма газета «Северная Жизнь» (1919. №13. 20 января. С.2) сообщила о предстоящем выходе в Стокгольме новой русской газеты «Возрождение», но впоследствии газета под этим названием выходила летом и осенью 1919 не в Стокгольме, а в Копенгагене.

47. *Н.К.Рериху. 14 февраля 1919 г.*

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Письмо впервые опубликовано с разночтениями по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304 в журнале «De visu» (1993. №4. С.34, публикация В.А.Александрова).

¹ «S.O.S.»

² Е.Г.Берман.

48. *Е.А.Ляцкому. 22 февраля 1919 г.*

Публикуется по машинописной копии, сверенной с оригиналом в ИРЛИ. Ф.163. Оп.2. Ед.хр.586.

¹ Т.е. Александрович.

² Под «Комитетом» (ниже в письме и в письме №49 под «Кружком») Андреев, возможно, имеет в виду группу людей, с которыми он в то время активно общался: А.Г.Блох, Н.Г.Вальтер, Н.К.Рерих, Е.Г.Шайкевич и др.

³ Особый комитет по делам русских в Финляндии.

⁴ См. прим. 3 к записи от 8 апреля 1919 по поводу объединения газет «Русский Листок» и «Северная Жизнь» в газету «Русская Жизнь».

⁵ См. записи от 4 марта, 8 и 24 апреля 1919 (и примечания к ним) и комментарий и библиографию на С.508 наст. изд. по поводу издания «S.O.S.». Не было ни финского, ни эстонского изданий статьи.

⁶ Возможно, упомянутый в письме №49 и записи от 4 марта 1919 «Фонд имени Андреева» «для печатания дальнейших статей».

⁷ С.А.Ефрон.

49. *Н.К.Рериху. 25 февраля 1919 г.*

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Зачеркнутые [Н.К.Рерихом?] слова восстановлены по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304, по которой письмо впервые опубликовано с разночтениями в журнале «De visu» (1993. №4. С.34, публикация В.А.Александрова).

¹ «Держава Рериха».

² См. запись от 4 марта 1919 и примечания к ней.

³ Под «издательством Тиандера» Андреев имеет в виду книгоиздательство «Фундамент», основанное в Гельсингфорсе осенью 1918 с целью опубликования книг и календарей на русском языке. Директором издательства был К.Ф.Тиандер, благодаря которому у «Фундамента» были близкие связи с газетой «Hufvudstadsbladet», в типографии которой было

напечатано одно из первых изданий «S.O.S.» на русском языке. Перевод статьи на шведский язык, напечатанный в журнале «Nya Fugen» не был подписан, но возможно, что переводчиком являлся Тиандер, который был сотрудником журнала. Не было финского перевода «S.O.S.» (См. библиографию «S.O.S.» на С.508 наст. изд.).

⁴ См. прим. 3 к записи от 8 апреля 1919 и письмо №48.

⁵ Ср. запись от 4 марта 1919 и прим. 4 к ней.

⁶ Из предложенных Рерихом произведений выбор пал на картину «Меч мужества» (1912) (см. прим. 3 к записи от 4 марта 1919), на которой в правом углу изображены спящие воины («спящим-то»), которым ангел приносит меч (см. иллюстрации). Возможно, что «Всадником помощи» назван хранящийся в Третьяковской галерее рисунок «Коленопреклоненные люди перед всадником», но есть и картина с названием «Всадник», которая хранится в квартире-музее Н.К.Рериха (Москва). Картина «Град обреченный» (1914) ныне хранится в Омском областном музее изобразительных искусств, а рисунок (1918) — в США.

⁷ См. прим. 1 к воспоминаниям И.В.Гессена на С.524 наст. изд.

⁸ А.Ф.Кони исполнилось 75 лет 9 февраля 1919 (сам Кони придерживался неправильно переведенной со старого стиля даты 10 февраля). Замечание Андреева (со слов И.В.Гессена) следует, по всей вероятности, понимать как сарказм, не только потому, что большевики так и не отметили юбилея лояльно сотрудничающего с ними Кони (который, кстати сказать, систематически избегал подобных «возрастных» чествований и до тех пор только признал отмеченное в 1915 50-летие своего служения русскому обществу на ниве правосудия), но и потому, что в данное время жизненные условия Кони были крайне стесненными. Однако в 1924 80-летие Кони было очень широко отмечено в СССР. (Сообщено В.Н.Сашонко).

⁹ Возможно, что речь идет об А.Е.Шайкевиче, который был в контакте с Рерихом (см. письмо №53). Из других знакомых Андреева подходят по фамилии гр. А.Д.Шереметьев и Е.Г.Шайкевич.

50. *Н.К.Рериху. 1 марта 1919 г.*

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Зачеркнутые [Н.К.Рерихом?] слова восстановлены по копии в ГА РФ (Ф.5802. Оп.1. Ед.хр.2183), по которой письмо впервые опубликовано с разночтениями в журнале «De visu» (1993. №4. С.35, публикация В.А.Александрова).

¹ «Держава Рериха».

² Т.е. Ленин, Троцкий и Бонч-Бруевич.

³ См. письмо №49.

⁴ Н.Н.Юденич.

⁵ См. запись от 24 апреля 1919.

⁶ «D'argent» (*франц.*) — денег.

51. *Л.Н.Андрееву от А.М.Ремизова. 9 марта 1919 г.*

Публикуется по рукописи в Museum of Russian Culture, San Francisco, USA.

¹ Прощение Ремизова не разыскано.

² Т.е. А.М.Ремизов с женой, С.П.Ремизовой.

³ А.М.Ремизов имел, очевидно, слишком оптимистическое представление о действенности возможного заступничества Андреева. В Финляндию Ремизовы так и не приезжали. Они уехали из России через Эстонию в 1921. Представление о пережитых Ремизовыми в Петрограде мытарствах дает книга Ремизова «Взвихренная Русь» (Париж, 1927).

52. *Н.К.Рериху. 12 марта 1919 г.*

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Письмо впервые опубликовано с разночтениями по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304 в журнале «De visu» (1993. №4. С.35-36, публикация В.А.Александрова).

¹ См. запись от 8 апреля 1919 и примечания к ней.

² См. прим. 11 к записи от 20 августа 1918.

53. *Н.К.Рериху. 19 марта 1919 г.*

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Зачеркнутые [Н.К.Рерихом?] слова восстановлены по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304. Письмо впервые опубликовано с купюрами и разночтениями в газете «Новое Русское Слово» (1924. 23 ноября), а также публиковалось по газетному тексту в журнале «Москва» (1991. №3. С.202, публикация Л.А.Еськиной) и по копии в YIVO Institute в журнале «De visu» (1993. №4. С.36, публикация В.А.Александрова).

¹ А.Е.Шайкевич.

² См. запись от 24 апреля 1918.

³ Имеется в виду, по всей вероятности, лондонский Комитет Освобождения России (Russian Liberation Committee), который развернул в 1919 довольно активную издательскую деятельность (напечатание брошюр, в том числе «S.O.S.», и газеты). О создании и работе Комитета см. кн.: Борман А. А. В.Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн-Вашингтон, 1964. С.169-170.

⁴ Возможно, что не сохранившееся письмо из Роттердама относилось к выходу голландского перевода «S.O.S.» (см. прим. 3 к записи от 24 апреля 1919).

⁵ См. комментарий к статье «Держава Рериха» на С.512 наст. изд.

54. *В.Л.Бурцеву. 21 марта 1919 г.*

Письмо впервые опубликовано по оригиналу в РГА (Ф.5802. Оп.1. Ед.хр.3) в журнале «Вопросы литературы» (1991. №7. С.180-181, публикация М.Козьменко). Публикуется по журнальному тексту.

¹ В.Л.Бурцев возобновил свою публицистическую деятельность уже в Стокгольме по дороге в Париж в 1918 (1-е изд. брошюры «Проклятие вам, большевики»). 17 сентября вышел первый номер газеты «Общее дело» парижского выпуска.

² Когда Андреев писал Бурцеву, он еще не знал о выходе статьи «S.O.S.» по-французски 20 марта 1919 и о предстоящем выходе ее по-русски 24 марта 1919. (См. комментарий и библиографию к статье «S.O.S.» на С.508 наст. изд. и записи от 4 марта и 8 апреля 1919).

55. *Н.К.Рериху. 29 марта 1919 г.*

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Зачеркнутые [Н.К.Рерихом?] слова восстановлены по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304. Письмо впервые опубликовано с купюрами и разночтениями в газете «Новое Русское Слово» (1924. 30 ноября), а также публиковалось по газетному тексту (с неправильной датой) в журнале «Север» (1981. №4. С.112, публикация Е.Г.Сойни) и по копии в YIVO Institute в журнале «De visu» (1993. №4. С.36-37, публикация В.А.Александрова).

¹ Намек на название статьи «Держава Рериха». Н.К.Рерих, очевидно, подарил Андрееву рисунок или картину.

² Кратковременная Венгерская советская республика была провозглашена 21 марта 1919.

56. *Л.Н.Андрееву от Н.К.Рериха. 3 апреля 1919 г.*

Публикуется по рукописи в Museum of Russian Culture, San Francisco, USA.

¹ На мартовских выборах в 1919 финские социал-демократы получили 40% голосов, и поскольку во многих вопросах идущая с социалистами партия мелкого крестьянства получила 20% голосов, опасались, что в сейме (финском парламенте) повторятся конфликты между «левыми» и «правыми», которые имели такие серьезные последствия в 1918.

² См. прим. 2 к письму №55.

³ Финский перевод статьи «Держава Рериха»: «Roerichin Valtakunta // Otava. 1919. Huhtikuu [апрель]. S.232-239. Подробнее о финском переводе см. комментарий на С.512 наст. изд.

⁴ Приехав в Лондон, Рерих предпринял шаги к осуществлению своего совета Андрееву, о чем свидетельствует запись от 22 июля 1919 в дневнике П.Н.Милюкова: «*Доклад Рериха в Братстве /.../* Присутствие Л.Н.Андреева в Тюрисеве, S.O.S. Необходимо способствовать приезду Андреева сюда» (Columbia. Архив П.Н.Милюкова. Дневник. Тетрадь 6. Л.14об.).

⁵ Рерих уже преследовал эту цель в Финляндии, напечатав серию статей «Ко времени» в газ. «Русская Жизнь» (1919. №7. 10 марта. С.4; №11. 14 марта. С.3; №13. 17 марта. С.2; №21. 27 марта. С.3; см. также 1919. №55. 10 мая. С.2), и осенью 1919 в Лондоне вышла датированная днем смерти Андреева (12 сентября 1919) брошюра, содержащая страстное обличение культурной политики большевиков: Roerich N. Violators of Art. London, 1919. 4 pp.

57. Г.А.Блоху. [19 апреля 1919 г.]

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.13.ii. Датируется по сопоставлению с записью от 19 апреля 1919.

¹ См. прим. 2 к записи от 19 апреля 1919.

² Текст письма от фразы «Безумие мира так велико /.../» в третьем абзаце совпадает (с небольшими изменениями) с текстом записи от 19 апреля 1919. См. соответствующие примечания к записи.

58. И.В.Гессену. [Около 19 апреля 1919 г.]

Публикуется по машинописи в РАЛ MS.606/F.22.ii (имеется также копия). Письмо, по-видимому, неоконченное, обрывается в середине страницы. Датируется по сопоставлению с записью от 19 апреля 1919.

¹ См. прим. 2 к записи от 19 апреля 1919.

² Андреев имеет в виду Российскую, Германскую и Австро-Венгерскую империи.

59. Н.К.Рериху. 23-24 апреля 1919 г.

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Зачеркнутые [Н.К.Рерихом?] слова восстановлены по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304, по которой письмо впервые опубликовано в журнале «De visu» (1993. №4. С.37-38, публикация В.А.Александрова).

¹ См. письмо №55 о недоразумении по поводу 10 тысяч марок, якобы обещанных Андрееву.

² Речь идет о «Резолюции, принятой 16-го апреля на соединенном заседании Правления Особого Комитета по делам русских в Финляндии вместе с членами Особого Комитета, членами Совета представителей

русской промышленности и торговли в Финляндии, представителями местных русских общественных организаций и русскими общественными деятелями» (Русская Жизнь. 1919. 24 апреля. С.1-2), в которой, в духе «Программы Русского политического совещания в Париже» (см. комментарий к статье [«Финляндия должна быть независима...»] на С.514 наст. изд.), отказались от переговоров с большевистским правительством и призывали союзников к военной интервенции, чтобы освободить Россию от большевиков.

60. *А.В.Карташеву. [Конец мая 1919 г.]*

Публикуется по машинописи в РАЛ MS.606/F.43. Письмо не окончено. Датируется по сопоставлению с письмом №61.

¹ См. прим. 1 к записи от 22 мая 1919.

61. *А.В.Карташеву от А.И.Андреевой. 27 мая 1919 г.*

Публикуется по машинописи в архиве А.В.Карташева (Columbia).

¹ См. письмо №60.

62. *И.В.Гессену. [9 июня 1919 г.]*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.22.i*. Датируется по публикации в «Архиве русской революции» (1922. №1. 2-е изд. С.310-311). Письмо публиковалось с разночтениями в журнале «Москва» (1991. №3. С.203-204, публикация Л.А.Еськиной).

¹ Переезд состоялся 10 мая 1919 (см. запись от 13 мая 1919).

² Ср. запись от 13 июня 1919.

³ Ср. конец записи от 16 июня 1919.

⁴ См. прим. 4 к записи от 24 апреля 1919.

63. *Н.К.Рериху. 17 июня 1919 г.*

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося с Русском культурном центре (Дели, Индия). Зачеркнутые [Н.К.Рерихом?] слова восстановлены по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish, Bernstein Archive, Folder 304. Письмо впервые опубликовано с купюрами и разночтениями в газете «Новое Русское Слово» (№ от 30 ноября 1924) и публиковалось по газетному тексту (с неправильной датой) в журнале «Север» (1981. №4. С.112-113, публикация Е.Г.Сойни) и по копии в YIVO Institute в журнале «De visu» (1993. №4. С.38, публикация В.А.Александрова).

¹ Возможно, что в копии опечатка и что речь идет о С.В.Иванове. Ср. письмо №44 и прим. 5 к нему.

² См. записи от 13 июня 1919 и сл.

³ В.Д.Кузьмин-Караваев.

⁴ Н.К.Рерих с семьей уехал из Финляндии в конце апреля 1919 (см. конец письма №56, где речь идет о предполагаемом отъезде 19 апреля, и письмо №59) и остановился на некоторое время в Швеции (см. прим. 4 к записи от 4 марта 1919), а потом, получив британскую визу, проехал через Норвегию (с заездом в Кристианию), чтобы сесть на корабль в Англию, куда он прибыл летом 1919 (см. прим. 4 к письму №56).

64. *И.Н.Денисевичу. 24 июня 1919 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.30.

¹ В.П.Денисевич, о морфинизме которой см. письмо №76.

² О «жирном псе Кваке», принадлежавшем В.П.Денисевич, а потом перешедшем к Е.А.Фальковской, см. конец записи от 4 марта 1919.

³ Переезд на дачу Лобек состоялся 26 июня 1919 (см. запись от 5 июля 1919).

⁴ От французских слов «quelque chose» (что-нибудь) и «causerie» (беседа).

⁵ Е.Г. и Л.Г.Берманы.

⁶ Жена протопопа Аввакума Петровича (1620 или 1621-1682) Анастасия Марковна (1627-1710), часто упоминается в «Житии протопопа Аввакума» (1672-1675).

⁷ У В.И.Денисевич родились от первого мужа сын Всеволод (Марио) Фельдман (р.1909) и от второго дочь Элиан Бертран (в браке — де Модзелевска, р.1917).

⁸ Un basio (*итал.*) — поцелуй.

65. *С.Л.Гуревичу. [Июль 1919? г.]*

Публикуется по публикации фрагмента письма в газ. «Звено» (1926. №164. 21 марта. С.11). В газетной публикации письмо датируется июлем 1918, но, судя по содержанию (упомянута, например, статья «S.O.S.»), оно относится к 1919.

66. *С.Л.Гуревичу. [Начало июля 1919 г.]*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.26.i. Датируется по содержанию.

¹ См. Биографический справочник: ГУРЕВИЧ С.Л.

² См. запись от 6 июля 1919.

67. *С.Л.Гуревичу. [13 июля 1919 г.]*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.26.i. Датируется по содержанию и по сопоставлению с письмом №68: 13 июля 1919 — воскресенье.

68. *А.В.Карташеву. 15 июля 1919 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.43, сверенной с оригиналом в архиве А.В.Карташева (Columbia).

¹ Возможно, что речь идет о неоконченной статье «Европа в опасности» (см. С.360 наст. изд.).

² «Люблю тебя, сосед Пахом — / Ты просто глуп, и слава Богу» — последние строки стихотворения А.С.Пушкина «Добрый человек».

³ См. прим. 3 к записи от 16 июня 1919. Название газеты означает по-французски и «человечность» («гуманность»), и «человечество».

⁴ См. запись от 4 марта 1919 об образовании «фонда моего имени для печатания дальнейших статей» и письма №48 и 49.

⁵ Ср. письмо №67.

⁶ Ср.: «В 1920 [т.е. 1919?] году я был в Афинах. Там получилось сообщение, что Зилоти расстрелян. Мы были потрясены... Я отслужил панихиду. Вскоре я приехал в Париж и узнал, что Александр Ильич жив и здоров и живет в Лейпциге» (Авьерино Н. Памяти А.И.Зилоти // Новый Журнал. 1946. №12. С.27). Возможно, что в этих ошибочных сообщениях путали знаменитого музыканта А.И.Зилоти с его умершим в 1919 братом Дмитрием (1866-1919).

⁷ См. конец записи от 16 июня 1919 и письмо №62.

69. *П.Н.Милюкову. 26 июля 1919 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.57. Письмо впервые опубликовано в альманахе «Минувшее» (Вып. 4. М., 1991. С.348-354, публикация Р.Д.Дэвиса). Оригинал хранится в Москве среди материалов бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге. Письмо публиковалось с датой [23 июня 1919] в журнале «Москва» (1991. №3. С.204-206, публикация Л.А.Еськиной).

¹ См. прим. 4 к записи от 24 апреля 1919.

² Ср. отзыв о П.Н.Милюкове в письме №62.

³ Андреев, по всей вероятности, имел в виду эсеров, которые весной 1919 во главе с В.М.Черновым еще выступали против интервенции и белого движения, но одновременно и против большевиков, взывая к их свержению.

⁴ После большевистского переворота союзники расширили военную и экономическую блокаду Германии, чтобы охватить и Россию. По молчаливому соглашению блокада не была снята даже после прекращения военных действий против Германии. Таким образом, еще до начала Парижской мирной конференции в январе 1919 были приняты меры для изоляции большевистской России от других частей Европы и был установлен так называемый карантин («cordon sanitaire»).

⁵ В то время находились в обращении дореволюционные деньги, «керенки» и «совзнаки», и была учреждена «эмиссия, т.е. выпуск не обеспеченных золотом и иными материальными ценностями бумажных денег /.../ в астрономическом количестве» (Цыбульский В.А. Из истории финансово-налоговой политики в годы гражданской войны и интервенции, 1917-1922 гг.: Сборник статей / Отв. ред. И.И.Минц. М., 1974. С.341).

⁶ К ожидаемому взятию Петрограда американцы, в частности будущий президент США Герберт Гувер (1874-1964) — в 1919-1923 руководитель благотворительной организации «American Relief Administration», доставили в Финляндию продовольствие, а англичане одежду и снаряжение. Корабли были разгружены главным образом в Выборге. М.С.Маргулис сообщает в записи от 23 июля 1919: «американцы доставили около 15 тысяч тонн муки, бэкона, овсяной крупы, жиров, бобов и конденсированного молока. Из них свыше 3000 тонн, испорченных от дождя, продано, около 3 тысяч тонн роздано войску и населению освобожденных местностей; остается около 9000 тонн» (Год интервенции. Кн.2. С.126).

⁷ Особый комитет по делам русских в Финляндии.

⁸ Политическое совещание при генерале Юдениче (с августа 1919 Северо-западное правительство).

⁹ 20 июля 1919 взбунтовался 5-й пехотный полк в Чекуеве, позволив большевистским войскам занять город Онегу и всю окружающую область и тем прервать сухопутную связь между Архангельском и Мурманском и подставить под угрозу самый Архангельск. В то же самое время вспыхнули беспорядки и в 6-м и 7-м пехотных полках в Обозерской и Селецком. Эти мятежи послужили последним толчком к решению английского правительства и генерала В.Э.Айронсайда (1880-1959) объявить об эвакуации британских войск (см.: Strakhovsky L.I. Intervention at Archangel: The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia, 1918-1920. Princeton, New Jersey, USA, 1944. P.209-216). Не совсем ясно, насколько масштабы бунта были известны Андрееву ко времени написания письма. 26 июля 1919 гельсингфорсская газета «Русская Жизнь» (№118. С.3) напечатала телеграмму из Лондона от 24 июля: «Военный департамент сообщает, что, согласно донесению генерала Айронсайда, среди русских войск, в Архангельске, произошел бунт». Касательно онежского бунта сообщалось: «Бунт возник, как следствие большевистской пропаганды, веденной преимущественно на почве ухода британских войск из Северной России».

¹⁰ Брошюра не была написана.

¹¹ Намек на приписанное Наполеону изречение: «Каждый французский солдат носит в своем ранце маршальский жезл».

¹² В 1917-1929 А.В.Луначарский являлся наркомом просвещения, и в эмигрантской и западной прессе того периода часто встречаются «были и небылицы» о нововведениях в советской системе образования.

¹³ А.В.Колчак.

¹⁴ См. письмо №71.

¹⁵ См. прим. 3 к записи от 1 ноября 1917.

70. *А.В.Карташеву. 28 июля 1919 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.43, сверенной с оригиналом в архиве А.В.Карташева (Columbia).

¹ Политическое совещание при генерале Юдениче.

² Н.Н.Юденич.

³ Ср. воспоминания Ф.Н.Фальковского «О них должно быть сказано все» на С.388 наст. изд. и прим. 7 к ним.

⁴ После напечатания передовицы, содержащей положительную характеристику покойного Николая II (Русская Жизнь. 1919. №114. 22 июля. С.1), и фельетона Мима [Н.В.Дризена (фон Остен-Дризена, 1868-1935, Франция?)] «Антисемит» (Русская Жизнь. 1919. №121. 30 июля. С.2-3) «издатели “Русской Жизни” Шуберский и Волон [т.е. Валов] окончательно решили расстаться с Кузьминым-Караваевым» (Год интервенции. Кн.2. С.146), который был редактором газеты. В этой связи показательно сравнить высокое мнение Андреева о своей возможной роли в организации антибольшевистской пропаганды с предельно практическими сообщениями, выдвинутыми 31 июля 1919 теми людьми, которым он, в первую очередь, предлагал свои услуги:

За завтраком Сенютович-Троцкий предложил Шуберскому и Волону Леонида Андреева в редакторы «Русской Жизни», вместо Кузьмина-Караваева. Андреев согласен, если ему предложат в Политическом Совещании пост министра Народного Просвещения, да и жалования 10.000 марок; иначе он едет в Америку. Шуберский деловито заметил: никакой Андреев не подымет тиража газеты, а выплачивать ему 10000 марок не за что» (Год интервенции. Кн.2. С.147).

⁵ Королю Франции Людовику XIV (1638-1715) приписывается изречение, «L'Etat, c'est moi» («Государство — это я»).

⁶ Речь идет о статье А.В.Луначарского «Тьма» в сб. «Литературный распад». По поводу статьи см. письмо Андреева к М.Горькому от [21]-23 марта 1908 и примечания к нему (ЛН72. С.307-311).

⁷ Ср. письмо №68 о «колчаковской брошюре». Речь идет об изданных по распоряжению главнокомандующего Северо-западным фронтом двух выпусках «Голоса Всероссийской Власти».

⁸ См. письмо №74.

⁹ Т.е. станция Elisenvaara, Kurkijoki.

71. *Г.Д.Бернштейну. 28 июля 1919 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.7.iii, сверенной с оригиналом в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304, по которому письмо впервые опубликовано в журн. «Родина» (1993. №12. С.46, публ. В.А.Александрова).

Бернштейн включил часть письма Андреева в переводе на английский язык в свое письмо в редакцию газеты «The New York Times», напечатанное под заголовком: «Death of Andreyev. Russian Author Was Planning Tour Here to Combat the Bolsheviks» (1919. 9 November. III. P.2. Col.2). Он также упомянул письмо в предисловии к английскому переводу «Дневника Сатаны»: *Satan's Diary / Authorised translation with a preface by Herman Bernstein. New York, 1920, p.v.*

¹ См. письмо №42 и прим. 1 к нему.

72. *А.Н.Андреевой от А.И.Андреевой. 1 августа 1919 г.*

Публикуется по рукописи в РАЛ MS.606/G.9.iv**.

¹ Е.А.Фальковская.

² В.П.Денисевич.

³ См. прим. 9 к письму №70.

⁴ См.: Детство. С.256-260.

73. *А.В.Карташеву. 14 августа 1919 г.*

Публикуется по машинописи в архиве А.В.Карташева (Columbia).

74. *В.Л.Бурцеву. [1] 9 августа 1919 г.*

Письмо впервые опубликовано с датой 9 августа 1919 г. по оригиналу в РГА Ф.5802. Оп.1. Ед.хр.3 в журнале «Вопросы литературы» (1991. №7. С.181-184, публикация М.Козьменко). Публикуется по журнальному тексту. Передатируется по содержанию.

¹ Ср. III часть воспоминаний М.К.Иорданской на С.382 наст. изд.

² См. записи от 13 июня 1919 и сл.

³ Ср. письма №68-70.

⁴ Намек на известное в разных вариантах латинское крылатое слово «*Quem deus perdere vult, dementat prius*» («Кого бог хочет погубить, того он сначала делает безумным»).

⁵ 28 июня 1919 был подписан Версальский мирный договор между победившими союзниками и побежденной Германией, и 14 июля 1919 (день французского национального праздника штурма Бастилии) состоялось в Париже торжество победы. Так как большевистское правительство России без согласия союзников заключило сепаратный мир с Германией в марте 1918, русские военные части не были приглашены участвовать в параде, в котором были представлены армии всех других союзных держав.

⁶ 10-11 августа 1919 английский генерал Ф.Г.Марш заставил приехавших в Таллинн из Гельсингфорса членов Политического Сопещения при генерале Н.Н.Юлене сформировать Северо-Западное Правительство, которое должно было признать независимость Эстонии и тем обеспечить поддержку эстонцев в борьбе за освобождение Петрограда. Подробнее об этом см.: Кирдцеов Г. У ворот Петрограда (1919-1920 гг.). Берлин, 1921. С.217-254 и сл.; Кузьмин-Караваев В.Д., Карташев А.В., Суворов М.Н. Образование Северо-Западного правительства. Гельсингфорс, 1919. См. также III часть воспоминаний М.К.Иорданской на С.382 наст. изд.

⁷ Ср. письма №69-71, 77—78 и сл.

⁸ См. прим. 7 к записи от 4 марта 1919.

⁹ См.: Налет на Териоки // Русская Жизнь. 1919. №141. 22 августа. С.1.

¹⁰ Алексей Шахов был владельцем магазина строительных материалов в Териоках.

¹¹ См. письмо №76.

75. В.Л.Бурцеву. [19 августа 1919 г.]

Публикуется по машинописи в РАЛ MS.606/F.16.i (имеется также копия). Письмо неокончено, обрывается на втором слове второй строки. Датируется предположительно по сопоставлению с письмом №74.

76. В.П.Денисевич. 20 августа 1919 г.

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.29.

¹ См. прим. 6 к записи от 9 сентября 1919.

² И.И.Денисевич.

³ Судя по нотариальным и судебным документам, хранящимся в архиве издательства «Holger Schildt» (см. прим. 7 к записи от 4 марта 1919), в 1921 и 1923 В.П.Денисевич находилась в Гельсингфорсе, но нет сведений о ее дальнейшей жизни.

⁴ Предположительно Е.А.Фальковская.

⁵ См. запись от 8 сентября 1919.

77. М.Ф.Ликиардопуло. 20 августа 1919 г.

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.52.

¹ Пьеса «Мысль» (1914) была впервые поставлена на англоязычной сцене в Нью-Йорке в 1931 в неопубликованной адаптации В.Л.Лоренса (1888-1977) под названием «A Devil in the Mind: A Drama in Six Scenes». В переводе Г.Д.Бернштейна (Katerina: A Drama in Four Acts. New York, 1923; London, 1924) «Екатерина Ивановна» была поставлена Ф.Ф.Коммиссаржевским (1882-1954, Дариен, США) в Лондоне в 1926 (была также постановка в Нью-Йорке в 1929).

² Пьеса «Тот, кто получает пощечины» в самом деле оказалась самой подходящей к английской и американской сценам, где она до сих пор регулярно ставится в разных переводах и адаптациях.

³ В РАЛ MS.606/F.19* хранится телеграмма из пражского театра «Vinohrady» («Mestké divadlo na Královských Vinohradech»), содержащая просьбу разрешить театру ставить пьесу «Тот, кто получает пощечины» в Праге и «toute republicue tcecoslovaque» («вся чехословацкая республика»). В переводе Рудольфа Хорака (1902-1929) «Ten, Jezz Polickuji» пьеса ставилась 27 раз (премьера 12 марта 1920).

⁴ Поскольку пьеса «Тот, кто получает пощечины» шла и в московском Драматическом театре в 1915, и в петроградском Александринском театре в 1916, трудно понять слова Андреева о «малоизвестном театре».

⁵ «Самсон в оковах» и «Собачий вальс» были опубликованы по-смертно в журн. «Современные Записки» (1925. XXIV. С.41-142; 1922. X. С.1-66). Г.Д.Бернштейн перевел обе пьесы на английский язык: Samson in Chains. New York—London, 1923; The Waltz of the Dogs. New York, 1922. «Собачий вальс» была поставлена в Нью-Йорке в 1928.

⁶ См. письмо №71.

⁷ Н.К.Перих.

⁸ Нет сведений о предполагаемой постановке пьесы «Черные маски» в Англии.

⁹ Ср. в записи от 2 августа 1918 нелестный отзыв о Уэллсе, которому Андреев якобы имеет «право дать по роже». М.Ф.Ликиардопуло привел цитату из письма Андреева в своем письме к Уэллсу (произведение которого он переводил на русский язык) от 14 сентября 1919 (Советские архивы. 1967. №1. С.80).

¹⁰ См. конец письма №76 и запись от 8 сентября 1919.

78. Н.К.Периху. [22]-25 августа 1919 г.

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Зачеркнутые [Н.К.Перихом?] слова восстановлены по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304. Часть письма публиковалась Перихом в его воспоминаниях «Памяти Леонида Андреева» (см. прим. 3 к ним на С.523 наст. изд.) Сокращенные варианты письма опубликованы в журналах «Север» (1981. №4. С.113, публикация Е.Г.Сойни) и «Москва» (1991. №3. С.202-203, публикация Л.А.Еськиной). По копии в YIVO Institute письмо публиковалось с разночтениями и без конца в журнале «De visu» (1993. №4. С.39-41, публикация В.А.Александрова).

¹ См. письма №67 и 68.

² Ср. запись от 22 августа 1918.

³ Речь идет о сформированном в августе 1919 в Таллинне Северо-Западном правительстве.

⁴ См. письмо №71.

⁵ В копии инициал плохо напечатан. Если это на самом деле «П.», то возможно, что речь идет о французском поэте-декаденте Пьере Луисе (1870-1925), авторе «Песен Билитиса» («Les chansons de Bilitis», 1894, русский перевод 1907) и других эротических произведений на псевдоантичные темы, с которыми часто сопоставлялись произведения М.А.Кузмина (1875-1936, Ленинград).

⁶ См. письмо №77 и прим. №8 к нему.

⁷ В переводе А.Шольца (1857-1923) («Jekaterina Iwanowna. Berlin, 1914) «Екатерина Ивановна» была поставлена в 1914 (премьера 4 июля) в мюнхенском «Schauspielhaus». В течение июля 1914 и по 1 августа появились рецензии на постановку в ведущих немецких газетах.

⁸ Н.К.Рерих выполнил декорации для оперы А.П.Бородина (1833-1887) «Князь Игорь», поставленной в Англии С.П.Дягилевым (1872-1929, Венеция).

⁹ Речь идет о статье Gorky M. Follow Us! // The Liberator. 1919. Vol.2. №6. June. P.3.

¹⁰ В конце июля — начале августа 1919 небольшой отряд британских летчиков с острова Бьёрке сбрасывал бомбы на Кронштадт, снимал фотографии находящихся там военных судов, препятствовал выходу в Финский залив судов и подводных лодок и 18 августа 1919 участвовал в атаке британских военных катеров прибрежного действия, после которой линкор «Андрей Первозванный» и дредноут «Петропавловск» оказались погруженными в воду по палубы, а судно-база «Память Азова» вообще пошло ко дну. Об этом эпизоде см. иллюстрированную фотографиюми подробную статью: Steel R. When the RAF Flew against the Bolsheviks: Night Strike against the Red Fleet // Royal Air Force News. 1983. 18 November—1 December. P.8-9; 1983. 2-16 December. P.5. Андреев «звал» союзников в статью «S.O.S.».

79. *С.Л.Андрееву. 23 августа 1919 г.*

Публикуется по рукописной копии А.И.Андреевой в РАЛ MS.606/G.7.ii**.

¹ Е.Г.Берман.

80. *С.Л.Андрееву. 25 августа 1919 г.*

Публикуется по рукописи (на открытке с видом гавани в Выборге) в РАЛ MS.606/G.7.iii*. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Т.е. в Гельсингфорсе.

81. *А.Н.Андреевой. 27 августа 1919 г.*

Публикуется по машинописной копии, сверенной с оригиналом в ИРЛИ. Ф.9. Оп.6. Ед.хр.6. №15.

¹ Brunnsparken (Kaivoruisto) — приморский район Гельсингфорса.

² С.В.Иванов.

³ См. интервью, взятые у Андреева финскими журналистами, на С.355 и 357 наст. изд.

⁴ См. письмо №82.

⁵ Е.А.Фальковская.

⁶ В 6 часов вечера 27 августа 1919 в гельсингфорском Успенском соборе состоялось «архиепископское богослужение епископом Финляндским и Выборгским Серафимом» (Русская Жизнь. 1919. №145. 27 августа. С.1).

82. *К.Д.Набокову. 30 августа 1919 г.*

Публикуется по машинописи в архиве А.В.Тырковой-Вильямс (Columbia).

¹ П.Н.Милюков.

83. *Н.К.Рериху. [3]-4 сентября 1919 г.*

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Зачеркнутые [Н.К.Рерихом?] слова восстановлены по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304. Часть письма публиковалась Рерихом в его воспоминаниях «Памяти Леонида Андреева» (см. прим. 3 к ним на С.523 наст. изд.) Сокращенные варианты письма опубликованы в газете «Новое Русское Слово» (1924. 14 декабря) и в журналах «Север» (1981. №4. С.113, публикация Е.Г.Сойни) и «Москва» (1991. №3. С.203, публикация Л.А.Еськиной). По копии в YIVO Institute письмо публиковалось с разночтениями в журнале «De visu» (1993. №4. С.41-43, публикация В.А.Александрова).

¹ Письмо №78.

² Ср. в записи М.С.Маргулиеса от 27 августа 1919: «Сговорились с И.В.Гессеном: он будет в Гельсингфорсе продолжать издание информационного листка и посылать на Запад сведения о нашем правительстве; ассигнуем ему на то и другое 10000 финских марок в месяц. .../ Рассказывает, что в Гельсингфорс приехал Леонид Андреев и говорил, что он предложил Милюкову добиться у Колчака назначения его, Андреева, начальником антибольшевистской пропаганды для всей России. Милюков ответил, что он ни с каким правительством не состоит в сношениях. Андреев несносен, капризен, самовлюблен. Гессен предлагает нам его в министры пропаганды, я категорически отказываюсь». (Год интервенции. Кн. 2. С.258-259). См. также прим. 5 к воспоминаниям И.В.Гессена на С.524 наст. изд.

³ Т.е. «Свободная Россия» / «Свобода России».

⁴ С.В.Иванов.

⁵ Ср. прим. 7 к записи от 20 августа 1918.

⁶ См. начало письма №85.

⁷ См. письмо №66.

⁸ См. прим. 10 к письму №78 и запись от 8 сентября 1919.

⁹ См. письмо №82.

84. *Н.Г.Вальтеру. 5 сентября 1919 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.17.

¹ С.В.Иванов.

² Е.Г. и Л.Г.Берманы.

³ С.С.Оболенская.

85. *П.Н.Милюкову. 6 сентября 1919 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.57. Письмо впервые опубликовано в альманахе «Минувшее» (1991. Вып.4. С.354-356, публикация Р.Д.Дэвиса). Оригинал письма хранится в Москве среди материалов бывшего Русского заграничного исторического архива в Праге. Письмо публиковалось с разночтениями в журнале «Москва» (1991. №3. С.206, публикация Л.А.Еськиной).

¹ £ 78 (см. письмо №83).

² И.В.Гессен.

³ См. письмо №82.

⁴ Имеются в виду ревельские газеты «Свободная Россия» / «Свобода России», издаваемая Г.Л.Кирдецовым и К.И.Арабажиным (см. письмо №83), и «Русская Газета», издаваемая Н.Н.Ивановым.

⁵ Ср. в записи М.С.Маргулиеса от 3 августа 1919: «Офицер Хомутов /.../ оказался агентом Маркова 2-го, который под фамилией штабс-капитана Чернякова проживает и сейчас в Ямбурге. Хомутов распространял погромную газету "Белый Крест", сам перевозил тюки ее» (Год интервенции. Кн. 2. С.163).

⁶ В переводе на английский язык Эймлера Моуда (о нем см. прим. 2 к записи от 8 апреля 1919), в то время находившегося в Архангельске при У.М.С.А., «S.O.S.» была частично опубликована в №3 и 4 от 21 и 28 июня 1919 официального еженедельника «Gazette of the Archangel Force», но маловероятно, что газету читали в блокирующем Петроград флоте.

⁷ О сильном впечатлении, произведенном на молодых офицеров Северной армии чтением вслух «S.O.S.» в Ямбурге в начале июля 1919, вспоминает Н.Е.Андреев (1908-1982, Кембридж, Англия) в статье: «Leonid Andreyev and His Destiny as a Writer // Горски Вијенац: A Garland of Essays Offered to Professor Elisabeth Mary Hill. Cambridge, 1970. P.2.

⁸ См. прим. 2 к письму №49.

86. *В.Л.Бурцеву. [6]-9 сентября 1919 г.*

Публикуется по машинописной копии в РАЛ MS.606/F.16.ii. Текст постскриптума к письму установлен по публикациям в газете «Общее дело» и журнале «Вопросы литературы» (см. ниже). Письмо опубликовано в сокращенном виде в газете «Общее Дело» (1919. №59. 9 октября. С.1).

Были и другие публикации в газетах «Русская жизнь» (1919. №189. 17 октября. С.3), «Свобода России» (1919. №29. 21 октября. С.3), «Сегодня» (1919. №34. 26 октября. С.2) и «Русская Мысль» (1969. №2755. 11 сентября. С.4) и в журн. «Москва» (1991. №3. С.206-207, публикация Л.А.Еськиной). Письмо опубликовано с разночтениями по оригиналу в РГА. Ф.5802. Оп.1. Ед.хр.3 в журн. «Вопросы литературы» (1991. №7. С.185-188, публикация В.Н. Чувакова).

¹ См. прим. 6 к письму №74.

² На эту тему Бурцевым было написано немало статей. В качестве примеров приводим выдержки из двух статей: «Победа над немцами — это победа всего человечества в его борьбе за право и справедливость. Следовательно, это — наша победа! /.../ Тем не менее, мы, русские, праздновали этот праздник [французский национальный праздник 14-го июля] в трауре и на душе у нас было тяжело. Мы сознавали, что наши союзники не только продолжают губить наше и свое дело, но и то, что в этот день они без всякой нужды нанесли нам новое оскорбление, и мы лишний раз поняли, что такое отношение к нам со стороны французов не случайная ошибка, а система» (Французы должны нас выслушать! // *La Cause commune*. 1919. №52. 30 juillet. P.1); «Пусть союзники сделают для России, оставшейся их верной союзницей, то же, что они сделали для своего врага — Венгрии!» (Браво, союзники! Но будьте последовательны! // *Общее Дело*. 1919. №54. 20 августа).

³ Официальное сообщение о предстоящем прекращении участия английских войск в интервенции на севере России (см. прим. 9 к письму №69) печаталось в лондонских газетах 1 августа 1919, и как только подтвердились дошедшие до Архангельска вести об этом, местные жители начали обращаться к генералу Айронсайду с петициями и просьбами не оставить их на произвол большевистской судьбы. В своих воспоминаниях генерал Айронсайд приводит текст одной из многочисленных афиш, содержащих смесь протеста с мольбой, которыми оклеили город, и автором которого был, кажется, В.Л.Бурцев (*Ironside E. Archangel, 1918-1919. London, 1953. P.175-176*). Около 6000 беженцев эвакуировалось на английских судах. Основной контингент английских войск уехал из Архангельска 27 сентября 1919. Последние английские войска покинули Мурманск 12 октября 1919 и Архангельск в начале февраля 1920.

⁴ См. запись от 8 января 1919.

⁵ См. записи от 8 и 10 сентября 1919.

87. *Обращение к домашним. 9 сентября 1919 г.*

Публикуется по машинописи в РАЛ MS.606/G.1.ii.d.

88. *Н.К.Рериху. 10 сентября 1919 г.*

Публикуется по ксерокопии с оригинала, хранящегося в Русском культурном центре (Дели, Индия). Письмо впервые опубликовано в га-

зете «Новое Русское Слово» (1924. 14 декабря), а также публиковалось по неавторизованной машинописной копии в YIVO Institute for Jewish Research, Bernstein Archive, Folder 304 в журнале «De visu» (1993. №4. С.43, публикация В.А.Александрова).

¹ Не разысканы еще, возможно, хранящиеся в архивах соответствующих министерств документы, отражающие хлопоты Н.К.Рериха о приезде Андреева в Англию.

89. *Телеграмма от Г.Д.Бернштейна, полученная 10 сентября 1919 г.*

Публикуется по телеграмме в РАЛ MS.606/F.7.iv*.

¹ Письмо №71.

² См. письмо №83 и воспоминания И.В.Гессена на С.396 наст. изд., в частности прим. 8 к ним.

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЯМ И ИНТЕРВЬЮ

S.O.S.

Печатается по тексту: S.O.S.! Спасите! Изд. 2-е. Paris, 1919. В РАЛ MS.606/D.106.i** хранятся 2 машинописные копии статьи, перепечатанные, по всей вероятности, А.И.Андреевой в 1920-1930, но авторская машинопись статьи не сохранилась. Вследствие того, что текст статьи был передан в Западную Европу по телеграфу (см. запись от 4 марта 1919), в изданиях, вышедших в 1919-1920 (см. библиографию ниже), встречаются многочисленные, преимущественно относящиеся к типографскому оформлению, разночтения.

Первые сообщения о статье попали в прессу в Финляндии после того, как знаменитая актриса Л.Б.Яворская (1869 или 1871/1872-1921, Нове, Англия), приехавшая в Гельсингфорс в феврале 1919 по пути из России в Англию, читала «S.O.S.» 18 февраля перед маленькой группой приглашенных на частном собрании. В газете «Русский Листок» Solus назвал «S.O.S.» «одной из самых сильных и ярких страниц творчества не только нашего талантливого писателя, но и мировой литературы» (S.O.S. Спаси наши души: Призыв Л.Н.Андреева // 1919. №39. 19 февраля. С.2). В газете «Северная Жизнь» неизвестный обозреватель писал: «трудно было без слез слушать вопль писательской души» (Спасите! // 1919. №41. 21 февраля. С.5). (О втором чтении «S.O.S.» Яворской см. комментарий к статье «Держава Рериха»). Там же сообщалось, что Андреев хотел, чтобы «S.O.S.» впервые появилась в «зарубежной прессе», и гельсингфорский журнал «Нуа Фуген» (1919. №13/15. С.8) отметил в связи с выходом статьи на шведском языке, что текст был первоначально послан по телеграфу в редакцию парижской газеты «Le Matin», в которой, однако, «S.O.S.» так и не была опубликована.

Известны следующие издания «S.O.S.», но список, по всей вероятности, неполный, поскольку не учтены возможные перепечатки в малотиражных эмигрантских и военных органах 1919-1920 годов.

На русском языке

Спасите! (S.O.S.) // Общее Дело (Париж). 1919. №40. 24 марта. С.1-3.
S.O.S. // Русская Жизнь (Гельсингфорс). 1919. №23. 29 марта (бесплатное приложение).

S.O.S. Гельсингфорс, 1919.

S.O.S. Wiipurii [1919] (с рисунком Н.К.Рериха «Меч мужества» на обл.).

S.O.S.! Спасите! / Предисловие В.Л.Бурцева. Paris, 1919.

S.O.S.! Спасите! / Предисловие В.Л.Бурцева. 2-е изд. Paris, 1919.

Спасите! (S.O.S.) [отрывки] // Общее Дело (Париж). 1919. №58. 28 сентября. С.1, 3.

Спасите!: Обращение к цивилизованному миру. Нью-Йорк, [1919].

Спасите! (S.O.S.) / Предисловие В.Л.Бурцева. Варшава, 1920.

S.O.S. // Посев (Франкфурт-на-Майне). 1975. №8. С.40-46.

S.O.S. // Русская Мысль (Париж). 1983. №3494-3496. 8, 15, 22 декабря. С.9 (в каждом номере).

S.O.S. // Андреев Л. Перед задачами времени: политические статьи 1917-1919 годов / Сост. и подг. текста Ричарда Дэвиса. Benson (Vermont, USA), 1985. С.153-176.

На английском языке

Appeal for Help: Bitter Russian Complaint of Desertion // The Times (London). 1919. 1 March. P.10. Col.4 (выдержки).

Russia's Call to Humanity: «Save Our Souls»: An Appeal to the Allies / Introduction by Prof. P.N.Miliukov. London, [1919]. [Предисловие П.Н.Милокова было перепечатано под названием «Leonid Andreyev and His Appeal to Humanity» в журн. «Struggling Russia: A Weekly Magazine Devoted to Russian Problems» (New York: Russian Information Bureau in the U.S.). 1919. 26 July. P.282-285].

S.O.S. / Translated by J.Pollock // Nineteenth Century and After (London). 1919. June. P.1061-1071.

S.O.S. / [Translated by Aylmer Maude] // Gazette of Archangel Expeditionary Force (Архангельск, 1919. №3-4. June. P.2).

S.O.S. New York, [1919].

На венгерском языке

Mentsétek meg lekeinket! // Erdekes Ujság (Budapest), 1919. №37. 16-18. Old. (Сокращенный перевод с английского варианта J.Pollock'a в журнале «Nineteenth Century and After»).

На голландском языке

S.O.S. / Vertaling van E. en L. de Haas, s'Gravenhage. 1919.

На немецком языке

Rettet uns (S.O.S.), übersetzt von G.K. // Frankfurter Zeitung. (Frankfurt/Main). 1919. №312. 27 April.

На французском языке

Au secours (S.O.S.) // La Cause commune (Paris). 1919. №39. 20 mars. P.1-3.

S.O.S. De «La cause commune» [маленький отрывок] // La Victoire. (Paris). 1919. №1177. 22 mars. P.3.

S.O.S. [отрывки] // La Cause commune (Paris), 1919. №62. 20 septembre. P.1.

...Au secours! (S.O.S.) / Preface de V.Bourtzeff. Paris, 1919.

На чешском языке

Spaste! Praha, 1919.

Zachrante Rusko! / S dovolenim spisovatele preložil Vincence Cervinka, s předmluvou Vladimira Burceva a s úvodní poznámkou překladatele. Praha, 1919.

На шведском языке

S.O.S. // Nya Fyren (Helsingfors). 1919. №13/15. S.8-9; 1919. 16/17. S.18-20.

¹ Посол Франции Жозеф Нуланс сыграл ведущую роль в попытках союзников предотвратить сепаратный мир Советской России с Германией, а потом проводил последовательную антибольшевистскую политику, которая привела его вместе с представителями других союзных держав к отъезду из России через Архангельск и Мурманск в середине декабря 1918. Телеграмма Нуланса из Мурманска о положении в России публиковалась в Париже 18 и в Лондоне 20 декабря 1918, и после прибытия в Париж в начале января 1919 он дал интервью, в котором отстаивал необходимость военной интервенции в России. Его доклад на Парижской мирной конференции 21 января 1919 был выдержан в том же духе.

Датский посол Гаралд Скавениус был также активным сторонником политики антибольшевистской интервенции. Он считал большевистское правительство «шайкой разбойников» и опасался скорой всеевропейской революции, если против него не примут соответствующих мер. После отозвания в Данию в декабре 1918 Скавениус выступал перед журналистами и представителями союзных держав в Копенгагене и Лондоне, а 21 января 1919 после Нуланса читал доклад на Парижской мирной конференции. В своем докладе выдвинул три тезиса: 1) большевистское правительство является диктаторством недемократического меньшинства; 2) нельзя относиться к большевизму как к отдельному российскому явлению, потому что он представляет собой угрозу всему миру; 3) необходима немедленная, ограниченная военная интервенция, достаточная для освобождения России. См.: Jensen B. Kobmend og kommissaerer: Oktoberrevolutionen og dansk ruslandpolitik, 1917-1924. Viborg (Danmark), 1979.

О выступлениях Нуланса и Скавениуса с энтузиазмом отозвался Е.А.Ляцкий в передовице в газете «Северная Жизнь»: «Последний французский посол в России Нуланс и датский посол Скавениус сделали в Париже в верховном военном совете держав Согласия обстоятельные доклады о положении дел в советской России. Мнения этих друзей России должны были привести к убеждению о необходимости скорейшего вмешательства» (1919. №19. 27 января. С.1-2).

² Румынский посланник Константин Диаманди и весь штат миссии были арестованы 13 января 1918 после того, как в Петрограде стало известно, что румынский главный штаб ведет тайные переговоры с Герма-

нией по поводу захвата русской части Бессарабии. Главы всех дипломатических миссий (среди которых находился представитель Сиам, но не Абиссинии) сразу подняли протест и во время встречи с Лениным в Смольном 14 января, когда последний обосновал беспрецедентный поступок поведением Румынии по отношению к австрийским и русским пленным, потребовали немедленного освобождения Диаманди и его коллег, что и последовало, не без перипетий, 15 января. (Через несколько дней румынские войска все-таки заняли Бессарабию, и советское правительство порвало дипломатические отношения с Румынией).

³ После отъезда дипломатических представителей союзных держав из Петрограда и Москвы в конце февраля 1918 их интересы защищали дипломаты нейтральных стран (Голландия, Дания, Швейцария, Норвегия), которые несли тяжелое бремя переговоров с большевистскими руководителями по поводу, например, безопасности и репатриации граждан союзных держав. Не совсем ясно, какие именно события, связанные с дипломатами нейтральных стран, и в частности с посланником Швейцарии Эдуардом Одье (1844-1919, посол в России в 1906-1918), Андреев имеет в виду.

⁴ В прим. 4 к записи от 2 августа 1918 приводится текст телеграммы Т.В.Вильсона. От имени ВЦИК председатель IV Съезда Советов Я.М.Свердлов (1885-1919, Москва) тут же прочитал следующий ответ Вильсону: «Съезд выражает свою признательность американскому народу и, в первую голову, трудящимся эксплуатируемым классам Северо-Американских Соединенных Штатов по поводу выражения президентом Вильсоном своего сочувствия русскому народу через Съезд Советов в те дни, когда Советская Социалистическая Республика России переживает тяжелые испытания.

Ставши нейтральной страной, Российская Советская Республика пользуется обращением к ней президента Вильсона, чтобы выразить всем народам, гибнущим и страдающим от ужасов империалистической войны, свое горячее сочувствие и твердую уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся».

Возможно, что Андреев считал уже такой ответ «пощечиной» и что он путал Свердлова с Зиновьевым, выступление которого состоялось лишь через два дня, 16 марта 1918. По поводу телеграммы Вильсона Зиновьев сказал следующее: «Американские империалисты хотят превратить нас в колонию. Телеграмма Вильсона напомнила мне телеграмму Вильгельма к бурам накануне англо-бурской войны. Вильгельм "любил" тогда буров такой же горячей любовью, как Вильсон "любит" теперь нас. /.../ Для этих господ действительно встают перспективы превратить нашу страну в колонию, в новую Персию» (Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного Съезда Советов Рабоч[их], Солдатск[их], Крестьянск[их] и Казачьих депутатов. М., 1920. С.5, 45).

⁵ 31 августа 1918 группа чекистов, искавшая доказательств причастности британских дипломатов к убийству Урицкого и покушению на Ленина (30 августа 1918), ворвалась в Британское посольство в Петрограде и убила пытавшегося защищать неприкосновенность посольства георгиевского кавалера и героя многочисленных операций в Балтийском море капитана Франсиса Кроми (1882-1918). 4 сентября 1918 британский министр внешних дел Артур Бальфур (1848-1930) отправил Чичерину телеграмму, в которой он требовал немедленного наказания виновников этого тяжкого преступления. В случае неудовлетворительного ответа со стороны Советского правительства, все его члены объявлялись стоящими вне закона.

⁶ См. прим. 2 к записи от 29 августа 1918.

⁷ Разрушение бельгийского города Лувен и уничтожение старинной университетской библиотеки в августе 1914 и нападение немецкой подводной лодки на британский пассажирский пароход «Лузитания» в мае 1915 (1198 человек жертв) были восприняты современниками как особенно кричащие примеры немецкого «варварства». Андреев упомянул «разрушенный Лувен» в статье «Две летописи» (День. 1914. №256. 21 сентября. С.3).

⁸ См. прим. 1 к записи от 4 марта 1919.

⁹ В детстве Андреев увлекался многотомными историческими романами Пьера Понсон дю Террая (1829-1871) «Воскресший Рокамболь» (СПб., 1868) и «Молодость Генриха IV» (М., 1874-1875), и впечатления от этого самого раннего чтения отражаются в мальчике Коле из рассказа «Буяниха» (написан в 1901; впервые опублик. в сокращенном виде: Неделя. 1963. №21. 19-25 мая. С.9-11). Позднее в своей московской библиотеке Андреев собрал немало книг о французской революции (см. каталог библиотеки в РГАЛИ. Ф.11. Оп.1. Ед.хр.22), и рассказы «Марсельеза» (1905) и «Так было» (1906) говорят о его глубоком интересе к этой тематике.

¹⁰ Первой статьей Андреева, посвященной мировой войне, была «Прости!» (Позже «Франция, прости!») (Биржевые Ведомости. 1914. №14400. 28 сентября. утр. вып. С.4).

¹¹ Сигнал S.O.S. на изобретенном Самюэлем Морзе (1791-1872) коде Морзе был введен как международный призыв помощи на море в 1912.

ДЕРЖАВА РЕРИХА

Печатается по первой публикации: Держава Рериха: К открытию выставки картин академика Рериха в салоне Стриндберга в Гельсингфорсе // Русская Жизнь. 1919. №23. 29 марта. С.2-3. Местонахождение авторской машинописи неизвестно.

Статья была написана по просьбе Рериха (см. письма №43 и 49), возможно, для финского литературного ежемесячника «Otava», напечатавшего ее со множеством иллюстраций в апрельском номере за 1919 (Roerichin valtakunta. С.232-239). (Статья сопровождалась примечанием

редакции журнала: «Написана Леонидом Андреевым для "Otava"»). Русский оригинал статьи был напечатан в газете «Русская Жизнь» в день открытия выставки Рериха в Гельсингфорсе (выставка закрылась 15 апреля 1919). Перед этим картины Рериха (их было 137) выставлялись в Стокгольме (10-30 ноября 1918) и в Копенгагене (выставка открылась 10 января 1919). Предполагалось после Гельсингфорса перевезти выставку в столицу Норвегии Христианию (Осло), а потом в Лондон.

Хотя Андреев и Анна Ильинична получили разрешение приехать в Гельсингфорс на 8 дней с 24 марта 1919 (Uudenmaan läänin kanslian I b osaston kirjekonseptit 1919, nr 10730, Valtionarkisto, Helsinki), состояние его здоровья, очевидно, заставило Андреева отменить поездку, и он так и не посетил выставку, но в конце вернисажа актриса Л.Б.Яворская читала его статью «S.O.S.» и несколько стихотворений Рериха в пользу Скандинавского общества помощи Российскому воину (Арабажин К. Русский праздник: Выставка картин Н.К.Рериха // Русская Жизнь. 1919. №23. 29 марта. С.2). Сильное впечатление, произведенное чтением Яворской, отмечалось в газете «Nya Fyren». (1919. №11/12. S.5).

Статья перепечатывалась (с разночтениями) в следующих изданиях: Жар-птица. 1921. №4-5. С.17-18, 20; Неделя. 1964. №42. 12-18 октября. С.21; Русская литература XX века: Дооктябрьский период: Сб.3 / Под ред. Н.М.Кучеровского и др. Калуга, 1971. С.344-347 (на С.342-343 предисловие публикатора Ю.В.Бабичевой); Андреев Л.Н. Земля: Повести, рассказы, фельетоны / Предисловие, послесловие, примечания и составление В.Н.Чувакова. Тула, 1982. С.333-336.

Статья была впервые переведена на английский язык А.Д.Кауном (1889-1944, Калифорния, США) (New Republic. 1921. 21 December. P.97-99) и публиковалась неоднократно в западных изданиях, посвященных творчеству и общественной деятельности Рериха.

¹ Ср.: «Русская общественность в 1915 году отмечала двадцатипятилетний юбилей творческой деятельности Рериха. /.../ Рерих к этому времени достиг вершины мастерства и известности: Третьяковская галерея, Русский музей, Академия художеств, Люксембургский музей в Париже, Римский Национальный музей приобрели его произведения» (Николай Рерих: Мастера мировой живописи / Nikolay Roerich: Masters of World Painting / Сост. и вступ. статья Л.В.Короткиной. Л., 1976. С.13). Серия этюдов архитектурных памятников, церквей, городских стен и др., исполненная Рерихом во время поездки по древнерусским городам в 1903-1904, попала в музей города Окленд (недалеко от Сан-Франциско) и долгие годы выставлялась в нью-йоркском Музее имени Н.К.Рериха, перед тем как большая часть работ была передана в СССР в московский Музей искусства народов Востока (см. статью Lansbury E. Nicholas Roerich — Warrior Artist // Nicholas Roerich: His Painting and Philosophy: An Exhibition Commemorating the 50th Anniversary of His Peace Pact and the Banner of Peace. [Atlanta, Georgia], 1985. P.7). В Люксембургском музее в Париже хранится картина «Человек со скребком» (1905), в Лувре — «Синяя роспись» (1906), в Национальном музее в Риме — «Ростов Великий» (1909)

(см.: Соколовский В.В. Художественное наследие Николая Константиновича Рериха: Перечень произведений с 1885 по 1947 годы // Н.К.Рерих: Жизнь и творчество: Сборник статей / Под ред. М.Т.Кузьминой и др. М., 1978. С.259-304).

² Картина «Лесовики» (1916) ныне хранится в Донецком художественном музее. Картина «Дом духа» (1915) хранится в собрании Л.Г.Лойцанского (Санкт-Петербург).

³ См. прим. 6 к письму №49 о картине «Град обреченный».

⁴ В 1914 Рерих готовил панно «Покорение Казани» для Казанского вокзала в Москве. Вариант картины хранится в Государственной картинной галерее Армении в Ереване. Премьера пьесы Генриха Ибсена (1828-1906) «Пер Гюнт» (1867) с декорациями Рериха состоялась во МХТ 9 октября 1912. Большая часть эскизов декораций и костюмов ныне хранится в Музее МХАТ и в Государственном центральном театральном музее имени А.А.Бахрушина в Москве.

[ФИНЛЯНДИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НЕЗАВИСИМА...]

Печатается по незаконченной машинописной копии (слово «Копия» написано от руки А.И.Андреевой в начале статьи) в РАЛ MS.606/D.88. Датируется по содержанию либо концом февраля, либо второй половиной апреля 1919.

Во второй половине февраля 1919 на страницах русской прессы в Финляндии возникла дискуссия по вопросу о признании независимости Финляндии. (Общий обзор этого вопроса дается в III части вступительной статьи). Статья Андреева представляет собой отклик на эту дискуссию, в частности на статью Е.А.Ляцкого «Финляндская независимость и Россия» (Северная Жизнь. 1919. №45. 26 февраля. С.1-2). Дискуссия возобновилась в апреле 1919 после обнародования «Программы Русского политического совещания в Париже» (Русская Жизнь. 1919. №35. 12 апреля. С.3), которая не содержала ожидаемого обещания зависимости для Финляндии. В сопровождающей текст «Программы» передовице К.И.Арабажин (под псевдонимом «а.») обошел этот вопрос молчанием, но через несколько дней он высказался от собственного имени и от имени газеты за финляндскую независимость (Pro domo mea // Русская Жизнь. 1919. №39. 17 апреля. С.2), что привело к конфликту с Е.А.Ляцким, вскоре порвавшим с газетой. На финляндское общественное мнение произвело отрицательное впечатление интервью, взятое К.Ф.Тиандером у Н.Н.Юденича, который считал, что еще рано обсуждать вопрос о финляндской независимости, поскольку никто не имеет права говорить от имени всей России и ее будущего парламента и правительства (De finsk-ryska relationerna // Hufvudstadsbladet. 1919. №107. 18 april. S.6) (О всех затронутых в статье вопросах см. также: Холодковский В.М. Финляндия и Советская власть, 1918-1920. М., 1975).

¹ В Белоострове находилась большевистская пограничная станция и таможня на железной дороге из Петрограда в Выборг.

² См. III часть вступительной статьи о попытках Н.Н.Юденича получить разрешение организовать и обучать русские войска на финской территории. В феврале 1919 финляндское правительство разрешило русским добровольцам собираться и организоваться в пределах Финляндии с целью оказания помощи Эстонской республике. Поставили следующие условия: 1) собираться можно было только на территории города Экенес; 2) число одновременно собравшихся не должно было превысить 250 человек; 3) собираться можно было не больше, чем на одну неделю подряд. Носить оружие и устраивать военное обучение не разрешалось (Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi, 1917-1920, osa II. Porvoo-Helsinki, 1971. S.132-133; см. также статью: Русские в Финляндии // Русский Листок. 1919. №35. 14 февраля. С.2). Юденич был недоволен этими ограничениями и сообщил в интервью, взятом у него К.Ф.Тиандером, что он намерен воспользоваться возможностью дать обучение без оружия 250 военным, но не под Экенесом, а в более подходящем месте. Войска он собирался отправить не в Эстонию, а «туда, где их выступление в каждом данном случае будет считаться могущим служить наиболее действительным образом к низвержению большевиков» (Русская Белая Гвардия // Русский Листок. 1919. №39. 19 февраля. С.2). Однако оказалось невозможным осуществить эти планы Юденича.

³ Андреев, возможно, имеет в виду радионоту Г.В.Чичерина от 14 февраля 1919, начинавшуюся следующим протестом: «Совместно с белогвардейскими бандами, совершающими нападения на советские войска в районе Ямбурга, регулярные финские войска вторглись в Петербургскую губернию. Одновременно доходят до нас известия из достоверных источников о концентрации значительных вооруженных сил со стороны Финляндии на нашей границе. Серьезный характер этих действий, несомненно, не ускользнет от Финляндского Правительства, и Правительство Российской Советской Республики ожидает со стороны Финляндского Правительства исчерпывающих объяснений по этому поводу, выясняющих занимаемое им положение по отношению к Российской Советской Республике» (Документы внешней политики СССР. Т.2. М., 1958. С.70-71). В своем устном ответе на эту ноту финляндское правительство уверяло советское правительство в своих мирных намерениях и отказалось от ответственности за действия финляндских добровольческих дружин, служивших в Эстонии (Нота Советского Правительства Правительству Финляндии // Русский Листок. 1919. №43. 24 февраля. С.1; см. также: Polvinen T. Указ. соч. S.163-165; Холодковский В.М. Указ. соч. С.63). Стоит, однако, отметить, что лишь в следующей радинооте Чичерина от 14 апреля 1919 указывалось на деятельность белых войск в Финляндии: «Протестуя против явно оказываемого в Финляндии содействия контрреволюционным элементам, пытающимся из-за финляндской границы подготавливать новые попытки низвержения народного советского строя в России, несомненно обреченные на неудачу, Российское Советское Правительство недоумевает, какие причины побуждают Финлянд-

ское Правительство к оказанию поддержки враждебным по отношению к Российскому Правительству группировкам» (Документы внешней политики СССР. Указ. изд. С.125-126).

⁴ См. комментарий выше об отрицательном отношении ведущих представителей белого движения к вопросу о независимости Финляндии. Естественно, что это значительно уменьшило готовность финляндского правительства поощрять военные планы русских эмигрантов в Финляндии. Поскольку заявление Юденича о том, что русские в Финляндии не стремятся к повторному присоединению Финляндии к России (Русские добровольческие дружины в Финляндии // Русский Листок. 1919. №41. 20 февраля. С.2), было оглашено без согласия парижского Русского политического совещания, оно не имело убедительного политического веса. (Об этом см. также: Холодковский В.М. Указ. соч. С.99).

ИНТЕРВЬЮ С ЛЕОНИДОМ АНДРЕЕВЫМ (№1)

Печатается в сокращенном переводе с финского оригинала : Leonid Andrejewiä haastattelemassa // Helsingin Sanomat. 1919. №232. 29 elokuuta [августа]. С.5; с рисунком финского художника Рафаэля Ринделла (1886-1920) — см. иллюстрации. Интервью впервые опубликовано по-русски Б.Хеллманом в газете «Русская Мысль» (1985. №3601. 27 декабря. Литературное приложение №2. С.XII).

¹ См. письмо №71 по поводу предложения издать «Дневник Сатаны» в Швеции и плана самого Андреева издать свои новые произведения в США. «Дневник Сатаны» увидел свет впервые в США в 1920 в переводе на английский язык Г.Д.Бернштейна: «Satan's Diary / Translated with a preface by Herman Bernstein. New York, 1920. Первое издание на русском языке вышло в гельсингфорском издательстве «Библион» в 1921.

² См. статью [«Финляндия должна быть независима...»] на С.353 наст. изд.

ИНТЕРВЬЮ С ЛЕОНИДОМ АНДРЕЕВЫМ (№2)

Печатается в переводе с финского оригинала: Leonid Andrejevia haastattelemassa // Uusi Suomi. 1919. №197. 29 elokuuta [августа]. С.1-2 (с репродукцией фотографии из визы Андреева). Печаталось также в сокращенном виде по-русски (Леонид Андреев в Гельсингфорсе // Русская Жизнь. 1919. №150. 2 сентября. С.2) и по-шведски (Författaren Leonid Andrejev om det nya Ryssland // Hufvudstadsbladet. 1919. №236. 30 augusti. С.9).

¹ См. библиографию изданий «S.O.S.» и, об английском издании, прим. 4 к записи от 24 апреля 1919. Утверждение о миллионном тираже английского перевода статьи, по всей вероятности, преувеличено.

² См. Биографический справочник: АНДРЕЕВ А.Н. и конец записи от 16 июня 1919.

³ См., например, в гельсингфорской газете «Русская Жизнь» (1919. №139. 20 августа. С.3): «(Копенгаген, 17.VIII). В [датскую газету] "Politiken" телеграфируют из Берлина. По словам [немецкой социалистической газеты] "Vorwärts", Максим Горький будто бы арестован и расстрелян войсками известного коммуниста Петерса».

⁴ С 1897 по 1903 Андреев писал сначала судебную хронику, а потом многочисленные заметки, фельетоны и рецензии в московской газете «Курьер», литературной частью которой он заведовал с конца 1901 (см. ЛН72. С.127).

ЕВРОПА В ОПАСНОСТИ

Печатается по первой публикации в сб.: Скорбь земли русской: Сборник статей 1920 года [на обложке: 1919]. Нью-Йорк, 1920. С.5-16. В 1970-е годы вышло факсимильное переиздание сборника без указания нового издателя. Статья вошла и в сб. «Перед задачами времени» (С.190-204). Местонахождение авторской машинописи неизвестно.

В незаконченной статье «Европа в опасности» Андреев развивал основную мысль статьи «Во имя революции» (Русская Воля. 1917. №221. 17 сентября. С.2-3) о «смертельной борьбе между Революцией, которая слабо обороняется, и Бунтом, который яростно нападает».

¹ Гармодий и Аристокитон убили сына афинского тирана Писистрата в 514 г. до н.э.

² См. прим. 10 к записи от 3 августа 1918. Судя по газетам того периода, когда встречали на Финляндском вокзале в Петрограде возвращающихся в Россию политических эмигрантов, духовой оркестр неизменно играл «Марсельезу».

³ См. прим. 12 к записи от 3 августа 1918.

⁴ См. прим. 6 и 8 к письму №4.

⁵ См. прим. 3 к записи от 1 ноября 1917.

⁶ См. прим. 5 к записи от 3 мая 1918.

⁷ См. прим. 4 к записи от 19 мая 1918.

⁸ Прим. ред. сб. «Скорбь земли русской»: «Последней главы великий писатель не успел написать, так как 12 сентября 1919 г. он внезапно скончался».

ПРИМЕЧАНИЯ К ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ АНДРЕЕВА

В этот отдел входят только те воспоминания современников Андреева, которые относятся к последним двум годам его жизни, периоду, охваченному публикуемыми в настоящем издании дневником, письмами, статьями и интервью. Не включены многочисленные некрологи и «поминальные» статьи, содержащие разного рода попытки подводить «итоги творчества» писателя, которые появились после его смерти, как в эмигрантской прессе, так и в советской. Воспоминания печатаются по указанному в комментариях печатным и архивным источникам.

1. Эльве [Л.М.Василевский]. К юбилею Леонида Андреева // Русский Голос (Гельсингфорс). 1918. №27. 12 апреля. С.3. (Также: 1918. №28. 15 апреля. С.4).

¹ Т.е. Ваммельсуу.

² См. прим. 2 к записи от 16 апреля 1918 по поводу первой публикации рассказа «Баргамот и Гараська».

³ Василевский имеет в виду опубликованные в «Русской Воле» после Февральской революции статьи «Гибель» (30 апреля 1917), «И снова рыцари на час» (14 мая 1917), «К тебе, солдат!» (14 июля 1917) и др. (См. прим. 3 к записи от 27 февраля 1918).

2. С.Животовский. На похоронах Леонида Андреева // Русская Жизнь (Гельсингфорс). 1919. №165. С.2.

¹ См. запись от 8 января 1919.

² Хотя отец Андреева был незаконнорожденным сыном помещика и крестьянки, он получил образование и официально числился мещанином, каковыми были, следовательно, и его дети.

³ См. записи от 8 и 10 сентября 1919.

⁴ Ср. в первом действии пьесы Андреева «Профессор Сторицын» (1913): «*Сторицын.* /.../ Это пустяки, когда человек заявляет: у меня некрасивое лицо, у меня безобразный нос. Каждый человек — вы слушаете? — должен и может иметь красивое лицо.

Людмила Павловна. Как у вас?

Сторицын. Я вам очень благодарен, что вы мое лицо считаете красивым: я сам его сделал таким» (Т.8. С.253-254).

⁵ См. прим. 1 к записи от 29 мая 1918.

⁶ Рисунок работы финского художника и часовщика Юхо Иконена (1889-1974) был опубликован в гельсингфорсской газете «Русская Жизнь» (1919. №189. 17 октября. С.3). Два рисунка работы проживающего в Финляндии польского художника Владимира Щепанского (род. 1895) были

подарены А.И.Андреевой; хранятся в семейном архиве Андреевых (№512) и в РАЛ MS.606/G.1.vii.g (№513) (см. иллюстрации).

⁷ Вера Андреева пишет о снятии маски в «Доме на Черной Речке» (С.115-116). В 1922 Ф.Н. и Е.Н.Фальковские взяли маску, снятую не оставившим биографических следов скульптором Баумштейном, и другие андреевские реликвии с собой в Петроград и передали их Р.Н.Андреевой, которая занималась наследием брата в Советской России (см. два письма А.П.Горбик к А.И.Андреевой от [1924] в РАЛ MS.606/G.11.xiii*). Дальнейшая судьба маски неизвестна.

⁸ Премьера фильма «Под иггом большевизма», снятого группой Г.А.Кроля в Уусикиркко по сценарию С.В.Животовского, состоялась в Гельсингфорсе 26 октября 1919.

⁹ В 1924 А.И.Андреева с сыном Саввой перевезли гроб Андреева на кладбище Картавцева в с.Мецякюля недалеко от дома в Ваммельсуу. В конце 1930-х стараниями местных русских деревянный крест был заменен каменным памятником (см. материалы из «Журнала Содружества» на С.412 наст. изд.). В 1944 Карельский перешеек завоевала Советская армия, а в 1956 прах Андреева был перевезен в Ленинград на Литераторские мостки Волкова кладбища (см. иллюстрации).

¹⁰ В ЛН72 (С.364) воспроизведена фотография дачи А.П.Горбик в Нейволе, где Горький жил в 1914-1916 и во дворе которой стояла часовня, где хранился гроб Андреева до 1924 (см. иллюстрации).

3. П.О. [С.В.Животовский] У гроба Леонида Андреева // Свобода России (Ревель). 1919. №3. 20 сентября. С.2.

Этот второй вариант воспоминаний С.В.Животовского перепечатывался в сокращенном виде и с незначительными разночтениями в гельсингфорсской газете «Русская Жизнь» (Последние дни Л.Андреева. 1919. №174. 30 сентября. С.2).

На одной странице газеты «Свобода России» с воспоминаниями С.В.Животовского под общей рубрикой «✠ Памяти Леонида Андреева» печаталась заметка «Панихида по Леониде Андрееве» по поводу состоявшейся 18 сентября 1919 в Соборе имени Св. Александра Невского панихиде по Леониду Андрееву, на которой «присутствовали члены Сев[еро]-Зап[адного] Правительства и многие представители местной русской колонии».

¹ Ср.: «Ночью, обманув внимание, которым она была окружена, бабушка пыталась повеситься на длинном шелковом шарфе. Тетя Наташа успела ножницами разрезать петлю — бабушка была уже без сознания» (Детство. С.267).

4. Мария Иорданская. Эмиграция и смерть Леонида Андреева. (Воспоминания) // Родная земля (Нью-Йорк). 1920. №1. С.44-63.

Воспоминания Иорданской впервые опубликованы (в несколько расширенном виде) в газете «Голос России» (1920. №111, 122, 128 и 134,

23 мая, 6, 13 и 20 июня. С.2-3 в каждом номере). Редакция «Родной земли» публиковалась в журн. «Всемирное слово» (1993. №4/5. С.47-52, публикация Л.А.Иезуитовой). Воспоминания Иорданской вышли также во французском переводе в журнале В.Л.Бурцева «La Cause commune»: Les derniers jours de Leonide Andreieff (1920. №100. 12 juin. P.2-3); L'exit et la mort de Leonide Andreieff (1920. №103. 3 juillet. P.2-3). Г.Д.Бернштейн приводит отрывок из воспоминаний Иорданской о похоронах Андреева в переводе на английский язык в предисловии к американскому изданию «Дневника Сатаны»: Andreyev L. Satan's Diary / Authorised translation with a preface by Herman Bernstein. New York, 1920. P.XV-XVII.

¹ Р.Н.Андреева.

² Андреев был арестован за предоставление своей квартиры в Москве для заседания ЦК РСДРП и сидел в Таганской тюрьме с 10 по 25 февраля 1905 (см.: Афонин Л.Н. Письма из Таганской тюрьмы // Звезда. 1971. №8. С.168-183). Брат Андреева, Павел Николаевич, в своих воспоминаниях пишет о событиях, приведших к отъезду Андреева за границу осенью 1905: «В эти тяжелые месяцы реакции, когда черносотенцы избивали интеллигенцию и студентов, Леонид значился в их списках. Пришлось организовать дома охрану из моих товарищей по Строгановскому училищу живописи и добровольцев студентов. Это были тревожные и мрачные дни и ночи в жизни его, когда каждую минуту он ждал беспощадной и бессмысленной расправы над собой; когда мщение, злоба и ненависть разлились по всему городу и давили мозг, сердце, в то же время заставляя чутко прислушиваться к малейшему шуму и крику на улице. /.../ Под таким тревожным настроением Леонид прожил более трех недель и, наконец, уехал за границу» (Андреев П.Н. Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль. 1925. №3. С.204). Сам Андреев в письме к К.П.Пятницкому от [24 октября 1905] писал: «И через участок, и другим путем (толпа, собирающаяся ночью у двери и выражающая желание "убить с[во]лочь" и т.п.) я получаю предостережения и уже два раза должен был перекочевывать с семьей на разные квартиры» (Из писем Леонида Андреева — К.П.Пятницкому / Публ. В.Н.Чувакова // Вопросы литературы. 1971. №8. С.169). Андреев пробыл за границей (Германия, Швейцария, Италия) с ноября 1905 по май 1907 за исключением краткого пребывания в Финляндии в мае-июле 1906.

³ Статья «К тебе, солдат!» распространялась помимо первой публикации в газете «Русская Воля» (1917. №165. 14 июля. С.2) и в виде листовки, выпущенной той же «Русской Волей» (РАЛ MS.606/D.71.iii.,iv*), и в виде перепечаток, например, в кронштадтской газете «Труд и Земля» (1917. №72. 19 июля. С.3) и в кн.: «К тебе, солдат!» и другие очерки для солдатских чтений. Иркутск, 1917. О широком резонансе статьи можно судить по письмам в редакцию «Русской Воли», опубликованным в № от 15, 26 и 28 июля и 4 августа 1917.

⁴ Прим. редакции «Родной Земли»: М.К.Иорданская была издательницей журнала «Современный Мир».

⁵ «Мысль» была опубликована в журнале «Мир Божий» (1902. №7), который с 1906 выходил под названием «Современный Мир». В переименованном журнале Андреев напечатал рассказы «Великан» (1908. №1), «День гнева» (1910. №12), «Он» (1913. №1) и «Полет» (1914. №1), пьесу «Любовь к ближнему» (1908. №11) и статью «О "Двух душах" М. Горького» (1916. №1). В 1915 предложили Андрееву стать членом редакции «Современного Мира», но в 1916 вследствие недоброжелательного отношения Н.И.Иорданского к еще не начавшей выходить «Русской Воле» Андреев совсем вышел из состава сотрудников журнала и напечатал по этому поводу статью «К моему отказу от сотрудничества в "Современном Мире"» (Русская Воля. 1917. №42. 12 февраля. С.3).

⁶ Выход «Современного Мира» оборвался после №1 за январь 1918.

⁷ Г.В.Плеханов напечатал в «Современном Мире» статьи «О войне» (1915. №1), «Еще о войне» (1915. №7-8), «Две линии» (1915. №12) и «Интернационализм и защита Отечества» (1916. №5-6).

⁸ Лозунг большевиков в 1917.

⁹ Прим. редакции «Родной Земли»: Финн, командовавший южным фронтом во время красного восстания в Финляндии. (См. Биографический справочник).

¹⁰ Прим. редакции «Родной Земли»: Жена Л[еонида] Н[иколаевича].

¹¹ Прим. редакции «Родной Земли»: Мать Л[еонида] Н[иколаевича].

¹² «Всемирная литература».

¹³ Речь идет о литературном кружке «Среда» (см. прим. 6 к записи от 29 апреля 1918).

¹⁴ Не удалось установить, какие интервью Андреев имеет в виду.

¹⁵ Даниил Андреев, Е.М.Доброва, Р.Н.Андреева, Лев и Леонид Алексеевские, Галина Оль, Кирилл Верещагин и П.Н. и А.Н.Андреевы.

¹⁶ См. воспоминания И.В.Гессена на с.396 наст. изд.

¹⁷ Ср. письмо №85 и прим. 5 к нему.

¹⁸ См. запись от 8 января 1919.

¹⁹ См. прим. 1 к записи от 12 сентября 1918.

²⁰ Прим. редакции «Родной Земли»: Речь идет о знаменитой статье Л[еонида] Н[иколаевича] «Спасите!».

²¹ Ср. запись от 4 марта 1919.

²² Ср. письмо №69 и предисловие к публикации писем к Милюкову в альманахе «Минувшее». 1991. №4. С.343-345.

²³ Эта часть воспоминаний М.К.Иорданской относится, судя по ее содержанию, не к концу, а к середине августа 1919, т.е. к четырехдневному пребыванию Андреева в Тюрисеве перед его последней поездкой в Гельсингфорс, к которой Андреев лишь готовится в конце III части (см. запись от 8 сентября 1919).

²⁴ См. записи от 13 июня 1919 и сл.

²⁵ Ср. запись от 16 сентября 1918.

²⁶ Прошение Андреева не разыскано в финских архивах.

²⁷ См. прим. 1 к письму №86.

²⁸ См. записи от 16 и 17 июня 1919.

²⁹ Речь идет о статьях Г.А.Алексинского в газете «Общее Дело»: «Большевицкий режим и пролетариат» (1919. №51. 10 июля. С.1; статья написана 2 июля 1919 в Копенгагене); «Новый военный фронт» (1919. №52. 30 июля. С.3); «Новый политический фронт» (1919. №53. 12 августа. С.3).

³⁰ Ср. запись от 10 сентября 1919.

³¹ В РАЛ MS.606/G.I.xi.a** хранится «Свидетельство о смерти» Андреева: «Сим удостоверяю, что Леонид Николаевич Андреев скончался от паралича сердца 12-го сентября 1919 года в 6 часов вечера в Неволя дача Фальковского близ станции Мустиамяки. Доктор медицины А.Пилацкий 12 сентября 1919». (Можно предположить, что подписавший свидетельство — состоявший при санитарной части Управления Отдельного корпуса пограничной стражи в Петрограде А.К.Пилацкий).

³² Ср. запись от 9 сентября 1919.

³³ А.Н.Андреева.

³⁴ За доктором ехал на велосипеде Вадим Андреев (см.: Детство. С.265-266).

³⁵ Ср. запись от 13 апреля 1918. В РАЛ MS.606/E.14.i хранится этот отдельный лист с машинописным текстом записи и с датой следующей записи, намеченной к перепечатке (18 апреля 1918) (см. иллюстрации).

³⁶ А.П.Горбик.

³⁷ См. прим. 9 к воспоминаниям С.В.Животовского.

5. Ф.Фальковский. О них должно быть сказано все // Рассвет (Гельсингфорс), 1920. №31. 9 февраля. С.2; 1920. №32. 10 февраля. С.2.

¹ Имеются в виду, по всей вероятности, последствия провала наступления Северо-западной армии на Петроград в октябре-ноябре 1919: отступление в Эстонию, разоружение и интернирование.

² В июле-августе 1919 Андреев провел три недели в имении С.Л.Гуревича в Тервусе (см. запись от 8 сентября 1919).

³ Предположительно Г.А.Блох и его семья.

⁴ См. прим. 10 к письму №78.

⁵ Возможно, что речь идет об А.В.Карташеве.

⁶ См. прим. 2 к записи от 24 декабря 1918.

⁷ См.: От редакции // Русская Воля. 1917. №71. 20 апреля. С.2: «Уже давно в среде сотрудников "Русской Воли" зародилось недовольство

по отношению к тем формам, в какие отливалась газета. Отсутствие в редакционной работе правильно проводимого коллегиального начала /.../, ряд ошибок и временами совершенно недопустимый тон, принятый газетой /.../ Постепенно нарастая, недовольство сотрудников приняло весьма резкую форму и фактом ухода отдельных лиц грозило распадением дела; в результате, после ряда частных совещаний, общее собрание сотрудников, в заседании 13-го апреля, приняло уже известную резолюцию, в которой признало необходимым немедленное введение выборного и коллегиального начала, каковое и было в известной степени осуществлено избранием редактора Л.Н.Андреева и соредакторов проф. Н.А.Гредескула и проф. М.И.Боголепова, заменивших собою прежнюю редакцию, в лице А.В.Амфитеатрова и М.М.Горелова».

⁸ См. прим. 3 к воспоминаниям М.К.Иорданской.

⁹ Хотя некоторые моменты в пьесе «Царь-голод» (1908) могли бы подать Фальковскому повод истолковать ее как пророчество большевизма, он, может быть, путает «Царь-голод» с «Черными масками» (см. конец записи от 20 августа 1918 и прим. 7 к ней).

¹⁰ Т.е. 10 дней (ср. запись от 8 сентября 1919).

6. Н.Рерих. Памяти Леонида Андреева // Родная Земля (Нью-Йорк). 1921. №2. С.37-41.

¹ По пути из Сердоболя в Стокгольм, где состоялась выставка его работ, Н.К.Рерих остановился в Гельсингфорсе. В интервью, взятом у него редактором газеты «Русский Листок», К.И.Арабажиным, читаем: «Рерих перед отъездом был у Андреева, провел у него много времени и был очарован. — Он похудел, но лицо сделалось еще утонченнее, еще более вдумчивым и проникновенным. Оно озарено какой-то высшей, духовной красотой, и держит он себя как-то особенно хорошо и достойно в эти дни великой скорби России...» (1918. №128. 2 ноября. С.1-2).

² Ср. письмо №88.

³ В первой публикации воспоминаний Н.К.Рериха в сборнике «Родная Земля» здесь приведены большие выдержки из писем №78 и 83.

7. Н.К.Рерих. Листы дневника.

Публикуется по машинописной копии, присланной С.Н.Рерихом из Индии в 1980. С рядом разночтений, большей частью незначительного характера, и с пропуском последних четырех предложений со слов «Не уберегли Леонида», датированный 1937 годом, текст вошел в издание: Рерих Н.К. Из литературного наследия / Под ред. М.Т.Кузьминой. М., 1974. С.106-107.

¹ Вечер в память Андреева состоялся 19 сентября 1919 в помещении «Essex Hall».

² См. Kaun. P.35.

³ С.С.Голоушев.

⁴ «Русская Воля».

8. И.Г. [И.В.Гессен]. Из частной переписки: последние дни Леонида Андреева // Архив русской революции (Берлин). Т.1. Изд. 2-е. 1922. С.309-311.

¹ О расположенном недалеко от Ваммельсуу в Териоках карантине см. воспоминания И.В.Гессена «Годы изгнания: жизненный отчет» (Париж, 1979. С.1-3): «Карантин учрежден был не для профилактики /.../, а в качестве чистилища, в целях дополнительной проверки политической благонадежности /.../ Сам по себе карантин не представлял ничего неприятного, напротив, убаюкивал разными уже забытыми утехами: для жилья отводилась какая-нибудь из многочисленных опустевших дач, принадлежащих петербуржцам, около которой заготовлены были дрова, и веселое горение их с потрескиванием в огромных печах ласкало глаз и слух. Еще больше прельщала белая булка, кофе с сахаром в неограниченном количестве и нетерпеливо ожидаемый днем судок, из которого вырывался ароматный пар. Нет, кажется, ни одного мемуариста, который не вспомнил бы — то со стыдом, то с самозабвенным восторгом — об ошеломляющем впечатлении, какое производил резкий переход от петербургского голодного рациона к нормальному режиму. Но все это было ничто в сравнении с головокружительным ощущением легкости, чисто детской беззаботности, с какой вечером укладывался в постель — совсем не просто было проникнуться уверенностью, что волшебная зимняя тишина не будет грубо прорезана автомобильным гудком и мотором, и почувствовать под собой уютчивость, — вероятно, так чувствуют себя на войне вырвавшиеся из зоны артиллерийского обстрела».

² См. запись от 27 июля 1918.

³ Андреев еще находился в Петрограде в дни большевистского переворота (см. запись от 25 октября 1917) и потом переехал не в Тюрисево, а в собственный дом в Ваммельсуу.

⁴ По конец февраля 1918 в Гельсингфорсе выходили газеты «Русский Листок» и «Северная Жизнь», которые потом слились в начавшую выходить 2 марта 1919 газету «Русская Жизнь».

⁵ Неясно, о какой «газетной работе» Гессена весной 1919 идет речь. Гессен не входил в редколлегию гельсингфорсской газеты «Русская Жизнь» и не печатался в ней. Лишь в конце лета 1919 он начал выпускать издаваемые на правах рукописи «Политические и экономические известия по русским и иностранным газетам». Возможно, Гессен подразумевал под «газетной работой» заведование информационным бюро Политического Сопровождения при генерале Юдениче, которое было поручено ему на короткое время весной—летом 1919.

⁶ В конце публикации воспоминаний И.В.Гессена в «Архиве русской революции» приведено письмо №62.

⁷ Андреев приехал в Гельсингфорс 23 августа 1919, провел там 10 дней и вернулся в Тюрисево 3 сентября (см. письма № 79, 81, 83 и запись от 8 сентября 1919).

⁸ Г.Д.Бернштейн (см. письма №71, 89). Бернштейн упомянул телеграмму, полученную от Андреева, в своем письме в редакцию газеты «The New York Times» (см. комментарий к письму №71).

⁹ В РАЛ MS.606/G.11.xvii** хранится текст телеграммы А.И.Андреевой к Гессену на французском языке: «Hessen Brunnsarkelle [т.е. Brunnsarkesallén], 9, Riviera Helsingfors. Leonid Andrejeff subitement mort le coeur cassé 12 septembre 6 heur soir. Anna Andrejeff». На основании этой телеграммы Гессен поместил на первой странице издаваемого им бюллетеня (см. выше прим. 5) траурное объявление: «Леонид Андреев умер от разрыва сердца в Мустамяках 12 сентября 6 часов вечера»; а на четвертой (последней) странице поместил краткое сообщение: «ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ АНДРЕЕВ последнее время жил на даче недалеко от Териок. Во время последнего налета большевистских аэропланов бомбы были брошены вблизи его дома. Судя по письмам Леонида Николаевича, эта бомбардировка и постоянная стрельба у Кронштадта и на форте Ино, слышная на даче, производила сильное впечатление на чуткого писателя. Он переселился в Мустамяки впредь до отъезда в Америку, куда он собирался для пропаганды антибольшевизма, но сердце не выдержало» (1919. №36. 13 сентября).

¹⁰ Ф.Н.Фальковский.

¹¹ Имеется в виду, возможно, незаконченная статья Андреева «Европа в опасности» (см. С.360 наст. изд.).

9. Л.В. [Л.М.Василевский]. Памятная встреча с Л.Андреевым // Утренники (Петроград). 1922. №2. С.105-107.

Примечания к перенесенным Василевским из статьи 1918 (см. выше №1) местам не повторяются здесь.

¹ См. Биографический справочник: ЦЕТЛИН Н.С.

² А.И.Андреева переименовала имя Матильда на Анну, когда она вышла замуж за Андреева в 1908.

³ Ср. запись от 1 июня 1918.

⁴ См. прим. 4 к записи от 24 апреля 1918 и запись от 14 мая 1918. Надо отметить, что здесь, как и во многих местах в обоих вариантах своих воспоминаний, Василевский произвольно нарушает хронологию, переставляя и путая события.

⁵ Вадим Андреев.

⁶ См. прим. 1 к записи от 18 апреля 1918. Однако ко времени приезда Василевского к Андрееву (около 8 апреля 1918) немецкие войска еще не вошли в Гельсингфорс. Эспланада (Esplanaden/Esplanadi) — главный бульвар Гельсингфорса. «Die Wacht am Rhein» («Каравул на Рейне», 1854)

— песня немецкого композитора Карла Вильгельма (1815-1873) на слова Макса Шнекенбургера (1810-1849), которая стала всенародно популярной в Германии во время немецко-французской войны 1870 и была одной из любимейших песен немецких войск.

⁷ «Hufvudstadsbladet», буржуазно-либеральная газета, выходящая в Гельсингфорсе на шведском языке.

⁸ Länsmän (*швед.*) — полицеймейстер.

⁹ Речь идет о принятом финляндским правительством в апреле 1918 решении выслать русских из Финляндии (см. прим. 2 к записи от 4 мая 1918). В этой связи консервативная гельсингфорсская газета «Uusi Päivä» напечатала статью «О высылке русских» (Venäläisten poislähettäminen. 1918. №46. 14 toukokuuta [мая]. S.4) в поддержку правительственного решения, но с предложением не распространять эту меру на проживающих в Финляндии ученых и художников («работников международной цивилизации»), которые не были причастны к русификации Финляндии до 1917 и не представляли собой никакой политической опасности для Финляндии. В качестве примера упоминался И.Е.Репин. Василевский отозвался об этой статье в газете «Русский Вестник» — «Только Репину можно» (1918. №24. С.2) и заметил: «/.../ было бы любопытно видеть картину выселения и не "амнистируемого" цитируемой выше газетой Леонида Андреева, более десяти лет творящего в своем уголке в уединении Райволы». Хотя тон газеты «Uusi Päivä» был действительно очень груб, газета «Hufvudstadsbladet» и другие гельсингфорские газеты относились гораздо более спокойно к этому вопросу и не печатали статей упомянутого Василевским типа.

¹⁰ Ганс-Гейнц Эверс (1871-1943) — немецкий писатель, автор книги «Ужасы: Необычайные истории» (СПб., 1911; оригинал: Das Grauen: Selt-same Geschichten. München, 1907). Василевский приводит часть эпитафии к первому рассказу в сборнике «Die Tomatensauce» и эпитафии к рассказам «Die Herren Juristen» и «Die Wasserleiche».

10. Ф.Фальковский. Предсмертная трагедия Леонида Андреева (Из воспоминаний) // Прожектор (Москва). 1923. №16. С.27-30.

Выдержки из воспоминаний Фальковского приведены в ЛН72. С.594-597. Сравнение воспоминаний Фальковского, опубликованных в 1920 (см. С.388 наст. изд.), с воспоминаниями 1923 показывает, как быстро и сильно на него повлияла «смена веж».

¹ В 1910-1914 Андреев ездил в Италию 3 раза.

² В сохранившихся чековых книжках Андреева имеются записи о суммах, выплаченных страховому обществу «Саламандра» в 1910, 1913 и 1916. (ПАЛ MS.606/G.1.iv.c*).

³ Ср. о финансовых условиях своей работы в будущей «Русской Воле» в письме Андреева к брату Андрею от 24 июня 1916: «Договор: на пять лет, жалованье за заведывание [отделами беллетристики, критики и те-

атра] и статьи 36000 в год (36 тысяч), за беллетристику 1500 рублей с листа, причем обязаны печатать все, что даю; стотысячные неустойки. Одним словом, без усилия я могу выработать в газете до 45-50 тысяч. Такое финансовое великопение, какого мне и во сне не снилось!» (Русский Современник. С.148).

⁴ См. прим. 1 к записи от 31 декабря 1916.

⁵ См. прим.1 к записи от 1 ноября 1917. В своих воспоминаниях Ф.Н.Фальковский говорит о Райволе вместо Ваммельсуу.

⁶ Андреев поселился в своем доме в Ваммельсуу в 1908.

⁷ И.Е.Репин купил участок земли в Куоккале с домом, который назвал «Пенаты», в 1899.

⁸ См. прим. 29 к воспоминаниям М.К.Иорданской.

⁹ Ср. записи от 16 и 17 июня 1919 и письмо №63.

¹⁰ См. запись от 4 марта 1919. Нет оснований думать, что В.П.Троцкая-Сенютович сыграла приписываемую ей Фальковским решающую роль в финансировании публикации «S.O.S.».

¹¹ Ср. запись от 13 мая 1919 об именинах Андреева 29 апреля 1919.

¹² Единственными прижизненными выступлениями Андреева в зарубежной русской прессе были статьи «Держава Рериха» и «S.O.S.».

¹³ Возможно, М.А.Вальтер.

¹⁴ Ср. записи от 13, 16, 17 и 24 июня 1919.

¹⁵ Т.е. 10 дней (см. прим. 7 к воспоминаниям И.В.Гессена).

¹⁶ Андреев вернулся из Гельсингфорса 3 сентября 1919 и умер уже 12 сентября.

¹⁷ Андрееву исполнилось 48 лет 21 августа 1919 (хотя он, очевидно, ошибочно считал 22 августа своим днем рождения по новому стилю, см. запись от 22 августа 1918), т.е. *перед* отъездом через Выборг в Гельсингфорс, а не после поездки.

¹⁸ Ср. воспоминания М.К.Иорданской на С.375 наст. изд., где речь идет о сумме в 100 марок.

¹⁹ Возможно, что речь идет о С.Л.Гуревиче.

²⁰ Часть записей за апрель—июнь 1918 была опубликована в «Русском Сборнике» (1920. С.149-168).

11. Л.Линдеберг. Забытая могила // Журнал Содружества (Выборг). 1933. №8. С.28-29.

12. Редакция «Журнала Содружества» [Могила Леонида Андреева] // Журнал Содружества (Выборг). 1934. №9. С.35.

¹ После смерти писательницы Марии Картавцевой (урожд. Крестовская, 1862-1910) ее муж построил церковь в Мецякюля и воздвиг над ее

могилой ставший известным под названием «Могила любви» памятник в виде статуи молодой женщины, сидящей на камне.

² Сбор пожертвований был закрыт 31 августа 1935. Единственным «именитым» человеком, откликнувшимся на призыв «Содружества», был Б.К.Зайцев (см. список в «Журнале Содружества». 1935. №9. С.40). О судьбе могилы Андреева см. прим. 9 к статье С.В.Животовского «На похоронах Леонида Андреева» (№2).

Annex

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

АВКСЕНТЬЕВ Николай Дмитриевич (1878-1943, Нью-Йорк). Правый эсер. Член ЦК эсеров. В июле — августе 1917 министр внутренних дел во Временном правительстве. В октябре 1917 председатель Предпарламента. В 1918 председатель антибольшевистской Уфимской дирекции.

АЗЕФ Евно Фишелевич (1869-1918, Берлин). Эсер, провокатор. Азеф организовал ряд крупных террористических актов и одновременно выдавал эсеров полиции. В 1908 разоблачен В.Л.Бурцевым.

АЛЕКСАНДРОВ К.А. Петроградский мировой судья, член Петроградского областного союза городов, член Северо-западного правительства.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ Аркадий Павлович (1871-1943, Казань). Журналист. Гражданский муж Р.Н.Андреевой, отец Льва и Леонида Алексеевских. Редактор газеты «Утро России». Впоследствии работник Рабркина в Нижнем Новгороде и Казани и заместитель председателя Госплана Татарской АССР (Подробнее о нем см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. С.178-192).

АЛЕКСЕЕВСКИЙ Лев Аркадьевич (1902-1951, умер в заключении?). Старший сын Р.Н.Андреевой от гражданского брака с А.П.Алексеевским. Флотский инженер-механик.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ (Андреев) Леонид Аркадьевич (1903-1974, Ленинград). Младший сын Р.Н.Андреевой от гражданского брака с А.П.Алексеевским. Инженер. Автор воспоминаний «На даче у Леонида Андреева» (Андреевский сборник. С.243-254).

АЛЕКСИНСКИЙ Григорий Алексеевич (1879-1967, Париж). Революционер, впоследствии христианский социалист, публицист, историк. Депутат 2-й Государственной думы, сотрудник социал-демократической прессы. Разрыв с Лениным назревал уже с конца 1900-х (отношения думской фракции с ЦК, экспроприации и др.). В эмиграции один из основателей группы «Вперед» (1909). Во время Первой мировой войны занял оборонческую позицию, основал в Париже журнал «Россия и Свобода», который потом слился с журналом «Призыв», из состава сотрудников которого он вышел после того, как стал сотрудником «Русской Воли». В Россию вернулся после Февральской революции, вошел в организацию «Единство», редактор одноименного журнала. Уже с ноября 1914 Алексинский утверждал, что Ленин и другие получали деньги от немецкого правительства, и в июле 1917 он опубликовал разоблачение Ленина в газете «Живое Слово», что сыграло роль в уходе Ленина в подполье после «июльских дней». В конце апреля 1918 арестован после выступления на митинге с речью, «оскорбляющей Ле-

нина», в Таганской тюрьме объявил голодовку, болел сыпным тифом, освобожден в январе 1919 после протестов рабочих союзов. В июне 1919 бежал из Советской России (перешел фронт в районе Пскова) и вернулся в Париж через Копенгаген. Впоследствии член константинопольского Русского совета при П.Н.Врангеле (1878-1928, Брюссель) и представитель Русского совета в Париже.

АМФИТЕАТРОВ Александр Валентинович (1862-1938, Леванто, Италия). Журналист и писатель, соредактор с Андреевым литературного отдела «Русской Воли», редактор газеты «Вольность».

АНДРЕЕВ Андрей Николаевич (1885-1920, Ново-Николаевск?). Младший брат Андреева. Писатель и журналист (псевд. А.Болховской). А.Н.Андреев провоявал всю войну 1914-1918. Он служил вольноопределяющимся унтер-офицером в 9-м Финляндском полку, сначала в Пруссии затем в Галиции. Андреев придавал переписке с братом большое значение и печатал отрывки из его писем в журнале «Отечество» (С войны: Письма участников, дневник в письмах. 1914. №3, 5; 1915. №1, 4) и в «Русской Воле» (Письма с фронта. 1917. №115, 16 мая; Из писем офицера. 1917. №161. 6 июля). После двухмесячного пребывания в Вамельсуу в декабре 1917 — январе 1918 А.Н.Андреев вернулся в Россию. С ним встречалась во Владимирской губернии В.Е.Беклемишева, из воспоминаний которой узнаем, что «весною 1918 года он уехал на Волгу» (Реквием. С.224). К осени 1918 А.Н.Андреев «за Казанью» (запись от 10 сентября 1918), а 9 июня 1919 Андреев получает телеграмму от брата из Омска (см. запись от 16 июня 1919 и письмо №62). В.Е.Беклемишева сообщает дальше: «В 1920 году я получила от него случайное письмо из Ново-Николаевска. Он писал, что находится в тюрьме и ждет смерти» (Реквием. С.224). Надо полагать, что А.Н.Андреев отступил на восток вместе с распавшейся армией Колчака. Автор воспоминаний об Андрееве (Единая Россия. [1919]; Красная новь. 1926. №9. С.203-223).

АНДРЕЕВ Вадим Леонидович (1902-1976, Женева). Старший сын Андреева, от первого брака с Александрой Михайловной. Поэт, писатель. Юношеские стихи впервые появились в печати в гельсингфорской газете «Русская Жизнь» вскоре после смерти Андреева (1919. №189, 213 от 17 октября и 14 ноября). Участвовал в литературной жизни Берлина и Парижа, автор 5 сборников стихотворений (1924, 1928, 1932, 1950 и — посмертно — 1977), автобиографических повестей «Повесть об отце» (Русские Записки. 1938. Май—декабрь, в расширенном, но подцензурном виде: Детство: Повесть. М., 1963 и 1966), «История одного путешествия» и «Возвращение в жизнь» (М., 1974); и автобиографического романа «Дикое поле» (М., 1967). После Второй мировой войны принял советское гражданство и работал в издательском отделе ООН в Нью-Йорке и Женеве.

АНДРЕЕВ Валентин Леонидович (1912-1988, Антиб, Франция). Младший сын Андреева, от второго брака с Анной Ильиничной. В молодости балетный танцор и чернорабочий в Париже, после Второй мировой войны служащий международных организаций во Франции, картограф

- и технический рисовальщик, технический переводчик. Художник и портретист. Автор воспоминаний «Что помню об отце» (Андреевский сборник. С.233-242).
- АНДРЕЕВ Всеволод Николаевич** (1873-1916, Москва). Брат Андреева, муж Н.М.Андреевой. Служащий Московского окружного суда. Скончался после тяжелого нервного заболевания.
- АНДРЕЕВ Даниил Леонидович** (1906-1959, Москва). Второй сын Андреева, от первого брака с Александрой Михайловной. Поэт, философ. Детство и юность провел в Москве в семье Добровых (см. ниже), единственный из детей Андреева, который остался в России после 1917. Окончил московские Высшие литературные курсы и работал художником-шрифтовиком. Соавтор (с С.Н.Матвеевым) книги: Замечательные исследователи горной Средней Азии. М., 1946. Участник Второй мировой войны и после войны узник Лубянки и Лефортовской и Владимирской тюрем, освобожден в 1957. В 1975 вышел сборник «Ранью зарево: Стихи» (М.), с значительно искаженными текстами, но большой резонанс имели произведения, долгие годы известные в самиздате, а ныне посмертно изданные: Русские боги: Стихотворения и поэмы. М., 1989; Железная мистерия: Поэма. М., 1990; Роза мира: Метафилософия истории. М., 1991. Ожидается выход и других книг.
- АНДРЕЕВ Николай Иванович** (1847-1889). Отец Андреева.
- АНДРЕЕВ Павел Николаевич** (1878-1923, Петроград). Брат Андреева. Художник, учитель рисования. Автор воспоминаний о молодых годах Андреева (Литературная мысль. 1925. №3. С.140-205).
- АНДРЕЕВ Савва Леонидович** (1909-1970, Буэнос-Айрес). Третий сын Андреева, старший от брака с Анной Ильиничной. Талантливый художник, учился у И.Е.Репина и его сына, Юрия (1877-1954, Хельсинки), впоследствии артист балета.
- АНДРЕЕВА** (урожд. Велигорская) **Александра Михайловна** (1881-1906, Берлин). Первая жена Андреева (1902), мать Вадима и Даниила.
- АНДРЕЕВА** (урожд. Пацковская) **Анастасия Николаевна** (1851-1920, Ваммельсуу). Мать Андреева. О ней оставила воспоминания Римма Андреева: Мать Леонида Андреева // Россия. 1925. №4. С.238-241.
- АНДРЕЕВА** (урожд. Климентова) **Анна Ивановна** (1878-1953, Ленинград). Невестка Андреева, жена П.Н.Андреева, а потом А.Н.Андреева.
- АНДРЕЕВА** (урожд. Денисевич, в 1-м браке Карницкая) **Анна** (Матильда) **Ильинична** (1885-1948, Рид Фарм, под Нью-Йорком). Вторая жена Андреева (1908), мать Саввы, Веры и Валентина. От первого брака у Анны Ильиничны была дочь — Нина Константиновна Карницкая (в браке Копенкина, 1906-1987, Париж).
- АНДРЕЕВА** (в браке Рыжкова) **Вера Леонидовна** (1910-1986, Москва). Дочь Андреева от брака с Анной Ильиничной. Автор воспоминаний: Дом на Черной Речке: Повесть. М., 1974 и 1980.
- АНДРЕЕВА** (в браке Вагина) **Ирина Андреевна** (1912-1980, Ленинград). Дочь А.Н.Андреева и А.Ив.Андреевой.

- АНДРЕЕВА** (в браке Морозова) Ларисса Павловна (1904-1951, Ленинград). Дочь П.Н.Андреева и А.Ив.Андреевой.
- АНДРЕЕВА** (урожд. Стольникова) Наталья Матвеевна (1883-1962, Аржентей, Франция). Жена В.Н.Андреева, мать его рано умершего сына Игоря (?-1912). После смерти мужа жила в семье Андреева и помогала Анне Ильиничне воспитывать детей. Эмигрировала и продолжила жить с андреевской семьей после смерти самого Андреева, а в конце 1920-х перешла в семью обрусевших французов Дезобри. Последние годы жизни провела в доме ЗЕМГОРА в Кормей-эн-Паризи.
- АНДРЕЕВА** (в 1-м браке Алексеевская, во 2-м Оль, в 3-м Верещагина) Римма Николаевна (1881-1941, Ленинград). Сестра Андреева, мать Льва и Леонида Алексеевских, Галины Оль и Кирилла Верещагина.
- АННЕНСКИЙ** Николай Федорович (1843-1912). Народник, публицист, соредатор (с В.Г.Короленко) журнала «Русское Богатство» (1905-1912).
- АРАБАЖИН** Константин Иванович (1866-1929, Рига). Литературовед, журналист, автор одной из первых монографий об Андрееве (Леонид Андреев: Итоги творчества. СПб., 1910), профессор Александровского университета (Гельсингфорс) (1913-1919), ректор Русских Курсов в Риге (1921-1929), редактор ряда русских газет, выходивших в Гельсингфорсе в 1918-1919. На поминках Андреева Арабажин произнес речь, частично опубликованную под названием «Леонид Андреев и Саввы» в газете «Русская Жизнь» (1919. №171. 26 сентября. С.2).
- АРЦЫБАШЕВ** Михаил Петрович (1878-1927, Варшава). Писатель.
- АШЕШОВ** Николай Петрович (1866-1923, Петроград). Журналист, критик. Сотрудник многочисленных газет и журналов, в том числе и московской газеты «Курьер», в которой Андреев начал свою писательскую карьеру. Автор критических статей и рецензий о произведениях Андреева. В 1915 полемизировал с Андреевым по поводу статьи «Пусть не молчат поэты» (Биржевые Ведомости. 1915. №15155. 18 октября. Утр. вып. С.2-3) в статье «Литература, молчание и барабаны» (Современный Мир. 1915. №2. Отд. II. С.132-138. Под псевдонимом «А.Ожигов»). Это разногласие не мешало сотрудничеству Ашешова в «Русской Воле». Впоследствии выступал в сменовеховской прессе как за рубежом («Накануне», «Новый Путь»), так и в Советской России («Новая Россия»).
- БЕДНЫЙ** Демьян (Придворов Ефим Алексеевич) (1883-1945, Москва). Поэт-публицист. С 1913 семья Бедного отдыхала на даче в деревне Нейвола.
- БЕКЛЕМИШЕВА** Вера Евгеньевна (1881-1944, СССР). Жена С.Ю.Копельмана и литературный секретарь созданного им с З.И.Гржебиным издательства «Шиповник», мать советского писателя Юрия Крымова (1908-1941, погиб на войне). Автор воспоминаний об Андрееве, частично опубликованных в «Реквиеме» (С.195-276).
- БЕЛЕЦКИЙ** Степан Петрович (1873-1918, Москва). В 1911-1914 директор Департамента полиции, в 1915-1916 товарищ министра внутренних

- дел А.Н.Хвостова, руководил надзором над революционными партиями. Арестован в марте 1917, расстрелян в сентябре 1918.
- БЕЛОУСОВ Иван Алексеевич** (1863-1930, Москва). Писатель. Друг Андрева по «Среде». Его жена — Ирина Павловна.
- БЕНУА Александр Николаевич** (1870-1960, Париж). Художник, историк искусства, в 1918-1925 директор Эрмитажа.
- БЕРМАН Евгений Густавович** (1899-1972, Рим). Сын Л.Б.Шайкевич от ее первого брака. Художник. С братом Леонидом примкнул к парижской группе «Néo-Romantique» (Павел Челищев, 1898-1957, Рим, Christian Bérard, 1902-1949). Перед Второй мировой войной переехал в Нью-Йорк. Впоследствии обосновался в Риме, где собирал этрусское искусство.
- БЕРМАН Леонид Густавович** (1896-1975, Нью-Йорк). Сын Л.Б.Шайкевич от первого брака. Художник (см. БЕРМАН Е.Г.). Перед Второй мировой войной обосновался в Нью-Йорке.
- БЕРНШТЕЙН Герман Давыдович** (Bernstein Herman, 1876-1935). Американский журналист русско-еврейского происхождения, литератор и переводчик (Толстой, Чехов, Горький, Андреев и др.). Эмигрировал из России в США в ранние 1890-е годы. Впервые познакомился с Андреевым в 1908 и активно пропагандировал его произведения в США. Материалы интервью с Андреевым (With the Author of «Red Laughter»: Interview with Leonid Andreyev, Russia's Most Popular Writer To-day — a Modern of the Moderns // The New York Times. 1908. 5 September. P.487) легли в основу главы, посвященной Андрееву, в книге Бернштейна «With Master Minds: Interviews» (New York, 1913; книга переиздавалась несколько раз под названием «Celebrities of Our Time»). В 1918 Бернштейн приехал в Финляндию по пути в Советскую Россию, где он провел несколько месяцев (см. конспект его ненаписанной книги «I Witness» в архиве YIVO Institute for Jewish Research, New York; см. также: Год интервенции. Кн.2. С.79. о встрече Бернштейна с Колчаком в декабре 1918).
- БЕРТРАН Франсуа-Режис** (Bertrand François-Régis, 1889-1944). Второй муж В.И.Денисевич, потомок старой и богатой французской семьи, один из членов которой сопровождал Наполеона на остров Св.Елены. Деду Бертрана принадлежали прядильные фабрики в Испании, Италии и Ливане, где в его честь были названы бульвар и площадь. Даже после ранней смерти отца Бертрана и не совсем удачной ликвидации его дел, семья вела обеспеченную жизнь, и в молодости Бертран учился филологии (он владел восемью языками), путешествовал и занимался разными видами спорта.
- БЛОК Александр Александрович** (1880-1921, Петроград). Поэт. Принял Октябрьский переворот и в январе 1918 призвал писателей, художников и других деятелей искусств к сотрудничеству с большевистскими властями, этим вызывая бойкот со стороны многих друзей-интеллигентов.
- БЛОХ Григорий Анатольевич** (1867-1927, Ницца). В молодости поэт и музыкальный критик, потом крупный финансист и банкир, член прав-

ления Международного коммерческого банка в СПб./Петрограде и ряда акционерных обществ. С 1918 возобновил литературную деятельность и печатался по псевдонимом «Григорий Тюрсево» (от названия села Тюрисево). Его стихи собраны в посмертном сборнике: Блох Г.А. (Григорий Тюрсево). Стихотворения. Париж, [1928?]. Его жена — Надежда Осиповна.

БОБРИКОВ Николай Иванович (1839-1904). Военный деятель, генерал. С 1898 генерал-губернатор Финляндии, где проводил политику русификации. Убит в Гельсингфорсе молодым финским чиновником.

БОГАЕВСКИЙ Митрофан Петрович (1881-1918, расстрелян). С июня 1917 по январь 1918 товарищ атамана Войска Донского, генерала Каледина. Член Донского правительства. Попал в плен в конце марта 1918 и был расстрелян 1 апреля 1918. В гельсингфорсской газете «Русский Голос» (1918. №15. 29 марта) печаталось сообщение: «...атаман Богаевский сдался в плен, призывая прекратить гражданскую войну».

БОНЧ-БРУЕВИЧ Владимир Дмитриевич (1873-1955, Москва). Большевик, публицист. В 1917 член исполкома Петроградского совета. В 1917-1920 управделами Совета Народных Комиссаров РСФСР.

БРАВИЧ (Баранович) Казимир Викентьевич (1861-1912). Актер Театра В.Ф.Коммиссаржевской (1903-1908) и московского Малого театра (1909-1912).

БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ Николай Николаевич (1874-1943, Берлин). Писатель, автор ряда популярных в свое время романов.

БРЮСОВ Валерий Яковлевич (1873-1924, Москва). Поэт. Одним из первых крупных писателей примкнул к большевикам после октября 1917.

БУНИН Иван Алексеевич (1870-1953, Париж). Писатель, лауреат Нобелевской премии (1933). Участник московской «Среды», печатался в издательстве «Знание».

БУРЦЕВ Владимир Львович (1862-1942, Париж). Революционный публицист и издатель, разоблачитель провокаторов. Арестован большевиками в ноябре 1917 и заключен в Петропавловскую крепость. С 1918 в Париже. Бурцев опубликовал на Западе несколько изданий статьи Андреева «S.O.S.» (см. библиографию на С.508 наст. изд.), а также напечатал выдержки из писем №12 и 86 и несколько дневниковых записей (см. комментарий на С.475, 505 наст. изд.).

БУТЛЕРОВ Юрий Ильич. Горный инженер. Секретарь Союза горнопромышленников Урала, член Комитета по организации временного управления Петрограда, учрежденного в Финляндии в 1919.

ВАЛОВ Михаил Степанович. Коммерсант. Владелец конторы по продаже хлеба-зерна, член Калашниковской хлебной биржи в СПб./Петрограде. Совладелец (с гр.В.П.Шуберским) газеты «Русская Жизнь».

ВАЛЬТЕР Николай Григорьевич (1863-1935, Париж). Адвокат, юрист-консульт правления Русско-Азиатского банка и ряда акционерных обществ. Член Петроградского комитета Всероссийского союза городов. Глава Петроградской Городской думы. После смерти первой жены,

- Анны Фаусек (1853-1906), Вальтер женился в 1916 на Марии Абрамовне Садыкер, которая была значительно моложе его, и с 1917 жил с нею на даче в Тюрисеве. Вальтеры уехали из Финляндии в Англию в 1919, а потом обосновались в Париже.
- ВАСИЛЕВСКИЙ** Лев Маркович (Мордкович Янкель-Лейба, 1876-1936, Ленинград). Писатель, журналист, врач. В 1918 сотрудник ряда гельсингфорских газет. В начале 1920-х «сменил вехи» и вернулся в Советскую Россию. Два варианта его воспоминаний об Андрееве печатаются в настоящем издании.
- ВЕРДЕРЕВСКИЙ** Дмитрий Николаевич (1873-1946, Париж). Контр-адмирал. Морской министр (30 августа — 24 октября 1917).
- ВЕРЕСАЕВ** (Смидович) Викентий Викентьевич (1867-1945, Москва). Писатель. Друг Андреева по «Среде».
- ВЕРЕЩАГИН** Кирилл Дмитриевич (1918-1961, Ленинград). Сын Р.Н. Андреевой от ее третьего мужа, инженера-энергетика Дмитрия Ивановича Верещагина (?-1934, Ленинград). Инженер-гидрогеолог.
- ВИЛЬГЕЛЬМ II** (Wilhelm II, 1859-1941). Германский император и прусский король (1888-1918). Свергнут революцией и отрекся от престола в ноябре 1918, впоследствии жил и скончался в Голландии.
- ВИЛЬСОН** Томас Вудро (Wilson Thomas Woodrow, 1856-1924). Президент США от Демократической партии (1912-1921). Глава американской делегации на Парижской мирной конференции.
- ВИННИЧЕНКО** Владимир Кириллович (1880-1951, Мужен, Франция). Украинский писатель и политический деятель. В 1900-е неоднократно арестовывался за революционную деятельность и бежал за границу. В 1907-1914 в эмиграции. В 1917-1919 активнейший участник украинских Центральной рады (в качестве председателя Генерального секретариата руководил переговорами со Временным правительством об автономии Украины) и Директории. После короткого периода сотрудничества с советской властью на Украине эмигрировал в 1920.
- ВОЛОДАРСКИЙ** В. (Гольдштейн Моисей Маркович, 1891-1918, Петроград). Большевик. С октября 1917 комиссар по делам печати, пропаганды и агитации. Убит 20 июня 1918 правым эсером Сергеевым.
- ВОЛЬФ** Конрад (Wolf Konrad). Немецкий военный, генерал-майор. Во время Финской гражданской войны командовал немецкими войсками, взявшими города к северу от Гельсингфорса в апреле 1918.
- ВОЛЬФ-ИЗРАЭЛЬ** Евгений Владимирович (1872-1956, Ленинград). Виолончелист, член оркестра Мариинского (потом Кировского) театра (1894-1951).
- ВЫШНЕГРАДСКИЙ** Александр Иванович (1867-?, Франция?). Крупный банкир и промышленник, композитор. Директор-распорядитель и член правления петроградского Международного коммерческого банка, Коломенского машиностроительного завода, Московско-Виндавско-Рыбинской ж.д. и др., деятель Императорского Русского музыкального общества.

- ГАКЗЕЛЛ Андерс (Hackzell Anders/Antti, 1881-1946). Финский политический деятель. Выборгский губернатор (1918-1920). Гакзеллом подписан пропуск, выданный Андрееву 23 июля 1919 для поездки к С.Л.Гуревичу (РАЛ MS.606/G.1.ii.e**).
- ГЕССЕН Борис Исаакиевич. Директор страхового общества «Волга». Владелец дачи в Уусикиркко. Двоюродный брат И.В.Гессена. В Финляндии участвовал в работе Особого комитета и Политического Совета.
- ГЕССЕН Иосиф Владимирович (1866-1943, Нью-Йорк). Кадет. Член редакционной газеты «Речь». В эмиграции редактор газеты «Руль» и сборников «Архив русской революции», в котором опубликовал письмо №62. Гессен находился в Финляндии в 1919-1920. В Гельсингфорсе редактировал при Особом комитете по делам русских в Финляндии бюллетень «Политические и экономические известия по русским и иностранным газетам», в котором впервые была обнародована весть о кончине Андреева (1919. №36. 13 сентября).
- ГИНДЕНБУРГ Пауль фон (Hindenburg Paul von, 1847-1934). Немецкий генерал-фельдмаршал. С ноября 1914 командовал войсками Восточного фронта, с августа 1916 начальник немецкого генерального штаба.
- ГИППИУС Зинаида Николаевна (1869-1945, Париж). Поэт. Несмотря на свое неизменно отрицательное отношение к творчеству Андреева, в дневниковой записи от 11/24 сентября 1919 Гиппиус написала: «Говорят /.../, что умер Леонид Андреев, у себя, в Финляндии. Он не испытал нашего. Но он понимал правду. За это ему вечное уважение» (цит. по изд.: Гиппиус З. Живые лица: Стихи, дневники. Тбилиси, 1991. С.204).
- ГЛУХОВЦЕВ Алексей Степанович (1875—до 1921). Композитор и юрист. Младший брат соученика Андреева по Орловской гимназии, изображенного под собственной фамилией в драме «Дни нашей жизни» (1908). Окончил юридический факультет Киевского университета и Московскую консерваторию. Работал судебным следователем в Орле в 1906-1918. Одноименная опера Глуховцева по драме Андреева (1911) стала его наиболее известным произведением. Она ставилась в 1915-1916 в Петроградском Народном доме.
- ГОЛОУШЕВ Сергей Сергеевич (псевд. Глаголь Сергей) (1855-1920, Москва). Врач, художественный критик и журналист, член «Среды». Близкий друг и сотрудник Андреева по «Русской Воле». Крестный отец В.Л.Андреевой.
- ГОРЕЛОВ (Гаккебуш) Михаил Михайлович (1874-1929, Париж). Журналист. В 1906-1916 ближайший сотрудник, член редакции и неофициальный редактор газеты «Биржевые Ведомости». В 1916 участвовал в организации «Русской Воли». В 1918 издавал киевскую газету «Мир». Потом жил в Ростове-на-Дону. После эвакуации Новороссийска в 1920 эмигрировал в Берлин, а осенью 1920 вернулся в Россию, в Крым, но вскоре эвакуировался в Константинополь, впоследствии жил в Будапеште.

- ГОРНФЕЛЬД** Аркадий Георгиевич (1867-1941, Ленинград). Литературовед и критик. Ученик А.А.Потебни (1835-1891). Сотрудник журналов «Русское Богатство», «Журнал для Всех» и др.
- ГОРЬКИЙ** Максим (Пешков Алексей Максимович, 1868-1936, Москва). Писатель. Горький «открыл» Андреева и ввел его в «Среду» и «Знание». История их «дружбы-вражды» отражена в переписке, опубликованной в ЛН72.
- ГРАБАРЬ** Игорь Эммануилович (1871-1960, Москва). Художник, искусствовед. Особенно известен благодаря своей руководящей роли в издании «Истории русского искусства» (В 6 тт. М., 1909-1916) и своими монографиями о русских художниках.
- ГРЕДЕСКУЛ** Николай Андреевич (1864 — после 1926). Правовед, публицист. Профессор Харьковского университета в 1890-е. Товарищ председателя 1-й Государственной думы. Член ЦК кадетской партии. Сотрудник «Русской Воли», а после Февральской революции один из избранных сотрудниками газеты редакторов. Впоследствии на преподавательской работе в высших учебных заведениях в Советской России.
- ГРЕКОВ** Иван Иванович (1867-1934, Ленинград). Хирург. С 1895 работал в СПб./Петрограде в Обуховской больнице, с 1915 профессор петроградского Психоневрологического института.
- ГРЖЕБИН** Зиновий Исаевич (1877-1929, Париж). Художник, издатель. Организатор и сотрудник сатирических журналов «Жупел» и «Адская Почта». Основал (с С.Ю.Копельманом) издательство «Шиповник» (СПб., 1906-1918), в котором печатались произведения Андреева. Издал при участии Андреева журнал «Отечество». Близкий сотрудник Горького в организации издательства «Всемирная литература» при Наркомпросе РСФСР (Петроград, 1918-1924). В 1919-1923 возглавлял собственное «Издательство З.И.Гржебина» (Петроград—Москва—Берлин), в котором в 1922 вышла «Книга о Леониде Андрееве: Воспоминания М.Горького, К.Чуковского, А.Блока, Георгия Чулкова, Бор. Зайцева, Н.Телешова, Евг.Замятина». Во 2-м издании печатались также воспоминания Андрея Белого (1880-1934, Москва).
- ГРОМАН** (псевд. Горн) Владимир Густавович (1873 — после 1930, умер в заключении). Меньшевик, экономист. В 1917 председатель Продовольственной комиссии Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.
- ГУРЕВИЧ** Самуил Лазаревич (1861 или 1862-1939, Варшава). Лесопромышленник. Уроженец Западной Украины, учился в Житомирской гимназии, потом развил широкую купеческую и сельскохозяйственную деятельность. Познакомившаяся с Гуревичем в 1921 монахиня Феодосия записала несколько характерных случаев из его жизни: «Он был богатырь, огромного роста и в молодости отличался непомерной силой. Рассказывал, что однажды (в Сибири) он правил тройкой — лошади испугались и понесли, и он несколько верст удерживал лошадей, а когда доехал до дому, то вожжи так врезались ему в руки, что их с трудом распутали. Там же, в Сибири, ему пришлось переправляться

на пароме. При расплате паромщик сказал ему двойную цену, а когда С[амуил] Л[азаревич] поинтересовался, почему это, то мужик, глядя на него, ответил: "Да разве тебя за один раз перевезешь?"» (Из письма к Р.Д.Дэвису от 19 июня 1977). Около 1900 Гуревич приобрел вместе с братом Львом (1865-1957, Нью-Йорк) большое имение Коден на польско-русской границе и основал там опытно-образцовое хозяйство, которое очень выгодно продали в 1913. В 1914 вместе с И.Гримбергом и А.Дембо купил огромное имение (майорат) в селе Тервус на берегу Ладоги и основал акционерное общество, директором которого являлся его зять А.М.Тумаркин. Гуревич всегда отличался исключительной щедростью и особенно активно помогал бежавшим в Финляндию после октябрьского переворота нуждающимся русским. Об этом писал в 1918 К.И.Арабажин: «/.../ Рерих говорил мне много о С[амуиле] Л[азаревиче], о его хлопотах о русских людях и о беженцах из Петрограда, для облегчения которых С[амуил] Л[азаревич] сделал так много; о его заботах и тонкой деликатности в отношении ко всем людям ума и таланта, о дружеском внимании, которое он выказал и Л.Н.Андрееву» (К.А.[рабажин]. Заметки дня: Дорогие встречи // Русский Листок. 1918. №128. 2 ноября; см. также восторженный отзыв о Гуревиче в воспоминаниях гр. В.Н.Кокцова (1853-1943, Париж), встретившего его в Выборге в ноябре 1918: Из моего прошлого: Воспоминания 1903-1919 гг. Т.2. Париж, 1933. С.485). В 1919 тервусское имение было продано общине Куркийоки. Вскоре после смерти своей первой жены, Берты Осиповны (урожд. Герценштейн, 1862/1863-1919), Гуревич переехал в Варшаву, где скончался за несколько месяцев до начала Второй мировой войны, во время которой погибли в Варшавском гетто его вторая жена, Дельфина Анатольевна, и их сын, Сергей (1920/21-1943).

ГУЧКОВ Александр Иванович (1862-1936, Париж). Основатель и лидер партии октябристов (1905). Военный и морской министр во Временном правительстве (2 марта — 2 мая 1917). 19 апреля 1917 Гучков обратился к Андрееву с запиской: «Признавая необходимым в настоящее время всестороннее освещение военного положения России, прошу Вас не отказать пожаловать ко мне сегодня в 5 часов пополудни (Мойка 67) для обмена мнений по этому вопросу» (ИРЛИ. Ф.9. Оп.3. Ед.хр.15).

ДАВЫДОВ (иногда: Давидов) Алексей Августович (1867-1940). Банкир, композитор и виолончелист, меценат. Председатель правления Петербургского/Петроградского частного коммерческого банка, член правления ряда акционерных обществ. Пайщик Театра музыкальной драмы (СПб./Петроград), в котором и ставились его произведения. Председатель Общества музыкальных собраний. Племянник знаменитого виолончелиста К.Ю.Давыдова (1838-1889). Первый муж Е.П.Эдуардовой.

ДАВЫДОВА (в браке Скобелева) Мария Самойловна (1888-1987, Кормей-эн-Паризи, Франция). Оперная певица, жена М.И.Скобелева (1885-1938, умер в заключении), меньшевика и министра труда во Временном правительстве (май — август 1917). Артистка Театра музыкальной драмы (СПб./Петроград, 1912-1918). Имела большой успех в роли Кармен, которую она играла попеременно с пленившей А.А.Блока

- Л.А.Дельмас (1879-1969). Андреев посвятил постановке «Кармен» в Театре музыкальной драмы статью: К сотому представлению «Кармен» // Биржевые Ведомости. 1916. №15440. 14 марта. Утр. вып. С.5. Давыдова написала воспоминания об Андрееве, в которых упоминаются эпизоды, описанные в его дневнике: Встречи с Леонидом Андреевым // Русская Мысль. 1976. №3084. 1 января. С.10.
- ДЕНИКИН** Антон Иванович (1872-1947, Анн Арбор, США). Военный деятель, генерал-лейтенант. В 1917 командовал войсками Западного и Юго-Западного фронтов. В 1918-1920 возглавлял Добровольческую армию на юге России.
- ДЕНИСЕВИЧ** (урожд. Чепурина) Анна Яковлевна (?-1957, Евпатория?). Мать А.И.Андреевой, первая жена И.Н.Денисевича. Эсерка, из семьи православного духовенства. Скульптор, впоследствии директор музея в Евпатории. О ней см.: Андреева В. Эхо прошедшего. М., 1986. С.208-209.
- ДЕНИСЕВИЧ** (урожд. Рагозина) Вера Петровна. Вторая жена И.Н.Денисевича.
- ДЕНИСЕВИЧ** (в 1-м браке Фельдман, во 2-м Бертран) Виктория Ильинична (1887-1971, Ля Варенн, Франция). Сестра А.И.Андреевой. Осенью 1907 Андреев ухаживал сначала за В.И.Денисевич, но она вскоре поехала к своему будущему первому мужу, ссыльному Владимиру Абрамовичу Фельдману (1883-1916, Давос, Швейцария) в Сибирь, а потом организовала его побег за границу и присоединилась к нему в Париже. После смерти Фельдмана (он умер от туберкулеза) В.И.Денисевич вышла замуж за Ф.-Р.Бертрана и обосновалась в Лугано (Швейцария), где возобновила занятия музыкой (она была талантливая скрипачка). К ней в Лугано приехал в 1919 из Финляндии И.Н.Денисевич со своей второй женой.
- ДЕНИСЕВИЧ** (в браке Бердичевская) Ия Ильинична. Сестра А.И.Андреевой. Фигурирует в роли «наседки» ЧК в воспоминаниях жены Вадима Андреева О.В.Андреевой (урожд. Федорова, по отчиму Чернова; 1903-1979, Кашан, Франция): Чернова О. Холодная зима // Новый Журнал. 1976. №124. С.196, 199, 201 (см. также значительно расширенный вариант на англ. яз.: Olga Chernov Andreyev. Cold Spring in Russia. Ann Arbor, 1978. P.223-225).
- ДЕНИСЕВИЧ** Илья Николаевич (1861-1919, Лугано, Швейцария). Отец А.И.Андреевой. Присяжный поверенный, уполномоченный в СПб./Петрограде Московского городского общественного управления.
- ДОБРОВ** Филипп Александрович (1869-1941, Москва). Врач. Муж сестры А.М.Андреевой. После смерти А.М.Андреевой Д.Л.Андреев жил и вырос в семье Добровых. (См.: Митрофанов В.П. Леонид Андреев и семья Добровых // Андреевский сборник. С.255-263; Детство. С.102-107).
- ДОБРОВА** (урожд. Велигорская) Елизавета Михайловна (1871-1943, Москва). Сестра А.М.Андреевой, жена Ф.А.Доброва.
- ДОБРОНРАВОВ** Леонид Михайлович (1887-1926, Кишинев). Писатель, журналист. Сотрудник журналов «Заветы» и «Современный Мир» и

- газет «Речь», «Единство», «Новый Вечерний Час» и «Новые Ведомости». В 1920 эмигрировал в Румынию.
- д'ОР О.Л. (Оршер Осип Львович / Иосиф Лейбович; 1878-1942, Ленинград). Писатель-сатирик. Автор пародий на произведения Андреева «Тьма», «Проклятие зверя» и «Царь-голод» в книге: Незлобивые пародии / Сост. Абель [Л.М.Василевский]. М., [1909]. С.62-80.
- ДУХОНИН Николай Николаевич (1876-1917, Могилев). Военный деятель. В ноябре 1917 Духонин исполнял обязанности Верховного главнокомандующего после свержения Временного правительства. 20 ноября 1917 арестован в Могилеве и убит на вокзале толпой солдат и матросов, возбужденных известием об освобождении им из тюрьмы в Быхове Л.Г.Корнилова и А.И.Деникина.
- ДЫБЕНКО Павел Ефимович (1889-1938, расстрелян). Матрос Балтийского флота. С октября 1917 по апрель 1918 нарком по морским делам.
- ДЫМОВ (Перельман) Осип Исидорович (1878-1959, Нью-Йорк). Русско-еврейский писатель, драматург, сотрудник журнала «Сатирикон». В 1913 эмигрировал в США, откуда присылал статьи в «Русскую Волю» (см., напр.: Улюлюкание: Письмо из Нью-Йорка. 1917. №185. 6 августа. С.2).
- ЕВРЕИНОВ Николай Николаевич (1879-1953, Париж). Драматург, режиссер, историк и теоретик театра.
- ЕГОРОВА Любовь Николаевна (1880-1972, Сент-Женевьев-де-Буа, Франция). Балерина, педагог. Артистка Мариинского театра. Эмигрировала через Финляндию и Германию во Францию, где вступила в Русский балет С.П.Дягилева. В 1923 открыла балетную школу в Париже, в 1937 создала труппу «Ballet de la Jeunesse». Жена (с 1917) кн. Н.С.Трубецкого.
- ЕФРОН Семен Абрамович. Издатель. Владелец типографии «Якорь» и издательств «Огни» и «Грядущий день» и администратор по делам Акционерного общества типографического дела в Петрограде. Брат издателя знаменитого энциклопедического словаря И.А.Ефрона (1847-1917, Петроград). Брат жены П.Г.Шайкевича (1859-1920, Париж), брата Е.Г.Шайкевича. Продолжил издательскую деятельность в Берлине в начале 1920-х. Сохранились письма Ефрона к А.И.Андреевой из Берлина (1920) (РАЛ MS.606/G.11.xiii*).
- ЖИВОТОВСКИЙ Сергей Васильевич (1869-1936, Нью-Йорк). Художник-иллюстратор, журналист, общественный деятель. Сотрудник газеты «Биржевые Ведомости» и журнала «Огонек». После революции жил несколько лет в Финляндии, где работал журналистом и художественным редактором литературного приложения к газете «Рассвет». Из Финляндии переехал в Берлин, а с 1922 жил в Нью-Йорке, где производил шали и изделия на батике, печатался в газете «Новое Русское Слово» (в которой и был помещен его некролог: 1936. №8472. 11 апреля. С.1) и был председателем Фонда помощи российским писателям и ученым.
- ЖАЙЦЕВ Борис Константинович (1881-1972, Париж). Писатель. Андреев печатал его первый рассказ в «Курьере» и ввел его в «Среду».

- ЗЕЛИНСКИЙ** Василий Аполлонович (1853-?). Педагог, издатель. Окончил Феодосийский учительский институт, служил преподавателем московского Александро-Мариинского института и других учебных заведений. Составитель многократно переиздававшегося труда «Русская критическая литература о произведениях Л.Н.Толстого», в 8 тт. (1888-1902). Последние публикации относятся к 1915-1916.
- ЗЕЛИНСКИЙ** Фаддей Францевич (1859-1944, Германия). Филолог-классик. Профессор СПб./Петроградского университета (1885-1921). Сотрудник «Русской Воли».
- ЗЕНКЕВИЧ** (урожд. Андреева) Александра Ивановна (?-1919, Москва?). Тетя Андреева, сестра Н.И.Андреева.
- ЗИЛОТИ** Александр Ильич (1863-1945, Нью-Йорк). Пианист, дирижер, педагог. В 1917 администратор Мариинского театра. С 1919 в эмиграции, в частности профессор нью-йоркской консерватории Juilliard School of Music.
- ЗИНОВЬЕВ** (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883-1936, расстрелян). Большевик. Член ЦК (1907-1927). Ближайший сотрудник В.И.Ленина в эмиграции. С октября 1917 председатель Петроградского совета.
- ИВАНОВ** Николай Никитич. Присяжный поверенный, владелец банковской конторы в Петрограде, публицист, издатель ревельской «Русской Газеты», министр общественных работ в Северо-Западном правительстве, автор воспоминаний: О событиях под Петроградом в 1919 году: Записки бывшего члена Северо-Западного правительства // Архив гражданской войны. Т.1. 1922. С.11-140.
- ИВАНОВ** Сергей Валентинович (1852-1925). Общественный деятель, сенатор. Председатель СПб. городской думы. В 1917 товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Министр юстиции в Северо-Западном правительстве.
- ИВАНОВ-РАЗУМНИК** (Иванов Разумник Васильевич, 1878-1946, Мюнхен). Историк русской культуры, публицист. В 1917-1918 сотрудник левозсеровских газет «Дело Народа» и «Знамя Труда». Автор критических работ об Андрееве.
- ИГЕЛЬСТРОМ** Андрей Викторович (Igelström Anders, 1860-1927, Хельсинки). Русско-финский ученый и библиотекарь. Преподаватель русского языка в Гельсингфорском университете, сотрудник славянского отделения университетской библиотеки, сотрудник газеты «Северная Жизнь».
- ИЗМАЙЛОВ** Александр Алексеевич (1873-1921, Петроград). Журналист, критик. Автор многочисленных статей о творчестве Андреева.
- ИОРДАНСКАЯ** (по приемной матери Давыдова, в 1-м браке Куприна Мария Карловна; 1879-1965, СССР). Издательница. Приемная дочь и наследница А.А.Давыдовой (1849-1902), издательницы журнала «Мир Божий». С 1909 издательница журнала «Современный Мир». Владелица дачи в Нейволе. В голодную зиму 1919-1920 работала «в качестве канцелярского писца в отделе Коммунальных Театров, под начальством

- М.Ф.Андреевой (комиссара) [(1868-1953, Москва)]» (письмо от 20 мая 1920 из Финляндии И.А.Бунину, РАЛ). Ее воспоминания об Андрееве печатаются на С.375 наст. изд.
- ИОРДАНСКИЙ** Николай Иванович (1876-1928, Москва). Публицист, член РСДРП с 1899. С 1909 редактор журнала «Современный Мир», издателем которого была его жена, М.К.Иорданская. Член редакции «Единства». Из-за отрицательного отношения Иорданского к «Русской Воле» Андреев порвал с журналом (см.: К моему отказу от сотрудничества в «Современном Мире» // Русская Воля. 1917. №42. 12 февраля. С.3). В 1922 выслан из Финляндии, в 1923-1924 советский полпред в Риме.
- КАЛЕГАЕВ** (иногда: Колегаев) Андрей Лукич (1887-1937, умер в заключении). Левый эсер. В 1917 возглавил Казанский совет крестьянских депутатов. С ноября 1917 по март 1918 нарком земледелия. В июле 1918 участвовал в восстании левых эсеров в Москве. После подавления восстания отошел от эсеров к большевикам.
- КАЛЕДИН** Алексей Максимович (1861-1918, Новочеркасск). Военный деятель. В июне 1917 избран атаманом Войска Донского. С октября 1917 возглавлял антибольшевистское движение на Дону. 29 января 1918 застрелился.
- КАЛЬЮНЕН** Хейкки (Kaljunen Heikki). Из Выборга. Во время гражданской войны в Финляндии красный военный деятель, штаб которого находился в Териоках. Известен своей жестокостью. После поражения красных бежал в Советскую Россию. Командовал войсками в кампании против Колчака в Сибири в 1918-1919. Познакомился с Лениным и другими ведущими большевиками в 1919. В 1920—1930 директор московской фабрики. Арестован в 1937 или 1938, умер в заключении.
- КАМКОВ** (Кац) Борис Давыдович (1885-1938, умер в заключении). Левый эсер. С конца 1917 член ЦК партии левых эсеров. Выступал против союза с большевиками. Член редколлегии газеты «Знамя труда». В июле 1918 был одним из организаторов убийства гр. Мирбаха и восстания левых эсеров в Москве.
- КАПЛАН** Максим Васильевич. Видный петербургский присяжный поверенный, владелец дачи в Уусикиркко.
- КАПНИСТ** Алексей Павлович, гр. (1871-1918, Пятигорск). Военный деятель, адмирал. С 1916 начальник Морского генерального штаба. Арестован вскоре после большевистского переворота и посажен в Петропавловскую крепость, откуда выпущен под честное слово через 2 дня благодаря объявившим забастовку в его поддержку адмиралтейским матросам, уехал к семье на Кавказ, но скоро опять арестован в качестве заложника, потом расстрелян.
- КАРАХАН** (Караханян) Лев(ан) Михайлович (1889-1937, расстрелян). Революционер, большевик, советский политический деятель, дипломат. Секретарь советской делегации на переговорах о заключении Брестского мира. В 1918-1920 заместитель наркома по иностранным делам.
- КАРТАШЕВ** Антон Владимирович (1875-1960, Ментон, Франция). Ученый-богослов. Профессор СПб. Духовной академии. Министр испове-

даний во Временном правительстве. Член Политического совещания при генерале Юдениче в Финляндии, управлял делами печати.

КЕДРИН Евгений Иванович (1851-?). Присяжный поверенный, политический деятель, кадет. Член делегации, которая 8 января 1905 пыталась предотвратить события 9 января («Кровавого воскресенья»), за что был заключен в Петропавловскую крепость (см.: ЛН95. С.67, 997). В 1906 избран депутатом Государственной думы, будучи одним из основателей и членов ЦК партии Народной свободы. Подписал Выборгское воззвание (1906). В течение 25 лет состоял гласным Петербургской/Петроградской городской думы. Министр юстиции в Северо-Западном правительстве.

КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович (1881-1970, Нью-Йорк). Политический деятель. В 1912-1917 возглавлял трудовиков в 4-й Государственной думе. После Февральской революции одновременно заместитель председателя Петроградского совета и член Временной комиссии Государственной думы. Во Временном правительстве занимал посты: министр юстиции (март — май 1917), военный и морской министр (май — сентябрь 1917), министр-председатель (с 8 июля 1917), Верховный главнокомандующий (с 30 августа 1917). После октябрьского переворота бежал на фронт, потом на Дон, с целью организовать сопротивление большевикам. В 1918 эмигрировал во Францию.

КИПЕН Александр Абрамович (1870-1938, Одесса). Писатель. Печатался в издательстве «Знание». Его воспоминания об Андрееве напечатаны в одесской газете «Южное Слово» (1919. №53 и 59, 23 октября/5 ноября и 30 октября/12 ноября), а потом вошли с изменениями в «Реквием» (С.177-194). В 1918 находился в Одессе.

КИРДЕЦОВ Григорий Львович. Журналист. Сотрудник журналов «Мир Божий» и «Вестник Европы» и газет «Биржевые Ведомости» и «Русская Воля». Уехал из России осенью 1918. В 1919 приехал в Таллинн «в качестве английского корреспондента» под фамилией И.Э.Фиц-Патрик (*Slavica Hierosolymitana*. 1981. №5-6. С.558), редактор газеты Северо-Западного правительства «Свободная Россия»/«Свобода России». Вскоре «сменил вехи» и в 1922-1923 редактор берлинской сменовеховской газеты «Накануне». В 1923 назначен заведующим отделом печати при советском полпредстве в Берлине, потом служил в той же должности в Риме. Автор воспоминаний: У ворот Петрограда, 1919-1920 гг. Берлин, 1921.

КЛЕМАНСО Жорж (*Clemenceau Georges*, 1841-1929). Премьер-министр Франции в 1917-1920. Председатель Парижской мирной конференции (1919-1920).

КЛЕСТОВ (псевд. Ангарский) **Николай Семенович** (1873-1942 или 1943, СССР). Большевик, литератор, дипломат. Организатор «Книгоиздательства писателей в Москве» (1912-1919), в котором печатались последние тома собрания сочинений Андреева.

КОЛЛОНТАЙ (урожд. Домонтович) **Александра Михайловна** (1872-1952, Москва). Советский государственный и партийный деятель, в 1917-1918

нарком государственного призрения, долголетний советский посол в Норвегии и Швеции.

КОЛЧАК Александр Васильевич (1873-1920, Иркутск). Военный и политический деятель, адмирал. В ноябре 1918 провозглашен Верховным Правителем Российского Государства после роспуска Всероссийского временного правительства (Омск, сентябрь—ноябрь 1918). В марте — апреле 1919 войска Колчака дошли до Волги, но под натиском Красной Армии в июне 1919 распались.

КОНИ Анатолий Федорович (1844-1927, Ленинград). Правовед и общественный деятель. Член Государственного Совета, почетный академик СПб. Академии наук (с 1900), профессор Петроградского университета (1918-1922).

КОПЕЛЬМАН Соломон Юльевич (1881-1944, СССР). Издатель. Основал (с З.И.Гржебиным) издательство «Шиповник» (СПб., 1906-1918), главный редактор издательства. Муж В.Е.Беклемишевой. Отец советского писателя Юрия Крымова.

КОРНИЛОВ Лавр Георгиевич (1870-1918, Екатеринодар). Военный деятель. В июле—августе 1917 Верховный главнокомандующий. В конце августа 1917 поднял кратковременное восстание против Временного правительства, которое было подавлено. В декабре 1917 бежал из тюрьмы и возглавил Добровольческую армию на юге России. Погиб в бою 13 апреля 1918.

КОРОЛЕНКО Владимир Галактионович (1853-1921, Полтава). Писатель.

КРОЛЬ (псевд. Лорк) **Георгий Александрович** (1893-1932, Черное море). Кинорежиссер. Ученик В.Э.Мейерхольда по режиссерскому классу и его помощник в 1917. Снял фильм «Под игом большевизма» в Уусикиркко в 1919. Открыл «Пантомимную студию» в Выборге, затем переехал из Финляндии в Германию, где, в частности, был помощником Роберта Вийне (1880-1938), снявшего фильм «Raskolnikow» (1923) (по роману Достоевского «Преступление и наказание») с группой оставшихся в Германии после гастролей актеров МХТ. В 1926 вернулся в Советскую Россию и продолжил свою режиссерскую деятельность. Погиб при несчастном случае на Черном море.

КРОЛЬ (урожд. Гуревич, во 2-м браке де Кирико, в 3-м Кальца) **Раиса Самуиловна** (1894 [в документах 1897] - 1979, Рим). Дочь С.Л.Гуревича, жена Г.А.Кроля. Танцовщица-«босоножка» и актриса (училась у В.Э.Мейерхольда). Второй муж — знаменитый художник-сюрреалист Джорджо де Кирико (Giorgio de Chirico, 1888-1978). В третьем замужестве за археологом Гуидо Кальца (Guido Calza) занималась археологией, главным образом в Остия Скави, печатала научные труды.

КРУК Эдвин (Krook Edwin, 1876-1920). Частный врач в Териоках, работал и для Финляндской железной дороги.

КРЫЛЕНКО Николай Васильевич (1885-1938, умер в заключении). Большевик. С ноября 1917 Верховный главнокомандующий и нарком по военным делам. С марта 1918 председатель Верховного трибунала, прокурор РСФСР.

- КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ** Владимир Дмитриевич (1857-1927, Париж). Правовед, политический деятель. В 1906 один из основателей крошечной партии демократических реформ (мирнообновленцы). Член 1-й и 2-й Государственных дум. Приват-доцент СПб. университета (1908). Профессор уголовного права на высших женских курсах Раева (1909-1913). С 1909 гласный СПб. городской думы. Выступал в качестве защитника на многих политических процессах. Во время Первой мировой войны участвовал в работе Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. Член Центрального военно-промышленного комитета. В Финляндии член Политического совещания при Н.Н.Юдениче, заведовал продовольственным делом. Соавтор (с А.В.Карташевым и М.Н.Суворовым) книги: Образование Северо-Западного правительства: Объяснения членов политического совещания при Главнокомандующем Северо-Западного фронта. Гельсингфорс, 1919. Переехал из Финляндии в Париж в 1920.
- КУИНДЖИ** Архип Иванович (1841-1910). Художник. Инициатор создания Общества художников (потом Общества имени А.И.Куинджи; 1909-1930) — объединения петербургских живописцев, которое помимо выставок картин устраивало и «куинджевские пятницы» (еженедельные концертные вечера).
- КУПРИН** Александр Иванович (1870-1938, Ленинград). Писатель. В первых номерах «Русской Воли» включен в список сотрудников (см., напр.: 1916. №1. 15 декабря. С.3), но в газете не печатался. С февраля по апрель 1919 Куприн был активным участником Союза деятелей художественной литературы и членом редколлегии Союза. После занятия Гатчины белыми войсками в октябре 1919 отправился с семьей в Эстонию и Финляндию, где провел первую половину 1920 и печатался в русской прессе (см., напр., его: Памяти Леонида Андреева // Свобода России. 1919. №54. 20 ноября). С июля 1920 в Париже. Вернулся в СССР в 1937.
- ЛАЛАНГ** Жак Максимильтен Поль Эммануэль де, гр. (Lalaing Jacques Maximilien Paul Emmanuel de, Comte, 1889-1969). Бельгийский дипломат, юрист. Служил в бельгийском посольстве в СПб./Петрограде в 1913-1918. Близкий друг графини Ностиц и частый гость в териокском имении Ностицев.
- ЛЕБЕДЕВ** Владимир Иванович (1884-1956, США). Правый эсер. Во время Первой мировой войны оборонец. С июля 1917 товарищ морского министра А.Ф.Керенского во Временном правительстве. Как отношение Лебедева к войне, так и его поддержка Керенского привели к крупным столкновениям с В.М.Черновым и с партией эсеров. Член Уфимской дирекции, в пражской эмиграции член редколлегии газеты и журнала «Воля России».
- ЛЕВИТАН** Яков Семенович (1894-1976, Париж). Оперный артист, бас. Партнер М.С.Давыдовой в «Кармен» в Театре музыкальной драмы (СПб./Петроград, 1912-1918). Второй муж Е.П.Эдуардовой. Эмигрировал в Германию. В Берлине сотрудник журнала «Новая Русская Книга» и «Издательства И.П.Ладыжникова». Основал первый в Германии

- журнал, посвященный танцу, «Der Tanz». В 1935 переехал в Париж, в 1947 в Нью-Йорк, где работал в ООН.
- ЛЕНИН** (Ульянов) Владимир Ильич (1870-1924, Горки). Революционер, публицист, основатель большевизма, политический и государственный деятель, в 1917-1924 — председатель Совнаркома.
- ЛИБКНЕХТ** Карл (Liebknecht Karl, 1871-1919). Один из основателей коммунистической партии Германии. Убит противниками Ноябрьской революции 1918 в Германии.
- ЛИКИАРДОПУЛО** Михаил Федорович (Lykiardopoulos Michel, 1883-1925, Брайтон, Англия). Журналист, переводчик, секретарь Московского Художественного Театра. С мая 1917 в Стокгольме, где поступил на греческую дипломатическую службу, в 1918-1920 служил в греческих миссиях в Стокгольме и Лондоне и на Парижской мирной конференции. С конца 1920 сотрудник ряда лондонских газет и журналов. Умер от туберкулеза.
- ЛИНДЕБЕРГ** Лео (Леонид) (Lindeberg Leo/Leonid, 1914-1975). Финский журналист (родился в Ростове-на-Дону).
- ЛИПКИН** (Череванин) Федор Андреевич (1868-1941, Красноярск). Меньшевик, публицист. Во время Первой мировой войны оборонец. Расстрелян.
- ЛЛОЙД ДЖОРДЖ** Дэвид (Lloyd Georges David, 1863-1945). Премьер-министр Великобритании в 1916-1922. Глава британской делегации на Парижской мирной конференции (1919-1920).
- ЛОПАТИН** Герман Александрович (1845-1918, Петроград). Революционер, марксист. Первый переводчик «Капитала» Маркса на русский язык. Член Генерального совета I Интернационала. Народоволец, арестован в 1884. В 1897-1905 заключен в Шлиссельбурге. После освобождения отошел от политической деятельности. В письме к Андрееву от 18 сентября 1917 поблагодарил его за статью «Во имя революции» (ИРЛИ. Ф.9. Оп.3. Ед.хр.30). Сохранилось ответное письмо Андреева (РГАЛИ. Ф.1329. Оп.2. Ед.хр.4; РАЛ MS.606/F.53). В 1918 Лопатин вошел в Организационный комитет общества «Культура и Свобода».
- ЛУНАЧАРСКИЙ** Анатолий Васильевич (1875-1933, Ментон, Франция). Большевик, публицист и критик, писатель. В 1917-1929 нарком просвещения.
- ЛЯЦКИЙ** Евгений Александрович (1868-1942, Чехословакия?). Литературовед, публицист. В 1912-1913 редактор журнала «Современник». В Финляндии с конца 1917. В зиму 1918-1919 член редколлегии гельсингфорсской газеты «Северная Жизнь». В 1920 основал издательство «Северные огни» в Стокгольме, а после переезда в Прагу в 1922 руководил издательством «Пламя» и работал профессором русского языка и литературы в Карловом университете.
- МАКЛАКОВ** Василий Алексеевич (1869-1957, Баден, Швейцария). Адвокат, один из лидеров кадетов, депутат 2-4-й Государственных дум, посол Временного правительства в Париже, член парижских Русского

политического совещания и Русской заграничной делегации, представлявших интересы антибольшевистских русских на Западе и, в частности, на Парижской мирной конференции (1919-1920). Впоследствии обосновался в Париже. Брат министра Н.А.Маклакова.

МАКЛАКОВ Николай Алексеевич (1871-1918, Москва). Политический деятель, монархист. В 1913-1915 министр внутренних дел. 27 февраля 1917 арестован. 28 августа 1918 расстрелян по постановлению ВЧК. Брат В.А.Маклакова.

МАНДЕЛЬ Веньямин Сергеевич. Присяжный поверенный Петербургского/Петроградского округа. Во время финской гражданской войны доставлял письма из Петрограда в Финляндию. Принимал участие в работе основанного в Петрограде в мае 1918 Комитета защиты интересов русских подданных в Финляндии, другим членом которого был С.Л.Гуревич (см. начало письма №42). В Гельсингфорсе с осени 1919. Впоследствии автор доклада «Русские акционерные общества в эмиграции», часть которого приведена в книге: Семенов Е. Русские банки за границей и большевики: Из анкеты. Париж, 1926.

МАННЕРГЕЙМ Карл Густав Эмиль (Mannerheim Carl Gustaf Emil, 1867-1951). Финский государственный и военный деятель, фельдмаршал (1933). До 1917 состоял на службе в русской армии. В 1918 командовал белой армией в гражданской войне в Финляндии. С декабря 1918 по июль 1919 регент Финляндии. Главнокомандующий финской армией во время войны с СССР в 1939-1940 и 1941-1944. В 1944-1946 президент Финляндии.

МАРГУЛИЕС Мануил Сергеевич (1868-1939, Париж). Юрист и общественный деятель, врач. В 1905 один из основателей и лидеров радикальной (республиканско-демократической и федералистской) партии. Редактор газеты «Радикал». Гласный Петроградской городской думы, товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета и председатель Санитарного отдела Петроградского городского комитета Союза городов. В 1919 министр промышленности, торговли, военного снабжения и народного здоровья в Северо-Западном правительстве. В парижской эмиграции видный адвокат. Автор дневников-воспоминаний: Год интервенции: В.3 тт. Берлин, 1923.

МАРИЯ ПАВЛОВНА, вел. кн. (1890-1958, Констанц, Германия). Дочь вел. кн. Павла Александровича (1860-1919, Петроград, расстрелян) и сестра одного из убийц Г.Е.Распутина, вел. кн. Димитрия Павловича (1891-1942, Давос, Швейцария). Вышла замуж в 1908 за шведского принца Вильгельма (1884-1965), а после развода в 1914 вышла замуж в 1917 за гр. С.М.Путятину (1893-1966, Нью-Йорк), с которым бежала из Советской России. В 1919 в Лондоне.

МАРКОВ Николай Евгеньевич (Марков 2-й) (1866-1945, Висбаден, Германия). Политический деятель, монархист. Член Союза русского народа, потом Михаила Архангела. Лидер крайних правых в 3-й и 4-й Государственных думах. В 1918-1920 участник гражданской войны в армии Н.Н.Юденича.

- МАРТОВ** (Цедербаум) Юлий Осипович (1873-1923, Шомберг, Германия). Революционер, меньшевик. После возвращения в Россию из эмиграции в мае 1917 возглавил фракцию меньшевиков-интернационалистов, лидер меньшевистской оппозиции большевикам в первые годы Советской власти, вынужден снова покинуть Россию в конце 1920.
- МАРШ** Франк Грэм (Marsh Frank Graham, 1875-1957). Английский военный, генерал. Служил во время Первой мировой войны на кавказском фронте. В 1919 командовал английскими войсками на северо-западном фронте и сыграл определяющую роль в создании Северо-Западного правительства.
- МЕЙЕРХОЛЬД** Всеволод Эмильевич (1874-1940, расстрелян). Театральный деятель, режиссер. В 1907 поставил пьесу Андреева «Жизнь Человека» (1906) в СПб. Театре В.Ф.Коммиссаржевской.
- МЕЛИКОВ** Иван Андреевич. Нефтепромышленник. Принимал участие в работе Особого комитета в Выборге в 1919. Впоследствии поселился в Париже.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ** Дмитрий Сергеевич (1866-1941, Париж). Писатель.
- МИЛЮКОВ** Павел Николаевич (1859-1943, Экс-ле-Бен, Франция). Политический деятель, историк. Автор труда: Очерки по истории русской культуры: В 3 тт. СПб., 1897-1909. Один из организаторов кадетской партии, с 1907 председатель ЦК. Редактор (с И.В.Гессеном) кадетской газеты «Речь». Член 3-й и 4-й Государственных дум. Министр иностранных дел во Временном правительстве до «Апрельского кризиса», вызванного нотой Милюкова о верности тайным договорам с союзниками и готовности продолжать войну «до победного конца». 20 апреля 1917 произошла массовая демонстрация протеста под лозунгом «Долой Милюкова!», и 2 мая Милюков вышел в отставку. В 1918 вел переговоры с немецкими оккупантами на Украине. После краткого пребывания в Лондоне в 1919 обосновался в Париже, где был редактором газеты «Последние Новости».
- МИРБАХ** Вильгельм фон, гр. (Mirbach-Harff Wilhelm von, Graf, 1871-1918). Немецкий дипломат. Участвовал в советско-германских мирных переговорах в Брест-Литовске (декабрь 1917 — март 1918). С апреля 1918 посол Германии в Москве. Убит 6 июля 1918 левым эсером Я.Г.Блюмкиным (1898-1929, расстрелян). Убийство Мирбаха было сигналом к началу левозероковского мятежа в Москве (6-7 июля 1918).
- МИХАЙЛОВСКИЙ** Николай Константинович (1842-1904). Публицист и критик, народник. Автор первой большой статьи о творчестве Андреева, положившей начало его литературному успеху (Страх смерти и страх жизни // Русское Богатство. 1901. №11. Отд. II. С.58-74). В ряде статей в 1880-1890-е («Герои и толпа», «Еще о героях», «Еще о толпе» и др.) Михайловский излагал мысль о созидательной роли выдающихся личностей в истории, противопоставляя их пассивным, на его взгляд, массам.
- МСТИСЛАВСКИЙ** (Масловский) Сергей Дмитриевич (1876-1943, Иркутск). Военный и политический деятель, писатель. Член ЦК и пре-

- зидиума партии левых эсеров. В 1917 член редакции газет «Дело народа» и «Знамя Труда».
- МУЙЖЕЛЬ Виктор Васильевич** (1880-1924, Петроград). Писатель, журналист. Сотрудник «Русской Воли».
- МУРАВЬЕВ Михаил Артемьевич** (1880-1918, Симбирск). Политический и военный деятель, левый эсер. В конце октября 1917 назначен начальником обороны Петрограда против войск Керенского-Краснова. В июне 1918 главнокомандующий Восточным фронтом. Во время левозеровского мятежа в Москве в июле 1918 восстал против большевиков. Убит в засаде 11 июля 1918.
- НАБОКОВ Константин Дмитриевич** (1872-1927, Лондон). Дипломат. С 1915 советник русского посольства в Лондоне, а после смерти посла графа А.К.Бенкендорфа (1849-1917, Лондон) поверенный в делах (январь 1917 — сентябрь 1919), представлял интересы русских эмигрантов в Великобритании. Автор книги воспоминаний «Испытания дипломата» (Стокгольм, 1921). Брат видного кадета В.Д.Набокова (1869-1922, Берлин) и дядя писателя В.В.Набокова (1899-1977, Монтрё, Швейцария).
- НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Владимир Иванович** (1858-1943, Москва). Театральный деятель, режиссер. Основатель (с К.С.Станиславским) Московского Художественного Театра (1898), в котором ставил пьесы Андреева «Анатэма», «Екатерина Ивановна» и «Мысль».
- НИЛУС Дмитрий Александрович** (1854-1916). Юрист. Председатель Московского окружного суда.
- НОВИЦКИЙ Георгий Исакиевич** (1889-?, США?). Политический, культурный и религиозный деятель. Окончил СПб. Электротехнический институт. В Финляндии секретарь А.В.Карташева в Особом комитете и Политическом совещании при Н.Н.Юдениче. В 1920-х обосновался в США, где занимался культурно-просветительной и благотворительной деятельностью в Нью-Йорке.
- НОСТИЦ Григорий Иванович**, гр. (1862-1926, Биарриц, Франция). Военный деятель, поэт. Перед Первой мировой войной военный атташе при русских посольствах в Берлине и Париже, потом генерал-майор генерального штаба и начальник штаба Гвардейского корпуса. Автор книги: Стихотворения. СПб., 1907. Владелец имения «Villa Nostra» в Териоках.
- НОСТИЦ** (урожд. Booton, в 1-м браке von Nimptsch, в 3-м de Fernandez-Azabal) **Лилия (Lilie) Карловна** (1871 или 1872-1968?, Мадрид). Американская цирковая артистка и актриса (Madeleine Bouton), преимущественно в Нью-Йорке (1890-1900-е). В 1907 вышла замуж вторым браком за графа Г.И.Ностица. Автор занимательных воспоминаний о светской жизни высших кругов аристократического общества Берлина, Парижа и СПб./Петрограда: Countess Nostitz (Lilie de Fernandez-Azabal). The Countess from Iowa. New York, 1936; английское издание: Romance and Revolutions. London, 1937.
- НУЛАНС Жан-Баптист Жозеф** (Noulens Jean-Baptiste Joseph, 1864-1939). Французский политический деятель и дипломат. В 1917-1918 посол

Франции в России, активно отстаивал интересы союзников после захвата власти большевиками и поддерживал антибольшевистские силы как внутри, так и вне России. Автор воспоминаний: Noulens J. *Mon ambassade en Russie Sovietique, 1917-1919*. 2 vol. Paris, 1933.

ОБОЛЕНСКАЯ (урожд. Гуревич, в 1-м браке Ройхель) Софья Самойловна (1889-1957, Лондон). Дочь С.Л.Гуревича, вторая жена кн. Владимира Федоровича Оболенского (1887-1952, Лондон).

ОБОЛЕНСКИЙ Александр Николаевич, кн. (1872-1924, Париж). Государственный и военный деятель, генерал-майор. Рязанский губернатор, адъютант Николая II, градоначальник СПб./Петрограда (1914-1916). Арестован в начале 1918 и после освобождения бежал в Финляндию. Заведовал приемом беженцев в Териоках и в 1919 участвовал в походе на Петроград. Во Франции с 1920.

28
ОЛЬ Андрей Андреевич (1833-1958, Ленинград). Архитектор. В 1905-1906 ученик финских архитекторов А.Линдгрена (1874-1929) и Э.Сааринена (1873-1950). Дача Андреева в Ваммельсуу построена в 1907-1908 по проекту Оля. Второй муж Р.Н.Андреевой. Мобилизован в 1916 и направлен на Кавказский фронт в Карс. Демобилизован из Красной армии в 1920. Впоследствии видный советский архитектор. О нем см. книгу: Быкова Г.Д. *Андрей Оль. Л.*, 1976.

ОЛЬ (в 1-м браке Жуковская, во 2-м Корхова) Галина Андреевна (род. 1910). Дочь А.А.Оля и Р.Н.Андреевой, архитектор-проектировщик, историк архитектуры.

ОРЛАНДО Витторио Эмануэле (Orlando Vittorio Emanuele, 1860-1952). Итальянский политический деятель. В 1917-1919 премьер-министр Италии. Возглавлял итальянскую делегацию на Парижской мирной конференции (1919-1920).

ПЕГУ Адольф (Pegoud Adolphe, 1889-1915). Летчик-испытатель фирмы Блерио. В 1913 первым совершил «мертвую петлю». Погиб в воздушном бою.

ПИЛЬСКИЙ Петр Моисеевич (1876-1941, Рига). Журналист, критик, писатель. Знакомый Андреева со времен московской газеты «Курьер», в которой Пильский начал печататься в 1901. Автор статей о жизни и творчестве Андреева. Сотрудник газеты «Русская Воля». В мае — июле 1917 редактор (с А.И.Куприным) петроградской газеты «Свободная Россия». Сотрудник газеты А.В.Амфитеатрова «Вольность», газеты «Вечерний Час»/«Новый Вечерний Час» и др. Основатель и директор первой Всероссийской школы журналистики. Весной 1919 попал в Одессу, а летом 1920 в Кишинев. Впоследствии обосновался в Риге, где сотрудничал в газете «Сегодня», преподавал русский язык и журналистику и писал детективные романы (под псевдонимом «А.Хрущев»). В 1920-е напечатал несколько статей об Андрееве в газете «Сегодня». Воспоминания Пильского об Андрееве были перепечатаны посмертно в нью-йоркской газете «Новое Русское Слово»: П.П. Леонид Андреев... 25 лет со дня кончины, 12 сентября 1919 года // 1944. 10 сентября. С.8.

- ПЛЕХАНОВ** Георгий Валентинович (1856-1918, Питкяряви, Финляндия). Политический деятель, публицист. Меньшевик, в Первую мировую войну оборонец, к большевистскому перевороту относился отрицательно.
- ПОЛЕШКО** Николай Иванович. Военный инженер, гласный Петроградской городской думы. Семья Полешко имела имение на Карельском перешейке.
- ПОПОВ** Дмитрий Дмитриевич (1862-?). Хирург-гинеколог. Ординарный профессор СПб./Петроградской Военно-медицинской академии. В Финляндии участвовал в работе Особого комитета.
- ПОТРЕСОВ** Александр Николаевич (1869-1934, Париж). Политический деятель, меньшевик. Во время Первой мировой войны оборонец. Лидер правых меньшевиков. После октября 1917 выступал за активную борьбу с большевиками. Автор статей о творчестве Андреева.
- ПРОПОПОВ** Александр Дмитриевич (1866-1917, Москва). Политический деятель, промышленник. Октябрист, член 3-й и 4-й Государственных дум, с 1914 товарищ председателя. В сентябре 1916 назначен министром внутренних дел по рекомендации Г.Е.Распутина. Сыграл важную роль в создании газеты «Русская Воля» (см.: ЛН2. С.165-186; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. С.200-201). 1 марта 1917 арестован. Расстрелян 19 декабря 1917 по постановлению ВЧК.
- ПУРИШКЕВИЧ** Владимир Митрофанович (1870-1920, Новороссийск). Политический деятель, монархист. Один из инициаторов Союза русского народа и Союза Михаила Архангела. Член 2-4-й Государственных дум. Участвовал в убийстве Г.Е.Распутина.
- ПУТИЛОВ** Алексей Иванович (1866—около 1926, Франция?). Крупнейший промышленник и финансист. Директор Русско-Азиатского банка, сыграл важную роль в создании газеты «Русская Воля». Эмигрировал во Францию. В начале 1920-х «сменил вехи» и субсидировал журнал «Смена вех» (см.: Общее Дело. 1922. №556. 8 февраля. С.1). Его финансовой деятельности в эмиграции посвящена большая часть «разоблачительной» книги Е.Семенова «Русские банки за границей и большевики» (Париж, 1926).
- ПЯТНИЦКИЙ** Константин Петрович (1864-1938, Ленинград). Литературный деятель. В 1900-е ближайший сотрудник М.Горького. Основатель и руководитель издательства «Знание», в котором печатались первые книги рассказов Андреева, и один из редакторов «Сборников товарищества "Знание"», в которых тоже печатались произведения Андреева.
- РАЕЦКИЙ** Савелий Семенович (?-1925). Журналист. Директор Бюро печати при московском Военно-промышленном комитете в 1916-1917, после Февральской революции заведовал Петроградским телеграфным агентством.
- РАНТАКАРИ** Карл (Rantakari Kaarle, 1877-1948). Финский политический деятель, публицист. В 1905-1911 секретарь Финской партии. Ди-

- ректор Саво-Карьяланского банка (Savo-Karjalan Osakepankki) (1916-1924). После гражданской войны в Финляндии возглавил комитет для изучения положения русской колонии в Выборгской губернии. Комендант териокской пограничной зоны.
- РАСПУТИН (Новых) Григорий Ефимович** (1864 или 1865-1916, Петроград). «Злой гений» императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, которые подпали под его влияние благодаря его роли целителя большого гемофилией цесаревича Алексея Николаевича (1904-1918, Екатеринбург). Вне узкого придворного круга его поклонников Распутин пользовался репутацией развратника. Убит кн. Ф.Ф.Юсуповым (1887-1967, Париж), В.М.Пуришкевичем и вел. кн. Димитрием Павловичем.
- РЕЙСНЕР Михаил Андреевич** (1868-1928, Москва). Правовед. Приват-доцент СПб./Петроградского университета, профессор Психоневрологического института. В 1918 член комиссии по реформе высших учебных заведений при Наркомпросе. Член Коммунистической академии. Автор двух книг об Андрееве: Л.Андреев и его социальная идеология: Опыт социологической критики. СПб., 1909; Пролетариат и мещанство: Две души русского народа в учениях Леонида Андреева и Максима Горького. Пг., 1917. Андреев дружил с Рейснером, и в 1913-1914 Вадим Андреев жил в семье Рейснеров (см.: Детство. С.73-98). Рейснер — отец писательницы Ларисы Рейснер (1895-1926, Москва).
- РЕМИЗОВ Алексей Михайлович** (1877-1957, Париж). Писатель. Впервые печатался по рекомендации Андреева в 1902 в газете «Курьер». Автор воспоминаний об Андрееве: Москва: /.../ Анафема: Леонид Андреев, 1871-1919 // Новоселье. 1949. №39-41. С.5-10.
- РЕМИЗОВА** (урожд. Довкелло/Довгелло) Серафима Павловна (1876-1943, Париж). Жена А.М.Ремизова, палеограф.
- РЕПИН Илья Ефимович** (1844-1930, Куоккала, Финляндия). Художник. Автор трех портретов Андреева и двух портретов А.И.Андреевой, друг и сосед Андреева на Карельском перешейке. Андреев посвятил Репину повесть «Иго войны» (1916).
- РЕРИХ** (урожд. Шапошникова) Елена Ивановна (1879-1951, Калькутта, Индия). Жена Н.К.Рериха. Автор сборника стихотворений «Листы сада Мории» (Нью-Йорк, 1924-1925) и (под псевдонимом Natalie Rokotoff книги: Foundations of Buddhism (Основы буддизма). New York, 1930.
- РЕРИХ Николай Константинович** (1874-1947, Кулу, Индия). Художник, этнолог и археолог, путешественник, общественный деятель.
- РИХТГОФЕН Манфред фон** (Richthofen Manfred von, 1892-1918). Немецкий летчик. В Первую мировую войну сбил около 80 вражеских самолетов. Известен под именем «Красный барон». Погиб в воздушном бою над Во-сюр-Сомм (Франция) 21 апреля 1918.
- РОДЗЯНКО Михаил Владимирович** (1859-1924, Югославия). Политический деятель. Октябрист, с 1911 председатель Государственной ду-

- мы. 27 февраля 1917 возглавил Временный комитет Государственной думы, который 2 марта 1917 создал Временное правительство. Родзянко надеялся спасти монархию путем замены Николая II.
- РОЗЕНФЕЛЬД** Исаак Максимович. Журналист. Заведовал петроградским отделением газеты «Раннее Утро», сотрудник «Русской Воли».
- РОЩИНА-ИНСАРОВА** (урожд. Пашенная) Екатерина Николаевна (1883-1970, Кормей-эн-Паризи, Франция). Актриса. В 1909-1911 в труппе театра К.Н.Незлобина (1857-1930, Прибалтика?), потом в труппах московского Малого театра (1911-1912) и Александринского театра в СПб. (с 1913). Исполняла роль Анфисы в одноименной пьесе Андреева, читала монолог «Бельгия» на вечере в Марининском театре в ноябре 1914. После отъезда из России продолжала выступать во всех центрах русского зарубежья.
- РУМАНОВ** Аркадий Вениаминович (1878-1960, Париж). Юрист, журналист, меценат. Руманов родился в одной из немногочисленных еврейских семей, которым разрешалось жить в Царском Селе. Его отец был часовых дел мастером. Выпускник царскосельского лицея (1894), окончил юридический факультет СПб. университета, журналистскую карьеру начал в газете «Биржевые Ведомости», потом назначен заведующим СПб. отделения газеты И.Д.Сытина (1851-1934, Москва) «Русское Слово». С 1916 директор правления «Товарищества издательского и печатного дела А.Ф.Маркс» (СПб./Петроград, 1907-1919, 1922-1924). С середины апреля 1919 в Лондоне в качестве представителя Политического совещания при генерале Юдениче, член лондонского Комитета Освобождения России (Russian Liberation Committee). Впоследствии обосновался во Франции, где играл значительную роль в культурной жизни эмиграции, несколько лет путешествовал с вел. кн. Александром Михайловичем (1866-1933, Рокбрюн, Франция) в качестве компаньона и секретаря. После Второй мировой войны, во время которой он вынужден был прятаться от немцев, — один из основателей газеты «Русский [потом Советский] патриот», взял советский паспорт, но вскоре отошел от политической деятельности.
- РЯБУШИНСКИЙ** Павел Павлович (1871-1924, Камбо-ле-Бэн, Франция). Крупнейший промышленник, финансист, меценат. Председатель учрежденного в 1915 в Москве Военно-промышленного комитета, целью которого была «мобилизация промышленности». Владелец газеты «Утро России».
- САБЛИН** Юрий Владимирович (1897-1937, умер в заключении). Военный деятель, левый эсер. Во время октябрьского вооруженного восстания член штаба Московского Военно-революционного комитета, затем член Президиума Московского Совета. Летом 1918 участвовал в восстании левых эсеров в Москве.
- САВИНКОВ** Борис Викторович (псевд. Ропшин В.) (1879-1925, Москва). Террорист, эсер, писатель. В 1917 был комиссаром Юго-западного фронта и товарищем военного министра Л.Г.Корнилова. Осенью 1917 один из «заговорщиков», которые пытались купить «Русскую Волю».

- После октябрьского переворота занимался разнообразнейшей антибольшевистской деятельностью, преимущественно вооруженной, как в России, так и в Польше и других соседних странах. Некоторое время жил во Франции, где продолжал борьбу против советской власти, но в 1924 был арестован при нелегальном переходе советской границы и после судебного процесса покончил жизнь самоубийством (по другой версии был убит) в тюрьме.
- САЗОНОВ Сергей Дмитриевич** (1860-1927, Ницца). Государственный деятель. Министр иностранных дел (1910-1916), представитель Деникина и Колчака в Париже.
- СЕВИЕР Эдуард Ричардович** (Sevier Edward, 1856-1926, Финляндия). Англо-русский финансист, член СПб./Петроградской биржи, связан делами с Монетным двором. После революции жил в Тюрисе.
- СЕЙН Франс Альберт** (Seyn Frans Albert, 1862-1918, расстрелян). Генерал-губернатор Финляндии (1909-1917). Арестован в 1917, перевезен в Россию и расстрелян.
- СЕРАФИМОВИЧ (Попов) Александр Серафимович** (1863-1949, Москва). Писатель. Друг Андреева со времен московской «Среды». Летом 1916 Серафимович отказался от сотрудничества в газете «Русская Воля». Поддерживал большевиков после их прихода к власти.
- СЕРОВ Валентин Александрович** (1865-1911). Художник. Автор портретов Андреева.
- СКАБИЧЕВСКИЙ Александр Михайлович** (1838-1910). Литературный критик и историк литературы. Сотрудник журналов «Отечественные Записки», «Русское Богатство», «Северный Вестник», «Мир Божий» и др., автор «Истории новейшей русской литературы» (СПб., 1891; 7-е изд.: 1907).
- СКАВЕНИУС Гаралд Рогер** (Scavenius Harald Roger, 1873-1939). Датский дипломат. В 1912-1918 посол Дании в России, активный противник большевистской власти. Летом 1919 пытался обеспечить армии Н.Н.Юденича продовольствие, но получил отказ от Политического Совещания (см.: Год интервенции. Кн.2. С.140-141).
- СКИТАЛЕЦ (Петров Степан Гаврилович, 1869-1941, Москва). Писатель. Друг Андреева по «Среде», печатался в издательстве «Знание».**
- СЛОНИМСКИЙ Иосиф Наумович.** Портной на Загородном проспекте, д.3.
- СМИДОВИЧ Петр Гермогенович** (1874-1935, Москва). Политический деятель, большевик. В 1917 член, в частности, московского Военно-революционного комитета, учрежденного 25 октября Городской думой и поддерживающими ее военными силами.
- СОЛОГУБ (Тетерников) Федор Кузьмич** (1863-1927, Ленинград). Писатель. В мае 1918 выбран председателем Союза деятелей художественной литературы.
- СПИРИДОНОВА Мария Александровна** (1884-1941, расстреляна в заключении). Террористка, левая эсерка. В 1917-1918 одна из лидеров левых

эсеров. Летом 1918 участвовала в восстании левых эсеров в Москве, приговорена к 1 году тюремного заключения, амнистирована 29 ноября 1918.

СТАНИСЛАВСКИЙ (Алексеев) Константин Сергеевич (1863-1938, Москва). Театральный деятель, актер, режиссер. Основатель (с Вл.И.Немировичем-Данченко) Московского Художественного Театра. Поставил в 1907 пьесу Андреева «Жизнь Человека» (1906).

СТРУВЕ Петр Бернгардович (1870-1944, Париж). Экономист, философ, политический деятель. В январе 1919 был выбран в Выборге одним из товарищей председателей Национального русского комитета, органом которого была газета «Русская Жизнь». Впоследствии представлял интересы генерала Юденича и Политического совещания в Париже и Лондоне.

СУХАНОВ Н. (Гиммер Николай Николаевич) (1882-1940, умер в заключении). Революционер, экономист, публицист. В 1917 перешел от эсеров к меньшевикам. Член Исполнительного комитета Петроградского Совета. Соредактор с Горьким газеты «Новая Жизнь». Во время октябрьского переворота поддерживал большевиков.

СУХОМЛИН Василий Васильевич (1885-1963, Москва). Публицист, переводчик. Сын В.И.Сухомлина. С 1903 эсер. В 1907 бежал из ссылки за границу. Окончил университет в Монпелье (Франция) в 1912. Печатался с 1915. После революции жил в эмиграции, преимущественно в Париже, но во время Второй мировой войны находился в США. В 1954 вернулся в СССР в качестве корреспондента французской газеты «Libération»

СУХОМЛИН Василий Иванович (1860-1938, умер в заключении). Революционер. Отец В.В.Сухомлина. В молодости народник, участник «процесса 21-го», провел 16 лет на каторге на Каре. С 1903 эсер, в 1907-1910 в заграничной ссылке, во время Первой мировой войны активный оборонец и участник боевых действий 7-й армии, в сентябре 1917 представитель министра земледелия на Северном Кавказе, депутат Всероссийского крестьянского съезда в Петрограде в ноябре 1917. Впоследствии перешел на лояльную позицию по отношению к большевистской власти.

СУХОМЛИНОВ Владимир Александрович (1848-1926, Берлин). Военный деятель. В 1909-1915 военный министр. В связи с неподготовленностью армии к войне несколько раз арестовывался. В сентябре 1917 приговорен к бессрочному заключению. 1 мая 1918 освобожден ввиду преклонного возраста. Эмигрировал в Германию через Финляндию.

СЫРОВ Михаил Михайлович. Официальный издатель и управляющий финансовой частью «Русской Воли». В 1908 был управляющим типографией и домом «Биржевых Ведомостей».

ТЕЛЕШОВ Николай Дмитриевич (1867-1957, Москва). Писатель. Основатель «Среды».

ТЕЛЕШОВА (урожд. Карзинкина) Елена Андреевна (1869-1943). Художница, жена Н.Д.Телешова.

ТИАНДЕР Карл Федорович (Tiander Karl, 1873-1938). Профессор СПб. университета, журналист. Родился в СПб. в семье финского ювелира. Окончил СПб. университет, с 1905 печатал работы по русской истории, скандинавской литературе и современной политике Финляндии. Защитил докторскую диссертацию о датско-русских литературных связях, приват-доцент, а потом профессор СПб. университета на кафедре германистики, преподавал в ряде СПб. училищ и гимназий и на женских курсах. Печатался в «Русской Воле» в 1917. После революции сотрудник русских и шведских газет в Финляндии, преподаватель Рижского университета, с 1922 по 1937 корреспондент финских газет в Германии.

ТИМКОВСКИЙ Николай Иванович (1863-1922, Москва). Писатель, сотрудник газеты «Курьер» и участник «Среды».

ТИХОНОВ Александр Николаевич (псевд. Серебров) (1880-1956, Москва). Литератор, издатель и администратор. Близкий сотрудник Горького, редактор журнала «Летопись», издательства «Парус» и газеты «Новая Жизнь», заведующий издательством «Всемирная литература». Второй муж В.В.Шайкевич.

ТОЛСТОЙ Алексей Николаевич (1882-1945, Москва). Писатель.

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич (1828-1910). Писатель.

ТРОЦКАЯ-СЕНЮТОВИЧ Вера Петровна. Жена В.Н.Троцкого-Сенютовича. В 1918-1919 жила с семьей на Карельском перешейке и вошла в круг знакомых Андреева.

ТРОЦКИЙ (Бронштейн) Лев Давыдович (1879-1940, Мексика). Революционер. Главный руководитель большевистского вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 и, после Ленина, самый важный деятель первого советского правительства.

ТРОЦКИЙ-СЕНЮТОВИЧ Владимир Николаевич. Промышленник и финансист. Директор-распорядитель акционерного общества Петроградского товарищества складов, холодильников и элеваторов; председатель правления акционерного общества Коломенской мануфактуры; член правления многочисленных, преимущественно нефтепромышленных, акционерных и торговых обществ. В Финляндии участвовал в работе Особого комитета и Продовольственного отделения Политического совещания.

ТРУБЕЦКОЙ Никита Сергеевич, кн. (1877-1963, Кламар, Франция). Военный, кавалерист. Адьютант вел. кн. Николая Михайловича (1859-1919, Петроград, расстрелян). Муж Л.Н. Егоровой, с которой эмигрировал во Францию через Финляндию и Германию.

ТУМАРКИН Александр Моисеевич (1885-1941, Нью-Йорк). Зять С.Л.Гуревича. Окончил юридический факультет СПб. университета, участник студенческих демонстраций 1905, временно исключен из университета. В 1918 приехал из Петрограда к семье в Тервус. В 1919 переехал в Париж, в 1921 — в Берлин, а в 1941 после многих приключений — в Нью-Йорк, где находилась его семья.

ТУМАРКИНА (урожд. Гуревич) Анна Самойловна (1885-1966, Вашингтон). Старшая дочь С.Л.Гуревича, жена А.М.Тумаркина. Училась истории искусств и агрономии в Берлинском университете. С 1919 близкий друг А.И.Андреевой вплоть до смерти последней в 1948. В 1939 уехала из Берлина в Париж, а в 1940 переехала в США.

ТХОРЖЕВСКИЙ Иван Иванович (1876-1951, Париж). Литератор, государственный и общественный деятель. Камергер и действительный статский советник. Автор сборника стихотворений и антологии современной французской поэзии. До 1914 сотрудник органа дворянства «Гражданин». До 1915 директор кабинета министра земледелия А.В.Кривошеина (1857-1921, Берлин) и сотрудник переселенческого отдела министерства. После 1915 работал в товариществе резиновой мануфактуры «Треугольник» и в Петроградском Торгово-промышленном банке. Жил несколько лет в Финляндии после 1917. Автор стихотворения «Памяти Леонида Андреева» (Русская Жизнь. 1919. №183. 10 октября. С.3). Секретарь правительства генерала П.Н.Врангеля в Крыму. Эмигрировал во Францию, где занимался литературоведением, опубликовал книгу: Русская литература: В 2 тт. Париж, 1946. Редактор первых выпусков журнала «Возрождение» в 1949.

УОТИНЕН Микко (Uotinen Mikko, 1885-1931). Финский писатель и публицист из Териок.

УРИЦКИЙ Моисей Соломонович (1873-1918, Петроград). Большевик. С марта 1918 председатель Петроградской Чрезвычайной Комиссии. Убит студентом и поэтом Л.А.Каннегисером (1897-1918, Петроград).

УЭЛЛС Герберт Джордж (Wells Herbert George, 1866-1946). Английский писатель. В библиотеке Андреева имелись русские переводы книг Уэллса, в том числе роман о нашествии марсиан на землю «Война миров» (1898). В 1918 Уэллс приветствовал большевистскую власть (см., напр., его статью в газете «Daily Mail»: Over-Seas Edition. 1918. 15 January).

ФАЛЬКОВСКАЯ Евгения Алексеевна. Жена Ф.Н.Фальковского. Близкий друг семьи Андреевых в 1918-1919.

ФАЛЬКОВСКИЙ Федор Николаевич (1874-1942, Ленинград). Писатель, драматург, театральный директор. Премьера пьесы Андреева «Дни нашей жизни» состоялась в петербургском Новом драматическом театре Фальковского в 1908. Фальковский был сотрудником «Русской Воли». Будучи соседями по даче на Карельском перешейке, Андреев и Фальковский особенно дружили после революции. За несколько дней перед смертью Андреев с семьей переехал на дачу Фальковского в Мустамяки, там он и скончался. О роли Фальковского в издании посмертных произведений Андреева и о его «смене вех» см.: Hellman V. *Biblion: A Russian Publishing House in Finland // Studia Slavica Finlandensia*. 1985. №2. P.7-10, 14-16, 26-27. Фальковский был выслан из Финляндии в Советскую Россию в 1922.

- ФЕЙТ** Андрей Юльевич (1864-1926, Москва). Врач. Работал врачом во Франции в Первую мировую войну и в гражданскую войну в России. После возвращения в Россию в 1917 участвовал в работе Союза городов и Красного креста. Впоследствии заведовал санаториями в Пушкино и в Москве.
- ФИГНЕР** Вера Николаевна (1852-1942, Москва). Революционерка. Член Исполнительного комитета Народной Воли. В 1884-1904 в заключении в Шлиссельбургской крепости. В 1906-1915 в эмиграции, до разоблачения Азефа близка к эсерам. Познакомилась с Андреевым у Горького на Капри в 1907. Впоследствии возглавила с женой Горького Е.П.Пешковой (1878-1965, Москва) Политический Красный Крест. В 1918 товарищ председателя организации «Культура и Свобода».
- ФИЛОСОФОВ** Дмитрий Владимирович (1872-1940, Отвоцк, Польша). Литературный критик, публицист. Ближайший друг и сотрудник З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского. Автор нескольких, чаще всего отрицательных, статей о произведениях Андреева.
- ФРАНС** (Тибо) Анатолий (France, наст. фам. Thibault Anatole, 1844-1924). Французский писатель. В 1914-1916 написал ряд патриотических статей. С 1917 выступал в защиту Советской России.
- ФРИЧЕ** Владимир Максимович (1870-1929, Москва). Историк литературы, критик, марксист. Коллега Андреева по работе в газете «Курьер».
- ХВОСТОВ** Алексей Николаевич (1872-1918, Москва). Политический деятель. В 1915-1916 министр внутренних дел. Беспощадный враг Государственной думы и демократической прессы. Расстрелян по постановлению Совета Народных Комиссаров от 5 сентября 1918.
- ЦЕТЛИН** (иногда: Цейтлин) Натан Сергеевич (1872-?). Издатель. Владелец издательства «Просвещение» (СПб./Петроград, 1896-1922). В декабре 1909 Андреев продал Цетлину все свои произведения за 100 тысяч рублей и предоставил ему право перепечатать свои новые сочинения за тысячу рублей с листа. В 1911-1913 издательство «Просвещение» выпустило Собрание сочинений Андреева в 13 тт. со вступительной статьей М.А.Рейснера. Цетлин возобновил издательскую деятельность «Просвещения» в Берлине в 1920-е и там же основал медицинское издательство «Врач» (1919-1933).
- ЧАЙКОВСКИЙ** Николай Васильевич (1850/1851-1926, Лондон). Революционер, народник. В 1900-е эсер, во время Первой мировой войны сотрудник Земского и городского союза, с Февральской революции трудовик, в 1918 председатель антибольшевистского правительства в Архангельске, член Уфимской директории, в 1919 член Русского политического совещания в Париже, в 1920 член Южнорусского правительства.
- ЧЕРНОВ** Виктор Михайлович (1873-1952, Нью-Йорк). Один из основателей партии эсеров и главный ее теоретик. Министр земледелия во Временном правительстве (май — август 1917), председатель Учредительного собрания. После разгона Учредительного собрания в январе 1918 скрылся в подполье сначала в Москве, а потом в Саратове, где участ-

вовал в антибольшевистском движении. С сентября 1918 член самарского Комитета членов Учредительного собрания (Комуч) и Уфимского государственного совещания. В эмиграции с 1920.

ЧЕХОВ Антон Павлович (1860-1904). Писатель.

ЧИРИКОВ Георгий Евгеньевич (род. 1902). Сын Е.Н.Чирикова. Инженер-электрик, в Чехословакии работал на Шкодовских заводах, переехал в США в 1949, проживает в штате Вирджиния.

ЧИРИКОВ Евгений Евгеньевич (1901-1971, Ташкент). Сын Е.Н.Чирикова. Вступил в Добровольческую армию, был тяжело ранен и потерял ногу в «Ледовом походе». В Чехословакии работал инженером-электриком на пражской радиостанции. После Второй мировой войны вернулся в СССР из Чехословакии и поселился в Ташкенте.

ЧИРИКОВ Евгений Николаевич (1864-1932, Прага). Писатель, драматург. Друг Андреева по «Среде», печатался в издательстве «Знание». Отказался от сотрудничества в «Русской Воле». С 1921 жил в Чехословакии.

ЧИРИКОВА (урожд. Григорьева, театральн. псевд. Иолшина) Валентина Георгиевна (1876-1966, Нью-Йорк). Жена Е.Н.Чирикова. Драматическая актриса, работала в 1906-1907 у В.Э.Мейерхольда. Переехала из Чехословакии в Нью-Йорк в 1949. Крестная мать С.Л.Андреева.

ЧИРИКОВА (в браке Ульянищева) Валентина Евгеньевна (1898-1988, Горький). Дочь Е.Н.Чирикова. В Первую мировую войну работала в строй милосердия. В эмиграции с 1920. Жила в Египте, Чехословакии, Франции, где окончила Страсбургский университет, и в Югославии. Занималась прикладным искусством. После Второй мировой войны вернулась из Чехословакии в СССР, работала библиотекарем.

ЧИРИКОВА (в браке Шнитникова) Людмила Евгеньевна (род. 1896). Дочь Е.Н.Чирикова. Художница. Ученица Д.Н.Кардовского (1866-1943, Переславль-Залесский) и И.Я.Билибина (1876-1942, Ленинград). В эмиграции с 1920. Работала в Каире помощницей Билибина, в Берлине оформительницей книг в русских издательствах. Вышла замуж за выпускника СПб. Политехнического института, экономиста Бориса Николаевича Шнитникова (1886-1961, Нью-Йорк). После переезда в Нью-Йорк работала художницей на текстильной фабрике и в театральных мастерских. Проживает в штате Флорида.

ЧИРИКОВА (в 1-м браке Рождественская, во 2-м Ретивова) Новелла Евгеньевна (1895-1978, Амстердам, США). Дочь Е.Н.Чирикова. В 1914 вышла замуж за только что окончившего юридический факультет СПб. университета Геннадия Петровича Рождественского (1892/1893?-1914), который сразу после женитьбы был послан на фронт и погиб. Работала драматической актрисой в США.

ЧИЧЕРИН Георгий Васильевич (1872-1936, Москва). Революционер, советский государственный деятель, дипломат. В 1918 назначен сначала заместителем наркома иностранных дел, а с 30 мая наркомом, прослужил на этом посту до 1930.

ЧУКОВСКИЙ Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич, 1882-1969, Кунцево). Писатель, литературовед. Автор книг и статей о жизни и творчестве Андреева, редактор 8-томного Полного собрания сочинений Андреева, вышедшего в издательстве А.Ф.Маркса в 1913 как бесплатное приложение к журналу «Нива». В 1912 переселился в Куоккалу, где подолгу жил и раньше. Дружил с Репиным и Андреевым. В 1916 по приглашению Горького стал руководителем детского отдела издательства «Парус». С 1918 руководил англо-американским отделом издательства «Всемирная литература».

ЧХЕИДЗЕ Николай (Карло) Семенович (1864-1926, Париж). Меншевик. Лидер меньшевиков в 3-й и 4-й Государственных думах. В 1917 член Временного комитета Государственной думы, председатель Исполнительного комитета Петроградского Совета. С 1919 председатель правительства Грузии, эмигрировал в 1921.

ШАЙКЕВИЧ (псевд. Аш) Анатолий Ефимович (1879-1947, Париж). Журналист, балетный критик, коллекционер, музыкант. Сын Е.Г.Шайкевича от его первого брака с Евгенией Борисовной Манасевич. Член правления петроградских акционерных обществ. Сотрудник «Русской Воли». Автор книг и статей о балете, редактор литературного альманаха «Орион». Его вторая жена — Клавдия Васильевна (урожд. Павлова, 1899-1958, Париж).

ШАЙКЕВИЧ (урожд. Зубкова) Варвара Васильевна (1884-1950, Париж). Первая жена А.Е.Шайкевича, впоследствии состояла в гражданском браке с А.Н.Тихоновым, с которым приезжала в Финляндию в январе 1919. Близкий друг Горького, уехала с ним из России в октябре 1921.

ШАЙКЕВИЧ Ефим Григорьевич (1848-1928, Париж). Финансист, юрист. Окончил юридический факультет СПб. университета, служил свыше 15 лет в Гражданском кассационном департаменте Сената и в Комиссии по составлению проекта Гражданского Уложения. С 1888 присяжный поверенный округа СПб. судебной палаты. С 1898 член правления, а потом и директор-распорядитель и председатель правления петроградского Международного коммерческого банка, сыгравшего под его руководством важную роль в создании газеты «Русская Воля». Председатель правления и член правления многочисленных крупных предприятий. После октябрьского переворота поселился с семьей на даче в Тюристе по соседству с Андреевыми. Перед отъездом во Францию вошел в Совет представителей русской промышленности и торговли в Финляндии. В парижской эмиграции возобновил с В.Н.Коковцовым и А.И.Вышнеградским деятельность Международного коммерческого банка (Banque internationale de commerce). Сохранилось письмо Ш. к А.И.Андреевой от 27 октября 1919, написанное в Париже, в котором он ей сообщает о создании фонда памяти Леонида Андреева и о переводе 35000 финских марок в Финляндию на ее имя (РАЛ MS.606/G.11. xiii*).

ШАЙКЕВИЧ (урожд. Манасевич, в 1-м браке Берман) Лидия Борисовна (1872-1935, Париж). Вторая жена Е.Г.Шайкевича, сестра его рано умершей первой жены Е.Б.Манасевич.

- ШАЛЯПИН Федор Иванович** (1873-1938, Париж). Оперный певец. Дружил с Андреевым со времен «Среды», Андреев посвятил ему «Жизнь Василия Фивейского» (1904), крестный отец С.Л.Андреева. До 1922 оставался в Советской России и принимал активное участие в театральной жизни страны, выступая перед рабочими, красноармейцами, школьниками и т.д.
- ШЕРЕМЕТЬЕВ Александр Дмитриевич**, гр. (1859-1931, Сент-Женевьев-де-Буа, Франция). Музыкальный и общественный деятель, меценат, дирижер, композитор. Окончил СПб. Пажеский корпус. В 1880-е создатель оркестра и хоровой капеллы. С конца 1890-х устроитель симфонических концертов в СПб. Основатель Музыкально-исторического общества им. гр. А.Д.Шереметьева (1910-1916).
- ШЕРЕМЕТЬЕВА** (урожд. Гейден) Мария Федоровна, гр. (1863-1939, Вильмуасон, Франция). Жена гр. А.Д.Шереметьева.
- ШИНГАРЕВ Андрей Иванович** (1869-1918, Петроград). Политический деятель, кадет. Депутат 2-4-й Государственных дум. В марте — мае 1917 министр земледелия, в мае — июле 1917 министр финансов во Временном правительстве. В ноябре 1917 арестован. 7 января 1918 вместе с проф. Ф.Ф.Кокосхиным (1871-1918, Петроград) убит матросами в Марининской больнице.
- ШМЕЛЕВ Иван Сергеевич** (1873-1950, Париж). Писатель. Дружил с Андреевым в 1910-е, отказался от сотрудничества в «Русской Воле».
- ШУБЕРСКИЙ Владимир Петрович**, гр. (1877-1958, Париж). Промышленник, инженер. Директор правления общества Алтайской и Северо-Восточной Уральской ж.д. и Первого Российского товарищества воздухоплавания, член правления Русско-Французского коммерческого банка. Член Политического совещания при Н.Н.Юдениче, заведовал печатанием в Швеции денег для Белого движения, совладелец (с М.С.Валовым) гельсингфорсской газеты «Русская Жизнь». Обосновался в Париже в середине 1920-х.
- ЩАСТНЫЙ Алексей Михайлович** (1881-1918, расстрелян). Военный деятель, капитан 1 ранга. 22 марта 1918 выбран командиром Балтийского флота, во время «Ледового похода» из Гельсингфорса в Кронштадт. Расстрелян в июне 1918.
- ЩЕГЛОВИТОВ Иван Григорьевич** (1861-1918, Москва). Государственный деятель. С 1906 по июль 1915 министр юстиции. В 1917 председатель Государственного Совета. 27 февраля 1917 арестован. 5 сентября 1918 расстрелян по приговору революционного трибунала.
- ЩЕГОЛЕВ Павел Елисеевич** (1877-1931, Ленинград). Литературовед, историк. Автор капитальных трудов о Пушкине, в том числе «Дуэль и смерть Пушкина» (2 издания, 1916 и 1917). После Февральской революции разобрал материалы Департамента полиции. Редактор семитомного документального издания «Падение царского режима» (1924-1927) и альманахов «Былое».

ЭДУАРДОВА (в 1-м браке Давыдова/Давидова, во 2-м Левитан) Евгения Платоновна (1882-1960, Нью-Йорк). Балерина, педагог. Артистка СПб. Мариинского театра (1901-1917), основала первую русскую школу балета в Германии (Берлин, 1920-1935), где ее второй муж, Я.С.Левитан, редактировал журнал «Der Tanz», продолжала педагогическую деятельность в Париже (1935-1947) и в Нью-Йорке (с 1947).

ЭЙХГОРН Герман фон (Eichhorn Hermann von; 1848-1918). Главнокомандующий немецкими войсками на Украине, генерал-фельдмаршал. Убит 30 июля 1918 в Киеве эсером Б.М.Донским по поручению Революционного комитета левых эсеров в Москве.

ЭЛЬВЕНГРЕН Георг (Elfvengren Georg/Yrjö; 1889-1927, расстрелян). Финский военный деятель. В Первую мировую войну офицер русской армии. В 1917-1918 командовал антибольшевистскими войсками крымских татар. Вернулся в Финляндию в начале финской гражданской войны и командовал 1-м полком Карельской армии. В 1920 генерал-майор в армии П.Н.Врангеля. Впоследствии гельсингфорсский представитель Б.В.Савинкова, обеспечивал контакты Савинкова из Варшавы с петроградской Боевой организацией. В 1925 проник в Россию и занимался шпионажем и терроризмом. Арестован ЧК и расстрелян в 1927.

ЭРВЕ Гюстав (Hervé Gustave; 1871-1944). Французский публицист и политический деятель. До 1914 крайний социалист, пацифист, интернационалист, издатель газеты «La Guerre sociale», с 1914 перешел на крайние патриотические позиции и переименовал свою газету в «La Victoire». В 1927 основал французскую национал-социалистическую партию. Эрве указан в списке сотрудников газеты в №1 «Русской Воли». Выдержки из «S.O.S.» на французском языке появились в номере «La Victoire» от 22 марта 1919. (С.3).

ЮДЕНИЧ Николай Николаевич (1862-1933, Ницца). Военный деятель, генерал. В 1915-1916 командовал Кавказской армией, в 1917 главнокомандующий войсками Кавказского фронта, в 1919 главнокомандующий Северо-западной армией.

ЯРОШИНСКИЙ Карл Иосифович. Сахарозаводчик, в 1916 уполномоченный склада вел. кн. Марии Павловны (младшей) в Петрограде, летом 1919 в Лондоне.

ЯСИНСКИЙ Иероним Иеронимович (1850-1931, Ленинград). Писатель, журналист. Андреев всегда относился к Ясинскому с признательностью и теплотой и считал, что рецензия последнего на его первый сборник рассказов (Чунов М. [И.И.Ясинский]. Невысказанное: Леонид Андреев: Рассказы [...] // Ежемесячные Сочинения. 1901. №12. С.377-384): «/.../ сказала мне столько, сколько впоследствии не сказала вся литература обо мне» (Клейнборг Л. Встречи: Леонид Андреев // Былое. 1924. №24. С.178). В своей автобиографии (Роман моей жизни. М.; Л., 1926) Ясинский посвятил несколько страниц Андрееву (С.308-312, 321-322). См. также статью Ясинского о посещении Андреева в «Синем Журнале» (1911. №11. 5 марта. С.2-3). Сохранился цветной фотопорт-

рет Ясинского работы Андреева (ПАЛ MS.606/G.1.vii.g, №1278а), снятый в Ваммельсуу в 1911, год сорокалетия литературной деятельности Ясинского, в связи с чем Андреев ему послал поздравительную телеграмму, сразу попавшую в печать (Исторический Вестник. 1911. №2. С.704) и служившую поводом для критики, в частности со стороны Горького (см.: ЛН72. С.319).

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

(В круглых скобках год первой публикации,
в квадратных — год написания)

- Алеша-дурачок (1898) 475
Анатэма (1909) 23, 233, 234, 456, 478, 551
Ангелочек (1899) 156
Анфиса (1909) 481
- Баргамот и Гараська (1898) 371, 398, 427, 476, 518
Бездна (1902) 405
Бельгия (1914) 555
Буяниха [1901] 512
- В тумане (1902) 63, 64, 432
Великан (1908) 521
Veni, Creator! (1917) 473
[Вина составителей «Приказа №1»...] [1917] 456
Во имя революции (1917) 517, 548
Воздыхания и т.д. (1917) 474
Вопрос (1917) 463
Вочеловечившийся Дьявол см. Дневник Сатаны
- Гибель (1917) 70, 134, 237, 277, 455, 481, 518
Глухой композитор [1918] 118, 449
- Две летописи (1914) 512
День гнева (1910) 521
Держава Рериха (1919) 12, 267, 349-352, 486, 487, 490, 491, 493, 494, 508, 512-514, 527
Дневник Сатаны [1918-1919] 7, 12, 17, 138, 142, 143, 146, 149, 151, 153, 154, 172, 173,
176, 265, 278, 280, 282, 314, 316, 325, 328, 333, 355, 357, 372, 374, 382, 394, 456, 476,
485, 500, 516, 520
Дни нашей жизни (1909) 23, 129, 233, 538, 559
Дьявол см. Дневник Сатаны
- Европа в опасности [1919] 360-367, 472, 497, 517, 525
Екатерина Ивановна (1913) 108, 171, 234, 313, 314, 318, 442, 501, 503, 551
Елеазар (1906) 233
- Жизнь Василия Фивейского (1904) 457, 563
Жизнь Человека (1907) 25, 26, 38, 44, 76, 103, 233, 234, 435, 550, 557
- Загадка (1895) 483
- И снова рыцари на час (1917) 472, 481, 518
Иго войны (1916) 51, 137, 423, 554
Иуда Искариот (картина) 40, 44 473
Иуда Искариот и другие (1907) 23, 233, 234, 423

- К любящим Родину (1917) 433
 К моему отказу от сотрудничества в «Современном Мире» (1917) 521
 К сотому представлению «Кармен» (1916) 541
 К тебе, солдат! (1917) 376, 391, 434, 452, 481, 518, 520
 Кающийся (Происшествие) (1913) 177, 405
 Король, закон и свобода (1914) 51
 Красный смех (1905) 242, 376, 430
- Любовь к ближнему (1908) 521
- Марсельеза (1905) 512
 Младость (1916) 477
 Мое предсказание [1914] 426
 Мои записки (1908) 23, 233, 424
 Мысль (рассказ) (1902) 313, 314, 318, 378, 521
 Мысль (пьеса) (1914) 501, 551
- Надсмертное см. Полет
 Надсон и наше время (1917) 453
 Ночной разговор [1914-1915/1919] 173, 177, 282, 465
 Ньям-Ньям [1918] 434
- О «двух душах» М.Горького (1916) 521
 Он (1913) 108, 521
 Он, она и водка (1895) 483
 Открытое письмо г.г. членам Государственной Думы (1916) 434
- Памяти погибших за свободу (1917) 426, 481
 Первая ступень (1914) 449
 Плавание 1912 г. [1912-1913] 430
 Полет (1914) 431, 521
 Послание к тете Саше [1913] 477
 Похождения моего духа под видом «Ангела мира» и т.д. (1917) 474
 Проклятие зверя (1908) 542
 Прости! (1914) 512
 Профессор Сторицын (1913) 105, 171, 372, 518
 Пусть не молчат поэты (1915) 534
 Путешественник (1901) 476
 Путь красных знамен (1917) 427
 Пятаков [1918] 118, 449
- Рассказ о семи повешенных (1908) 23, 149, 233, 303, 410, 423, 429, 480, 482
 Реквием (1917) 39, 44, 234, 262, 427, 456, 486
- S.O.S. (1919) 7, 12, 14, 168, 169, 171, 172, 273, 276-281, 287, 291, 294, 296, 298, 301, 303, 305, 337-348, 357, 359, 374, 382, 394, 406, 408, 462-466, 490-493, 503, 505, 508-513, 521, 527, 536, 564
 Савва (1906) 75, 233, 318, 376, 434, 435
 Самсон в оковах [1914] 155, 234, 314, 460, 502
 Семь повешенных см. Рассказ о семи повешенных
 Сатана см. Дневник Сатаны
 Сашка Жегулев (1911) 171, 234
 Собачий вальс [1913-1916] 44, 138, 155, 234, 314, 502

Сон о.Василия (1909) 457
Спасите наши души см. S.O.S.
Сын человеческий (1909) 23

Так было (1906) 512
Тот, кто получает пощечины (1916) 133, 134, 137, 138, 171, 234, 314, 425, 454, 456,
502
Тьма (1907) 233, 234, 542

Убийцы и судьи (1917) 427

[Финляндия должна быть независимой...] [1919] 14, 15, 353, 354, 495, 514-516
Финн (картина) 48, 429
Франция, прости! см. Прости!

Цари Иудейские (картина) 40, 44, 103, 143, 428
Царь-Голод (1908) 303, 376, 392, 405, 406, 523, 542
Цели войны и задачи Временного правительства (1917) 427

Черные маски (1908) 23, 38, 133, 233, 314, 318, 321, 323, 324, 454, 455, 501, 523
Чудак (1896) 483

УКАЗАТЕЛЬ ГАЗЕТ, ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

- Адская почта (СПб., 1906) 539
Архив русской революции (Берлин, 1921-1937) 445, 483, 495, 524, 538
Архив гражданской войны (Берлин, 1923) 543
- Белый Крест [1919?] 505
Биржевые Ведомости (СПб./Петроград, 1880-1918) 425, 426, 432, 449, 471, 512, 534, 538, 541, 542, 545, 555, 557
Биржевые Новости (СПб./Петроград, 1914-1918) 78, 436
Былое (Петроград/Ленинград, 1918-1926) 563
- В глухую ночь см. День
Вестник Европы (СПб., 1866-1918) 545
Вестник литературы (Петроград, 1919-1922) 483, 484
Вечерние Огни (Петроград, 1918) 446
Вечерний Час (Петроград, 1917-1918) 444, 542, 552
Возрождение (Копенгаген, 1919) 489
Возрождение (Париж, 1949-1974) 559
Вольность (Петроград, 1917) 444, 532, 552
Воля России (Прага, 1920-1932) 547
Вопросы литературы (Москва, 1957-) 470, 473, 478, 480, 493, 500, 505, 506, 520
Вопросы советской литературы (Москва-Ленинград, 1953-1961) 462
Всемирное слово (СПб., 1993-) 520
- Газета-Копейка (СПб./Петроград, 1908-1918) 425
Голос Всероссийской Власти (Гельсингфорс, 1919) 304, 499
Голос России (Берлин, 1919-1922) 519
Голос Русской Колонии (Гельсингфорс, 1918) 446
Гражданин (СПб., 1872-1914) 559
Грани (Берлин, 1922) 423
Грядущий День см. День
Гуманитэ см. L'Humanité
- Дело (СПб., 1866-1888) 454
Дело Народа (Москва-Петроград, 1917-1919) 65, 70, 248, 543, 551
День (СПб./Петроград, 1912-1918) 85, 203, 425, 426, 437-440, 470
- Единая Россия (Омск, 1919?) 532
Единство (Петроград, 1917-1918) 448, 531, 542, 544
Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год (Ленинград, 1977) 455, 553
Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год (Ленинград, 1979) 531
- Жар-птица (Берлин-Париж, 1921-1926) 418, 423, 513
Живое Слово (Петроград, 1916-1917) 531
Жизнь (СПб., 1897-1901) 482
Жизнь искусства (Петроград/Ленинград, 1923-1929) 423

- Жупел (СПб., 1905-1906) 539
 Журнал для Всех (СПб., 1896-1906) 432, 539
 Журнал Содружества (Выборг, 1933-1938) 411, 519, 527, 528
- Заветы (СПб., 1912-1914) 541
 Звезда (Ленинград, 1924-) 520
 Звено (Париж, 1923-1928) 484, 485, 496
 Знамя Труда (Москва-Петроград, 1917-1918) 75, 113, 428, 435, 438, 543, 544, 551
- Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов (Москва, 1918) 448
 Известия (Петроградского Комитета Журналистов) (Петроград, 1917) 426
 Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов (Петроград, 1917) 426
 Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов (Петроград, 1917) 436, 445
 Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов (Петроград, 1917-1918) 476
 Исторический Вестник (СПб./Петроград, 1880-1917) 565
 Италии (СПб., 1909) 457
- Красная газета (Петроград/Ленинград, 1918-1939) 124, 131, 451
 Красная новь (Москва, 1921-1942) 532
 Курьер (Москва, 1897-1904) 371, 419, 427, 517, 534, 542, 552, 554, 558, 560
- Летопись (Петроград, 1915-1917) 140, 558
 Литературная мысль (Ленинград, 1922-1925) 520
 Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник» (СПб./Петроград, 1907-1917) 149, 395, 423, 459
 Литературный архив (Москва-Ленинград, 1938-1940, 1951-1961) 430
 Литературный распад (СПб., 1908) 499
- Минувшее (Париж, 1986-)/(Москва, 1990-) 468, 497, 505, 521
 Мир (Киев, 1918) 538
 Мир Божий (СПб., 1892-1906) 521, 543, 545, 556
 Москва (Москва, 1957-) 475, 485, 486, 492, 495, 497, 502, 504-506
 Московский вестник (Москва, 1990-) 423
- Накануне (Берлин, 1922-1924) 534, 545
 Народное Благо (Москва, 1898-1905) 476
 Народное Слово см. Слово Народа
 Наш Век см. Речь
 Неделя (Москва, 1960-) 487, 488, 512, 513
 Нива (СПб./Петроград, 1870-1917) 562
 Новая Жизнь (Петроград, 1917-1918) 43, 65, 101, 102, 115, 130, 135, 147, 148, 202, 203, 247, 428, 431, 437, 438, 440, 441, 445, 447, 448, 454, 455, 461, 471-473, 482, 557, 558
 Новая Россия (Москва, 1922-1926) 533, 534
 Новая Русская Книга (Берлин, 1922-1923) 547
 Новое Время (СПб./Петроград, 1868-1917) 425, 470

- Новое Русское Слово (Нью-Йорк, 1910-) 418, 423, 485, 486, 492, 493, 495, 504, 507, 542, 552
- Новоселье (Нью-Йорк—Париж, 1942-1950) 554
- Новые Ведомости см. Биржевые Ведомости
- Новый Вечерний Час см. Вечерний Час
- Новый День см. День
- Новый Журнал (Нью-Йорк, 1943-) 453, 497, 541
- Новый Путь (Рига, 1921-1922) 534
- Ночь см. День
- Обо всем и отовсюду (Москва, 1904) 476
- Общее Дело (Париж, 1918-1922, 1928-1933) 304, 307, 308, 310, 330, 332, 384, 423, 475, 493, 505, 506, 508, 522, 553
- Огонек (Москва, 1923-) 481
- Огонек (СПб./Петроград, 1900-1918) 542
- Орион (Париж, 1947) 562
- Орловский Вестник (Орел, 1876-1918) 483
- Отечественные Записки (СПб., 1818-1830, 1839-1884) 556
- Отечество (Петроград, 1914-1915) 431, 458, 532, 539
- Петербургский Листок (СПб./Петроград, 1864-1918) 446, 447, 449, 483, 484
- Петроградский Голос см. Петербургский Листок
- Петроградский Листок см. Петербургский Листок
- Петроградское Эхо (Петроград, 1918) 447
- Пламя (Петроград, 1918-1920) 433
- По вехам (СПб., 1909) 453
- Политические и экономические известия по русским и иностранным газетам (Гельсингфорс, 1919) 524, 538
- Полночь см. День
- Посев (Лимбург-Кассель-Франкфурт/М., 1945-) 509
- Последние Новости (Париж, 1920-1940) 550
- Правда (Петроград-Москва, 1917-) 65, 124, 140, 199, 363, 364, 456
- Призыв (Париж, 1915-1917) 531
- Прожектор (Москва, 1923-1935) 526
- Простор (Алма-Ата, 1934-) 423
- Радикал (СПб., 1906) 549
- Раннее Утро (Москва, 1907-1918) 555
- Рассвет (Гельсингфорс, 1919-1920) 522, 542
- Речь (СПб./Петроград, 1906-1918) 15, 58, 78, 169, 275, 425, 426, 428, 434, 436, 438, 439, 444, 446, 447, 451, 470, 538, 542, 550
- Родина (Москва, 1989-) 500
- Родная Земля (Нью-Йорк, 1920-1921) 519-521, 523
- Россия см. Новая Россия
- Россия и Свобода (Париж, 1915) 531
- Руль (Берлин, 1920-1931) 538
- Русская Воля (Петроград, 1916-1917) 9, 10, 12, 51, 74, 75, 108, 110, 113, 134, 135, 154, 155, 160, 196, 208, 226, 236, 237, 247, 391, 396, 403, 420, 425-427, 430, 432-435, 440, 442, 443, 448, 452-455, 457, 463, 470, 471, 473, 474, 482, 488, 489, 517, 518, 520-522, 524, 526, 531, 532, 534, 538, 539, 542-545, 547, 551-553, 555-559, 561-563
- Русская Газета (Ревель, 1919) 322, 543
- Русская Жизнь (Гельсингфорс, 1919) 13, 171, 303, 465, 490, 494, 495, 498, 499, 501, 506, 508, 512-514, 516-519, 524, 532, 534, 536, 557, 559, 563

- Русская литература (Ленинград, 1958-) 426, 474, 479
 Русская Мысль (Париж, 1947-) 506, 509, 516, 541
 Русские Ведомости (Москва, 1863-1918) 447
 Русские Записки (Париж, 1937-1939) 532
 Русский Альманах (Париж, 1981) 429
 Русский Вестник (Гельсингфорс, 1918) 139, 456, 526
 Русский Голос (Гельсингфорс, 1918) 518, 536
 Русский Листок (Гельсингфорс, 1918-1919) 449, 451, 453, 455, 456, 459, 463, 465, 488, 490, 508, 515, 523, 524, 540
 Русский Патриот (Париж, 1943-1948) 555
 Русский Сборник (Париж, 1920) 418, 423, 527
 Русский Современник (Ленинград, 1924) 435, 436, 443, 475, 483, 485, 527
 Русское Богатство (СПб./Петроград, 1876-1914, 1917-1918) 447, 534, 539, 550, 556
 Русское Слово (Москва, 1894-1917) 555
- Сатирикон (СПб., 1908-1914) 442, 542
 Сборники товарищества «Знание» (СПб., 1904-1913) 423, 553
 Свобода России (Ревель, 1919-1920) 322, 504-506, 519, 545, 547
 Свободная Россия (Петроград, 1917) 504, 505
 Свободная Россия (Ревель, 1919) 545
 Север (Петрозаводск, 1940-) 493, 495, 502, 504
 Северная Жизнь (Гельсингфорс, 1918-1919) 272, 273, 454, 463, 465, 488, 490, 508, 510, 515, 516, 524, 543, 548
 Северная Коммуна (Петроград, 1918-1919) 124, 131, 451, 459, 552
 Северный Вестник (СПб., 1885-1898) 556
 Сегодня (Рига, 1919-1940) 506, 552
 Синий Журнал (СПб., 1910-1917) 564
 Скорбь земли русской (Нью-Йорк, 1920) 517
 Слово Народа (Москва, 1917-1918) 447
 Смена вех (Париж, 1921-1922) 553
 Советские архивы (Москва, 1966-) 502
 Советский Патриот см. Русский Патриот
 Современник (СПб., 1911-1915) 548
 Современное Слово (СПб./Петроград, 1907-1918) 425, 426
 Современные Записки (Париж, 1920-1940) 460
 Современный Мир (СПб./Петроград, 1906-1918) 377, 445, 450, 520, 521, 534, 541, 543, 544
 Солнце России (СПб./Петроград, 1910-1917) 187, 429
 Страна и Мир (Мюнхен, 1984-) 423
- Труд и Земля (Кронштадт, 1917) 520
- Утренники (Петроград, 1922) 525
 Утро России (Москва, 1907, 1909-1916) 440, 449, 453, 531, 555
- Эпоха (Москва, 1923) 460
 Эхо России (Стокгольм, 1918-1919) 487, 489
- Южное Слово (Одесса, 1919-1920) 481, 545

- La Cause commune (Paris, 1918-1929) 506, 509, 520
- Dagens Nyheter (Stockholm, 1864-) 489
- Daily Mail (Over-Seas Edition) (London, 1904-1919) 559
- De visu (Москва, 1993-) 485-487, 490-495, 502, 504, 507
- Érdekes Ujság (Budapest, 1913-1925) 509
- Frankfurter Zeitung (Frankfurt-am-Main, 1856-1943) 509
- Fyren (Helsingfors, 1898-1922) 491, 508, 510, 513
- Gazette of the Archangel Force (Архангельск, 1919) 505, 509
- La Guerre sociale (Paris, 1906-1915) 564
- Helsingin Sanomat (Helsinki, 1904-) 516
- Hufvudstadsbladet (Helsingfors, 1864-) 400, 434, 449, 455, 461, 466, 468, 490, 514, 516, 526
- L'Humanité (Paris, 1904-) 182, 293, 467, 509
- Karjala (Viipuri, 1903-1940) 449
- Libération (Paris, 1944-1964) 557
- The Liberator (New York, 1918-1924) 318, 503
- Le Matin (Paris, 1884-1944) 508
- New Republic (New York, 1914-) 423, 513
- The New York Times (New York, 1851-) 500, 525, 535
- Nineteenth Century and After (London, 1901-1950) 509
- Nya Fyren см. Fyren
- Otava (Helsinki, 1912-1920) 281, 494, 512
- Politiken (Kobenhavn, 1884-) 517
- Royal Air Force News (London, 1961-) 503
- Sbornik (Leeds-Durham, 1975-1987) 426, 464
- Scando-Slavica (Copenhagen [Kobenhavn], 1955-) 442
- Scottish Slavonic Review (Edinburgh/Glasgow/St.Andrews, 1983-) 486
- Solanus (London, 1966-1986, 1987-) 458
- Struggling Russia (New York, 1919-1920) 509
- Studia Slavica Finlandensia (Helsinki, 1984-) 462
- Der Tanz (München-Berlin, 1927/28-1943) 548, 564
- The Times (London, 1788-) 171, 439, 464, 509
- The Times Literary Supplement (London, 1902-) 464, 465
- Uusi Päivä (Helsinki, 1917-1918) 526
- Uusi Suomi (Helsinki, 1919-) 357, 516
- La Victoire (Paris, 1916-1940) 509, 564
- Vorwärts (Leipzig-Berlin, 1876-1933) 517
- Vossische Zeitung (Berlin, 1751-1934) 452

УКАЗАТЕЛЬ АНТИЧНЫХ, БИБЛЕЙСКИХ, ЛИТЕРАТУРНЫХ, МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ДР. ИМЕН

- Авель 360, 361, 366
Адам 202, 361
Анна (первосвященник) 341
Аполлон 350
Аристокитон 363, 517
Архимед 425
- Баба-Яга 277
Базаров (Тургенев) 243
Брут 293, 363
- Вальжан (Гюго) 243
- Гамлет (Шекспир) 120, 243, 244, 450
Гармодий 363, 517
Геркулес 267
Гомер 132
- Джюльетта (Шекспир) 219
Дьявол см. Сатана
- Ева 360
Елена (Стахова) (Тургенев) 246
- Иаков 146
Изида 262
Иисус 40, 72, 173, 243, 244, 337, 341,
351, 424, 476
Иоанн Креститель 111
Иуда Искариот 40, 55, 56, 337, 341,
473
- Каин 342, 360, 365, 366
Каифа 341
Карамазов, Иван (Достоевский)
243
Кармен (Бизе) 540
Катерина (Кабанова) (Островский)
246
Коробочка (Гоголь) 479
Креститель см. Иоанн Креститель
- Лазарь 57, 72
Лир (Шекспир) 133
Ловлас (Ричардсон) 223
- Мария 217
Мария Магдалина 424
Марфа 217, 476
Моисей 142, 486
Молох 114
- Надькин (Аверченко) 105, 106, 442
Нерон 331
Николай Угодник 43
Николай Чудотворец 81, 437
Ноздрев (Гоголь) 441
Ной 476
- Октава (Скиталец) 246
- Пер Гюнт (Ибсен) 351
Петрушка 271
Пилат 116, 122, 341
Писистрат 517
Поприщин (Гоголь) 436
Прометей 29
Прутков, Козьма 263, 486
- Робинзон (Дефо/Висс) 60, 85, 97,
252
Рокамболь (Понсон дю Террай) 512
Ромео (Шекспир) 219
- Самсон 147
Сатана 43, 52, 68, 120, 133, 141,
261, 323, 324, 327, 331, 344, 365,
366
Сатурн 264
Скалозуб (Грибоедов) 479
Смердяков (Достоевский) 94
Сократ 347
- Фауст (Гете/Гуно) 90, 439, 460
Фредерик (Гильберт и Сулливан)
478
- Христос см. Иисус
- Чичиков (Гоголь) 101, 441
- Юпитер 264

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абиссиния 511
 Або (Åbo/Turku) 199, 430
 Австралия 85
 Австрия 151, 158, 475, 494
 Альгамбра (Alhambra) 139
 Америка см. США
 Амьен (Amiens) 53
 Англия 13, 78, 139, 141, 162, 176, 248, 322, 325, 326, 328, 333, 394, 439, 465, 478, 487, 496, 501, 503, 507, 537, 548, 551
 Антверпен 112
 Аранхуэс (Aranjuez) 139, 456
 Архангельск 114, 464, 498, 505, 506, 510
 Атлантический океан 338, 339
 Афины 497
 Баку 252
 Балтийское море 467, 512
 Барезунд (Barörsund) 87
 Баренцево море 429
 Белоостров 353, 515
 Бельгия 148, 341, 441, 465
 Берлин 13, 59, 100, 148, 223, 342, 452, 517, 532, 538, 542, 545, 547, 551, 558, 559
 Бессарабия 511
 Биарриц 290
 Биерке см. Бьерке
 Болгария 151, 441
 Борго (Borgå/Porgvoo) 270
 Бразилия 235
 Брест-Литовск 89, 430, 436, 550
 Брюссель 112
 Будапешт 538
 Бьерке (Björkö/Koivisto) 39, 64, 136, 443, 503
 Быхов 542
 Ваммельйоки (Vammeljoki) 46, 47, 49, 88, 230, 250
 Ваммельсуу (Vammelsuu) 10, 12, 27, 32, 36, 39, 46, 62, 74, 219, 254, 285, 292, 326, 332, 355, 357, 411, 425-427, 439, 442, 456, 468, 480, 518, 519, 524, 527, 532, 552, 565
 Варшава 21, 59, 540, 564
 Васа (Vasa/Vaasa) 11
 Ватикан 91, 440, 457
 Великобритания см. Англия
 Венгрия 280, 281, 467, 493, 506, 559
 Венеция 73, 142, 160, 434, 481
 Верден (Verdun) 59
 Владивосток 445, 446
 Владимирская губ. 532
 Волга 532, 546
 Вологда 114
 Во-сюр-Сомм (Vaux-sur-Somme) 554
 Выборг (Viborg/Viipuri) 11, 12, 15, 39, 48, 60, 64, 67, 91, 121, 139, 157, 158, 165, 186, 249, 265-267, 274, 276, 284, 291, 307, 319, 320, 327, 366, 380, 383, 387, 388, 440, 451, 456, 462, 466, 488, 498, 503, 527, 540, 544, 546, 550
 Галиция 59, 338, 532
 Гатчина 179, 202, 221, 426, 547
 Гельсингфорс (Helsingfors/Helsinki) 11-13, 17, 39, 87, 94, 100, 154, 169, 172, 173, 186, 187, 215, 249, 273, 276, 281, 288, 294, 298, 301-304, 307, 309, 313, 316, 317, 319, 321, 322, 326, 327, 329, 355-357, 371, 380, 384, 392, 396, 397, 399, 408, 409, 433, 434, 440, 463, 488, 490, 501, 503, 504, 508, 512, 513, 521, 523-525, 527, 536-538, 549
 Гельсинки см. Гельсингфорс
 Германия 11, 13, 36, 43, 71, 79, 118, 121, 126, 139, 141, 151, 154, 158, 166, 174, 184, 191, 229, 266 337, 341, 342, 344, 347, 363, 434, 441, 446-448, 461, 472, 475, 494, 497, 500, 510, 520, 526, 542, 546-548, 550, 557, 558, 564
 Геро (Herrö) 443
 Голландия 176, 511, 537
 Горький см. Нижний Новгород
 Гранада 456
 Грузия 562
 Дания 444, 510, 511, 556
 Дон 545

- Донецк 514
 Дрезден 148
- Евпатория 541
 Европа 34, 42, 119, 121, 148, 158, 159, 168, 170, 174, 203, 278, 280, 283, 284, 288, 299, 328, 337, 340, 342, 344, 349, 358, 359, 383, 390, 396, 405, 406, 409-411, 425, 426, 460, 497, 508
 Египет 561
 Екатеринбург 444, 446
- Женева 532
- Ижоры 181, 183
 Индия 67, 216, 239, 523
 Ино (Ино) 11, 48, 54, 62, 64, 76, 78, 85, 88, 89, 91, 125, 126, 133, 136, 145, 146, 168, 181, 287, 429, 468, 525
 Испания 257, 434, 450, 451, 456, 535
 Италия 67, 170, 215, 231, 240, 402, 439, 465, 520, 526, 535, 552
- Кавказ 55, 114, 140, 208, 544, 557
 Казань 146, 351, 531, 532
 Каир 561
 Каменка 32, 426
 Каннельярви (Kanneljärvi) 468
 Капри 423, 560
 Кара 557
 Карелия 384, 452
 Карельский перешеек 10, 441, 449, 466, 519, 553, 558
 Карс 80, 252, 552
 Кёльн 266
 Кембридж 73
 Кентукки 316
 Киев 52, 55, 60, 61, 114, 318, 437, 564
 Киль (Kiel) 461
 Китай 295
 Койвисто см. Бьерке
 Кольский полуостров 453
 Константинополь 463, 538
 Копенгаген 489, 510, 513, 517, 522, 532
 Кормей-эн-Паризи (Cormeilles-en-Paris) 534
 Красная Горка 136, 181-184, 288, 385, 394, 407, 460, 467, 468
 Крошштадт 47, 60, 62, 64, 68, 118, 121, 152, 153, 168, 175, 182-184, 187, 188, 266, 310, 323, 324, 326, 383-385, 389, 394, 407, 409-411, 429, 432, 433, 449, 456, 459, 467, 503, 525
- Крым 114, 140, 145, 206, 228, 443, 473, 538
 Куоккала (Kuokkala) 11, 39, 527, 562
 Курккйоки (Kurkijoki) 304, 307, 499, 540
 Курсало (Kuorsalo) 444
- Ладога, озеро 16, 68, 157, 433, 540
 Ладожское озеро см. Ладога, озеро
 Латвия 384, 430
 Левашово 183
 Лейпциг 497
 Ленинград см. Петербург
 Ливадия 443
 Ливан 535
 Литва 228, 430
 Лодзь (Lodz) 58, 112, 431
 Лондон 176, 274, 291, 318, 321, 324, 327-330, 342, 382, 395, 406, 494, 498, 501, 510, 513, 548-550, 555, 560, 564
 Лоунатиоки (Lounatjoki) 188, 468, 488
 Лувен 341, 512
 Лугано 189, 289, 310, 541
 Львов 439
- Македония 441
 Малаховка 404
 Мексика 558
 Мессина 142, 457
 Месякюля (Metsäkylä) 430, 519, 527
 Могилев 542
 Монпелье (Montpelier) 557
 Москва 38, 81, 99, 101, 114, 118, 121, 122, 133, 134, 166, 196, 199, 202, 204, 214, 216, 217, 224, 228, 230, 239, 259, 266, 302, 312, 318, 320, 349, 359, 379, 402, 432, 437, 438, 443, 446, 448, 450, 451, 456, 459, 462, 465, 471, 473, 475, 480, 481, 483, 485, 497, 505, 511, 514, 520, 544, 550, 551, 555, 557, 560, 564
 Мстера 230, 250, 481
 Мурманск 182, 453, 498, 506
 Мустамяки (Mustamäki) 187, 323, 325, 326, 332, 372-374, 393, 401, 410, 488, 522, 525, 559
 Мюнхен 100
- Нева 341
 Нейвола (Neuvola) 17, 74, 76, 127, 162, 385, 519, 522, 534, 543
 Нейшлот (Nyslott/Savonlinna) 239
 Немецкое море 59
 Нидерланды 118

- Нижний Новгород 208, 531
 Ницца 156, 259
 Новая Зеландия 26
 Новая Кирка см. Уусикиркко
 Новгород 240
 Ново-Николаевск 532
 Новороссийск 538
 Норвегия 351, 496, 511, 513, 546
 Нью-Йорк 397, 501, 502, 532, 535, 542, 548, 551, 558, 560, 561
- Обозерская 498
 Одесса 55, 60, 61, 175, 182, 239, 283, 431, 466, 467, 545
 Ока 475
 Окланд (Oakland) 513
 Омск 183, 287, 294, 532, 546
 Онега, озеро 433
 Онежская губа 453
 Ораниенбаум 181, 183, 385
 Орел 57, 68, 69, 80, 137, 433, 456, 483, 538
 Оренбург 201
 Оркнейские острова (Orkney Islands) 487
 Орловская губ. 180, 372, 374
 Осло см. Христиания
 Остия Скави (Ostia Scavi) 546
- Париж 169-171, 274, 278, 279, 310, 327, 330, 339, 382, 406, 430, 497, 510, 513, 532, 536, 537, 541, 542, 547-551, 556-560, 562, 563
 Пелопоннес 450
 Пенза 82, 438
 Перкярви (Perkjärvi) 488
 Петербург 10, 11, 13-15, 29, 38, 39, 42, 54, 59, 67, 89, 101, 125, 126, 134, 136, 146, 148, 153, 154, 157, 166, 168, 181-183, 186, 199, 201, 202, 207, 210, 212, 214, 220-222, 227, 231, 236, 242, 249, 253, 258-260, 266, 285, 290, 291, 294, 302-305, 308, 314, 327, 330, 338, 339, 341, 344-346, 357, 373-375, 377, 378, 380, 384, 389, 396, 397, 401-403, 407, 425-429, 432-434, 436, 438, 441-443, 445-449, 452, 454-456, 458, 460, 463, 465-468, 471, 472, 475-477, 481, 482, 492, 498, 501, 505, 510-512, 514, 517, 519, 522, 524, 536, 539, 540, 542, 543, 549, 551, 552, 555, 557-559, 561, 562, 564
 Петроград см. Петербург
- Питер см. Петербург
 Питкопас (Pitkåpaasi) 111, 443
 Полтава 355, 447
 Польша 224, 228, 441, 556
 Порт-Артур 55, 430, 477
 Прага 501, 548
 Принкипо, остров 14, 463
 Принцезы острова 337, 340, 341, 345
 Пруссия 22, 59, 338, 532
 Псков 248, 467, 532
 Пулковое 426
 Пушкино 560
- Разлив 472
 Райвола (Raivola) 11, 21, 41, 45-48, 64, 89, 188, 218, 252, 371, 378, 397, 405, 429, 476, 526, 527
 Ревель см. Таллинн
 Рига 534
 Рим 38, 73, 280, 349, 434, 439, 481, 513, 544, 545
 Рихимяки (Riihimäki) 136
 Россия 11, 13, 30, 33, 35, 36, 47, 50, 54-61, 65, 68, 71-73, 76, 78-83, 85, 89, 91, 102, 105, 106, 113, 114, 118, 119, 121, 123-125, 136, 139-141, 145, 147-149, 158, 166, 169, 184, 185, 191, 196, 197, 199, 201, 203-205, 218, 228, 233, 235, 243, 248, 252, 260, 267, 276, 281, 284, 287, 289, 290, 293-295, 297, 298, 300, 301, 305, 308, 312, 316, 318, 323, 329, 331, 332, 337, 338, 341, 342, 344, 347-349, 353-360, 365-367, 371, 373, 374, 281, 383, 384, 388, 390-394, 396, 399, 401-403, 405-410, 427, 437, 439, 445, 449, 450, 457, 459, 461, 463, 468, 470, 473, 483, 492, 494, 495, 497, 498, 500, 504, 506, 510, 511, 515, 517, 523, 532, 533, 535, 537-541, 544-546, 549, 550, 552, 555, 556, 559, 562, 563
 Ростов-на-Дону 538
 Роттердам 279, 493
 Румыния 182, 511, 542
 Русь 261, 366
- Саис (Са-эль-Хагар) 262, 486
 Сайма (Saima), озера 229, 239
 Сайменское озеро см. Сайма
 Сан-Франциско 349
 Саратов 560
 Св. Елены, остров 535
 Севастополь 80
 Севилья (Sevilla) 139, 456

- Селецкое 498
 Серая Лошадь 460, 467, 468
 Сербия 341, 441
 Сердоболь (Sortavala) 523
 Сестра-река (Systerbäck/Rajajoki) 11, 148, 181
 Сестрорецк 385, 449
 Сиам 511
 Сибирь 140, 357, 446, 539, 541, 544
 Симбирск 446
 Синай 173, 174, 282, 283, 486
 Словакия 467
 Соккенбака (Sockenbacka/Pitäjänmäki) 488
 Соловецкие острова 453
 Соловецкий монастырь 238
 Стокгольм 13, 169, 265, 276, 281, 320, 327, 452, 463, 464, 486, 487, 489, 513, 523, 548
 США 16, 17, 26, 85, 188, 189, 295, 298, 303-306, 309, 313, 314, 316-318, 320-322, 324-327, 329, 330, 332, 342, 349, 355, 357, 359, 372, 382, 389, 393, 397, 409, 446, 465, 472, 491, 498, 499, 511, 516, 525, 535, 537, 551, 557, 559, 561
 Таллинн 15, 183, 302, 315, 322, 383, 433, 501, 502, 545
 Тампере (Tammerfors/Tampere) 11
 Тарнополь 70, 365, 433
 Татарская АССР 531
 Ташкент 452
 Тервус (Tervus/Tervu) 157, 181, 187, 189, 292, 304, 307, 317, 318, 322, 327, 522, 540, 558
 Териоки (Terijoki) 11, 39, 41, 42, 45-47, 49, 70, 71, 87, 121, 136, 146, 157, 158, 167, 176, 186, 199, 268, 269, 287, 300, 306, 310, 313, 315, 321, 357, 377, 380, 381, 383, 389, 461, 501, 524, 525, 544, 546, 551, 552
 Тифлис 458
 Тюрисево (Tyrisevä) 12, 17, 46, 89, 121, 136, 170, 178-181, 184, 187, 189, 214, 256, 259, 272, 278, 279, 283, 284, 289, 290, 292, 294, 307, 310, 317, 326, 378, 380, 381, 383, 386, 387, 389, 394, 396, 405, 457, 462, 468, 494, 521, 524, 525, 527, 556
 Украина 55, 114, 115, 140, 224, 228, 260, 261, 266, 433, 437, 485, 537, 539, 550, 564
 Урал 146, 536
 Уусикиркко (Nykyrka/Uusikirrko) 11, 188, 373, 519, 538, 544, 546
 Финляндия 10-15, 27, 37, 41, 55, 71, 74, 78, 125, 141, 151, 157, 168, 178, 182, 198, 210, 220, 223, 224, 228, 229, 239, 253, 255, 260, 268, 276, 277, 279, 296, 300-302, 304-306, 310, 321, 323, 324, 329, 353-359, 372-378, 380, 393-400, 403, 404, 410, 411, 429, 434, 440, 441, 461, 462-464, 470, 472, 483, 484, 488, 490, 492, 494-496, 498, 508, 514-516, 518, 520, 521, 526, 535-538, 540-542, 544-549, 551-554, 556-559, 562, 564
 Финский залив 429, 430, 503
 Флорида 561
 Франция 13, 139, 141, 174, 181, 243, 248, 283, 344, 346, 439, 441, 445, 452, 454, 465, 466, 483, 510, 542, 545, 552-556, 558, 559, 561
 Ханаан 38
 Хельсинки см. Гельсингфорс
 Хоплак (Hoplaks/Нуопалаhti) 488
 Христиания 496, 513
 Чекуево 498
 Черная Речка 100, 177, 286, 287, 292, 371, 380, 397
 Черное море 467, 546
 Чехословакия 314, 561
 Царское Село 221, 253, 555
 Циммервальд (Zimmerwald) 31, 56, 140
 Швейцария 278, 310, 441, 447, 511, 520, 541
 Швеция 272, 305, 394, 395, 447, 489, 496, 516, 546, 563
 Шлиссельбург 548, 560
 Экенес (Ekenäs/Tammisaari) 87, 515
 Элисенваара (Elisenvaara) 307, 499
 Эльзас 174, 283, 466
 Эстландия 228
 Эстония 14, 15, 330, 384, 430, 467, 492, 501, 515, 522, 547
 Югославия 561

Ямбург 467, 505, 515
Япония 114
Ярославль 114, 118, 124, 338, 446

Elisenvaara см. Элисенваара
Kurkijoki см. Куркийоки
Tervus см. Тервус

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН*

- Абрам см. Румянцев М.Х.
 Абрамов Л.С. 134, 424, 430
 Аввакум, протопоп 290, 496
 Аверченко А.Т. 442
 Авксентьев Н.Д. 74-76, 290, 297, 311, 531
 Аверионо Н.К. 497
 Адамович Г.В. 483
 Азеф Е.Ф. 42, 43, 531, 560
 Айронсайд В.Э. (Ironside W.E.) 498, 506
 Аксаков И.С. 203
 Аксельрод П.Б. 425, 472
 Александр III, имп. 111, 443
 Александр Михайлович, вел. кн. 555
 Александра Федоровна, имп. 443, 444, 554
 Александров В.А. 485-487, 490-495, 500, 502, 504, 505
 Александров К.А. 322, 531
 Алексеевский А.П. 240, 440, 531
 Алексеевский Лев А. 101, 146, 147, 195, 209, 227, 239, 240, 250, 256, 441, 474, 479, 521, 531, 534
 Алексеевский Леонид А. 101, 240, 441, 446, 480, 521, 531, 534
 Алексей Николаевич, цесаревич 554
 Алексинский Г.А. 384, 405, 472, 522, 531
 Альма, прислуга 125
 Амфитеатров А.В. 29, 74, 112, 155, 167, 251, 269, 391, 444, 447, 462, 483, 484, 489, 523, 532, 552
 Анастасия Марковна, протопопица 496
 Андреев А.Н. 21, 22, 29, 48, 59, 73, 146, 168, 183, 201, 204, 207, 209, 212, 213, 230, 239-241, 250, 256, 375, 376, 435, 439, 526, 532, 533
 Андреев Вал. Л. 8, 17, 77, 96, 99, 192, 195, 209, 210, 215, 230, 231, 239, 240, 257, 267, 307, 327, 422, 449, 454, 461, 466, 467, 475, 481, 487, 522, 525, 541, 554
 Андреев Вал. Л. 41, 86, 99, 101, 121, 127, 215, 240, 242, 245, 257, 475, 532, 533
 Андреев В.Н. 533, 534
 Андреев Д.Л. 380, 422, 521, 533, 541
 Андреев И.В. 534
 Андреев Л., владелец дачи 267, 461
 Андреев Н.Е. 505
 Андреев Н.И. 440, 478, 518, 533, 543
 Андреев П.Н. 48, 67, 120, 206, 208-210, 213, 214, 216, 220, 222, 239, 241, 250, 256, 474, 485, 520, 521, 533, 534
 Андреев С.Л. 17, 45, 49, 57, 76, 78, 82, 83, 89-91, 104, 136, 143, 147, 157, 158, 175, 190, 192, 215, 258, 262, 306, 319-321, 324, 325, 436, 485, 486, 503, 519, 533, 561, 563
 Андреева (ур. Велигорская) А.М. 23, 50, 423, 532, 533, 541
 Андреева (ур. Пашковская) А.Н. 10, 21, 22, 41, 46, 60, 65, 85, 88, 90, 106, 121, 157, 158, 175, 192, 199, 207, 208, 211, 212, 219, 238, 240, 241, 249, 251, 256-258, 306, 320, 325, 374, 378, 380-383, 427, 439, 474, 475, 477, 478, 481, 483, 500, 503, 519, 521, 522, 533
 Андреева (ур. Климентова) А.Ив. 206, 207, 219, 230, 258, 477, 533, 534
 Андреева (ур. Денисевич, в 1-м браке Карницкая) А.Ил. 9, 10, 17, 23, 29, 37-39, 44, 46, 58, 60, 65, 70, 71-73, 78, 83, 85, 88, 90, 91, 94, 96, 98, 100, 101, 103, 104, 106, 120, 121, 126, 127, 131, 136, 143, 149, 161-165, 171, 172, 177, 179, 181, 186, 189, 190, 191, 195, 198, 202, 207, 208, 212, 215-219, 222, 223, 231, 233-235, 240-242, 246, 250, 252-256, 258, 259, 264, 268, 277-279, 285, 286, 289, 290, 292, 306, 310, 313, 320, 321, 325, 326, 374, 378, 380, 383, 386-388, 398, 399, 424, 430, 440, 442, 454, 464, 476, 480, 481, 484-486, 500, 503, 508, 513, 514, 518, 519, 525, 532, 533, 541, 542, 554, 559, 562

* Перечисленные в конце вступительной статьи имена людей, которым редакторы выражают благодарность, не включены в указатель.

- Андреева (в браке Рыжкова) В.Л. 8, 17, 127, 215, 240, 245, 257, 422, 440, 467, 470, 519, 533, 538, 541
 Андреева (в браке Вагина) И.А. 477, 533
 Андреева (в браке Морозова) Л.П. 477, 534
 Андреева (ур. Юрковская, в браке Желябужская) М.Ф. 544
 Андреева (ур. Стольникова) Н.М. 59, 60, 65, 77, 85, 88, 101, 136, 215, 220, 231, 250, 253, 257, 258, 307, 533, 534
 Андреева (ур. Федорова, по отчиму Чернова) О.В. 434, 541
 Андреева (в 1-м браке Алексеевская, во 2-м Оль, в 3-м Верещагина) Р.Н. 99, 149, 208, 210-212, 230, 241, 245, 256, 258, 259, 375, 383, 441, 519-521, 531, 533, 534, 537, 552
 Андрич см. Оль А.А.
 Андрей, лакей 77, 94
 Андрей см. Андреев А.Н.
 Андриша см. Андреев А.Н.
 Аничка см. Андреева А.Ил.
 Анна см. Андреева А.Ил.
 Анна Соломоновна, служащая у С.Л.Гуревича 307
 Анненский Н.Ф. 116, 534
 Антонова (в 1-м браке Фохт, во 2-м Чукмалдина) Н.А. 441
 Анциферов Н.П. 427
 Аня см. Андреева А.Ив.
 Арабажин К.И. 265, 267, 273, 281, 283, 322, 328, 488, 505, 513, 514, 523, 534, 540
 Ариосто Л. (Ariosto L.) 401
 Аркадий см. Алексеевский А.П.
 Арансон Г.Я. 453
 Арцыбашев М.П. 270, 534
 Аснин Н. 432, 466
 Афонин Л.Н. 422, 478, 520
 Аш Ш. 453
 Ашешов Н.П. 112, 534
 Бабичева Ю.В. 513
 Базаров В. (Руднев В.А.) 445
 Бальзак О. де (Balzac H. de) 372
 Бальфур А.Дж. (Balfour A.J.) 512
 Баумштейн, скульптор 373, 519
 Бедный Д. (Придворов Е.А.) 74, 534
 Беззубов В.И. 7
 Беклемишева В.Е. 240, 250, 422, 440, 475, 481, 532, 534, 546
 Белецкий С.П. 148, 439, 534
 Белоусов А.И. 479
 Белоусов Е.И. 479
 Белоусов И.А. 197, 198, 204, 223, 232, 431, 470, 473, 478-480, 535
 Белоусов И.И. 479
 Белоусов С.И. 479
 Белоусова (ур. Рахманова) И.П. 206, 226, 473, 479, 535
 Белоусь см. Белоусов И.А.
 Белый А. (Бугаев Б.Н.) 539
 Бенкендорф А.К. 551
 Бенуа А.Н. 67, 433, 535
 Берман Д.А. 445
 Берман Е.Г. 273, 290, 320, 326, 467, 490, 496, 503, 505
 Берман Л.Г. 290, 326, 467, 496, 505, 535
 Бернштейн Г.Д. (Bernstein H.) 17, 218, 304, 314, 317, 324, 333, 476, 477, 500, 501, 507, 516, 520, 525, 535
 Бертран Ф.-Р. (Bertrand F.-R.) 311, 468, 469, 535, 541
 Бертран Э. (Bertrand E.) (в браке де Модзелевска) 496
 Бехгофер К.Э. (Bechhofer C.E.) 464
 Билибин И.Я. 561
 Бисмарк О.Э.Л. фон Ш. (Bismarck O.E.L. von S.) 72, 434
 Блерио Л. (Blériot L.) 552
 Блок А.А. 42, 45, 61, 113, 225, 226, 425, 428, 431, 535, 539, 540
 Блох Г.А. 153, 154, 156, 157, 160, 166, 172, 180, 262, 282, 405, 486, 488, 490, 494, 522, 535
 Блох Н.О. 154, 157, 460, 488, 536
 Блюмкин Я.Г. 550
 Бобриков Н.И. 356, 536
 Богаевский М.П. 80, 536
 Богданович (ур. Крыль) Т.А. 447
 Боголепов М.И. 523
 Болдынев Г. 452
 Бонч-Бруевич В.Д. 74, 124, 127, 128, 491, 536
 Борман А.А. 492
 Борн Г.Ф. (Фюллборн К.Г.) (Born G.F./Füllborn C.G.) 71, 434
 Бородин А.П. 503
 Бравич (Баранович) К.В. 318, 536
 Брамсон Л.М. 447
 Брангуин Ф. (Brangwyn F.) 466
 Брешко-Брешковский Н.Н. 25, 536
 Броссет Ф.Б. (Brosset T.) 463

- Брюсянин В.В. 440
 Брюсов В.Я. 45, 167, 269, 462, 536
 Булл М. (Bull M.) 424
 Бунин И.А. 45, 225, 235, 244, 245, 379, 432, 536, 544
 Бурбоны, короли 111, 443
 Бурцев В.Л. 31, 171, 274, 278, 279, 286, 304, 307, 308, 310, 329, 330, 384, 405, 406, 493, 500, 501, 505, 506, 508, 509, 520, 531, 536
 Бутлеров Ю.И. 322, 536
 Быкова Г.Д. 552

 Вагнер Р. (Wagner R.) 225, 486
 Вадим см. Андреев Вад.Л.
 Валерштейн А., врач 268, 287, 488
 Валлерштейн см. Валерштейн А.
 Валов М.С. 16, 499, 536, 563
 Вальтер Н.Г. 144, 255, 268, 270, 276, 278, 284, 325, 327, 484, 490, 505, 536
 Вальтер (ур. Садыкер) М.А. 144, 145, 150, 157, 158, 166, 268, 269, 327, 328, 460, 527, 537
 Вальтеры, семья 124, 136, 143, 144, 147, 150, 151, 154, 160, 162, 164, 166, 175, 177, 181, 268, 269, 288, 289, 291, 484
 Варло (Виллолдо) А.Г. (Varlo/Villoldo A.G.) 456
 Варя, прислуга? 197, 244, 259, 470
 Василевский Л.М. (псевд. Авель, Эльве) 7, 94, 371, 397, 428, 442, 518, 525, 526, 537, 542
 Винер 452
 Веласкес Д.Р. де С. (Velasquez D.R. de S.) 132, 454
 Вера см. Андреева В.Л.
 Вера Петровна см. Троцкая-Сенютович В.П.
 Вердеревский Д.Н. 457, 537
 Версаев (Смидович) В.В. 200, 204, 378, 473, 537
 Вересаха см. Версаев В.В.
 Верещагин Д.И. 441, 537
 Верещагин К.Д. 210, 211, 232, 441, 474, 521, 534, 537
 Верка см. Андреева В.Л.
 Вижевский, украинский дипломат 81, 437
 Вийне Р. (Wiene R.) 546
 Вилли (Ville) («бедный»), финн, местный житель 48, 50, 91, 215
 Вилли (Ville) («богатый»), финн, местный житель 48
 Вильгельм (Wilhelm), шведский принц 549
 Вильгельм II (Wilhelm II), германский имп. 148, 173, 174, 215, 221, 262, 263, 282, 338, 339, 342, 363, 461, 465, 511, 537
 Вильгельм К. (Wilhelm K.) 526
 Вильсон Т.В. (Wilson T.W.) 174, 269, 283, 339-342, 353, 446, 463, 465, 511, 537
 Вильчинский В.П. 455
 Винниченко В.К. 197, 537
 Висса 452
 Владимир, митр. Киевский 459
 Вовчок М. (Вилинская М.А., в 1-м браке Маркович, во 2-м Лобач-Жученко) 454
 Володарский В. (Гольдштейн М.М.) 433, 447, 537
 Вольф К. (Wolf K.) 151, 537
 Вольф-Изразль Е.В. 42, 428, 537
 Воровский В.В. 452
 Врангель П.Н. 531, 559, 564
 Всеволод см. Андреев В.Н.
 Вырубова (ур. Танеева) А.А. 444
 Вышнеградский А.И. 154, 537, 562

 Гагзел А.В. (Hackzell A.) 459, 538
 Ганецкий Я. (Фюрстенберг Я.С.) 452
 Гарибальди Дж. (Garibaldi G.) 363, 439
 Гартман Э. фон (Hartmann E. von) 63, 431
 Геберт Ж.Р. (Hébert J.R.) 454
 Генрих IV (Henri IV), французский король 512
 Герзони И.Л. 430, 439
 Гермоген, еп. Тобольский 459
 Гессен Б.И. 373, 538
 Гессен И.В. 15, 58, 112, 169, 275, 276, 283, 286, 288, 304, 320-322, 324, 328, 330, 396, 444, 445, 464, 491, 494, 495, 504, 505, 507, 521, 524, 525, 527, 538, 550
 Гете И.В. (Goethe J.W.) 25
 Гиббон Э. (Gibbon E.) 430
 Гильберт В.Ш. (Gilbert W.S.) 478
 Гинденбург П. фон (Hindenburg P. von) 221, 266, 538
 Гиппиус З.Н. 443, 538, 560
 Глинка М.И. 428

- Глуховцев А.С. 129, 538
 Гоголь Н.В. 66, 427, 436, 441, 466, 479
 Голоушев С.С. (псевд. Глаголь С.) 63, 104, 110, 166, 195, 199, 200, 204, 207, 216-218, 222, 224, 232, 240, 242, 252, 259, 395, 456, 470, 471, 473-476, 480-482, 484, 485, 524, 538
 Гончаров И.А. 158
 Горбик А.П. 519, 522
 Горелов (Гаккебуш) М.М. 74, 155, 160, 470, 523, 538
 Горнфельд А.Г. 112, 444, 447, 539
 Горький М. (Пешков А.М.) 9, 10, 30, 31, 42, 43, 50, 54-56, 65, 67, 74, 75, 82, 89, 101, 102, 112-116, 125, 127, 139, 148, 154, 167, 171, 172, 180, 202, 203, 218, 221, 225, 226, 244, 247, 248, 269, 299, 301, 316, 318, 320, 355, 357, 358, 363, 371, 373, 374, 379-382, 396, 406, 423, 427, 431, 432, 436, 438, 442, 445-447, 461, 462, 482, 499, 503, 517, 519, 535, 539, 553, 557, 558, 560-562, 565
 Готье Э.В. 475
 Готье Ю.В. 475
 Готье-Дюфайе (Gautier-Dufayet), семья 214, 475
 Гофман Э.Т.А. (Hoffmann E.T.A.) 99
 Грабарь И.Э. 254, 539
 Гредескул Н.А. 70, 523, 539
 Греков И.И. 216, 253, 539
 Гжебин З.И. 8, 9, 67, 147-149, 154, 167, 230, 269, 381, 433, 458, 459, 461, 462, 534, 539
 Гржебина Е.З. 458
 Грибоедов А.С. 479
 Гримберг И. 540
 Громан (псевд. Горн) В.Г. 75, 76, 539
 Гувер Г. (Hoover Н.) 498
 Гумилев Н.С. 438
 Гуно Ш. (Gounod С.) 439, 460, 479
 Гуревич (ур. Герценштейн) Б.О. 540
 Гуревич Д.А. 540
 Гуревич Л.Л. 540
 Гуревич С.Л. 16, 143, 147, 157, 180, 181, 187, 254, 260, 268, 272, 290-292, 304, 307, 315, 319, 320, 322, 324, 327, 333, 373, 484, 485, 496, 522, 527, 538-540, 546, 552, 558, 559
 Гуревич С.С. 540
 Гуревичи, семья 143, 144, 255, 373
 Гучков А.И. 31, 540
 Давыдов (иногда: Давидов) А.А. 162, 181, 406, 460, 540
 Давыдов К.Ю. 74, 540
 Давыдова (ур. Горожанская) А.А. 130, 135, 210, 211, 543
 Давыдова М.С. 441, 474, 540, 541, 547
 Далин С. (Левин Д.Ю.) 472
 Данилка см. Андреев Д.Л.
 Дантон Ж.Ж. (Danton G.J.) 124, 451
 Дарвин Ч. (Darwin С.) 120
 Дезобри (Desobry/Desaubry?) 534
 Декарт Р. (Descartes R.) 486
 Дельмас Л.А. 541
 Дембо А. 540
 Деникин А.И. 13, 140, 406, 457, 485, 541, 542, 556
 Денисевич (ур. Чепурина) А.Я. 190, 469, 541
 Денисевич (ур. Рагозина) В.П. 150, 172, 173, 180, 240, 289, 307, 311, 460, 464, 465, 468, 469, 481, 496, 500, 501, 541
 Денисевич В.И. 189, 190, 230, 290, 307, 311-313, 468, 469, 480, 496, 535, 541
 Денисевич И.И. 469, 501, 541
 Денисевич И.Н. 48, 67, 70, 75, 84, 110, 150, 169, 172, 173, 180, 189, 212, 223, 231, 253, 254, 258, 278, 289, 310-313, 464, 468, 496, 541
 Денисевичи, семья 170, 172, 190
 Десницкий В.А. 479
 Джордж Л. см. Ллойд Джордж Д.
 Диаманди К. (Diamandy С.) 339, 510, 511
 Дидишка см. Андреев Вад.Л.
 Димитрий Павлович, вел. кн. 549, 554
 Дмитрий Самозванец (Лжедмитрий) 124
 Добров Ф.А. 149, 172, 209, 541
 Доброва (ур. Велигорская) Е.М. 222, 475, 478, 521, 541
 Добровы, семья 110, 200, 204, 214, 253, 533
 Добронравов Л.М. 444, 541
 Донской Б.М. 564
 Достоевский Ф.М. 91, 142, 203, 316, 427
 Дрезен А.К. 433
 Дризен (фон Остен-Дризен) Н.В. 499
 Дрюня см. Андреев А.Н.
 Дуна 241
 Дурново П.П. 432
 Духонин Н.Н. 125, 338, 542

- Дыбенко П.Е. 125, 542
 Дымов (Перельман) О.И. 314, 542
 Дэвис Р.Д. (Davies R.D.) 8, 9, 422, 426, 429, 434, 453, 454, 458, 486, 497, 505, 509, 540
 Дюма А. (Dumas A.) 216, 219, 239, 475
 Дягилев С.П. 503, 542
 Евреинов Н.Н. 485, 542
 Егоров В.Е. 424
 Егорова Л.Н. 373, 542, 558
 Эльвенгрен см. Эльвенгрен Г.
 Еськина Л.А. 475, 486, 492, 495, 497, 502, 504-506
 Ефрем, еп. Селенгинский 459
 Ефрон И.А. 542
 Ефрон С.А. 147, 148, 273, 274, 468, 490, 542
 Ефроны, семья 268
 Жемчужников А.М. 486
 Жемчужников В.М. 486
 Женя, портниха? 210, 221, 474
 Животовский С.В. 371, 373, 518, 519, 522, 528, 542
 Жихарева Е.Т. 438
 Жорес Ж. (Jaurès J.) 467
 Зайцев Б.К. 528, 539, 542
 Зайчик см. Зайцев Б.К.
 Замятин Е.И. 539
 Зелинский В.А. 65, 102, 432, 543
 Зелинский Ф.Ф. 438, 442, 543
 Зенкевич (ур. Андреева) А.И. 172, 221, 222, 256, 465, 477, 478, 485, 543
 Зенкевич С.М. 221, 477
 Зилоти А.И. 294, 497, 543
 Зилоти Д.И. 497
 Зильберштейн И.С. 424
 Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 64, 124, 339, 425, 433, 448, 543
 Золя Э. (Zola E.) 146, 458, 469
 Зубатов С.В. 482
 Ибсен Г. (Ibsen H.) 514
 Иван см. Бунин И.А.
 Иван, рыбац 64, 65
 Иван, сын Вилли «бедного» 48, 215
 Иван IV Васильевич Грозный, царь 351
 Иванов Н.Н. 322, 328, 330, 505, 543
 Иванов Н.С. 77, 94, 222, 478
 Иванов С.В. 151, 319, 320, 322, 326, 495, 503-505, 543
 Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) 113, 428, 543
 Игельстром А. (Igelström A.) 324, 328, 543
 Игнатъев П.Н. 270-272, 489
 Иезуитова Л.А. 18, 426, 474, 479, 480, 520
 Измайлов А.А. 236, 480, 543
 Иконен М. (Ikonen M.), финн, местный житель 45, 48, 49, 60, 71, 74, 76, 77, 88, 91, 93, 100, 239, 256, 258
 Иконен Х. (Ikonen K.), финка, местная жительница 77, 91
 Иконен Ю. (Ikonen J.) 373, 518
 Илья см. Денисевич И.Н.
 Илья Николаевич см. Денисевич И.Н.
 Иорданская (по приемной матери Давыдова, в 1-м браке Куприна) М.К. 10, 74, 375, 427, 428, 445, 458, 484, 500, 501, 519-521, 523, 527, 543, 544
 Иорданский Н.И. 74, 112, 444, 445, 457, 544
 Иорданские, семья 127
 Кайдаров А.К. 438
 Калгаев (иногда: Колегаев) А.Л. 118, 544
 Каледин А.М. 199, 248, 338, 536, 544
 Калмыкова А.М. 447
 Кальца Г. (Calza G.) 546
 Кальюнен Х. (Kaljunen H.) 377, 544
 Камков (Кац) Б.Д. 42, 118, 140, 428, 544
 Каннегисер (иногда: Канегиссер) Л.А. 457, 559
 Каплан М.В. 373, 544
 Каплан (Ройтблат) Ф.Е. 457
 Капнист А.П. 457, 544
 Карахан (Караханян) Л.М. 72, 544
 Кардовский Д.Н. 561
 Карлсон Г. 452
 Карпов, дед Андреева 478
 Картавцев 519
 Картавцева (ур. Крестовская) М.В. 527
 Карташев А.В. 13-16, 171, 187, 274-276, 285, 286, 288, 291, 293, 294, 300, 307, 309, 315, 317, 319, 322, 464, 495, 497, 499-501, 522, 544, 547, 551
 Каун А.Д. (Kaun A.D.) 395, 422, 423, 435, 513, 523

- Кедрин Е.И. 322, 545
Керенский А.Ф. 31, 32, 34, 52, 55, 84, 113, 140, 197, 201, 205, 248, 267, 297, 311, 366, 426, 427, 430, 439, 473, 482, 545, 547, 551
Кипен А.А. 239, 481, 545
Кирдецов Г.Л. 301, 322, 328, 501, 505, 545
Кирилл см. Верещагин К.Д.
Клейнборт Л.М. 564
Клемансо Ж. (Clemenceau G.) 174, 182, 283, 465, 545
Клестов (Ангарский) Н.С. 232, 545
Ковбасенко А.Г. см. Румянцев М.Х.
Козьменко М.В. 470, 473, 478, 480, 493, 500
Коковцов В.Н. 540, 562
Кокоскин Ф.Ф. 563
Коллонтай (ур. Домонтович) А.М. 247, 545
Колумб Х. (Columbus C.) 349
Колчак А.В. 13, 14, 182, 183, 287, 290, 297, 302, 318, 330, 332, 499, 504, 532, 535, 546, 556
Коммиссаржевский Ф.Ф. 501
Комнины, императоры 111, 443
Кондрушкин С.С. 438
Коненков С.Т. 438
Кони А.Ф. 275, 491, 546
Копельман С.Ю. 91, 459, 534
Копенкина (ур. Карницкая) Н.К. 533
Корнилов Л.Г. 55, 114, 118, 140, 197, 204, 338, 366, 440, 452, 457, 539, 542, 546, 555
Короленко В.Г. 10, 114-116, 355, 446, 447, 534, 546
Коронен М.М. 450
Короткина Л.В. 513
Косо В. 452
Костомаров Н.И. 199, 471
Коц А.Я. 426
Краснов П.Н. 426, 551
Кривошеин А.В. 559
Кроль (псевд. Лорк) Г.А. 159, 180, 373, 374, 485, 519, 546
Кроль М. 452
Кроль (псевд. Лорк, ур. Гуревич, во 2-м браке де Кирико, в 3-м Кальца) Р.С. 180, 373, 546
Кромби Ф.Н.А. (Cromie F.N.A.) 512
Крук Э. (Krook E.) 249, 546
Крупская Н.К. 448
Крыленко Н.В. 125, 201-203, 210, 246, 546
Крымов А.М. 482
Крымов Ю. (Беклемишев/Копельман Ю.С.) 534, 546
Кудрявцев А.Н. 222, 478
Кудрявцева (ур. Пацковская) С.Н. 478
Кузмин М.А. 503
Кузьмин-Караваяев В.Д. 15, 16, 183, 279, 288, 304, 495, 499, 501, 547
Кузьмина М.Т. 514, 523
Куинджи А.И. 129, 547
Кук Дж. (Cook J.) 229, 479
Кулиш, семья 224, 479
Куприн А.И. 42, 45, 113, 167, 269, 379, 445, 462, 489, 547, 552
Куприна-Иорданская М.К. см. Иорданская М.К.
Кучеровский Н.М. 513
Лаланг Ж.М.П.Э. де (Lalaing J.M.P.E. de) 151, 460, 547
Лашкевич А.И. 483
Лашкевич Е.И. 483
Лашкевич Н.А. 483
Лашкевич О.И. 483
Лебедев В.И. 75, 76, 547
Левин М. 452
Левитан Я.С. 163, 188, 189, 547, 564
Левитина В. 453
Левка см. Алексеевский Лев А.
Левушка см. Алексеевский Лев А.
Левстрем (Lövnström), владелец дачи 268
Ленин (Ульянов) В.И. 9, 31, 34-36, 43, 52, 54, 55, 64, 68, 74, 79-82, 89, 94, 101, 105, 109, 115, 118, 119, 121, 124, 125, 139-142, 146-149, 166, 175, 197-199, 202, 215, 217, 227, 299, 323, 338, 358, 366, 367, 425, 436, 447, 448, 457-459, 472, 491, 511, 512, 531, 532, 543, 544, 548, 558
Лермонтов М.Ю. 267, 488
Либкнехт К. (Liebknecht K.) 166, 548
Ликардопуло М.Ф. 313, 318, 501, 502, 548
Линдгрэн А.Э. (Lindgren A.E.) 552
Линдберг Л. (Lindeberg L.) 411, 527, 548
Липкин (Череванин) Ф.А. 75, 76, 548
Ллойд Джордж Д. (Lloyd George D.) 174, 283, 340, 341, 465, 548

- Лойцянский Л.Г. 514
 Ломбард Б.С. (Lombard B.S.) 449
 Лопатин Г.А. 31, 548
 Лоренс В.Л. (Laurence W.L.) 501
 Лорк Р.С. см. Кроль Р.С.
 Лосев М.А. 477
 Посева А.А. 221, 477
 Посевы, семья 221
 Луис (Луи) П. (Louys/Louis P.) 317, 503
 Луначарский А.В. 42, 55, 67, 116, 172, 202, 297, 303, 331, 363, 428, 433, 445, 448, 471, 472, 498, 499, 548
 Людвиг II (Ludwig II), баварский король 262, 486
 Людовик XIV (Louis XIV), французский король 303, 499
 Люсик см. Алексеевский Леонид А.
 Люська см. Алексеевский Леонид А.
 Ляцкий Е.А. 267, 273, 275, 281, 490, 510, 514, 548

 Мазини А. (Masini A.) 479
 Майн Рид см. Рид Т.М.
 Маклаков В.А. 249, 277, 280, 483, 548, 549
 Маклаков Н.А. 148, 549
 Максим см. Горький М.
 Мама см. Андреева А.Н.
 Мамаша см. Андреева А.Н.
 Мандель В.С. 253, 549
 Маннергейм К.Г.Э. (Mannerheim С.Г.Е.) 11, 14, 15, 94, 281, 429, 549
 Марат Ж.П. (Marat J.P.) 259
 Маргулиес М.С. 15, 16, 317, 322, 422, 498, 504, 505, 549
 Мардарий (Ускокевич) 270, 489
 Мардарий (Черногорский) 489
 Мария Павловна, вел. кн. 321, 549, 564
 Марков Н.Е. 35, 328, 505, 549
 Маркс А.Ф. 401, 562
 Маркс К. (Marx K.) 31, 55, 69, 82, 84, 120, 243, 425, 428
 Марлитт (Йон) Е. (Marlitt/John E.) 258, 485
 Мартов (Цедербаум) Ю.О. 34, 122, 140, 268, 425, 472, 550
 Маруся, прислуга? 210, 474
 Марш Ф.Г. (Marsh F.G.) 383, 384, 501, 550
 Матвеев С.Н. 533
 Матвей, местный житель 48, 49

 Мать см. Андреева А.Н.
 Мейерхольд В.Э. 546, 550, 561
 Меликов И.А. 274, 550
 Мельгунов С.П. 449, 459
 Менжинский В.Р. 452
 Мережковский Д.С. 38, 75, 167, 196, 269, 427, 443, 462, 550, 560
 Мика см. Иконен М.
 Микеланджело Буонарроти (Michelangelo Buonarroti) 132, 144, 454, 457
 Микко см. Иконен М.
 Мико см. Иконен М.
 Милославский И.М. 125
 Милочка см. Чирикова Л.Е.
 Милюков П.Н. 34, 74, 124, 187, 278, 287, 294, 321, 324, 328, 395, 434, 464-466, 468, 494, 497, 504, 505, 509, 521, 550
 Минин К. 197
 Минна, нянька 239
 Минц И.И. 498
 Мирбах В. фон (Mirbach W. von) 81, 437, 544, 550
 Мирлобов В.С. 430
 Миррилиз А. (Mirrielees A.) 233, 480
 Митрич см. Телешов Н.Д.
 Митрофанов В.П. 541
 Михайловский Н.К. 120, 550
 Морзе С.Ф.Б. (Morse S.F.B.) 512
 Моуд Э. (Maude A.) 464, 465, 505, 509
 Мстиславский (Масловский) С.Д. 113, 550
 Муйжель В.В. 131, 167, 269, 438, 462, 551
 Муравьев М.А. 125, 450, 551
 Мусоргский М.П. 428
 Мюр Э. (Muir A.) 233, 480

 Набоков В.В. 551
 Набоков В.Д. 551
 Набоков К.Д. 14, 321, 325, 328, 504, 551
 Надсон С.Я. 453
 Наполеон I (Napoléon I), французский имп. 473, 498, 535
 Наполеон III (Napoléon III), французский имп. 451
 Нарышкины, род 451
 Наташа см. Андреева Н.М.
 Небе Г. и Ж. (Nebe H. и J.), землевладельцы 439
 Невский В.И. (Кривобоков Ф.И.) 422
 Негретов П.И. 447

- Незлобин К.Н. 555
Немирович-Данченко Вас.И. 438
Немирович-Данченко Вл.И. 218, 246, 314, 551, 557
Никанор, слуга 239
Николай см. Иванов Н.С.
Николай II, имп. 30, 72, 109, 110, 293, 299, 303, 443, 444, 499, 552, 554, 555
Николай Михайлович, вел. кн. 558
Нилус Д.А. 214, 551
Ницше Ф. (Nietzsche F.) 459
Новицкий Г.И. 301, 551
Ностиц Г.И. 151, 551
Ностиц (ур. Бутон, в 1-м браке фон Нимтш, в 3-м де Фернандез-Азабал) Л.К. 151, 547, 551
Нуланс Ж.-Б.Ж. (Noulens J.-В.Ј.) 338, 510, 551
Нюсё см. Андреева А.Ил.
- Оболенская (ур. Гуревич, в 1-м браке Ройхель) С.С. 327, 505, 552
Оболенский А.Н. 151, 552
Оболенский В.Ф. 552
Одье Е. (Odier E.) 511
Огороков А.З. 451
Оль А.А. 99, 110, 147, 169, 208, 230, 231, 239, 240, 252, 256, 258, 441, 458, 552
Оль Г.А. 441, 521, 534, 552
Оли, семья 232
Оль-Дор см. д'Ор О.Л.
д'Ор (Оршер) О.Л. 74, 542
Орацкий, священник 459
Орландо В.Э. (Orlando V.E.) 465, 552
Остроухов А.М. 476
Остроухов И.С. 218, 233, 242
- Павел см. Андреев П.Н.
Павел Александрович, вел. кн. 13, 549
Павлюченков А.С. 438, 448
Павлюша см. Андреев П.Н.
Пашковские, семья 479
Паша см. Андреев П.Н.
Пашетта см. Андреев П.Н.
Пашка см. Андреев П.Н.
Пегу А. (Pégoud A.) 60, 552
Пель А.В. 270, 489
Петерс Я.Х. 517
Петлора С.В. 485
Петр I Великий, имп. 36, 120, 480
Петров-Водкин К.С. 433
Пешкова (ур. Волжина) Е.П. 560
- Пий IX (Pius IX), римский папа 439
Пилацкий А.К. 522
Пильский П.М. 112, 444, 552
Плеханов Г.В. 34, 42, 82, 116, 363, 377, 448, 521 553
По Э.А. (Poe E.A.) 118, 450
Подменер Э. (Podmener E.) 108, 442
Пожарский Д.М. 197
Полешко Н.И. 373, 553
Понсон дю Террай П. (Ponson du Terrail P.) 512
Попов Д.Д. 151, 268, 270, 488, 553
Попов Д.И. 450
Потресов А.Н. 42, 203, 447, 553
Потебня А.А. 539
Потье Э. (Pottier E.) 426
Протопопов А.Д. 74, 148, 155, 160, 455, 553
Пугачев Е.И. 201, 366
Пуришкевич В.М. 34, 135, 434, 439, 455, 553, 554
Путилов А.И. 110, 119, 154, 196, 202, 443, 553
Путятин С.М. 549
Пушкин А.С. 25, 106, 497, 563
Пятницкий К.П. 520, 553
- Радек Р. 452
Радклиф А. (Radcliffe A.) 459
Раев Н.П. 546
Раецкий С.С. 202, 553
Разин С.Т. 82
Разумник см. Иванов-Разумник
Ранки Ю. (Ranki J.) 480
Рантакари К. (Rantakari K.) 157, 158, 291, 460, 553
Распутин (Новых) Г.Е. 154, 435, 444, 549, 553, 554
Рахманинов С.В. 428
Рейснер Л.М. 554
Рейснер М.А. 139, 554, 560
Ремизов А.М. 167, 269, 277, 462, 492, 554
Ремизова (ур. Довгелло) С.П. 492, 554
Репин И.Е. 134, 137, 251, 400, 404, 484, 526, 527, 533, 554, 562
Репин Ю.И. 533
Рерих (ур. Шапошникова Е.И.) 278, 554
Рерих Н.К. 12, 153, 169, 171, 255, 263, 265, 266, 272, 274, 275, 277, 278, 280-282, 284, 287, 314, 315, 321, 326, 329, 330, 333, 349-352, 393, 395, 463, 464,

- 484, 486, 487, 490-496, 502-504, 506,
512-514, 523, 540, 554
- Рерих С.Н. 523
- Реузова Е. 452
- Рид Т.М. (Reid T.M.) 118, 450
- Римка см. Андреева Р.Н.
- Римма см. Андреева Р.Н.
- Ринделл Р. (Rindell R.) 515
- Рихтгофен М. фон (Richthofen M. von)
84, 439, 554
- Робеспьер Ф.-М.-Ж. де (Robespierre
F.-M.-J. de) 72, 124, 259, 454
- Родзянко М.В. 30, 554
- Рождественский Г.П. 147, 458, 561
- Розенфельд И.М. 69, 70, 555
- Романовы, императоры 111, 358, 443
- Ростовцева И.Т. 433
- Рошина-Инсарова (ур. Пашенная) Е.Н.
253, 555
- Рубинштейн М.М. 459
- Руманов А.В. 176, 276, 278, 466, 555
- Румянцев М.Х. 94, 190, 440
- Русланова Л.А. 463
- Рябушинский П.П. 68, 119, 555
- Рязанов (Гольдендах) Д.Б. 471
- Сааринен Э. (Saarinen E.) 552
- Саблин Ю.В. 118, 555
- Савва см. Андреев С.Л.
- Саввка см. Андреев С.Л.
- Савинков Б.В. (псевд. Ропшин В.)
110, 196, 202, 396, 443, 446, 452, 455,
564
- Садыкер А.А. 460
- Садыкер А.М. 150, 151, 460
- Садыкер В.А. 460
- Садыкеры, семья 269
- Сазонов С.Д. 14, 277, 556
- Сайманов (Саманов) П.М. 438
- Самойло А.А. 465
- Самойлов С.Ф. 211, 222, 474
- Сац И.А. 424
- Сашонко В.Н. 491
- Свердлов Я.М. 511
- Северянин И. (Лотарев И.В.) 450
- Севиер Э.Р. 268, 269, 290, 326, 327, 556
- Сейн Ф.А. 356, 556
- Семенов Е. 549, 553
- Семенов, владелец дачи 289
- Семечов В.Я. (псевд. Хан Семик) 454
- Серафим, епископ 504
- Серафим см. Серафимович А.С.
- Серафимыч см. Серафимович А.С.
- Серафимович (Попов) А.С. 200, 204,
217, 218, 222, 224-226, 232, 235, 242,
245-247, 378, 456, 479, 556
- Сергеев, правый эсер 537
- Сергеич см. Голоушев С.С.
- Сереженька см. Голоушев С.С.
- Серов В.А. 254, 484, 556
- Сиренев Ю. 435
- Сиркия (Sirkiä), местный житель
215
- Скабичевский А.М. 65, 432, 556
- Скавениус Г.Р. (Scavenius H.R.) 338,
510, 556
- Скалон В.Е. 248, 482, 483
- Скиталец (Петров С.Г.) 246, 378, 432,
482, 556
- Скобелев М.И. 540
- Скоропадский П.П. 437, 485
- Слезкин Ю.Л. 438
- Слонимский И.Н. 144, 556
- Смидович П.Г. 204, 473, 556
- Сойни Е.Г. 493, 495, 502, 504
- Соколов-Микитов И.С. 454
- Соколовский В.В. 514
- Сологуб (Тетерников) Ф.К. 42, 131,
149, 379, 428, 438, 451, 556
- Сперанская Е.А. 433
- Спиридонова М.А. 556
- Станиславский (Алексеев) К.С. 204,
551, 557
- Степун Ф.А. 459
- Стриндберг А. (Strindberg A.) 512
- Струве П.Б. 13, 14, 267, 488, 557
- Стюарты, короли 111, 443
- Суворов М.Н. 501, 547
- Сулливан А. (Sullivan A.) 478
- Суханов Н. (Гиммер Н.Н.) 34, 139,
140, 432, 472, 557
- Сухомлин В.В. 76, 557
- Сухомлин В.И. 557
- Сухомлинов В.А. 151, 439, 557
- Сыров М.М. 208, 557
- Сытин И.Д. 443, 555
- Тан (Богораз) В.Г. 432
- Телешов Н.Д. 225, 244, 378, 431, 539,
557
- Телешова (ур. Карзинкина) Е.А. 225,
479, 557
- Тиандер К.Ф. (Tiander K.F.) 135, 274,
455, 461, 490, 491, 514, 515, 558
- Тимковский Н.И. 244, 245, 558
- Тинчик см. Андреев Вал.Л.

- Тихонов (псевд. Серебров) А.Н. 167, 382, 461, 462, 558, 562
Толстой А.К. 425, 486
Толстой А.Н. 135, 455, 558
Толстой Л.Н. 45, 65, 429, 432, 439, 464, 535, 558
Толя см. Денисевич В.И.
Тон К.А. 471
Торквемада Т. (Torquemada T.) 120, 132, 451
Трахтенберг В.О. 438
Трепов А.Ф. 13, 488
Троцкая-Сенютович В.П. 15, 108, 149, 151, 153, 154, 158, 406, 527, 558
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 32, 33, 53, 64, 72, 76, 79, 119, 121, 124, 140, 149, 175, 202, 221, 266, 299, 338, 345, 358, 363, 425, 429, 432, 436, 472, 491, 558
Троцкие-Сенютовичи, семья 126, 157, 158, 166, 170, 181, 269, 288, 289
Троцкий-Сенютович В.Н. 15, 16, 108, 151, 153, 154, 158, 275, 304, 499, 558
Трубешкой Н.С. 373, 542, 558
Тумаркин А.М. 540, 558
Тумаркина (ур. Гуревич) А.С. 559
Тумаркины 318, 322, 327
Тургенев И.С. 153, 158
Тхоржевский И.И. 301, 559
Тыркова-Вильямс А.В. 492, 504
Тэффи (ур. Лохвицкая, в браке Бучинская Н.А.) 438
- Уотинен М. (Uotinen M.) 70, 559
Урицкий М.С. 457, 459, 512, 559
Успенский Г.И. 433
Уэллс Г.Дж. (Wells H.G.) 113, 315, 502, 559
- Фальковская Е.А. 48, 74, 162, 164, 175, 230, 289, 307, 313, 320, 321, 326, 474, 480, 496, 500, 501, 504, 519, 559
Фальковский Ф.Н. 7, 8, 17, 74, 76, 162, 173, 187, 188, 289, 323, 326, 332, 333, 372-374, 386, 388, 401, 474, 499, 519, 522, 523, 525-527, 559
Фальковские, семья 127, 137, 162, 164, 181
Фатов Н.Н. 478, 479
Фаусек А. 537
Фейербах Л. (Feuerbach L.) 450
Фейт А.Ю. 76, 560
Фельдман В.А. 541
Фельдман М.В. 496
- Феодосия, монахиня 539
Фигнер В.Н. 102, 442, 560
Философов Д.В. 75, 560
Филька-Рваные Ноздри 201
Фогельвейде В. фон дер (Vogelweide W. von der) 401
Фок А.В. 221, 478
Фокке Д.Г. 482
Франс А. (Тибо А.Ф.) (France/Thibaut A.F.) 113, 560
Фриче В.М. 120, 244, 450, 560
- Хаджетлаше М.-Б. 489
Хвостов А.Н. 148, 439, 535, 560
Хеллман Б. (Hellman B.) 462, 464, 515, 559
Хлебникова Л.М. 462
Ходотов Н.Н. 445, 453
Холодковский В.М. 453, 514, 515
Хомутов, офицер 505
Хорак Р. (Гамза В.) (Horák R./Gamza V.) 502
Храбровицкий А.В. 447
- Цетлин (иногда: Цейтлин) Н.С. 167, 168, 462, 560
Цоликафер М. см. Цолликофер М.
Цолликофер Г.Г. 460
Цолликофер М.С. 153, 460
Цолликофер М. 153, 154, 158
Цолликоферы, семья 153, 154
Цыбульский В.А. 498
- Чайковский Н.В. 277, 560
Чеботаревская А.Н. 438
Череванин см. Липкин Ф.А.
Чернецкий Л. 431
Чернов В.М. 34, 43, 54, 75, 76, 82, 122, 248, 323, 432, 435, 497, 547, 560
Чехов А.П. 118, 475, 535, 561
Чехова (ур. Морозова) Е.Я. 213, 475
Чехова М.П. 475
Чириков Г.Е. 561
Чириков Е.Е. 146, 147, 458, 561
Чириков Е.Н. 74, 127, 129, 135, 432, 441, 453, 561
Чирикова (ур. Григорьева, псевд. Иолшина) В.Г. 98, 127, 441, 561
Чирикова (в браке Ульяннишева) В.Е. 128, 561
Чирикова (в браке Шнитникова) Л.Е. 27, 96-98, 127-130, 134, 135, 137, 160, 178, 188, 424, 453, 454, 561

- Чирикова (в браке Рождественская) Н.Е. 453, 561
 Чириковы, семья 127-130, 137
 Чичерин Г.В. 353, 515, 561
 Чоглоков М.И. 480
 Чуваков В.Н. 506, 513, 520
 Чуковский К.И. (Корнейчук Н.В.) 112, 444, 445, 481, 539, 561
 Чулков Г.И. 539
 Чхидзе Н.С. 30, 561
- Шайкевич А.Е. (псевд. Аш) 147, 154, 166, 168, 170, 172, 269, 278, 284, 405, 458, 467, 491, 492, 562
 Шайкевич (ур. Зубкова) В.В. 461, 558, 562
 Шайкевич (ур. Манасевич) Е.Б. 562
 Шакевич Е.Г. 108, 121, 155, 157, 175, 178, 179, 405, 466, 490, 491, 542, 562
 Шайкевич (ур. Павлова) К.В. 467, 562
 Шайкевич (ур. Манасевич, в 1-м браке Берман) Л.Б. 157, 460, 535, 562
 Шайкевич П.Г. 542
 Шайкевичи, семья 150, 154, 156, 161, 166, 175, 177, 179-181, 268, 269, 288, 289
 Шаляпин Ф.И. 42, 55, 286, 357, 358, 428, 432, 563
 Шатриан Ш.Л.Г.А. (Chatrian C.L.G.A.) 454
 Шахов А. 310, 501
 Шейнман А.Л. 452
 Шереметьев, юноша 80, 436
 Шереметьев А.Д. 151, 156, 170, 183, 184, 288, 322, 326, 491, 563
 Шереметьева (ур. Гейден) М.Ф. 156, 168, 170, 183, 288, 322, 326, 405, 563
 Шингарев А.И. 65, 125, 563
 Ширмаков П.П. 462
 Шмелев И.С. 135, 204, 205, 245, 455, 563
 Шнекенбургер М. (Schneckenburger M.) 526
 Шнитников Б.Н. 561
 Шнитникова Л.Е. см. Чирикова Л.Е.
 Шольц А. (Шефер Т.) (Scholz A./Schäfer T.) 503
 Шопенгауэр А. (Schopenhauer A.) 232, 480
 Штейн Ф.Ф. 424
 Штеренберг Д.П. 438
 Шуберский В.П. 16, 499, 536, 563
 Шура см. Андреева А.М.
- Шастный А.М. 338, 563
 Щегловитов И.Г. 148, 439, 563
 Щеголев П.Е. 74, 211, 563
 Щедрин Н. (Салтыков М.Е.) 107, 142
 Щепанский В.П. (Szczepanski V.) 373, 518
- Эверс Г.-Г. (Ewers H.-H.) 401, 526
 Эдельман Р. 452
 Эдуардова (в 1-м браке Давыдова/Давидова, во 2-м Левитан) Е.П. 159, 160-164, 169, 181, 188, 460, 462, 468, 540, 547, 564
 Эйхгорн Г. фон (Eichhorn H. von) 118, 564
 Эльвенгрэн Г. (Elfvingren G.) 71, 564
 Эльвира, прислуга 77
 Эмилия И[вановна?], гувернантка 77, 173, 186, 207, 215, 240, 257, 436
 Энгельс Ф. (Engels F.) 31, 425
 Эрберг (Сюннерберг) К.А. 438
 Эрве Г. (Hervé G.) 171, 564
 Эркман Э. (Erckmann E.) 454
- Юденич Н.Н. 13-15, 298, 302, 303, 353, 372, 374, 384, 389, 397, 408, 464, 488, 491, 498, 499, 501, 514-516, 524, 545, 547, 549, 551, 555-557, 563, 564
 Юсупов Ф.Ф. 554
- Яворская (ур. де Гюббенет, в 1-м браке Бяратинская, во 2-м Поллок) Л.Б. 508, 513
 Ярошинский К.И. 321, 324, 564
 Ясинский И.И. 113, 445, 564
- Andreyev O.C. см. Андреева О.В.
 Bernstein H. см. Бернштейн Г.Д.
 Bourtzeff V. см. Бурцев В.Л.
 Burcev V. см. Бурцев В.Л.
 Carlisle O.A. 18, 434
 Cervinka V. 510
 Collins D.N. 464
 Davies R. см. Дэвис Р.
 Emmons T. 475
 Front H. 450
 Gorky M. см. Горький М.

- Haas E. de 466
Haas L. de 466
Hellman B. см. Хеллман Б.
Hill E.M. 505
Holman M.J. de K. 464
- Ironside W.E. см. Айронсайд В.Э.
- Jensen B. 510
- Kaun A. см. Каун А.Д.
- Lansbury E. 513
- Massie R.K. 444
Maude A. см. Моуд Э.
Miliukov P.N. см. Милюков П.Н.
- Noulens J.-B.J. см. Нуланс Ж.-Б.Ж.
- Pollock J. 509
Polvinen T. 14, 515
- Roerich N. см. Рерих Н.К.
Rougle C. 442
- Solus 508
Steel R. 503
Strakhovski L.I. 498
Swezey M.P. 444
- Varnai P. 8
Vyubova A. см. Вырубова А.А.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАРТ

Фронтиспис: Л.Н.Андреев. 1910-е.

Л.Н.Андреев. Конец 1910-х.

Дом Л.Н.Андреева в Ваммельсуу: общий вид. 1910-е.

Дом Л.Н.Андреева в Ваммельсуу. Кабинет Л.Н.Андреева. Фотография К.К.Буллы. 1912 г.

Дом Л.Н.Андреева в Ваммельсуу. Столовая. (За столом слева направо: Вадим Андреев, неизвестная дама, А.И.Андреева, неизвестная девочка, Н.М.Андреева (впереди), Л.Н.Андреев, А.Н.Андреева). Стереоскопическая фотография на стекле. 1910-е.

Семейная группа Андреевых (сзади слева направо: А.А.Оль, [Е.М.Доброва?], А.Н.Андреева, П.Н.Андреев, неизвестная дама; впереди слева направо: Л.П.Андреева, А.Ив.Андреева, Лев А.Алексеевский, Р.Н.Андреева, Леонид А.Алексеевский, Д.Л.Андреев, Л.Н.Андреев, Вал. Л.Андреев). Ваммельсуу. Стереоскопическая фотография на стекле. 1910-е.

Л.Н.Андреев с детьми (слева направо: С.Л.Андреев, Вал. Л.Андреев, Вад. Л.Андреев, В.Л.Андреева). Ваммельсуу. 1910-е.

Л.Н.Андреев с А.Н.Андреевой и А.Н.Андреевым. Ваммельсуу. Фотография на стекле. Начало 1918 г.

Л.Н.Андреев с А.Н.Андреевым. Ваммельсуу. Стереоскопическая фотография на стекле. Начало 1918 г.

Вадим Андреев в кабинете Л.Н.Андреева. Ваммельсуу. Стереоскопическая фотография на стекле. Конец 1910-х.

Прокладка тропинки к Черной речке (на фотографии Л.Н.Андреев, Вад. Л.Андреев, С.Л.Андреев и Вал. Л.Андреев). Ваммельсуу. Стереоскопическая фотография на стекле. Июль 1918 г.

Л.Н.Андреев в гостях у С.Л.Гуревича. Слева направо: П.А.Тумаркин, А.С.Тумаркина, Н.А.Тумаркина (впереди), С.С.Оболенская, А.М.Тумаркин, Л.Н.Андреев, Б.О.Гуревич, А.И.Андреева, С.Л.Андреев, В.Ф.Оболенский, Н.Дворкович (впереди), С.Л.Гуревич. Тервус. Август 1919 г.

А.И.Андреева. Тервус. Август 1919 г.

Л.Н.Андреев и И.А.Белоусов. Крым. 1910 г.

С.С.Голоушев. Москва. Фотография К.Фишера. [1900-е гг.].

Семья Чириковых (сзади слева направо: Н.Е.Чирикова, Е.Е.Чириков, В.Г.Чирикова, Л.Е.Чирикова; впереди слева направо: Е.Н.Чириков, Г.Е.Чириков, В.Е.Чирикова). [1910-е].

Л.Е.Чирикова. Портрет карандашом работы И.И.Билибина. Крым. 1919 г.

Е.Г.Шайкевич с Л.Б.Шайкевич. Франция. 1920-е.

Н.Г.Вальтер. Петербург. Фотография Рейсерта и Флиге. [1900-е].

Е.П.Эдуардова-Давыдова. [1910-е].

Кабинет Л.Н.Андреева на даче Ф.Н.Фальковского. Нейвола. Фотография М.Никитина. Териоки. Сентябрь 1919 г.

Л.Н.Андреев на смертном одре. Рисунок работы В.П.Щепанского. Нейвола. 13 сентября 1919 г.

Л.Н.Андреев на смертном одре. Нейвола. 13 сентября 1919 г.

Гроб Л.Н.Андреева в часовне на даче А.П.Горбик. Справа от входа: В.Л.Андреев и Ф.Н.Фальковский. Нейвола. 14 сентября 1919 г.

Церковь и кладбище Картавцева. На первом плане могила Л.Н.Андреева с деревянным крестом. Месякюля. [1920-е].

Памятник Л.Н.Андрееву на кладбище Картавцева. Месякюля. 1930-е.

Памятник Л.Н.Андрееву на Литераторских мостках Волкова кладбища. Ленинград. [1960-е].

«Цари Иудейские». Картина работы Л.Н.Андреева. Пастель. (1918).

Рисунок «Меч мужества» работы Н.К.Рериха на обложке статьи Л.Н.Андреева «S.O.S.». 1919.

Страницы из тетради, в которую А.И.Андреева осенью 1920 переписала дневник Л.Н.Андреева (воспроизведена запись за 2 июня 1918.

Русские военнопленные в Восточной Пруссии. Фотография из книги Kriegsalbum: 22. Sonderheft der «Woche». Berlin. [1914-1915]. S.139.

Карта Южной Финляндии и Финского залива.

Карта Южной части Карельского перешейка.

Содержание

		<i>Прим.</i>
Вступительная статья	7	
ДНЕВНИК	19	
1914-1917 г.г.	21	423
1918 г.	33	426
1919 г.	167	461
ПИСЬМА	193	
1. С.С.Голоушеву, 27-29 октября 1917 г.	195	470
2. И.А.Белоусову, 31 октября 1917 г.	197	470
3. С.С.Голоушеву, 4-5 ноября 1917 г.	199	471
4. С.С.Голоушеву, 13-15 ноября 1917 г.	200	471
5. И.А.Белоусову, 19 ноября 1917 г.	204	473
6. П.Н.Андрееву, 20 января 1918 г.	206	474
7. А.Н.Андреевой, 20 января 1918 г.	207	474
8. С.С.Голоушеву, 15/28 февраля 1918 г.	207	474
9. Льву А.Алексеевскому, 15/28 февраля 1918 г.	209	474
10. А.Н.Андреевой, 17 февраля/2 марта 1918 г.	211	474
11. А.Н.Андреевой, 20 февраля/5 марта 1918 г.	211	474
12. А.Н.Андреевой, 9-10 марта 1918 г.	212	475
13. С.С.Голоушеву, 10 марта 1918 г.	217	475
14. С.С.Голоушеву, 13-14 марта 1918 г.	218	476
15. Г.Д.Бернштейну от А.И.Андреевой, 2/15 марта 1918 г.	218	476
16. А.Ив.Андреевой, 15 марта 1918 г.	219	477
17. А.Н.Андреевой, 15 марта 1918 г.	219	477
18. И.А.Белоусову, 15 марта 1918 г.	223	478
19. А.С.Серафимовичу, середина марта 1918 г.	226	479
20. Льву А.Алексеевскому, 18-26 марта 1918 г.	227	479
21. И.А.Белоусову, 25 марта 1918 г.	232	480
22. С.С.Голоушеву, 25 марта 1918 г.	232	480
23. А.А.Измайлову, 25 марта 1918 г.	236	480
24. А.Н.Андреевой, 26 марта 1918 г.	238	481
25а. А.Н.Андреевой, 30 марта 1918 г.	240	481
25б. А.Н.Андреевой от А.И.Андреевой, 30 марта 1918 г.	241	481
26. А.Н.Андреевой, март 1918 г.	241	481

27. С.С.Голоушеву, 30 марта 1918 г.	242	481
28. С.С.Голоушеву, 7 апреля 1918 г.	246	482
29. А.Н.Андреевой, 25 марта/7 апреля 1918 г.	249	483
30. Л.Н.Андрееву от А.Н.Андреевой, 8/21 апреля 1918 г.	251	483
31. А.В.Амфитеатрову, 4 июля 1918 г.	251	483
32. С.С.Голоушеву, 12/25 июля 1918 г.	252	484
33. С.Л.Гуревичу, 27 августа 1918 г.	254	484
34. А.И.Андреевой и ее ответ, 30 августа 1918 г.	255	484
35. Н.К.Рериху, 30 сентября 1918 г.	255	484
36. П.Н.Андрееву, 13-15 октября 1918 г.	256	485
37. С.С.Голоушеву, осень 1918 г.	259	485
38. С.Л.Гуревичу, 25 октября 1918 г.	260	485
39. С.Л.Андрееву, 29 октября 1918 г.	262	485
40. Л.Н.Андрееву от Г.А.Блоха, 30 октября 1918 г.	262	486
41. Н.К.Рериху, 25 ноября 1918 г.	263	486
42. Н.К.Рериху, 28 ноября 1918 г.	265	487
43. Н.К.Рериху, 3 января 1919 г.	266	487
44. Д.Д.Попову, 8-22 января 1919 г.	268	488
45. Д.Д.Попову, 1919 г.	270	488
46. В редакцию газеты «Северная Жизнь», начало февраля 1919 г.	272	489
47. Н.К.Рериху, 14 февраля 1919 г.	272	490
48. Е.А.Ляцкому, 22 февраля 1919 г.	273	490
49. Н.К.Рериху, 25 февраля 1919 г.	274	490
50. Н.К.Рериху, 1 марта 1919 г.	275	491
51. Л.Н.Андрееву от А.М.Ремизова, 9 марта 1919 г.	277	492
52. Н.К.Рериху, 12 марта 1919 г.	277	492
53. Н.К.Рериху, 19 марта 1919 г.	278	492
54. В.Л.Бурцеву, 21 марта 1919 г.	279	493
55. Н.К.Рериху, 29 марта 1919 г.	280	493
56. Л.Н.Андрееву от Н.К.Рериха, 3 апреля 1919 г.	281	493
57. Г.А.Блоху, 19 апреля 1919 г.	282	494
58. И.В.Гессену, около 19 апреля 1919 г.	283	494
59. Н.К.Рериху, 23-24 апреля 1919 г.	284	494
60. А.В.Карташеву, конец мая 1919 г.	285	495
61. А.В.Карташеву от А.И.Андреевой, 27 мая 1919 г.	285	495
62. И.В.Гессену, 9 июня 1919 г.	286	495
63. Н.К.Рериху, 17 июня 1919 г.	287	495
64. И.Н.Денисевичу, 24 июня 1919 г.	289	496
65. С.Л.Гуревичу, июль 1919 г.	290	496
66. С.Л.Гуревичу, начало июля 1919 г.	291	496
67. С.Л.Гуревичу, 13 июля 1919 г.	292	496
68. А.В.Карташеву, 15 июля 1919 г.	293	497
69. П.Н.Милюкову, 26 июля 1919 г.	294	497
70. А.В.Карташеву, 28 июля 1919 г.	300	499
71. Г.Д.Бернштейну, 28 июля 1919 г.	304	500
72. А.Н.Андреевой от А.И.Андреевой, 1 августа 1919 г.	306	500

73. А.В.Карташеву, 14 августа 1919 г.	307	500
74. В.Л.Бурцеву, 19 августа 1919 г.	307	500
75. В.Л.Бурцеву, 1919 г.	310	501
76. В.П.Денисевич, 20 августа 1919 г.	311	501
77. М.Ф.Ликардопуло, 20 августа 1919 г.	313	501
78. Н.К.Рериху, 22-25 августа 1919 г.	315	502
79. С.Л.Андрееву, 23 августа 1919 г.	319	503
80. С.Л.Андрееву, 25 августа 1919 г.	320	503
81. А.Н.Андреевой, 27 августа 1919 г.	320	503
82. К.Д.Набокову, 30 августа 1919 г.	321	504
83. Н.К.Рериху, 3-4 сентября 1919 г.	321	504
84. Н.Г.Вальтеру, 5 сентября 1919 г.	325	505
85. П.Н.Милюкову, 6 сентября 1919 г.	328	505
86. В.Л.Бурцеву, 6-9 сентября 1919 г.	329	505
87. Обращение к домашним, 9 сентября 1919 г.	332	506
88. Н.К.Рериху, 10 сентября 1919 г.	333	506
89. Л.Н.Андрееву от Г.Д.Бернштейна, 10 сентября 1919 г.	333	507
СТАТЬИ И ИНТЕРВЬЮ (1919)	335	
1. S.O.S.	337	508
2. Держава Рериха	349	512
3. [Финляндия должна быть независимой...]	353	514
4. Интервью с Леонидом Андреевым		
№ 1	355	516
№ 2	357	516
5. Европа в опасности	360	517
ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ	369	
1. <i>Эльве [Л.М.Василевский]</i> К юбилею Леонида Андреева (1918)	371	518
2. <i>С.Животовский.</i> На похоронах Леонида Андреева (1919)	371	518
3. <i>П.О. [С.В.Животовский]</i> У гроба Леонида Андреева (1919)	373	519
4. <i>Мария Иорданская.</i> Эмиграция и смерть Леонида Андреева (Воспоминания. 1920)	375	519
5. <i>Ф.Фальковский.</i> О них должно быть сказано все (1920)	388	522
6. <i>Н.Рерих.</i> Памяти Леонида Андреева (1921)	393	523
7. <i>Н.Рерих.</i> Леонид Андреев. Листы дневника (1937)	395	523
8. <i>И.Г. [И.В.Гессен].</i> Из частной переписки: Последние дни Леонида Андреева (1922)	396	524
9. <i>Л.В. [Л.М.Василевский].</i> Памятная встреча с Л.Андреевым (1922)	397	525
10. <i>Ф.Фальковский.</i> Предсмертная трагедия Леонида Андреева (Из воспоминаний) (1923)	401	526
11. <i>Лео Линдберг.</i> Забытая могила (1933)	411	527
12. Редакция «Журнала Содружества» [Могила Леонида Андреева] (1934)	412	527

ПРИМЕЧАНИЯ	413
Текстологическая заметка	417
Список сокращений	422
Примечания к дневнику	423
Примечания к письмам	470
Примечания к статьям и интервью	508
Примечания к воспоминаниям современников Андреева	518
ANNEX	529
Биографический справочник	531
Указатель произведений Леонида Андреева	566
Указатель газет, журналов и сборников	569
Указатель античных, библейских, литературных, мифологических и других имен	574
Указатель географических названий	575
Указатель личных имен	580
Перечень иллюстраций и карт	593

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

МИНУВШЕЕ. Исторический альманах.

Выпуск 16.

Среди публикаций:

Воспоминания Б.Н.Лосского о русской Праге (1922-1927)

Мемуары С.Э.Радлова о театральных исканиях начала 1920-х

Беседы с И.М.Гронским о власти и литературе в начале 1930-х

Продолжение переписки Пастернаков и Ломоносовых

Воспоминания О.Н.Гильдебрандт о Леониде Каннегисере и материалы к его биографии

Письма Н.А.Бердяева последнего периода его жизни (1930-40-е)

Обширная переписка лидеров кадетской партии во время Гражданской войны

Русские эмигранты в западном кинематографе

Переписка Э.Ф.Голлербаха и И.И.Лазаревского

Дневник А.М.Ремизова 1917-1921 годов

и другие материалы

Объем выпуска — 592 с.

Все публикуемые тексты тщательно откомментированы.

Редкие фотографии.

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

ЛИЦА. Биографический альманах.

Вып. 5

Редактор-составитель А.В. Лавров.

Среди публикаций:

Воспоминания В.В. Шульгина о Гражданской войне

Жизнеописание поэтессы В.Меркурьевой и романистки А.Вербицкой

Переписка Л.Лунца с М.Горьким

Документы к биографии Г.А. Шенгели

С.Н. Булгаков и религиозно-философская печать начала века

М.А. Кузмин осенью 1907

Обзор польской части архива Д.В. Философова, хранящейся в Канаде

Большевистский суд над литератором А.Д. Скалдиным

и другие материалы.

Объем выпуска — 512 с.

Все публикуемые тексты тщательно откомментированы.

Редкие фотографии.

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

НЕВСКИЙ АРХИВ

**Альманах региональной истории.
Вып.2**

**Архивные и малоизвестные материалы
по истории Петербурга-Петрограда-Ленинграда**

Редакторы-составители А.И. Добкин и А.В. Кобак

Среди публикаций:

Петербургские певчие XVIII в.

Как возник Екатерингофский парк

Письма к Г.Шлиману от его жены

Ярославцы в Петербурге: этносоциологическое исследование

Училищный дом Петра Великого — Нахимовское училище

Салон Маковского

Петербургский архитектор Н.А. Марков — строитель Тегерана

Конкуренция между немецким и советскими архитекторами в 1920-е

Иностранцы о городе: питерское детство финского писателя Т.Колиандера; визит французского философа и романиста Селина в Ленинград в 1936

Крестовский остров в 1920-1930-е

и другие материалы.

**Все публикуемые тексты тщательно откомментированы.
Множество редких неизданных фотографий.**

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

IN MEMORIAM

**Сборник статей и публикаций
памяти Ф.Ф. Перченка**

Основное содержание книги — история отечественной интеллигенции и науки в советское время, ряд сюжетов посвящен истории общественной мысли конца XIX — начала XX в.

Рассматриваются механизмы репрессий, адаптации, влияния власти на науку и обратный процесс.

Среди публикаций:

Домашнее окружение С.Г. Нечаева

Дискуссия об античном антисемитизме в 1915

Кадеты и украинский вопрос

Еще раз о гибели Н.С. Гумилева

Документы ОГПУ о «Деле Академии наук» 1929-1931

Детство в Забайкалье: 1920-е

Воспоминания Н.С. Штакельберг о «кружке историков»

Разгром почвоведения: 1937

Судьба гебраиста М.Н. Соколова

На заре кампании против космополитизма

Исповедь Н.И. Конрада

Биографический словарь репрессированных академиков

Как организовать независимое научное сообщество

Программа работы с документами КГБ

Учредители АО «Издательство "Феникс"»

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов

Леонид Андреев
S.O.S.

ATHENEUM • ФЕНИКС

Редактор Е.В. Русакова
Корректор Т.Б. Притыкина
Наборщик И.М. Курдина

ЛР №090022 от 10.X.1991

Подписано в печать 5.10.1994. Формат 60 x 88 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,0 + 2,0 усл. печ.л. вклеек.
Тираж 3816 экз. Заказ №3199

Издательство «Феникс»: 103009, Москва, Тверская ул., 6, стр. 7.

Санкт-Петербургская типография №1 ВО «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.

